

ВЛАДИМИР ХАУСТОВ, ЛЕННАРТ САМУЭЛЬСОН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

СТАЛИН, НКВД И РЕПРЕССИИ 1936—1938 гг.

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

- Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

ВЛАДИМИР ХАУСТОВ,
ЛЕННАРТ САМУЭЛЬСОН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

СТАЛИН, НКВД И РЕПРЕССИИ 1936-1938 гг.

Москва
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4
X 26

Хаустов В., Самуэльсон Л.

X 26

Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. — 432 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1069-6

В монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона на основе архивных документальных материалов рассматриваются проблемы репрессивной политики советского государства во второй половине 1930-х годов. Главное внимание уделяется роли Сталина в руководстве органами НКВД в период подготовки и проведения массовых репрессий, анализируются причины и факторы, влиявшие на ужесточение Сталиным карательной политики. Книга предназначена для всех, кто интересуется вопросами развития российского государства в XX веке.

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1069-6

© Хаустов В., Самуэльсон Л., 2010
© Российская политическая энциклопедия,
2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Массовые репрессии в СССР в 1937–1938 годах вошли в мировую историю XX века как символ преступлений правящего руководства страны против своего народа. Причины и последствия величайшей трагедии стали одной из обсуждаемых проблем истории человечества.

Первые характеристики Сталину, в том числе свидетельства о его роли в ужесточении карательной политики, были даны людьми, хорошо знавшими и часто общавшимися с ним. Изгнанник Л. Д. Троцкий, секретарь Сталина Б. Г. Бажанов, впоследствии бежавший из СССР, наряду с критической оценкой его политической деятельности представили Сталина как человека жестокого и коварного. Троцкий убедительно разоблачил несостоятельность обвинений видных деятелей партии на открытых процессах во второй половине 1930-х годов, расправу с бывшими соратниками по революционной борьбе. Невозвращенцы И. Рейс, Ф. Раскольников опубликовали свои заявления-воззвания, в которых разоблачали репрессии, развернутые Сталиным.

Публичная критика преступлений Сталина в СССР впервые прозвучала в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году, когда были преданы гласности факты организованных Сталиным репрессий. Долгое время содержание этого выступления оставалось секретным для советских людей. В постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» причиной сталинских беззаконий были названы субъективные факторы, документ не содержал критики властной системы. Итоги работы комиссии Политбюро ЦК КПСС, возглавляемой Н. М. Шверником, более детально изучившей ход и результаты массовых репрессий, были также засекречены.

С конца 1960-х и до начала 1980-х годов шел постепенный отход от критических оценок личности Сталина, наблюдалась тенденция героизации его роли и заслуг в отечественной истории.

Определенный перелом наступил во второй половине 1980-х годов в связи с процессом демократизации и развитием гласности в стране. Рассекречивание архивных документов позволило исследователям повысить уровень научного осмысления массовых репрессий. Огромная заслуга в выработке новых подходов в изучении отечественной истории, ломке устоявшихся фальсифицированных стереотипов в освещении событий 1920–1950-х годов принадлежит комиссии Политбюро ЦК КПСС

под председательством А. Н. Яковлева, внесшей огромный вклад в изучение материалов, связанных с репрессиями.

За время, прошедшее после «архивной революции» начала 1990-х годов, появилось довольно много научных трудов, в которых достаточно объективно раскрывались проблемы массовых репрессий 1936–1938 годов, прослеживались их этапы и направленность, было введено в научный оборот значительное количество новых документов. Можно утверждать, что благодаря исследованиям, основанным на новых документальных материалах, выявленных за последнее десятилетие российскими и зарубежными учеными, общество получило вполне ясное представление о том, как разворачивались массовые операции; стали доступными статистические данные о жертвах сталинских репрессий.

В данном исследовании предпринята попытка на основе изучения архива Сталина, материалов о деятельности Главного управления государственной безопасности НКВД СССР показать роль Сталина в организации и проведении жесткого карательного курса во второй половине 1930-х годов.

Авторы руководствовались не заранее заданными идеологическими установками, а желанием объективно рассмотреть и проанализировать — на основе изучения документальных источников — конкретное участие Сталина в подготовке и осуществлении массовых репрессий в исследуемый период. Особую ценность представляют сталинские пометки, резолюции, замечания на документах, которые направлялись ему из наркомата внутренних дел и других ведомств. На основе анализа реакции Сталина можно сделать определенные выводы о целях репрессивной политики, ее ходе и направлениях, выявить его личное влияние на происходившее в стране, проследить процесс постепенного ужесточения политического курса, приведшего к массовым репрессиям 1937–1938 годов.

В связи с этим представляется важной проблема соотношения роли непосредственно Сталина и главного карательного ведомства страны — ГУГБ НКВД СССР в организации массовых репрессий, пределов самостоятельности последнего. Опираясь прежде всего на документальные источники, авторы поставили своей целью подробно раскрыть механизм этого взаимодействия и взаимовлияния, который пока еще недостаточно освещен в исторической литературе и продолжает оставаться предметом дискуссий среди российских и зарубежных исследователей.

Работа основана прежде всего на анализе материалов, прочитанных и оставленных Сталиным в его личном архиве. При подготовке книги главное внимание уделялось той его части, которая сформировалась из материалов, поступавших к нему из НКВД.

В настоящее время основная масса этих документов находится на хранении в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ) и Российском государственном архиве социально-политической исто-

рии (РГАСПИ). В исследовании использованы документальные материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ).

Значительную ценность представляет такой источник, как архивно-следственные дела. Наряду с абсурдными, не подкрепленными никакими, кроме личных признаний доказательствами, обвинениями в шпионской, заговорщической и другой контрреволюционной деятельности, в этих документах содержатся ценные сведения, которые невозможно найти ни в каких других источниках. Репрессированные представители партийно-советской номенклатуры, военнослужащие давали достоверную информацию о положении в различных сферах жизни общества, личных взаимоотношениях, оценки внутренней и внешней политики советского государства, проводимой Сталиным. Эта информация помогает глубже рассмотреть проблемы массовых репрессий в исследуемый период. Архивно-следственные дела на сотрудников НКВД позволяют раскрыть механизм реализации репрессивных мер.

Книга главным образом основана на документах, ранее не введенных в научный оборот. Она является итогом совместной работы двух авторов. Владимир Хаустов исследовал архивные материалы из Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности России и других федеральных архивов. Леннарт Самуэльсон проработал огромные массивы документальных материалов в Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве социально-политической истории. Авторы опирались на публикации отечественных и зарубежных исследователей.

Данное исследование осуществлено благодаря поддержке Королевской Академии наук Швеции в рамках российско-шведского научного сотрудничества. Важное значение при разработке проблемы имели научные труды известных российских исследователей сталинской политики в период массовых репрессий: Н. В. Петрова, А. Б. Рогинского, О. В. Хлевнюка. Авторы благодарны С. В. Леонову за высказанные предложения по уточнению основных положений исследования.

В работе были учтены также обоснованные и аргументированные замечания, содержащиеся в монографиях и статьях не менее известных зарубежных исследователей: А. Гетти, Р. Дэвиса, Р. Маннинг, Т. Мартина, С. Уайткрофта, Ш. Фитцпатрик. Мы благодарны французским ученым Л. Блюму и Н. Верту, уделившим значительное внимание в своих исследованиях интересующей нас проблеме и пригласивших нас на международную конференцию для апробации основных положений данной работы.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей России, лично-стью Сталина и теми драматическими событиями в СССР, которые оставили свой след в мировой истории.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В конце 1930-х годов современники много писали о так называемых «Московских процессах» против старых большевиков 1936–1938 гг., а также о закрытом, даже более загадочном процессе над военными в июне 1937 г. Уже тогда появились интерпретации, которые бытовали в исторической литературе вплоть до открытия архивов в 1990-е годы. Многочисленные дебаты о причинах террора, которые имели место в 1940-е годы на Западе, звучавшие в их ходе объяснения показательных процессов, несомненно, представляют большой интерес с точки зрения истории менталитета западной интеллигенции и общественности тех лет. Но с научной точки зрения, лишь немногочисленные из этих работ представляют ценность для сегодняшнего осмысления механизмов репрессий в период Большого террора. Ведь все эти дебаты обосновывались по преимуществу на данных, полученных от лиц, достаточно далеких от центральных органов, принимавших решения в партии и государстве.

Каким образом западные просоветски настроенные интеллигенты в свое время интерпретировали эти репрессии в СССР можно проследить в анализе Дварзы (Dwarza) о Л. Фейхтвангере, А. Блохе, Г. Манне, Б. Брехте и А. Жиде¹ в работе «Сталинский террор» под редакцией Владислава Хеделера²

Среди литературы этого периода стоит выделить книгу о «русских чистках и добывании показаний», опубликованную под именами Friedrich Beck & V. Godin³. За этими псевдонимами скрывались двое ученых: известный немецкий физик Фридрих Хотерманс (Houtermans) (1903–1966), который с 1935 года работал в Советском Союзе, и профессор Киевского университета историк Константин Штепня (1896–1958). Хотерманс был арестован в декабре 1937 года, а в мае 1940 года его передали Германии по обмену политических пленных. После Второй мировой войны оба они смогли продолжить свою карьеру на Западе. В их книге не только в общих чертах описываются чистки в компартии, советских органах и армии, но также обсуждаются гипотезы и теории, которые уже тогда бытовали для объяснения террора против разных категорий и слоев населения в советском обществе (члены компартии, красные партизаны, военнослужащие, техники и специалисты, иностранцы и «иностранцы агенты», национальные меньшинства, «бывшие люди» и репрессии против собственно

---

¹ Dwarza J.-F. «Deutungsmuster des Grossen Terrors». Berlin, 2002.

² Stalinscher Terror. Eine Forschungsbilanz, Düsseldorf 2002, S. 299–311.

³ Friedrich Beck & V. Godin (pseud.), Russian Purge and the Extraction of Confession. New York 1951.

самого НКВД). Авторы предложили целых семнадцать более или менее вероятных теорий, которые смогли бы объяснить эти чистки.

Тема сталинских репрессий в западной историографии получила новый толчок после разоблачения «культа личности» на XX съезде КПСС. Множество статей, опубликованных в советской печати, послужило основой для книг немецкого историка Геральда Пашера¹, австрийского историка Хельмута Андикса² и в не меньшей степени для классического труда известного английского ученого Роберта Конквиста³.

Роберт Конквист явился первым ученым, который поднял тему «Большого террора» в мировой историографии. Его заслуга состоит в том, что он стал пионером в исследовании данной темы. На огромном количестве ставших доступными для историков источников Конквист проанализировал этапы массового террора, показал направления репрессивной политики советского руководства. Отдавая должное внимание ученому, который стал родоначальником проблемы, следует отметить, что последующие исследователи, опираясь на архивные источники, значительно продвинулись в изучении данной темы.

В отечественной историографии проблема массовых репрессий впервые была освещена в работе Р. Медведева, опубликованной первоначально за рубежом в сокращенном переводе, а чуть позже — на русском языке⁴. В 1990 году автор дополнил фактический материал и книга вышла в СССР⁵. Медведев показал, что организованные Сталиным процессы по шахтинскому делу, делу Промпартии, Союзному бюро меньшевиков, а также процессы 1936–1938 годов, в ходе которых бывшие соратники В. И. Ленина обвинялись во вредительстве, шпионаже и других немыслимых преступлениях, — все это было сфальсифицировано с целью укрепления режима личной власти Сталина. Вклад Медведева в историографию проблемы состоит в том, что он впервые среди отечественных историков начал разработку проблемы репрессий 1937–1938 годов. Его работа стала продолжением тех принципиальных оценок культа личности Сталина, которые прозвучали на XX и XXII съездах КПСС.

Однако автор в своих исследованиях высказывал не основанные на исторических документах предположения о существовавших расхождении-

---

¹ *Paschner G.* // Im Teufelkreis des Terrors: Bolschewistische Gewaltherrschaft unter Lenin, Stalin, Chruschtschow. (В адском круге террора: Большевицкое насильственное господство при Ленине, Сталине и Хрущеве). Boppard/Rhein 1964.

² *Andics H.* Der Grosse Terror Von den Anfängen der russischen Revolution bis zum Tode Stalins, (Большой террор от начала русской революции до смерти Сталина). Wien: 1967.

³ *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purges in the 1930s, London 1968, 2-е изд. The Great Terror: A Reassessment, London 1988, 3 издание с новым предисловием. Oxford 2008. Доступное издание на русском языке сначала в журнале «Нева», а затем Р. Конквист «Большой террор». Рига, 1991.

⁴ *Medvedev R.* «Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism» (London 1971), *Mrdacidea P.* «К суду истории: Генезис и последствия сталинизма», New York 1974.

⁵ *Medvedev P. A.* О Сталине и сталинизме. М., 1990.

ях в ЦК ВКП(б) и даже в Политбюро, где якобы имелись сторонники либерального курса, которые пытались отстаивать свои взгляды и даже противостоять Сталину. Репрессивная политика советского государства рассматривалась Медведевым без выявления причин перехода к ужесточению карательных мер. Автор ограничился выделением определенных групп населения и перечислением незаконно арестованных и расстрелянных представителей партийно-советской номенклатуры, хозяйственных кадров, профсоюзных работников, суда, прокуратуры, кадров Красной армии и др. Материал изложен в виде перечисления различных слоев населения, подвергнувшихся репрессиям, однако массовые операции, обрушившиеся на основную часть населения в работе не рассматриваются.

Французский историк Пьер Бруэ (Pierre Broué) давно интересовался историей большевистской партии, а после открытия российских архивов писал подробно о репрессиях против бывших оппозиционеров — троцкистов, исключенных в конце 1920-х годов из партии, многие из которых погибли в сталинских лагерях¹. Бруэ придерживается установленных Троцким категорий и гипотез для собственного объяснения причин этих целенаправленных истребительных акций 1937–1938 гг.

Тема репрессий в отношении командования Красной Армии стала темой исследования В. Рапопорта и Ю. Геллера. В своей книге «Измена Родине» (М., 1995), ранее изданной в США², авторы объяснили не только «дело Тухачевского», но и выдвигали гипотезы о масштабах репрессий против Красной Армии и тех групп офицеров, против которых в первую очередь были направлены репрессии. Однако их результаты представляются лишь предварительными из-за отсутствия достоверных архивных источников того времени об общем количестве репрессированных в Красной Армии.

В отечественной историографии первые работы по проблеме массовых репрессий и роли Сталина в ужесточении карательной политики были опубликованы в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Появление этих, пополнивших отечественную историографию трудов стало возможным в связи с проведением курса на расширение гласности и укрепление демократических основ советского государства, проводимого первым Президентом СССР М. С. Горбачевым.

Общее изменение общественно-политической ситуации в стране, связанное с перестройкой, развитием демократии и гласности, позволило приступить к исследованиям по данной проблеме, основываясь на исторических источниках, не доступных для советских исследователей в предшествующие годы. К ним в первую очередь относились широко ис-

---

¹ Broué P. Le Parti Bolchevique, Paris, 1963; ero же. Les Procès de Moscou, Paris 1965; ero же. Communistes contre Staline. Massacre d'une génération. Paris, 2003.

² High Treason. Essays on the History of the Red Army 1918–1938. Durham, 1985.

пользуемые зарубежными исследователями воспоминания оппозиционных деятелей, перебежчиков и советологов, например. Л. Д. Троцкого¹.

Первыми научными трудами, в которых значительное внимание уделялось роли Сталина в организации массовых репрессий, стали работы Д. А. Волкогонова и Н. З. Роговина². В своих работах эти авторы концентрируют внимание на репрессиях по отношению к партийно-советской номенклатуре оставляя «за скобками» остальные слои советского общества. За рамками их исследований остались и проблемы сталинского руководства органами НКВД. Существенным недостатком исследований являлось отсутствие архивных материалов, привлечение которых позволило бы сформулировать более доказательные выводы.

Оба исследователя во многом соглашались с оценками личности Сталина, которые давал Троцкий. Анализ репрессивной политики в их работах во многом основан на тех теоретических установках, которые Троцкий высказывал, оценивая события, происходившие в СССР во второй половине 1930-х годов.

Волкогонов представил политический портрет Сталина и показал его роль в развертывании репрессий. Этот труд можно отнести к жанру научно-публицистических работ, поскольку воспроизведение диалогов и бесед Сталина с различными людьми не подкрепляется ссылками на архивные источники. Достаточно объективна характеристика внутрипартийного климата в стране, данная в работе. Волкогонов отмечал, что во второй половине 1930-х годов сложился режим единоличной власти Сталина, определявшего направления развития внешней и внутренней политики государства. Демократические атрибуты были лишь прикрытием «цезаризма» — узурпации власти отдельной личностью.

Главным мотивационным аспектом массовых репрессий автор считает ненависть Сталина к Троцкому, что представляется достаточно упрощенным и спорным, хотя и может рассматриваться в качестве одного из факторов. В любых провалах и неудачах Сталину виделась «рука Троцкого», а троцкизм гипертрофировался до уровня государственной угрозы. Исходя из этого и главную цель московских процессов 1936–1938 годов Волкогонов видел в разоблачении Троцкого.

Работам Волкогонова концептуально близки труды В. З. Роговина, который главное внимание уделил исследованию московских процессов 1936 и 1937 годов, механизма их подготовки. В целом он объективно оценивал определяющую роль Сталина, контролировавшего деятельность НКВД и дававшего конкретные указания относительно хода следствия. Роговин оперировал опубликованными материалами Комиссии Политбюро ЦК КПСС по реабилитации жертв политических репрессий. Он пришел к вы-

---

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. В 2-х кн. М., 1990; его же. Преданная революция. М., 1990.

² Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. Ч. 1–2. М., 1989; В. З. Роговин 1937. М., 1996; его же. Партия расстрелянных М., 1997.

воду, что, выдвигая обвинения против представителей партийно-советской номенклатуры во вредительстве, сталинское руководство стремилось представить этот слой ответственным за срыв производственных планов, за нищенское существование рабочего класса и крестьянства.

Роговин разделяет позицию Троцкого и главную причину репрессий 1936–1937 годов усматривает в борьбе появившегося при Сталине нового бюрократического слоя с представителями старой ленинской гвардии, участвовавшей в революции и якобы находившейся в оппозиции вождю партии. Признавая наличие в стране антикоммунистических элементов, автор, однако, не считает их основным объектом репрессий. Такая точка зрения характерна и для других исследователей. Так, например, М. С. Восленский также отмечал, что «Сталин отлично видел, как взращенные им номенклатурщики со злобной ненавистью поглядывали на чуждых и антипатичных им дряхлеющих ленинцев, у которых еще остались следы каких-то убеждений, помимо понятной сталинцам жажды занять пост повыше, насладиться властью и хорошей жизнью. Сталин сознавал, что нужен только сигнал, и его выкорышки бросятся волчьей стаей и перегрызут глотки этим слабоватым, а потому незаконно занимающим руководящие посты старым чудакам»¹.

Аресты военного руководства в Красной Армии Роговин также объясняет главным образом субъективными факторами. По его мнению, самостоятельные и независимые представители высшей военной элиты, считавшие себя выдающимися полководцами и знавшие истинную цену военным «талантам» Сталина, могли встать во главе заговора. Одновременно и Роговин, и Волкогонов в качестве серьезной причины для ареста группы военных во главе с М. П. Тухачевским, рассматривают имевшую, по их мнению, место провокацию германских спецслужб, подбросивших компрометирующие материалы на высший командный состав. Следует заметить, что эта версия до настоящего времени не подтверждена никакими документальными материалами.

«Архивная революция» начала 1990-х годов позволила исследователям получить доступ к ранее секретным документам. Политическая обстановка в стране способствовала тому, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 года с материалов, непосредственно связанных с политическими репрессиями, были сняты ограничительные грифы. В результате произошел существенный поворот в сторону более углубленного изучения проблемы массовых репрессий.

Открытие фондов архивов привело к публикации прежде всего сборников документов, позволивших историкам издать труды, в которых репрессивная политика советского государства представлялась более детализированной и аргументированной. На смену работам, основанным прежде всего на мемуарах перебежчиков из СССР, пришли научные исследования, базировавшиеся на архивных источниках.

---

¹ *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 93.

Среди российских исследователей, обогативших отечественную историографию, следует выделить работы О. В. Хлевнюка. В них представлена концепция массовых репрессий, которая существенным образом отличалась от выводов его предшественников. Прежде всего автор доказал, что репрессии были результатом спланированной Политбюро ЦК ВКП(б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны, «генеральной чистки» советского общества. «Как показывают многие факты, — подчеркивает ученый, — кадровые чистки и «большой террор» 1936–1938 гг. имели в основном единую логику. Это была попытка Сталина ликвидировать потенциальную «пятую колонну», укрепить государственный аппарат и личную власть, насильственно «консолидировать» общество в связи с нарастанием реальной военной опасности (эскалация войны в Испании, активизация Японии, возрастание военной мощи Германии и ее союзников). Все массовые операции планировались как настоящие военные действия против врага, хотя еще не выступившего открыто, но готового сделать это в любой момент»¹. Исследования Хлевнюка базировались на всестороннем изучении архивных материалов и послужили определенным фундаментом для дальнейших исследований проблемы массовых репрессий в СССР. В его работах нашли отражение и некоторые аспекты деятельности органов НКВД. Основное внимание Хлевнюк уделил такой теме как смена руководства НКВД, которая стала результатом политических решений Сталина в связи с изменениями курса и карательной политике². В дальнейшем Хлевнюк детализировал причины, механизм массовых репрессий в многочисленных статьях³.

Тема политических чисток в компартии была центральной в диссертации американского историка А. Гетти (1979). Главные тезисы им были сформулированы несколько позже в книге, которая в середине 1980-х вызвала обширную дискуссию среди западных историков. На базе архивных данных одной лишь Смоленской области (т. н. трофейный Смоленский архив в Вашингтоне DC) Гетти пришел к выводу, что не Политбюро ЦК ВКП(б), а скорее региональные власти играли важнейшую роль в терроре 1937 года (диссертация 1979 г. (Ph.D.), опубликована в Кембридже в 1985 г.)⁴. Хотя Гетти вовсе не отрицал роли Сталина в событиях, однако

---

¹ Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433.

² Хлевнюк О. В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; его же. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы М., 1996.

³ Les mecanismes de la «Grande Terror» de années 1937–1938 au Turkménistau // Cahiers de Monde russe. 1998 vol. 39, N 1–2. С. 197–208; The Peasons for the «Great Terror»: The Right-Political Aspect // Russia in the Age of Wars, 1914–1945 / Ed. By Pons S., Romano A. — Milan, 2000. С. 159–169; Party und NKVD: Power relationships in the years of the Great Terror // McLoughlin B., McDermott K. (Ed) Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. N. Y, 2003. С. 21–33 и др.

⁴ Getty J. Arch. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938.

преуменьшение его роли в ключевых событиях, явилось сильным вызовом господствующим интерпретациям (по теории тоталитаризма). Надо подчеркнуть, что вопреки бытующей версии о «ревизионизме» Гетти, он вместе с советскими учеными уже в конце 1980-х годов создал базу данных по советской номенклатуре для того, чтобы вычленил достоверно, сколько на самом деле пострадало и в каких учреждениях от репрессий. Итоги его исследований, а также других западных исследователей, в период до открытия архивов, были подведены в антологии «Сталинский террор. Новые перспективы»¹. В этой книге на основе тех немногих архивов, которые были известны в США (т. н. Смоленский архив и Архив Троцкого в Гарвардском университете), была дана критическая оценка традиционной парадигмы тоталитаризма, а также предполагаемого истолкования масштабов и разновидностей террора. Стоит напомнить, что тогда при отсутствии архивных документов число жертв «Большого террора» приходилось учитывать по телефонному каталогу «Вся Москва» за 1936 и 1939 гг.

Следует выделить очерк Роберты Маннинг об экономических причинах репрессий против советской номенклатуры. Ее интерпретация репрессий как следствия замедления экономического прироста позже была подвергнута критике уже после выявления новых архивных материалов в статье английского ученого Роберта Дэвиса, который был среди первых, кто в 1990-е годы провел фундаментальное архивное исследование по этому вопросу².

Гетти в свою очередь продолжил исследования о терроре и в книге, написанной совместно с О. В. Наумовым, выдвинул гораздо более документально обоснованные объяснения политических процессов и чисток 1936–1938 гг.³.

Исследование проблем массовых репрессий проходило по различным направлениям. В значительном количестве работ, опубликованных во многих областях СССР и странах ближнего зарубежья, с достаточной полнотой раскрывается механизм репрессивной политики⁴.

Эти исследования, опирающиеся на архивные документы, посвя-

---

¹ *Getty J. Arch. & Manning R. T. (red.), Stalinist Terror. New Perspectives*, Cambridge 1993.

² «The Soviet Economy and the Launching of the Great Terror», в *Stalin's Terror Revisited*, red. Ilic M., London 2006, S. 11–38).

³ *Getty J. Arch. Naumov O.: «The Road to Terror: The Self-Destruction of the Bolshevik Party»*, New Haven 2000.

⁴ *Чухин И. И. Карелия-37: Идеология и практика террора*. Петрозаводск, 1994. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 50-х гг. – Н. Тагил, 1996. т. 1; Репрессии 1920-1930-х гг.; Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР) СПб, 1997; *Панков С. А. Сталинский террор в Сибири: 1928–1941*. Новосибирск, 1997; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ 1997; и др.

щены непосредственно проведению массовых репрессий в регионах СССР. Авторы всесторонне проанализировали направления карательной политики, механизм взаимодействия между органами партийной власти и НКВД, различные аспекты проведения репрессивных акций. Так, С. А. Папков на примере Западно-Сибирского края показал взаимоотношения между первым секретарем крайкома и начальником управления НКВД, инициативы партийных работников в ходе реализации репрессий согласно установкам центра, раскрыл основные направления деятельности органов госбезопасности, которые в данный период основные усилия направляли на борьбу со своим народом. В монографии В. А. Иванова проблемы репрессивной политики рассмотрены новаторски. Одним из первых он дал определение понятия «массовые репрессии», показал их сущность и отличие от карательной политики предшествующего периода.

Историки стали уделять больше внимания конкретным операциям. Классический пример рассмотрения операций по инациональностям представлен статьями А. Б. Рогинского, Н. В. Петрова и Н. В. Охотина¹. От констатации фактов и событий массовых репрессий авторы перешли к детальному изучению причин, особенностей хода проведения репрессий в отношении инациональных групп населения страны. Опираясь на значительный объем впервые вводимых в научный оборот архивных документов и статистических данных, авторы представили достаточно детальную, подробную и объективную картину происходившего.

Проблема репрессий против командного состава Красной Армии была и остается объектом изучения начиная с 1960-х годов. Первоначально, в период хрущевской «оттепели» появились исторические исследования биографического характера, в которых раскрывались роль и значение представителей высшего командного состава армии, внесших значительный вклад в становление и укрепление РККА.

В современной историографии проблема «военно-фашистского заговора», репрессий против командного и рядового состава Красной Армии получила свое дальнейшее развитие. Следует выделить работы историков О. Ф. Сувенирова, С. Т. Минакова, Н. С. Черушева². Безусловным достижением в деле восстановления исторической правды о масштабах репрессий в Красной Армии являются работы Черушева³. Он основательно и аргументированно опроверг некоторые тезисы новой научно-популярной литературы о якобы реальном заговоре, а также опроверг

---

¹ На истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. (Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75); «Польская операция» НКВД 1937–1938. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

² Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998; Минаков С. Т. Сталин и много генералов. М., 2005; Черушев Н. С. Невинных не бывает... Чекисты против народа. 1918–1953. М., 2004.

³ Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003.

миф о значительном числе военных — офицеров и солдат, освобожденных до Великой Отечественной войны¹.

Все указанные авторы использовали в основном материалы надзорного производства Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР. Аналитические справки свидетельствуют, что обвинения в отношении высшего командного состава были фальсифицированы сотрудниками органов НКВД. Черушев уже в подзаголовке своего исследования указывает, что чекисты выступали против военных на протяжении 1920–1950-х годов. Однако автор должен был учитывать особенности политической системы советского государства. Сотрудники НКВД выполняли заказ правящей коммунистической партии и информировали высшее партийное руководство о настроениях в Красной Армии. Аресты высших красных командиров не могли производиться без санкции партийных органов и вышестоящего руководства, то есть, прежде всего наркома обороны Ворошилова. Безусловным достижением работы Черушева является убедительное доказательство того, что никакого «военно-фашистского заговора» в Красной Армии не существовало, а обвинения базировались на заранее подготовленных материалах, составленных сотрудниками НКВД. Можно полностью согласиться с выводом Черушева, что разработка и аресты военнослужащих Красной Армии и Флота имели перманентный характер. В этом плане работы Черушева были определенным продолжением исследования Сувенирова.

В данных работах, однако, мы не находим четко обозначенных причин массовых репрессий в Красной Армии. Выводы и обобщения не представлены в концентрированном виде, в силу этого читателю трудно получить ясное представление о причинах резкого усиления карательной политики в период 1937–1938 годов в Красной Армии.

Существенным недостатком работ указанных авторов является то, что в них не используются новые архивные документы. Характер изложения материала не дает представления о том, как начинались репрессии в Красной Армии в середине 1930-х годов, каковы были побудительные мотивы у высшего партийного руководства страны для ужесточения карательных акций. Репрессивная политика против высшего командного состава Красной Армии представлена в отрыве от анализа социально-политических процессов в СССР, которые дают понимание того, как ситуация в стране влияла на усиление репрессий в отношении военнослужащих.

При этом огромное количество фактического материала о репрессиях против красных командиров превалирует над аналитическими размышлениями, в частности, о причинах резкого изменения курса карательной

---

¹ Черушев Н. С. 1937 год: Был ли заговор военных? М., 2007; его же. Из ГУЛАГа в бой, М., 2006).

политики. Выводы, например, Минакова о том, что высшая элита оказывала давление как на внутривластные процессы, так и на внешнеполитические, требовала изменения политического курса, настаивала на передаче поста наркома обороны — одного из ключевых постов в высшем руководстве страны — представителю военных профессионалов не подкрепляются убедительными доказательствами. Эти выводы, как и утверждения о «военном заговоре», являются результатом мифотворчества исследователя. Критика позиций оппонентов, недовольство конкретным положением и ролью отдельных руководителей не являются основанием для выводов о формировании заговора¹. Вместе с тем, достаточно трудно понять механизм принятия Сталиным решений об эскалации арестов, факторы, повлиявшие на его решения о репрессиях среди военнослужащих.

В новейших публикациях исследуется роль Сталина в репрессиях 1937–1938 годов, детально анализируются кадровые перестановки в Военном совете НКО, но не ставится задача выявить комплекс причин, приведших к трагическим для Красной Армии последствиям. Уделяется, в частности, большое внимание субъективному фактору, то есть личности Сталина, который «развернул масштабную чистку РККА с целью избавления от авторитетных, мыслящих военачальников, сделав ставку на дисциплинированных, преданных лично ему командиров»². Появляющиеся новые работы по данной проблеме, несмотря на использование отдельных новых архивных документов, не способствуют углублению и расширению исторического знания³.

Неослабевающий интерес к личности Сталина приводит к появлению новых исследований. В их числе — книга английского историка А. Буллока, в которой автор акцентирует стремление Сталина укрепить свою единоличную власть, ликвидировать любые формы оппозиции, создать новую партию, отвечающую его взглядам⁴. Буллок оперирует теми данными, которые содержатся в мемуарах А. Орлова и В. Кривицкого, добавляя ряд положений из выступлений Н. С. Хрущева на XX съезде партии. В его работе приводится достаточно интересное объяснение причин переход Сталина к массовым репрессиям: Буллок отмечает совмещение в личности Сталина двух аспектов — психологического и политического. Его психологические особенности заключались в том, что он мог легко убедить себя в существовании угрозы. Отсюда проистекала его вера признаниям и самооговорам арестованных. Политическая составляющая в воззрениях Сталина пред-

---

¹ Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 711–712.

² Печенин А. П.. Сталин и военный совет. М., 2007. С. 157.

³ Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

⁴ Bullock A. Hitler And Stalin. Parallel Lives. London 1991. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь великих диктаторов. Смоленск, 2000. В 2-х т. Т. 2

полагала лишь одно объяснение его действий: он был уверен, что в стране сформировался заговор, в который вовлечены представители различных институтов власти.

К сожалению, отсутствие ссылок на архивные материалы снижает ценность исследования. Автор приводит астрономические данные о количестве репрессированных; эти цифры «гуляли» по многим работам, вышедшим до открытия российских архивов в начале 1990-х годов.

Доступ к ранее закрытым архивным материалам послужил дополнительным толчком для исследования другой обширной темы — сравнительный анализ сталинизма и нацизма. Гораздо более широкие общественно-политические перспективы для изучения этой темы раскрыты английским историком, экспертом по германской военной экономике 1940-х годов Ричардом Овери¹. Он исследует проблему формирования связки партия — государство в СССР и нацистской Германии, отвечает на вопрос, в чем сходны и чем отличались сталинский и нацистский террор, а также каковы были общественные и военно-экономические предпосылки двух диктатур. В главах о Советском Союзе автор ссылается на новейшую литературу и придерживается известного английского объективизма. Его изложению чуждо то морализаторство, которое характеризует иные западноевропейские сравнительные анализы Советского Союза и нацистской Германии.

Более подробно, в отличие от Булока, личность Сталина и его репрессивную политику анализирует в своей работе американский историк Р. Такер². Наряду с традиционным рассмотрением роли Сталина в подготовке процессов над бывшими оппозиционерами автор пытается реконструировать психологическую атмосферу в стране в период массовых репрессий. Достаточно спорными и фактически ничем не подтвержденными являются его утверждения о том, что к концу 1938 года НКВД имел досье на все взрослое население СССР, а также вывод о всеобщем характере доноительства.

Важно отметить, что о роли Сталина и НКВД в организации массовых репрессий первоначально говорилось лишь в мемуарах перебежчиков³. Значение этих воспоминаний настолько велико, что их необходимо отметить в историографии проблемы. Долгое время они были единственным источником для западных исследователей. Содержавшиеся в них оценки и факты о конкретных направлениях деятельности советской разведки за рубежом во многом достоверны.

---

¹ *Richard Overy, The Dictators. Hitler's Germany, Stalin's Russia.* London, 2004, главы 4,5 и 14.

² *Tucker R. Stalin in Power. The revolution from above 1928–1941.* New-York—London, 1990.

³ *Кривицкий В. Г. Я был агентом Сталина.* М., 1998 (впервые на английском языке New York, 1939); *Орлов А. (The Secret History of Stalin's Crimes, New York 1956). Тайная история сталинских преступлений.* М., 1991.

Особенно подробно эти проблемы освещены в книге В. Кривицкого. Однако детальное представление внутривластных процессов, связанных с участием Сталина и НКВД в массовых репрессиях, опирается в основном на предположения и лишь в минимальной степени подтверждается архивными материалами. Выводы А. Орлова об уничтожении тысяч «ягодинцев», знавших о фальсификации процессов 1936–1937 годов, о существовании массовой оппозиции Сталину среди партийно-советской, хозяйственной номенклатуры, среди рабочих и крестьян, детали бесед Сталина с сотрудниками НКВД, не подкреплены реальными документами. Вместе с тем В. Кривицким достаточно убедительно раскрыта мотивация поведения Сталина, который требовал от НКВД получения необходимых признаний от высшей партийно-советской элиты на московских процессах о шпионско-вредительской деятельности.

Изучение проблем массовых репрессий на современном этапе характеризуется появлением разноплановых работ. С одной стороны, авторы пытаются создать собственную концепцию роли Сталина в руководстве НКВД, однако в качестве источников они используют лишь опубликованные документы, не осуществляя самостоятельного поиска в архивах. В результате такие исследования базируются на материалах, в которых лишь частично отражается многоплановая деятельность Сталина, у которого руководство органами НКВД в период массовых репрессий являлось лишь одним из направлений деятельности. Кроме того, выводы многих авторов базируются на ограниченном круге источников, следствием чего является их недостаточная аргументированность.

Появившиеся после открытия архивов фундаментальные сборники документов позволили ряду исследователей поставить задачу осветить роль НКВД в реализации установок правящей партии на ужесточение репрессий, попытаться раскрыть роль Сталина. Одной из таких работ является книга Л. Наумова¹. Основное внимание автор, однако, уделяет не анализу репрессивной политики, а кадровым изменениям в руководящем составе НКВД. Стремление представить большое количество фактов о кадровых перестановках не способствует осмыслению нового курса в карательной политике советского государства. Свою главную цель автор видит в том, чтобы пересказать содержание новых документов, и в итоге вместо анализа задач, которые высшее руководство страны ставило перед органами государственной безопасности, мы видим лишь перечисление различных клановых групп. Выводы автора исследования часто необоснованны и являются в большей степени умозрительными, не подкрепленными документальными материалами.

---

¹ Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М., 2007.

Появились работы, в которых в научный оборот вводилось значительное количество новых архивных документов, характеризующих основные направления деятельности органов НКВД в период массовых репрессий¹. Однако отсутствие анализа документов приводит к тому, что содержание приказов и циркуляров трактуется согласно оценкам, характерным для периода 1937–1938 годов, а авторская позиция остается абсолютно нейтральной. Преобладает описательный характер изложения материалов.

Подробный статистический и политический анализ последующих волн репрессий содержится в ряде статей 1990-х годов английского историка С. Г. Уайткрофта (S. G. Wheatcroft), который давно занимается проблемами советской статистики и экономической истории. Уайткрофт одним из первых подверг существенной критике те версии, которые бытовали в западной советологии до 1970-х годов. Когда архивы стали общедоступными, оказалось, что его «ревизия» количества заключенных в ГУЛАГе, жертв голода 1932–33 гг. и сталинского террора гораздо ближе к истине, чем оценки, доминирующие в период Холодной войны. Итоги некоторых его исследований, посвященных проблематике политических репрессий в СССР, подведены в ряде публикаций².

В современных исторических работах авторы выдвигают порой собственные оригинальные идеи об изменениях карательной политики в исследуемый период и роли Сталина в политической жизни страны. Так, Ю. Н. Жуков предполагает, что Сталин задумывал проведение радикальных изменений в избирательной системе, но представители высшей партийной номенклатуры боялись выборов на альтернативной основе и не принимали установки Сталина. Однако автор не учитывает, что во второй половине 1930-х годов Сталин создал внутри правящей партии такую систему, что среди партийного ареопага не было никаких признаков существования не только каких-либо оппозиционных групп, но даже элементов открытой мягкой товарищеской критики вождя. В связи с этим вряд ли уместно говорить о нанесении Сталиным превентивного удара по партийной номенклатуре, которая собиралась саботировать принятие нового избирательного закона³.

Интересный и объективный анализ роли Сталина в период массовых репрессий предпринял специалист по российской истории американский историк Х. Куромия⁴. Первоначально он обратился к исследованию ре-

---

¹ См., например: *Мозолин О. Б.* Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

² «Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings» и S. G. Wheatcroft (red.) Challenging Traditional Views of Russian History. London: Palgrave 2002. S. 112–146.

³ *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000; его же. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–37 гг. М., 2003 и др.

⁴ *Kuromiya H.* Stalin. Profiles in Power. Pearson Longman, 2005.

прессий на региональном уровне, что позволило ему лучше понять процессы выработки политических решений Сталиным¹.

Историк уделяет внимание объективным факторам, приведшим к разворачиванию террора. Он полностью разделяет точку зрения о предвоенном состоянии СССР, возможной угрозе войны на два фронта, обстоятельствах, которые по мнению ряда исследователей явились причиной разворачивания массовых карательных операций против потенциальной, на взгляд Сталина «пятой колонны». Именно в этом контексте он рассматривает операции против антисоветских элементов и так называемые национальные операции. Он выделяет проблему подготовки Сталиным общественного мнения о возрастающей роли коварных иностранных разведок, якобы заполонивших страну, подчеркивает боязнь им бонапартистских устремлений со стороны высшего командного состава. Главу, посвященную Большому террору, отличает краткое и емкое изложение основных направлений репрессий, отраженных достаточно аргументированно и убедительно. Куромия также анализировал ряд отдельных протоколов над осужденными на Украине и выявил механизмы фабрикации ложных обвинений, а также те самые типичные мотивировки, которые могли стать причиной ареста и осуждения².

Подробный анализ методов НКВД на основе личного дела от ареста, через допросы и последующие показания до суда, сделал Павел Чинский³. Близкими по содержанию и аргументации стала работа Д. Пристланда⁴, а также статьи коллектива авторов, которые провели в начале 2000-х годов конференцию по проблеме сталинского террора: вступительная статья Б. Маклохлина (B. McLoughlin) и К. Макдермота (K. McDermott) «Переосмысливая сталинский террор» и обзорная статья Маклохлина о массовых репрессиях⁵.

Пристланд отмечает, что на протяжении предшествующего массовым репрессиям периода насилие являлось составляющей частью сталинской внутренней политики. Основное внимание в его работе уделяется репрессиям среди представителей партийно-советской номенклатуры и хозяйственных руководителей, кратко освещается проблема террора

---

¹ *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbass: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge, 1998.

² *Kuromiya H.* The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s, New Haven 2007

³ *Parcel Chinsky,* Micro-histoire de la Grande Terreur: La fabrique de culpabilit  l' re stalinienne. Paris. 2005.

⁴ *Priestland D.* Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in interwar Russia. Oxford, 2007.

⁵ *McLoughlin B., McDermott K.* Rethinking Stalinist Terror. — В кн.: *Stalins Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union.* Basinstoke, 2006. S. 1–18; там же: *Mass operations of the NKVD, 1937–38.* S. 118–152.

среди основной массы населения. В антологии «Сталинский террор» следует отметить переводы статей российских ученых А. Рогинского, Н. Петрова, А. Ватлина, а также статью В. Хеделера о роли Ежова в организации показательного процесса 1938 года¹. Репрессии против деятелей Коминтерна рассмотрены в статьях Ф. Фирсова и Б. Унфрида². Тема репрессий против иностранных граждан, будь то члены компартии или политэмигранты, широко представлена в немецкой, американской и итальянской историографии³.

Итоги исследования другой группы английских исследователей подведены в антологии «Переосмысление сталинского террора»⁴, где, помимо уже упомянутой статьи Роберта Дэвиса об экономике и Большом терроре, следует отметить статьи М. Илич (M. Ilic) и К. Джойса (C. Joyses) о региональных аспектах террора 1930-х годов. Немецкие историки, которые исследовали разные аспекты сталинского террора и репрессии против немецких коммунистов-эмигрантов в СССР, представлены в антологии под редакцией В. Хеделера⁵.

Роль Сталина в массовых репрессиях историки исследуют и в других работах, в частности, посвященных руководителям НКВД. Самой изученной на сегодняшний день является личность и деятельность наркома внутренних дел Н. И. Ежова⁶.

Наиболее значимым трудом, в котором фигура наркома представлена на фоне общей политики, проводимой в СССР в исследуемый период, является глубокое и объективное исследование Н. Петрова и М. Янсена. Впервые их книга была опубликована в 2002 году издательством Гуверовского института войн, революции и мира. Авторы, анализируя деятельность Ежова, представили всестороннюю картину его участия в подготовке и проведении массовых репрессий 1937–1938 годов, показали взаимоотношения между Сталиным и послушным ему аппаратом НКВД, возглавляемым Ежовым. На многочисленных, впервые вводимых в научный оборот документах из архивов Президента Российской Федерации, ФСБ России и

---

¹ Ezhov's scenario for the Great terror and the Falsified scenario of the third Moscow show trial, S. 34–56).

² Firsov F. Unfried B. Dimitrov, the Komintern and Stalinist repression, 56–80, Foreign communists and the mechanism of Soviet cadre formation in the USSR. S. 175–198.

³ См. например: Chase W. Enemy at the Gates: The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939, New Haven 2001; Dundovich E. Tra Esilio e castigo. Il Komintern, il PCI e la repressioni degli antifascisti italiani in URSS (1936–38). Roma, 1998.

⁴ Stalin's Terror Revisited, Red. M. Ilic, London, 2006.

⁵ Hedeler W. (red). Stalinscher Terror. Eine Forschungsbilanz, Düsseldorf: BasisDruck, 2002.

⁶ Ковалев В. Два наркома. М., 1995; Полянский А. И. Ежов: История «железного» наркома. М., 2001; Паалюков А. Ежов. Биография. М., 2007; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Нарком Ежов. М., 2007.

других в работе представлены различные этапы карательной политики, апогеем которой были массовые репрессии 1937–1938 годов. В изучении механизма «Большого террора» труд Петрова и Янсена стал существенным и определяющим в понимании того, как Сталин определял, а его «питомец» Ежов реализовывал установки по «генеральной чистке» страны. Данную работу отличает от всех предшествующих исследований опора на тщательное исследование и анализ документальных материалов из архивов Президента Российской Федерации и Центрального архива Федеральной службы безопасности России. Репрессивная политика рассматривается во взаимосвязи с детальным анализом механизма реализации указаний Сталина в процессе разработки и выполнения операций по различным направлениям репрессивной политики. На фоне остальных исследований личности и деятельности наркома внутренних дел Ежова данная работа выделяется максимальной фундированностью, использованием широкого круга архивных материалов, обоснованностью аргументов и выводов относительно изменений в карательной политике. Введение в научный оборот новых документальных материалов, в том числе приводимых Ежовым статистических данных, делает эту работу на долгие годы важнейшим исследованием по массовым репрессиям.

В исследованиях, посвященных различным аспектам деятельности Ежова, также рассматриваются проблемы репрессий. Так А. Павлюков, автор биографии наркома раскрывает его роль в реализации указаний партийного руководства, прежде всего Сталина в период проведения массовых репрессивных акций, что позволяет полнее представить разнообразные направления деятельности органов НКВД. Данная работа основана на материалах уголовного дела Ежова, что несколько снижает их значимость для объективного изучения проблем репрессивной политики советского государства. В работе другого автора, Г. В. Костырченко показано взаимодействие НКВД и Сталина в процессе ликвидации бывших руководителей и членов БУНДа¹. Автор раскрыл методику действий сотрудников НКВД, которые по указанию Ежова фабриковали дела о еврейских националистических организациях. Однако, как отмечает исследователь, эти репрессии проходили в рамках общих операций по «генеральной чистке» страны.

Появляются все новые книги о Сталине, изобилующие интересными описаниями и фактами, но часто далекие от научного анализа и каких-либо обобщений и выводов².

Немецкий исследователь И. Баберовски представляет достаточно полную картину массовых репрессий, использует обширную литературу-

---

¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.

² См., например: Монтефиоре С. С. Сталин. Двор Красного монарха. М., 2005.

ру, архивные документы¹. Он выделяет этапы карательной политики, показывает разворот репрессий среди различных слоев советского общества. Однако Баберовски полагает, что причиной перехода к массовым репрессиям стала глубокая убежденность Сталина в существовании реальной угрозы со стороны региональных и местных структур власти, которые якобы саботировали решения центра. Поэтому разрушение структур партийно-советской власти как на местах, так и в Красной Армии являлось необходимым условием укрепления государства. Конкретно-исторический анализ причин карательных операций, например, по интонациональностям, Баберовски подменяет абстрактными рассуждениями о «гомогенном ландшафте», который можно было обеспечить только в результате масштабных этнических чисток. Фактору внешней опасности, возможной для СССР войны на два фронта, Баберовски не уделяет должного внимания, хотя многие исследователи уже доказали его существенное влияние на проведение «национальных» операций. При анализе личности Сталина автор правомерно подчеркивает роль насилия, которое тот постоянно использовал для решения задач по созданию нового общества. Но в данном случае автор доводит идею о насилии до абсурда, подчеркивая его значимость как единственного средства преобразований.

На фоне названных работ своей объективностью выделяется труд, в котором массовый террор 1937–1938 годов получил четкую оценку по своей социальной направленности и целям — коллективное исследование «Черная книга коммунизма», вышедшее в 1997 году во Франции, а затем в России². В главе «Большой террор» на основе анализа опубликованных документов Н. Верт отмечал, что массовые репрессии явились результатом решений высших партийных органов, в частности, и самого Сталина. В работе выделены так называемая кулацкая операция и по интонациональностям, массовые операции, затронувшие широкие слои населения СССР, показаны особенности осуждения арестованных внесудебными чрезвычайными органами. Однако при анализе целей массовых репрессий было обойдено значение внешнего фактора, который совершенно не нашел отражения в данной главе. Сходный анализ репрессий в длительной перспективе с периода Гражданской войны до смерти Сталина, был опубликован также итальянским историком Ф. Беттанин (F. Bettanin)³.

В дальнейшем Верт расширил свои исследования сталинских репрессий как участник проектов «История сталинского ГУЛАГа» и «Советская

---

¹ *Baberowski J.* Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München 2003; русское изд. *Баберовски Й.* Красный террор: История сталинизма. М., 2007.

² *Куртуа С., Верт Н., Паппе Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. М., 1999.

³ *Bettanin F.* Il lungo terrore: Politica e repressioni in URSS 1917–1953. Roma, 1999.

деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1930 – 1934», а также в ряде статей в научной печати. В связи с этим следует выделить его статью «Переосмысливая большой террор», где излагается теперь общепринятая схема о количестве, и по своему общественному значению основные массовые репрессии в сборнике его статей «Террор и беспорядок. Сталин и его система»¹.

Внимание исследователей привлекают отдельные направления репрессивной политики, применявшиеся советским руководством в 1937–1938 годах наряду с массовыми операциями, в организации которых самое непосредственное участие принимал Сталин. Значительный интерес представляют исследования Ш. Фитцпатрик и Р. Маннинг, впервые детально проанализировавших роль и значение районных показательных процессов, проведенных во второй половине 1937 года по указанию Сталина². В своих работах они прослеживают взаимосвязь между указаниями Сталина о необходимости организации открытых судебных процессов над «вредителями в сельском хозяйстве» и ролью местных партийных структур, органов НКВД в их организации. Важно, что авторы подчеркивают значение этих процессов как составной части массовых операций, проводимых в соответствии с приказом № 00447 от 31 июля 1937 года. В 1937–1938 годах подобные показательные процессы, которые также санкционировались Сталиным, происходили не только в области сельскохозяйственного производства, но и в других отраслях народного хозяйства.

Подробный и обстоятельный анализ операции по антисоветским элементам в соответствии с приказом № 00447 представлен в исследовании немецких историков М. Юнге и Р. Биннера³. На значительном объеме документальных архивных материалов они раскрывают ход «кулацкой» операции, особенности ее проведения в различных регионах. При этом авторы не ставили перед собой задачу исследовать роль Сталина в развертывании операции, а также механизмы взаимодействия между партийными органами и НКВД на различных этапах реализации репрессивной политики.

Анализ историографии показывает, что проблема конкретного участия Сталина в развертывании массовых репрессий, охвативших страну в 1937–1938 годах, до настоящего времени не получила достаточно освещения.

---

¹ Repenser la grande terreur // Werth N. La terreur et le d sarroi: Staline et son système. Paris, 2007. S. 265–299.

² Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994; ee же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.; Маннинг Р. Т. Массовые операции против кулаков и преступных элементов, апогей великой чистки на Смоленщине // Сталинизм в российской провинции. Смоленск, 1999. С. 230–254.

³ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. Со специальным разделом А. Степанова «Проведение «кулацкой» операции в Татарии». С библиографией при участии Т. Мартинна. М., 2003.

Глава 1. ОТ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ К МАССОВОМУ ТЕРРОРУ

Внешние угрозы: реальность и вымыслы

Укрепление экономического и оборонного потенциала СССР в результате форсирования темпов индустриального развития в 1930-е годы способствовало превращению страны в мощную военную державу. В значительной и, возможно, в главной степени мобилизационная экономика советского государства складывалась под влиянием неослабевающих опасений советского руководства оказаться недостаточно подготовленными перед лицом новой интервенции. Поскольку накануне массового террора власти постоянно говорили об опасности нападения на СССР в 1937–1938 годах, важно определить, насколько реальной была такая оценка, действительно ли в это время существовала внешняя угроза для советского государства.

Объективно со второй половины 1930-х годов складывалась ситуация, в перспективе грозившая Советскому Союзу возможной войной на два фронта.

Германия после прихода к власти А. Гитлера последовательно проводила курс на нарушение версальских соглашений и подготовку нового передела сложившихся границ между государствами в Европе. В период до начала массовых репрессий советское руководство испытывало серьезные опасения по поводу военно-политического соглашения между Германией и Италией от 25 октября 1936 года («ось Берлин – Рим»).

Усиливалось также сотрудничество Германии и Японии, которые 26 ноября 1936 года подписали так называемый «Антикоминтерновский пакт», основной задачей которого официально являлось противодействие деятельности Коммунистического Интернационала. Полностью оправдался прогноз о возможном развитии дальнейших событий в мире, высказанный некоторыми исследователями еще в 1930-е годы¹.

С осени 1936 года, после начала гражданской войны в Испании Советский Союз начал оказывать военную помощь республиканскому правительству. На заседаниях Политбюро принимались решения о выделении

---

¹ Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935.

миллионов долларов и франков РУ РККА, НКВД и различным ведомствам на закупку в Чехословакии и других странах оружия и отправку его в Испанию. Советские советники и кадровые военнослужащие принимали участие в военных действиях на стороне «Народного фронта»; Германия и Италия, в свою очередь, поддерживали мятежного генерала Франко. Фактически происходило военное столкновение между СССР и фашистскими странами. Деятельность Комитета по невмешательству, в состав которого входили Англия, Франция и другие страны, сдерживала реализацию планов советского руководства по оказанию помощи республиканской Испании, создавала значительные трудности.

Летом 1937 года Советский Союз столкнулся с более серьезной угрозой на Дальнем Востоке в связи с вторжением японской армии в Китай. Последнему были предоставлены огромные кредиты под поставки советского оружия. Для СССР было важнее ослабить военную мощь Японии, чем поддерживать республиканскую Испанию, находившуюся далеко от границ СССР. Постепенно Советский Союз, в отличие от Германии, сокращал военную поддержку своим испанским союзникам. Германия же не ослабляла помощь франкистам. В определенной мере это была ее победа в одном из стратегических регионов Европы.

В то же время советское руководство придавало особое значение выявлению тайных планов Германии и ее возможных союзников по формированию блоков с различными государствами, которые могли представлять опасность для СССР.

Агрессия фашистской Германии через территорию Польши, которая рассматривалась как плацдарм для нападения на СССР, считалась одним из возможных вариантов начала будущей войны. С учетом этого выяснению внешнеполитических планов польского государства уделялось самое пристальное внимание. Особую тревогу в 1934 году вызвало подписание германо-польского соглашения. До его заключения дипломатические представители СССР в Польше, работники НКВД надеялись на возможное сближение и более тесное сотрудничество между двумя нашими странами. Единственным человеком, который не разделял эти надежды, являлся начальник Иностранного отдела А. Х. Артузов; он считал, что «перспективы польско-советского союза иллюзорны»¹. Это мнение соответствовало действительности.

В мае 1934 года, накануне заседания Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин вызвал Артузова на беседу по поводу предполагаемого его назначения заместителем начальника РУ РККА. В этой беседе И. В. Сталин, по словам Артузова, признал, что его источник В. Илинич оказался прав как в том, что предвидел возможность соглашения между Польшей и Германией, так и в том, что на востоке Германии создана крупная военная группировка из нескольких немецких дивизий. Однако эти факты не

¹ Крицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991. С. 31

свидетельствовали о тесном военном сотрудничестве между Польшей и Германией.

В представленном работником ИНО В. Илиничем в декабре 1934 года обзоре о внешнеполитической деятельности Польши, содержалась информация о прогерманской ориентации Ю. Пилсудского. В. Илинич, в частности, сообщал, что Начальник Польского государства, с одной стороны, намерен усиливать польско-германский оборонительный союз в случае заключения франко-советского союза, но с другой — «не хочет идти далеко против Франции». Однако вызывает сомнение утверждение В. Илинича о том, что Польша активно стремилась к созданию блока Германия-Польша-Румыния-Венгрия-Финляндия, направленного против СССР, и усиленно развивала военное сотрудничество с Германией и Японией¹.

Во время встречи с министром иностранных дел Англии Э. Иденом весной 1935 года Ю. Пилсудский заявил, что Польша имеет соглашения с СССР и Германией и будет неуклонно придерживаться их, хотя нельзя отрицать и того, что в предвоенные годы Польша проводила не совсем нейтральную политику². От «Канцлера», источника, близкого к окружению французского премьер-министра Ж. Л. Барту, еще в процессе подготовки германо-польского соглашения стало известно о территориальных претензиях Варшавы к Чехословакии, что полностью подтвердилось после мюнхенских соглашений 1938 года, когда часть Чехословакии — Северная Силезия с г. Теша перешла к Польше. Это обстоятельство в глазах советского руководства ставило Польшу в один ряд с фашистским государством, способным нарушить территориальную целостность другого государства.

Польское правительство противодействовало борьбе СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе и выступило против подписания Восточного пакта, полагая, что целью его заключения является стремление Советского Союза играть доминирующую роль. От советской резидентуры в Финляндии поступали сведения, что одной из целей визита в эту страну министра иностранных дел Польши Ю. Бека в 1935 году была попытка удержать Финляндию и Прибалтийские государства от вступления в Восточный пакт. Попытка СССР создать Восточный пакт не увенчалась успехом, тем не менее, в 1935 году Советскому Союзу все же удалось подписать договоры с Францией и Чехословакией для обеспечения определенной системы коллективной безопасности от вероятной агрессии со стороны фашистской Германии. При этом для советского руководства не являлась тайной симпатия Польши к возможному франко-германскому соглашению как противовесу

---

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее ЦА ФСБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 668. Л. 14–16.

² Там же. Оп. 2. Д. 273. Л. 196.

СССР. Полученное в сентябре 1936 года из парижской резидентуры спецсообщение об итогах визита начальника генерального штаба Франции в Варшаву и его переговорах с генеральным инспектором польской армии маршалом Рыдз-Смиглы по вопросу о заключении франко-польского военного союза это доказывало¹. Документальные материалы, полученные из министерств иностранных дел Англии и Франции, в еще большей степени подтверждали мысль, высказанную начальником РОВСа генералом Миллером, который определил отношения Польши с Германией и Россией как состояние государства, находящегося между молотом и наковальней. Из информации советской разведки следовало, что в ходе бесед весной 1936 года Рыдз-Смиглы заявил министру иностранных дел Франции, что Польша не доверяет Франции и Англии, которые могут не оказать ей помощи в борьбе с Германией, и поэтому возможно ее сближение с СССР, однако еще больше пугает Польшу опасность «большевистской заразы»².

Посол Польши в СССР В. Гжибовский в октябре 1938 г. заверял советское руководство в том, что «руководящей линией польской внешней политики было доныне положение: ничего с Германией против СССР и ничего с СССР против Германии»³. Подтверждением этому могут служить и материалы военной игры, проведенной генштабом польской армии, в ходе которой польские вооруженные силы при отработке оборонительных действий Польши от агрессии со стороны СССР не дали соединиться армии Тухачевского с литовской армией. Сталин был ознакомлен с ходом и результатами этой игры. Представленные разведотделами пограничных округов данные о минировании поляками мостов на дорогах, ведущих к советской границе, также свидетельствовали об оборонительной стратегии польского генштаба. В аналитическом докладе «Об истории германо-польских отношений», изъятном в Париже из переписки Гучкова и проштудированном Сталиным, указывалось на возможную передачу Данцига (Гданьска) Германии. В результате этого Польша могла улучшить отношения с рейхом и направить его агрессию против СССР⁴. Однако события весны 1939 года показали, что ультимативные требования Германии в отношении Данцига были категорически отвергнуты польским руководством.

Вместе с тем, сообщения резидентов, в которых политика Польши рассматривалась как политика вынужденного маневрирования в условиях соседства с двумя крупными странами, претендующими на роль лидеров в Европе, подвергались сомнению со стороны руководства ИНО. Так, по сообщению источника «Отелло», заместитель начальника Иностранно-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 321. Л. 344.

² Там же. Л. 227–228.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1972. С. 599.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 83.

го отдела С. Шнигелыгаз сделал следующий вывод: «Доклад интересен, несомненно. Он изобилует фактами, которые подтверждаются другими документами. Основная мысль доклада — Польша не агрессор, она жаждет сохранить при помощи Англии нейтралитет, лавируя между СССР, Германией, Францией, может оказаться дезинформацией. В этом опасность доклада»¹. В определенной мере внешняя разведка НКВД способствовала актуализации давнего стереотипа о «польской угрозе».

Определяющими факторами в развитии советско-польских отношений, через призму которых политическое руководство анализировало достаточно разноплановые данные внешней разведки, являлись глубинные противоречия между двумя государствами. Курс внешней политики Польши во многом опирался на мощное антирусское движение, сохранившееся со времени вхождения ее в Российскую империю. Это движение еще более усилилось после попыток советизации Польши, предпринятых в ходе войны 1920 года и активных мероприятий советской разведки, в том числе диверсионно-подрывной деятельности, развернутой против польского государства в первой половине 1920-х годов. В то же время и советское руководство не забывало польско-советскую войну и последствия Рижского мирного договора. Независимая политика Польши, ее сотрудничество с Англией и Германией рассматривались только как потенциальная угроза СССР.

Среди узловых проблем международной политики СССР в этот период выделяются также взаимоотношения с Англией и Францией. До сентября 1938 года в условиях усиленной подготовки к развязыванию войны фашистской Германией советское руководство стремилось создать систему коллективной безопасности в Европе. Разведывательные органы НКВД СССР были ориентированы на выявление подлинных намерений Англии и Франции в процессе дипломатических переговоров.

Внедрение в 1935 году в МИД Англии одного из членов «кембриджской пятерки» Д. Маклина до его переезда в Париж в сентябре 1938 года, вербовка шифровальщика Кинга позволило советскому руководству получить значительный объем информации. Эти данные подвергались тщательной проверке: их анализировали и сопоставляли с сообщениями, полученными от источников из 2-го отдела генерального штаба Франции, МИДа Чехословакии, а с лета 1935 года и от группы А. Харнака — чиновника министерства экономики Германии, который имел разветвленную сеть информаторов — сотрудников отдела верховного военного командования, в электро-машиностроительном концерне «АЭГ», военно-морской разведке ВМС. В распоряжение Сталина поступало значительное количество расшифрованных телеграмм японских дипломатов и военных атташе из различных стран. В результате операций, проведенных Кривицким в Голландии в 1935 году, шифры Японии — государства оси Рим-Берлин-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 467. Л. 53.

Токио были переданы в спецотдел, что позволило расшифровывать большую часть переписки военных атташе Японии в различных странах мира.

Не менее важной задачей органов государственной безопасности стало освещение закулисных дипломатических переговоров Англии и Франции с фашистской Германией, что позволяло точнее разрабатывать внешнеполитическую стратегию СССР.

Получаемая информация наглядно свидетельствовала об англо-французской политике «умиротворения» Германии, высшей точкой которой стали мюнхенские соглашения в сентябре 1938 года. Из материалов, полученных из французского посольства в Германии, следовало, что в ходе встреч посла Франции в Берлине с Гитлером в сентябре 1934 года последний усиленно подчеркивал, что разрешение территориального спора по Саару открывает широкие возможности для укрепления франко-германского сотрудничества¹.

На сообщении, полученном из МИДа Франции в марте 1935 года, Сталин написал: «Важно, правдоподобно». В документе шла речь об итогах визита министра иностранных дел Англии Э. Идена во Францию. Он выступил против идеи Восточного пакта как военного союза из боязни разгневать Германию, с которой Англия планировала подписать соглашение об ограничении вооружений на международной конференции в Женеве. В ответ на просьбу Идена раскрыть позицию Франции о союзе с СССР министр иностранных дел Лаваль, как подчеркивалось в спецсообщении, заявил, что отказ от него был бы возможен в случае подписания пакта о франко-английском военном союзе². Лондон выступал против сближения Франции с СССР и оказывал на Париж сильный нажим, чтобы воспрепятствовать заключению соглашения между ними.

Основные направления политики европейских держав освещались в многочисленных информационных сообщениях, направляемых И. Сталину. Ему докладывали об укреплении Гитлером вермахта путем устранения сторонников сближения с СССР. В отношении Франции давались прогнозы о возможной дестабилизации режима в связи с усилением фашистских элементов, возглавляемых полковником де ля Роком.

Умиротворяя Германию, Франция отдала ей Саарскую область, а Англия подписала морское соглашение, которое способствовало возрождению военного флота фашистского рейха. Позиция английского правительства была конфронтационной по отношению к СССР. Англия более тяготела к сговору с Германией, стремясь направить ее агрессивные устремления на восток.

В годовом отчете за 1935 год, также полученном Сталиным, сообщалось, что английский посол в Берлине не скрывал удовлетворения по поводу позиции канцлера А. Гитлера, заявившего ему в личной беседе, что

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 144.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 74–76.

«требовать от него гарантий в отношении Советского Союза равносильно требовать от церкви обязательств по отношению к дьяволу»¹.

Из материалов английского министерства иностранных дел отчетливо прослеживались намерения Гитлера расколоть англо-французскую коалицию европейских стран, не допустить их объединения. В декабре 1936 года при обсуждении Великобританией, Германией и Францией вопроса о воздушном пакте и обмене техническими данными о состоянии воздушных сил рейхсканцлер согласился обмениваться информацией с англичанами, но выступил резко против сотрудничества с французами. «Если материалы будут доверены Франции, — заявил Гитлер, — они немедленно попадут в руки архиврага — Советского Союза»².

В январе 1937 года из документальных материалов, полученных из государственного департамента США, стало известно, что Англия будет требовать от СССР согласия на создание либерально-консервативного правительства в Испании, а «если Москва будет отказываться, то нужно договориться с Германией и Италией»³.

Таким образом, для советского руководства представлялось очевидным, что Германия вынашивала реваншистские планы, которые не встречали должного отпора со стороны Англии и Франции, а главное, демонстрировала антисоветскую направленность внешней политики.

Дальний Восток СССР ранее европейского региона стал очагом военной опасности. После прихода к власти в Маньчжурии прояпонского режима в правящих кругах Японии сохраняла устойчивое влияние группировка, ориентированная на захват советского Дальнего Востока и части Сибири. На дальневосточной границе в предвоенные годы происходили постоянные вооруженные конфликты. Сталин регулярно в течение 1934–1937 годов получал спецсообщения из резидентур о возможном нападении Японии на СССР, подкрепленные аналитическими докладами, добытыми у военных атташе Японии.

В 1934 году значительно усилились позиции японской разведки в Польше, Румынии, Латвии, Эстонии, Финляндии и на Ближнем Востоке. Наряду с созданием новых военных атташатов в Тегеране, Бухаресте, Таллине, Гельсингфорсе, в военные представительства Польши и Латвии было направлено восемь японских офицеров, в приказе о назначениях они значились военными резидентами в СССР. Таким образом, в течение 1934 года персонал разведывательных органов Японии в сопредельных с СССР странах увеличился в 3 раза.

В 1936 году в Берлине прошло совещание, в котором приняли участие руководитель военной разведки Германии адмирал Канарис и военный атташе Японии в Германии генерал Осхима. Они договорились о сотруд-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 315. Л. 136.

² Царев О. Д. Кастелло: роковые иллюзии. М., 1995. С. 226.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 100.

ничестве при использовании в разведывательной работе национальных меньшинств, проживавших в СССР. В 1937 году в Финляндии состоялась встреча Канариса с начальником разведотдела финского генштаба полковником Свенсоном.

Японские спецслужбы располагали значительными возможностями. Для легальной разведывательной работы на Дальнем Востоке и Сибири имелись семь консульств. Японские рабочие и служащие трудились на Сахалине, где согласно межправительственным экономическим соглашениям были открыты нефтяная и угольная концессии. Во Владивостоке действовали транспортная и рыбопромышленная конторы. Намерения Японии были выявлены в 1936 году на основании данных оперативной разработки нескольких японских разведчиков. Через агентов, завербованных среди советских граждан, японская спецслужба получала точные данные о дислокации и численности частей Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), военном потенциале Тихоокеанского флота, производственных мощностях предприятий оборонной промышленности. В сравнении со спецслужбами других государств Япония организовала более эффективную работу по изучению СССР. В разведывательной деятельности активно использовались и третьи страны.

Разведывательная работа японских спецслужб против СССР носила в определенной мере подрывной характер. Военный атташе Японии в Турции направил в генеральный штаб предложения об использовании мусульманского движения в целях дестабилизации внутривосточного положения в СССР. В том же 1934 году к Сталину попал перехваченный разведкой документ о планировавшихся мероприятиях по взрывам мостов и туннелей на Уссурийской железной дороге. Он потребовал от органов госбезопасности конкретных мер по противодействию подрывным акциям. Сталин запрашивал начальника Иностранного отдела: «В чем должны состоять меры предупреждения взрывов и вообще диверсии? Кто их выработает? Кто их проведет?»¹.

Вдоль границ СССР приказом штаба Квантунской армии были организованы японские военные миссии (ЯВМ), которые являлись одновременно и разведцентрами. Главная из них находилась в Харбине. Каждая миссия руководилась резидентурами, созданными для непосредственной работы по заброске агентуры. Так, Муданцзянская, Хунчунская, Минаньская ЯВМ имели сеть, состоящую из 13 резидентур. Для того чтобы законспирировать разведывательные пункты от советской разведки и контрразведки, использовались различные прикрития. Так, морская ЯВМ в городе Сейсине базировалась под вывеской «Опытная станция рыбной промышленности».

---

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. Л. 506.

Разведывательная деятельность спецслужб некоторых приграничных государств была связана с необходимостью выявления реальной опасности, исходящей от страны, провозгласившей неизбежную победу мировой пролетарской революции. Наибольшую тревогу рост военной мощи СССР вызывал у стран, входивших ранее в состав Российской империи и опасавшихся своего могучего соседа. Поэтому для этих государств, то есть для Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии и Литвы сбор информации, прежде всего, о военном потенциале СССР представлял собой важнейшую составную часть проблемы укрепления своего суверенитета и территориальной целостности. Это не исключало, а нередко и подразумевало передачу ими разведанных спецслужбам ведущих европейских стран.

Необходимо отметить, что практически до конца 1940 года сопредельные с СССР государства не предпринимали мер по массовой заброске агентуры в нашу страну нелегальным путем. По итогам работы в 1934 году в органах госбезопасности Белоруссии был сделан вывод о том, что «наблюдавшиеся в прошлом массовые переброски на нашу сторону вновь завербованных и слабо проинструктированных агентов, в данное время не практикуются». За первое полугодие 1934 года на границе с Польшей белорусскими пограничниками и чекистами было задержано пятьдесят пять агентов польской разведки, к которым были причислены и контрабандисты.

Руководители германской военной разведки отмечали огромные трудности в нелегальной заброске агентуры. К ним они относили плотный контроль государственной границы, жесткую опеку всех прибывающих в страну иностранцев, отсутствие общей границы с СССР у стран, заинтересованных в усилении разведывательной работы. Поэтому позднее, после окончания Великой Отечественной войны один из руководителей Абвера генерал Г. Пиккенброк на допросах категорически отвергал неоднократные требования следователей назвать агентов, заброшенных нелегально в СССР в предвоенные годы и, отмечая названные выше трудности, подчеркивал, что использовались прежде всего легальные возможности. В исследуемый период в германских разведывательных службах не существовало и специальных школ по подготовке нелегальной агентуры. Лишь за несколько месяцев до начала войны в Кенигсберге было создано первое специальное учебное заведение для обучения агентов, которых накануне войны готовили для заброски на территорию СССР¹.

В связи в этом совершенно бездоказательными представляются утверждения И. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года о том, что пока существует капиталистическое окружение, к нам будут засылать вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, агентов

---

¹ См.: *Kahn D. Hitler's spies: German intelligence in World War II*, London 1978, ch. 24 «The Greatest Mistake».

иностранных государств, причем вдвое и втрое больше, чем они засылают друг к другу.

Определенные угрозы для государственной безопасности СССР таили в себе многочисленные эмигрантские организации, на которые опирались иностранные спецслужбы. В программных документах этих организаций ставилась задача ликвидации большевистского режима в СССР. Например, на заседании Звездной палаты — высшего органа Русского общевоинского союза, главной военной эмигрантской организации в марте 1936 года при обсуждении новых лозунгов борьбы с советской властью умеренные призывы члена палаты генерала Ф. Ф. Абрамова не нашли поддержки. Большинство поддержало лозунги генерала Добровольского¹. Первым пунктом его программы прозвучало требование «долой советскую власть, вырезать всех коммунистов». На внутреннюю линию РОВС была возложена задача разведывательной и контрразведывательной деятельности, включавшая установление связей с иностранными спецслужбами, полицией, выявление агентуры органов госбезопасности в среде эмиграции, подготовка кадров для заброски на территорию СССР. От РОВС отделилась другая организация — Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), объединившая молодежь, родившуюся в годы гражданской войны и эмиграции. Наиболее активную работу проводили III отдел РОВС в Болгарии и Румынии (генерал Ф. Ф. Абрамов) и IV отдел в Югославии (генерал И. Г. Барбович).

В дальневосточном регионе страны действовал Российский фашистский союз, находившийся под покровительством японских спецслужб. Штаб организации находился в Харбине. Принятый в июле 1935 года план «фашистской трехлетки», заключался в подготовке вооруженного восстания, но имел большее пропагандистское значение и с треском провалился.

На протяжении 1930-х годов РФС вел главным образом агитационную работу: его активисты распространяли листовки, но вместе с тем и забрасывали агентуру в районы Дальнего Востока СССР, формировали банды, осуществлявшие рейды на нашей территории. На третьем съезде РФС в январе 1939 года отмечалось, что за 1936–1938 годы союз потерял шорок одного человека.

Японские спецслужбы использовали кадры РФС. Специальный отряд из русских фашистов численностью около пятисот человек был сформирован в 1938 году под руководством представителя японской военной миссии подполковника Асано. Срок обучения составлял два года. Отряд предназначался для военных действий на территории СССР в ходе будущей войны.

---

¹ Северин Цезаревич Добровольский (Доливо-Добровольский; (1881–1946) — генерал-майор (1920), деятель белого движения и эмиграции. — *Прим. ред.*

Необходимо отметить, что у русской эмиграции возникали определенные трения с японцами, которые не доверяли полностью выходцам из России. В 1934 году Япония создала на территории Маньчжурии Бюро русских эмигрантов (БРЭМ), постепенно загоняя в него различные организации. Так, уже в 1936 году Лобай, заместитель начальника харбинского отдела Братства русской правды, писал: «Японцы в Маньчжурии полностью парализовали работу БРП как самостоятельной организации и заставляют работать на себя». Поэтому БРП пришлось отказаться от заброски людей на советскую территорию, так как все «братья», переброшенные без ведома японцев, расстреливаются последними. В связи с этим среди значительной части эмиграции назревало недовольство японцами, и Лобай высказывал предположение, что в «случае войны Японии с СССР часть эмиграции <...> при первом соприкосновении с Красной Армией перейдет на их сторону».

Эмиграция не представляла собой единое, сплоченное целое, в ее среде шла постоянная борьба за лидерство. В циркулярном письме руководства Братства русской правды от 27 июля 1935 года сообщалось: «Об эмиграции в Европе много говорить не приходится. Повсюду она в общем разложении и представляет собой мерзкое зрелище. Миллион группировок, болтающих красные слова, в которые уже и сами не верят, бесконечно и злобно враждующих между собой на почве провинциальных дрязг и сведения личных счетов, а жертвенность, подлинная творческая работа, борьба действительная за Россию, служение ей — все это прочно погребено»¹.

Положение российской эмиграции резко ухудшилось во второй половине 30-х годов. Крупнейшие организации, такие как РОВС, БРП, РФС превратились в аморфные образования и уже не представляли опасности и угрозы для советского государства. Это стало в значительной мере следствием активной советской внешней политики. В 1935 году были заключены договоры между СССР, Францией, Чехословакией. Париж и Прага являлись главными центрами размещения штабов эмигрантских организаций. Для того чтобы не вызывать осложнений в межгосударственных отношениях, правительства этих стран перестали оказывать открытую поддержку эмигрантским организациям, провозгласившим своей целью свержение советской власти. Отсутствие финансовых средств вело к сворачиванию активности; например, крупнейшее эмигрантское объединение РОВС практически не проводило никаких активных действий.

В некоторых случаях складывалась ситуация, когда руководители боевой работы РОВС проявляли крайнюю осторожность, чтобы не вызывать обострений в отношениях между странами. Так, в 1935 году начальник разведки и контрразведки РОВС в Болгарии бывший штабс-капитан царской армии Фосс, узнав о готовящемся покушении на полпреда СССР

---

¹ ЦА ФСБ. Д. 28650. Т. 1. Л. 193.

Ф. Ф. Раскольников, немедленно сообщил об этом в болгарскую полицию, что позволило предотвратить теракт.

Заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР С. Шпигель-глаз, руководивший в 1937 году похищением главы РОВС генерала Е. К. Миллера, находившегося в Париже, вспоминал об этой организации: «Никакой ценности она не представляла, так как у объекта не было ни денег, ни международных связей, ни организации, ни людей»¹. Еще ранее, в 1935 году при обсуждении итогов деятельности отдела РОВС в Румынии полковник Жолондковский отмечал, что крайне тяжелое положение складывается из-за отсутствия денег. Составляя финансовый отчет, он не подозревал, что половина из без того небольших средств была израсходована на организацию легендарной разработки, которая находилась под полным контролем ГУГБ НКВД СССР.

Русский общевоинский союз, объединявший различные военные формирования белого движения времен гражданской войны, постоянно раздирали внутренние конфликты. Так, шла борьба за руководство союзом между галлиполидцами и Союзом участников великой войны, который состоял из офицеров не галлиполидцев. Союз первопроходцев, возглавляемый генералом А. И. Деникиным, представлял собой самостоятельную по программным установкам организацию, не входившую в РОВС. Донской атаман М. Н. Граббе заявлял о нарушениях независимости казачьих атаманов в связи с письмом генерала В. К. Витковского о том, что все военные вопросы решаются только через РОВС. Донской атаман считался председателем Казачьего Совета, но он расходился во взглядах с представителями Терского, Кубанского и Оренбургского казачества, которые полагали, что нельзя участвовать в каких-либо движениях, направленных против Советской России. В целом во второй половине 1930-х годов российская эмиграция реальной угрозы для СССР не представляла.

Таким образом, объективно международная обстановка характеризовалась нарастанием угрозы новой мировой войны. Ситуация в Европе, особенно на Дальнем Востоке, продолжала накаляться, однако непосредственной угрозы широкомасштабного нападения на СССР не существовало. С Германией не было общих границ, в Китае разворачивалось мощное военное сопротивление оккупационной армии Японии, но, тем не менее, потенциальные военно-политические угрозы оказывали свое влияние на внутреннюю политику СССР. Советское руководство по инерции видело в эмигрантских организациях важнейшую угрозу своему режиму. Предотвращение военных столкновений находилось в сфере межгосударственного сотрудничества, было целью создания системы коллективной безопасности, за которую ратовал СССР.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р 23634 Т. 1. Л. 195.

Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок»

В предвоенные годы контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности достаточно эффективно контролировали деятельность сотрудников официальных представительств иностранных государств. Слабое межгосударственное сотрудничество, а, следовательно, незначительный приток иностранцев в СССР не позволяли иностранным государствам активно проводить разведывательную работу, используя для прикрытия различные делегации. Представители иностранных государств находились под постоянным контролем контрразведывательных подразделений.

Ограничения на въезд в СССР из-за рубежа способствовали изоляции советских граждан от контактов с иностранцами. Политика изоляционизма позволяла успешно формировать определенный менталитет у советских людей, основными чертами которого стали боязнь общения с иностранцами и подозрительность по отношению к ним; исключение представляли деятели коммунистических партий и рабочих организаций. В результате сужалась и без того минимальная возможность установления каких-либо связей советских граждан с иностранными представителями, а, следовательно, получения информации о том, что происходило в СССР.

Система жесткого контроля, которую не могли не замечать иностранцы, позволяла достаточно эффективно пресекать попытки сбора разведывательной информации. Тем не менее, представителям ряда посольств и консульств в СССР удавалось устанавливать связи с выходцами из своих стран для сбора разведывательной информации. Журналист-агроном, немец по происхождению, Э. Клейн передал разведывательные сведения о развитии аграрного сектора СССР сельскохозяйственному атташе Германии в спичечном коробке с двойным дном. В мае 1935 года был арестован итальянец, имевший советское гражданство, который хотел передать консулу Италии в Одессе чертежи подводной лодки. Но такого рода факты были единичными в период до начала массовых репрессий. Тем не менее, в стране сформировались устойчивые стереотипы в отношении иностранцев как потенциальных агентов спецслужб.

Поскольку Германия, Япония и Польша рассматривались высшим руководством страны в качестве противников в будущей войне, то представители немецкой, польской национальностей стали объектом пристального внимания органов государственной безопасности в первую очередь.

Сталин регулярно обращал внимание наркома НКВД Г. Ягоды на необходимость тщательного изучения иностранцев, которые, по его мнению, занимались в СССР, главным образом, разведывательной работой.

Под подозрением оказывались туристы, представители культурных делегаций, иностранцы, прибывшие по приглашению советского правительства для оказания технической помощи на промышленных предприятиях. Так, в начале 1935 года в докладной записке нарком внутренних дел писал Сталину: «Лучшим подтверждением высказанных Вами взглядов на ведение американцами разведывательной работы в СССР является деятельность прибывшего в Москву в ноябре 1933 года американского гражданина Джонсона Альберта», который, по словам наркома, представлял интересы двадцати пяти фирм, но за это время не заключил ни одного соглашения¹. В этом же году представитель американских фирм был выслан из СССР. Исследователи отмечали слабый аналитический уровень информации о потенциале СССР, что объяснялось жестким режимом пребывания дипломатов в Москве в середине 1930-х годов. Достаточно спорными были донесения военного атташе США Ф. Файмонвилля, который в основном полагался на официальные источники и информацию, полученную во время своих встреч со студентами и служащими авиационных предприятий столицы².

В стране искусственно нагнеталась атмосфера подозрительности. Каждый советский гражданин, который посещал иностранные представительства, для органов безопасности был потенциальным шпионом. Так, обращения находившихся в СССР финских граждан в финскую миссию за национальными документами сотрудники органов госбезопасности квалифицировали как уголовное преступление согласно ст. 58–6 УК РСФСР (шпионаж). В течение 1935 года официальные представители Финляндии в СССР дважды обращались в НКВД с жалобами на подобные действия органов. Подчеркивая неотъемлемое право финских граждан общаться со своим консульством, Генеральный прокурор и нарком НКВД были вынуждены указать своим подчиненным, что «на лиц, которые впредь допустят в составляемых и утверждаемых ими документах неверные формулировки и квалификации, будут налагаться строжайшие дисциплинарные взыскания»³.

Политика советского руководства в отношении как иностранцев, так и их окружения постепенно все более ужесточалась. В декабре 1935 года был обвинен в шпионаже и приговорен к высшей мере наказания помощник американского корреспондента Паррота Михайлов (Шофман). Как было сказано в спецсообщении Г. Ягоды, главное обвинение заключилось в передаче Михайловым (Шофманом) Парроту «тенденциозной» информации, по сути — материалов, содержащих объективную оценку интритуполитического положения в стране. После обращения к Сталину

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 246. Л. 164–165.

² *Leshuk L. U. S. Intelligence. Perceptions of Soviet Power, 1921–1946.* London, 2003. P. 55–116.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 9. Л. 132.

наркома иностранных дел М. Литвинова и лично Паррота приговор о высшей мере наказания Михайлову был заменен по решению Политбюро ЦК ВКП(б) на восемь лет лишения свободы.

Не без оснований иностранцы отмечали, что руководство СССР старалось ограничить их приезды в страну. До 1936 года Интурист организовывал значительное количество поездок, в том числе и деловых, но постепенно их число начали сокращать, распространив ограничения даже на обычный туризм. О поездках в СССР французов и их впечатлениях яркое представление дают зарубежные исследователи¹. В июле 1936 года в Москву по линии американского посольства прибыл полковник Крокетт. Организуя своему коллеге поездки в различные организации, американский военный атташе Файмонвилль отмечал: «Мы имеем непрерывный поток из СССР, но лишь немногие соотечественники имеют такую же возможность в Советском государстве»².

Постепенно усиливалась подозрительность в отношении тех слоев населения, которые представляли собой так называемую «разведочную базу иностранных разведок». По сложившимся в оперативных подразделениях органов государственной безопасности учетам в качестве такой базы рассматривались советские граждане – представители других национальностей, особенно тех государств, которые считались потенциальными врагами СССР. Советские граждане иностранного происхождения, исходя из признака национальной принадлежности, попадали в категорию «подозрительных по шпионажу» и разрабатывались контрразведывательными органами. Сложная и кропотливая работа по выявлению разведчиков и их агентуры стала подменяться слежкой и репрессиями в отношении лиц из окружения официальных представителей зарубежных стран.

В это же время начинаются гонения на сотрудников иностранного происхождения во всех государственных учреждениях. В циркулярах и директивах ГУГБ НКВД СССР «О борьбе с диверсиями и шпионажем на железнодорожном, водном и автодорожном транспорте» от 10 октября 1934 года, «О борьбе с польско-японской диверсией на железнодорожном транспорте» от 5 сентября 1935 года, «О работе по корейцам» от 22 сентября того же года и особенно «О мероприятиях по борьбе с разрушительной деятельностью германской разведки в народном хозяйстве» от 14 октября 1936 года были прописаны меры, ущемлявшие права иностранцев, получивших советское гражданство. На транспорте, оборонных предприятиях, в ряде отраслей промышленности вводился учет поляков, немцев, корейцев и китайцев. При малейшем подозрении на причастность к возможным диверсиям оперсостав ориентировался на удаление с транспортных магистралей в первую очередь корейцев, китайцев и харбинцев³.

---

¹ См., например: *Mazuy R, Croire Plutot Que voir? Voyages en Russie Sovietique (1919–1939)*. Paris, 2002. P. 31¹–46.

² ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 91. Л. 264.

³ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 316. Л. 119.

Советское руководство шло также на сокращение использования иностранных специалистов на отечественных предприятиях. Прежде всего такие меры предусматривались в отношении наиболее важных шестидесяти восьми оборонных предприятий особого списка и электростанций. В связи с начавшейся летом 1934 года проверкой всего личного персонала заводов особого списка давались указания впредь не допускать «лиц иностранных национальностей» (термин, употреблявшийся в тот период. — *авт.*) на объекты, имевшие стратегическое значение для обороны страны¹.

С этого времени иностранные специалисты и рабочие оставались на оборонных предприятиях только в виде исключения. Например, для того, чтобы оставить девять иностранных рабочих на оборонном заводе № 169 руководство народного комиссариата тяжелой промышленности обращалось в высшие партийные органы. Политбюро ЦК ВКП(б) 6 июня 1935 года удовлетворило просьбу наркомата².

По размаху репрессий на первый план вышли представители польской национальности. С санкции Политбюро ЦК ВКП(б) на Украине и Белоруссии органы госбезопасности арестовывали и добивались провокационными методами показаний о разведывательно-подрывной деятельности несуществующей «Польской организации войсковой» (ПОВ). Эта организация была создана в начале Первой мировой войны на польских территориях Российской империи как подпольная патриотическая военная организация, действовавшая на стороне Австро-Венгрии против России, а затем против Германии. После восстановления независимости Польши в конце 1918 г. вошла в состав Войска Польского, и формально была распущена. Во время советско-польской войны 1920 года ПОВ короткое время участвовала в военных действиях, затем, в 1921 году прекратила свое существование. Однако предшествующая деятельность ПОВ стала основанием для преследования поляков, особенно в 1934–1936 годы, когда советское руководство не сумело правильно оценить германо-польское сближение. Материалы, полученные органами госбезопасности в ходе следствия, представляли собой фальсифицированные данные о существовании в СССР мощных подпольных организаций ПОВ.

Нагнетание антипольской истерии было связано не только с оперативной деятельностью органов государственной безопасности. В конце июля 1933 года Сталин получил письмо главного редактора газеты «Трибуна радзецка»³. Р. Максимовского, в котором шла речь об активной

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 350. Л. 103.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162 Д. 18. Л. 54.

³ «Trybuna radziecka» («Советская трибуна») – польскоязычная газета, орган Политбюро ЦК ВКП(б), издавалась в Москве в 1927–1938 гг. Несколько раз меняла названия, и конце 1935 г. была переименована в «Центральную польскую газету» – *Прим. ред.*

подрывной деятельности ПОВ на территории приграничных с Польшей районов Украины и Белоруссии. На письме вождь сделал приписку: «Поставить на повестку ПБ»¹.

Регулярно получая такого рода сообщения, Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) охотно давали санкции на аресты, а затем и приговоры в отношении невинных людей. Например, в постановлении Политбюро от 31 мая 1934 года давалось разрешение на приведение в исполнение приговора в отношении руководителей раскрытой «Польской военной организации», а также «provokatorov» в компартии Польши. Накануне, 29 мая Г. Ягода в спецсообщении Сталину докладывал, что комиссия по политическим делам (судебная комиссия) ЦК ВКП(б) утвердила приговор о высшей мере наказания. Руководителем разгромленной организации, по информации Г. Ягоды, был заведующий культурно-пропагандистским отделом Черниговского окружного комитета КП (б) Украины Б. В. Скарбек-Шацкий. Исполнение приговора было временно отложено, поэтому Г. Ягода, подчеркивая, что все необходимые следственные мероприятия завершены, просил разрешения привести приговор в исполнение, которое и было дано Сталиным. После пересмотра данного дела в начале 1990-х годов все «члены» ПОВ, включая и Скарбека-Шацкого, были реабилитированы.

Было бы ошибкой утверждать, что органы государственной безопасности не встречали никакого сопротивления. В период усиления репрессий против советских граждан, в том числе и польской национальности, предпринимались отдельные попытки противостоять необоснованным арестам и приговорам. Сотрудники Генеральной прокуратуры СССР во главе с И. А. Акуловым, осуществлявшие надзор за деятельностью органов госбезопасности, сообщали высшему руководству о конкретных фактах нарушения законности. 11 января 1935 года И. А. Акулов, который одно время являлся заместителем Председателя ОГПУ, сообщал Сталину, что в Прокуратуру поступили заявления от одиннадцати осужденных по делу ПОВ в Белоруссии, которые жаловались на незаконные методы следствия. К своей записке Генеральный прокурор СССР приложил заявления осужденных. Один из них, Ю. В. Витковский писал: «Еще раз заявляю, что все мои показания как о своей контрреволюционной работе, а также других являются ложными и написаны исключительно исходя из заявления заместителя начальника областного отдела ОГПУ Галицкого, что «партия требует самопожертвования и жертв ряда людей»². Однако никакого решения о дополнительном расследовании фактов фальсификации показаний принято не было. Наоборот, аресты среди поляков продолжались.

После снятия Г. Ягоды с поста наркома НКВД антипольская направленность репрессий не ослабела. 29 декабря 1936 года был аресто-

---

¹ АП РФ. Ф.З. Оп. 58. Д. 130. Л.155.

² Там же. Л. 134.

ван Т. Ф. Домбаль, академик Белорусской академии наук, заведующий кафедрой социально-экономических наук Московского института электрификации и механизации. Новый нарком НКВД Н. И. Ежов в спецсообщении И. Сталину писал, что якобы Т. Ф. Домбаль после провалов в 1934–1935 годах организаций ПОВ на Украине и в Белоруссии по заданию разведывательных органов Польши возглавил Польскую военную организацию. А в ходе допросов как-будто бы признал, что лично встречался со Скарбеком-Щацким, после ареста которого руководил всей разведывательной работой на территории СССР. И. Сталин на протоколе допроса отметил важность показаний Т. Домбаля и проявил интерес к лицам, передававшим ему разведывательные материалы, написав на первом листе протокола допроса: «От кого Д. получал эти «материалы?»»¹.

Под постоянным контролем органов госбезопасности НКВД СССР находились и советские немцы, которые после 1933 года стали также рассматриваться в качестве потенциальной вербовочной базы иностранных разведок.

В январе 1935 года Ягода докладывал Сталину, что в соответствии с директивными указаниями ЦК ВКП(б) развернута активная борьба с «фашистскими контрреволюционными организациями». Она проходила по нескольким направлениям. В течение 1934–1935 годов пресекалась деятельность таких организаций, как «Союз зарубежных немцев» и «Братья в нужде». По данным ГУГБ НКВД СССР, в 1934 году активисты этих организаций передали советским немцам, компактно проживавшим на Украине, в Северо-Кавказском крае и Республике немцев Поволжья, более 600 тыс. марок и 14, 5 тыс. долларов. Распространители материальной помощи подверглись массовым арестам. Только за один 1934 год было арестовано около 4 тыс. советских немцев. Для советского руководства связи между советскими и зарубежными немцами были фактором, способствовавшим усилению влияния Германии на немецкое население СССР, а помощь со стороны зарубежных немцев рассматривалась как «фашистская помощь». Крайне нежелательной являлась и утечка информации о бедственном положении населения в немецких поселках и городах. О голоде среди Volksdeutsche (фольксдойч)²* в СССР газета «Völkische Beobachter» («Немецкое обозрение») начала писать обширно с лета 1933 года. И в дальнейшем эта тема не исчезла из прессы и из выступлений лидеров Германии.

Массовые разработки немцев в значительной мере базировались только на фактах распространения материальной помощи и передачи за рубеж «клеветы» о голоде среди немцев в СССР.

¹ АП РФ. Ф. 3 Оп. 58. Д. 250. Л. 17–20, 43–47.

² «Этнические немцы» – в период гитлеровской оккупации восточноевропейских стран (1939–1945 гг.) – лица, вписанные в специальный список граждан мнимого или действительно немецкого происхождения. – *Прим. ред.*

В дальнейшем репрессии лишь усиливались. Обязательными условиями в процессе разработок по обвинению в шпионской деятельности являлось упоминание инспециалистов, работавших на промышленных предприятиях, сотрудников посольства и консульств. Например, большинство дел об участниках шпионско-диверсионной деятельности в районах Сибири обязательно связывалось с именем германского консула в Новосибирске Гросскопфа. На Украине в материалах оперативных разработок упоминались германские консулы в Харькове и Киеве.

В мае 1935 года по делу «Арийцы» были арестованы десятки немцев в Москве, Ленинграде, Саратове, Ярославле, Крыму, а различные организации немцев объявлялись «легальным прикрытием шпионской деятельности германского посольства». В 1935 году последовали аресты немецких политэмигрантов и австрийцев — шуцбундовцев, среди которых ширилось движение за возвращение на родину и которые резко критиковали внутреннюю политику, проводимую сталинским руководством. В основном шуцбундовцы были недовольны тяжелыми условиями труда и нищенской заработной платой.

18 мая 1935 года нарком НКВД Украины В. Балицкий направил Сталину записку о боеготовности частей Украинского военного округа. В ней он отмечал, что по данным органов госбезопасности среди советских военнослужащих-немцев усилились проявления фашистских настроений. Под фашистскими настроениями понимался интерес к событиям в Германии, иногда позитивная оценка заявлений Гитлера о возрождении мощного германского государства. В качестве меры борьбы Балицкий предложил перебросить военнослужащих немцев с западных границ СССР во внутренние округа. Сталин дал соответствующие указания наркому обороны К. Ворошилову, отметив на записке: «По-моему, т. Балицкий прав»¹.

С 1935 года особые отделы ГУГБ НКВД начали вести в РККА учет иностранцев и политэмигрантов из различных стран. В отношении подозрительных военнослужащих-корейцев принимались меры по их переводу в части, где разведывательные и диверсионные возможности были сведены до минимума. Относительно категории «особо подозрительные военнослужащие» ставился вопрос об отчислении их из армии или репрессировании. С середины 30-х годов началась более активная разработка советских граждан различных национальностей, которые, по мнению органов госбезопасности, могли бы стать базой для вербовочной работы разведывательных органов капиталистических стран. Однако основные разработки были связаны с деятельностью официальных представительств Германии.

В результате проведенной в течение 1934–1936 годов операции «Коричневая паутина» в основном была выявлена пропагандистская работа сотрудников германского посольства в Москве и германских консульств

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 5 об.

в других городах, которые организовывали приемы и встречи, приглашая советских немцев. На учет были взяты все лица, имевшие связь с германскими представителями. Но, как отмечалось в ориентировке Особого отдела ГУГБ, на территории СССР не удалось вскрыть нелегальный центр германской фашистской партии, хотя по данному делу разрабатывались сотни советских граждан немецкой национальности.

В июне 1936 года, чтобы исключить возможность создания немцами какой-либо организации, было принято решение ликвидировать все связи германских представителей в СССР с советскими гражданами. В отличие от предыдущих лет, в конце 1936 года при разработке окружения германских представительств ставилась задача почти полной изоляции их сотрудников от советских граждан.

В ноябре 1936 года Сталин санкционировал массовые аресты германских подданных. Нарком НКВД Ежов докладывал генсеку, что в ночь на 5 ноября в Москве и 9 ноября в Ленинграде арестованы члены «нелегальной фашистской партии». Всего было арестовано восемьдесят три советских гражданина и девятнадцать германских подданных. В течение ноября 1936 года в целом по СССР арестовали сто тридцать шесть человек, из них двадцать одного подданного Германии и четверо подданных других государств. 25 декабря Ежов и Вышинский направили Сталину спецсообщение, в котором доложили о том, что следствие по всем арестованным закончено, судебный процесс подготовлен. В детально разработанном сценарии проведения процесса предполагалось предать суду двадцать четыре человека, включая восемь подданных Германии и одного подданного Литвы. И. Сталину был представлен проект обвинительного заключения. Открытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР должно было состояться 3 января 1937 года в Октябрьском зале Дома Союзов¹.

Однако обвинения в шпионской и террористической деятельности не были достаточно убедительными. Подробный и обстоятельный план проведения процесса полностью совпадал с аналогичными планами, представленными Сталину при подготовке процессов в августе 1936 в Москве и в ноябре того же года в Новосибирске. Подготовка очередного громкого процесса не могла происходить без санкции Сталина, а органы госбезопасности проделали работу для оказания Сталиным политического давления на германское руководство.

Узнав об определенных колебаниях руководства насчет целесообразности процесса, нарком иностранных дел М. Литвинов в январе 1937 года писал Сталину: «Нас могут поставить в неудобное положение показания Оберберга, который просил бомбу от сотрудника миссии иностранного государства». Подобные показания, по мнению наркома, могли привести к резкому обострению отношений между СССР и Германией и даже их раз-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 249. Л. 142–143.

рыву, и потому Литвинов предложил убрать из показаний ничем не подтвержденный факт, настаивал на изменении меры наказания. Литвинов выдвинул идею использовать высылку германских подданных для получения компенсации от Германии, то есть добиться освобождения некоторых арестованных советских граждан, а также интернированных команд пароходов «Смидович» и «Комсомол», используя влияние Гитлера на Франко¹.

В конечном итоге И. Сталин принял решение никакого процесса не проводить, а германских подданных выслать. 23 апреля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение одобрить предложение М. Литвинова о высылке арестованных немцев². Советские граждане, проходившие по данному делу, были осуждены за шпионаж на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР.

В период, предшествующий массовому террору, в целом по стране более 75 % арестованных за шпионскую деятельность обвинялись в принадлежности к польским, немецким и японским разведорганам. В 1935–1936 годах из 9965 арестованных более 7100 обвинялись в шпионаже в пользу Германии, Польши и Японии. Из них в работе на польскую разведку – 3528 человек, японскую – 2275, германскую – 1322³.

Организация открытых политических процессов имела конкретную цель: Сталин, в частности, таким образом демонстрировал советскому народу разветвленную шпионскую сеть, якобы созданную на территории СССР иностранными разведками. Планируя проведение процесса по делу так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра в августе 1936 года, сотрудники НКВД подобрали состав обвиняемых таким образом, что пять человек из шестнадцати были членами компартии Германии, приехавшими в СССР в 1932–1933 годах и, безусловно, по мнению следователей, выполнявшими задания германской разведки. Громкое дело о «Сибирском троцкистском центре», который возглавляли якобы Н. И. Муралов и М. С. Богуславский, раскрытое НКВД весной 1936 года, стало этапом при подготовке нового процесса, так называемого параллельного троцкистско-зиновьевского центра. Следователи также составили схему о связях центра с иноспециалистами, в данном случае немецкими, присланными для ведения разведывательной работы и установления контактов с Троцким.

Сталин при чтении протоколов допросов всегда очень внимательно изучал представленные следователями НКВД факты о связях арестованных с иностранцами, разведками иностранных государств. 15 ноября 1936 года он подчеркнул и выделил из протокола допроса бывшего начальника ИНО Главхимпрома И. И. Граше все показания об имевшихся якобы связях начальника Главхимпрома НКТП С. А. Ратайчика с герман-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 249. Л. 142–159.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 29.

³ ЦА ФСБ. Ф. 8 ос. Оп. 1. Д. 79.

ской разведкой. Из протокола следовало, что представитель германской фирмы Мейеровиц, уехавший в Германию, получал пакеты с секретными материалами от Ратайчак и передавал за это деньги. Для Сталина имело огромное значение и то, что Ратайчак по национальности был немцем. На декабрьском 1936 года пленуме ЦК ВКП(б), проявляя детальное знание материалов следствия, Сталин перебивал и дополнял доклад Ежова, когда тот, на взгляд вождя, забывал что-либо важное. Например, Ежов развивал идею о шпионской деятельности оппозиционеров, а Сталин уточнил: «А ведь этот Ратайчак, он ведь немецкий шпион, он ведь получал деньги за информацию от немецкой разведки, он был шпионом»¹.

На январском процессе 1937 года круг иностранных разведок, якобы действовавших на территории СССР, был расширен. Помимо традиционного упоминания о связях с Германией, бывший заместитель НКПС Я. А. Лившиц и зам. начальника Свердловской железной дороги И. Д. Турок обвинялись также в том, что вели «шпионско-вредительскую деятельность» в пользу Японии и получили якобы от японцев, конкретно от «господина Х», деньги в сумме 35 тысяч рублей.

Германские представители, уже привыкшие к подобным обвинениям, не высказывали публичных претензий, опасаясь за судьбу своих инженеров, и предпочитали договариваться через НКВД о высылке германских подданных. Так, германский подданный Штиклинг, фигурировавший вместе с обвиняемым Б. О. Норкиным, М. С. Строиловым на «кемеровском» процессе в ноябре 1936 года, уже не выступал, в отличие от них, на январском процессе в качестве обвиняемого.

Однако сотрудники японского посольства сообщение об участии советских граждан во вредительско-шпионской деятельности в пользу своей страны восприняли серьезно и тщательно анализировали показания обвиняемых. Докладывая Сталину об итогах совещания в японской миссии, Н. Ежов вынужден был косвенно признать недоработки НКВД в ходе следствия. Сотрудники японского посольства подготовили документы, которые убедительно доказывали, что «господин Х» — японский посол, и не мог передать деньги в указанные место и время, поскольку его там не было.

И в дальнейшем Сталин уделял материалам следствия особое внимание. Интересны положения, которые он отметил в протоколе допроса от 27 февраля 1937 года главного инженера «Грознефтезавода» Р. Ф. Брамбило, итальянца по национальности, принявшего на свою беду 5 февраля советское гражданство. Его обвиняли в работе на германскую разведку, в частности, в подготовке взрывов резервуаров нефтехранилищ в августе 1935 и марте 1936 годов. Сталин обратил внимание на связи Брамбило с консулом Италии в Одессе Бардуцци².

¹ Вопросы истории. 1995. № 1, С. 3–22; АП РФ. Ф. 3 Оп. 24. Д. 256. Л. 12.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 298. Л. 87, 93.

О том, что аресты как иностранцев, так и советских граждан по обвинениям в проведении шпионской работы не имели под собой реальных оснований, свидетельствовали внутренние документы НКВД. Появление столь откровенных объективных оценок было связано с необходимостью продемонстрировать борьбу органов госбезопасности за искоренение вредительства в собственных рядах, перестройку всей оперативной работы, а также дискредитировать предшествующего наркома Г. Ягоду, что было очень важно для нового руководителя НКВД Н. Ежова. В марте — апреле 1937 года в директивах и циркулярах Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР отмечалось, что в предшествующие годы шпионские организации были раскрыты контрразведчиками в основном в процессе разгрома массовых антисоветских группировок. В директивном письме ГУГБ от 2 апреля 1937 года «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории СССР» прямо говорилось о преобладании агентурных разработок, которые «дают только повод для арестов, но не содержат доказательств виновности арестованных», а «большинство ликвидируемых дел не документировано и целиком основано на показаниях обвиняемых»¹. Работники центрального аппарата ГУГБ НКВД СССР, сотрудники областных управлений понимали, что выполняли «социальный заказ» высшего руководства, но не оказывали никакого сопротивления.

На основании материалов, полученных из УНКВД Западно-Сибирского края, Ежов 15 февраля 1937 года представил Сталину картину широкого распространения германской, польской и японской разведывательной сети на предприятиях Кузбасса, Томской железной дороги и прилегающих районах. На Кузнецком металлургическом комбинате германские специалисты якобы планировали вывести завод из строя в момент объявления войны, а по заданию японской разведки готовились диверсионные акты на магистралях Сибирской железной дороги.

Ежов поставил вопрос об «очищении» этого стратегического региона страны от иностранцев. Предложенный им проект постановления был принят Политбюро ЦК ВКП(б) 13 марта 1937 года. В решении говорилось, в частности: «1. Отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае. В первую очередь провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным. 2. Иностранцев подданных, уличенных в шпионской и диверсионной деятельности арестовывать и предавать суду...»².

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66-1т. Оп. 30. Д. 17. Л. 185.

² *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг./ Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 45; АП РФ Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 98.

Началась подготовка и к ограничению количества дипломатических представительств Германии, Японии, Польши и других государств на территории СССР. Нарастание репрессивных мер в отношении иностранцев и советских граждан инонациональностей свидетельствовало о проведении советским руководством превентивных мер в отношении представителей национальностей тех государств, которые могли в дальнейшем стать источником военной угрозы для СССР.

Чистки приграничных районов

На протяжении 1934–1936 годов не прекращалась практика по переселению значительных масс населения. Наибольших масштабов она достигла в период коллективизации. Но в данный период среди причин выселений за пределы и переселений внутри региона резко усилилось влияние внешнего фактора.

Подготовка к возможным военным действиям предопределила характер превентивных мер на территориях, которые рассматривались в качестве будущего театра военных действий. Приграничные области в европейской части страны и на Дальнем Востоке СССР стали объектом повышенного внимания. В течение 1934–1936 годов советское руководство последовательно проводило в данных регионах операции по депортации или переселению, которые носили ярко выраженный социально-этнический характер. Продолжалось выселение так называемых кулацких элементов, семей единоличников, других категорий населения, которые считались советским руководством политически неблагонадежными. Переселения имели локальный ограниченный характер — и по численности переселяемых, и по охвату территорий.

Вместе с тем, направленность этих «операций» свидетельствовала, во-первых, о том, в какой части населения советское руководство видело наибольшую опасность и потенциальную угрозу как для советского общества, так и для существовавшего режима; во-вторых, о методах, которые применялись сталинским руководством в ходе их проведения.

Укрепление границ связывалось советским руководством с проведением так называемых «чисток» приграничной полосы и удалением потенциальной «базы» иностранных разведок и политически неблагонадежных элементов. Заключение германо-польского соглашения в 1934 году вызвало резкую ответную реакцию советского руководства. 7 декабря 1934 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо в партийные органы Украины и Белоруссии о ситуации в польских районах в УССР и БССР. Наряду с украинизацией этих территорий в приграничной зоне (Мархлевский на Украине и Дзержинский в Белоруссии), созданием и укреплением там партийно-советского аппарата, органам наркомвнудела рекомендовалось произвести аресты и высылку «контрреволюционных элементов». Сталин при редактировании письма внес поправки. В первоначальном варианте НКВД давал установки на то, чтобы «злостных

руководителей антисоветской работы приговаривать к расстрелу». Очевидно, понимая явную антипольскую направленность этих директив, учитывая возможность осложнений отношений с Польшей и Германией, вероятность развертывания неконтролируемой кампанейщины и перегибов, Сталин вычеркнул этот пункт, заменив его на «судить на общих основаниях без всякого послабления»¹.

Более конкретные меры по реализации директивы ЦК ВКП(б) содержались в докладной записке первого секретаря ЦК КП (б)У С. Косиора, направленной Сталину 23 декабря 1934 года. Он подчеркивал необходимость мероприятий по «очистке пограничной полосы, и в первую очередь районов и сел с польским и немецким населением, от неблагонадежного и антисоветского элемента». О том, что данная мера носила превентивный характер и имела целью обеспечение безопасности на случай военных действий, свидетельствовало уточнение о том, что «особенно тщательно будут очищены районы и села, населенные поляками и немцами, расположенные вблизи точек укрепрайонов и других объектов стратегического значения (ж.-д. узлы, мосты и т. д.)»².

Конкретные предложения Косиора о переселении восьми тысяч семей в глубинные области Украины и двух тысяч семей на север СССР были одобрены Сталиным и закреплены в решении Политбюро ЦК ВКП(б) 27 декабря 1934 года³. Из общего числа высланных на север около 1300 семей составляли семьи поляков и немцев, переселенные в спецпоселки Белбалткомбината⁴.

Упомянутая выше операция в Ленинградской области и Карельской АССР проводилась в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 марта 1935 года о мероприятиях по усилению охраны границ в данных регионах. В январе 1935 года начальник пограничных войск М. Фриновский во главе комиссии НКВД провел обследование северо-западной границы. 21 февраля итоговый отчет был направлен И. Сталину, который внимательно изучил как основные положения о состоянии охраны границы, так и конкретные выводы, к которым пришла комиссия.

Как тревожный факт комиссия отметила, что в приграничной полосе скопилось около пяти тысяч семей социально-чуждых и враждебных элементов. В предшествующие годы, говорилось в отчете, в эти районы бежали бывшие офицеры царской армии, жандармы, полицейские, кулаки. Как потенциальная база иностранных разведок в отчете указывались финны-ингерманландцы, карелы, которые участвовали в антисоветских

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 130. Л. 161.

² Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... С. 583.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Д. 101.

⁴ Трагедия советской деревни... Т. 3, М., 2002. С.550.

вооруженных выступлениях в Карелии, неоднократно пересекали границу. Комиссия сформулировала предложение о «выселении в трехмесячный срок из пограничных районов Карельской АССР и Ленинградской области контрреволюционных и социально-чуждых элементов в количестве 5000 семей». Сталину предложение понравилось, и он пишет на полях: «Почему не больше?»¹.

Предложения комиссии легли в основу постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении указанных категорий из пограничных районов². Персональная ответственность за проведение операции возлагалась на секретаря ЦК ВКП(б) А. Жданова и начальника УНКВД Л. Заковского.

Подозрительность и недоверие в отношении советских граждан инонациональностей выразились и в ликвидации карельской егерской бригады, дислоцированной в Петрозаводске. В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) в Карелию вводилась русская кадровая дивизия. В ее состав входили карелы и русские из ликвидированной бригады. Однако финский командный состав был исключен из кадров новой дивизии.

Операцию проводили в два этапа. Вначале выселили более пяти тысяч семей в Казахстан, Свердловскую и другие области и республики. На втором этапе двадцать две тысячи человек, преимущественно финнов, были переселены в Вологодскую область³. В 1935 году выселение из пограничной полосы затронуло Белоруссию. Две тысячи семей из приграничных районов были переселены в Казахстан и Северный край. В начале 1936 года новый удар обрушился на Украину. 17 января 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переселении пятнадцати тысяч польских и немецких хозяйств в Карагандинскую область Казахстана. 28 апреля был утвержден план переселения. Операция по переселению стала результатом совместных действий партийных органов и НКВД. Инициатива исходила попеременно то от одних, то от других, но всегда под контролем Сталина.

В течение января – марта 1936 года шла работа по подготовке переселения. 5 марта 1936 года Г. Ягода направил записку заместителю председателя СНК СССР В. Чубарю о плане жилищного и хозяйственно-бытового устройства переселенцев. В записке предлагалось обустройство переселяемых возложить на ГУЛАГ НКВД⁴. Окончательное решение по подобным вопросам принимал Сталин. 29 марта 1936 года Чубарь направи-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 131. Л. 34.

² См.: Чухин И. И. Карелия -37. Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 26–27.; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940. Петрозаводск, 1997.

³ Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing/ The Journal of Modern History 1998/ Vol. 70, № 4. С. 849–850.

⁴ История сталинского ГУЛАГа Т. 5, С. 220–222.

вил Сталину план размещения переселенцев. Сталина не удовлетворили расходы в 45 миллионов рублей, которые были определены комиссией, куда вошли Чубарь, Ягода и Муралов. На записке Сталин приписал: «т. Молотову, Чубарю. По-моему, не следует брать на семью 4 человека, а надо брать 3. Затем расчеты взяты преувеличенные. Достаточно дать 1. 500 рублей на хозяйство, а всего 23 миллиона (без малого) на 15 тысяч хозяйств. Из них 19 миллионов за счет резерв. фонда СНК СССР»¹. Таким образом, И. Сталин, проявляя высокое «человеколюбие», в два раза сократил расходы на переселение 15 тысяч хозяйств, ухудшая тем самым условия жизни для переселенцев.

Наиболее ярко влияние внешнего фактора прослеживается на примере реализации постановления Политбюро от 16 декабря 1936 года о выселении из Азербайджана в Иран в течение 1937 года двух с половиной тысяч граждан этой страны. Одновременно было принято решение об очистке пограничных районов Азербайджана. Четыреста семейств осужденных и вернувшихся из ссылки кулаков, мулл и других так называемых социально чуждых элементов подлежали высылке в отдаленные районы СССР. В глубинные районы Азербайджана выселялось около трехсот семейств, осужденных за контрреволюционную деятельность, бывших участников банд и повстанческих отрядов. Этому решению предшествовало ознакомление Сталина с информацией о деятельности немецких ученых в Турции и Персии. Из сообщения, полученного 9 декабря 1936 года, следовало, что якобы ими разрабатываются препараты «желтой лихорадки», которые могут быть использованы в приграничных территориях СССР. И Сталин дал указание «немедля выселить с погранрайонов Азербайджана вернувшихся из ссылки кулаков», а также «решить вопрос персидско-подданных в Азербайджане»².

Нельзя отрицать, что в приграничной полосе сопредельными государствами проводилась разведывательная работа, забрасывалась агентура для изучения оборонительных сооружений, состояния воинских частей. Иностранные государства активно использовали против СССР и эмигрантские организации. В 1938 году на третьем съезде Российского фашистского союза в Харбине отмечалось, что в течение 1935–1938 годов в СССР забросили более тридцати человек, подавляющая часть которых была задержана.

Базу иностранных разведок в СССР в этот период Сталин видел в иноподданных и представителях инациональностей, в отношении которых принимались превентивные меры для ограничения их влияния в различных сферах жизни страны и которые одновременно существенно ограничивали их права.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 131. Л. 140.

² Там же. Л. 159.

Проверка политэмигрантов — забвение интернационализма

В исследуемый период произошел перелом в политике по отношению к политэмигрантам — сотрудникам Коминтерна. Каждая секция Коминтерна находилась под контролем соответствующего отделения КРО центра. Периодически просматривались документы, переписка, осуществлялась проверка иностранных коммунистов в целях выявления провокаторов, засылаемых политической полицией соответствующих государств. Внутри компартий и как отражение этого процесса — в секциях Коминтерна — шла то усиливаясь, то затухая, фракционная борьба. В спецсообщениях КРО объективно освещались обвинения в провалах и неудачах в развитии массового рабочего движения, которые выдвигали друг против друга работники Коминтерна. В пылу полемики они доходили до того, что обвиняли своих оппонентов в связях со спецслужбами.

После того как в 1935 году Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об учете политэмигрантов как потенциальной базы иноразведок, в Коминтерне начался активный поиск агентуры спецслужб иностранных государств¹. Уже в декабре 1935 года были осуждены десять финских коммунистов, четверо из них были расстреляны по обвинению в шпионской деятельности. Их вина состояла в том, что они выступили с обвинениями против лидера компартии Финляндии О. В. Куусинена, возложив на него вину за поражение январского вооруженного восстания 1918 года. Затем шквал репрессий обрушился на представителей польской компартии, которые якобы выполняли задания 2-го разведывательного отдела генштаба Польши.

Некоторые компартии, входившие в Коминтерн, стали рассматриваться как базы иностранных разведок. В сентябре 1935 года первые секретари ЦК компартий Украины и Белоруссии П. П. Постышев и Н. Ф. Гикало направили Сталину сообщения о провалах в подпольных организациях компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии. По их мнению, польская разведка использовала нелегальные «партийные дороги» этих компартий для заброски в СССР шпионов и диверсантов.

1 декабря 1935 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) принимается решение о закрытии «зеленых границ» или партийных переправ на западной границе для компартий Польши, Западной Украины (КП ЗУ) и Западной Белоруссии (КП ЗБ). Без санкции ЦК ВКП(б) и секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова Центральные комитеты этих партий не могли переправить в СССР ни одного члена партии. Под контроль НКВД СССР был поставлен не только въезд иностранных коммунистов, но и выезд их из СССР².

¹ См.: *Ulam W., Chase J. Enemies within the Gates/ The Comintern and the Stalinist Repression. 1934–1939/ New Haven Yale University Press 2002 P. 102–145.*

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 32. Л. 132.

28 февраля 1936 года принимается постановление ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионов, террористических и диверсионных элементов». При подготовке этого документа особое внимание было уделено польским коммунистам. 19 января 1936 года Д. З. Мануильский писал Ежову: «Дорогой Николай Иванович! Прошу Вас в ближайшие дни принять меня по вопросу о мероприятиях против проникновения под видом политэмигрантов и членов братских компартий на территорию СССР шпионов и диверсантов... Я хотел бы с Вами обсудить вопрос о мероприятиях по проверке польской компартии, являвшейся, как Вам известно, в последние годы главным поставщиком шпионских и провокаторских элементов в СССР»¹.

В свою очередь, Ежов на основе материалов, представленных из ИККИ и НКВД, информировал Сталина о подготовке им проекта постановления. Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Гай информировал, что «значительное количество политэмигрантов находится под подозрением НКВД». В записке, адресованной Сталину, Ежов, нагнетая шпионофобию, «уточнил»: «... политэмигранты, подозреваемые в шпионаже, дела которых разрабатываются в НКВД»².

Первоначальный проект данного постановления, носивший название «О порядке въезда в СССР политэмигрантов», после неоднократных его доработок Ежовым стал более жестким по содержанию документом. Отныне выдача разрешений на въезд в СССР всем иностранцам, в том числе и политэмигрантам, возлагалась на ГУГБ НКВД.

В постановлении отмечалось, что «на территории СССР скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств». НКВД и Коминтерну предлагалось совместно провести в трехмесячный срок полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии МОПра, ИККИ и Профинтерна. По окончании переучета комиссия должна была представить на утверждение ЦК списки политэмигрантов по трем категориям: а) подлежащих высылке за пределы СССР через органы НКВД как подозреваемых в шпионаже или проведении враждебной антисоветской работы; б) предположительно направляемых за границу на подпольную работу по линии Коминтерна и МОПра; в) остающихся в СССР, так как возвращаться на родину им было опасно³.

Отношение к ряду компартий еще больше ужесточалось. В постановлении Политбюро от 26 февраля 1936 года отмечалось: «Распространить решение ЦК ВКП(б) от 1. XII. 1935 года о закрытии особых переправ по

---

¹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 40. Л. 68.

² Там же. Л. 94

³ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 40. Л. 25: О проблеме такого количества политэмигрантов в СССР с 1920 по 1936 год и разные оценки см.: Chase op/ cit/ P. 133, 432.

линии КПП, КП ЗУ и КП ЗБ на все западные и ближневосточные сухопутные и морские границы и на все особые переправы ИККИ, братских компартий и других организаций»¹.

Зарубежная деятельность компартий, входивших в Коминтерн, уже не представляла интереса для советского руководства. Принятие данного решения объяснялось тем, что спецслужбы различных государств якобы стали активно внедрять своих провокаторов и агентов в братские компартии и, используя партийные каналы, переправляли этих людей в СССР. Однако в действительности опасность проникновения агентов политической полиции и иностранных разведслужб в компартии Коминтерна была сильно преувеличена.

Так, среди материалов политической полиции Латвии и Эстонии, захваченных оперативными группами НКВД летом 1940 года, выделяются нормативные документы о задачах и обязанностях чинов политической полиции. Важнейшими задачами — после борьбы с разведкой СССР — было выявление и пресечение незаконной деятельности подпольной коммунистической партии Эстонии и агентов эстонской секции III Интернационала. Из материалов допросов руководителей политической полиции Риги и Таллина известны единичные факты засылки провокаторов в коммунистические организации. Так что меры, принимаемые руководством СССР, не соответствовали реальной угрозе коммунистическому движению со стороны спецслужб иностранных государств. Об этом свидетельствует и положение с операциями на «зеленой границе» в период, предшествовавший принятию решений Политбюро ЦК ВКП(б). Если в 1934 году по всем границам было осуществлено 3248 переходов и произошло 29 провалов, что составляло 0,9 % от количества переходов, то в 1935 году было 28 провалов на 4919 переходов, что составляло 0,6 % от всех переходов. И в абсолютных, и в относительных показателях тенденции к ухудшению положения на партийных переправах не наблюдалось².

Тем не менее, комиссия, созданная по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в составе секретаря ЦК Ежова, секретаря ИККИ Мануильского и начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гая, начала работу по учету и проверке всех политэмигрантов, находившихся в СССР. Многие положения февральского 1936 года постановления ЦК ВКП(б) свидетельствовали о том, что представители политической эмиграции из различных стран по линии ИККИ, МОПРа, Профинтерна находились под контролем НКВД.

15 марта 1936 года состоялось первое заседание комиссии ЦК по политэмиграции, на котором приняли решение о форсировании темпов учета политэмигрантов, находящихся в СССР. Постановили, не дожидая-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 73. Л. 81.

² Там же. Д. 55. Л. 41.

ья завершения учета, с 1 апреля 1936 года приступить к рассмотрению списков по секциям, начав эту работу со списков членов польской секции Коминтерна.

1 июля 1936 года Гай докладывал, что по месту жительства учтено и установлено 5678 политэмигрантов, причем компрометирующие материалы получены на 2210 человек. Из установленных 1289 политэмигрантов, в частности, из Польши компрометирующие материалы имелись на 489 человек. По заданию комиссии ЦК НКВД предоставил информацию о местах проживания и работы всех их.

По мере расширения деятельности комиссии репрессии ужесточались. Вместо предусмотренной постановлением ЦК ВКП(б) высылки политэмигрантов из СССР санкционировались их аресты. Например, из 368 польских политэмигрантов, проживавших в Москве, дела которых были рассмотрены комиссией, аресту подлежали 53 человека, высылке за границу — 238 человек, оставить в СССР рекомендовалось 77 человек.

Таким образом, к середине 1930-х годов в отношении представителей коммунистических партий стран — потенциальных противников советское руководство серьезно ужесточило режим их пребывания на территории СССР. Значительная часть коммунистов, работавших в различных секциях Коминтерна, рассматривалась теперь как вербовочная база иностранных разведок. Подготовительная работа завершилась, и были созданы условия для того, чтобы в случае изменения курса в карательной политике быстро развернуть массовые операции среди коминтерновцев.

Проверка и обмен партийных документов — поиски «врагов» в партии

Подозрительность, выискивание потенциальных «врагов» как среди иностранцев, так и советских граждан еще более усилились в ходе кампании по проверке партийных документов. Начавшаяся в 1933 году «чистка» в партийных организациях в 1935 году переросла в кампанию по проверке партийных документов, в ходе которой были продолжены исключения из партии. 13 мая 1935 года ЦК ВКП(б) разослал на места письмо, в котором указывалось на существующие беспорядки в учете, выдаче и хранении партийных документов, что позволяло проникать в партию «чуждым элементам».

Этот этап отличался от предыдущего тем, что органы госбезопасности приняли непосредственное участие в организационной работе правящей партии.

Важно отметить роль Ежова, возглавившего эту «операцию». В письме, отправленном в сентябре 1935 года находящемуся в Сочи Сталину, он писал: «К сожалению, НКВД до последнего времени стоял в стороне от этого дела. Само собой разумеется, что аппаратом только наших организаций раскрыть до конца эту сволочь невозможно. Проверка

дает только зацепку, а органы НКВД должны раскопать дело до конца. Только за последние месяцы мне удалось их оперативно втянуть в эту работу, и это уже начинает давать свои результаты... Если бы ничего не имели против, я хочу сговориться с Аграновым и собрать небольшое оперативное совещание по преимуществу центральных работников НКВД, разобрать все факты, касающиеся обнаруженных в партии шпионов, троцкистов и т.п. с тем, чтобы соответствующим образом проинформировать людей и направить их на поиски троцкистских и шпионских образований. Думаю, что такое инструктивное совещание было бы во всех отношениях полезно»¹.

Сталин одобрил проведение такого инструктивного совещания. В октябре–ноябре 1935 года по распоряжению Ягоды органам государственной безопасности на местах рассылались указания вести проверки среди членов ВКП(б). На основе анализа поступавших отчетов из местных управлений НКВД осенью 1935 года Ягода ориентировал оперативный состав по главным направлениям этой деятельности. В указании НКВД СССР от 2 октября 1935 года он обратил внимание на поверхностный характер следствия по исключенным из партии, в ходе которого выявлялись только жулики и аферисты. Центр тяжести предлагалось перенести «на разоблачение организованной контрреволюционной шпионской террористической деятельности проникшего в партию врага, зачастую пытающегося представить себя жуликом или аферистом». Особое внимание было рекомендовано уделять «выяснению связей разоблаченных с контрреволюционными троцкистами, зиновьевцами, децистами, мисниковцами и другими»².

Следовательно, прослеживалась определенная взаимосвязь между преследованием представителей бывшей партийной оппозиции и арестами по результатам проверки партдокументов, что дает основание предположить, что одной из главных целей проверки было выявление и аресты сторонников оппозиции.

Отмечая недостатки в работе управлений, нарком НКВД критиковал УНКВД Северного, Кировского, Куйбышевского краев, Киргизии и Крыма, которые на начало ноября 1935 года «не выявили ни одного троцкиста, пролезшего в партию с двурушническими целями». В связи с этим интересным представляется тот факт, что Ягода, очевидно, для того, чтобы не допустить излишней критики в адрес органов госбезопасности, назвал в ориентировке лишь пять из шестнадцати регионов, не выявивших ни одного троцкиста³.

Местные органы по-разному реагировали на ориентировки центра. Так, в Грузинской ССР, где обязанности секретаря компартии испол-

¹ Павлюков А. Ежов. Биография. М., 2007. С. 162–163.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Л. 185.

³ Там же. Д. 804. Л. 235.

нял Л. П. Берия, в ходе проверки партдокументов «троцкисты» среди арестованных коммунистов составляли 30 процентов, а в Татарской АССР – 7,3 процента.

В этот же период усиливается разработка исключенных из партии бывших членов ВКП(б), которые в директиве Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД в декабре 1935 года рассматривались как потенциальные кадры для террора и диверсий.

Неправомерной является точка зрения, что бывшие коммунисты подвергались репрессиям только на основании исключения из партии. В целом по СССР за 1935–1936 годы было арестовано два процента от общего числа исключенных из ВКП(б). Репрессии среди этой категории советских граждан разворачивались приблизительно по той же схеме, что и во время первой волны массовых репрессий, начавшихся после убийства Кирова. Арестам подвергались как члены партии, так и исключенные из нее: за принадлежность к так называемым контрреволюционным антипартийным группировкам; за сокрытие социального прошлого; по обвинению в шпионской деятельности. В ноябре 1935 года нарком НКВД СССР писал начальникам УНКВД: «Особое внимание обращаю на выявление агентуры иностранных разведок, проникшей в партию. На 20-е октября по Союзу выявлено 255 шпионов, а по УНКВД ДВК, ВСК выявлено всего по одному шпиону, по Западной области не выявлено ни одного шпиона»¹.

На практике взаимное сотрудничество партийных органов и аппарата госбезопасности в процессе проверки партийных документов выражалось, во-первых, в том, что имевшиеся в органах УГБ УНКВД компрометирующие материалы на коммунистов передавались в крайкомы, обкомы и районные комитеты партии. Так, в спецсообщении НКВД УССР в ЦК ВКП(б) в конце ноября 1935 года докладывалось о том, что в партийные органы была передана информация о 14773 коммунистах, которые оказались антисоветскими и социально-чуждыми элементами. На основании этих данных были исключены из партии 5081 человек, а 1898 арестованы². Руководство УНКВД Восточно-Сибирского края сообщало, что на начало января 1936 года в крайком были переданы материалы на 1322 человека, в результате чего 976 человек были исключены из партии. Во-вторых, партийные органы выступали инициаторами арестов коммунистов. Так, 2 ноября 1935 года Ягода указывал начальникам управлений НКВД краев, областей и республик на то, что работники УНКВД при проверке партийных документов зачастую игнорируют решения партийных органов о необходимости принятия мер в отношении разоблаченных лиц. Ягода особо ориентировал оперативный состав на выявление и репрессирование

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 804. Л. 319.

лиц, проникших в партию по заданиям «контрреволюционных организаций» и «иностранных разведок».

Работу органов государственной безопасности контролировал лично Сталин. 29 ноября 1935 года он прочитал два спецсообщения из НКВД, которые затем переадресовал Н. Ежову¹. В них подводились предварительные итоги оперативной работы органов государственной безопасности по проверке партийных документов. В сообщении № 57557 от 5 ноября заместитель Ягоды Я. С. Агранов представил статистические данные о количестве выявленных врагов партии, а также привел ряд примеров, составленных на основании материалов с мест. В спецсообщении от 27 ноября № 57673 развернутую картину проведенной операции представил нарком НКВД Украины, он ссылаясь на данные, полученные в ходе проверки партдокументов в этой крупнейшей республике. Динамику результатов деятельности органов госбезопасности можно проследить, сравнив поступившее Сталину спецсообщение от 5 ноября и направленное ему обобщенное сообщение от 28 ноября № 57688.

Общее количество арестованных:	5 ноября	27 ноября
	4097	6731
Шпионов	326	660
Троцкистов-зиновьевцев	331	883
Аферистов	1204	2003
Скрывших социальное происх.	689	1434

В числе других арестованных указывались националисты, фашисты и террористы и др.

В спецсообщениях, направляемых Сталину в ноябре–декабре 1935 года, четко прослеживаются две основные линии.

Во-первых, органы госбезопасности обращали внимание генсека на серьезную опасность, которую для страны представляли троцкисты. Так, на примере деятельности секретаря Сталинского райкома партии г. Одессы Д. Д. Томашкина и бывшего секретаря Кременчугского городского комитета партии Б. С. Невельского делался вывод о том, что большое количество «троцкистских элементов» было принято на советскую работу, и они заняли важные посты в советском аппарате; что «троцкисты-двурушники в советских учреждениях и хозорганах нередко покровительствовали явным контрреволюционным элементам, не только брали их под защиту, но и непосредственно участвовали в контрреволюционной работе»².

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 30 об.

² Там же. Д. 804. Л. 321.

Во-вторых, особо подчеркивалось, что среди подозреваемых в шпионской деятельности и арестованных по обвинению в шпионаже значительную массу составляли политэмигранты, которые перешли на советскую сторону, по мнению НКВД, якобы для выполнения заданий иностранных разведок. Такое отношение к иностранцам и политэмигрантам являлось следствием сложившейся в стране обстановки, проявлением шпионофобии. На областных совещаниях, где обсуждались вопросы, касавшиеся проверки партийных документов, Ежов инструктировал актив: «С немцами у нас обострились отношения, за ними надо глядеть, с поляками тоже, за англичанами надо глядеть, а вот американцы уж больно хорошие люди, и к ним отношение самое демократическое, тем более, что они и сами своим демократизмом швыряются. Имейте в виду, что американцы, как правило, почти все шпионы...»¹.

Чаще всего в спецсообщениях фигурировали политэмигранты и перебежчики из Польши; наряду с ними в качестве националистов упоминаются и политэмигранты из Франции, члены французской компартии. В Ленинграде были исключены из партии и арестованы как агенты японской разведки преподаватели-корейцы, работавшие в Институте востоковедения².

В спецсообщении с Украины нарком внутренних дел В. Балицкий информировал Сталина о том, что «по ряду дел о шпионских группах точно установлено, что часть польских эмигрантов была переброшена на советскую территорию польскими разведывательными органами. По заданию этих органов они проникали в ряды компартий, чтобы таким путем облегчить себе шпионскую деятельность». Среди арестованных немцев преобладали «поддерживавшие связи с Германией, занимавшиеся антисоветской агитацией, распространявшие фашистскую литературу»³. Так формировалось устойчивое мнение о том, что значительная часть политэмигрантов якобы являлась агентами иностранных разведок.

В то же время проверка партийных документов позволила выявить факты грубейших нарушений законности партийными руководителями в различных регионах СССР. Так, например, руководство УГБ НКВД Западной области сообщало о том, что инструктор Невельского РК ВКП(б) изъяс хлеб и имущество у тридцати семи крестьян-единоличников. Оправдывая свои действия, инструктор ссылался на секретную телеграмму Сталина об изъятии хлеба у тех, кто не хочет сдавать его добровольно⁴.

В ходе проверок органами госбезопасности среди членов ВКП(б) выявлялись аферисты, жулики, которые по своему мировоззрению и поведению никак не соответствовали элементарным требованиям,

---

¹ Паулюков А. Ежов... С. 160.

² ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 2. Д. 804. Л. 188.

³ Там же. Л. 317.

⁴ Там же. Л. 5.

предъявляемым к членам партии; исключали из КП(б) за халатное отношение к служебным обязанностям, за обман при вступлении в партию. В 1935 году среди исключенных из ВКП(б) таких партийцев было выявлено около 6 тыс.

Их продолжали преследовать и в последующие годы. В первую очередь репрессии обрушились на представителей бывших оппозиционных течений внутри партии, а также на тех, кто критиковал руководство страны (протаскивание враждебных взглядов в преподавании и в печати»). 22 мая 1937 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «Всех исключенных из ВКП(б) за принадлежность к троцкистам, линовьевцам, правым, шляпниковцам и др. антисоветским формированиям из Москвы, Ленинграда и Киева выселить в административном порядке в непромышленные районы Союза и прикрепить для жительства к определенным пунктам». Одновременно подлежали выселению и семьи бывших оппозиционеров, участников других антисоветских террористических и шпионских организаций, расстрелянных и осужденных на сроки свыше 5 лет¹. 8 июня 1937 года такая же мера в отношении семей арестованных троцкистов и правых была санкционирована для Азово-Черноморского края².

С инициативой такого выселения, под которое подпадало более тысячи членов семей арестованных «врагов народа» — троцкистов и правых — выступил секретарь Азово-Черноморского крайкома Е. Г. Евдокимов. Накануне принятия решения Политбюро 29 мая 1937 года он направил Сталину телеграмму: «Прошу поручить НКВД произвести выселение семей арестованных. Особенно это нужно сделать по Ростову и Сочи — шипят, как змеи и занимают квартиры в советских домах»³.

Аналогичная административная высылка была проведена в феврале — марте 1935 года в Ленинграде. Исключение было сделано лишь в отношении старых кадровых рабочих: их не выселяли, а ставили под надзор НКВД по месту жительства. 15 июня 1937 года нарком внутренних дел Н. Ежов утвердил инструкцию о порядке подготовки и проведения операции. Выселению подлежали исключенные из ВКП(б) жители шести городов. Кроме Москвы, Ленинграда и Киева, в список попали города Азово-Черноморского края: Ростов, Таганрог, Сочи и прилегающие к Сочи районы, где обычно отдыхали высшие руководители страны.

Исключенные из партии после 1 декабря 1934 года, а в виде исключения и ранее этого срока, подлежали административной высылке в районы Севера, Башкирии, Урала, Сибири, Казахстана, в республики Средней Азии. Операцию предполагалось закончить в два этапа:

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 45.

² Там же. Л. 53.

³ АП РФ. Ф.3. Оп. 24. Д. 306. Л. 171.

семьи исключенных выселить до 25 июля, а исключенных вместе с семьями до 25 августа¹.

Тем не менее, нельзя утверждать, что все исключенные из ВКП(б) в процессе проверки партийных документов стали объектом массовой операции и считались потенциальными врагами народа. Репрессиям подверглись лишь определенные категории бывших членов партии, главным образом это были исключенные за оппозиционную деятельность, за критические высказывания в адрес власти, а также проходившие по различным разработкам органов госбезопасности. Для подавляющего большинства членов ВКП(б) исключение из партии еще не являлось основанием для репрессии.

Следующий этап, который мог стать началом такой массовой операции, был обозначен в циркуляре НКВД № 46 от 26 июня 1937 года. В нем отмечалось, что необходимо ликвидировать отставание в систематической работе по исключенным из партии, которые пополняют собой ряды «шпионов, вредителей, диверсантов и террористов». В циркуляре эта категория советских граждан рассматривалась как сила, «могущая активно выступить против советской власти» под воздействием агентов иностранных разведок².

Однако органы госбезопасности не получили никаких конкретных указаний об активных действиях, кроме задачи «немедленно приступить к тщательному изучению исключенных из ВКП(б)», ввести единый учет, выделив для этого в управлениях специальные отделения и группы. В дальнейшем эта кампания не приобрела характер массовой операции. Коммунисты, исключенные из ВКП(б) в процессе проверки и обмена партийных документов, не стали объектами разработок органами НКВД, за исключением тех, кого обвиняли в принадлежности к оппозиционным группировкам.

«Социально-чуждые» и «социально-опасные» элементы

Наиболее важным направлением деятельности органов государственной безопасности считалась борьба с так называемыми «социально-чуждыми» и «социально-опасными элементами». В начале 1930-х годов в Секретно-политическом отделе ОГПУ СССР была разработана инструкция по учету так называемых антисоветских и контрреволюционных элементов в городе и деревне. Определенные категории населения стали рассматривать в качестве потенциальных противников советской власти. Подготовительная работа органов госбезопасности открывала простор для проведения быстрых и целенаправленных репрессий в отношении той части населения, которая была признана потенциально опасной

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 14. Л. 1–7.

² Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 151–154.

для государства. В соответствии с партийными установками таковыми являлись: (1) члены русских и национальных антисоветских политических партий; (2) антипартийные контрреволюционные элементы, то есть троцкисты, сапроновцы, мясниковцы, шляпниковцы; (3) участники террористических организаций и террористы-одиночки из представителей различных политпартий и антипартийных группировок; (4) антисоветский и контрреволюционный элемент на промышленных предприятиях и на сезонных работах (среди рабочих, служащих и административно-технического персонала); (5) участники кулацких террористических и повстанческих организаций и группировок, а также террористы-одиночки, антисоветский и контрреволюционный элемент в индивидуальном и социалистическом секторе деревни, кулачество — как сосланное и переселенное, так и нераскулаченное; (6) лица, подозреваемые в качестве инициаторов, руководителей и активных участников городских и массовых выступлений; (7) церковные служители всех конфессий (белое и черное духовенство), проповедники и руководящий состав церковных и сектантских организаций, а также весь антисоветский и контрреволюционный элемент среди церковников и сектантов; (8) бывшие провокаторы, охранники, жандармы, полицейские, тюремщики и каратели царского и белого правительств, бывшие члены черносотенно-погромных организаций, защищавших царя; (9) фашистские, монархические и кадетские элементы; (10) антисоветский и контрреволюционный элемент среди городского и неорганизованного населения, то есть бывшие люди, бывшие чиновники, бывшие фабриканты, бывшие торговцы, кустари, ремесленники, пенсионеры, лица без определенных занятий; (11) антисоветский и контрреволюционный элемент в масштабе села, района, области, республики, в профсоюзном и кооперативном аппаратах и добровольных обществах; (12) антисоветский и контрреволюционный элемент среди городской и сельской интеллигенции, студенчество, учащиеся различного рода общеобразовательных школ.

Первая волна массовых репрессий в отношении «социально-чуждых» элементов была проведена после убийства С. М. Кирова. В январе 1935 года в закрытом письме ЦК ВКП(б) в связи с убийством С. Кирова отмечалось, что Ленинград является единственным в своем роде городом, где живет большинство бывших царских чиновников с челядью бывших жандармов и полицейских, что «эти господа, расползаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты, а близость границ, облегчающая возможность укрытия от преследований, создает у преступных элементов чувство безнаказанности»¹.

Было принято решение в высылке из Ленинграда «бывших» людей. До начала операции Сталин получил записки начальника УНКВД Ленинградской области Л. М. Заковского с предложениями о ее проведении.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99–100.

Нарком Г. Г. Ягода высказался критически о предложениях по организации высылки, предложенных Заковским. В записке Сталину от 26 февраля 1935 года Ягода подчеркивал кампанейский характер предстоящих массовых арестов и высылки: «Указанный способ мог бы без нужды дать пищу для зарубежной клеветнической кампании в прессе против Советского Союза, — отмечал нарком, — тем более многие из указанных лиц тесно связаны с кругами научной и технической интеллигенции как в Советском Союзе, так и за рубежом». По его мнению, надо было арестовать только тех, на кого имелись материалы о контрреволюционной деятельности, провести высылку семей, в составе которых были расстреляны члены семейств, очистить учебные заведения от «социально-чуждых». Ягода полагал, что операцию необходимо провести в течение двух-трех месяцев¹.

Однако Сталин, ознакомившись с запиской Ягоды, отложил ее в свой архив. Операция была проведена с 28 февраля по 27 марта — в соответствии с предложением Заковского. В итоге из Ленинграда было выселено более 11 тысяч человек «бывших». «Очистка» пограничной полосы привела к выселению еще более 22 тысяч. Всего в результате проведения трех масштабных операций: по выселению бывших оппозиционеров и членов их семей, по выселению «бывших» людей и по «очистке» погранполосы, было репрессировано к марту 1935 года 10 399 семей, или 34 700 человек. Среди выселенных из пограничной полосы выделяется еще одна категория населения, рассматривавшаяся советским руководством как потенциальная угроза существующему строю, — так называемые кулаки и «лишенцы», которые составляли более 70 процентов среди всех репрессированных².

Основное отличие операции по выселению «бывших» от акций по выселению деклассированных элементов, периодически проводившихся в крупных городах СССР, состояло в том, что она носила ярко выраженный политический характер.

Основаниями для репрессий было участие в партийной оппозиции, а также социальная принадлежность людей. В отличие от деклассированных элементов, которых оставляли в пределах региона, большая часть выселенных из Ленинграда и области была отправлена на спецпоселение в глубинные области России и в национальные республики, а меньшая их часть по решению Особого совещания при НКВД СССР была заключена в исправительно-трудовые лагеря. Правда, в марте 1936 года из центра в ИТЛ пришло распоряжение, согласно которому всех специалистов, высланных из Ленинграда, надлежало использовать на квалифицированных работах в соответствии с профессией.

---

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 617.

² *Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Pliens, Citizens and the Soviet State, 1926–1936, London, 2003.*

В разработках оперативных отделов Главного управления государственной безопасности НКВД СССР согласно требованиям специальной инструкции обязательно указывались социальные характеристики человека. Например, в материалах Экономического отдела о начальнике конструкторского бюро завода «Красное Сормово» отмечалось, что он является сыном жандармского полковника, расстрелянного в первые дни революции. Главный инженер Главхимпрома, подозревавшийся во вредительстве, был бывшим офицером царской армии. Начальник Главникельолово, работавший в 1932–1934 годах в Ленинграде, был связан с антипартийными кругами, а у инженера Главцветмета мать была немецкой баронессой¹.

Эхом ленинградских событий стали систематические «чистки» в учреждениях исполнительной власти, в различных отраслях народного хозяйства.

Резко ужесточался режим на предприятиях, которые составляли основу оборонной промышленности. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 11 июля 1934 года органы госбезопасности должны были обеспечивать особый порядок найма и увольнения рабочих и служащих на шестидесяти восьми важнейших предприятиях военной промышленности, им было поручено перестроить систему охраны этой, особой группы заводов. В ноябре 1936 года количество таких предприятий возросло до ста семнадцати.

Речь шла о том, чтобы не принимать на работу «социально-чуждые и контрреволюционные элементы». Целые категории населения подвергались негласной дискриминации по причине социальной и национальной принадлежности, а также за «политическую неблагонадежность». С этого времени без санкции органов НКВД прием на работу на предприятия оборонной промышленности стал невозможен, помощником директора по кадрам обязательно назначался сотрудник НКВД. Например, в январе 1936 года по итогам выполнения циркуляров № 62 и № 134 от 1935 года обсуждался вопрос о проверке и «очистке» особорежимных заводов. Руководству УНКВД по Кировскому краю было указано, что из 29678 человек не были проверены 4385 работников военных производств и не уволены еще 102 человека, отнесенных по итогам проверки к «социально-чуждым элементам». К началу 1936 года из 469 тысяч инженеров, техников, служащих и рабочих 68 оборонных заводов было проверено 358 тысяч человек, из них более 27 тысяч было уволено, а 11 тысячам было отказано в приеме на работу².

Экономические подразделения ГУТБ НКВД СССР, безусловно, не могли справиться с таким объемом работы. Проверка, которая должна была охватить столь огромное количество предприятий и организаций,

---

¹ ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 3. Д. 175.

² Там же. Оп. 2. Д. 900. Л. 129.

так и не была окончательно завершена. К вопросу о ее итогах вернулись уже в период массовых репрессий.

Таким образом, можно констатировать, что еще до начала массовых репрессивных операций сформировалось целое направление оперативной деятельности органов государственной безопасности, содержанием которого стали организация и проведение «чисток» от «неблагонадежных» элементов прежде всего предприятий оборонной промышленности. Вместе с тем, отказ в приеме на работу тех, кто ранее привлекался к уголовной ответственности за воровство, грабеж, убийства, злостные нарушения трудовой дисциплины способствовал формированию качественного состава рабочей силы.

Социальное происхождение советских граждан являлось существенным фактором в процессе следствия, предопределяло степень тяжести обвинения. Например, в ноябре 1935 года в УНКВД по Омской области шло следствие по группе расхитителей лекарств в областном аптекоуправлении. Начальник УНКВД в записке, направленной в Секретно-политический отдел Главного управления госбезопасности, сообщал о фактах продажи спекулянтам больших партий лекарств, которые отсутствовали в аптеках города, о хищениях. Из двенадцати человек, уличенных в воровстве, девять являлись бывшими торговцами, офицерами царской армии. Секретарь заместителя наркома НКВД, прочитав в записке, что расхищались яды и наркотические вещества, инструктировал замнаркома следующим образом: «Я. С.! (Яков Саулович Агранов. — *авт.*) Разработка интересная, но мне кажется, что разрабатывать дело нужно не столько под углом зрения хищений и продажи на частный рынок, сколько по линии возможной бактериологической диверсии, особенно учитывая довольно яркий контрреволюционный состав участников группы...»¹. Безусловно, что данная терминология отражала мировоззрение руководящего состава органов НКВД, которые рассматривали «бывших» людей в качестве потенциальных врагов советской власти.

В характеристике социального состава арестованных категория «социально чуждых» занимала первое место и устойчиво составляла в 1934–1936 годах от 26 до 30 процентов, что видно из таблицы.

Таблица

Социальный состав арестованных в 1936 году

Социально чуждые	35 229	26,9 %
Рабочие	22 975	17,5 %
Колхозники	12 869	9,8 %
Единоличники	8 425	6,4 %
Служащие	41 009	31,3 %

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 693. Л. 52.

РККА	2 840	2,2 %
Сотрудники НКВД	1 945	1,5 %
Другие (кустари, домохозяйки, иждивенцы и пр.)	3 449	2,6 %
Нет сведений	2 429	1,8 %
Итого	131 168	100 %

ЦА ФСБ. Ф. 80с. Оп. 1. Д. 64. Л. 3-4.

В ноябре 1936 года в докладной записке на имя наркома его заместитель Агранов сообщал, что в наркомате местной промышленности РСФСР и его главках среди руководящего состава выявлено тридцать семь «контрреволюционеров и социально-чуждых элементов». Ежов передал эту записку Сталину. Признаками политической неблагонадёжности являлись бывшее членство в меньшевистской партии, БУНДе, дворянское происхождение, служба в царской армии и др.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года генсек специально выделил в качестве враждебной силы, резерва троцкистских вредителей остатки бывших эксплуататорских классов. В выступлении на пленуме секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова с тревогой говорил о возможной «враждебной агитации и враждебных кандидатурах».

Партийное руководство готовилось к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР, которые должны были пройти по новой избирательной системе. В соответствии с Конституцией 1936 года выборы становились всеобщими, равными, прямыми и тайными. Жданов отмечал, что имеет место известное оживление антисоветских элементов и не исключал их попыток использовать в ходе предстоящих выборов легальные возможности, предоставленные новой Конституцией. Особое внимание участников пленума он обращал на оживлённую деятельность религиозных организаций, церкви. По мнению Жданова, «враги уже действуют и крепко готовятся к выборам»¹. Как и другие члены Политбюро, он с осени 1936 года регулярно получал спецсообщения от органов госбезопасности о ходе дискуссий по проекту Конституции СССР, об отношении населения и к новой конституции, и к возможности влиять на выдвижение кандидатур для избрания в высшие законодательные органы. Из сообщений Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР вырисовывалась достаточно объективная картина реакции городского и сельского населения. Отличительными особенностями этих «дискуссий» была крайне низкая явка людей на собрания, особенно среди деревенского населения, широкое использование партийно-советского аппарата для имитации «всенародного обсуждения», неверие значительной части людей в реальную возможность кардинальных изменений условий жизни в лучшую

¹ Вопросы истории. 1993. № 5. Л. 5.

сторону, критическое отношение к политике, проводимой советским руководством. О том, что предстоящие выборы можно использовать для ослабления влияния коммунистов в стране действительно говорилось на собраниях во всеуслышание. Органы госбезопасности фиксировали все подобные выступления.

О том, что в ходе подготовки к выборам наблюдалось оживление «враждебных» элементов, и в первую очередь церковников, освобожденных из лагерей кулаков, членов антисоветских политических партий, говорил в своем докладе на пленуме и Н. С. Хрушев¹.

27 марта 1937 года из Центра в местные управления был разослан циркуляр № 23 об усилении работы по церковникам и сектантам. В нем указывалось, что в связи с предстоящими выборами необходимо принять все меры для того, чтобы в низовой советский выборный аппарат не прошли ставленники церкви, а также не допустить расширения выступлений церкви за предоставление прав наравне с политическими партиями и общественными организациями и выдвигать собственных кандидатов на выборах. Главная цель заключалась в ограничении ее влияния на население².

В числе «социально-опасных» элементов, которым органы государственной безопасности уделяли значительное внимание, были представители распущенных и запрещенных демократических партий. На протяжении многих лет разработка бывших членов эсеровской, меньшевистской и других партий была приоритетным направлением деятельности Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД. После февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) — в соответствии с установками сталинского руководства — эта деятельность стала еще более активной. 29 апреля 1937 года на места была разослана циркулярная шифротелеграмма № 57057 с информацией о якобы имеющих место действиях нелегальных организаций меньшевиков по воссозданию своей партии. Вновь была реанимирована идея об организации в Москве «Союзного бюро» меньшевиков, представители которого, по мнению следователей НКВД, установили связи с правыми, троцкистами, эсерами, разрабатывали планы террористических актов, делали ставку на интервенцию и подготовку вооруженного восстания. Меньшевики, находившиеся в ссылке, якобы хотели использовать права, предоставленные новой Конституцией, для укрепления своих позиций в советском обществе. В телеграмме предписывалось принимать превентивные меры, чтобы ни в коем случае не допустить влияния бывших меньшевиков на население при подготовке к предстоящим выборам. Поэтому особое внимание органы госбезопасности должны были уделять «выявлению и вскрытию попыток мень-

---

¹ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 28–35.

² ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 57.

нистского подполья развернуть контрреволюционную деятельность в связи с предстоящими выборами в советы на основе новой советской Конституции»¹.

Важным этапом репрессивной политики в отношении «социально-чуждых» элементов можно считать введение так называемого «особого порядка» рассмотрения дел. Впервые такой порядок был применен при рассмотрении дела заключенных — строителей канала Москва-Волга. 5 июня 1937 года заместитель наркома НКВД Фриновский и заместитель прокурора СССР Г. К. Рогинский утвердили решение о расстреле заключенных Дмитлага без всяких судебных формальностей. Дело было сфабриковано после ареста ближайшего соратника Ягоды бывшего начальника Дмитровского лагеря С. Г. Фирина и начальника контрразведывательного отдела Дмитлага С. В. Пузицкого. Поскольку в это время были раскрыты «заговоры» и комендатуре Кремля, в военной школе имени ВЦИК и в Московском военном округе, Ежов представил «доказательства» подготовки Ягодой военного переворота. Бывший нарком НКВД якобы дал указание направить 35 тысяч заключенных Дмитлага в Москву для захвата власти².

Для органов госбезопасности борьба с «социально-чуждыми» и «социально-опасными» элементами была традиционным направлением деятельности, и потому дальнейшее изменение масштабов репрессий свидетельствовало об их расширении, но о качественном изменении карательной политики.

Поиск «вредителей» и «диверсантов» — характерная особенность развития советской экономики

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Сталин отмечал, что на протяжении последних десяти лет в СССР вредительские акты в различных отраслях народного хозяйства не являлись неожиданными. Развивая эту тему, он упомянул о предостерегающих сигналах и свидетельствах вредительской деятельности.

В течение 1934–1936 годов Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало проведение процессов по делу о «японской шпионско-вредительской» организации, возглавляемой Ким За Еном (июль 1934 года), такой же организации в городе Сталино в Западно-Сибирском крае, где были арестованы служащие и инженеры металлургического завода, создавшие «Российскую партию национального возрождения» (1934 год), а также «германской шпионской организации» и в системе энергетико-промышленных предприятий (1936 год).

На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) по представлению прокурора СССР Вышинского систематически принимались решения о вынесении

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 105.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 305. Л. 20–21.

смертных приговоров Военной коллегией Верховного суда СССР, например, по делам о «вредителях» Кузбасугля и Кузнецкого отделения Томской железной дороги (4 апреля 1936 года), «шпионско-диверсионной» организации в Днепронетровске (21 августа 1936 года), о крушении на железнодорожном транспорте (1 ноября 1936 года) и др.¹

Нельзя не отметить одну важную особенность наиболее крупных дел этого периода, которая заключалась в том, что обвинения во вредительстве часто сопровождалось обвинениями в шпионской деятельности. В течение 1934–1936 годов все крупнейшие разработки органов государственной безопасности по разоблачению «вредителей» в различных отраслях народного хозяйства были постоянно связаны с деятельностью сотрудников дипломатических миссий, иностранных специалистов. Сталин уделял этим аспектам особо пристальное внимание. В августе 1934 года он получил спецсообщение об упоминавшейся выше группе инженеров Кузнецкого металлургического завода в Западно-Сибирском крае, якобы создавшим «Российскую партию национального возрождения». Доказанная деятельность группы заключалась только в критике экономического курса партии, который привел к голоду в деревне и обсуждению недовольства крестьян нищенским положением в колхозах. Одну из главных причин такого ужасающего положения в экономике участники группы видели в том, что в стране отсутствует частная собственность, личная заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Но органам государственной безопасности необходимо было доказать и «вредительско-шпионский» характер группы. Учитывая, что инженер Д. И. Саров находился в свое время в командировке в Японии (оттуда он вернулся в 1924 году), в протоколах допроса в качестве фигуранта возник японский разведчик Э. Ранзо. Он якобы завербовал Сарова в том же году во Владивостоке, но больше никогда не появлялся в СССР. По утверждению сотрудников госбезопасности, связь с японской разведкой и передачу секретных сведений о работе ряда заводов Саров в течение 1927–1929 годов поддерживал через некоего Алексеева, которого так и не нашли. Никаких доказательств связей арестованных инженеров с японской разведкой не было. Но, тем не менее, следователи пришли к выводу, что группа собиралась пересечь Тянь-Шаньский хребет и затем через Монголию выйти на связь с японскими спецслужбами. Материалы следствия, содержащие бездоказательные и абсурдные обвинения, были внимательно прочитаны Сталиным. На протоколе допроса он написал: «Т. Кагановичу. Всех уличенных в шпионстве в пользу Японии надо расстреливать»².

Важной особенностью становления советской экономики был негласный контроль над развитием наиболее важных промышленных и

---

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д. 19. Л. 131; Д. 20. Л. 55, 114.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 246. Л. 2–19.

оборонных предприятий со стороны органов госбезопасности, поэтому информация из НКВД являлась для Сталина важнейшим источником информации о реальном положении дел: о ходе выполнения планов, внедрении новой техники и др. Начальники Экономического, Транспортного и Особого отделов ГУГБ регулярно направляли генсеку спецсообщения по широкому кругу вопросов.

Так, в течение июля — августа 1935 года Сталин принял решения на основании информации десяти спецсообщений из НКВД СССР. По вопросам обороны и экономического строительства он был проинформирован о неудовлетворительном хранении боеприпасов на линкорах «Октябрьская революция» и «Марат», об укрывательстве от государства крупных денежных сумм Особым корпусом железнодорожных войск, о дефектах в строительстве бензохранилищ на Дальнем Востоке, о срыве постановления правительства о развитии азотной промышленности, о недостатке доков для Тихоокеанского флота. В каждом сообщении речь шла о конкретных людях, ответственных или виновных за недостатки. Наркомы, которым Сталин переадресовывал эти донесения, старались порой не допускать арестов специалистов. Так, в ответ на пересланное ему сообщение начальника ЭКО Г. Прокофьева об азотной промышленности заместитель наркома Л. Пятаков направил в Политбюро записку, в которой просил создать комиссию для проверки сведений, прежде чем ставить вопрос об аресте¹. Из огромного количества спецсообщений, посвященных положению на промышленных предприятиях и учреждениях наркомата тяжелой промышленности, оборонной, следовало, что невыполнение планов явилось результатом если не вредительства, то халатного отношения к работе ряда руководителей. В плохом качестве ракет обвиняли одного из руководителей оборонного НИИ Г. Э. Лангемака, в срыве планов по конструированию и изготовлению самолетов — заместителя начальника ГУАПа А. Н. Туполева. В спецсообщениях Экономического управления ГУГБ НКВД фигурировали фактически все директора оборонных заводов и начальники главных управлений наркоматов. При ужесточении общего курса карательной политики информация, которая содержалась в этих докладах с мест, могла стать и со временем становилась конкретной причиной для арестов. Достаточно было на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года по-новому расценить деятельность хозяйственных руководителей и, сместив фокус, представить халатное отношение к работе и объективные производственные трудности как вредительскую деятельность руководителей предприятий и специалистов, и путь к массовым репрессиям был открыт.

О том, что на пленуме будут даны важные политические установки, которые следует учитывать в повседневной работе органов госбезопасности, было видно из того, что нарком внутренних дел обеспечил при-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 10, 17, 18 об. 19 об. 20.

существование на нем руководства НКВД СССР. Ежов с разрешения Сталина пригласил в зал заседаний начальников оперативных отделов Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, начальников ряда республиканских и областных управлений НКВД. То, что около двадцати работников органов госбезопасности наблюдали за ходом пленума, вызвало неоднозначную реакцию учленов и кандидатов ЦК ВКП(б). Но присутствие руководства НКВД не было случайным: поскольку основные докладчики — Л. М. Каганович, В. М. Молотов, Н. И. Ежов — оперировали «состряпанными» в НКВД фактами о «вредительско-диверсионной деятельности шпионских троцкистских организаций» в различных отраслях народного хозяйства и партийно-советском аппарате, сотрудникам органов госбезопасности отводилась и решающая роль в ликвидации последствий вредительства.

Выступления на пленуме Молотова, Кагановича и Ежова по вопросу «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения» послужили сигналом к развертыванию масштабной борьбы с «вредительством» во всех отраслях производства. Молотов, ссылаясь на следственные материалы НКВД, цитировал показания арестованных хозяйственных руководителей, доказывая гигантский размах вредительства в стране. Каганович доложил пленуму, что, по его просьбе НКВД была организована слежка за заместителем начальника Центрального управления движения НКПС Князевым, который, имел «подозрительные» связи с харбинцами. В докладе Ежова истерия по поводу вредительства достигла такого накала, что было принято решение о тотальной проверке всех ведомств¹.

В своем заключительном докладе 3 марта 1937 года Сталин подвел итоги и обозначил программу дальнейших действий для учреждений и ведомств страны. Прежде всего он еще раз подчеркнул, что «вредительская и диверсионно-шпионская» работа агентов иностранных разведок охватила почти все партийные, советские и хозяйственные органы. Развивая этот тезис, Сталин указал на опасность для СССР со стороны стран капиталистического окружения, которые всегда будут засылать в Советский Союз вредителей, диверсантов и шпионов. Его рассуждения о том, что «вредители» вынуждены выполнять хозяйственные планы для того, чтобы скрывать свою «вредительскую» деятельность, вообще лишены логики. Выводы Сталина основывались только на материалах фальсифицированных показаний бывших оппозиционеров. Главным орудием борьбы с «вредительством» был и оставался НКВД².

План реализации мер по искоренению последствий «вредительства» предусматривал применение отработанных ранее шаблонов действий.

---

¹ Вопросы истории. 1993. № 3. С. 23–24; 1994. № 8. С. 12–13, 25.

² Там же. 1995. № 3. С. 3–15.

Фактически был возрожден опыт конца 1920-х — начала 1930-х годов. Наряду с «шахтинским делом» (1928 г.) о вредительстве в угольной промышленности не менее громкую известность получило дело о «о контрреволюционной вредительской и шпионской организации» в военной промышленности. Органами ОГПУ были арестованы В. С. Михайлов, И. Г. Высочанский и многие другие бывшие генералы и полковники царской армии, которые являлись крупными специалистами в области конструирования и изготовления новых образцов военной техники. В конце октября 1929 года по приговору коллегии ОГПУ, который был утвержден комиссией ЦК ВКП(б) по судебным делам и дополнительно санкционирован Политбюро во главе со Сталиным, ряд руководящих работников военной промышленности были приговорены к расстрелу¹. После этой расправы директора военных заводов должны были — по указанию ЦК ВКП(б) — представлять в высшие органы партии подробные отчеты о ликвидации последствий «вредительства» и налаживании работы предприятий².

После февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), всесторонне обсудившего проблему «вредителей» и «вредительства», глав наркоматов обязали подготовить в течение месяца конкретные планы работы по «ликвидации последствий разрушительной работы диверсантов, шпионов и вредителей». В течение апреля на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) продлевались сроки представления планов.

Это было вызвано различными причинами. Нарком жилищно-коммунального хозяйства Н. П. Комаров 23 апреля 1937 года объяснял Сталину, что «около 2-х декад по болезни не выходил на работу», и просил продлить срок подготовки плана до 10 мая. Нарком внешней торговли А. П. Розенгольц 24 апреля мотивировал это необходимостью «лучше обдумать и проработать предложения о мероприятиях по разоблачению и предупреждению шпионской деятельности». В связи с арестом наркома здравоохранения Г. Н. Каминского для нового руководства срок был продлен до 1 августа, но новые аресты привели к тому, что план был представлен в ЦК ВКП(б) только в декабре 1937 года³.

Разработанный НКВД план мероприятий по ликвидации последствий «вредительства» трудно оценить однозначно. С одной стороны, в нем предусматривалось совершенствование методов работы по контролю провалов в выполнении производственных заданий и намечались пути их преодоления, то есть решались конкретные производственно-технические проблемы развития отрасли. Например, в Гражданском воздушном флоте предполагалось повысить безаварийность полетов, создать новый пассажирский самолет, реконструировать аэродромное хозяйство

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 188, 192.

² АП РФ. Ф. 3. Д. Оп. 58. Д. 345.

³ Там же. Д. 400. Л. 52, 60, 63.

(бензохранилища, ремонтные мастерские и т. д.)¹. Нарком оборонной промышленности М. Л. Рухимович представил 16 мая 1937 года план, в котором был дан анализ работы предприятий по производству порохов, отравляющих веществ, заводов снаряжательных, артиллерийских, морского судостроения и многих других. О вредительстве в нем упоминалось единственный раз в связи с состоянием оборонной промышленности, в частности, с производством боеприпасов. В частности, было сказано, что враги «стремились держать снаряжательную базу, которой располагала царская Россия во время империалистической войны». Нарком также указал на недопустимость приема на оборонные предприятия иностранных рабочих, привел примеры удаления германских подданных с завода броневго производства².

Интересные «факты» о последствиях деятельности «вредителей» содержались в материале, подготовленном председателем правления Центросоюза И. А. Зеленским. «Враги народа», по его мнению, тормозили товарооборот между городом и деревней, именно они обвешивали покупателей, организовывали перебои в доставке товаров³. Аналогичная «информация» содержалась и в плане наркомата внутренней торговли: «вредителей» объявляли виноватыми в существовании очередей — за хлебом, сахаром, солью, поскольку они срывали завоз товаров. В качестве действенной меры предлагалось возложить ответственность на руководителей горторгов, которые должны были лично контролировать завоз хлеба, чтобы обеспечить его бесперебойную доставку населению, хотя страна испытывала последствия неурожайного года⁴.

В планах по ликвидации последствий вредительства, представленных наркоматами оборонной (Рухимович) и легкой (И. Е. Любимов) промышленности, внутренней (И. Я. Вейцер) и внешней (Розенгольц) торговли, кооперации (Зеленский) не упоминались конкретные вредители или назывались несколько арестованных (пищевая промышленность — А. И. Микоян). В большей степени наркомы памечали организационно-технические мероприятия по совершенствованию работы своей отрасли.

Одновременно ряд наркоматов представил планы, которые открывали широкую дорогу к решению проблемы борьбы «с последствиями вредительства» органам НКВД. Наиболее жесткий план был представлен наркомом путей сообщения Кагановичем, который дважды докладывал Сталину о мерах по ликвидации последствий вредительства. 23 марта 1937 года он сообщал о готовящейся негласной самопроверке и замене сотрудников на важнейших железнодорожных узлах оборонного значения, путевых обходчиков. Работу предполагалось начать с «наиболее

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Д. 401. Л. 44–51.

² Там же. Д. 402. Л. 60–72.

³ Там же. Д. 401. Л. 19–25.

⁴ Там же. Д. 403, Л. 74–75.

ласоренных участков, где вскрыто троцкистское вредительство», и ликвидировать ее к 1 сентября. Намечалось пересмотреть на предмет вредительства все приказы, изданные замнаркома НКПС Я. Лившицем, осужденным в январе 1937 года¹. Важно отметить, что после ареста Пятакова в сентябре 1936 года С. Орджоникидзе назвал глупостью предложения пересмотреть все приказы, подписанные его заместителем.

С одной стороны, в представленных наркоматами планах подводились итоги и ставились новые производственные задачи. Но в них нашли отражение и тревожные симптомы, которые могли негативным образом отразиться на работе ведомства. В частности, планами НКПС, НК внешней торговли, НК обороны предусматривалась проверка на политическую благонадежность и выявление врагов народа совместно с НКВД.

Запланированная тотальная проверка таила в себе потенциальную угрозу для наркоматов, поскольку речь шла не только о проверке собственными силами, но и о подключении карательного ведомства. Например, 7 и 10 мая 1937 года К. Ворошилов представил свои предложения, в которых он не привел ни одного конкретного примера вредительства, не назвал ни одного военнослужащего наркомата обороны. Упоминание об органах НКВД допускалось только при проверке вольнонаемного состава в отдельных подразделениях НКО. Но одновременно была поставлена задача проверить руководящий состав штабов всех уровней, оперативных отделов. Особое внимание следовало уделить командному и начальствующему составу Генерального штаба, управлений ВВС, морских сил, разведывательного управления РККА и его отделов в округах, управлений всех родов войск. Необходимо было проверить склады и ремонтные базы, состояние охраны военной тайны, строительство и др. Особой проверке подлежали управления, которые ранее возглавлялись лицами, отстраненными от работы по политическим мотивам. Фактически Особый отдел НКВД СССР получил готовый план поиска вредителей и шпионов во всех соединениях Красной Армии².

Важной особенностью, которая обусловила дальнейшее ужесточение мероприятий по ликвидации последствий «вредительства», стала установка на выявление наркоматами взаимосвязи между разоблачением «врагов народа» и улучшением работы ведомств. Данная тенденция отчетливо прослеживается в плане, представленном Наркомводом СССР (Н. И. Пахомов). Анализ работы наркомата основывался на том, что все объективные проблемы, связанные с недостатками в выполнении планов, списывались на деятельность «вредителей». Значительная часть плана была посвящена тем мерам, которые были предприняты НКВД по поиску «врагов народа», якобы срывающих планы нормальной работы водного транспорта в СССР. Аварии, нанесшие ущерб народному хозяй-

---

¹ ТАП РФ. Ф. 3. Д. 401. Л. 1-12.

² Там же. Л. 107-109.

ству более чем в 29 миллионов рублей, количество которых в 1936 году превысило десять тысяч, простои судов при разгрузке, превышавшие двадцать суток на одно судно в Киевском порту, — все это объяснялось происками «вредителей». Причиной обрушения отстроенных причалов в Мурманске и Новороссийске тоже были «вредители». Показателями четкого выполнения установок правящей партии, принципиальности в ликвидации последствий вредительства стало перечисление десятков руководителей управлений морского и речного транспорта, начальников крупнейших пароходов, взятых под арест в течение 1936–1937 годов. Общее количество арестованных составляло более двухсот человек¹.

Особая роль в начавшейся кампании отводилась наркомату внутренних дел. Резолюции февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б) обсуждались на активах работников НКВД в республиках, краях и областях. Только на активах управлений государственной безопасности рекомендовалось обсудить резолюцию пленума, касающуюся работы органов Наркомвнудела. В указании, направленном на места за подписью Ежова, была отражена главная задача текущего момента: «Центральный комитет нашей партии возложил на НКВД СССР задачу довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца с тем, чтобы подавить малейшие проявления их анти-советской деятельности.

Для успешного выполнения этой важнейшей задачи необходимо ускорить и завершить реорганизацию органов государственной безопасности.

В связи с возможностью военного нападения фашистских государств на Советский Союз разведки этих государств проявляют лихорадочную активность на нашей территории, стремясь к насаждению своей агентуры на наших промышленных предприятиях и на транспорте, с целью организации диверсий при начале войны и разрушения нашего тыла.

Работа наших органов должна быть перестроена таким образом, чтобы мы не только могли вовремя выявить и предупредить удары вражеской агентуры, но и быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя, на всех участках борьбы с контрреволюцией»².

После пленума в марте 1937 года в 3 отделе ГУГБ НКВД СССР был разработан проект приказа «О задачах третьих отделов управлений государственной безопасности по борьбе с диверсией в народном хозяйстве». Фактически это был план основных направлений последующей деятельности главного контрразведывательного подразделения, разработанный под руководством начальника отдела Л. Г. Миронова. В духе сталинских установок утверждалось, что на территории СССР безнаказанно действуют германская, японская и польская разведки. В проекте констати-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Д. 401, л. 71–90.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 11.

ровалось, что иностранные разведки создали в СССР огромное количество резидентур, которые, в свою очередь, создали сеть организаций, призванных развернуть активную работу после начала войны. Правда, далее говорилось, что «мы не знаем, где имеются, и кто входит в состав созданных разведками контрреволюционных организаций, вследствие чего не можем в нужный момент их ликвидировать». Подвергалась критике вся предшествующая деятельность контрразведывательных органов, которые «арестовывали диверсантов после совершенных поджогов и взрывов, но следствием диверсионный характер действий не вскрывался, и дела сводились к халатности и должностным преступлениям». Действительно, результаты объективного расследования подтверждали именно этот состав преступления, который теперь рассматривался как несоответствующий «реальной» обстановке в стране.

Перед органами государственной безопасности Центральный комитет ВКП(б) поставил ряд задач, которые последовательно реализовывались в течение 1937–1938 годов. Наряду с общей установкой на проникновение в штабы иностранных разведок, белоэмигрантские центры, а также в троцкистские и националистические организации органы госбезопасности были ориентированы на разработку всех категорий иностранцев, «в первую очередь немцев, австрийцев, поляков, японцев, итальянцев». Особое внимание следовало обращать на политэмигрантов. Необходимо было также «добить контрреволюционные троцкистские формирования», завести учет тех из них, кто работал на промышленных предприятиях.

Кроме того, специально были определены категории населения, которые могли стать потенциальной вербовочной базой иностранных разведок. К ним были отнесены: харбинцы (советский персонал, работавший на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшийся после ее продажи в СССР); обучавшиеся за границей, бывшие служащие зарубежных учреждений и лица, длительное время находившиеся в заграничных командировках; бывшие военнопленные, вернувшиеся из Германии, Австро-Венгрии и Турции; перебежчики из Польши, Румынии, Маньчжурии; немцы, поляки, корейцы; исключенные за разные преступления из партии; имевшие судимость за контрреволюционные преступления, особенно бывшие вредители и члены партий эсеров и меньшевиков; бывшие белые, бывшие кулаки и другие категории «бывших людей»; члены семей, осужденных за шпионаж, диверсию, террор.

Были обозначены объекты народного хозяйства, на которые рекомендовалось обратить основное внимание. Прежде всего это касалось объектов оборонного значения, предприятий и научно-исследовательских институтов оборонной промышленности, энергетики, химической промышленности, черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения, нефтедобычи и переработки¹.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 13. Л. 54–67.

Для поступавших в центр материалов о контрреволюционных заговорах в период с января по июнь 1937 года было характерно то, что люди, о которых там шла речь, были связаны с арестованными ранее крупными руководителями, осужденными в январе 1937 года по делу о так называемом параллельном антисоветском троцкистском центре во главе с Пятаковым. Аресты следовали по принципу цепной реакции; было достаточно просто работать под непосредственным началом разоблаченного «вредителя» или «шпиона», чтобы быть обвиненным в соучастии в заговоре и арестованным. Самые сильные репрессии обрушились на сотрудников важнейших оборонных предприятий и железнодорожного транспорта. Аварии, крушения на железнодорожном транспорте теперь рассматривались главным образом как результат вредительской деятельности. Этим происшествиям стали придавать политическую окраску.

В январе 1937 года произошли крушения на Северо-Кавказской железной дороге. Ежов направил Сталину спецсообщение, в котором оценил крушения как ответ троцкистов на процесс по делу так называемого параллельного антисоветского троцкистского центра. Начальник Северо-Кавказской железной дороги был расстрелян. 17 февраля на перегоне Камчиха-Учак Южно-Уральской железной дороги товарный поезд, машинист которого проглядел красный сигнал светофора, повредил два хвостовых вагона пассажирского поезда. В результате было убито восемь человек и ранено семнадцать. Начальник ГУГБ НКВД СССР по Челябинской области в шифротелеграмме в центр запрашивал указаний «присоединить ли это дело к общему делу троцкистской организации на Южно-Уральской ж.-д. или подготавливать для заслушивания на отдельном процессе на месте крушения». Начальник ГУГБ Агранов дал указание «присоединить к общему делу»¹.

Аресты Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в марте 1937 года дали мощный толчок репрессиям среди партийных, советских, хозяйственных руководителей.

В апреле 1937 года по решению ЦК ВКП(б) на Дальний Восток и в Сибирь была направлена специальная группа работников НКВД во главе с начальником 3-го отдела (КРО) ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Мироновым. Их задачей было выявление и разгром шпионско-вредительских, троцкистских и иных групп на железных дорогах и в армии. Одновременно в этот регион выехали члены выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР для принятия оперативных судебных решений.

Выбор именно этих областей не был случайным. Выступая на активе ГУГБ НКВД в марте 1937 года, Ежов особо подчеркивал напряженность обстановки в мире, ее предвоенное состояние, чреватое опасностью войны против СССР. Поэтому для проведения карательных мероприятий были намечены области, пограничные с Маньчжоу-Го, Китаем и МНР,

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 838.

так как предполагалось, что после захвата территорий этих государств японские агрессоры начнут военные действия и против СССР. Обусловивалась необходимость обезопасить тылы страны, то есть металлургическую и топливную базу в Западной и Восточной Сибири. Одновременно учитывалось и то, что сюда на протяжении нескольких лет сбывались так называемые кулацкие элементы из центральных регионов СССР.

Подобного рода инспекционные поездки практиковались и раньше. В течение 1934–1936 годов в Свердловскую область и в Горьковский край направлялись группы сотрудников НКВД, возглавлявшиеся заместителями наркома. Принципиальное отличие апрельской 1937 года акции заключалось в значительном расширении масштабов инспектируемых территорий, указании конкретных объектов и заранее заданной установки на проведение жестких репрессивных мер.

Уже 13 апреля Миронов докладывал Ежову, что на Кузнецком металлургическом комбинате обнаружена троцкистско-немецкая вредительская организация. В этом же месяце в Красноярске начинается громкое дело о диверсионной организации, в которую якобы входили бывшие участники партизанского движения. Против них выдвинули надуманное обвинение в том, что они должны были выполнять террористические задания и быть ударной силой соответствующих троцкистских или иных заговорщических организаций. Спецсообщения Миронова регулярно поступали Сталину.

Мощный размах борьбы с «контрреволюционными» организациями, как ответ на директиву центра, характеризовал работу многих управлений. В середине апреля на имя Н. Ежова поступил отчет из управления госбезопасности НКВД Казахской ССР. В полном соответствии с требованием центра об активизации всех разработок нарком внутренних дел Казахстана, еще несколько месяцев назад критиковавшийся за отсутствие серьезных дел, докладывал о восьми раскрытых заговорах, показательных, впрочем, для всех краев и областей. Сеть заговорщических организаций якобы охватывала предприятия цветной металлургии, угольной промышленности (НКТП), а троцкистско-вредительские группы действовали на Омской железной дороге, Турксибе (НКПС) и имели связь с германской разведкой. Таким образом, шла постепенная эскалация репрессий, аресты крупных руководителей расширяли круг подозреваемых.

Характерная для периода конца 20-х – начала 30-х годов тенденция объяснять провалы в экономическом строительстве «вредительской» деятельностью специалистов становилась определяющей после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Советское руководство усиливало репрессии в экономической сфере, считая их действенным средством дальнейшего укрепления экономики. Произошла в определенной мере реанимация карательной политики, которая проводилась в годы первой пятилетки.

«Антисоветчики» — будущие жертвы массовых репрессий

Понять массовые репрессии 1937–1938 годов достаточно трудно без выяснения такого важного направления деятельности органов госбезопасности как выявление и пресечение антисоветских высказываний и действий, недопущение публичной критики проводимой в стране внутренней политики. Эту работу сотрудники НКВД называли своим основным хлебом. В деревне крестьяне выказывали недовольство непомерными налогами, отказывались от подписки на государственные займы, агитировали за выход из колхозов. Тысячи председателей сельсоветов и колхозов, бригадиров были арестованы за призывы в первую очередь обеспечить зерном трудодни, а затем сдавать хлеб государству.

Осенью 1936 года, в период обсуждения проекта Конституции СССР сотрудники органов государственной безопасности информировали высшее руководство страны о жалобах крестьян на нищенское существование, их требованиях вместо трудодней ввести денежную оплату труда, как у рабочих в городе. Одна из крестьянок при обсуждении проекта нового Основного закона предложила вместо лозунга «Кто не работает, тот не ест» принять новый лозунг: «Кто работает, тот должен есть»¹.

Одновременно принимались меры по оперативной разработке тех крестьян, которые обвиняли партийное и советское руководство в ограблении деревни. Однако для основной массы крестьянства были характерны сетования на трудности, а не призывы к сопротивлению. И это не удивительно, поскольку лишь в 1933 году было арестовано более ста тысяч человек за участие в так называемой повстанческой контрреволюции, то есть наиболее радикально настроенные крестьяне.

Органы госбезопасности в деревне были одним из звеньев в цепи различных организаций, закреплявших практически крепостной труд крестьян. Их первоочередной задачей являлось «очищение» деревни от бунтарских элементов.

В городе интеллигенция, рабочие и служащие также подвергались арестам за критику политики правительства, тех или иных руководителей партии и государства. Например, встречались достаточно резкие отклики на открытие метро в Москве в мае 1935 года. Хотя помпезная отделка многих станций и поражала воображение, в то же время эта пышность вызывала у жителей города чувство протеста — они возвращались в свои бараки и обсуждали, сколько квартир можно было бы построить на вложенные в метро средства, в то время как они продолжают жить в нужде².

То, о чем говорилось в прессе и на собраниях, неоднозначно трактовалось в различных слоях населения. После убийства Кирова и суда над

¹ Неизвестная Россия XX век. Кн. 2. М. 1992. С. 272–280.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 388.

Каменевым и Зиновьевым по стране прокатилась волна арестов: людей арестовывали только за то, что их оценки этих деятелей расходились с официальными. Например, о Зиновьеве и Каменеве говорили как о ближайших соратниках Ленина, которые осмелились выразить свое несогласие с политикой Сталина, а тот, как полагали многие, за это расправился с ними. В оперативных обзорах Секретно-политического отдела все это квалифицировалось как «контрреволюционные разговоры».

Особенно часто в оперативных рапортах встречается термин «дискредитация руководства партии». «Дискредитацией» считались не только анекдоты о членах Политбюро, но и испорченные их портреты и фотографии — как сознательно, так и случайно, и многое другое. Так, редактора выездной газеты «Ленинское слово» в селе Хлевном Воронежской области П. И. Самарина арестовали в 1935 году за то, что в газете был опубликован нечеткий портрет (из-за плохого качества типографской краски) с подписью «секретарь ЦК ВКП(б)». На замечание по этому поводу Самарин парировал: «Мы скажем, что это снимок Сталина, сидящего в винограднике»¹.

Множество людей было арестовано во всех городах СССР только за отказ осудить убийство Кирова. Обсуждали и самого Сталина. Типичным в этой связи является арест группы «контрреволюционных террористических заговорщиков» в Ленинградской филармонии. Монтер филармонии Селиверстов был объявлен опасным террористом за анекдот, в котором говорилось, что «удивить за границу и обрадовать население СССР можно только убийством Сталина, да и стоит это будет дешево, пуля стоит две копейки»². Монтера обвинили в подготовке террористического акта против Сталина. Постоянным разделом в обзорах Секретно-политического отдела ГУГБ о проведенной работе стала рубрика «фашистская террористическая контрреволюция». В обществе не существовало единого мнения о политике советского государства и его руководителях³.

До начала периода массовых репрессий аресты проводились все же относительно дифференцированно. Часть руководящего аппарата органов госбезопасности на местах понимала трудности экономического положения трудящихся. Например, когда начальнику московского управления ОГПУ С. Ф. Реденсу сотрудники Секретно-политического отдела приносили материалы на лиц, обвиняемых в антисоветской агитации и терроре, и просили санкции на арест, он возражал, мотивируя тем, что взгляды людей связаны лишь с плохим материальным положением.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 227. Л. 181–184.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 49. Л. 35.

³ См. *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.*

Сохранялся и классовый подход при оценке действий, которые можно было квалифицировать как антисоветскую агитацию. Из Куйбышева информировали, что среди активно критикующих мероприятия советской власти замечены бывший участник восстания на броненосце «Потемкин» Киселев и бывшие красные партизаны. Начальник Секретно-Политического отдела УНКВД Ленинградской области Горин-Лундин не разрешил арестовать рабочего, который нарисовал скелет и подписал: «Вот, что дала нам Советская власть к 17-й годовщине Октября». Одиозные высказывания не представляли особой опасности.

Крупные, так называемые хозяйственно-политические кампании сопровождались арестами людей, которые критически относились к проводимым мероприятиям. Арестовывали рабочих и служащих, высказывавших «контрреволюционные суждения», в частности, о том, что стахановское движение свидетельствует о «невиданной эксплуатации рабочего класса», что в результате его снижаются расценки, а в итоге все это ведет к понижению материального уровня жизни рабочих, что стахановское движение является предвестником безработицы. Например, одна из старейших работниц фабрики им. Клары Цеткин в Ленинграде заявляла, что «много нашумели, а на самом деле эта работа по-стахановски берется и выполняется не за счет техники, а исключительно за счет большого напряжения сил рабочего, и если это еще долго продлится, то рабочий сгорбится и состарится не по возрасту, а от работы». Уголовные преступления в отношении стахановцев квалифицировались как террористические акты. Как контрреволюционный саботаж расценивался низкий уровень организаторской деятельности инженерно-технического персонала по массовому вовлечению рабочих в стахановское движение. В 1936 году за противодействие стахановскому движению было арестовано более 1100 человек.

Другой уровень протеста был связан с критическим осмыслением практических шагов советского руководства. В различных слоях советского общества возникали оппозиционные группы и даже небольшие организации, члены которых реально оценивали огромные потери от насильственной коллективизации и форсированной индустриализации. Программы этих организаций могли получить поддержку у значительной части городского и сельского населения и представляли реальную угрозу для режима — в отличие от верхушечной борьбы в высших эшелонах власти. Именно эти группы становились объектом особенно пристального внимания со стороны органов госбезопасности, и информация о них немедленно поступала Сталину. В 1934–1936 годах в Красной Армии, в среде городской и сельской интеллигенции Ульяновска, Саратова, Самары и других городов и областей СССР возник целый ряд организаций, которые только начинали пропагандистскую деятельность, но не успевали расширить свое влияние, поскольку были быстро ликвидированы органами госбезопасности.

К первой группе таких организаций следует отнести те, в программных документах которых содержались положения о необходимости проведения подлинно ленинской политики, извращенной Сталиным и его окружением. Члены «Боевого коммунистического союза» в Ленинградской школе военных топографов, члены «Всесоюзной партии экономического возрождения страны» в Саратовской бронетанковой школе ставили своей задачей «возвращение на действительно ленинский путь социалистического строительства».

Программные документы этих организаций содержали положения о борьбе с засилием административного аппарата, утверждали принципы добровольности и отказа от любых форм принуждения в ходе преобразований в промышленности и сельском хозяйстве. В экономической сфере требования заключались в том, чтобы наивысшими темпами развивать легкую индустрию для обеспечения потребностей населения, ограничить экспорт необходимых населению продуктов. Члены организации выступали за реализацию конституционного принципа всеобщей выборности и права на свободу слова. «Свобода слова для трудящихся за последнее время является только словом в конституции, так как говорить и писать можно лишь то, что является только перепевом или целиком подтверждает сказанное Сталиным»¹. До реального развертывания сети организаций дело не дошло, так как все их участники были арестованы.

Возникали и другого рода организации в основном среди городской и сельской интеллигенции. Их взгляды коренным образом отличались от взглядов сторонников очищения ленинского учения. Методы проведения коллективизации и форсированной индустриализации стали причиной радикализации определенной, незначительной части общества, с этими методами несогласной. Так, организация в Ульяновске, во главе которой стоял бывший офицер агроном Найденов, приняла программу, в которой содержались такие положения как ликвидация монополии на власть коммунистической партии, проведение парламентских выборов и формирование парламента, введение частной собственности. Информация об организации Найденова была немедленно направлена Сталину.

Большинство советских граждан, осужденных за антисоветскую агитацию или другие «антисоветские проявления» на относительно небольшие сроки, позднее, в период массовых репрессий, попадут на оперативный учет и подвергнутся новым арестам.

Несмотря на жесточайший террор в период коллективизации, высылку сотен тысяч крестьян из родных мест, в городах и деревнях продолжало сохраняться недовольство политикой правящей партии. Индустриализация не предусматривала существенного изменения в материальном благосостоянии рабочего класса и служащих. Все это служило объективной основой для распространения протестных взглядов среди населения СССР.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 227. Л. 173–179.

От разгрома бывшей оппозиции к массовому репрессированию номенклатурных кадров

В борьбе с бывшей внутривластной оппозицией Сталин активно использовал органы госбезопасности НКВД СССР. После убийства С. М. Кирова оперативная группа НКВД, которая вела расследование, обнаружила так называемые «ленинградский» и «московский центры» зиновьевцев, базировавшиеся на «троцкистско-зиновьевской платформе». «Зиновьевская антисоветская группа» обвинялась в скатывании «в болото индивидуального террора». На февральско-мартовском пленуме 1937 года Ежов в заключительном докладе рассказал о начале следствия по делу и о роли в нем Сталина. Для Ежова было важно окончательно скомпрометировать бывшего наркома НКВД Ягоду и продемонстрировать пленуму намерение искоренить последствия вредительства, имевшего место в НКВД. По словам Ежова, Сталин вызвал его и А. В. Косарева и сказал: «Ищите убийц среди зиновьевцев»¹.

Однако Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев признали лишь политическую и моральную ответственность за убийство Кирова.

В циркулярном письме НКВД СССР от января 1935 года были названы причины случившегося: прямо указывалось на бездеятельность органов госбезопасности, утверждалось, что органы НКВД «преступно проспали «террористическую группу зиновьевцев». Эта формулировка вместо прежней «разветвленной контрреволюционной зиновьевской организации» была предложена Сталиным². Более острая и жесткая характеристика, обвинения в терроризме — все это было первым шагом на пути ужесточения репрессий против бывших партийных оппозиционеров. Участников оппозиции стали насильственно выселять из Ленинграда. В начале февраля 1935 года начальник Ленинградского УНКВД докладывал центру о ходе операции. Первоначально предполагалось выселить из Ленинграда семьсот восемьдесят человек, однако выселено было более тысячи оппозиционеров.

Этот документ стал поворотным моментом в деятельности органов госбезопасности. После XVII съезда ВКП(б) — «съезда победителей» получил распространение тезис об ослаблении остроты классово-политической борьбы. Однако ленинградские события стали поводом для критики органов госбезопасности, важным фактором постепенного возвращения к усилению карательных мер. В феврале 1935 года в НКВД состоялось совещание, на котором присутствовали все руководители центра и начальники УНКВД.

29 января 1935 года Н. Ежов направил И. Сталину записку с предложением выступить на этом совещании, Сталин согласился. В своей речи он потребовал повысить бдительность чекистских органов, перестроить всю

¹ Вопросы истории. 1995. № 2. С. 16–17.

² Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 592.

деятельность госбезопасности. Ежов, в свою очередь, подчеркнул значение арестов и выселения из Ленинграда оппозиционеров, что позволило «выколотить основательно корни зиновьевцев»¹. В своем выступлении он обратил внимание на то, что Центральный комитет партии не допустил критики в адрес органов госбезопасности за упущения и промахи, связанные с убийством С. Кирова, со стороны ленинградской партийной организации. «Мы повернули это дело не в сторону критики недосмотров в работе ЧК, а в первую очередь критики недостатков самой парторганизации. <...> Вы должны сами понять, насколько велико внимание партии к чекистским органам»². На этом же совещании было отмечено, что в НКВД СССР центральным звеном является Главное управление государственной безопасности, в состав которого входили основные оперативные отделы.

Операция органов госбезопасности по «очищению» Ленинграда от зиновьевцев стала сигналом для разработки бывших оппозиционеров в различных регионах СССР. Например, начальник УНКВД Азово-Черноморского края в отчете о работе за первый квартал 1935 года сообщал, что за этот период арестовано девяносто четыре человека: контрреволюционная правотроцкистская группа среди преподавателей ВУЗов г. Ростова-на-Дону, группа «ортодоксальных большевиков-ленинцев», контрреволюционная антипартийная группа в педагогическом институте среди студентов, контрреволюционная троцкистская группа в крайплане, контрреволюционная зиновьевская группа «рабочей оппозиции». Количество арестованных за оппозиционную деятельность за один квартал было больше, чем за весь 1934 год³.

Все чаще бывших оппозиционеров обвиняли в связи с иностранными разведками. Ноту протеста со стороны латвийского правительства вызвало упоминание в ходе следствия о контактах оппозиционеров с латвийским консулом. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 года консул был назван также агентом немецко-фашистских интервенционистов. В дипломатических кругах получило распространение мнение о причине подобного рода действий советского руководства: считалось, что Сталин боится Германии и не хочет ее раздражать, поэтому в качестве объекта для косвенных нападок было выбрано более безответное и безопасное для СССР государство.

Аресты участников так называемой антипартийной контрреволюции носили перманентный характер. Для Сталина постоянным раздражающим фактором была и активная роль Л. Троцкого на международной арене. Троцкий развернул за рубежом достаточно убедительную пропагандистскую деятельность, критикуя и дискредитируя как политику, проводимую в стране Сталиным, так и его личные качества. Аллего-

---

¹ ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Д. 556. Л. 1–3.

рически Троцкий назвал Сталина поваром, который любит «готовить острые блюда», подчеркивая тем самым жестокость его методов расправы с оппонентами.

Внутри страны Сталин принял меры для полной блокады любой информации о статьях и книгах Троцкого; даже узкому кругу партийно-советского руководства был закрыт доступ не только к работам Троцкого, но и к аннотациям к ним, которые появлялись в ограниченных и не доступных широкому читателю изданиях. 4 июня 1935 года К. Б. Радек обратился к Сталину за указанием, стоит ли публиковать в «Бюллетене иностранной печати» статьи из издаваемого Л. Троцким «Социалистического вестника» и троцкистских «журнальчиков». В ответ Сталин принимает кардинальное решение. Записку К. Б. Радека он адресовал директору государственного издательства Б. М. Талю: «Надо бы ликвидировать «Бюллетень». Хорошо бы подготовить вопрос и доложить в ПБ». 20 июня 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о прекращении издания данного бюллетеня¹.

Члены и кандидаты Политбюро ЦК ВКП(б) могли через книжную экспедицию ЦК знакомиться с эмигрантской литературой, в том числе и с «Социалистическим вестником». Таль запрашивал членов Политбюро о том, какие издания они хотели бы приобрести. Однако даже ознакомление кого-то с этими изданиями могло вызвать раздражение у Сталина. 25 июня 1938 года накануне ареста члена Политбюро ЦК ВКП(б) В. Я. Чубаря — заместителя председателя СНК заведующий отделом руководящих партийных органов Г. М. Маленков доложил Сталину, что Чубарь прислал в книжную экспедицию работы Троцкого «Перманентная революция», «Сталинская школа фальсификаций», «Моя жизнь» в двух томах, несколько номеров «Социалистического вестника» и еще в общей сложности 15 наименований эмигрантской литературы. После ареста Талья Маленков не был в курсе о том, что высшей партийной элите разрешалось иметь доступ к запрещенным изданиям². По всей видимости, Сталину не хотелось, чтобы его соратники знакомились с убийственными статьями и книгами Троцкого.

Ежов, после ленинградских событий ставший куратором органов госбезопасности, сыграл важную роль в преследовании бывших оппозиционеров. В мае 1935 года он представил на суд Сталина свой «теоретический» труд «От фракционности к открытой контрреволюции (о зиновьевской контрреволюционной организации)». В разделе «О зиновьевско-каменевской и троцкистской контрреволюционных группах» он развивал идею об организационной связи, объединении зиновьевцев и троцкистов³. Таким образом, Ежов предстал перед Ста-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 4 об.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 364. Л. 155.

³ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 273. Л. 700.

линым не только партийным функционером самого высокого ранга, но «теоретиком» борьбы с политическими оппонентами.

Следующим шагом вождя в деле расправы с бывшими соратниками стало дело А. С. Енукидзе, которое стало демонстрацией необходимости еще большего вмешательства органов госбезопасности в борьбу с оппозиционерами. После убийства Кирова органы НКВД предприняли ряд шагов по усилению мер безопасности первых лиц государства. Итогом проверки всего персонала правительственных учреждений стало так называемое «Кремлевское дело», которому Ежов посвятил целую главу в своем «научном трактате». В ходе агентурной разработки сотрудников аппарата ЦИК СССР были выявлены факты, вызвавшие раздражение Сталина. К ним можно отнести, в частности, благосклонное отношение секретаря ЦИК СССР Енукидзе к бывшим соратникам по борьбе с царизмом из партий меньшевиков и эсеров; наличие в среде партийцев значительной прослойки так называемых «бывших людей», родственников Л. Каменева, распространение различных «слухов», «троцкистская» трактовка политического завещания Ленина, а также обсуждение личной жизни Сталина, в том числе обстоятельств смерти его жены Н. Аллилуевой¹.

Протоколы допросов обвиняемых регулярно поступали Н. Ежову, который готовил проект закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Енукидзе. Поскольку в ходе следствия были затронуты вопросы, касавшие лично Сталина, эти проблемы отошли в тень, и на первый план вышли террористические группы. В решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1935 года «Об аппарате ВЦИК СССР и тов. Енукидзе» говорилось, что эти группы представляют собой «контрреволюционный блок зиновьевцев, троцкистов, агентов иностранных государств, объединенных общей целью террора против руководителей партии и правительства».

Решения июньского 1935 года Пленума ЦК ВКП(б) стали промежуточным этапом в ужесточении карательной политики после осуждения лидеров центра Зиновьева и Каменева в январе 1935 года и окончательной расправы с ними в августе 1936 года. Нарком НКВД Ягода и секретарь ЦК Ежов выступили на Пленуме с докладами по вопросу «Об аппарате ЦИК СССР и т. Енукидзе». Дело состояло в том, что после убийства Кирова по указанию ЦК ВКП(б) была проведена проверка всех сотрудников, работавших в учреждениях на территории Кремля. По сообщению заместителя коменданта Кремля, будущего наркома НКВД УССР А. И. Успенского, за период с февраля по май 1935 года в результате «чистки» было уволено 413 человек, 29 из них были арестованы.

Нарком НКВД Ягода свое выступление построил на том, что секретарь ЦИК СССР Енукидзе якобы принимал на работу в аппарат ЦИК враждебные и чуждые элементы, часть которых была уволена только

¹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 106 л. 1; Д. 107. Л. 24.

под нажимом органов госбезопасности. Нарком осудил Енукидзе, покровительствовавшего террористам из числа сотрудников своего аппарата, разоблаченным благодаря бдительности органов. По словам Ягоды, укрывательство террористов сделало Енукидзе объективно соучастником контрреволюционеров.

От выступления Ягоды резко отличалась речь Ежова. В процессе подготовки проекта закрытого письма ЦК ВКП(б) «О причинах снятия члена ЦК ВКП(б) т. Енукидзе А. С. с поста секретаря ЦИК СССР» Ежов, как и Ягода, делал упор на его ошибки при подборе людей в аппарат, уточнив, что из 107 человек в аппарате ЦИК после «чистки» осталось только 9 сотрудников, которые были приняты на работу при Енукидзе. На Пленуме же основное внимание в докладе Ежов уделит не подбору кадров, а террористическим группам, якобы обнаруженным среди сотрудников правительственной библиотеки и комендатуры Кремля. По данным делам была арестована как соучастница бывшая жена брата Каменева и ее сын. Аресты родственников Каменева, признавшего только политическую и моральную ответственность за убийство Кирова, Ежов использовал как повод для обвинения его самого в террористической деятельности и заявил, что «... следствие располагает достаточным количеством фактов о непосредственном участии Каменева в организации террористических групп». Более того, он утверждал, что был создан единый блок белогвардейцев, шпионов, троцкистов и сторонников Каменева-Зиновьева¹.

На июньском 1935 года Пленуме ЦК ВКП(б) деятельность бывшей партийной оппозиции уже напрямую увязывалась с подготовкой террористических актов против руководства страны. Против них были выдвинуты также обвинения в связях с иностранными разведками. На августовском процессе 1936 года было открыто заявлено, что Зиновьев и Каменев выполняли шпионские задания фашистской Германии.

Анализ содержания ежедневных и еженедельных отчетов оперативных отделов Главного управления государственной безопасности, годовых отчетов областных управлений позволяет рассматривать борьбу с бывшими оппозиционерами как четко артикулированный социальный заказ высшего руководства страны.

Хотя главная роль в разработке оппозиционеров была отведена Секретно-политическому отделу, с 1935 года в эту деятельность активно включаются и другие оперативные отделы: Транспортный, Особый и Экономический. Экономический отдел ГУГБ НКВД в оперативных рапортах о работе подразделений на всей территории СССР за июнь – июль 1936 года докладывал о четырех разработках, связанных с троцкистско-зиновьевской оппозицией, но уже в августе – сентябре число таких дел возросло в семь раз. Эта статистика отражала общую картину деятельно-

---

¹ *Getty J. and Naumov O. V. The Road to Terror... P. 161–168, 172–173.*

сти и других отделов. Если в июне 1936 года арестованные за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции составляли 3 процента от всего количества арестованных за год, то в сентябре того же года их не считывалось уже 22, 4 процента.

Столь резкая перестройка в работе оперативных отделов являлась следствием административного нажима со стороны руководства НКВД СССР. 15 июля 1936 года на места был разослан приказ № 00240 наркома внутренних дел, адресованный всему личному составу управлений госбезопасности на местах. В нем начальники управлений НКВД по Сталинградскому, Азово-Черноморскому краям, Свердловской и Западной областям в жесткой форме обвинялись в «оппортунистическом благодушии, самоуспокоенности, забвении старых чекистских традиций и бездеятельности». Обвинения в неспособности обеспечивать государственную безопасность строились на основании того, что они в своих краях и областях «не выявили троцкистов, ведущих активную контрреволюционную работу».

Последовавшие вслед за приказом жесткие оргвыводы вплоть до снятия с должностей свидетельствовали о переломе в борьбе с оппозицией. Оставалось чуть больше месяца до начала открытого процесса по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». К этому времени завершилась подготовка к процессу, в ходе которой были созданы искусственные схемы, позволявшие выдвинуть против бывших оппозиционеров обвинения в самых тяжких деяниях, то есть контрреволюционных преступлениях.

На подготовку этого процесса была брошена большая часть центрального аппарата ГУГБ НКВД. Ягода ежедневно проводил совещания, на которых подводились промежуточные итоги следствия. Заместитель начальника ИНО Б. Д. Берман, принимавший участие в совещаниях, вспоминал, что нарком, наставляя следователей, говорил о террористических группах, которые могли быть созданы заговорщиками повсюду. На следующем заседании помощник начальника ЭКО Дмитриев, вскоре ставший начальником УНКВД по Свердловской области, докладывал Ягоде о раскрытых террористических группах, причем именно там, где указывал нарком. Довольный Ягода хвастался на совещании: «Смотрите, я как в воду глядел»¹.

Наиболее ярко о «работе» следователей рассказал в своем письме Сталину арестованный Л. А. Шацкин. 22 октября 1936 года он писал: «Главный мой следователь Гендин составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (причем включил в него разговоры между мной и Ломинадзе, о которых у него никаких, в том числе и ложных, данных быть не может). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной про-

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-13790. Т. 1. Л. 91.

цедуры заседания Военной коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избием в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край»¹.

Такие методы давали результаты. И 29 июня 1936 года Ягода уже рапортовал о фактическом завершении следствия. Двое обвиняемых — Е. А. Дрейцер, возглавлявший охрану Троцкого в 1927 году, участник Гражданской войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени, и Р. В. Пикель, бывший секретарь Зиновьева — дали нужные показания. По распоряжению Сталина протоколы их допросов были направлены членам Политбюро. В показаниях Дрейцера Сталин подчеркнул важные с его точки зрения факты, на которые он и обращал внимание соратников. Дрейцер показывал: «Мне были поручены подготовка и совершение террористического акта в первую очередь против Сталина и Ворошилова. По прямой директиве Л. Д. Троцкого наш всесоюзный центр троцкистско-зиновьевского блока должен был подготовить и совершить убийство Сталина и Ворошилова с целью обезглавить руководство ВКП(б) и Красной Армии. В том же 1934 году я получил письменную директиву Троцкого через его сына Седова о подготовке к совершению террористического акта против Сталина <...> Пикель сообщил мне, что центром троцкистско-зиновьевского блока в 1934 году было принято решение о физическом уничтожении ряда членов Политбюро, в первую очередь Сталина и Кирова. Пикель сообщил мне, что для этой цели подбирались соответствующие лица, которые должны были совершить террористические акты. От Пикеля мне стало известно, что убийство Кирова было совершено по заданию центра троцкистско-зиновьевского блока, причем Пикель сообщил, что об этом ему известно со слов Рейнгольда. Пикель рассказал мне также о том, что за месяц до убийства Кирова он по указанию Зиновьева, переданному ему Рейнгольдом, уехал на Шпицберген. Зиновьев мотивировал необходимость этой поездки тем, что в связи с предстоящим покушением на Кирова, несомненно, начнется разгром нелегальной организации, поэтому важно уберечь от провалов ряд законспирированных работников»².

О том, что подготовка процесса — это выполнение задания высшего руководства, а не результат оперативных разработок ГУГБ НКВД, доложил участникам актива органов госбезопасности заместитель наркома Агранов в марте 1937 года. Летом 1936 года во время встречи на даче у Ежова тот сообщил Агранову о недовольстве, высказанном Сталиным в связи с недостаточно интенсивным ходом дел по троцкистско-зиновьевскому центру. Ежов прямо потребовал более активного ведения

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 87.

² АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 226. Л. 174, 176, 182.

следствия. После этой встречи Агранов стал получать указания непосредственно от Ежова, минуя Ягоду. Нарком внутренних дел не испытывал радости от вмешательства секретаря ЦК в работу его ведомства, и на предложение Агранова о необходимости согласования некоторых вопросов с Ежовым довольно резко ответил: «Если вы не хозяин в своем деле, то можете согласовывать». Все это Агранов передавал Ежову. Еще со времени расследования убийства Кирова у заместителя Ягоды установились постоянные контакты, а затем и дружеские отношения с Ежовым. Благодаря этому Агранов после снятия Ягоды уже при новом наркоме НКВД был назначен его заместителем по Главному управлению государственной безопасности.

Для Ягоды новое следствие по делу Каменева и Зиновьева представляло определенную опасность, так как они уже были осуждены, а нажим со стороны Сталина с целью ужесточения обвинений косвенно свидетельствовал о недоработках, якобы неполном расследовании, проведенном после убийства Кирова. Поэтому достаточно убедительным кажется свидетельство бывшего работника Секретно-политического отдела М. А. Кагана, участвовавшего в подготовке процесса. По его словам, Ягода пришел в негодование, когда в январе 1936 года от первых арестованных, которые должны были предстать на августовском процессе, были получены показания о прямых заданиях от Каменева убить Кирова. С этого момента наметился перелом в судьбе Ягоды, поскольку он не ожидал, что Сталин готов обвинить старую гвардию в преступлениях, грозивших им смертной казнью. Правда, в дальнейшем Ягода «исправился» и выступал с инициативами расстреливать троцкистов и зиновьевцев в соответствии с законом от 1 декабря 1934 года. Тем не менее, Сталин постепенно усиливал роль Ежова в борьбе с бывшими оппонентами. Прочитав 26 февраля 1936 года записку заместителя наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьева, где тот сообщал о найденной у одного из арестованных части архива Троцкого, Сталин распорядился: «Молотову, Ежову. Предлагаю весь архив и другие документы Троцкого передать т. Ежову для разбора и доклада в ПБ, а допрос арестованных вести НКВД совместно с т. Ежовым»¹.

Ягода сделал все, что от него требовалось при подготовке августовского процесса по делу Зиновьева-Каменева, но Сталин был недоволен медленными темпами следствия и потому предоставил также полномочия Ежову участвовать в подготовке процесса. Все обвиняемые были приговорены к расстрелу.

После процесса произошло новое резкое усиление репрессий, которые затронули все слои партийно-советской номенклатуры.

Можно назвать лишь некоторые «формальные» основания для арестов партийных и советских работников. Во-первых, это показания уже

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 52.

осужденных на августовском процессе 1936 года на других членов так называемых контрреволюционных организаций. Во-вторых, бывшее членство в небольшевистских партиях, участие в оппозиционных группировках, исключение из партии как в 1920-е годы, так и в ходе проверки и обмена партийных документов. В-третьих, дружеские, родственные связи с осужденными по всем так называемым антипартийным группировкам: Шацкина-Ломинадзе, Эйсмонта-Толмачева, Рютин и других. В-четвертых, в поле зрения попали и представители технической интеллигенции, осужденные и отбывшие сроки наказания по Шахтинскому делу, делу Промпартии, Союзного бюро меньшевиков. В-пятых, пристальное внимание органов госбезопасности НКВД привлекали специалисты, выезжавшие за рубеж по заданиям своих ведомств, соприкасавшиеся по роду службы с иноспециалистами, возвратившиеся в СССР из-за границы представители различных групп населения, иностранцы, принявшие советское гражданство. Это далеко не полный перечень оснований для арестов в данный период.

Все это происходило в центральном аппарате, но далеко не во всех управлениях НКВД. В местных органах еще не началось массового преследования бывших оппозиционеров. С мест но-прежнему продолжали поступать запросы о том, в каком направлении вести следствие. Так, начальник УНКВД ДВК Т. Дерибас 26 октября 1936 года направил наркому шифровку с просьбой предоставить какие-нибудь материалы о связях оппозиционеров с местным руководством. Дерибас сетовал: «Мы здесь, в ДВК, самостоятельно не вскрыли ни одной вредительско-диверсионной группы ни в промышленности, ни в строительстве, ни в сельском хозяйстве, к которым приложили бы руку троцкисты». Нарком дал указание центральному аппарату и областным УНКВД выслать в ДВК протоколы допросов, в которых упоминаются люди, работавшие в Дальневосточном крае¹.

Психологический перелом, как видим, происходил и у старых опытных работников органов госбезопасности, они были готовы беспрекословно выполнять любые партийные директивы. Ведь тот же Дерибас всего два года назад направил на Особое совещание НКВД материалы на оперативного работника, которого за сфабрикованное дело о троцкистской организации в Корьякском национальном округе приговорили к 3 годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Анализ протоколов допросов, поступавших Сталину с сентября 1936 года, убедительно доказывает, что органы госбезопасности СССР целенаправленно формировали у руководства в стране в целом убежденность в «контрреволюционной вредительско-шпионской» деятельности «троцкистов и правых».

После августовского 1936 года процесса по делу о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» мас-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 686. Л. 102–106.

штабы арестов среди лиц, в малейшей степени причастных к оппозиции, приобретают характер массовой операции. Если до середины 1936 года было арестовано около 5 тыс. оппозиционеров, то к концу года их число достигло 23279 человек. С 1934 по 1936 гг. ни по одному виду преступлений не произошло столь мощного роста числа арестованных. Для сравнения приведем данные об арестах по обвинению в терроре и за принадлежность к оппозиционным политическим группировкам. Так, за террор и террористические высказывания в 1934 году было арестовано 6504 чел., в 1935 г. — 8988 человек, в 1936 г. — 3388 человек; за принадлежность к оппозиционным политическим группам (троцкистов и зиновьевцев) в 1934 г. был арестован 631 человек, в 1935 г. — 3447 человек, в 1936 г. — 23279 человек¹.

Инициатором расширения масштабов арестов был Центральный комитет ВКП(б), члены Политбюро все чаще принимали участие в проведении очных ставок. Под занавес августовского процесса государственный обвинитель Вышинский сделал заявление о начале расследования в отношении Пятакова и других лиц. Обвиняемые дали показания о существовании связи правых с деятелями так называемого параллельного антисоветского троцкистского центра.

8 сентября 1936 года в ЦК в присутствии Кагановича, Ежова и Вышинского была проведена очная ставка между Бухариным, Рыковым и Сокольниковым; последний ранее дал показания о связи правых с осужденными членами объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Однако никаких конкретных доказательств следствие не представило. По указанию Сталина все обвинения в отношении Бухарина и Рыкова были временно сняты. В этот период Сталин получил достаточное количество данных из НКВД на Пятакова и дал согласие на арест заместителя наркома тяжелой промышленности, понимая, что тем самым он одновременно наносит удар по наркому Орджоникидзе. Сталин не мог отказать себе в удовольствии заставить нервничать независимого и самостоятельного наркома, который позволял себе спорить с ним. 11 сентября он направил ему телеграмму из Сочи: «1. Пятаков уже арестован. 2. Возможно скоро будет арестован Радек. Торшеллидзе и Буду здорово запачканы. Возможно и они будут арестованы... Привет Зине. И. Сталин»².

29 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло крайне жесткое постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Эти «элементы» рекомендовалось рассматривать в качестве «разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Сталин нацеливал органы госбезопасности на «расправу с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами». НКВД получил и конкретные указания в отношении категорий для репресси-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8 ос. Оп. 1. Д. 79.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 106.

рования. Во-первых, необходима расправа с уже арестованными. И она последовала очень скоро.

4 октября 1936 года Политбюро впервые приняло решение об осуждении 585 человек — членов троцкистско-зиновьевских организаций списком. Списки были переданы в Военную коллегия Верховного суда СССР, где на основании закона от 1 декабря 1934 года дела рассматривались в упрощенном порядке. В феврале 1937 года была окончательно разработана процедура составления списков для дальнейшего их представления на Военную коллегия Верховного суда СССР¹.

В постановлении от 29 сентября были названы Н. И. Муралов, Г. Л. Пятаков, А. Г. Белобородов, обвиненные в принадлежности к троцкистско-зиновьевскому блоку, а также высланные ранее в различные регионы представители бывшей оппозиции. Упоминание фамилий людей, которые находились под следствием, служило сигналом для местных органов НКВД, указывало направление репрессий.

Анализ спецсообщений, полученных Сталиным в течение октября 1936 — июня 1937 года, позволяет показать, как разворачивались широкомасштабные кампании преследований партийных, советских работников, руководителей промышленных предприятий и учреждений.

Например, в Азово-Черноморском крае начальник УНКВД Г. С. Люшков в ходе следствия получил от арестованных оппозиционеров, а также лиц, проявлявших колебания во внутрипартийной борьбе 1920-х годов, «ценные» признания о существовании в крае разветвленной сети «троцкистских» организаций. В число первых допрошенных по троцкистским делам попал арестованный еще в феврале 1935 года и осужденный на 5 лет ссылки за принадлежность к оппозиции Н. И. Гордон, хорошо знавший директора Таганрогского металлургического завода Б. Колесникова и друживший с ним².

Цепочка арестов потянулась к хозяйственным и партийным руководителям, в число которых попал и уполномоченный наркомата внутренней торговли по Азово-Черноморскому краю Белобородов. В 1927 году за поддержку Троцкого он был исключен из партии и отправлен в ссылку, но в 1930 году после раскаяния его восстановили в партии и направили на хозяйственную работу. Позднее Сталин, контролировавший ход следствия и недовольный его медленными темпами, дал указание на применение жестких мер в отношении Белобородова. Люшков в мае 1937 года направил очередные показания Белобородова. В своем отчете следователи подробно «раскрыли» планы Троцкого и так увлеклись прогнозами о развитии троцкистского движения, что вызвали гневную реакцию Сталина. На первой странице протокола допроса он написал: «Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова — трибуна для произ-

---

¹ См. док. № 1 Приложения.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 261. Л. 139–150.

несения речей — заявлений, касающихся всякого рода лиц, но ни его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит, в тюрьме или гостинице?»¹.

Сталин регулярно получал протоколы допросов арестованных в Азово-Черноморском крае директора Ростсельмаша Н. П. Глебова-Авилова, члена партии с 1904 года, директора Таганрогского металлургического завода Б. Колесникова, второго секретаря Ростовского горкома партии А. Карпова, секретарей партийных организаций С. Х. Варданяна и Л. Д. Гогоберидзе. На протяжении нескольких месяцев Сталин изучал хорошо отредактированные начальником УНКВД протоколы допросов. Люшков, один из самых опытных и образованных сотрудников НКВД, чутко улавливал и беспрекословно выполнял любые установки руководства, в том числе и самые ответственные поручения предшественника Ежова Ягоды. В качестве заместителя начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Люшков в составе специальной бригады выезжал в Ленинград для расследования убийства Кирова. В 1936 году участвовал в подготовке процесса по делу так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра и накопил соответствующий «опыт».

Сталин не только внимательно изучал подготовленные Люшковым показания руководителей различного уровня в Азово-Черноморском крае, но и давал свои указания о новых арестах. В октябре 1936 года он писал недавно назначенному наркому внутренних дел Ежову: «... о Варданяне — он сейчас секретарь Таганрогского горкома. Он, несомненно, скрытый троцкист, или, во всяком случае, покровитель и прикрыватель троцкистов. Его нужно арестовать. Нужно также арестовать Л. Гогоберидзе — секретаря одного из заводских партийных комитетов в Азово-Черноморском крае. Если Ломинадзе был скрытым врагом партии, то и Гогоберидзе скрытый враг партии, ибо он был теснейшим образом связан с Ломинадзе. Его нужно арестовать»². Сталин помнил о Варданяне и Гогоберидзе, которые в 1930 году были сняты с руководящей партийной работы в Закавказье.

Когда Сталин получил протоколы их допросов, он выделил в показаниях положения об администрировании в партии, зажиме критики, негативной оценке его личности и роли Л. Берии, который, по словам арестованных, в своей книге фальсифицировал историю большевистских организаций Закавказья. В отдельных показаниях речь шла о покушении на Сталина, которое якобы собирались организовать «троцкистские террористические» группы во время его отдыха в Сочи. В итоге Сталин решил придать новый импульс в борьбе с бывшими оппозицио-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24 Д. 305. Л. 104.

² Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. 1996. С. 173.

нерами. Ознакомившись с протоколом допроса от 19 декабря 1936 года бывшего секретаря райкома Варданяна, он вынес решение о первом секретаре Азово-Черноморского крайкома Б. П. Шеболдаеве. В записке от 25 декабря, адресованной членам Политбюро ЦК ВКП(б), Сталин писал: «Как видно из показаний Варданяна, тов. Шеболдаев оказался окруженным троцкистами, занимавшими посты секретарей райкомов, а один из них занимал даже пост секретаря Ростовского горкома. ЦК ВКП(б) изругал в свое время тов. Прамнека за то, что секретарь одного райкома в Горьковском крае оказался троцкистом. Но ошибки т. Прамнека бледнеют в данном случае перед ошибками т. Шеболдаева. Предлагаю вызвать в ЦК т. Шеболдаева для объяснений и решить вопрос либо об его снятии с поста первого секретаря крайкома, либо о том, чтобы дать ему последнее строгое предупреждение». Копии протокола допроса Варданяна Сталин разослал членам Политбюро, секретарям ЦК, а также Шеболдаеву¹.

Со временем Сталин укрепился в намерении снять Шеболдаева. В конце декабря он был информирован о самоубийстве первого секретаря Ростовского горкома ВКП(б) Колотилина, а также получил протоколы допросов с показаниями о том, что Шеболдаев оказывал поддержку Варданяну и Гогоберидзе. Самоубийство Колотилина Сталин не считал доказательством невинности, напротив, это стало для него лишним доказательством вины и рассматривалось как желание уйти от ответственности за преступление.

2 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, в котором осуждалась деятельность первого секретаря Азово-Черноморского крайкома партии Шеболдаева, якобы увлекшегося хозяйственными делами, потерявшего политическую бдительность и допустившего на важнейшие посты «троцкистов — врагов партии». В решении отмечалось, что в период обмена партбилетов было исключено из партии 45 «троцкистов и зиновьевцев», а после обмена более 400. В результате Шеболдаев был снят с поста первого секретаря крайкома, на его место был назначен Е. Г. Евдокимов². Аналогичные по содержанию и не менее масштабные кампании по преследованию лиц, в малейшей степени причастных к оппозиции, разворачивались по всей стране.

Важно отметить, что в ходе допросов от обвиняемых с особым пристрастием добивались признаний в подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, критике Сталина, конкретных вредительских действиях. Так, технический директор завода № 65 в Таганроге, К. К. Асиллов признался в том, что виновен в выпуске бракованных снарядов, число которых превысило несколько сот тысяч, а ущерб государству составил более 7 миллионов рублей. В показаниях он сослался на А. А. Тверитинова, начальника

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 265. Л. 67–68.

² Там же. Д. 266. Л. 64.

Главного управления боеприпасов НКОП, по заданию которого он якобы действовал. На заводе Ростсельмаш вредительство выражалось в выпуске бракованных комбайнов¹.

Постепенно политические обвинения начинали дополняться конкретными фактами о «вредительской» деятельности. Органы НКВД вели следствие и готовили процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра», одновременно шли интенсивные поиски новых доказательств для обвинения Бухарина.

После ареста заместителя наркома тяжелой промышленности Пятакова Ежов по указанию Сталина начал подготовку нового процесса над «троцкистами». Начальник УНКВД Западно-Сибирского края В. М. Курский и его заместитель бывший комендант Московского Кремля по внутренней охране А. И. Успенский, сыгравший важную роль в подготовке дела Енукидзе, развили активную деятельность. После раскрытия «Сибирского троцкистского центра» они «выявили» новую троцкистско-фашистскую вредительскую организацию, в руководящий центр которой входили Я. Н. Дробнис, заместитель начальника Кемеровского химкомбината, А. А. Шестов, управляющий рудником в Кузбассе и М. С. Строилов, главный инженер треста «Кузбассуголь». Был арестован и подданный Германии инженер Штиклинг. Авария 23 сентября 1936 года на шахте в Кемерово, когда погибли 10 рабочих, была признана делом рук троцкистской организации. 20 ноября 1936 года в Новосибирске состоялся открытый процесс по этому делу. Девять инженерно-технических работников были приговорены к высшей мере наказания². Состряпанные Курским и Успенским показания упомянутых выше руководителей было решено использовать для подготовки следственных материалов в ходе подготовки нового процесса в Москве.

В то же время начальник УНКВД Свердловской области Д. М. Дмитриев получил от наркома широкие полномочия на аресты партийного и советского актива, руководителей предприятий горной и металлургической промышленности. Дмитриев, как и Люшков, прошел школу организации фальсифицированных процессов. За 12 лет — с 1924 по 1936 годы — он служил на различных должностях в экономических подразделениях ОГПУ и НКВД. До назначения в УНКВД Свердловской области в июле 1936 года он занимал должность заместителя начальника ЭКО, принимал участие в подготовке процессов в 1920 — 1930-е годы.

В своих спецсообщениях в центр он докладывал о том, что по заданию Пятакова вредители в трестах и управлениях Уралмедьруды, Уралцветмета, Уралмедпрома, директора заводов разделяли и пропагандировали теорию «затухания добычи меди», срывали производственные планы. В протоколах допросов арестованных содержались высказывания аре-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 263. Л. 135–140.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 44.

стованных, что якобы «лучше поражение СССР в войне, чем укрепление сталинского руководства». В материалах, присланных Дмитриевым, содержалась идея о тесном взаимодействии троцкистов с правыми. Ряд протоколов Сталин направлял всем членам ЦК ВКП(б). Например, протокол допроса М. М. Кудрявцева, директора Бийского зерносовхоза, в котором речь шла о подготовке по указанию Муралова терактов в отношении членов Политбюро и его намерении «расстрелять Сталина и его свору».

Пристальное внимание Сталина к показаниям прежде всего руководителей различных отраслей тяжелой промышленности, его стремление найти среди них «вредителей» вряд ли объясняется только важностью этих производств для укрепления оборонной мощи СССР.

Значение имели и личные отношения. Относительно независимый нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе резко реагировал на аресты специалистов в своем ведомстве. Нарком высылал на различные предприятия комиссии, члены которых затем докладывали ему о необоснованных подозрениях и обвинениях во вредительстве со стороны сотрудников НКВД, ничего не понимавших в хозяйственных вопросах. Он выражал недовольство и в связи с тем, что из 17 обвиняемых на январском 1937 года втором московском процессе 10 человек являлись работниками наркомата тяжелой промышленности. Сталин «нажимал» на Орджоникидзе, требуя активнее вести борьбу с «вредительством». Он раскритиковал подготовленный в спокойном тоне доклад Орджоникидзе для выступления на февральско-мартовском пленуме 1937 года и внес свои замечания, требуя конкретизации и внесения в него фактов разоблачения «вредительской» деятельности в различных отраслях¹.

По свидетельству секретаря Орджоникидзе А. Д. Семушкина нарком был категорически не согласен со Сталиным по вопросу о «вредительстве» в промышленности. За годы советской власти на производство были направлены десятки тысяч новых специалистов. И хотя в 1923–1924 годах во многих учебных заведениях влияние идей Троцкого было сильным, тем не менее, новые кадры, по мнению наркома, положительно зарекомендовали себя на важнейших стройках и заводах. В качестве доказательства Орджоникидзе направил в ЦК в конце 1936 года сообщение о досрочном выполнении по валовому показателю планов второй пятилетки многими предприятиями и не понимал, почему это сообщение не публиковалось в газетах. Кроме того, аресты в своем наркомате Орджоникидзе рассматривал в качестве ударов Сталина по нему лично. Орджоникидзе действительно, как отмечал Сталин на февральско-мартовском пленуме 1937 года, «попортил крови», сопротивляясь арестам в своем ведомстве. О том, насколько выросло в этот период влияние НКВД, свиде-

---

¹ Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы М., 1993. С. 89–97.

тельствовали факты: например, начальник Экономического отдела ГУГБ Миронов непосредственно обращался к наркому тяжелой промышленности для получения санкции на арест.

Возможно, недовольство Сталина было связано и с тем, что для него не были секретом встречи Орджоникидзе с товарищами по работе в Закавказье М. Д. Орахелашвили и Ш. З. Элиавой. В ходе встреч они часто обсуждали и кадровую политику, постепенную замену Сталиным старых кадров и назначение послушных исполнителей, стиль его работы. Резкой критике подвергался поддерживаемый Сталиным Берия, в том числе и за фальсификацию истории становления большевистских организаций Закавказья. Нелицеприятные оценки в разговорах Орджоникидзе с А. И. Микояном и А. Я. Яковлевым высказывались также в адрес В. М. Молотова, ущемлявшего интересы наркомата. Однако достаточно спорным является их мнение о том, что целью выделения из НКТП наркомата оборонной промышленности было стремление умалить авторитет Орджоникидзе.

И Орджоникидзе, и Микоян были противниками судебного процесса, где в качестве главного обвиняемого выступал Пятаков. Орджоникидзе получал наиболее важные протоколы допросов по готовящемуся процессу и безусловно не мог согласиться с обвинениями в адрес своего заместителя. Пятаков обвинялся в подготовке терактов, связях с иностранными разведками, вредительстве, выполнении указаний Л. Троцкого. Также в разговорах Орджоникидзе отмечал, что верит в искренность заявления Бухарина, с которым он выступил на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1936 года, о непричастности к оппозиции¹.

На этом пленуме Н. Ежов представил предварительные материалы, свидетельствовавшие об участии Бухарина в контрреволюционной, вредительской деятельности троцкистской организации, возглавляемой Пятаковым. Нарком внутренних дел сообщил, что арестованные по этому делу в своих показаниях указывали на связь между троцкистами и правыми. Бухарин категорически все отрицал, утверждал, что все обвинения в его адрес являются ложью. По предложению Сталина пленум принял решение о продолжении проверки, а рассмотрение этого вопроса отложили до следующего пленума.

В перерывах между заседаниями пленума и Бухарину, и Рыкову устраивались очные ставки. 7 декабря члены Политбюро приняли участие в очной ставке между Бухариным и Сосновским, литератором, арестованным еще в 1933 году, а затем — между Бухариным и Пятаковым. Очная ставка доставила немало волнений Ежову, поскольку прошла не совсем гладко. Так, на вопрос Орджоникидзе о том, каким образом Сосновский узнал о центре правых, тот сослался не на присутствовавшего Н. Бухарина, а на К. Радека.

---

¹ЦА ФСБ. АСД Р-771. Л. 3-17.

Сталин задал Пятакову отнюдь не риторической вопрос, и, наверное, хотел услышать точный ответ. Сравнивая троцкистов и правых и отмечая наличие у первых центра, многочисленными нитями связанного с группами или отдельными лицами, возглавлявшими террористические группы, он спросил: «Насчет правых, можно это сказать, что они тоже так делали?» Пятаков ответил, что так можно сказать в отношении Томского, а не Бухарина¹.

Для усиления обвинений в так называемой вредительской деятельности троцкистов на пленуме Сталин высказал сомнение в участии Пятакова в запасном центре и в том, что тот стал действовать лишь после осуждения троцкистов и зиновьевцев на августовском процессе 1936 года. Н. Ежов отреагировал мгновенно. Он заявил, что Пятаков, находясь в запасном центре, начал свою «вредительскую» работу значительно раньше. И далее сообщил, что количество арестованных участников контрреволюционных троцкистско-зиновьевских организаций, численность которых на Украине, Азово-Черноморском, Западно-Сибирском краях, Ленинградской и Свердловской областях превысило 1200 человек².

Таким образом, одной из вероятных причин того, что вопрос о Бухарине был отложен, стало то, что предъявленные ему обвинения в Политбюро не показались достаточно убедительными. Однако процесс, запущенный И. Сталиным, набирал обороты.

13 января в присутствии членов Политбюро Сталина, Ворошилова, Кагановича, Ежова была проведена очная ставка между Бухариным и В. Н. Астровым, в ходе которой Астров доказывал, что Бухарин создал оппозиционную платформу в партии. Сталин в своих вопросах делал упор на то, что «группа правых имела свой центр. Был центр из 3–4 человек и был актив, привлекавшийся на заседания центра»³. Показания Астрова были включены по указанию Сталина в общий список из 27 протоколов (на 327 страницах), разосланных 18 февраля 1937 года членам и кандидатам ЦК ВКП(б) как материалы к первому пункту повестки дня февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Это были протоколы допросов Пятакова, Н. А. Угланова, А. Н. Слепкова, Белобородова и других — как уже репрессированных, так и находящихся под следствием партийных, советских, хозяйственных и научных работников. Ознакомившись с показаниями Астрова, Бухарин написал Сталину: «Показания составлены с великой нарочитостью: тут не только клевета, тут нечто большее. Я — за агентов (Астров, напр.). Но нужно, чтобы агенты не врали и не клеветали и не подводили к своим концепциям и не занимались провокацией»⁴.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 260. Л. 77–78.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29. Л. 78–79.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 270. Л. 54–55.

⁴ Там же. Д. 291. Л. 14.

В течение декабря 1936 — января 1937 года сотрудники НКВД вели интенсивную подготовку процесса по делу «параллельного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра» добывали **новые показания**, в том числе, на Бухарина и Рыкова. В отличие от предыдущего, августовского 1936 года, процесс, проходивший с 25 по 30 января 1937 года, имел еще более тяжелые последствия. Осуждение крупных **хозяйственных руководителей** развязывало руки НКВД, открывало простор для значительного расширения масштаба репрессий, которые распространились на широкий круг партийных, советских и хозяйственных руководителей.

По завершении процесса органы государственной безопасности информировали руководство страны о реакции населения. В официальных спецсообщениях НКВД, направляемых Сталину содержались неоднозначные оценки. Начальник УНКВД по Свердловской области сообщал, что наряду с одобрением приговора Пятакову и его товарищам, осужденным за «контрреволюционную» деятельность, отмечены и критические замечания со стороны инженерно-технических работников Уралмашзавода, учителей, студентов. Он цитировал эти высказывания в своем спецсообщении: «Я не верю в существование вредительства, ни в этом случае, ни в других, это очередная провокация. Нужен удар, шум для того, чтобы расправиться с инакомыслящими, отвлечь внимание общества от тяжести нашей жизни». «В партии среди коммунистов пошел внутренний разлад». «Этот процесс говорит, что УНКВД стремится уничтожить всех соратников Ленина, никого из старых революционеров не осталось. Случись война, сразу выявится вторая партия оппозиции и несомненно, что оппозиция будет сильнее и будет поддержана народом»¹.

Возможно, в связи с такой реакцией населения, а также расхождением интересов партийных работников с интересами хозяйственных руководителей И. Сталин вынужден был маневрировать, не меняя общего курса на ужесточение репрессий. 13 февраля он в определенной мере встал на сторону технической элиты страны и одернул партийно-советские кадры, а отчасти и органы НКВД. В шифротелеграмме, адресованной секретарям ЦК национальных компартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), начальникам УНКВД, он указывал, что «некоторые секретари обкомов и крайкомов, видимо, желая освободиться от нареканий, очень охотно дают органам НКВД согласие на арест отдельных руководителей, директоров, технических директоров, инженеров и техников, инструкторов промышленности и транспорта и других отраслей. ЦК напоминает, что ни секретарь обкома или крайкома, ни секретарь ЦК нацкомпартии, ни тем более другие партийно-советские руководители на местах не имеют права давать согласие на такие аресты». Он напомнил о правилах, утвержденных в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 июня 1935 года «О порядке согласования арестов» и обязательных для партийных и советских

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 919–920.

работников, органов госбезопасности. Указанные категории специалистов могли быть арестованы лишь с согласия соответствующего наркома. При возникновении разногласий в качестве третьей стороны выступал ЦК ВКП(б), то есть по большей части сам Сталин¹.

Этот конфликт нашел отражение в выступлении В. Молотова на февральско-мартовском пленуме. Критикуя недостатки в деятельности партийных работников, он отмечал, что «в связи с разоблачением троцкистской вредительской деятельности кое-где начали размахиваться и по виновным, и невиновным, неправильно понимая интересы партии и государства».

На февральско-мартовском пленуме 1937 года вторично после декабря 1936 года кандидатам и членам ЦК вновь было предложено вернуться к «правым уклонистам». Ежов, докладчик по вопросу «По делу т. т. Бухарина и Рыкова» приводил многочисленные факты, свидетельствовавшие о создании правого центра еще в 1930 году, о его ориентации на террор, о подготовке в стране государственного переворота. Действительно, к этому времени из областных управлений НКВД пришли десятки показаний от арестованных о том, что они действовали якобы по заданию Н. И. Бухарина. В частности, нарком НКВД Казахстана Л. Б. Залин в январе 1937 года сообщал из Алма-Аты об организации там центра правых еще в 1927 году, об их вредительской деятельности на Кузнецкстрое, о связях с правыми в западноевропейских компартиях, приводил выдержки из протоколов допросов, в которых арестованные признавались в том, что они «получали неоднократно указания центра правых по подготовке террористических актов»². Однако Сталин не спешил с уничтожением бывших оппозиционеров. В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) отмечалось, что правые лишь знали о террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра, но скрывали это от партии. Дальнейшее расследование их преступлений было поручено НКВД СССР. Сразу по окончании работы Пленума Бухарин был арестован.

В своей репрессивной политике Сталин придерживался принятых правил. Когда в марте 1937 года секретарь ЦК ВКП(б) А. Андреев и секретарь Донецкого обкома партии С. Саркисов обратились к Сталину с предложением арестовать директора Макеевского металлургического комбината Гвахарию, генсек направил запрос наркому тяжелой промышленности В. Межлауку: «Как быть? Стоит ли снимать Гвахарию? А если снять, кем заменить?»³. Поэтому, чтобы получить достаточные для арестов компрометирующие материалы начальники УНКВД усилили практику постоянного обмена данными. Так, для доказательства «вредительской» деятельности Гвахарии по запросу донецкого управления из НКВД Грузии. были присланы протоколы допросов. Из УНКВД

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 28.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 153.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 87.

Свердловской области Дмитриев переслал показания начальника Уралтрубстроя Л. С. Мамашвили, который упомянул Гвахарию в качестве участника троцкистской группировки.

Весной 1937 года Ежов требовал найти новый компромат на Бухарина. Подготовка к вероятному процессу по его делу составляла важное направление деятельности НКВД. 25 марта 1937 года нарком внутренних дел передал Сталину некий проект выступления одного из сторонников Бухарина, сопроводив документ запиской: «Т. Сталину. Это проект речи Розита, которую он должен был произнести на XVI съезде партии. Одобрена Бухариным. В последний момент центр решил, что Розит эту речь не должен произносить. Она была размножена и разослана членам правой организации». В самом тексте критически оценивалась деятельность Сталина; никаких призывов к террору там не содержалось. Но было сказано, что ошибки в крестьянском вопросе — это ошибки не партии и ЦК, а лично Сталина, которые он должен признать и отвечать за это. Осуждались также непомерные поборы с крестьян, поскольку «теория дани с крестьянства нарушает принцип союза рабочего класса и крестьянства». Упомянулся в тексте и вывод Бухарина из состава Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года, что, по мнению автора текста, явилось разрушением принципа коллективного руководства¹.

Наряду с фабрикацией фальшивых доказательств вины правых, по указанию Ежова расширялась и география распространения их влияния. Так, на Украине были арестованы члены украинского центра правых, который якобы возглавляли бывший председатель Харьковского горсовета М. А. Богуцкий, бывший нарком Украины М. А. Танциора и другие, всего более 20 человек.

«Повстанческая организация правых» была раскрыта также в Карачаево-Черкессии, где в свое время побывал Н. Бухарин. Там по этому делу было арестовано 40 человек. Помимо К. Курджиева, председателя Карачаевского облисполкома и других местных работников, были получены компрометирующие показания на заместителя заведующего отделом национальностей ВЦИК СССР С. Токоева, заместителя наркомата внутренней торговли РСФСР В. Н. Хронина. Постепенно фокус внимания органов безопасности в их деятельности по разоблачению «контрреволюционных» организаций смещался в сторону «правых и правотроцкистских группировок»².

Аресты членов этих организаций» и, главным образом, установка на ликвидацию последствий «вредительства» вели к усилению репрессий. В течение марта — июня 1937 года от арестованных руководителей партийных и советских органов были получены показания и на высший слой номенклатурных работников СССР — на членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 298. Л. 159-166.

² Там же. Д. 303. Л. 121.

На такие аресты Ежов не мог пойти без предварительного инструктирования у Сталина. В этом убеждают слова начальника УНКВД Дальневосточного края Т. Дерibasа, который заявлял о недопустимости брать показания на кандидатов и членов ЦК ВКП(б) без санкции наркома НКВД.

Было бы заблуждением полагать, что только органы НКВД снабжали Сталина компрометирующими материалами на высшую партийную и советскую номенклатуру и соответствующим образом формировали его позицию. Этот фактор, безусловно, присутствовал, и главную роль в этом играл Н. Ежов. Правда, не меньшим влиянием пользовались члены Политбюро ЦК ВКП(б), а также наркомы, дававшие санкции на аресты специалистов и руководителей; уполномоченные Комиссии партийного контроля в различных областях, сообщения которых заместитель председателя КПК Шкирятов регулярно направлял Сталину; журналисты, прежде всего корреспонденты газеты «Правда», их информацию с мест главный редактор Мехлис передавал в ЦК ВКП(б) и лично Сталину.

Разгром партийно-советского аппарата в Ростове-на-Дону, Свердловске, Иванове и других городах неизбежно привел к арестам первых секретарей обкомов и крайкомов партии. Аресты специалистов в различных отраслях народного хозяйства влияли на дальнейшую судьбу наркомов СССР и союзных республик, поскольку никто из них не был застрахован от оговора. Например, систематическая информация из Азово-Черноморского края о покровительстве Шеболдаева троцкистам, которая исходила и от вновь назначенного первого секретаря крайкома Евдокимова и из УНКВД АЧК привела к его аресту.

Аналогичные сведения поступали в центр и из Свердловской области. Начальник УНКВД Дмитриев 20 мая информировал Ежова о поведении И. Д. Кабакова, первого секретаря обкома, члена ЦК ВКП(б) после ареста бывшего второго секретаря Свердловского обкома Зубарева. Ежов передал письмо Дмитриева Сталину. Опыт работы начальников УНКВД показывал, что появление доклада, содержавшего подробное описание растерянности Кабакова, не понимающего причин ареста Зубарева, было невозможно без распоряжения наркома, основанного на санкции Сталина. Дмитриев на примерах показал связь Кабакова с арестованными троцкистами. Это письмо Сталин переадресовал Молотову и Кагановичу¹.

Партийное руководство принимало самое активное участие в развертывании репрессий. Причем процессы подготовки арестов шли параллельно. 22 мая Евдокимов, новый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) в условиях, когда был арестован почти весь руководящий состав крайкома и крайисполкома, поставил перед Сталиным вопрос о новых арестах. По показаниям бывшего заведующего ОРПО крайкома А. И. Березина на роль троцкистов были назначены уполномоченный Комитета заготовок Ароцкер, руководитель крайсовпрофа Соколов и

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 303. Л. 89.

бывший второй секретарь крайкома Малинов, в момент ареста — начальник КрайЗУ. Сталин наложил резолюцию: «Можно арестовать всех трех Малинова, Ароцкера, Соколова». А 23 мая начальник УНКВД АЧК прислал протокол допроса. Ежов просил арестовать двух человек: Малинова и заведующего сельхозотделом крайкома ВКП(б) Лукина. Сталин предложил Ежову: «Надо арестовать всех еще не арестованных из числа названных в показании Березина»¹.

Последствия ареста Кабакова отчетливо видны из анализа протокола его допроса, присланного 13 июня 1937 года Сталину, который выделил в тексте протокола тридцать две фамилии руководящих работников партийного, советского аппаратов, управляющих трестами, преподавателей уральских ВУЗов². Возможно, столь беспрецедентные указания на аресты были связаны с событиями первой декады июня, когда Сталин, обрушил удар на высший командный состав армии и тем самым перешел определенную черту в репрессивной политике. Судя по всему, он сам себя убедил в том, что шпионы и вредители проникли во все сферы жизни общества.

Сталин принимал во внимание даже заявления, лиц, не вполне нормальных, страдающих психическими заболеваниями. В апреле 1937 года он ознакомился с письмом некой Мошковой, которая собирала материалы на троцкистов и различных заговорщиков. Обострение подозрительности, по всей видимости, у нее случилось после показательных процессов. Она писала о подготовке покушения на Сталина и Ворошилова, о незаоблаченных шпионских организациях на Балтийском флоте и Дальнем Востоке. Особого внимания в ее письме удостоился бывший нарком НКВД Ягода, который якобы получал крупные суммы денег от троцкистов, чтобы скрыть их заговорщические планы. Она просила, чтобы к ней прислали человека из Комиссии партийного контроля, которому она сообщила бы все факты, ей известные. Сталин, восприняв это письмо всерьез, дал поручение Ежову: «Возможно, что путаное письмо Мошковой содержит кое-какую правду. Пошлите от КПК человека к Мошковой, плюс одного от НКВД и поручите обоим выяснить дело...»³.

Никакого развития данное дело не получило. Такие случаи, когда Сталин давал указания Ежову расследовать заявления, нездоровых в психическом отношении людей, происходили и в дальнейшем.

Таким образом, развернувшаяся после августовского процесса 1936 года кампания по уничтожению бывших оппозиционеров постепенно переросла в массовую операцию против так называемых «троцкистов». Очевидно, Сталин поставил своей главной задачей окончательное

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 305. Л. 32–33.

² Подробно о чистке в Свердловском обкоме ВКП(б) и УНКВД по Свердловской области см. *Harris J. R. The Great Urals. Regionalism and Evolution of the Soviet Sistem.* Lawrence KS, 2001. P. 146–190.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 301. Л. 104–110.

уничтожение всех тех, кто на определенных этапах развития советского государства проявлял критическое отношение к избранным им средствам построения нового общества, проявлял недовольство жесткостью внутренней политики.

Изменение карательной политики в РККА

Высшее руководство страны ориентировало органы государственной безопасности «на изъятие контрреволюционного элемента, пробравшегося в армию». До начала массовых репрессий основной упор делался на «чистку» Красной Армии. В мае 1934 года в деятельность особых отделов были внесены существенные коррективы, которые ограничили их влияние в воинских частях. Грубый допрос, который армейский контрразведчик устроил технику авиационной части, стал причиной того, что тот улетел на самолете за границу. По представлению начальника Политического управления Красной Армии Я. Б. Гамарника Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, в котором особым отделам запрещалось впредь «вызывать и допрашивать командиров и красноармейцев без ведома и согласования с комиссаром части». Военнослужащие находились под защитой политических органов в войсках. В гражданских организациях так защищены были только члены ВКП(б).

То обстоятельство, что до весны 1937 года репрессии в армии заключались в увольнении со службы, в немалой степени объясняется влиянием и авторитетом наркома обороны К. Е. Ворошилова, который с 1926 года являлся членом Политбюро и ближайшим послушным соратником Сталина, в то время как нарком НКВД Ягода был только членом ЦК ВКП(б). Часто на запрос Особого отдела ГУГБ о получении санкции на арест военнослужащего Ворошилов наносил типичную резолюцию: «Не обязательно всякого дурака арестовывать, можно и просто выгнать из РККА».

В результате в Красной Армии особые отделы основное внимание уделяли проверке и удалению из частей командиров и красноармейцев. Такая деятельность военных контрразведчиков рассматривалась руководством как действенное средство повышения боеготовности вооруженных сил. Самое массовое увольнение произошло в 1933 году, когда из армии было изгнано 22308 человек. Важнейшим основанием для увольнения являлась социальная принадлежность командного и рядового состава. Из этих 22308 военнослужащих по признаку социальной принадлежности (бывшие кулаки и их родственники, духовенство, бывшие офицеры) было уволено более 50 процентов; по признаку политической неблагонадежности — 8828 человек.

За 1934–1936 годы из Красной Армии было уволено около 22 тыс. военнослужащих, из них около 5 тыс. считались оппозиционерами, арестовано было около 10 тыс. человек за различные преступления. Аресты высшего командного состава по политическим мотивам носили единичный

характер. До середины 1936 года можно выделить лишь арест начальника кафедры военной истории Военно-воздушной академии комкора Г. Д. Гая (Бжишкяна). В беседах со старыми большевиками он критически оценивал деятельность Сталина. Своим знакомым он в нетрезвом состоянии заявил о том, что «Сталина нужно убрать, все равно его уберут». В результате Гай был обвинен в контрреволюционной агитации и даже подготовке террористического акта. Осужденный Особым совещанием НКВД СССР на 5 лет заключения, он во время этапирования в ярославскую тюрьму проявил характер и сумел выпрыгнуть из поезда, а затем в течение нескольких дней скрывался от преследователей. Сообщение о побеге вызвало ярость у Сталина, который обрушился с резкой критикой в адрес НКВД, обвинив чекистскую часть в том, что она «переживает процесс разложения», болеет серьезной болезнью и «пора заняться нам ее лечением»¹.

Первые аресты среди военнослужащих, которые можно рассматривать как преддверие «большого террора», произошли в августе 1936 года в связи с процессом по делу так называемого троцкистско-зиновьевского блока. На начальном этапе жертвами стали военнослужащие высшего и старшего командного состава, высоко оценивавшие роль Л. Троцкого на посту председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны и поддерживавшие его в 1920-е годы. На основании показаний, полученных в ходе допросов Е. Дрейцера, Р. Пикеля и других, в июле-сентябре 1936 года было арестовано шесть офицеров в генеральских званиях (комкор В. Путна, комкор В. Примаков, комкор С. А. Туровский, комдив Д. А. Шмидт, комдив Ю. В. Саблин, комбриг М. О. Зюк). Не были секретом факты дружеских отношений женатых на сестрах Туровского и Шмидта Дрейцер, будучи проездом в Харькове, всегда останавливался у Туровского, заместителя командующего Харьковским военным округом, жил на его даче под Харьковом.

После процесса развернулась политическая кампания по поиску сторонников Л. Троцкого и Г. Зиновьева, совпавшая по времени с обменом партийных документов.

В октябре 1936 года в Военно-политической академии им. Толмачева, многие сотрудники которой, по данным НКВД, выступали в поддержку троцкистской платформы в 1920-е годы, было арестовано несколько военнослужащих; в декабре того же года они были приговорены Военной коллегией Верховного суда к расстрелу. Из пятнадцати членов «террористической группы Фенделя» девять участников, обвиненных в подготовке «фашистского заговора» были приговорены к высшей мере наказания².

---

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. Сост. Хлевнюк О. В., Дэвис Р. У., Кошелева Л. П., Рис Э. А., Роговая Л. А. М. РОССПЭН. 2001. С. 613–614.

² Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Санкт-Петербург, 1997. С. 125.

Начальник ПУ РККА Я. Б. Гамарник, выступая 4 марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б), отмечал, что эта группа была раскрыта благодаря данным НКВД¹.

5 ноября 1936 года Г. Маленков докладывал И. Сталину о первых итогах работы по выявлению в процессе обмена партдокументов среди военнослужащих лиц, ранее примыкавших к троцкистам, и назвал 62 человека, служивших в центральном аппарате НКО и военных академиях. Из них более половины были выявлены в военных академиях. Была учтена и поддержка военными Троцкого в 1923–1924 и 1926–1927 гг.²

Однако вплоть до январского 1937 года процесса аресты в Красной Армии имели «вялотекущий» характер. В ходе допросов ряд арестованных отрывочно упоминали и давали скудные сведения об участии в троцкистской организации по военной линии Шмидта, Зюка, Примакова. В Азово-Черноморском крае показания на них «с помощью» следователей 22 ноября дал Я. Бородинский, директор краевого управления «Союзкультура». В Киеве 25 октября 1936 года аналогичные показания на В. Примакова дал Председатель Госплана, заместитель председателя СНК УССР Ю. М. Коцюбинский. 16 ноября Радек указал на Шмидта как ответственного за подготовку террористической работы в армии, а 12 декабря сообщал о существовании заговора военных и специальной группы в лице Примакова, Шмидта, Путны, Кузьмичева. 14 декабря Сокольников на допросе дал показания о подготовке «прямой измены командиров-троцкистов на фронте» в случае войны.

В январе 1937 года начался новый, пока еще не столь масштабный виток арестов. Бывший военный работник, старший инспектор треста «Сибстройпуть» Оберталлер, исключенный в августе 1936 года из партии и арестованный как участник троцкистской организации, дал показания на ряд военнослужащих Политуправления Сибирского военного округа. В основу обвинений легли факты о совместной работе в 1921–1925 годах в Политуправлении Ленинградского военного округа: эти люди якобы формально, на словах выступали против оппозиции, «чтобы остаться глубоко законспирированным зиновьевцем»³. Среди оппозиционеров упоминался и бывший начальник Политуправления Ленинградского военного округа А. А. Гусев, дивизионный комиссар, знакомый с Бакаевым, работавший к этому времени председателем Мособлсовета Осоавиахима. Сталин обвел в кружок фамилии всех упомянутых Оберталлером военнослужащих, что означало одобрение ареста. Таким образом, аресты затронули и партийный аппарат Красной Армии.

---

¹ Вопросы истории. 1995. № 7. С. 7.

² АП РФ Ф. 3. Оп. 24. Д. 252. Л. 99.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. Архив Сталина Документы высших органов партийной и государственной власти 1937–1938. Под ред. акад. Яковлева А. Н.; сост. Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. М., 2004. С. 85.

Необходимо отметить, что влияние Ворошилова в партийной иерархии было достаточно сильным, и его авторитет в эти месяцы еще служил некоторой защитой для Красной Армии. В речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года он подчеркнул, что в армии на протяжении длительного периода шла «чистка» личного состава. По его мнению, к 1937 году Красная Армия подошла сплоченной и монолитной, и в ней «врагов вообще немного».

Ворошилов подверг критике — в косвенной форме — органы НКВД. Он заявил, что «армия задета диверсионной контрреволюционной мерзостью». Но никто не мог привести конкретные примеры вредительства. Даже нарком внутренних дел Украины Балицкий, отмечал Ворошилов, под наблюдением которого находились Шмидт и другие арестованные на Украине военнослужащие, не мог назвать ни одного случая вредительской деятельности. Было очевидно, что Ворошилов нащупал слабое место в показаниях, представленных НКВД Сталину. Кроме поддержки рядом военнослужащих троцкистской платформы в 1920-е годы, следствие не располагало никакими другими фактами. Однако дело политработников в Сибирском военном округе отложилось в памяти Сталина, и на февральско-мартовском пленуме он предложил Гамарнику в порядке самокритики вспомнить о нем.. О том, что генсек внимательно изучал положение дел в армии, свидетельствовала и его осведомленность об арестах в Северо-Кавказском округе, о которых не знал пока даже начальник Политуправления РККА.

Так, 1 марта Сталин получил от наркома внутренних дел спецсообщение об аресте майора Н. К. Малова, помощника начальника связи штаба Северо-Кавказского военного округа, который дал показания о наличии в округе «антисоветской троцкистской организации». По словам Малова, в организацию якобы входили заместитель начштаба СКВО полковник С. П. Цветков, начальник отдела штаба СКВО интендант 1 ранга Н. М. Молчанов и начальник связи 74 стрелковой дивизии капитан Бредман¹. Гамарнику не удалось прочитать это спецсообщение накануне выступления Ворошилова на пленуме. Вероятно, Ежов хотел разрушить представления Сталина об относительном благополучии в армии.

Однако на пленуме прозвучали и тревожные для наркомата обороны сигналы. В заключительном слове 2 марта В. Молотов сообщил, что первоначально на пленуме предполагалось заслушать специальный доклад по военному ведомству. Но симптомы вредительской работы в армии были слабыми, и от этой идеи отказались. Тем не менее, подчеркнул он, военное ведомство будет проверено, и «очень крепко». Жесткие установки пленума на поиск вредителей в армии резко повысили активность органов НКВД.

Еще 17 февраля Сталин получил информацию от добровольного заявителя, некоего Прибыльского, о вредительской организации в ин-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 295. Л. 1–7.

женерном управлении РККА. Это заявление Сталин направил Ежову, а тот, в свою очередь, дал поручение начальнику Особого отдела НКВД Леплевскому провести расследование. Арестованный 17 февраля Н. И. Вележев — помощник начальника инженерных войск Уральского военного округа признался, что он являлся членом троцкистской организации, которую возглавлял Марьясин, осужденный на процессе в январе 1937 года. Допрашивал Вележева начальник УНКВД по Свердловской области Дмитриев, участвовавший в следственной работе при подготовке августовского процесса 1936 года. В итоге были получены показания против командующего УрВО комкора И. И. Гарькавого, его заместителя комкора М. И. Василенко, командира 65 стрелковой дивизии комбрига Г. Ф. Гаврюшенко и ряда других офицеров.

В протоколе допроса Сталин поставил цифры напротив фамилий военнослужащих, названных Вележевым в качестве участников заговора. Первым в марте 1937 года был арестован командующий военным округом И. И. Гарькавый. Этот санкционированный Сталиным и Ворошиловым арест стал началом масштабных репрессий. В своих показаниях Вележев назвал также бывшего начштаба 13 стрелкового корпуса в Уральском военном округе комбрига А. А. Кошелева, который проходил службу на Дальнем Востоке в качестве коменданта укрепрайона. Одновременно шел сбор компрометирующих материалов на уже арестованных ранее военачальников. 8 марта начальник Разведывательного управления С. П. Урицкий доложил Сталину об итогах негласно проведенного разбирательства, о поведении в Англии Путны в то время, когда тот занимал должность военного атташе. Однако никаких данных о его шпионской и вредительской деятельности добыть не удалось. В справке было лишь отмечено, что водителем у него был английский подданный, а военные атташе враждебных СССР государств положительно отзывались о работе Путны. Кроме того, в оформлении кабинета дома военного атташе не был использован ни один из портретов вождей, хотя они были завезены, а портрет наркома обороны висел за дверью.

В марте 1937 года Особым отделом НКВД разрабатывались уже два крупных дела. Первое — инженеров Кронштадтского укрепленного района, которые в разговорах, высказывали сожаление о расстреле Зиновьева, Каменева, Мрачковского. После ареста бывшего начальника политотдела Управления полкового комиссара В. А. Опарина, начальника службы инженеров Кронштадтского района, высказывавшего эти сожаления, и ряда других военнослужащих, следователи НКВД создали дело о контрреволюционной «троцкистской группе» не только в инженерных войсках, но и на Балтийском флоте. Нити «заговора» якобы тянулись к бывшему заместителю начальника морских сил РККА, а на момент ареста помощнику командующего Черноморским флотом дивизионному интенданту П. И. Куркову, начальнику штаба дивизиона миноносцев Северного флота капитану 2 ранга Э. И. Батису и др. Арест Батиса, кото-

рый в начале 1930-х годов являлся военным атташе СССР в Турции, дал НКВД основание выдвинуть версию о его связях с Л. Троцким и обвинить в том, что он исполнял обязанности курьера по доставке троцкистских директив на территорию СССР¹.

25 марта, после ареста бывшего начальника управления инженерных войск Балтийского флота бригадного инженера Н. А. Максимова Сталин получил подробный протокол его допроса. Одновременно Ежов передал ему и протоколы допроса П. В. Мухина, комиссара линкора «Октябрьская революция», арестованного 16 февраля 1937 года. В спецсообщении нарком подчеркивал, что в Инженерном и Строительном управлениях РККА, 3 отделе Генштаба, Краснознаменном Балтийском флоте раскрыта крупная «антисоветская троцкистско-зиновьевская» организация².

Начальник УНКВД Ленинградской области Л. М. Заковский, один из приближенных наркома Ежова, который ласково называл его «Ленечка», получил обширный материал для дальнейших арестов.

Сталин внимательно изучил показания Максимова и Мухина. Из них следовало, что Максимов в 1927 году был слушателем Военно-технической академии (ВТА) в Ленинграде, участвовал в охране Зиновьева, Бакаева и Евдокимова. Был исключен из партии, но в 1928 году восстановлен.

В ходе допроса были выявлены другие слушатели ВТА, которые в 1927 году поддерживали оппозиционеров в Ленинграде. В поле зрения органов НКВД попал и выпускник академии, который был исключен из партии в декабре 1936 года и также входил в период обучения в Академии в охрану оппозиционеров, военный инженер 1 ранга М. И. Кашеев, начальник Строительно-квартирного отдела ОКДВА. Вскоре он был арестован. После его ареста, в апреле — мае 1937 года массовые репрессии начались в Строительно-квартирном отделе Дальневосточной армии.

Сталин заинтересовался этим делом, поскольку группа партработников ОКДВА проявила «политическую бдительность». Узнав о том, что в наркомате обороны подготовлен приказ о назначении Кашеева начальником УВСП 282 в Челябинске, они направили коллективное письмо на имя Сталина. В нем тот был представлен как ярый сторонник Зиновьева, в охране которого он служил в 1927 году, защищал его, «спасал от гнева рабочих». В том же году Кашеева исключили из партии, в 1928 году он был восстановлен в ВКП(б). Но в августе 1936 года за «прошлые грехи» его исключили повторно. Сталин переслал это письмо наркому обороны Ворошилову. Реакция была незамедлительной. Кашеев приказом Наркома обороны был уволен из Красной Армии, а органы НКВД получили согласие на его арест. На допросах он активно сотрудничал с органами госбезопасности, по его показаниям было арестовано более 100 человек.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 296. Л. 5.

² Там же. Д. 299. Л. 97–98.

Ширились аресты и на Балтийском флоте. По показаниям, которые на допросе дал комиссар Мухин, последовала череда арестов на Балт-флоте. Сталин особо выделил из протокола допроса Мухина упоминание о командире бригады миноносцев капитане 1 ранга З. А. Закупневе и на протоколе допроса написал: «Надо арестовать Закупнева». Надпись на документе зачеркнута, поскольку к тому времени тот уже был арестован. На момент ареста Закупнев проходил службу в качестве командира отряда канонерских лодок Каспийской военной флотилии.

В показаниях Максимова упоминались фамилии более чем 40 военнослужащих из управлений центра и военных округов, включая начальника СКО Приморской группы ОКДВА (бывшего начальника СКУ РККА) дивизионного комиссара Ф. Я. Левензона.

В водоворот арестов вовлекался все более широкий круг военнослужащих новых других округов и родов войск. В записке Маленкова о троцкистах упоминается А. П. Геманов, бывший комиссар пулеметного полка 1 дивизии ПВО. На протоколе его допроса от 2 апреля 1937 года Сталин написал резолюцию о новых арестах: заместителя начальника политотдела 1 дивизии ПВО полкового комиссара Т. М. Спири, начальника ПВО Белорусского военного округа комбрига В. С. Лаврова и других военнослужащих частей ПВО страны. В протоколе допроса командира полка 1 дивизии ПВО полковника И. Н. Бердника, копию которого Сталин разослал всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), речь шла об аресте шестнадцати человек командного состава дивизии ПВО. Вместе с тем Сталин, внимательно прочитав показания Бердника о несовершенстве системы ПВО страны, дал указание рассмотреть на заседании Комитета обороны вопрос о создании «штабов ПВО при военных округах», отметив в тексте недостатки в строительстве военных городков, в постановке местной обороны по защите населения¹.

На основе показаний, полученных от первых арестованных в СКВО Особый отдел НКВД расширял масштабы репрессий. 5 апреля 1937 года Сталин согласился с предложением арестовать начальников штабов 26 и 74 стрелковых дивизий полковников Н. С. Бережного и Е. Ю. Сояна, на которых дали показания арестованные ранее начальники службы связи этих дивизий и помощник начальника связи округа. Через месяц, в мае 1937 года был арестован и бывший начальник штаба СКВО комдив П. И. Вакулич (в момент ареста — начальник кафедры Академии Генштаба РККА)².

Первоначально на допросах военнослужащих главное внимание следователи НКВД уделяли их связям с оппозиционерами. Ворошилов на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) назвал точную цифру оставшихся в армии бывших «троцкистов, зиновьевцев, правых»:

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 301. Л. 72–74.

² Там же. Д. 301. Л. 40–53.

700 человек с партбилетами и без билетов. Эти люди попали под наблюдение как военного руководства, так и НКВД, аресты среди них начались в марте 1937 года¹.

Со временем в протоколах допросов все чаще стали встречаться показания о вредительстве в армии, ослаблении ее боеготовности.

Подозрительность и мстительность Сталина проявлялась в преследованиях родственников оппозиционеров. Так, был арестован сын Л. Б. Каменева 30-летний инженер, военный летчик Александр Львович Каменев. Невероятно, но в своих показаниях он назвал военнослужащих из Военно-политической, Военно-медицинской, артиллерийской Академий, Балтфлота, с которыми якобы участвовал в троцкистской организации, уже арестованных НКВД.

Появились и новые направления поисков врагов. Каменев дал показания о троцкистской организации в Особом техническом бюро Наркомата тяжелой промышленности, сотрудники которого должны были разработать новые прицелы, но, после того как на их создание было истрачено 7,5 миллионов рублей, "вредительская" группа сознательно сорвала выполнение правительственного задания.

Аресты военнослужащих стали следствием и так называемой политической бдительности, проявляемой на местах. Партийные руководители регулярно докладывали Сталину о ходе разоблачения троцкистско-зиновьевских групп. Особое рвение проявлял Л. П. Берия, первый секретарь Закрайкома ВКП(б), до этого в течение десяти лет возглавлявший органы ОГПУ и контролировавший деятельность НКВД Грузии.

12 апреля 1937 года Сталин получил тринадцать протоколов допросов членов «троцкистской группы» Б. Мдивани на более чем 200 страницах. Сталин выделил группу военных — членов «контрреволюционной» организации, и направил записку Молотову, Ворошилову и Кагановичу. Еще один военный округ оказался в центре внимания Сталина. Через несколько дней были арестованы комдив Г. А. Тухарели, помощник командующего ЗакВО, комкор М. И. Алафузо, бывший командующий Кавказской армией, а на момент ареста начальник кафедры Академии Генштаба РККА, комдив Г. Н. Кутателадзе, командир 9-го стрелкового корпуса СКВО².

Положение в военном ведомстве к концу апреля 1937 года все же резко отличалось от других наркоматов. Незначительное количество арестов в наркомате обороны, который возглавлял Ворошилов, могло вызвать раздражение других членов Политбюро ЦК ВКП(б) и в конечном итоге повлиять на изменение отношения к нему Сталина. Сравнение с другими ведомствами было не в пользу наркомата обороны. Аресты заместителя наркома тяжелой промышленности Пятакова,

---

¹ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 13.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 301. Л. 95.

заместителя наркома земледелия СССР Муралова, первого заместителя наркома лесной промышленности Сокольников и некоторых других объяснялось их предшествующей оппозиционной деятельностью, якобы переросшей во вредительскую. Но к этому времени, например, был арестован бывший нарком НКВД, а в момент ареста нарком связи СССР Г. Ягода. Нарком путей сообщения Л. Каганович, проявляя высочайшую большевистскую политическую «бдительность», согласился с арестом своего заместителя Я. Лившица, ряда начальников управлений железных дорог, которые фигурировали в качестве обвиняемых на показательном процессе в январе 1937 года.

В конце апреля 1937 года от арестованных сотрудников НКВД были получены первые показания на высший командный состав РККА. В ходе допросов бывший замнаркома НКВД Г. Е. Прокофьев, начальник Особого отдела М. И. Гай и заместитель начальника отдела З. И. Волович рассказали о связях маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, командарма 1 ранга И. П. Уборевича, командарма 2 ранга А. И. Корка и других военных с Ягодой, «заговорщиком» в НКВД. Следователи НКВД получили компрометирующие данные о Тухачевском, который якобы был участником заговора военных, готовивших военный переворот. Не удивительно, что эти факты были получены от арестованных сотрудников НКВД. Они, давая необходимые показания, руководствовались тем, что имели опыт и «заслуги» в раскрытии «заговоров» оппозиционеров. Не являясь политическими фигурами, они предполагали, что их не будут использовать для возможных открытых процессов. Немаловажное значение имели и обещания всемогущего наркома НКВД Ежова сохранить им жизнь. Один из ближайших помощников наркома И. И. Шапиро рассказал о беседе Ежова с арестованным Прокофьевым, в ходе которой нарком сказал о необходимости дать нужные показания. Тот вытянулся, встал по стойке смирно перед вышестоящим начальником и ответил: «Есть».

К 25 апреля 1937 года в НКВД был сфабрикован материал о привлечении Ягодой для совершения «дворцового» переворота военных авторитетов. Заместитель наркома НКВД Прокофьев показал, что Ягода совместно с Гаем установили связи с Тухачевским, Уборевичем, командармом 1 ранга И. Э. Якиром, А. И. Корком, комкором Р. П. Эйдеманом. Это была проведенная Ежовым комбинация по компрометации высшего военного командования. Гай возглавлял военную контрразведку страны и по роду своей деятельности неоднократно встречался с представителями высшего командного состава Красной Армии. Убедительными и достоверными являлись также факты об их критическом отношении к наркому Ворошилову, обедах из-за того, что не всем достались в 1935 году маршальские звания¹.

---

¹ Г. Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности. Сб. документов. Казань. 1997. С. 522.

О том, что дело по никогда не существовавшему заговору военных было подготовлено в центре по указанию Ежова, свидетельствовал и секретарь ЦК КП (б) Украины Н. Н. Попов, который знал о дружеских отношениях между Якиром и Балицким. Он вспоминал, что на заседаниях Политбюро ЦК КП (б) Украины Балицкий и Якир поддерживали друг друга и называли себя «генеральской фракцией».

В то время, когда давал показания Прокофьев, 20–25 апреля 1937 года Якир рассказал Попову, что Балицкий жаловался ему по телефону, что Ежов и по его приказанию начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Леплевский настаивали на том, что на Украине существует крупный военный заговор, который необходимо раскрыть.

Балицкий также предупредил Якира об активной кампании, развернутой секретарем Харьковского обкома партии Н. Ф. Гикало, который резко выступил на собрании военного актива округа. Он заявил, что за аресты Шмидта и Туровского, поддерживавших в свое время Троцкого, непосредственную ответственность несет Якир и что ЦК ВКП(б) этого дела так не оставит.

Балицкий рассказал Якиру о поездке начальника корпуса военно-учебных заведений военного округа М. Д. Капуловского в Москву и о его встрече с Ежовым. Но главное, что взволновало Якира, это отзыв Балицкого в Москву. Накануне своего отъезда нарком внутренних дел Украины предупредил Якира об имеющихся показаниях на командующего округом. По его словам, в случае, если приедет новый нарком, то этим показаниям будет дан ход, и может возникнуть дело против самого Балицкого. В связи с этим он предупредил Якира о том, что он все же вынужден будет рассказать Ежову об имеющихся показаниях. Якир побывал в Москве, а вернувшись, передал Попову, что не смог встретиться с Балицким и узнать, доложил он или нет о существовании компрометирующих материалов. Так Ежов готовил почву для ареста командующего одного из стратегических военных округов. Перевод Якира в мае 1937 года в Ленинградский военный округ был формальным, вскоре последовал его арест¹.

Но Ежову требовалось подкрепить первые компромат на высший командный состав показаниями других подследственных, а не только своих бывших подчиненных. Арестованный 6 мая комбриг запаса М. Е. Медведев, который фигурировал в деле о контрреволюционной группе в 1 дивизии ПВО, дислоцировавшейся в Москве, рассказал на допросе об участии в троцкистской военной организации заместителя командующего войсками МВО комкора Б. М. Фельдмана, И. Э. Якира, В. К. Путны, В. М. Примакова, А. И. Корка.

От Путны и Примакова побоями были добыты дополнительные показания о военном заговоре, на их основании 14–15 мая были арестованы

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4615. Л. 258–261.

Корк и Фельдман. Протокол допроса Фельдмана от 19 мая Ежов направил 20 мая Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. Благодаря политике кнута и пряника Фельдман согласился показать, что в Красной Армии существовал военно-троцкистский заговор, возглавляемый Тухачевским. В течение последней недели мая с 22 по 29 число были арестованы Тухачевский, Эйдеман, Якир и Уборевич.

Бригада следователей Особого отдела до конца мая дополнительно представила в Политбюро ЦК ВКП(б) показания комкора начальника Артиллерийского управления Н. А. Ефимова, а также недавно назначенного комкора командующего войсками УрВО Б. С. Горбачева, в которых арестованные признавались в существовании заговора в Красной Армии. Наиболее законченный вид имел протокол допроса Тухачевского от 29 мая. В нем последовательно раскрывались этапы формирования «военно-троцкистского заговора».

Выводы Сталина по итогам изучения многочисленных показаний высшего командного состава прозвучали в его выступлении на расширенном заседании Военного Совета 2 июня 1937 года. В качестве аргументов, свидетельствующих о заговоре, Сталин использовал признания подследственных, не подкрепленные никакими фактами. Арестованные в конце 1938 года сотрудники НКВД свидетельствовали о том, что для получения необходимых показаний применялись физические, насильственные методы. Заместитель наркома Фриновский так описывал процедуру важнейшего следственного действия — проведение очных ставок: «Больше всех волновался всегда Ежов, он вызывал к себе следователей, выяснял, не сдадут ли арестованные на очной ставке, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило лицом в грязь в присутствии членов Политбюро, а арестованные не отказались бы от своих показаний»¹. Угрозы, запугивания расправой над членами семьи обеспечивали необходимые показания.

Для того чтобы продемонстрировать гигантские масштабы «вредительства, шпионажа, диверсий», Сталин в своем выступлении на расширенном заседании Военного Совета 2 июня 1937 года вновь использовал апробированную схему фальсификаций. Он заявил, что к «правотроцкистским заговорщикам» во главе с Бухариным примкнули высокопоставленные военные. На заседании Военного совета Сталин утверждал, что Дзержинский якобы был сторонником Троцкого и хотел все ПТУ поднять на его защиту. Часть высшего военного командования он объявил немецкими шпионами.

На этом основании Сталин сделал вывод о слабости нашей разведки. Видные командиры Красной Армии, бывший нарком НКВД Ягода, зам. наркома иностранных дел Карахан, бывший председатель ЦИК СССР Енукидзе, по его мнению, являлись шпионами фашистской Германии и,

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н. 15301. Т. 2. С. 37–38.

представляя собой «пятую колонну», «хотели из СССР сделать вторую Испанию». Он потребовал укреплять разведку: »... надо иметь широко разветвленную разведку <...>, чтобы они свою сеть расширяли и ближе смотрели». Одновременно он призвал к тотальному доносительству. «Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда, хотя бы на 5 %, то и это хлеб»¹.

Не менее важным фактором, повлиявшим на дальнейшее усиление репрессий среди высшего командного состава, являлось присутствие на заседании Военного совета значительного количества сотрудников НКВД во главе с наркомом Ежовым, включая начальника Особого отдела ГУГБ НКВД Леплевского и вскоре сменившего его на этой должности Н. Г. Николаева-Журида. Развернувшиеся на Военном совете обсуждения, в ходе которых были озвучены различные компрометирующие материалы в отношении командующих военными округами, начальников управлений НКО, явились фактическим материалом, который органы госбезопасности использовали в дальнейшем для выдвижения новых обвинений.

Заседание Военного Совета призвано было обосновать и в определенной мере разъяснить военным суть предстоящего судилища, которое состоялось 11 июня 1937 года. Для судебного процесса над высшим командным составом было создано Специальное судебное присутствие, для повышения авторитета которого в него ввели и командующего ОК-ДВА В. К. Блюхера, начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова и других.

26 июня 1937 года Сталин получил записку С. М. Буденного, в которой тот изложил ход судебных заседаний. Трудно определить, направил он ее по своей инициативе или по указанию генсека, который интересовался поведением подсудимых и ходом подготовки суда НКВД. Выступали последовательно Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Примаков, Фельдман. Этот порядок не был случайным и свидетельствовал о том, что НКВД тщательно готовил процесс: выступавший на процессе первым Якир и последним Фельдман полностью признали свою вину и в ходе молниеносного следствия рассказали о подготовке восстания, о связях с германской разведкой, с Троцким. Согласно признательным показаниям Примакова, в Красной Армии и вне ее насчитывалось от 700 до 1000 человек — участников военного заговора².

Тухачевский был единственным, кто пытался опровергнуть показания, «выбитые» из него во время предварительного следствия. Для этого он избрал своеобразную тактику. Основной причиной, побудившей его

---

¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН. 2008. Л. 135-137.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 310. Л. 170-183.

якобы примкнуть к заговору, стало то, что он считал неправильной оценкой будущего театра военных действий. Произошли изменения, связанные с приходом Гитлера к власти. Если раньше предполагали, что СССР будут противостоять 60–66 польских дивизий, то теперь их будет более 100, что превосходило численность Красной Армии на возможном театре военных действий.

По словам Буденного, Тухачевский произнес эту речь для популяризации своих профессиональных соображений. В. Ульрих прервал Тухачевского и задал вопрос о его связях с германской разведкой с 1925 года, на что тот заявил, что он никаких сведений германской разведке не передавал, кроме разговоров на словах. Буденный особо подчеркнул, что в ходе всего процесса, то есть чтения обвинительного заключения, выступления других участников процесса Тухачевский постоянно качал головой, показывая всем своим видом, что обвинение не соответствует действительности, однако, в конце концов, виновным себя признал.

Некоторые моменты в выступлениях обвиняемых свидетельствовали об определенном улучшении взаимоотношений между Ежовым и Ворошиловым. Фельдман подчеркивал, что заговорщикам не удалось назначить на важные посты своих людей, поскольку против этого категорически возражал нарком обороны Ворошилов. Вместе с тем, процесс не стал окончательной точкой в борьбе с так называемыми военными заговорщиками, а был лишь этапом на пути усиления репрессий.

О предстоящей эскалации арестов свидетельствовало и решение Политбюро ЦК ВКП(б), принятое 11 июня 1937 года, в день когда происходило заседание суда по делу о «военно-фашистском заговоре». Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда было поручено рассмотрение дела о троцкистской террористической шпионско-вредительской организации в строительных частях ОКДВА.

Параллельно с событиями в центре расширялись репрессии на Дальнем Востоке, что обуславливалось позицией советского руководства, не исключавшего возможности агрессии со стороны Японии. Одновременно с раскрытием «заговора» в Строительно-квартирном отделе, как сообщал начальник УНКВД ДВК В. А. Балицкий, органы госбезопасности разрабатывали участников так называемой военно-троцкистской организации в Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и Тихоокеанском флоте (ТОФ). В шифротелеграмме в центр от 14 июня начальник УНКВД ДВК сообщал: «На 13 июня всего по делу военно-троцкистской организации ОКДВА и ТОФ проходят 472 участника, из которых арестовано военнослужащих 169, в том числе сознались 116, дополнительно арестовываем, согласно полученной санкции и по согласованию на месте 70 человек. Ожидаем санкцию на арест 117. Разыскиваем 27, уточняем показания на 89 человек»¹.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 152.

Командному составу предъявлялись, главным образом, обвинения в ослаблении военной мощи Красной Армии, вредительстве, связи с иностранными разведками, террористических намерениях. Своя специфика имела в отношении политработников. Арестованному 5 июня 1937 года корпусному комиссару начальнику ПУ Приволжского Военного округа Н. О. Орлову было предъявлено обвинение в укрывательстве троцкистов. Основанием для ареста стала его предшествующая работа в должности заместителя начальника Политического управления Киевского военного округа при командующем Якире. Орлов утверждал, что по приказу Якира количество исключенных из партии в процессе проверки и обмена партийных документов военных не превышало 3–4 %, хотя по некоторым частям ставился вопрос об исключении до 10 %. Поэтому в новых партдокументах после бесед с военнослужащими Орлов не оставлял записи об их троцкистских колебаниях. Показания Орлова вполне могли соответствовать действительности и являлись показателем бережного отношения к зарекомендовавшим себя положительно командирам. Но в условиях резкого изменения курса карательной политики подобные действия считались контрреволюционным преступлением.

Значительный и непоправимый ущерб Сталин нанес военной разведке РККА. Аресты сотрудников Разведывательного управления штаба РККА были определенным звеном в общей цепи арестов. Обвинения в адрес высшего командного состава в шпионской деятельности, связях с иностранными разведками возможно было «доказать», арестовывая тех его сотрудников, которые по роду своей деятельности регулярно выезжали за рубеж. Аппараты военных атташе были тесно связаны в своей деятельности с политической разведкой ИНО ГУГБ НКВД СССР, дипломатическими и торговыми представительствами, а также опирались на связи членов Коммунистического интернационала.

Начальники разведывательных отделов штабов РККА входили в структуру высшего командования военных округов, и их аресты были связаны с общим направлением репрессий, развернувшихся в СССР в этот период.

После ареста Ягоды под подозрение попала большая группа бывших сотрудников ИНО ГУГБ НКВД, которая по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в 1934 году была направлена для укрепления разведывательной работы в военном ведомстве.

В конце апреля 1937 года был арестован начальник 1-го (западного) отдела РУ РККА корпусной комиссар О. О. Штейнбрюк — выходец из Австро-Венгрии, национальность которого служила поводом для выдвижения обвинений в «шпионской» деятельности. Затем в мае последовали аресты заместителя начальника РУ РККА корпусного комиссара А. Х. Артузова, начальника 2-го (восточного) отдела корпусного комиссара Ф. Я. Карина. Эти аресты не были инициативой начальника Разведупра комкора С. П. Урицкого. В своем письме Сталину от 11 июня

1937 года он писал: «... с Вашей и тов. Ворошилова санкции» были уволены Артузов и его ближайшее окружение, а также он «почистил» Разведывательное управление РККА, в результате которого более 300 сотрудников были «вычищены» из военной разведки»¹.

Сталин продумывал теоретическое обоснование для развертывания репрессий в различных сферах жизни советского общества. Он дал указание начальнику Разведывательного управления РККА подготовить серию статей, в которых нужно было показать организацию и методы работы иностранных разведок. Начальник разведывательного управления РККА С. П. Урицкий доложил Сталину о том, что коллективом работников были подготовлены двенадцать статей для публикации в центральной печати. Вне всякого сомнения, Сталин давал конкретные указания о том, что необходимо создать общественное мнение об интенсивной шпионской работе иностранных государств против СССР. Сталина не волновал вопрос о том, соответствовала ли эта информация реальному положению, и действительно ли иностранные разведки активизировали свою подрывную деятельность, который на самом деле является дискуссионным, а утверждения советской пропаганды не базировались на реальных фактах. Фактически это была политическая установка, истинность которой должны были подтвердить разведывательные подразделения Красной Армии. Об этом красноречиво свидетельствовал и начальник РУ РККА Урицкий, который докладывал: «Согласно Ваших личных указаний [так в тексте. — авт.] 25.04.37 г. мною совместно с работниками РУ подготавливается большая статья для «Правды» «О методах вербовки и вовлечения в шпионскую работу»².

Урицкий выполнил заказ Сталина представить материал о «коварстве» иностранных разведок. Цель заказа была совершенно определенной и заключалась в том, чтобы показать советскому народу стремление капиталистических государств уничтожить СССР. Таким образом, Сталин стремился поддержать в обществе атмосферу постоянной мобилизационной готовности.

21 мая 1937 года Сталин получил протокол допроса начальника Дмитлага С. Г. Фирина, ближайшего соратника арестованного Ягоды. Длительное время он являлся работником резидентур советской военной разведки в Польше, Франции, Германии, а в 1930-е годы перешел на службу в ОГПУ-НКВД. На первом листе протокола Сталин оставил запись: «Вопросы Ежову». Фирин представил картину полного захвата советской военной разведки иностранными спецслужбами. Особое внимание наряду с германской было уделено польской разведке, которая якобы управляла нашими резидентами за рубежом и контрразведкой в СССР. В качестве главного агента польской разведки в СССР фигуриро-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 32. Л. 158–164.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1594. Л. 1.

вал И. И. Сосновский. Наряду с ним упоминались имена Штейнбрюка, Карина и многих других¹.

Поскольку создавалось впечатление о полном провале работы советской разведки, Сталин 21 мая 1937 года созвал совещание в Кремле, на котором присутствовали Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, Фриновский, руководитель Иностранного отдела ГУГБ НКВД А. А. Слуцкий, руководитель спецгруппы НКВД Я. И. Серебрянский, начальник Разведывательного управления РККА С. П. Урицкий и его заместители М. К. Александровский и А. М. Никонов. Сталин сделал вывод о том, что в разведке нас разбили, а «Разведупр <...> попал в руки немцев». По его предложению Ворошилову и Ежову было поручено разработать проект постановления по организации разведки и контрразведки. Включение наркома внутренних дел в разгар борьбы по искоренению последствий вредительства в деятельность военной разведки не могло не привести к трагическим последствиям².

Таким образом, активность в ликвидации последствий «вредительства» Ягоды распространялась не только на сотрудников НКВД, которые были направлены в РУ РККА в предшествующий период, но и на аппарат разведывательных подразделений РККА.

Постепенное расширение размаха репрессий в Красной Армии, начавшееся после февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б), получило новый импульс после арестов и расстрела высшего военного командования в июне 1937 года. Поворотным пунктом в разоблачении «агентов» иностранных разведок и «вредителей» в армии стал процесс по делу о так называемом «военно-троцкистском заговоре» в Красной Армии.

Выступление Сталина на расширенном заседании Военного Совета РККА с осуждением органов госбезопасности за нерешительность в разгроме «шпионов» еще более обострило ситуацию.

Именно с этого времени сотрудники военной контрразведки Главного управления государственной безопасности получили соответствующие указания выявлять связи осужденных представителей генералитета Красной Армии с военнослужащими всех родов войск.

Подготовка НКВД СССР к новому этапу репрессий

НКВД СССР был не только главным инструментом репрессивной политики, но и одним из тех исполнительных органов СССР, которые испытали на себе все последствия сталинской карательной политики.

За годы, предшествовавшие массовому террору, сформировалась значительная плеяда сотрудников органов государственной безопас-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 175. Л.82.

² Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов... С. 80. 291–292.

ности, которые готовы были послушно выполнять любые указания правящей большевистской партии. Последние попытки каким-либо образом противостоять огромному количеству необоснованных арестов и предъявления вымышленных обвинений были подавлены Сталиным в августе 1931 года. Выходец из дворянской семьи, начальник Особого отдела ОГПУ Я. К. Ольский и начальник Секретно-оперативного управления Е. Г. Евдокимов вместе с группой чекистов выступили с критикой действий заместителя Председателя ОГПУ Ягоды, который фактически являлся руководителем органов госбезопасности. Тяжело больной Председатель ОГПУ В. Р. Менжинский только номинально был главой ведомства. Последние несколько лет он мало двигался и принимал посетителей у себя в кабинете полулежа на диване. Неоднократные обращения к Сталину с просьбой освободить его от должности не принимались в расчет.

В это время в стране происходили массовые аресты бывших офицеров царской армии, обвиняемых в «контрреволюционной» деятельности. Ягода систематически докладывал Сталину о ходе следствия. Об особенно значительных «успехах» в разоблачении «контрреволюционных организаций» и большом количестве арестованных докладывал в центр и Председатель ГПУ Украины В. А. Балицкий. Правда, первоначально он не проявлял инициативу. Из центра приехала комиссия, которая за двадцать четыре часа выявила массу «контрреволюционеров». Балицкий получил строгое предупреждение от Менжинского за неудовлетворительное состояние дел. Балицкий сделал соответствующие выводы и вскоре информировал Москву о том, что подведомственные ему органы госбезопасности предотвратили попытку военных организовать вооруженное восстание на Украине. По делу «Весна» в общей сложности было арестовано более 3000 офицеров и генералов, начинавших службу в царской армии.

Ольский, Мессинг и ряд других чекистских руководителей пытались убедить власти в том, что данное дело является фальсификацией, однако тот расценил их действия как склоку внутри органов госбезопасности.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 6 августа 1931 года было утверждено директивное письмо, подписанное Сталиным, адресованное секретарям ЦК национальных компартий, крайкомов и обкомов партии, а также узкому активу работников ОГПУ, в котором разъяснялись причины кадровых перемен в руководстве карательного ведомства. Ряд членов Коллегии ОГПУ, включая начальников Особого отдела Ольского и Секретно-политического управления Евдокимова, были уволены или переведены на другие должности. За формулировками письма «о нетерпимой групповой борьбе против руководства ОГПУ» скрывалось осуждение их резко негативной оценки «липовых дел» и массовых арестов бывших военспецов в Красной Армии.

Исходя из особого, предвоенного, как считал Сталин, состояния СССР, пристальное внимание он уделял органам государственной безопасности,

и в этом контексте аресты ряда сотрудников НКВД, которые происходили и ранее, в данных обстоятельствах приобретали иной смысл. В органах НКВД СССР, в частности, в структурах Иностранного и Контрразведывательного отделов работало значительное количество сотрудников — поляков по национальности. Уже в майском 1934 года решении Политбюро ЦК ВКП(б), которое касалось вопросов ведения разведывательной деятельности отмечалось: «При отборе особое внимание обращать не только на соц. происхождение, но и на национальность, учтя, что националистические настроения могут быть источником измены и предательства»¹.

До весны 1937 года сотрудники аппарата Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, выполнявшие «социальные заказы» правящей партии, фактически не подвергались репрессиям. Единичные аресты поляков — сотрудников органов НКВД, явились отражением общего недоверия к польским эмигрантам. Первым звеном в цепи разоблачений польских «шпионов», якобы пробравшихся в органы государственной безопасности, стало дело Ю. И. Маковского, заместителя начальника Особого отдела управления НКВД Омской области, а ранее сотрудника ИНО ГУГБ. Как и большинство других поляков, работавших в госбезопасности, он был принят на службу в органы ВЧК по распоряжению Ф. Э. Дзержинского. Необходимо отметить, что значительную часть сотрудников контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР, работавших по польской линии, составляли поляки (И. И. Сосновский, К. С. Баранский и др.), причем некоторые из них в прошлом были кадровыми сотрудниками спецслужб Польши. Маковский был арестован по указанию Ягоды в феврале 1936 года. На конспиративной квартире за рубежом в его сейфе было обнаружено гораздо больше денег, чем он указал. Там же хранились письма сестры Маковского, проживавшей в Польше. В этих письмах среди знакомых упоминались видные государственные чиновники Польши. Все это дало основания для подозрений. Участь арестованного попытался смягчить Ягода. В письме Сталину он писал, что во время работы Маковского в органах не произошло провалов, хотя и допускались некоторые нарушения конспирации. Ягода направил свое письмо 3 февраля 1936 года, а 7 февраля Сталину по этому же вопросу написал записку Ежов. Письмо было составлено Ежовым таким образом, чтобы было вызвать у Сталина подозрительность в отношении позиции наркома внутренних дел Ягоды. Несколько абзацев своего письма Ежов начинал со слов: «Товарищ Ягода не сообщает». Тем самым он старался показать, что Ягода руководствуется узко ведомственными интересами и прикрывает «польского шпиона» Маковского. В течение почти полутора лет следствия ныне реабилитированный Маковский, отрицал все выдвинутые против него обвинения².

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 64–66.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 24. Л. 26.

Снятие Ягоды с должности наркома внутренних дел в сентябре 1936 года не отразилось на судьбе подавляющей части как руководящего состава, так и рядовых сотрудников ведомства. Смещение Ягоды было скорее свидетельством общего недовольства Сталина личностью наркома, который, по его мнению, слишком пассивно вел борьбу с оппозицией. И это — несмотря на то, что Ягода провел огромную работу по подготовке августовского процесса, послушно выполняя все указания Сталина. 25 сентября Сталин подписал распоряжение о снятии Ягоды — в связи с имевшим место опозданием в четыре года в разгроме троцкистско-зиновьевской оппозиции; 29 сентября было принято постановление о резком ужесточении борьбы с оппозицией.

Многочисленные аресты в среде работников НКВД после прихода туда Ежова явились продолжением общего недоверия и подозрительности к этническим полякам. В ноябре-декабре 1936 года были арестованы бывший сотрудник советской резидентуры в Польше В. Илинич, которого также обвинили в сотрудничестве с польской разведкой, хотя на протяжении нескольких лет он давал ценную информацию по Польше, которой доверял Сталин. Другим видным сотрудником-поляком, арестованным и обвиненным в шпионаже в пользу Польши, стал бывший заместитель начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И. И. Соновский. В процессе следствия к обоим арестованным применялись методы физического воздействия, и в результате оба сознались, что принадлежали к Польской организации войсковой (ПОВ) и действовали по указаниям разведывательных органов Польши.

Поиски троцкистов и аресты партийных и советских работников, начавшиеся в массовом порядке с конца 1936 года, затронули и других сотрудников НКВД. После того как в показаниях арестованного 19 декабря 1936 года в Азово-Черноморском крае секретаря райкома города Ростова на Дону С. Х. Варданяна прозвучало имя начальника Таганрогского горотдела НКВД Е. Баланюка, тот был незамедлительно арестован¹.

Бывший секретарь Сталинского райкома партии Гогоберидзе на допросе упомянул трех работников НКВД, из которых двое к тому времени уже были арестованы. Сталин внимательно прочитал весь 40-страничный протокол допроса и отметил в нем карандашом фамилии партийных и советских работников, это означало необходимость ареста. Он подчеркнул фамилию начальника Новочеркасского горотдела НКВД Шаповалова и на первой странице сопроводительной записки Ежова, где сообщалось об арестованных сотрудниках НКВД, вписал: «А Шаповалов?»² Он не знал, что Шаповалов по указанию Ежова уже арестован. В резолюции февральско-мартовского пленума 1937 года тот упоминался как троцкист-предатель наряду с Баланюком. Шаповалова и Баланюка обвиняли в том,

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 266; Л. 64.

² Там же. Д. 299. Л. 70.

что они информировали членов «троцкистских» организаций о материалах, имевшихся на тех в НКВД. Это обвинение формально могло соответствовать действительности, поскольку, получая из центра директивы об усилении борьбы с оппозиционерами, сотрудники НКВД рассказывали о некоторых фактах руководителям партийно-советских органов

В марте 1937 года был арестован заместитель начальника Красноярского горотдела НКВД С. Буда. Причиной его ареста стал предшествующий арест его брата Н. Буды. Весной 1937 года сотрудники УНКВД по Красноярскому краю раскрыли «заговор красных партизан», недовольных политикой советской власти в деревне. Главным обвиняемым стал бывший нарком земледелия РСФСР В. Г. Яковенко, который в годы гражданской войны командовал одной из партизанских армий в Красноярском крае, а в 1920-е годы подписывал заявления оппозиции. Арест Яковенко и Буды, также в прошлом командира партизанского отряда, повлекли за собой и арест начальника горотдела НКВД. Обвинения, ему предъявленные, были стандартными и заключались в том, что он якобы скрывал от арестов «троцкистов и правых», и поэтому они не были выявлены ранее¹.

Началась кампания арестов сотрудников НКВД, которые должны были ответить за то, что произошло запоздание на четыре года с разоблачением троцкистских организаций. Ежов должен был объяснить Сталину причины «неправильной» предшествующей карательной политики НКВД. Первым ответственным за указанные ошибки среди высокопоставленных чекистов стал начальник Секретно-политического отдела Г. А. Молчанов. Именно на его отдел возлагалась задача борьбы с антипартийными группировками и антисоветскими партиями. Компрометация Молчанова началась с письма А. И. Радзивиловского на имя Ежова, в котором он обвинял начальника СПО ГУГБ НКВД в том, что тот тормозил расследование дел по троцкистам, при этом все «троцкисты» были подробно в письме перечислены. Выбор именно Радзивиловского не был случайным. С начала 1930-х годов он возглавлял СПО УГБ Москвы и области и был в курсе всех оперативных разработок. Написать письмо Ежову ему посоветовал В. Е. Цесарский, начальник учетно-регистрационного отдела НКВД, работавший в свое время с Ежовым в аппарате ЦК ВКП(б). И сделано это было, скорее всего, по заданию Ежова. Позднее Цесарский рассказал Радзивиловскому, что письмо спасло его, поскольку иначе он бы был арестован. Действительно, в докладе Ежова на февральско-мартовском пленуме 1937 года Радзивиловский упоминался наряду с Молчановым.

Критика деятельности Ягоды, Молчанова, Артузова и других как бывших, так и действующих руководителей НКВД была дана на активе оперсостава ГУГБ 19–21 марта 1937 года, где Ежов предоставил со-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-8409. Л. 137.

трудникам полную свободу выражения своего отношения к руководству. Все это стало подготовкой к неминуемым арестам в НКВД, которые развернулись по двум направлениям. После ареста 29 марта 1937 года Ягоды в первую очередь, в течение месяца были арестованы руководители основных оперативных отделов. Имена главных участников «заговора в НКВД» назвал 29 апреля 1937 года Ягода в ходе допроса, протокол которого был направлен Сталину.

Итак, в так называемый «штаб» заговора входили: бывший заместитель наркома НКВД Г. Е. Прокофьев, начальник Оперативного отдела, К. В. Паукер, заместитель начальника оперода З. И. Волович, начальник Особого отдела М. И. Гай, секретарь Особого совещания бывший секретарь НКВД СССР П. П. Буланов, бывший начальник ИНО ГУГБ А. Х. Артузов, начальник транспортного отдела, А. М. Шанин, начальник административно-хозяйственного управления И. М. Островский. Одни должны были ответить за четырехлетнее опоздание в разгроме троцкистско-зиновьевского блока, прежде всего начальник СПО Молчанов, который и был арестован первым в феврале 1937 года. Другие обязаны были понести наказание за то, что в НКВД «проникли» иностранные шпионы. Начальник объединенного ОО-КРО Гай быстро сознался в том, что он являлся немецким шпионом.

Сам арест Ягоды Сталин преподнес как дело особой государственной важности «ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений». В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта подчеркивалась особая «опасность оставления Ягоды на воле хотя бы на один день». Уже после того как Ягода был арестован, Сталин обратился к членам ЦК ВКП(б) за получением формальной санкции на арест наркома. Важно отметить, что Ежов, в отличие от других руководителей наркоматов, не ограничился разоблачением заговорщиков, а представил аресты в качестве раскрытого «заговора в НКВД».

Некоторые сотрудники, наиболее приближенные к арестованным, покончили жизнь самоубийством. Для того чтобы отвести удар от действующих работников, Ежов включил в показания Ягоды в качестве участников заговора помощника начальника КРО ГУГБ И. И. Чертока и начальника УНКВД Горьковской области М. С. Погребинского.

Часть руководящих работников со значительным опытом работы и являвшихся разработчиками оперативных директив, инструкций и приказов, своеобразных «интеллектуалов карательной политики», «жандармов социализма», по образному выражению Гая, не сразу попала под репрессии. К ним можно отнести начальника Контрразведывательного отдела Л. Г. Миронова и заместителя наркома НКВД Я. С. Агранова. Например, Миронов, которого при Ягоде называли «ученым евреем», отличавшийся от остальных руководителей ясностью и четкостью мышления, был командирован во главе группы сотрудников в апреле 1937 года в Сибирь и на Дальний Восток для выполнения важного зада-

ния — «разоблачения» «контрреволюционных» формирований в армии и на транспорте.

Особая роль аппарата Главного управления госбезопасности НКВД СССР заключалась в том, что именно на него возлагалась **главная задача** по ликвидации последствий «вредительства» в различных отраслях промышленности, на транспорте, то есть фактически во всех сферах жизни страны. Это причина того, что многие руководители сохраняли свои посты в УНКВД, поэтому Ежов не мог организовать массовые аресты немедленно. Но они продолжались среди так называемых ягодинских кадров, среди верхушки УНКВД, тесно связанной с партийными руководителями, имевшими дружеские отношения с арестованными, а также среди тех, кто проявлял инертность в работе.

Поводы для арестов были самыми разнообразными. 6 июня В. А. Балицкий, переведенный с Украины в Дальневосточный край, получил секретную шифровку из Москвы, в которой ему предлагалось тайно арестовать руководителя группы чекистов начальника Экономического отдела ГУГБ НКВД СССР Миронова. 7 июня он доложил о выполнении приказа. А уже 19 июня Балицкий получил от Ежова указание сдать дела и прибыть в распоряжение НКВД СССР. Нарком направил ему и выдержки из письма начальника УНКВД Западно-Сибирского края С. Н. Миронова, который присутствовал при разговоре Балицкого с секретарем крайкома Западно-Сибирского края Р. Эйхе. Во время этого разговора Балицкий говорил о поведении Ягоды, «топившего» во время допросов виновных и невиновных и оговаривавшего многих чекистов. Обстановка в органах НКВД, жаловался Балицкий, сложилась такая, что арестовать могут в любой момент и получить любые показания, так как в Лефортовской тюрьме арестованных били. Упомянул он и о своем знакомстве с Якиром. В своих высказываниях он косвенно осуждал и нового наркома Ежова, дававшего санкции на многочисленные аресты. Так что Балицкий имел все основания для опасений. Во время арестов бывшего руководства НКВД СССР в мае 1937 года он был снят с должности наркома НКВД Украины и переведен начальником УНКВД Дальневосточного края. В своем письме Ежов заметил, что Балицкому с такими настроениями нельзя работать в НКВД. Не помогли бывшему наркому НКВД Украины и обращения к Ежову и Сталину. Сталина, с которым он встречался на протяжении 1930-х годов более двадцати раз, Балицкий хотел убедить в своей преданности. «Чувства жалости к врагу нет, сам умело и не раз применял самые острые формы репрессии» — писал генсеку бывший нарком Украины. Значительное место в своем заявлении на имя Сталина он отводил доказательствам того, что не знал о вражеской работе Якира. Балицкий был арестован, а затем расстрелян¹. Другой видный руководитель органов госбезопасности бывший начальник УНКВД

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 33. Л. 81–85.

Свердловской области И. Ф. Решетов был обвинен в связях с арестованным секретарем обкома И. Д. Кабаковым.

Параллельная волна арестов в Главном управлении госбезопасности НКВД СССР носила ярко выраженный национальный характер. В своем выступлении на февральско-мартовском пленуме 1937 года Н. Ежов отмечал, что еще после убийства Кирова Сталин рекомендовал обратить внимание на Сосновского. Аресты этнических поляков М. Мазепуса и И. И. Сосновского стали началом массовых арестов поляков, работавших в органах НКВД

Особенность этих арестов заключалась в том, что они затронули не только руководящий состав НКВД СССР, но и среднее звено оперативного состава. Так, помимо начальника УНКВД Саратовской области Р. А. Пилляра, начальника Южно-Казахстанского УНКВД С. Ф. Пинталя, было арестовано руководство отделений и рядовые оперработники как в центре, так и на местах, среди них К. И. Романовский, С. М. Глинский, И. Ф. Бжозовский и многие другие. Фактически это было началом польской операции, в ходе которой были арестованы замнаркома пищевой промышленности М. А. Логановский, замнаркома оборонной промышленности Р. А. Муклевич и др. Ситуация в органах госбезопасности вносила нервозность в работу остальных сотрудников, опасавшихся новых арестов. 13 апреля 1937 года Сталин ознакомился с анонимным письмом, в котором говорилось об обстановке, сложившейся в НКВД. Неизвестный автор сообщал, что многие сотрудники боялись ареста, не понимали ситуацию, как могло случиться так, что весь руководящий состав состоит из жуликов и предателей. Письмо заканчивалось просьбой к генсеку лично проверить ситуацию и прекратить истребление людей¹.

Возможно, это письмо повлияло на отношение Сталина к основной массе руководителей ГУГБ НКВД СССР. В преддверии массовых репрессий Сталин не мог допустить, чтобы боевой отряд, вооруженная часть партии была парализована, тем более, что наиболее близкие к Ягоде и арестованным партийным руководителям сотрудники НКВД были уже репрессированы.

В течение июня – июля 1937 года более 170 работников НКВД СССР, прежде всего руководящий состав, были награждены орденами и медалями. Эти награждения можно рассматривать как психологическую поддержку Сталиным сотрудников госбезопасности в условиях, когда было арестовано все высшее руководство центральных оперативных отделов Главного управления НКВД во главе с наркомом Ягодой

Но установка на поиски «шпионов и вредителей» сохранялась и придавала новый импульс в деятельности НКВД. 21 июня 1937 года, выступая на активе оперсостава НКВД Украины, заместитель наркома

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 405. Л. 64–65.

внутренних дел Фриновский рассказывая о заседании Военного Совета, призвал активизировать поиск иностранных агентов.

Эта работа в НКВД Украины велась, по мнению Фриновского, слишком инертно. Он потребовал тщательно учесть всех, проходивших по показаниям арестованных троцкистов и правых, и активизировать деятельность. Он процитировал также слова Ежова, который после мартовского 1937 года актива ГУГБ НКВД заявлял, что в его ведомстве актив был самый острый и принципиальный, поскольку прямо на заседании активно выписывались ордера на аресты сотрудников. И грозным преддверием чистки прозвучало утверждение Фриновского о том, что в аппарате НКВД Украины имелись агенты польской, немецкой и даже французской разведок.

Всего к концу июня 1937 года было арестовано 140 сотрудников подразделений Главного управления государственной безопасности НКВД.

Кампания по ликвидации последствий «вредительства» в НКВД ничем не отличалась от аналогичных, проводимых в других государственных учреждениях. Специфика репрессий по отношению к НКВД состояла в том, что Ягода был одним из первых репрессированных руководителей общесоюзного наркомата, и этот арест дал повод преемнику Ягоды Ежову убедить Сталина в реальности заговора в НКВД.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

Разгром советской номенклатуры

Значимой точкой отсчета начала разгрома партийно-советской номенклатуры стал июньский 1937 года пленум ЦК ВКП(б), заседания которого проходили с 23 по 29 июня. За несколько предшествующих его началу недель и в ходе работы пленума были арестованы руководящие работники ЦК ВКП(б), первые секретари обкомов и крайкомов, наркомы. Эти события существенно отличали июньский пленум от предшествовавшего — февральско-мартовского того же года.

Сохранились материалы заседаний июньского пленума, посвященные обсуждению предстоящих выборов в Верховный Совет СССР на основе новой Конституции, проблем развития сельского хозяйства. Но имеются лишь отрывочные материалы, касающиеся вопросов о разгроме «антисоветских правотроцкистских» группировок. Это сохранившийся план-конспект и подготовительные материалы выступления на пленуме наркома внутренних дел Ежова, постановления пленума и Политбюро ЦК ВКП(б) об исключении из партии членов и кандидатов Центрального комитета.

Делегаты заслушали доклад Ежова о первых итогах деятельности органов НКВД по ликвидации последствий «вредительства и контрреволюционной работы» в различных регионах СССР за период после февральско-мартовского пленума 1937 года, основные положения которого были, безусловно, согласованы со Сталиным.

Докладчик перечислил основные «антисоветские фашистские» формирования, раскрытые НКВД. К ним якобы относились: 1. Военно-фашистский заговор в Красной Армии, возглавляемый Тухачевским. 2. Право-фашистский заговор в НКВД во главе с Ягодой. 3. Кремлевская право-фашистская группа заговорщиков во главе с Енукидзе. 4. Шпионская организация ПОВ во главе с Уншлихтом, Логановским и др. 5. Польская группа нацдемов в Белоруссии во главе с Голододом и Червяковым. 6. Антисоветская правотроцкистская группа в Азово-Черноморском крае и Орджоникидзевской области во главе с Шеболдаевым, председателем крайисполкома Пивоваровым и др. По мнению Ежова, в АЧК троцкисты и правые объединились с антисоветскими казачьими и партизанско-повстанческими формированиями. 7. Антисоветская правотроцкистская группа в Восточной Сибири во главе с бывшим первым секретарем край-

кома Разумовым. 8. Правая антисоветская группа на Урале, возглавляемая также первым секретарем Свердловского обкома Кабаковым. 9. Антисоветская правофашистская группа в Западной области под руководством секретаря обкома Румянцева. 10. Правотроцкистская группа заговорщиков на Дальнем Востоке во главе с председателем крайисполкома Крутовым и др. 11. Организация правых в Западной Сибири, объединившая партизанско-повстанческие кадры среди спецпереселенцев. 12. Антисоветская казачья организация в Оренбургской области во главе с председателем облисполкома Васильевым и председателем горсовета Кашириным. 13. Вредительская правотроцкистская группа в органах Наркомзема и Наркомсовхозов.

Развивая свои «теоретические» изыскания далее, Ежов представил делегатам картину всеобъемлющего заговора. Он сформулировал идею об объединении примерно с 1933 года правых, троцкистов, зиновьевцев, эсеров, меньшевиков, военных заговорщиков, сотрудников НКВД, создавших так называемый «Центр центров».

В состав «Центра центров» Ежов включил Бухарина, Рыкова, Томского, представлявших интересы правых, эсеров и меньшевиков. Военную группу заговорщиков возглавляя Енукидзе. От зиновьевцев в организацию входили Каменев, позднее его сменил Сокольников и от троцкистов Пятаков¹.

Ежов подготовился основательно и задал тон последующему обсуждению. Он выбрал из протоколов арестованных представителей партийно-советской номенклатуры упоминания о руководителях различного уровня, «которые в той или иной степени сочувствуют правым, которые частично разделяют их нападки на «авторитарный режим», которые недовольны системой сталинского руководства, которые отсиживаются на работе». Взгляды и поведение этих людей, по его словам, являлись якобы благоприятной средой для появления новых групп оппозиционеров, среди которых есть и те, «кто жаждет такой “демократии и свободы”, которую в современных международных условиях дать нельзя»².

Безусловно новым моментом в репрессивной политике стали аресты высшего руководства регионов, включая кандидатов и членов ЦК ВКП(б). Важно отметить и то, что к политическим обвинениям прибавились осуждения их «вредительской» деятельности в различных отраслях народного хозяйства.

Ежов и в дальнейшем представлял Сталину свои «изыскания» о новых аспектах «заговорщических» организаций. 21 июля 1937 года он направил ему заявление арестованного бывшего наркома НКВД Украины Балицкого. В нем Ежов развил свои «теории» о различных центрах заговорщиков: правых, троцкистов и участников военно-фашистского заго-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 187–191.

² Там же. Д. 29. Л. 211.

вора; в итоге был оформлен «правотроцкистский фашистский заговор». «Наш заговор был военным в том смысле, что руководство в центре и на Украине шло по линии военной (Гамарник-Якир). По существу же он был связан с рядом гражданских троцкистских и правых линий», — отмечал В. Балицкий. Он также упомянул и о тесно связанной с ними «украинской националистической организации»¹. С началом массовых репрессий разнообразие «контрреволюционных» организаций будет поражать воображение.

Процесс репрессий активизировался накануне пленума ЦК ВКП(б) в июне 1937 года, когда Сталин получил от Ежова новые, собственноручно подписанные показания Рыкова, в которых тот под давлением следователя секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г. Н. Лулова дал развернутые признания о «контрреволюционной» борьбе правых против линии партии. 16 июня 1937 года. Сталин отметил в этих показаниях, что в состав группы правых входили не арестованные еще председатель Комиссии советского контроля и заместитель Председателя СНК СССР Н. К. Антипов и нарком пищевой промышленности РСФСР С. С. Лобов. К сочувствующим правым, но не ведущим борьбу и скрывающим якобы свои правые взгляды, Рыков причислил наркома коммунального хозяйства РСФСР Н. П. Комарова, заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) К. Я. Баумана и других. В течение июня-июля 1937 года в его показаниях стали фигурировать нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов, нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько, нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР М. И. Калманович и другие². Необходимо отметить, что еще 13 апреля 1937 года следователи получили от А. П. Смирнова аналогичные данные на Антипова, Лобова и других партийно-советских руководителей. Дополнительные показания привели к тому, что Сталин дал санкцию на их аресты.

18 июня Ежов направил Сталину заявление Комарова о существовании «антипартийной группы», в которую входил Лобов. Сталин взял на вооружение предложенный Ежовым термин «комаровско-лобовская» группа³. Следователи получили показания о том, что эта группа вела борьбу с руководителем ленинградской партийной организации Кировым, а затем продолжила ее против Сталина. «Основанием» для такого заявления послужил тот факт, что Комаров в 1926–1931 гг. являлся председателем ленинградского губернского и городского исполкомов. Упоминание имени Антипова привело к его аресту 21 июня 1937 года.

Одновременно Сталин резко раскритиковал ряд партийных и советских руководителей, обвинив их в недостаточной бдительности, укрытельстве «троцкистско-бухаринских вредителей». Накануне пленума

---

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 258.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 308. Л. 222–258.

³ Там же. Д. 309. Л. 110.

17 июня нарком здравоохранения СССР Г. Н. Каминский оправдывался перед Сталиным, что «нигде на дачах у Смирнова и подобных не был и это все чепуха, а о двух уважаемых членах ЦК должен сообщить Вам лично. Только Вы можете решить, как быть дальше»¹. Каминский сообщил компрометирующие факты о первом заместителе наркома здравоохранения РСФСР В. А. Кангелари, который якобы уничтожил отдельные секретные документы из дел наркомата, что послужило основанием для его последующего ареста.

Сталину поступали и другие аналогичные показания о правых, которые были получены в НКВД от Бухарина. Однако последний старался не давать следователям оснований для использования его показаний в качестве прямых обвинений в отношении других лиц. На допросе 28 июня он отмечал, что «участниками нашей организации, формально к правым никогда не примыкавшим и тщательно скрывавшим свои истинные взгляды от партии, являлись Разумов в Иркутске, Румянцев в Смоленске». И далее он добавлял: «Я не могу вспомнить, от кого и когда я это узнал»².

Ежов регулярно направлял Сталину протоколы допросов, в ходе которых арестованные давали информацию, позволявшую все более расширять круг участников правотроцкистских групп и организаций. Арестованные до середины июня члены и кандидаты ЦК ВКП(б) в результате физических мер воздействия указывали на своих соратников. Выбитые из них заявления о причастности к «контрреволюционной» деятельности подследственные писали на имя Ежова, который адресовал их Сталину. Совершенно очевидно, что Сталин дал указания Ежову вести поиски оппозиционеров в высших эшелонах власти, невзирая на должности и положение. Иначе трудно объяснить, почему в заявлениях арестованных присутствовали фамилии высших руководителей партии и правительства, кандидатов и членов ЦК ВКП(б), которые ранее в протоколах не фиксировались. Следователи НКВД были приучены к тому, что показания на столь высоких чиновников не отражались в протоколах допросов без предварительного согласования вопроса с наркомом. Когда арестованному сотруднику НКВД Формайстеру, отрицавшему свое участие в каких-либо преступлениях, предложили ознакомиться с одним из признательных протоколов допроса, тот, прочитав фамилии членов ЦК, пришел в ужас, стал кричать и требовать, чтобы протокол немедленно показали наркому³.

Июньский 1937 года пленум ЦК ВКП(б) можно считать началом перехода к массовым репрессиям среди высшего слоя партийно-советской номенклатуры и потому, что уже после арестов ряда партийно-советских руководителей Сталин обрушил на участников пленума — членов и

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Л. 308. Л. 214.

² ЦА ФСБ. АСД Р-2433. Т. 2. Л. 3-4.

³ Там же. АСД Р-4000. Т. 7.

кандидатов Центрального комитета ВКП(б) обвинения в участии в различных оппозиционных группировках. Он создал такую атмосферу недоверия и подозрительности, что представители высшей партийной номенклатуры были вынуждены доказывать свою непричастность к оппозиции в партии. Например, заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман на пленуме опровергал показания арестованного наркома пищевой промышленности Лобова о своем участии в неформальных и якобы конспиративных встречах с А. П. Смирновым на его даче. В ходе выступления председателя правления Центросоюза И. А. Зеленского, который также подвергся критике за недостатки в работе, Бауман задал ему вопрос и тот подтвердил, что Бауман не принимал участия в каких-либо встречах со Смирновым¹.

П. П. Любченко, секретарь ЦК КП(б) Украины, оценивая общую ситуацию на пленуме, бросил фразу, что пленум находится на «осадном положении», имея в виду присутствие на его заседаниях, большого количества сотрудников НКВД, значительную роль Ежова и то, что во время пленума были арестованы члены и кандидаты ЦК ВКП(б). Уже на следующий день после своего выступления 24 июня был арестован нарком здравоохранения Каминский, который выступил с критикой Л. Берии и С. Буденного. 26 июня было принято решение об «исключении Каминского, как не заслуживающего политического доверия из кандидатов ЦК и партии»².

В период работы пленума Берия передал Сталину письмо И. П. Павлуновского, который 25 июня писал, что в 1926 году перед своим отъездом на руководящую работу заместителем руководителя ГПУ в Закавказье он был принят председателем ОГПУ Дзержинским, который рассказал ему о Берии некоторые факты, которые не должны его смущать. Берия служил в годы гражданской войны в муссаватистской контрразведке. Об этом знали Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Микоян и некоторые другие. Далее Павлуновский утверждал, что Берия высоко ценил Орджоникидзе. Года два тому назад он лично сказал ему о том, что правые пытаются использовать этот факт против Берии, но у них ничего не выйдет. Сталину, по словам Павлуновского, Орджоникидзе также говорил об этом факте³.

Обращение к словам Орджоникидзе, который покончил жизнь самоубийством, не вполне оправданно. В показаниях секретаря Орджоникидзе содержатся другие данные об Орджоникидзе, который встал на защиту Берии, когда Дзержинский хотел расстрелять того за службу в муссаватистской контрразведке⁴. Сталин принял объяснения Павлуновского в отношении Берии.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 324. Л. 16.

² Там же. Д. 310. Л. 125.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 788. Л. 114–115 об.

⁴ ЦА ФСБ. АСД Р-771. Л. 5.

В период работы пленума Сталин регулярно читал новые показания и заявления. 25 июня Ежов направил ему собственноручно написанное заявление арестованного заместителя наркома связи СССР И. П. Жукова, который рассказывал о неформальных встречах на даче у А. П. Смирнова. Сталин среди ранее упоминаемых Лобова, Антипова выделил, обвел в кружок карандашом фамилии члена коллегии наркомата путей сообщения А. Б. Халатова, наркома здравоохранения Г. Н. Каминского и Председателя правления Центросоюза И. А. Зеленского. Критические замечания Сталина на пленуме в адрес партийных и советских руководителей на удивление совпадали во времени с представлением Ежовым все новых доказательств их «контрреволюционной» деятельности.

Так, 28 июня 1937 года он передал соратникам по партии протокол допроса только что арестованного наркома коммунального хозяйства Н. П. Комарова. Наряду с именами уже репрессированных руководителей партийных организаций и правительства, такими как бывший замнаркома внешней и внутренней торговли СССР Н.Б. Эйсмонт, бывший нарком внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев в показаниях Комарова фигурировали фамилии действующих партийных и государственных деятелей: заместителя председателя СНК СССР и Председателя Комиссии советского контроля Н. К. Антипова, председателя СНК РСФСР Д. Е. Сулимова, заместителя председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова и многие другие.

Ежов, стремясь продемонстрировать Сталину огромное количество заговоров, к так называемой «комаровско-лобовской» группировке, состоявшей из членов и кандидатов ЦК ВКП(б), после ареста 28 июня Сулимова добавил «сулимовско-антиповскую» группу.

Атмосфера, царившая на пленуме, приводила делегатов в смятение. Получая — как члены ЦК ВКП(б) — протоколы допросов, они апеллировали лично к Сталину, пытаясь доказать свою непричастность к каким-либо заговорам. Заместитель председателя СНК РСФСР Д. З. Лебедь 28 июня после прочтения протоколов допросов объяснял в письме Сталину, что он не имеет отношения к заговорщикам¹.

Днем ранее, 27 июня, благодаря Ежову Сталин получил заявление одного из секретарей Азово-Черноморского края М. М. Малинова, который сообщал о недовольстве члена ЦК ВКП(б) И. М. Варейкиса своими назначениями сначала секретарем Сталинградского обкома партии, а затем Дальневосточного крайкома. При этом Варейкис подчеркивал, что Сталин недооценивает его, выдвигает менее способных, хотя он принадлежал к числу старых «могикан» большевистской партии. В заявлении содержалась и характеристика Сталина. По словам Малинова, «наряду с оценкой блестящих качеств И. В. Сталина, Варейкис отозвался о нем как о человеке весьма тяжелом, с которым крайне трудно работать, что

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 311. Л. 61–59.

даже некоторые члены Политбюро в его присутствии чувствуют себя не-свободно и как бы чем-то виноватыми». Близкое окружение Варейкиса Малинов назвал негодными партийцами.

Сталин немедленно разослал этот документ членам и кандидатам Политбюро и направил ехидную записку Варейкису: «Т. Варейкис! Не желаете ли ознакомиться с показанием небезызвестного Малинова? Привет. И. Сталин». В этот же день Сталин получил письмо, в котором Варейкис опровергал все обвинения, выступил в защиту своего окружения и достойно отвечал в заключение: «Насчет того, как я всегда боролся и теперь веду борьбу с вредителями всех мастей, или писать о своей политической линии, большевистской совести мне нет надобности. Это яснее ясного дня. Привет. И. Варейкис»¹.

А секретарь обкома партии Татарской АССР А. Лепа, к которому Сталин на июньском пленуме обратился с вопросом, соответствует ли действительности информация о том, что правые пытались его спаивать, ответил утвердительно, назвав фамилию арестованного бывшего члена правительства Татарии. Уже на следующий день Лепа писал Сталину о своей политической близорукости².

В завершающий день работы июньского пленума ЦК ВКП(б) Сталин выступил с обращением к делегатам, в котором утверждал, что на основе показаний Комарова получены неопровержимые данные о причастности к заговору членов ЦК второго секретаря Ленинградского обкома партии М. С. Чудова и председателя Ленинградского совета И. Ф. Кадацкого, а также кандидата в члены ЦК, бывшего начальника Главного военномобилизационного управления НКОВ И. П. Павлуновского, которых пришлось арестовать. Данное решение прозвучало в заключительный день работы июньского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Двумя днями раньше начальник управления НКВД по Ленинградской области Заковский прислал спецсообщение, которое Ежов быстро направил Сталину. В нем содержались полученные от арестованного директора оборонного завода «Большевик» Руды сведения о том, что он был «завербован в контрреволюционную организацию» в 1935 году Павлуновским³.

Унижение и избивание высокопоставленных чиновников продолжилось и после пленума. Председатель Северо-Западного крайисполкома Ф. П. Грядинский 1 июля 1937 года оправдывался перед Сталиным, утверждая, что показания Комарова о его участии в оппозиционной работе являются ложью⁴.

После ареста Антипова Сталин также разослал протокол его допроса всем членам ЦК, КПК и Комиссии советского контроля. В нем так-

---

¹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 230–231.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 311. Л. 1–3.

³ Там же. Д. 312. 124–134, 164.

⁴ Там же. Д. 313. Л. 5.

же упоминались руководящие партийные, советские и хозяйственные работники. Среди руководящего состава партийного, советского, хозяйственного аппаратов царил первозначный обстановка, многие из них ждали ареста. Так, подвергнутый критике на июньском пленуме 1937 года и снятый с должности нарком внешней торговли А. П. Розенгольц уехал на дачу и там дожидался своего ареста.

На пленуме Сталин подверг критике ряд партийных и советских работников. В итоге по персональному указанию Сталина к моменту окончания работы пленума за измену партии и родине, активную «контрреволюционную» деятельность, принадлежность к «контрреволюционным» группам более 30 членов и кандидатов ЦК ВКП(б) были выведены из руководящих органов и исключены из партии. Некоторые из них уже были арестованы, а дела других передавались в НКВД.

Отработанный на примере разоблачения «военно-фашистского» заговора в Красной Армии, механизм добывания показаний на высший командный состав заработал в полную силу в июне – июле 1937 года и в отношении членов и кандидатов ЦК ВКП(б), руководителей партийных, советских, хозяйственных органов. Следует отметить, что в период массовых репрессий этот механизм «совершенствовался»: очень часто собственноручные показания арестованных оформлялись следователями в виде многостраничных протоколов объемами, превышавшими сто страниц. В этом случае при передаче их в ЦК ВКП(б) указывалось сразу несколько дат, что свидетельствовало о соответствующей обработке показаний. Например, направленный Сталину протокол допроса А. Я. Яковлева датирован 15–18 октября 1937 года. Протокол допроса маршала Егорова на ста одиннадцати страницах датирован 28 марта – 5 апреля 1938 года. «Нужные» показания получали благодаря укоренившейся практике избиений подсудимых. Об этом свидетельствовали не только сами арестованные, получившие различные сроки заключения, но и сотрудники НКВД, обвиненные в нарушениях законности в период массовых репрессий. Сталин оставил свои письменные свидетельства о необходимости использовать физическое воздействие при допросах. 10 сентября 1937 года он прочитал шифротелеграмму начальника УНКВД Оренбургской области А. И. Успенского о «разоблаченных» участниках организации ПОВ в учебном центре ПриВО и Оренбургской авиашколе. В закрытом письме НКВД, разосланном вместе с оперативным приказом о проведении польской операции, секретарь ЦИКа СССР И. С. Уншлихт упоминался в качестве одного из ее руководителей. Ознакомившись с документом, Сталин дал указание: «Ежову. Санкционируйте арест всех этих мерзавцев». А через три дня последовало более жесткое требование: «... Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)»¹.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 321. Л. 68–69.

В декабре 1938 года, когда массовые репрессии прекратились, секретарь парткома УНКВД Орловской области отправил Сталину письмо, в котором сообщал, что в управлении процветал «мордобой». Но тут же он высказал и свое отношение к физическим мерам воздействия: «Я лично, правда, понимаю, что в белых перчатках допрашивать врагов не приходится. И если я убежден, что это махровый прохвост, не желающий раскрыть свои карты, дезорганизуемый следствие, оговаривающий невинных людей, то почему бы его раз не «стукнуть» с санкции начальника управления. Ведь с нами в фашистских застенках, небось, не церемонятся»¹. 19 декабря Сталин ответил секретарю парткома телеграммой. То, что Сталин ответил на письмо из УНКВД Орловской области свидетельствовало о его заинтересованности в позиции автора. Его рассуждения о том, что в борьбе с врагами народа необходимо забыть о законности и нельзя вести ее в белых перчатках пришлось вождю по душе. Позднее, в 1952 году в ходе критического разбирательства работы арестованного министра МГБ В. С. Абакумова Сталин, обвиняя сотрудников органов госбезопасности, будет использовать тезис о белых перчатках.

До сегодняшнего дня в архивах не выявлено письменных свидетельств о допустимости методов физического воздействия на подсудимых. Имеется лишь признание Сталиным в шифротелеграмме от 10 января 1939 года, где он отмечал, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП».

Важным фактором, влиявшим на развитие взаимоотношений внутри Политбюро ЦК ВКП(б) и способствовавшим эскалации репрессий в данный период, были особенности характера и поведения И. Сталина. Подозрительность и неверие в искренность и честность своих соратников отмечали и бежавший за границу его секретарь Бажанов, и Н. С. Хрущев. В материалах следствия по делу начальника Управления наркомата внешней торговли СССР А. П. Розенгольца содержатся интересные свидетельства о личности Сталина. Вспоминая свои встречи с ним, Розенголец рассказывал, что ранее во время его докладов в Политбюро, Сталин, спросив два-три слова, полностью доверяя ему, сразу подписывал приносимые документы. Теперь же Сталин в «припадке, безумном припадке ярости против измены, против подлости». Общаясь со Сталиным на протяжении многих лет, он отметил специфическую черту его характера – веру в разоблачения и доносы. Когда, вспоминая Розенгольца, он пожаловался на одного из руководителей, Сталин, не выслушав обвиняемого, пришел в ярость и согласился с жалобщиком, даже не узнав мнения другой стороны. Он вспоминал период Гражданской войны, когда В. И. Ленин послал его на фронт и, сообщив, что там будет Сталин, предупредил чтобы не было никаких столкновений. Ро-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 149.

зенгольц ответил Ленину, что это не имеет никакого значения. На что тот помахал головой, мол, вы не знаете Сталина.

«У Сталина подозрительность, — отмечал Розенгольц, — доходит до сумасшествия». В связи с этим он вспоминал своего сотрудника, торгпреда в Германии, а затем заместителя наркома внешней торговли В. Д. Канделаки. По его мнению, это был единственный человек, которого Сталин любил. Из разговоров с ним он составил представление, что в глазах Сталина Канделаки был олицетворением человечности, благородства. Сталин предложил ему повышение по службе, но Канделаки сначала отказался и этот поступок Сталин оценил как отсутствие карьеристских устремлений. Такое отношение Сталина к Канделаки вызывало ненависть со стороны Берии. Однако достаточно было нескольких доносов, и Сталин дал указание арестовать и Канделаки¹.

Показания Розенгольца соответствуют действительности. 20 июля 1937 года Берия направил Сталину сообщение о том, что согласно материалам, полученным НКВД Грузии, Канделаки договорился с германским правительством об оказании «взаимной поддержки в момент начала военных действий между Германией и СССР», а далее Берия просил санкции на арест Канделаки, которая вскоре последовала².

После ареста Я. А. Яковлева, бывшего заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б), была арестована и его жена Е. Соколовская, бывший директор киностудии «Мосфильм». 17 октября Сталин внимательно прочитал ее заявление в НКВД, в котором перечислялись «активные участники троцкистской организации», включая и ее мужа. Затем Сталин отчитал Ежова за плохо проведенное следствие: «Т. Ежову. Какой Михайлов? Даже имя отчество не спросили... Хороши следователи. Нам важна не прошлая деятельность Яковлева и Соколовской, а их вредительская и шпионская работа за последний год, последние месяцы 1937 года». И далее Сталин высказал подозрения, близкие к утверждению: «Нам нужно также знать для чего оба эти мерзавца почти каждый год ездили за границу»³.

Практически на каждого руководителя партийной организации ЦК компартий союзных и автономных республик, обкомов, крайкомов, наркомов, на руководителей крупных промышленных предприятий и учреждений после повальных арестов конца 1936 – начала 1937 годов у Сталина имелись компрометирующие материалы об их связях с оппозиционерами. Нередки были случаи, когда Сталин сосредоточивался на конкретной персоне, на него собирались записки, заявления, показания арестованных, затем на их основании он в дальнейшем принимал решение о судьбе человека.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 591. Л. 31–33.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 315. Л. 32.

³ Там же. Д. 324. Л. 93.

К середине 1937 года Сталин сумел создать в стране такую атмосферу страха, что любая критика действий руководителя государства стала восприниматься как покушение на существующий строй. Высшие партийные, советские, хозяйственные руководители, запуганные арестами, отчитывались непосредственно перед ним. Слова Бухарина о том, что измена Сталину стала синонимом измены делу строительства социализма, стали реальностью.

Сталин активно использовал своеобразную форму приобщения руководителей наркоматов, партийных и советских органов к участию в репрессиях: наиболее важные с его точки зрения протоколы допросов и заявления он рассылал членам и кандидатам ЦК ВКП(б), членам бюро КПК и Комиссии советского контроля¹.

В показаниях арестованных высших чиновников партийно-советской номенклатуры, которые Ежов направил Сталину, можно выделить наиболее значимые проблемы, волновавшие лично Сталина и членов Политбюро. Эти свидетельства помогают понять, чего реально опасалась правящая верхушка страны.

Прежде всего Сталин решил выкорчевать любые проявления оппозиционности и критики в отношении проводимой им политики среди руководящих слоев партийного и советского аппаратов. Он рассматривал как покушение на его единоличную власть, как заговор любые неформальные встречи партийно-советской номенклатуры, в ходе которых обсуждался курс внутренней и внешней политики страны.

Одним из важнейших качеств партийно-советского руководителя Сталин считал политическую лояльность. В период массовых репрессий многим из партийных, советских и отчасти хозяйственных работников ставились в вину любые формы связи с арестованными или осужденными представителями оппозиционных партийных групп. В одну из наиболее уязвимых категорий советских функционеров превратились те представители советской номенклатуры, которые ранее состояли в небольшевистских партиях, проявляли колебания по отношению к генеральной линии в партийном и государственном строительстве. Сложившаяся в период августовского 1936 года процесса по делу так называемого анти-советского троцкистско-зиновьевского центра схема арестов воспроизводилась и в дальнейшем..

Арестованный в сентябре 1937 года секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) Б. Семенов отмечал, что его переход на «контрреволюционный путь» начался с работы в Петрограде в 1921 году в качестве секретаря райкома и председателя губернской ЧК. Председателем Ленинградского исполкома являлся в тот период Г. Е. Зиновьев, с 1924 года он работал с Углановым в Московском комитете партии².

---

¹ См. док. № 5, 7 Приложения.

² ЦА ФСБ. АСД Р-4497. Т. 1. Л. 21–22.

Секретарю Дальневосточного крайкома И. М. Варейкису напомнили о том, что в 1920 году он входил в группу «демократического централизма»¹.

Но главное все же заключалось в том, что ряд руководящих работников, занимавших важнейшие посты в партийно-государственном аппарате, относились критически к различным аспектам политики ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным. В связи с этим возникает вопрос, не являлась ли их критика внутривластного курса в стране и сложившегося режима в самой правящей партии реакцией на собственную «ущемленность» и недовольство своим положением. Памятуя о своих революционных заслугах, старая ленинская гвардия считала себя обойденной, невостребованной, претендовала на более значимую роль в управленческом аппарате, большую самостоятельность и независимость. Вполне вероятно, что недовольство новыми назначениями со стороны ряда партийных и советских работников действительно могло иметь место. Так, заместитель Председателя СНК СССР мог иметь претензии в связи с тем, что после снятия Рыкова не его, а В. М. Молотова Сталин назначил председателем правительства. Вполне возможно, что сказывались и личные амбиции, предвзятое отношение к некоторым членам Политбюро ЦК ВКП(б). «Тройкой молодых» называли члены ЦК выдвиженцев Сталина, имея в виду А. А. Жданова, А. А. Андреева и Н. И. Ежова. При всем субъективизме подобной позиции старой большевистской гвардии нельзя не признать, что они все же адекватно оценивали ситуацию внутри партии направление внутренней и внешней политики как реально сложившуюся систему жесткого централизма и диктата Сталина, стиль управления, при котором рядовые члены ЦК не имеют возможности оказывать влияние на принятие решений.

Ошибки, допущенные в процессе строительства мощного индустриального государства, член ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман объяснял тем, что «в партии отсутствует демократия, в ЦК нет коллегиального руководства, все решает только Сталин, а остальные молчаливо соглашаются». ЦК идет на поводу у Сталина и его ближайших людей, и только эта маленькая группа решает все вопросы, а «рядовые члены ЦК не могут рта раскрыть»². Характеризуя обстановку в ЦК ВКП(б), сложившуюся еще в начале 1930-х годов, Бауман отмечал, что в Москве сформировалась определенная группа вокруг Сталина, которая определяла политический курс. Между членами этой группы шла своего рода борьба за влияние внутри партии, как в расчете на усиление своих личных позиций в Политбюро ЦК ВКП(б), так и возможного дальнейшего выдвижения в качестве преемника Сталина. По мнению Баумана, в Москве партработники разбились на «Лазаревичей» (сторонников Л. М. Кагановича)

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23510 Т. 1. Л. 16.

² Там же. АСД Р-4497. Т. 1. С. 24.

и «Вячеславовичей» (сторонников В. М. Молотова) и готовились к большой драке. Номенклатурные партработники тем временем высчитывали, чьих портретов больше вывешено — Молотова или Кагановича.

Региональные руководители — члены ЦК полностью зависели от центра. ЦК ВКП(б) контролировал выполнение плановых заданий, присылал своих уполномоченных для проверки. За срыв планов членам ЦК не разрешалось приезжать в Москву на заседания пленумов, что вызывало их недовольство и озлобление. Почти полностью зависимые от центра, местные партийные руководители были не в состоянии эффективно управлять своим регионом, поскольку находились под жестким контролем вышестоящих партийных органов. Попытки расширения своих полномочий, проявления самостоятельности решительно пресекались. В октябре 1936 года, например, первый секретарь окружного комитета партии Татарской АССР А. Лепа, поставил в ЦК ВКП(б) вопрос о продовольственных фондах для колхозов в связи с неурожайным годом. Вернувшись в Казань, делаясь с коллегами своими впечатлениями о поездке, он рассказывал, что подвергся резкой критике в ЦК, где ему было рекомендовано «жить на том, что имеешь». Для того чтобы хоть как-то разрешить продовольственный кризис, Лепа вместе с заведующим отделом сельского хозяйства и наркомом земледелия принял решение обмолотить на зерно кормовые культуры вику и овес. После ареста Лепы это решение трактовалось как «вредительская» деятельность в животноводстве в связи с тем, что в тот неурожайный год в Татарии из-за недостатка кормов произошел большой падеж лошадей, крупного рогатого скота.

Заведующий отделом пропаганды Сталинградского обкома ВКП(б) Г. Д. Каучуковский на допросах признавал, что неоднократно имел откровенные беседы с секретарем обкома Варейкисом, который делился с ним своими взглядами на положение, сложившееся как в партийных органах, так и в стране. «Фактически полнокровной жизни нет в наших партийных организациях. Занимаются администрированием, являются придатком к бюрократическому аппарату, и никакой идейной жизнью не живут. То же и в городах. Занимаются всем, чем угодно: хозяйством, администрированием, но не партийной работой. Вопросы, касающиеся жизни страны, ими совершенно не обсуждаются, а если и обсуждаются, то формально, лишь бы принять резолюцию. Такая мертвечина в партийной жизни объясняется тем, что в партии нет настоящей выборности. Секретари партийных организаций фактически назначаются. Присланные сверху секретари, как правило, держат себя как люди, совершенно независимые от партийных организаций, как комиссары, поставленные над партийными организациями. Это приводит к тому, что между секретарями и партмассой существует такой разрыв, вследствие которого партийные кадры снизу не выдвигаются, и не найдешь работника даже на не особо ответственную работу». И далее Варейкис, по словам Каучуковского, вел совсем крамольные речи в поддержку Троцкого, Зиновьева,

Каменева и других представителей оппозиции, которые в 1920-е годы говорили об отсутствии внутрипартийной демократии¹.

Старые члены партии выражали недовольство расправой над бывшими лидерами партии. Так, Каминский утверждал, что «зря травят» Бухарина². Заместитель Председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов в ходе работы февральско-мартовского пленума 1937 года беседовал с рядом членов ЦК и доказывал необходимость выступить в защиту Бухарина и Рыкова. Но все попытки найти союзников закончились неудачей. М. М. Хатаевич, секретарь ЦК КП(б)У, возмущался массовыми арестами на июньском пленуме. Возможно, что в основе возмущений лежало реальное опасение о возможном аресте.

Варейкис съездил в отпуск за границу в Германию. Знакомство с ее политическим устройством помогло ему прийти к пониманию сути государственного строя в СССР: отсутствие демократии, господство бюрократического чиновничества, сверхцентрализация, наличие жесткой вертикали власти. В разговорах он отмечал стабильное экономическое развитие Европы в период после кризиса начала 1930-х годов, рассуждал о закрытости СССР, считал, что экономика страны нуждается в привлечении иностранного капитала, расширении сотрудничества с развитыми капиталистическими государствами³.

Бауман, в свою очередь, отстаивал идею о полной независимости Академии наук СССР от правительства, полагал необходимым предоставить советским ученым полную свободу в общении с любой научной зарубежной организацией⁴. Некоторые партийные руководители пытались — в косвенной форме — использовать предстоящие выборы для того, чтобы «смягчить» советскую систему, сделать ее хоть немного более демократичной. Так, Я. А. Яковлев, возглавляя комиссию по подготовке выборов в Верховный Совет СССР в соответствии с новой Конституцией, подготовил тезисы об основных принципах проведения выборов и работы выборных советских органов. Однако первоначальный вариант тезисов раскритиковали в ЦК, где ему было указано, что основные установки тезисов, похоже, продиктованы «с другого берега». Тем не менее, в своем выступлении на июньском пленуме 1937 года он поставил вопрос об ограничении в перспективе роли партийных групп в советах, сокращении полномочий исполкомов, которые подменяли избранных депутатов в процессе постоянной работы⁵.

После ареста в октябре 1937 года ему было предъявлено обвинение в стремлении в ходе избирательной кампании дискредитировать сталин-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23510, т. 2. Л. 177.

² Там же. АСД Р-1362. Л. 12.

³ ЦА ФСБ. АСД Н-13614. Т. 1. Л. 158.

⁴ Там же. АСД Р-4574 Т. 1. Л. 31.

⁵ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 40.

ское руководство, чтобы используя новый закон о выборах, быть вместе со своей группой оппозиционеров избранными от народа, то есть стать независимыми от партийных структур. В этом случае перед его сторонниками якобы открывалась возможность проводить самостоятельную политику¹.

Жесткое партийное руководство всеми сферами жизни вызывало законное недовольство. Нарком просвещения Бубнов «провокационно» утверждал, что в плохом состоянии народного просвещения виновато исключительно руководство партии. «Они много шумят, выносят много красивых резолюций, а деньги на работу не дают и материально народное просвещение не поддерживают»². Сулимов заявлял, что Сталин сконцентрировал решение всех вопросов в ЦК и обезличил советские органы; что Совнарком РСФСР превращен в передаточную канцелярию и как республика Российская Федерация не существует. Положение в деревне, состояние школ, здравоохранения тяжелое, а ЦК не дает денег, бросая все средства на индустриализацию.

Руководство наркоматами Российской Федерации не только поддерживало связь с осужденными оппозиционерами, наркомы были недовольны сложившейся системой взаимоотношений с руководством союзным в лице Председателя СНК СССР В. М. Молотова. Наркомы РСФСР при обсуждении вопросов развития своих отраслей обсуждали свое подчиненное положение в отношениях с союзным Совнаркомом. Многие вопросы решались непосредственно центром, который управлял областями, входившими в состав РСФСР, игнорируя мнение республиканских наркоматов. После ареста Сулимова Сталин выделил для себя в протоколе допроса его высказывания о том, что в СНК РСФСР якобы сложилась группа из руководящих работников, которая стремилась к большей самостоятельности СНК РСФСР от союзного правительства, а фактически пыталась оторвать Российскую Федерацию от СССР.

Наркомы союзных республик, не входившие в ближайшее окружение Сталина, не могли нормально руководить работой своего ведомства. Например, Лобов, возглавлявший до октября 1936 года наркомат лесной промышленности, сетовал: «Разве можно нормально работать, если мне – наркому, чтобы достать пару вагонов листового железа или оборудования для бумажной машины, мне нужно получить решение ЦК»³.

Особенно их возмущал порядок, принятия ежегодных народнохозяйственных планов, которые составлялись в мельчайших деталях в СНК СССР, а республиканские наркоматы их должны были переписывать без права вносить изменения. По свидетельству председателя СНК РСФСР Сулимова, при решении вопроса о предоставлении помощи какой-либо

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-1362. Л. 30–31.

² Там же. АСД Р-23510. Т. 1. С. 63.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-4879. Т. 2. С. 109.

области прежде всего в тех случаях, когда речь шла о дополнительных капиталовложениях, решить вопрос без ведома СНК СССР было невозможно. Мизерные возможности республиканских наркоматов, вопиющие диспропорции в распределении денежных средств отмечал и нарком финансов СССР Гринько. Так, резервный фонд СНК РСФСР составлял в 1937 году 80 миллионов рублей, а фонды директоров крупных промышленных предприятий — более 1 миллиарда. Республиканские наркоматы в условиях централизма не обладали реальными финансовыми рычагами власти.

Существовали перекосы и в обеспечении материальными фондами различных наркоматов. Нарком связи СССР А. И. Рыков до своего ареста критиковал Сталина за то, что у того то левая, то правая опасность, то военная. Всеми фондами, которые выделялись наркомату, распоряжался Ворошилов. Рыков прямо заявлял, что скоро с гражданских учреждений снимут все провода и отдадут в наркомат обороны¹.

Было бы неверным утверждать, что партийные и советские руководители, которые критиковали внутривластные порядки, отсутствие подлинной демократии, свободы слова сами в своей повседневной деятельности руководствовались этими принципами.

По свидетельству Г. Касимова, директора Казанского педагогического института, секретарь Татобкома А. Лепя с партийными и беспартийными массами был связан только через окружавших его людей, то есть аппаратными работниками. Сотни простых коммунистов жаловались, что месяцами не могут попасть к нему на прием. За три года Касимов — член бюро окружного комитета партии и Татцика, несмотря на неоднократные попытки лично встретиться с партийным руководителем, ни разу не был принят, а все общение происходило только по запискам². На своем посту почти каждый крупный руководитель, который подвергал критике курс партии, вносил лепту в усиление террора. В сложившейся в стране системе управления они послушно следовали продиктованному Сталиным курсу. Например, заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлев принял самое активное участие в развернувшейся в стране кампании по искоренению вредительства. В конце июля 1937 года он выехал в инспекционную поездку в Белоруссию. На очередном совещании в Минске обсуждались вопросы о ликвидации очередей за хлебом. В шифротелеграмме Сталину Яковлев докладывал о поведении наркома внутренней торговли Гуревича. Его попытка скрыть положение, а также стремление не раскрывать объективное состояние продовольственного снабжения населения вызвали подозрение. В результате ночного передопроса арестованных, проведенного НКВД Белоруссии, было установлено, что Гуревич состоял членом «контрреволюционной» организации и

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-13220. Т. 1. Л. 111.

² Там же. АСД Р-2303. Т. 1. Л. 104.

хлебные очереди организовал по ее поручению. Яковлев сообщал о принятых мерах: «Вчера Гуревич был по нашему предложению арестован... а) разрабатываем мероприятия по ликвидации вредительства; б) организуем передопрос ряда лиц ранее арестованных с целью выявления нет ли какого-либо «запасного центра»¹.

Начальник УНКВД Западно-Сибирской области Миронов жаловался наркому на секретаря крайкома Р. И. Эйхе, который заставлял его арестовывать партийно-советский актив, хозяйственных работников, не предоставляя конкретных материалов об их враждебной деятельности. В ответ ему было сказано, что секретарь крайкома является кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и ему лучше знать, кого надо арестовывать.

Помимо проявлений критики своего политического курса Сталин внимательно отслеживал в показаниях все, что было связано с национально-территориальным устройством СССР. Существенным фактором внутривластного развития страны являлся постоянно присутствовавший аспект возможного раздробления Советского Союза на ряд независимых государств, поэтому положение в союзных и автономных республиках было предметом особого внимания органов государственной безопасности.

Сталин тщательно отмечал свидетельства, в которых шла речь о любых попытках нарушить сложившиеся межнациональные отношения, упоминания об усилении роли национальных республик, укреплении национального суверенитета, предоставлении больших прав и самостоятельности нациям в составе СССР. Складывается впечатление, что из двух опасностей — великодержавный шовинизм и местный национализм — Сталин считал главной вторую. Жестоко расправлялись не только с руководителями партийных и советских органов СССР и РСФСР. Репрессии подверглись партийные и советские кадры национальных республик и автономных областей. Однако здесь имелась своя специфика: наряду со ставшими стандартными обвинениями в участии в так называемых правотроцкистских формированиях, выдвигалось обвинение в создании различных националистических организаций, которое здесь становилось основным. «Контрреволюционные замыслы» руководящего состава этих «организаций» были направлены якобы на образование самостоятельных национальных государств и выход из состава СССР — при поддержке иностранных государств.

В чем же виделась опасность со стороны национальных республик и областей? Прежде всего, национальные республики, располагавшиеся по границам СССР, могли стать как самостоятельными государствами, так

---

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939 — Документы и материалы. В 5 т. / Т. 5. 1937–1939 кн. 1 1937/ Под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг. М., РОССПЭН, 2004. С. 272–273.

и национальными образованиями в составе приграничных государств. Речь шла о том, что руководители национальных республик и областей якобы вынашивали планы отторжения своих национальных государств от СССР под эгидой другого государства.

После получения показаний на председателя СНК Белоруссии Н. М. Голодеда вновь назначенный первый секретарь ЦК КП(б)Б республики В. Ф. Шарангович писал Сталину 14 июня: «Голодед является врагом народа, поэтому прошу санкционировать его арест». В этом же письме он высказывал политическое недоверие председателю ЦИК Белоруссии А. Г. Червякову, которого резко критиковали на проходившем съезде компартии. Сталин был в курсе событий, поскольку 8 июня Ежов направил ему показания наркома просвещения БССР А. И. Дьякова, заявившего о ведущей роли Голодеда в «националистической организации». Сталин режиссировал дальнейшее развитие событий. В этот же день он ответил Шаранговичу: «Голодед арестован. Советуем не мешать съезду провалить Червякова. Если съезд решит снятие Червякова с поста председателя ЦИК Белоруссии, мы возражать не станем. Секретарь ЦК Сталин»¹.

В присланной 28 июня 1937 года наркомом внутренних дел Белоруссии Б. Д. Берманом записи допросов наркома земледелия К. З. Бенека, Сталин отметил крамольную идею о создании «независимой Белорусской народной республики»². Для того чтобы показать контрреволюционную сущность этой идеи следователи выделили положение о том, что Белоруссия будет находиться под протекторатом Польши. Значительное количество арестованных партийно-советских руководителей, которые в различные периоды своей служебной карьеры занимали руководящие должности в национальных республиках, под давлением следователей признавались в участии в различного рода националистических организациях. 29 июня того же года Сталин, просматривая заявление заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК ВКП(б) В. Г. Кнорина, обвиненного в участии в «антисоветском» заговоре в Коминтерне, подчеркнул фразы о том, что он являлся членом «антисоветской» организации, возглавляемой Голодедом и Червяковым. Основной задачей организации являлось якобы отделение советской Белоруссии от СССР и образование «буферной Белорусской буржуазно-демократической республики под протекторатом Польши». В качестве прототипа этой республики Червяковым и другими называлась Дальневосточная республика периода 1920–1922 годов.

Аналогичные высказывания содержались и в показаниях арестованных партийных и советских руководителей Украины: речь шла о создании независимой «Соборной Украины».

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 114; АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 306. Л. 155.

² Там же. Д. 311. Л. 54.

Еще 8 июня 1937 года на места был разослан циркуляр ГУГБ НКВД СССР о работе по антисоветским пантюркистским (тюрко-татарским) националистическим организациям. Появлению этого циркуляра предшествовали аресты, проведенные в республиках Средней Азии и Татарии весной 1937 года. В апреле 1937 года, например, органы госбезопасности сообщали Сталину об арестах членов организации националистов в Татарии, в состав которой входили свыше 20 человек, в том числе бывший председатель СНК Татарии Х. З. Габидуллин, работавший на момент ареста в Москве начальником управления наркомата просвещения РСФСР. Его показания послужили основанием для начала массовых арестов партийно-советского актива Татарии¹. В циркуляре содержались обобщенные данные о том, что за последнее время в восточных национальных республиках и областях (Азербайджан, Крым, Татария, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан) значительно возросла активность националистических элементов, которые якобы вели подпольную антисоветскую деятельность. К ним относились бывшие представители партий и общественных движений «Алашорда» в Казахстане, «Муссават» в Азербайджане, «Милли-Фирка» в Крыму, «Милли-Иттихад» в Узбекистане. В циркуляре утверждалось, что все тюрко-татарские националистические организации ставили своей целью вооруженное отторжение национальных республик от СССР и создание единого тюрко-татарского государства. К началу июня 1937 года в национальных республиках и автономных областях Российской Федерации были арестованы бывшие участники этих партий и движений². Советское руководство понимало, что для национальных государств, вошедших в состав СССР, существуют объективные трудности, слишком различными были уклады жизни, потенциально национальные республики могли способствовать разрушению единого государства. Поэтому в своем циркуляре НКВД СССР предлагал конкретную программу борьбы с националистическими организациями. Важно отметить, что упор был сделан именно на укрепление централизованного управления, при этом игнорировалась специфика конкретного национального образования. Фактически любые попытки защиты национальных интересов, национального самосознания в национальных областях и республиках рассматривались как проявление местного национализма, результат деятельности антисоветского националистического подполья.

После ареста Сулимова последовали аресты его заместителей, в том числе Рыскулова, который был «назначен» одним из лидеров так называемой пантюркистской антисоветской националистической организации.

Арестованному первому секретарю обкома ВКП(б) Бурят-Монгольской АССР М. Н. Ербанову было предъявлено обвинение в

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11: Д. 301. Л. 157-159.

² ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 377.

намерении создать независимое от СССР монгольское государство под эгидой Японии — как плацдарм для наступления Японии на СССР. Первые секретари обкома ВКП(б) Татарской АССР Лепа, Крымского обкома Л. И. Картвелишвили «планировали» создание независимых татарских государств. В результате были арестованы председатели СНК Татарии и Бурят-Монголии, председатели ЦИК обеих автономных республик, практически все наркомы.

Многие представители национальных республик в составе СССР критиковали политику центра. Первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамов неоднократно замечал, что преобразования в Узбекистане происходят в уродливой форме. Фактически все сельское хозяйство было ориентировано на выращивание хлопка, а центр не снабжал население в достаточной степени мануфактурой и продуктами питания. По его мнению, характер экономических отношений со стороны центра к республике напоминал колонизаторский. Первый секретарь Татарского обкома партии Лепа на областных конференциях постоянно подчеркивал, что главную опасность для советского государства в национальном строительстве представлял великодержавный шовинизм, а не «младенческий» местный национализм¹.

Упомянутый выше циркуляр ГУГБ НКВД СССР стал конкретным планом действий для местных управлений госбезопасности в борьбе с так называемыми националистическими элементами. Поскольку в циркуляре речь шла о том, что националистические организации осуществляют «захват руководящих постов в партийно-советском аппарате в целях расширения фронта борьбы с ВКП(б) и советской властью», то на эту категорию номенклатуры обращалось особое внимание.

Первой акцией стал арест заместителя председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова. Сталин внимательно изучил протокол допроса Рыскулова². Он счел «важными» его показания и дал указание «проверить» полученные факты. На допросах Рыскулов показал, что в состав так называемой пантюркистской организации входили Ф. У. Ходжаев; эту фамилию Сталин обвел в кружок, что означало необходимость ареста. В направленный Сталину протокол допроса Рыскулова, следователи НКВД включили имена практически всех партийно-советских руководителей национальных республик. Это были Атабаев и Атаков из Туркмении, Ходжаев и Габидулин из Татарии, Булашев из Башкирии, Абдрахманов из Киргизии и Кулумбетов, возглавлявший ЦИК Казахстана³.

При изучении дел партийных руководителей Крыма, Татарии, Башкирии, Бурят-Монголии очевидна тенденция вменить им в вину поддержку националистических движений в автономных республиках и областях.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-2303. Т. 1. Л. 277.

² См. Док. № 3 Приложения.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 313. Л. 74–91.

Например, классическим примером представления Сталину показаний партийно-советского руководства национальных республик и областей являются дела партийного руководства Татарии и Бурят-Монголии. В первом случае ситуация в республике характеризовалась так, будто там продолжалось сохраняться влияние прежних лидеров, арестованных за националистические колебания. Конкретно имелась в виду деятельность Султан-Галиева. Это в полной мере соответствовало установкам циркуляра ГУГБ НКВД СССР о необходимости разработки руководящих кадров, «известных своей прошлой националистической деятельностью и фактически возглавляющих антисоветское подполье последнего времени».

Изучив протокол допроса Рыскулова, 3 июля Сталин дал указания арестовать пять человек. 31 июля, ознакомившись с показаниями С. Х. Ходжанова, заместителя уполномоченного Комиссии советского контроля по Узбекской ССР, он отметил около сорока человек, подлежащих аресту. В течение июня-августа 1937 года была арестована большая часть партийно-советского руководства Казахстана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана. Сталин внимательно отслеживал ход арестов, вносил свои предложения о кадровых перемещениях. 2 августа в шифротелеграмме он дал рекомендации ЦК КП(б) Узбекистана о новых назначениях: «Каримов не подходит, как председатель СНК. Об этом уже сообщалось Вам. ЦК ВКП(б) требует, чтобы Каримов был заменен другим кандидатом. Балтабаева нельзя выдвигать предом СНК, так как его тоже оговаривают арестованные Рыскулов, Ходжанов, Атабаев, Файзулла Ходжаев. Попробуйте выдвинуть предом СНК Тюрябекова. Нам кажется, что в Узбекистане не ведется борьба с антисоветскими элементами, а Икрамов окружен такими элементами, которых он не видит, не замечает». Указание Сталина на политическую близорукость Икрамова стало сигналом для его разработки и последующего ареста.

11 августа в шифротелеграмме секретарю ЦК КП(б) Таджикистана Ашурову Сталин подчеркивал, что «не можем пока утвердить ни первого ни второго кандидата на пост пред. ЦИКа. Нужна проверка, проверка требует времени. Выборы председателя ЦИКа можно отложить на следующую сессию»¹. В этот же день Сталин получил показания председателя СНК Казахстана Н. Нурмакова. На основании протоколов допроса Ежов составил список из двадцати двух человек, которые уже были арестованы, и восемнадцати, разыскиваемых органами госбезопасности².

Продовольственные трудности 1936–1937 годов, вызвавшие недовольство населения, также явились одной из причин ужесточения репрессивной политики. Проблемы развития сельского хозяйства постоянно находили свое отражение в ходе карательных кампаний в период

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 38.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 101. Л. 49–50.

массовых репрессий, недостатки и просчеты в области сельского хозяйства были одним из распространенных обвинений, предъявляемых партийно-советской номенклатуре. Для них каждый **пгужайный** год оборачивался дополнительными обвинениями в плохой и якобы вредительской организации сбора урожая, заготовки кормов, **семенного фонда** и т. п.

Обвинения в целом имели непоследовательный характер, будучи обусловленными попытками объяснить объективные трудности в развитии сельского хозяйства происками вредителей, которым якобы покровительствовали партийные работники. Они якобы сознательно игнорировали указания ЦК ВКП(б) на необходимость соблюдать законность, подчиняться распоряжениям правительства об умеренном характере хлебозаготовок с единоличников, о запрещении накладывать дополнительные повинности, конфисковывать имущество и домашний скот за неуплату налогов. Такие обвинения, в частности, были предъявлены секретарю Дальневосточного крайкома Варейкису, который оказался виноватым во всем, вплоть до денежной оплаты труда администрации колхозов, включая сторожей, возчиков, отсутствие которой у колхозников вызывало их законное недовольство. Секретарю Донецкого обкома ВКП(б) Прамнэку ставился в вину подрыв семенного дела, когда не распространяли хорошие сорта по районам области¹.

Заведующему сельхозотделом Дальневосточного крайкома ВКП(б) И. А. Василевичу ставилось в вину снижение урожайности зерновых, недостаточный завоз сельхозмашин, плохая подготовка семян для посева².

Безусловно, решение этих проблем находилось вне компетенции местных партийных руководителей. Однако следует заметить, что количество различных нарушений в организации сельскохозяйственного производства, за которое несли ответственность и партруководители, являлось своеобразным отражением того, что государство не выделяло необходимых средств для финансирования этой отрасли народного хозяйства. Ответственность за провалы в строительстве зерноочистительных станций и семенных хранилищ, плохое качество ремонта техники в МТС, возлагаемые на руководителей партийных организаций областей и республик, были своеобразной формой перекладывания вины с центральных органов управления народным хозяйством на местных руководителей.

Начиная с лета 1937 года члены Политбюро ЦК ВКП(Б) Каганович, Жданов, Андреев, Микоян и другие руководящие работники аппарата ЦК ВКП(б), наркомы по указанию Сталина регулярно выезжали с инспекционными поездками по стране. Цели поездок были разнообразными: анализ работы местных партийных организаций по искоренению по-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4879. Т. 1. Л. 131.

² Там же. АСД Р-10969. Т. 3. Л. 30.

следствий «вредительства» в различных отраслях народного хозяйства, участие в работе пленумов ЦК компартий союзных республик, областных комитетов партии для представления новых партийных руководителей, назначенных на место арестованных. Напуганное продовольственным кризисом 1936–1937 годов, руководство страны приняло жесткие меры для предотвращения повторения подобной ситуации. Секретарь ЦК ВКП(б) Андреев, например, явился одним из инициаторов организации процессов в отношении работников МТС.

Во время поездки в Средне-Волжский край Андреев телеграфировал Сталину, что по ходу дела пришлось дополнительно арестовать ряд работников партийно-советского аппарата. По его предложению были арестованы зампредоблисполкома Эпштейн, второй секретарь обкома ВКП(б) Мурашев, два заведующих отделами, уполномоченный комитета заготовок СНК СССР, директор завода сельскохозяйственных комбайнов М. Л. Витчинкин¹. Кроме того, Андреев, используя информацию НКВД, причины неудовлетворительной работы по уборке урожая объяснил деятельностью правотроцкистской организации в Синодской МТС, по вине директора которой и его заместителя по политической части был сорван ремонт техники. Оказалось, что из семидесяти четырех тракторов к уборке были готовы только четырнадцать. По мнению Андреева, нити «заговора» тянулись в областное земельное управление. Он предложил организовать в отношении «этой банды» выездную сессию областного суда. Уже к вечеру 28 июля Сталин одобрил меры, намеченные Андреевым: «ЦК согласен с Вашим предложением насчет привлечения к суду и расстрела бывших работников МТС»².

Арест крупного партийного руководителя был, как правило, итогом переплетения различных факторов, таких как карьера номенклатурного работника, его продвижение по служебной лестнице, связи, знакомства с различными людьми. Одним из первых 22 июня 1937 года был арестован секретарь Крымского обкома ВКП(б) Л. Лаврентьев (Картвелишвили), до декабря 1936 возглавлявший Дальневосточный крайком ВКП(б). Его первоначальное — в 1930 годы — назначение в Закавказье на должность первого секретаря Заккрайкома после устранения группы Сырцова-Ломинадзе свидетельствовало о доверии со стороны Сталина. Однако в октябре 1931 года по распоряжению генсека, недовольного восстаниями крестьян в Грузии, Лаврентьев был снят с должности и переведен на партийную работу в Западно-Сибирский край, а затем на Дальний Восток. Накопление компрометирующих материалов происходило постепенно. 5 сентября 1936 года на Украине был арестован заведующий культурно-пропагандистским отделом ЦК КП(б)У М. М. Киллерог, бывший помощник Лаврентьева в период его работы в Закавказье. Весной 1937 года про-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2279. Л. 623.

² Там же. Д. 2240. Л. 47.

шла череда арестов руководящих работников в Дальневосточном крае, Закавказье, которые в ходе следствия пришили, что Лаврентьев был членом «контрреволюционной» организации. Немаловажную роль сыграл и субъективный фактор. А. В. Снегов, начальник политчасти треста «Мурманрыба», работавший вместе с Лаврентьевым в Закавказье, вспоминал, что Л. П. Берия старался всячески дискредитировать Лаврентьева, выступал против него на пленумах партии и сыграл далеко не последнюю роль в его отстранении. После его ареста Берия заменил более тридцати секретарей райкомов, во главе многих из которых поставил сотрудников ГПУ. Сразу же после ареста Лаврентьев из Москвы был переправлен в НКВД Грузии и 7 июля 1937 года дал «признательные» показания.

Достаточно типичной выглядит и судьба первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) Б. С. Семенова, занимавшего до конца 1936 года пост секретаря Крымского обкома партии, а затем назначенного в Сталинград вместо Варейкиса, который был направлен ЦК ВКП(б) секретарем Дальневосточного крайкома партии. В период кампании борьбы с троцкистами 27 января 1937 года был арестован заведующий отделом пропаганды Крымобкома Б. С. Ольховый. До июля 1937 года он фактически не давал показаний, но 11 июля назвал Семенова руководителем правотроцкистской организации. Атаки НКВД на секретаря обкома, поиски компрометирующих его материалов начались после критики Сталиным на июньском пленуме 1937 года состояния сельскохозяйственного производства в Крымской АССР. Не удалось повлиять Семенову и на судьбу приехавшего с ним в Сталинград из Крыма бывшего главного редактора газеты «Красный Крым», а затем «Сталинградской правды» С. Г. Мадонова, который был арестован 8 апреля 1937 года.

В июле 1937 года следствию удалось выбить показания, свидетельствующие об участии Семенова в контрреволюционной организации от арестованных в марте-апреле 1937 года секретарей: Симферопольского горкома ВКП(б) – Ф. А. Фомина, Керченского – В. И. Окоркова, Севастопольского – А. С. Левитина, а также от заведующего отделом руководящих партийных органов Крымобкома С. А. Лейкина. Их аресты были продолжением той волны обвинений и арестов в отношении партработников, охватившей Украину и Северо-Кавказский край, а затем и другие регионы страны. Определенную негативную роль в устранении руководящих партработников сыграл вновь назначенный секретарь Крымобкома Лаврентьев (Картвелишвили), который начал чистку своих кадров.

В личном архиве Сталина отложилось значительное количество сообщений с информацией о положении в областях от постоянных корреспондентов газеты «Правда», которые главный редактор и одновременно заводделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлис регулярно посылал Сталину. Семенов не подозревал о том насколько нелестной была характеристика, данная ему в марте 1937 года. Как явствовало из сообщения спецкора «Правды» он был «слабым руководителем». В ходе обсуж-

дения решений февральско-мартовского пленума ВКП(б) 1937 г. Семенов не сумел якобы поддержать здоровый тон критики работы партийной организации. В результате один из выступавших неправильно воспринял ее общую направленность и сравнил город, носящий имя Сталина, с фашистским Римом. Основанием для сравнения стали факты принудительного распространения портретов бывшего секретаря обкома Варейкиса, а выступавший предположил, что так же в Италии распространяли портреты Муссолини. Корреспондент «Правды» подметил и некоторую напряженность в отношениях между секретарем обкома и группой работников, привезенных им из Крыма – с одной стороны, и местными партийными и советскими руководителями, среди которых он специально выделил группу тех, кто работал вместе с Варейкисом, – с другой. После ареста в Крыму Ольхового, которого Семенов хотел назначить на должность завотделом пропаганды, эта напряженность, по словам спецкора, еще больше усилилась. Причем обо всем этом Семенов даже не подозревал.

Сразу после окончания июньского пленума ЦК ВКП(б) 2 июля Семенов отправил Сталину письмо, в котором писал: «После Вашего доклада, т. Сталин, и на опыте своих ошибок в Крыму я извлек большой урок, стал зорче, острее настроен»; он отметил также, что делал все возможное для выполнения планов заготовок сельхозпродукции¹.

16 августа 1937 года Н. Ежов передал И. Сталину спецсообщение наркома внутренних дел Крымской АССР К. А. Павлова о показаниях наркома земледелия Крыма М. А. Тильмана. Как член «правотроцкистской организации» Тильман «признался» в том, что вел диверсионно-вредительскую деятельность, заключающуюся в недоброкачественном ремонте комбайнов. Из-за отсутствия средств пожаротушения, что также являлось результатом его «умышленных действий», происходили загорания комбайнов в Крыму. Было отмечено двадцать таких случаев. Руководителем этой организации, по словам Тильмана, был бывший первый секретарь обкома партии Б. Семенов. Сталин, ознакомившись со спецсообщением, дал указание: «Семенова взять»².

28 августа Семенов опять пишет Сталину, делая упор на то, что в текущем году в Крыму получен высокий урожай, обращая внимание генсека на незначительность вреда, нанесенного сельскому хозяйству «правотроцкистскими вредителями»³.

29 августа Семенов был вызван на встречу с членами Политбюро ЦК ВКП(б), где ему задавали вопросы о его связях с арестованными. В этот же день он написал Сталину новое письмо, где давал свои разъяснения по трем вопросам, которые, очевидно, были предметом обсуждения на Политбюро.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 313. Л. 28–31.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Л. 323.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 211–213.

Во-первых, он подробно рассказал о своей поездке в 1928 году в Турцию и Палестину на пароходе «Ленин». Во время посещения этих стран он никуда не отлучался, ночевал в посольстве и ничего не знал ни о Троцком, ни о Принцевых островах. Во-вторых, Семенов оправдывался перед Сталиным, что не разглядел врагов партии среди группы молодых партийных руководителей, арестованных в Крыму. В-третьих, он отмечал, что отдавал все силы развитию сельского хозяйства, и его нельзя обвинять во вредительской деятельности¹. 3 сентября 1937 года Семенов имел встречу с секретарем ЦК ВКП(б) Ждановым. 5 сентября 1937 года Семенов давал новые объяснения о своей поездке в Константинополь. Доказывая свою преданность партии и непричастность к троцкистской оппозиции, он особо отмечал, что НКВД проявлял нерешительность в борьбе с ними. Он напомнил, что еще в декабре 1936 года написал записку в ЦК, где сообщал о прошлых троцкистских колебаниях ряда командиров Черноморского флота, которые вскоре были арестованы (капитан 2 ранга Э. И. Батис, помощник командующего Черноморским флотом дивизионный интендант П. И. Курков)².

Несмотря на все доводы секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) 8 сентября того же года было принято решение о его аресте. Обвинения в связях с Троцким не нашли никакого отражения в процессе следствия, оставаясь тенью фоном. Семенову были предъявлены новые обвинения. Они заключались в том, что он якобы поддерживал связи с участниками военно-фашистского заговора, в том числе, с 1936 года, с заместителем начальника Политуправления морских сил Черного моря дивизионным комиссаром И. А. Мустафиным, арестованным в начале июня 1937 года. Следователями была учтена и специфика Крымской области, в которой проживали более 200 тысяч крымских татар, занимавших ответственные должности в партийно-советском аппарате автономной республики. Семенов, работавший с 1931 года вторым секретарем Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) обвинялся также в связях с представителями так называемой тюркотатарской националистической организации Ходжаевым, Айтаковым, Икрамовым. После назначения на работу в Крым он, якобы по заданию Уханова, должен был активно содействовать созданию националистической организации в автономной республике. В июне–июле 1937 года были арестованы представители татарской национальности: второй секретарь обкома Крыма Б. А. Чагар, заместитель заведующего культпропотдела обкома А. Х. Мустакаев, нарком земледелия республики Ф.А. Мусаниф и другие. Устранение с политической арены крупных партийных и советских руководителей, возглавлявших республики и области СССР происходило драматично. На протяжении несколь-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 216–218.

² Там же. Д. 321. Л. 1–3.

ких месяцев шла подготовка к аресту председателя СНК Украины П. П. Любченко. Арестованные по обвинению в «троцкистской» деятельности З. А. Ашрафян, заведующий отделом пропаганды ЦК КП(б)У, Р. П. Дзенис, бывший президент Украинской ассоциации марксистско-ленинских институтов и ряд других руководителей стали давать показания, в которых фигурировали имена начальника управления по делам искусств при СНК УССР А. А. Хвыли, секретаря ЦК КП(б)У Н. Н. Попова, арестованного 16 июня 1937 года. В июле поступили новые сведения, полученные от председателя Винницкого облисполкома И. И. Трилисского и заместителя председателя Верховного суда УССР Ю. А. Войцеховского, которые Сталин переслал Молотову, Кагановичу и Ворошилову. На протоколе допроса Трилисского от 31 июля 1937 года Сталин отметил: «Вкруговую. Просьба обратить внимание»¹. Следователи НКВД добивались новых подтверждений «националистической» деятельности Хвыли и Любченко.

15 августа нарком НКВД Украины Леплевский в спецсообщении Ежову, которое тот переадресовал Сталину, представил грандиозную картину всеохватывающего «заговора» в УССР, возглавляемого Хвылей, заместителем председателя СНК УССР В. И. Порайко, председателем Киевского облисполкома М. О. Василенко, секретарем ЦИК УССР Зиненко и редактором газеты «Вести ЦИК УССР» Ф. П. Тараном. В протоколах допросов содержались компрометирующие материалы о «заговорщической» работе Любченко. Сталин и Молотов написали на документе свои резолюции: «За арест Хвыли, Порайко, Тарана, Василенко, Зиненко»². В конце августа 1937 года командующий Харьковским военным округом И. Н. Дубовой также дал показания о планах Любченко, Порайко и других руководящих работников Украины по созданию независимого государства «Соборной Украины».

17 августа Любченко написал письмо Сталину, отвергая все обвинения и выражая готовность лично доказать свою невиновность. В присутствии членов Политбюро во главе со Сталиным была проведена очная ставка между Любченко и Войцеховским, Хвылей, Тараном и другими арестованными. По ее итогам 23 августа 1937 года Политбюро приняло решение передать на рассмотрение пленума ЦК КП(б)У вопрос о националистической антисоветской организации боротьбистов и связи с ней Любченко. Стенографический отчет очной ставки по указанию Сталина был направлен Постышеву, чтобы напомнить тому о его прошлой работе на Украине.

Присутствовал на очной ставке и первый секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор. Своими впечатлениями он поделился с секретарем Донецкого обкома Э. К. Прамнэком. Он сказал, что ничем не мог помочь Люб-

¹ АП РФ. Ф. Оп. 3. Д. 24. Д. 316. Л. 128.

² АП РФ. Ф. Оп. 3. Там же. Д. 317. Л. 68; См. также . См. док. № 4 Приложения.

ченко и не думал о возможности ареста, ведь что Сталин хорошо к нему относился.

25 и 28 августа Любченко снова писал Сталину, всеми силами стараясь доказать свою невиновность. Однако другим свидетелям тот придавал больше значения. 28 августа Ежов направил Сталину заявление Балицкого с пометкой «Важно». Балицкий подробно рассказывал о связях Любченко с Якиром, якобы вынашивавших планы выхода Украины из состава СССР. На допросе он признал, что и пожар в книгохранилище Академии наук УССР был осуществлен специально, чтобы уничтожить документы по боротбистам¹.

В конечном итоге Любченко не выдержал преследований, в ходе работы пленума ЦК КП(б) Украины он покинул зал заседаний со словами: «Це все ваша брехня и выдумки». По свидетельству начальника его охраны, вскоре арестованного и осужденного Особым совещанием НКВД, Любченко покончил жизнь самоубийством.

Сталин расценил этот факт как свидетельство вины и резко изменил тональность официального сообщения о самоубийстве Любченко, подготовленный Косиором. «Запутавшись в своих антисоветских националистических связях, боясь ответственности за свое двурушничество, 30 августа покончил жизнь самоубийством Председатель СНК Украины Любченко», — так сформулировал сообщение Косиор. Сталин же усилил текст фразами о «связях с иностранными агентами», «предательстве интересов Украины», то есть представил Любченко государственным преступником².

Партийно-советский аппарат различного уровня становился ответственным за многочисленные срывы, невыполнение планов социально-культурного развития регионов.

Так, за низкий уровень натуроплаты крестьянам на трудодень должен был ответить заведующий сельхозотделом Воронежского обкома ВКП(б) С. И. Булатов.

После уборки урожая в 1936 году многие руководители партийных организаций областей были обвинены в том, что не заботились о достаточной заготовке кормов, оставили высокую стерню, которую можно было использовать на корм скоту. В следующем, урожайном 1937 году партийные руководители, чувствуя постоянный контроль центра, боясь ответственности, теряли навыки самостоятельного принятия решений и действовали вопреки логике. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) была дана критическая оценка деятельности Постышева, в документе отмечалось, что в урожайном 1937 году он дал указание убирать стерню, вместо того, чтобы сосредоточить все силы на уборке урожая³.

¹ АП РФ. Ф. Оп. 3. Д. 319. Л. 174.

² Там же. Д. 320. Л. 4–5.

³ Getty A., Naumov V. The Road to the terror. P. 515.

Некоторые обвинения были объективными, ибо реальное положение дел в сельском хозяйстве в результате постоянного давления центра и изъятия зерна было удручающим. Так, секретарь Татарского обкома Лепа, получивший отказ на просьбу уменьшить объем поставок зерна и давший указание о заготовке на зерно вики и овса, был обвинен в массовом падеже скота в республике в голодную зиму 1937 года. В некоторых районах СССР отмечались и случаи людоедства.

Е. Г. Евдокимов и ряд других секретарей обкомов пытались снизить планы хлебозаготовок, чтобы сохранить часть урожая для увеличения выплат на трудодни. Для того чтобы обеспечить выполнение планов, распахивались заливные луга, выгоны для скота, что приводило в итоге к сокращению поголовья скота в колхозах, к массовому недовольству крестьян¹.

Выявлялись случаи очковтирательства, за которые несли ответственность руководящие работники. Например, в Чистопольском районе Татарии на колхозы, соревновавшиеся с колхозами в Средне-Волжском крае, работали несколько других колхозов. А секретарь райкома, добившийся высоких показателей, стал наркомом пищевой промышленности автономной республики².

Партийные и советские руководители были виноваты и за социальную напряженность в своих регионах. Зимой 1937 года из-за срыва сроков строительства второго хлебозавода в Иркутске половина населения оставалась без хлеба. В результате хлеб исчезал с прилавков уже утром, сразу после открытия магазинов. В Казани председатель СНК Татарии Абрамов в январе 1937 года дал указание о сокращении выпечки хлеба на 50 %. 21 января в магазинах произошли массовые давки, во время которых многие люди были покалечены. В этот траурный день смерти В. И. Ленина подобные события трактовались центром как «контрреволюционные» проявления.

Провокационными считались объяснения причин сокращения объемов выпечки хлеба. По словам местного руководства это происходило вследствие того, что ЦК ВКП(б) и СНК СССР не оказывали достаточной помощи республикам и областям в этот неурожайный год. Брели на заметку и разговоры среди населения о безрезультатности борьбы партии с вредителями. В НКВД фиксировались мнения отдельных людей о том, что до развертывания кампании борьбы с правотроцкистскими вредителями положение в стране было лучше.

Однако, главные обвинения во вредительстве, которое якобы существовало в производстве товаров народного потребления и негативно влияло на состояние социальной сферы, обрушились на ответствующих наркомов. Нарком здравоохранения Каминский был

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4406. Т. 4. Л. 15.

² Там же. АСД Р-2303. Т. 1. Л. 239.

обвинен во вредительство, поскольку не хватало мест в родильных домах. В первом квартале 1937 года роженицы в больницах лежали на столах, в коридорах, поскольку отсутствовали места; не хватало и мест в детских яслях. Конечно, проблема не была решена, но в течение 1937 года по сравнению с 1936 годом в несколько раз увеличился ввод детских ясель и роддомов. В 1936 году было построено 136 ясель на 6514 коек, а в 1937 году — 684 на 44084 коек. Роддомов же в 1936 году было введено в строй 45 на 451 койку, а в 1937 — 227 роддомов на 3574 коек.

Недостаточное количество и слабое финансирование противоэпидемических мероприятий и служб санитарного надзора были причиной того, что в 1936 году в Смоленской, Брянской и Калининской областях наблюдались вспышки заболеваний сыпным тифом; в южных районах России и на Украине в районах строительства гидроэлектростанций вспыхивали эпидемии малярии. Отсутствие должного санитарного надзора приводило к массовым желудочно-кишечным заболеваниям¹.

За дефицит товаров народного потребления несли ответственность наркомы пищевой и легкой промышленности РСФСР Уханов и Лобов. Их обвиняли и в перебоях в поставках сырья для текстильной и кожевенной промышленности, хотя официально нарком заявлял о несогласованности прядильных и ткацких производств, об отсутствии соответствующих мощностей и невозможности в силу этого переработать, например, в 1937 году поступивший из республик Средней Азии хлопок. После ареста Уханова во вредительстве был обвинен и секретарь обкома ВКП(б) города Иваново, центра текстильной промышленности СССР, а также ряд директоров фабрик.

Нарком коммунального хозяйства Комаров должен был ответить за десятки миллионов рублей, истраченных на благоустройство городов, но в итоге не изменивших их серый облик. В качестве примера приводилось строительство набережной в Сталинграде на берегу Волги, куда были вложены огромные деньги и которые могли пойти на постройку объектов социальной сферы — бань, прачечных, жилых домов. Бани упоминались и в протоколах допроса Бенека, наркома Белорусской ССР, причем было особо подчеркнуто, что бани имеют «стратегическое значение для обороны СССР». Что касается сталинградской набережной, следует подчеркнуть, что ответственность за огромные траты была возложена на первого секретаря Сталинградского обкома Варейкиса и председателя Сталинградского облисполкома Кузнецова.

В то же самое время обеспечение населения товарами народного потребления и продуктами питания не являлись для советского ру-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-1362. Л. 42–43.

ководства первоочередной задачей. Основные капиталовложения направлялись в первую очередь на строительство объектов промышленного производства с целью укрепления оборонного потенциала страны. Легкая и пищевая промышленность, строительство жилья, учреждений социально-культурного назначения – все это находилось на втором плане и ни в количественном, ни в качественном отношении не соответствовало потребностям населения. Социальная сфера не так жестко контролировалась правительством. «Вредительство» в данной области являлось как бы дополнительным элементом, придатком к грандиозному «вредительству» в отраслях тяжелой и оборонной промышленности. Недостатки в социальной сфере всегда увязывались с проблемой их влияния на решение главного и основного вопроса о создании мощного индустриального государства. Эту характерную особенность развития советского общества, связанную с незначительным вниманием к социальным проблемам, активно использовали эмигрантские организации и иностранные спецслужбы для дестабилизации внутривнутриполитического развития СССР¹.

Главное же внимание Сталин уделял отраслям промышленности, определявшим оборонную мощь СССР. Форсированные темпы создания промышленной базы приводили к тому, что огромные средства не могли быть использованы в срок. По данным заместителя Председателя СНК СССР председателя Госплана СССР В. И. Межлаука, в 1936 году не были освоены 2,5 миллиарда рублей капитальных вложений, а в 1937 году уже более 4,5 миллиардов².

Сталин внимательно изучал положение дел в оборонной, металлургической, нефтяной и энергетической отраслях промышленности. Хроническое невыполнение плановых показателей самым непосредственным образом сказывалось на кадрах. В личном архиве Сталина хранились сотни протоколов допросов, на основании которых он принимал решения как об изменениях в составе руководящих кадров, так и о мерах по ликвидации прорывов в различных отраслях промышленности. В июле 1937 года он ознакомился с показаниями управляющего трестом «Трубосталь» Я. П. Иванченко, который признавал, что трест не поставлял так необходимой стране стали – ни требуемого количества, ни качества. Сталин отметил в тексте фамилии директоров металлургических заводов, которые якобы специально занижали планы. Главным организатором вредительской работы на металлургических предприятиях был назначен уже арестованный заместитель начальника Главного управления металлургической промышленности Г. В. Каннер.

Недостатки в металлургической промышленности косвенным образом свидетельствовали о просчетах в работе первого заместителя

---

¹ См. док. № 20 Приложения.

² ЦА ФСБ. АСД Р-4574. Т. 1. Л. 53.

наркома тяжелой промышленности А. И. Давыдовича. В начале августа Сталин направил ему записку: «Тов. Давыдовичи. Знакомы ли Вы с показанием Иванченко насчет «художества» сморчка Каннера, и что Вы могли бы сказать на этот счет?»¹. Замнаркома тут же написал обстоятельный доклад, в котором обосновал объективные причины невыполнения планов металлургии, подчеркнув, что положение не будет исправлено и в 1938 году. По его прогнозам дефицит чугуна будет составлять более 2 млн. тонн.

Протокол допроса Иванченко был составлен в Свердловске под контролем печально известного комиссара госбезопасности 3 ранга Дмитриева, который уже «прогремел» на весь Советский Союз арестом члена ЦК ВКП(б) И. Д. Кабакова, первого секретаря Свердловского обкома. Разоблачение вредительской организации в металлургической промышленности позволило бы Дмитриеву вновь выйти на аресты руководителей всесоюзного масштаба. В показаниях Иванченко были упомянуты директора многих металлургических заводов СССР, начальники главных управлений НКТП. О том, что эта акция была согласована с руководством НКВД свидетельствовала записка, которую Ежов в том же августе 1937 года направил Сталину. Ежов сообщал, что на его имя поступило письмо от кандидатов и членов ВКП(б) отдела сбыта металла ГУМПа о вредительстве в деле распределения и снабжения народного хозяйства черными металлами. Свое письмо-донос отправители адресовали только секретарю ЦК ВКП(б) Ежову и председателю Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б). Начиналось письмо информацией о вредительстве в черной металлургии, об «абсолютном равнодушии» к этому наркома тяжелой промышленности В. И. Межлаука и Председателя Госплана СССР Г. И. Смирнова. Сталин придавал письму-доносу важное значение. «Прилагаемая коллективная записка, — обращался он к членам Политбюро ЦК ВКП(б), — о неполадках в Металлосбыте заслуживает особого внимания. Записку придется обсудить»².

В письме, по сути, правильно излагались факты о слабых местах в производстве и сбыте продукции металлургической промышленности. Дело доходило до того, что распределялся металл, который еще не выпускался. Так, для Запорожстали был запланирован выпуск металла с листового стана, который еще не был даже смонтирован.

10 октября Председатель Госплана Смирнов в докладной записке Сталину, Молотову и Кагановичу обрисовал переживаемые отраслью в 1937 году трудности: сорваны задания по выпуску дефицитных сортов стали; так называемые мелкосортные станы должны выйти на проектную мощность только в 1939 году; холоднокатаный автомобильный

¹ ЛП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 317. Л. 15.

² Там же. Оп. 58. Д. 400. Л. 74.

лист, потребность в котором составляла 80 тысяч тонн в год, изготовлялся отечественной промышленностью в количестве 35 тысяч тонн, а остальной недостающий металл необходимо было закупать за границей. Проволочный стан, закупленный за рубежом для Макеевского металлургического завода, должен был быть смонтирован в четвертом квартале 1937 года, но степень его готовности на 11 октября 1937 года составляла только 1,5 %. На другом заводе в Макеевке прокатный стан, также закупленный по импорту, лежал мертвым грузом с 1931 года. Низколегированных сталей, потребность в которых исчислялась в 240 тысяч тонн, было произведено за полугодие 1937 года всего 15 тысяч тонн. Магнитогорский металлургический комбинат, по мнению Смирнова, и в 1938 году не сможет выйти на проектную мощность, которая должна была составить 2,5 млн. тонн стали в год. Из пяти новых доменных печей, планировавшихся к пуску в 1937 году, была сдана всего одна, а готовность остальных составляла от 38 до 50%. Хотя записка Председателя Госплана и носила название «О ликвидации последствий вредительства в черной металлургии», в ней была представлена реальная картина, сложившаяся в металлургической промышленности, и Смирнов вносил свои предложения по исправлению ситуации. Ни слова о конкретных вредителях в ней не было¹.

Завенягин остался на своем посту заместителя наркома тяжелой промышленности. До 1937 года он являлся директором Магнитогорского металлургического комбината. Но после ареста 1 декабря 1937 года наркома В. И. Межлаука, который расплачивался за плачевное состояние отрасли, на Завенягина обрушились новые обвинения уже политического характера. Его обвинили в том, что он якобы поставил памятник на могиле Ломинадзе, который после осуждения в 1935 году был направлен на работу в Магнитогорск, где покончил жизнь самоубийством. Предъявлены были и другие обвинения, в частности, что он окружил себя троцкистами и правыми, многие из которых были впоследствии арестованы НКВД.

Сталин 3 декабря потребовал от Завенягина письменных объяснений фактов, содержащихся в обвинительной записке второго секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) Л. Бермана. Замнаркома убедительно разоблачил ложь, объяснил, что по указанию Орджоникидзе он просто привел могилу в порядок и встретил родственников, приехавших на похороны. Завершение этой истории относится уже к марту 1938 года, когда Завенягин был снят с должности и назначен начальником строительства Норильского металлургического комбината. Интересно замечание Сталина, который санкционировал назначение, заметил, мол, пусть едет, а там посмотрим².

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 400. Л. 99–112.

² Там же. Оп. 24. Д. 328. 54–58.

Яркое представление о причинах арестов директоров оборонных заводов и конструкторов дает представленный Н. В. Куйбышевым анализ состояния оборонных отраслей промышленности. На момент ареста в январе 1938 года он являлся командующим Закавказским военным округом. До этого назначения в июне 1937 года Н. В. Куйбышев, брат В. В. Куйбышева, был членом Комиссии партийного контроля и руководителем группы КПК по военно-морским делам. Основанием для его ареста послужило заявление двух ответственных контролеров КПК о тесных связях Куйбышева с арестованными участниками военно-фашистского заговора — директорами заводов, с которыми он участвовал в совместных коллективных обедах и ужинах в ходе приемки военной продукции¹. Немаловажное значение имел и тот факт, что Куйбышев закончил то же самое Александровское военное училище, что и Тухачевский, с которым в 1912–1914 годах они учились на одном курсе, и одновременно закончили в чине подпоручиков.

«Вредительство» в оборонной промышленности фигурировало в качестве главного обвинения в отношении Куйбышева. Говоря о проблемах развития оборонных отраслей, Куйбышев отмечал объективные трудности, в частности, противоречие между интересами наркомата обороны и производителями военной продукции. Военное ведомство требовало низких цен, широкой номенклатуры изделий и как можно сжатых сроков выпуска продукции. А военные заводы были заинтересованы в удорожании продукции, сокращении ассортимента и в более длительных сроках изготовления. На конкретных примерах Куйбышев доказывал, что имеет место не вредительство, а несогласованность действий различных ведомств. Так, Рыбинский моторостроительный завод должен был производить новые моторы М-100, но автобронетанковое управление заказало 1000 моторов М-26 устаревшей конструкции для танков. По поручению правительства Куйбышев изучил вопрос. По его мнению, заказ мог быть меньше, поскольку АБТУ взял цифру «с потолка», но необходимость выполнения заказа он подтвердил. Трудным был вопрос о ремонтной базе танков, заказы не выполнялись вследствие того, что АБТУ заказывало почти все комплектующие танка без учета степени изношенности различных деталей. В результате, например, был создан десятилетний запас танковых траков, при дефиците других деталей.

Среди так называемых «вредительских» акций Куйбышев упоминал о срыве производства нового типа танкового двигателя на Харьковском паровозном заводе, о чем было доложено правительству, как о завершенном проекте. Одна из причин срыва сроков состояла в том, что опытный состав конструкторов был раздерган для укомплектования других заводов, производящих танки.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23448. Л. 78.

Наиболее тщательно Сталин отслеживал состояние производства важнейших видов военной продукции и этой отрасли уделял постоянное внимание.

Нарком оборонной промышленности М. Л. Рухимович был обвинен в принадлежности к так называемой контрреволюционной террористической организации правых, ее «запасному» центру. Ему приписывалось вредительство в области сельского хозяйства, в угольной, нефтяной, оборонной отраслях промышленности.

Рухимович был одним из немногих советских руководителей, который, исходя из интересов развития своего ведомства, часто не давал санкций на аресты специалистов. Еще до начала массовых репрессий весной 1937 года Ежов в спецсообщении на имя Сталина отмечал, что на Тульском патронном заводе выявлена троцкистская группа. Конкретно речь шла о начальнике строительства патронно-гильзового завода. Но, сетовал Ежов, нарком оборонной промышленности «тов. Рухимович согласия на арест Саханицкого К. М. не дает»¹.

Объективные и субъективные трудности промышленного развития СССР Сталин пытался преодолевать путем своеобразного решения кадрового вопроса — арестами руководства отраслей. 3 октября 1937 года начальник контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР А. М. Минаев представил наркому Ежову справку о том, что по делу контрреволюционной организации правых и троцкистов в наркомате тяжелой промышленности проходит как один из ее руководителей, бывший замнаркома, а ныне нарком оборонной промышленности М. Л. Рухимович. Сам Ежов в то же самое время направил Сталину протоколы допросов бывшего замнаркома НКПС П. Б. Билика, и бывшего заместителя начальника Главугля С. Г. Журавлева от 17 сентября, которые Сталин после прочтения передал Рухимовичу. Арестованные дали показания о вредительской деятельности наркома на должностях занимаемых им с 1930 года. 5 октября Сталин направил наркому оборонной промышленности записку: «Т. Рухимович. В дополнение полученных Вами показаний, посылается Вам протокол показаний Баринаова. И. Сталин». М. В. Баринов, бывший начальник Главнефти, также дал показания о «вредительской» деятельности Рухимовича в бытность того заместителем НКТП по топливу. В протоколе допроса содержались факты о пожарах на нефтяных промыслах и заводах, которые якобы были осуществлены организацией правых. Рухимович, пытаясь отвести от себя удар, 8 октября написал Сталину обстоятельное и подробное письмо, в котором отметил все обвинения в свой адрес, показывал на конкретных примерах свой вклад в развитие угольной и оборонной отраслей промышленности и выражал надежду,

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 90. Л. 295–296.

что «ЦК поможет выйти из заколдованного круга» лживых обвинений¹. 18 октября 1937 года он был арестован.

В материалах уголовного дела Рухимовича содержатся данные многочисленных экспертиз, в которых убедительно опровергаются все вымышленные обвинения. Одновременно приводятся показания сотрудника НКВД, который во время допроса, проводимого П. Я. Мешиком, зашел в кабинет следователя и стал свидетелем избиения Рухимовича.

После изучения показаний участника «антисоветской троцкистско-диверсионной организации» директора Шостенского порохового завода М. Г. Нефедова от 26 августа 1937 года, Сталин дал указание об арестах более 30 человек. Он отметил и начальников производств, заводской ТЭЦ, главного инженера и других руководителей. В вину директору ставилось затягивание на 1,5 года ввода завода, незавершенное строительство, диспропорции в развитии отдельных цехов. «Для большей убедительности «вредительской» деятельности Нефедову припомнили его членство в меньшевистской партии, связь с Углановым в период работы с 1926 года в Московском городском совете профсоюзов. Планы «вредительской» деятельности он согласовывал с репрессированным Ратайчаком и арестованным бывшим начальником Всесоюзного порохового треста, заместителем начальника Мобилизационного управления НКОП Д. Я. Коттом. На полях протокола допроса Сталин сделал пометку: «Ар»[естовать]». Может быть, Сталин страдал забывчивостью, но такую же пометку он поставил и напротив фамилии Н. А. Ефимова, начальника Артиллерийского управления НКО, арестованного еще в мае 1937 года. В этот же день он проявил внимание и к состоянию дел на заводах по производству синтетического каучука. Директор Ярославского резинового комбината Л. Т. Стриж, арестованный по показаниям начальника Главного управления льняной промышленности В. Н. Хромина, на допросе признал, что главной задачей «заговорщиков» была компрометация политики Сталина перед населением СССР

Аналогичным было положение руководителей и в других областях тяжелой и оборонной промышленности. Практически сразу после арестов наркомов и начальников главных управлений появились факты, компрометирующие большинство других руководителей. Арестованный в июне 1937 года заместитель начальника Главалюминия НКТП В. С. Татаринский указал на десять директоров заводов алюминиевой промышленности как на участников «вредительской» организации. В сопроводительной записке к протоколу его допроса Ежов поставил вопрос об аресте и начальника Главалюминия Н. С. Харитоненко, который вскоре также был арестован.

Некоторые директора заводов под маховик репрессий попали позднее. Одним из основных производителей алюминия являлся Днепропе-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 323. Л. 98, 104, 176.

тровский завод, дававший около 70 % производимого в стране, являясь поставщиком для подавляющего большинства заводов авиационной промышленности. Директор Днепропетровского завода П. И. Мирошников сумел доказать, что руководство делало все возможное для обеспечения бесперебойной работы предприятия. Дирекция завода сумела приблизить вспомогательные производства к основному, исключив несвоевременный подвоз необходимых компонентов для производства алюминия. А невыполнение плана 1937 года было связано с объективными трудностями, от завода не зависящими: Днепрогэс из-за засушливого года не сумел полностью наполнить водохранилище и выдавал электроэнергию только на 70 %.

16 января 1938 года Каганович направил Ежову записку, в которой давал характеристику Мирошникову. «В свое время, — писал Каганович, — в протоколах допросов врагов народа как на участника контрреволюционной организации указывалось на П. И. Мирошникова, бывшего начальника Главалюминия НКТП, однако эти указания в то время не были достаточными для того, чтобы с ними можно было согласиться. В настоящий момент краткая работа Мирошникова П. И. в качестве начальника Главалюминия убедила нас в том, что показания эти были правильны: как начальник главка он работал безобразно и недобросовестно, решения партии и правительства, касающиеся алюминиевой промышленности, срывал. Сейчас Мирошников П. И. снят с поста начальника Главалюминия. Считаю, что его можно и нужно арестовать»¹.

В ноябре 1937 года Сталин выступил в качестве третейского судьи в спорах между разработчиками и производителями новейших образцов авиационной техники. Ему были предоставлены аналитические записки о состоянии разработок и внедрения истребителей в промышленное серийное производство. Необходимо отметить, что руководство научно-исследовательских институтов ВВС сообщало, что заводы-изготовители игнорируют их указания относительно производства и испытания новейших типов истребителей. В то же время руководители заводов жаловались на конструктивные недоработки, которые приводили к тому, что ВВС Красной Армии получали несовершенные машины. Высокую аварийность в авиационных частях директора заводов объясняли также и низкой квалификацией летчиков. В ноябре 1937 года Сталин ознакомился с объяснениями по поводу срыва подготовки выпуска новых истребителей, полученными от начальника НИИ ВВС комдива Б. И. Базенкова, начальника управления материально-технического снабжения ВВС комдива Н. Н. Бажанова и директора авиазавода № 21 Е. И. Мирошникова. Фактически это были споры между двумя ведомствами, представители которых пытались снять с себя ответственность за срыв плановых заданий.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р — 375. Т. 1. Л. 1.

На партийном собрании в НИИ ВВС даже была принята резолюция о важности деятельности НКВД по разоблачению вредителей, срывающих выпуск истребителей¹. Изучив все материалы, Сталин принял решение в пользу руководителя авиационного завода Мирошникова. До конца ноября были арестованы Базенков, Бажанов и вместе с ними командарм 2 ранга, заместитель наркома обороны начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис.

Однако то, что Сталин встал на сторону директора авиационного завода в городе Горьком, еще не означало получение тем индульгенции от репрессивных мер со стороны НКВД. Компрометирующие материалы на Мирошникова накапливались в течение 1937 года. 13 августа 1937 года Сталин получил спецсообщение НКВД о срыве поставок для ВВС самолетов И-16. В отличие от других спецсообщений, на это Сталин отреагировал немедленно. Уже 14 августа он потребовал от Мирошникова: «Дайте письменное объяснение»². Так у Сталина накапливались негативные материалы о работе директоров заводов. В январе 1938 года Ежов санкционировал арест его брата — заместителя наркома финансов СССР И. И. Мирошникова, компрометирующие показания на него дал М. И. Калманович, нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР. Выдавая санкцию на арест Мирошникова, Ежов указывал: «Арестовать вместе с братом (директор 21-го завода), когда последнему будет замена новым. Написать о замене на Кагановича М. М.»³.

Аресты большого количества специалистов в различных сферах народного хозяйства обусловили формирование так называемого особого технического бюро, где репрессированные конструкторы, инженеры и ученые продолжали свою работу. Сложившаяся с конца 1920-х годов практика продолжала использоваться и в эти годы. Сталин регулярно получал направляемые ему из НКВД аналитические записки о перспективах развития различных отраслей народного хозяйства, по военным вопросам и другим проблемам. Однако трудно понять, чем руководствовался диктатор, когда решал судьбы людей. Может быть, тем, что по положению об особом техническом бюро были созданы группы по специальностям: броневых сталей, артиллерии и боеприпасов, отравляющих веществ и противохимической защиты.

Важно отметить и такую черту личности Сталина, как четкий прагматизм, внимание прежде всего к проблемам экономики в целом, а не к конкретным личностям. Его интересовало, как выполняются конкретные плановые задания в различных отраслях народного хозяйства и лишь затем руководители, поставленные во главе того или иного ведомства.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 327. Л. 17.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 95.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-4316. Л. 1.

Личность представляла для него интерес только с точки зрения решения конкретных задач. Поэтому нет ничего удивительного в записке, которую начальник секретариата НКВД СССР И. И. Шапиро 5 сентября 1937 года адресовал секретарю Сталина Поскребышеву: «Согласно Вашего требования [так в тексте – *авт.*] направляю восемь протоколов допросов по нефти»¹. Сталина волновали проблемы развития нефтяной промышленности, а второстепенное значение имели судьбы конкретных руководителей. Получив спецсообщение Ежова с протоколами допросов начальника Главэнерго НКТП К. П. Левина и его заместителя И. С. Игната, Сталин адресовал их Л. Кагановичу с просьбой ознакомиться. Нарком тяжелой промышленности, зная характер своего «хозяина», реагировал в полном соответствии с установками вождя: «Ознакомился и учел для практической работы по оздоровлению Главэнерго»².

Было бы неправильным утверждать, что показания конкретного партийного руководителя свидетельствовали только о его критическом отношении к курсу внутренней и внешней политики, личности И. Сталина. Высший руководящий состав страны был для органов государственной безопасности широким полем для развертывания репрессий по различным направлениям – в полном соответствии с теми задачами, которые решали партийные органы. Например, секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумов, арестованный 1 июня 1937 года, только 28 июня написал заявление о своем участии в контрреволюционной антисоветской организации, а 28 июля дал развернутые показания. Следователи НКВД считали его связанным с арестованным председателем СНК РСФСР Сулимовым, который критиковал курс Сталина, обвиняя его в том, что форсированная индустриализация привела к построению предприятий-гигантов, не дающих и половины продукции от их планируемой мощности. Разумова обвинили в создании совместно с секретарем обкома Бурят-Монгольской АССР Ербановым «контрреволюционной националистической» организации, члены которой якобы поддерживали связи с националистическими элементами в Монголии и японским генеральным штабом.

Следователи всегда находили нужные «доказательства» для того, чтобы разоблачить «шпионско-вредительскую» деятельность, поскольку критика внутренней и внешней политики руководства страны приравнивалась к антисоветской агитации и пропаганде.

По заданию японцев Разумов якобы развернул «диверсионную» деятельность на Восточно-Сибирской железной дороге и готовил крушение поездов на время приезда Кагановича, создавал «диверсионные» группы на авиационном заводе в Иркутске и ряде других оборонных заводов.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 320. Л. 64.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 320. Л. 26–27.

Сталин жестко преследовал высший руководящий состав, обвиняя в отсутствии бдительности и связи с врагами народа. В июле 1936 года бывший председатель СНК нарком связи СССР А. И. Рыков совершил поездку в Дальневосточный край, где посетил ряд оборонных заводов и военных объектов. По возвращении в ДВК после окончания июньского 1937 года пленума ЦК ВКП(б) Варейкис, побывавший на приеме у Сталина 1 июля, направил генсеку телеграмму, в которой сообщал, что основными организаторами встреч Рыкова в ходе поездки последнего на Дальний Восток были уже арестованные бывший секретарь Дальневосточного крайкома Лаврентьев (Картвелишвили), начальник ПУ ОКДВА Аронштам и председатель крайисполкома Крутов. Именно они устроили торжественные встречи в ходе «шпионской поездки Рыкова и его своры». В результате председатель Приморского облисполкома Петров был исключен из партии. Выговоры были объявлены директору авиационного завода И. М. Жданову, секретарям обкомов: Нижне-Амурского – И. А. Васильеву, Зейского – Чепелю. Уссурийского – Овчинникову, а также председателю облисполкома Уссурийской области А. В. Гриневичу¹.

Поскольку данный регион имел стратегическое значение, Сталин внимательно отслеживал большинство спецсообщений, которые направлял ему Ежов и давал конкретные указания. Прозвучавшие в сообщении фамилии Гриневича и заместителя председателя Дальневосточного крайисполкома комдива Н. Н. Патрикеева, запомнились Сталину. Поэтому после получения очередной шифротелеграммы от начальника УНКВД ДВК Люшкова о показаниях, даваемых «заговорщиками» в Дальневосточном крае, он 5 сентября 1937 года лично обратился к Люшкову: «Проверьте Патрикеева и Гриневича по ДВК. Возможно, что они причастны к делам заговорщиков. Результаты проверки сообщите т. Ежову. Секретарь ЦК Сталин». 9 сентября Люшков докладывал, что, действительно, и Патрикеев, и Гриневич оказались «заговорщиками» и уже дали показания о своей вредительской деятельности и участии в правотроцкистской организации².

Наиболее жестким репрессиям подвергся в этот период наркомат путей сообщения. В августе 1937 года Каганович рапортовал Сталину о практических мероприятиях, которые были осуществлены на железных дорогах страны для искоренения «вредительства». Уже к середине августа из выделенных 129 важнейших железнодорожных узлов оборонного и общехозяйственного значения было проверено совместно с органами НКВД более 50. В ходе проверок с железнодорожных узлов удалялись «неблагонадежные элементы». Чистка затронула и руководящие кадры центрального аппарата НКПС. Из 268 человек руководителей и служащих к середине августа был уволено 71 чело-

---

¹ АП РФ Ф. 3. Оп.24, Д. 317. Л. 5.

² Там же. Д. 320. Л. 63.

век, из них 10 человек были арестованы. По линии Наркомата путей сообщения готовились приказы, в которых отражалась установка на жесткие карательные меры. В течение августа были приняты приказы «О проверке мобилизационной готовности дорог». В кратчайшие сроки было проверено состояние Западной, Дальневосточной, Восточно-Сибирской, Юго-Западной и Одесской железных дорог. Наркомат путей сообщения постоянно лихорадило от арестов. Такое пристальное внимание к железнодорожному ведомству в значительной степени объясняется тем, что для СССР с его огромными пространствами железнодорожный транспорт имел стратегическое значение. В системе Главного управления государственной безопасности существовали Дорожно-транспортные отделы (ДТО), которые имели разветвленную сеть дорожно-транспортных пунктов на всех железных дорогах. Как правило, в ходе разоблачения в республиках и областях СССР «правотроцкистских антисоветских организаций», членами таких организаций обязательно оказывались начальники соответствующих железных дорог, вагоноремонтных заводов и депо.

Аресты руководителей железнодорожного транспорта в регионах следовали за арестами номенклатурных работников. После ареста бывшего первого секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б) Л. И. Лаврентьева (Картвелишвили) также был арестован начальник Дальневосточной дороги.

В Сталинградской области в сентябре 1937 года как член правотроцкистской организации был «разоблачен» начальник дороги И. И. Гродис, который якобы сознательно срывал планы грузоперевозок. Подобная ситуация складывалась в большинстве регионов.

В конце 1937 – начале 1938 года тяжелое положение на железных дорогах страны стало причиной череды арестов в политуправлении НКПС и политотделах дорог. Было арестовано более 40 человек. Ряд арестованных, включая заместителя наркома путей сообщения А. С. Россова, А. М. Постникова, дали показания на бывшего начальника политуправления НКПС Н. Н. Зимины, к этому времени – первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б). Он был арестован 11 февраля 1938 года как участник «вредительской» организации на транспорте. Часто партийные руководители, арестованные по одному делу, в итоге оказывались обвиненными в другом, что было связано с проведением очередной политической кампании. Так произошло и с Зиминым.

В конце февраля 1938 года пленум ЦК ВКП(б) (опросом членов ЦК) обсуждал вопрос о первом секретаре Куйбышевского обкома ВКП(б) П. П. Постышеве. Стремясь оправдаться перед Сталиным за пассивность в борьбе с троцкистами и правыми в киевской городской и областной организациях, Постышев провел массовые исключения из партии, аресты, снятие с работы партработников в области. Это привело к расформированию 35 из 65 районных комитетов партии. Усилиями Постышева в

течение последних пяти месяцев 1937 года в Куйбышевской области из партии было исключено 3 тысячи 300 коммунистов, больше, чем в других регионах страны. За этот же срок всего по СССР было исключено чуть более 76 тысяч коммунистов¹.

После январского 1938 года пленума ЦК ВКП(б) Сталин вновь решил призвать первых секретарей к ослаблению карательных мер против коммунистов. В результате общее количество исключенных из партии в период массовых репрессий за пять месяцев 1938 года сократилось более чем в два раза².

Направляя репрессивный аппарат против руководящих кадров страны Сталин не всегда сразу давал санкцию на арест; он занимал выжидательную позицию, оценивая человека. Так в отношении Постышева Сталин, очевидно, учитывал его прошлые заслуги и решил присмотреться к нему более внимательно. Неоднократные визиты Постышева к Сталину в Кремль в период с 10 по 14 января 1937 года сыграли свою роль в его судьбе, и он не был арестован в тот период³.

Вполне возможно, что в ходе таких бесед Сталин мог задать прямой вопрос о честности коммуниста перед партией и на основании его ответа принять решение о дальнейшей судьбе человека. Об этом свидетельствовал нарком военно-морского флота бывший заместитель Ежова Фриновский. 13 марта 1939 года он отправил на имя Сталина письмо, в котором вспоминал о беседе в кабинете Молотова в январе 1938 года. В присутствии Кагановича и Микояна Сталин задал ему вопрос о том, что честен он или нет перед партией. Далее Сталин добавил, что ряд арестованных дали на него показания о его дружбе с арестованным Евдокимовым. После заявления Фриновского, отрицавшего какие-либо преступные связи с Евдокимовым, последовал новый вопрос Сталина: «Не подведете, значит?». На что Фриновский твердо ответил: «Нет». Такие диалоги в форме допроса свидетельствовали о подозрительности Сталина в общении с руководителями различных ведомств⁴.

Возвращаясь к факту повальных арестов руководящих партийных и советских работников в Киевской партийной организации, обвиненных в правотроцкистских уклонах, которые скомпрометировали Постышева в глазах Сталина, следует отметить, что данные материалы не оставались неизвестными для наркома внутренних дел. В январе-феврале 1938 года Постышев вновь оказался под ударом. Для того чтобы получить компрометирующие материалы на наркома, был арестован его помощник Пашковский. Представляя Сталину протокол допроса последнего, Ежов осо-

---

¹ РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–39.

² Там же. Л. 68–74.

³ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953гг.) Справочник. Научный редактор А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 198–199.

⁴ ЦА ФСБ. АСД Н-15301. Т. 1. С. 48

бо отмечал, что это бывший царский офицер царской армии¹. Это был отработанный прием органов госбезопасности, когда для получения нужных «доказательств» арестовывали человека из окружения видного партийного, советского, хозяйственного руководителя. Важно, что санкция на арест помощника Постышева была получена от секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева во время последнего пребывания в Иваново. Об этом рассказал начальник УНКВД Ивановской области В. П. Журавлев в своем письме, которое обсуждалось членами Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1938 года. Такая мера не могла быть не согласована со Сталиным.

Позднее Постышев признал и свое членство в «правотроцкистской контрреволюционной» организации, и все другие обвинения. Работник Секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности К. И. Церпенто, который участвовал в следствии по делу Постышева, отмечал, что протоколы его допросов были составлены сотрудниками НКВД, Постышеву оставалось только их подписать, и затем они были направлены в ЦК ВКП(б). В связи с этим делом резко менялось содержание обвинений в отношении находившихся под следствием партийных руководителей.

Так, упоминавшийся выше Зимин, который первоначально был арестован как член антисоветской группы в политуправлении НКПС, признал, что он допустил неправильный подход при восстановлении в партии необоснованно исключенных. Ему вменялось в вину, что он установил порядок, когда в первую очередь восстанавливали в партии исключенных в 1935–1936 годах, а не исключенных в 1937 году, в чем обвинялся также и Постышев.

Завершающим звеном в цепи показательных репрессий в отношении партийно-советской номенклатуры стал процесс по делу так называемого правотроцкистского блока. Вопрос об организации процесса первоначально не ставился. Например, нарком иностранных дел М. М. Литвинов после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в ответ на запросы полпредов СССР за рубежом советовал отвечать иностранным представителям, что никакого судебного процесса над Бухариным не будет.

До лета 1937 года Ежов регулярно направлял протоколы допросов, заявления Бухарина и Рыкова Сталину. После июньского 1937 года пленума ЦК ВКП(б) в личном архиве Сталина не отложились материалы по предстоявшему в марте 1938 года процессу. Скорее всего, подготовка к нему была целиком возложена на Ежова и Вышинского. К этому времени были получены основные показания, и задача сотрудников органов госбезопасности заключалась лишь в тщательной отработке сценария.

Сталин внес незначительные поправки в проект обвинительного заключения, представленный ему накануне процесса. Конкретно он изменил на более раннюю дату начало «шпионской» деятельности Кре-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 334. Л. 197; Д. 335 Л. 70.

стинского, указал на неточность формулировки обвинений в отношении Чернова как германского шпиона и его контактов с одним из лидеров меньшевистского движения в эмиграции Ф. Даном, который «связывался» с германской разведкой.

Накануне процесса происходила подготовка основных обвиняемых. Нарком НКВД Ежов встречался с Бухариным и использовал различные приемы для его обработки. В январе 1938 года он убеждал Бухарина, что на первой сессии Верховного совета СССР будет принято специальное решение о 25 годах заключения для основных фигурантов. После допроса 1 марта 1938 года Бухарин был обеспокоен изменением позиции Ежова, который в январе высказался определенно о смягчении приговора, а 1 марта изложил только свое мнение.

Во время суда Сталин получал ежедневные сообщения о реакции различных слоев населения, представителей дипломатического корпуса. Следует отметить, что в ходе этого судебного процесса НКВД резко изменил тактику информирования Сталина о ходе судилища. В отличие от своего отношения к предшествующим судебным процессам августа 1936 и января 1937 года, в этот раз складывалось впечатление, что Сталина в большей степени волновали не вопросы, связанные с поведением подсудимых, обвинениями на процессе, а реакция на него населения страны и мировой общественности. Ежов каждый день направлял Сталину подробные сообщения об отношении к процессу различных категорий населения. В этих донесениях достаточно объективно передавалось настроение рабочих, служащих, научно-технической интеллигенции, представителей культуры и искусства, работников дипкорпуса. На фоне многочисленных спецсообщений, которые получал Сталин, резко выделялась информация наркома внутренних дел Украины А. И. Успенского. Один из главных сценаристов январского 1937 года процесса о так называемом параллельном троцкистском центре он давал сугубо одностороннюю информацию о якобы всеобщем одобрении населением расправы с «троцкистско-бухаринскими шпионами и вредителями». Однако в аналитических записках из НКВД Белоруссии (Б. М. Берман), УНКВД по Ленинграду и области (М. И. Литвин) содержались более объективные оценки реакции населения на этот и другие политические судебные процессы.

Объективность мартовских 1938 года сообщений определялась значительной полярностью приводимых высказываний. В некоторых случаях преобладали негативные оценки.

Рабочие и служащие говорили о необходимости повысить производительность труда, чтобы ликвидировать последствия действий «вредителей». Комбайнер Верхне-Днепровской МТС УССР на собрании заявил: «Они хотели нашей смерти, но просчитались, на это я отвечу ударной работой и лучшими показателями»¹. Рабочие завода № 73 города Стали-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 176.

но и колхозники решили «просить правительство выпустить новый заем обороны, чтобы эти средства пустить на устранение вредительства»¹.

Требования смертной казни для обвиняемых сопровождалось многочисленными выпадами против Троцкого, который, по мнению трудящихся, тоже должен был быть привлечен к суду. Звучали и варварские призывы отрубить руки и головы всем оппозиционерам. В спецсообщениях цитировались высказывания о необходимости уничтожить Троцкого, который в это время находился в Мексике. По всей видимости, наиболее близкие к наркому НКВД руководители местных органов Успенский, Литвин, Дмитриев, уже знали о том, что Иностраный отдел ГУГБ НКВД СССР вел активную работу по подготовке ликвидации Троцкого, которая проводилась по указанию Сталина.

Богатая палитра негативных высказываний о процессе дает самое всестороннее и полное представление о замыслах организатора процесса — Сталина. Например, нарком НКВД Белоруссии Б. Берман в качестве примера оценки процесса привел два положительных и восемь отрицательных суждений. Аналогичные сообщения присылали начальники других управлений НКВД. Эти суждения отражали реальное отношение значительной части населения к политике советского государства. Критическое отношение к политике, проводимой в сельском хозяйстве, выражалось в том, что Бухарин представал в качестве борца за интересы крестьянства. «Опять расстреливают хороших людей, за то, что им не нравятся советские порядки. Эти люди были действительными защитниками крестьян. Все равно придет время, и все колхозы будут уничтожены»².

Старший техник Покровский утверждал: «Процесс инсценирован, чтобы избавиться от лиц, негодных государству. Гнусное дело этот факт, но зато можно будет спрятаться за это дело и говорить, что вот до чего вредили, что и Москва осталась без продуктов. Ну, ладно, будем закусывать процессом»³.

Среди негативных откликов на процесс часто отмечался факт недоверия к лидерам правящей партии. «Сейчас трудно сказать, кто честен, — констатировал сотрудник горпроекта Попов, — никому нельзя верить».

Наиболее резкие оценки проходившему процессу давали представители научной и творческой интеллигенции. Они говорили об абсурдности признаний обвиняемых, которые совершили революцию, длительное время возглавляли важные участки партийной, советской и хозяйственной работы и не могли быть врагами советской власти. Наиболее ярко нелепость процесса характеризовал писатель И. Эренбург. Он заметил, что нельзя нормально воспринимать сообщение, которое

---

¹ ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 5. Д. 42. Л. 29–33.

² Там же. Д.40. Л. 347.

³ Там же. Л.128.

появилось бы, например, в английских газетах, о том, что министр внутренних дел Англии и заместитель министра иностранных дел отравили писателя Р. Киплинга.

Представители дипломатического корпуса **обращали внимание** на полное неправдоподобие обвинений, на странное **поведение обвиняемых**, которые выступают по как будто бы заранее подготовленному сценарию, с заученными, самообличающими речами. Широко **обсуждалось** поведение на процессе Крестинского, который отказался от **своих показаний**, данных в ходе предварительного следствия. Корреспондент американской газеты отмечал, что «это Крестинский сделал намеренно, он хотел дать намек (внешнему миру) иностранным государствам на загадочность получения признаний здесь. Крестинский считал, что если он заявит о своей невинности, а потом признает свою вину на следующий день, то заграничные государства подумают, что НКВД сделало с ним что-то ночью, что на следующий день он признался». Процессу дали оценку «предварительно заученной инсценировки». За рубежом состоялись и протестные акции. Так, в Польше прошла демонстрация, во время которой были выбиты стекла в советском посольстве. Цитировались и высказывания Троцкого, который в Мексике заявил, что процесс является «бредом сумасшедшего, наделенного колоссальной властью»¹.

Для некоторых советских работников правдивый анализ поведения обвиняемых оборачивался арестами. Помощник прокурора СССР Г. М. Леплевский высказал достаточно объективную оценку действий НКВД, заявив, что «не в наших интересах делать из этой постановки фарс с помещиком и гвоздями в яйцах. Нельзя раздражать Раковского и других, а то они могут начать говорить совсем другое. Не нужно быть очень умным, чтобы видеть, что этот процесс держится на волоске, все видят, что о конкретном вредительстве никто, кроме Ходжаева, не говорит. Крестинский чуть было не поднял занавес на признания. И не Вышинского заслуга, что Крестинский затем вернулся к версии предварительного следствия, а те, кто с ним беседовал между заседаниями суда». Позволивший себе усомниться в правдоподобности показаний обвиняемых, Леплевский был немедленно арестован. Сталин, прочитавший спецсообщение, подчеркнул фразу о беседовавших с Крестинским и написал на первом листе: «Молотову, Ежову. Предлагаю арестовать Леплевского (б. пом. прокурора)»².

Общая оценка процесса, даже при жестком контроле Ежова содержания спецсообщений, со стороны научно-технической, творческой интеллигенции, инженерно-технического персонала была достаточно негативной. Однако с весны 1938 в спецсообщениях НКВД с мест начинают более объективно информировать руководство страны о

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 43–61.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 338. Л. 59.

проблемах развития отдельных отраслей оборонной промышленности. Важно отметить, что гораздо меньше говорилось о фактах вредительства. Главное внимание уделялось реальному состоянию производства. 14 марта 1938 года начальник УНКВД Ленинградской области Литвин представил в центр подробный отчет о выполнении плана крупнейшим заводом оборонной промышленности «Большевик» в первые два месяца 1938 года. Сравнивая положение с производством артиллерийских систем в течение предыдущего, 1937 года, о чем в свое время было подготовлено и отправлено спецсообщение в ЦК ВКП(б), Литвин отмечал, что существенных перемен к лучшему в начале 1938 года не произошло. План 1937 года по производству новых артиллерийских систем был выполнен на 75 %. Поступившая в разработку и производство система Б-13 вместо 80 штук была изготовлена всего в количестве двух изделий. В спецсообщении отмечались также факты производства бракованной продукции, сообщалось о низком уровне планирования. Предлагались также конкретные меры по оптимизации производственного процесса и повышению ответственности руководства за выполнение планов. При этом никаких конкретных указаний на аресты руководства завода в донесении не содержалось¹.

Тем не менее, расследования «вредительской» деятельности арестованных специалистов продолжались и весной 1938 года, хотя Сталин демонстрировал склонность к некоторому ограничению репрессий. Одновременно с назначением 8 апреля на должность наркома водного транспорта Ежов был утвержден членом Военно-технического бюро Комитета обороны при СНК СССР². На одном из совещаний в присутствии Сталина он выступил с информацией о разоблачении «вредительских» организаций на авиационных заводах и в ВВС Красной Армии. Ежов процитировал показания директора завода № 21 Мирошников, который рассказывал членам организации, что Сталин требовал беречь летчиков, пусть даже гибнут самолеты. Мирошников якобы призывал уничтожать и летчиков, и машины. Сталин обратился к участникам совещания с вопросом: «Как быть с такими господами как Мирошников и его сподвижниками?» Голоса с мест: «Расстрелять! Конечно, расстрелять!»³.

Завершающий этап репрессий в отношении высшего партийно-советского руководства пришелся на весну–лето 1938 года. Эти аресты были уже отголосками массовых арестов 1937 года, новых по содержанию обвинений уже не выдвигалось. Здесь необходимо особо выделить аресты 29 апреля 1938 года наркома земледелия СССР Р. И. Эйхе

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 51–70.

² Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов... С. 387.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29. Л. 363–371.

и 4 июля — заместителя Председателя ЦК СССР В. Я. Чубаря. Для Сталина это было устранение последних членов высшего руководства страны, чьи имена фигурировали в показаниях уже арестованных и репрессированных представителей партийного, советского и хозяйственного руководства СССР. Для доказательства их вины перед партией и народом вновь использовались факты из практики их прошлой деятельности, критические высказывания в адрес Сталина и его политики. Так, Эйхе ставилось в вину негативное отношение к производству товаров народного потребления на заводах тяжелой промышленности. Вполне возможно также, что в разговорах с Рудзутаком он высказывался отрицательно об избранном Сталиным курсе на форсированное строительство гигантских предприятий тяжелой промышленности и финансировании по остаточному принципу отраслей легкой промышленности. Замечание о том, что «зажигалки, миски и ухваты начали делать на прокатных станах и блюмингах... есть наглядное подтверждение правоты Рыкова и Бухарина», являлось результатом трактовки отдельных разговоров Эйхе в интерпретации следователей НКВД. Последние придавали его словам политический характер и выдвигали обвинения в «заговорщической и вредительской» деятельности. По мнению органов госбезопасности, Эйхе вошел в «сговор» с Рухимовичем с целью вредительства в деле обеспечения населения товарами народного потребления. Рухимович якобы сорвал планы по производству ширпотреба на предприятиях «Кузбассугля». Как видно, в НКВД учли, что в течение 1931–1934 годов Рухимович был управляющим трестом «Кузбассуголь».

С Рудзутаком Эйхе обсуждал и положение в деревне. Возможно, что создание политотделов МТС они рассматривали как проявление недоверия со стороны ЦК ВКП(б) местным партийным организациям и утверждали, что «политотделы – это есть комиссары над партийной организацией», а дальнейшее упразднение политотделов МТС и совхозов в дальнейшем рассматривалось ими как результат провальной политики ЦК ВКП(б) в деревне, доказательство неэффективности упраздненных политотделов в качестве «надсмотрщиков над колхозниками».

Отмена карточной системы в обеспечении населения продуктами питания была связана с рядом трудностей. Более высокая цена на хлеб привела к определенному снижению уровня жизни рабочих. Эйхе и Рухимович полагали, что отмена карточной системы не повысила благосостояние населения. Одновременно они высказывали мнение о том, что отмена карточек негативно отразилась и на положении крестьянства, которое было недоволено тем, что закупочные цены на зерно были в 10 раз ниже, чем цена на хлеб.

Эйхе обвинялся и в срыве снабжения хлебом рабочих промышленных предприятий Кемерово в то время, когда он руководил партийной организацией Западно-Сибирского края. Тогда хлеба в магазинах хвата-

до лишь на час-полтора торговли. В вину руководителям местных партийных организаций вменялся и неурожай 1936 года.

После ареста Эйхе были получены дополнительные показания на заместителя председателя СНК СССР В. Я. Чубаря. Сталин постоянно собирал в личном архиве различные материалы, компрометирующие его ближайшее окружение. 26 мая Чубарь написал Сталину, что он ошарашен, что «слов не находил для определения своих мыслей» после разговора с Молотовым и Ежовым. Он был уверен в своей правоте, но «после разговора у Вас в присутствии т. Молотова оказалось, что провокаторы и шпионы стали наговаривать, и вот сейчас круг замкнулся»¹.

После проведенной очной ставки с Антиповым, Рудзутаком и Варейкисом Чубарь писал Сталину о том, что он не может поверить в то, что его обвиняют в организации правотроцкистской группы². Окончательное решение в отношении Чубаря в Политбюро приняли 31 мая 1938 года, когда на приеме у Сталина в присутствии Чубаря обсуждался этот вопрос, и где он скорее всего пытался доказать свою невиновность³.

16 июня 1938 года стараниями следователей НКВД было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Чубаре. В нем отмечалось: «1. Ввиду того, что показания Косиора, Эйхе, Тр. Чубаря, а кроме того показания Рудзутака и Антипова бросают тень на т. В. Я. Чубаря, Политбюро не считает возможным оставить его членом Политбюро и заместителем председателя СНК Союза и считает возможным дать ему работу лишь в провинции для испытания. 2. Вопрос о конкретной работе т. Чубаря решить в течение ближайших 2-х дней». В дальнейшем Сталину были представлены новые компрометирующие материалы о Чубаре⁴.

Таким образом, к лету 1938 года Сталин значительно обновил состав Политбюро ЦК ВКП(б), оставив в нем лишь тех, кто был безусловно предан и послушен лично ему. Весьма важным для понимания сталинского политического курса является вопрос о сопротивлении сталинской политике массовых репрессий. Архивные материалы свидетельствуют, что на протяжении исследуемого периода представители высшего партийного и советского руководства практически не выступали открыто против репрессивной политики, проводимой органами НКВД по указанию ЦК ВКП(б), а точнее, Политбюро во главе со Сталиным. В архивах удалось обнаружить данные, свидетельствующие если не о протесте, то о попытке секретаря Дальневосточного крайкома партии Варейкиса указать на ошибочность процедуры арестов. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 июня 1935 года для того, чтобы арестовать члена партии, необходимо было получить санкцию соответствующе-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 364. Л. 11.

² Там же. Л. 43.

³ На приеме у Сталина... Л. 297.

⁴ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы... С. 229.

го партийного руководителя. В связи с этим Варейкис в сентябре 1937 направил шифротелеграмму Сталину по поводу И. Г. Федина, первого секретаря Уссурийского обкома ВКП(б), которого арестовали без предварительного предупреждения Варейкиса и ознакомления его с материалами дела. Одновременно он сообщал Сталину о слухах среди населения относительно перегибов в деятельности НКВД. Варейкис был вынужден и предшествующим арестом М. П. Вольского, исполнявшего обязанности председателя крайисполкома и арестованного по прямому указанию Сталина. 28 сентября Варейкис получил лаконичный ответ из Москвы: «...приказы Ежова об арестах в Далькрае проходят обычно с санкции ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин»¹. По поручению Ежова начальник УНКВД ДВК Г.С. Люшков интенсивно собирал компрометирующие материалы на окружение Варейкиса, подготавливая и его арест. Делал он это достаточно быстро, поскольку при аресте одного из работников крайкома партии обнаружил анонимное письмо, в котором того обвиняли в связях с арестованными, которых он знал по своей прошлой работе в Азово-Черноморском крае. Он подозревал, что эти материалы могут быть доложены Варейкисом в ЦК. О найденных документах Люшков сообщил Ежову.

Как видим, фактически Сталин и Ежов, выдавая санкции на аресты номенклатурных работников, стали действовать, минуя секретарей областных и краевых парторганизаций, что являлось нарушением обычной практики порядка согласования арестов.

Сталин расправлялся с партийно-советской номенклатурой за то, что она роскошествовала в условиях нищенского существования основной массы населения. Нескромное поведение чиновников было предметом обсуждения на заседаниях Политбюро, когда рассматривались вопросы строительства роскошных дач². Первые секретари обкомов и крайкомов имели огромные возможности использовать имевшиеся в регионах денежные средства по различным линиям финансирования. На личные нужды секретарь Далькрайкома Картвелишвили в 1936 году получил 120 тысяч рублей, Председатель крайисполкома Крутов 80 тысяч. В крайкомовской столовой им выдавали ежедневно по 15 и 13 бесплатных обедов соответственно, в том числе и продуктами³. Элементы материального и социального неравенства проявлялись на всех уровнях. При расследовании действий «контрреволюционной националистической» организации в Татарии как провокационное было расценено поведение одного из инструкторов Татарского обкома. Во время сбора урожая, выступая перед колхозниками в качестве уполномоченного обкома, он вы-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 108.

² Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 234.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-23510. Л. 147.

ташил из кармана пачку денег и сказал, что они тоже могут их заработать. После этого колхозники вели разговоры о том, что теперь им известно, куда уходят их денежки.

Но все эти факты просто приводились в качестве примера личной нескромности представителей партийно-советской номенклатуры и не служили основанием для обвинений. Для Сталина важнейшими качествами оставалась их политическая лояльность, беспрекословное выполнение указаний центра по различным направлениям развития советского государства

Что касается репрессий среди советской номенклатуры, надо отметить особое место, которое занимали сотрудники наркомата иностранных дел СССР. Взаимоотношения между НКВД и НКВД были достаточно напряженными. На резидентов Иностранного отдела ГУГБ НКВД была возложена задача наблюдения за советской колонией за рубежом. Н. Н. Крестинский, полпред в Германии, высказывал свое возмущение резидентом ИНО, который, по его мнению, в большей, чем полагалось степени, контролировал поведение членов дипломатического корпуса. Однако действия сотрудника ИНО, так возмущавшие Крестинского, действительно соответствовали задачам, возложенным на резидентов Иностранного отдела. О подобном отношении полпреда к резиденту докладывалось руководству НКВД и вызывало определенное недовольство.

Контроль выражался и в сборе компрометирующих материалов. Так, летом 1937 года Ежов информировал Сталина о значительных тратах денег, выделенных на расходы полпредства в Литве. Три четверти всей суммы пошли на обустройство кабинета посла. В основе конфликта лежали жалобы резидента ИНО, которому посол постоянно говорил, что он для него всего лишь пресс-атташе во вверенном ему полпредстве. Ежов добавлял в сообщении и о подозрительном поведении полпреда, который забросил все дела и уехал на три месяца отдыхать, чтобы переждать волну арестов¹.

Резиденты ИНО отмечали и негативные, на их взгляд, моменты профессиональной деятельности дипломатов. 14 августа 1937 года из резидентуры США поступило сообщение о том, что в полпредстве готовились обзоры печати «О троцкизме», в которых печатались материалы троцкистов. Эти обзоры направлялись затем в НКВД. Таким образом Ежов пытался обвинить ведомство Литвинова в пропаганде троцкистских взглядов. Сталин переадресовал послание Ежова заместителю наркома иностранных дел Потемкину, который 3 сентября разослал полпредам директиву о запрете цитировать выдержки из троцкистской литературы².

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 469. Л. 167.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 95.

Нарком иностранных дел М. М. Литвинов постоянно направлял Сталину докладные записки, в которых критиковал деятельность НКВД в отношении иностранцев, указывал на необоснованность их арестов, которые могли вызвать осложнения во взаимоотношениях между государствами. На протяжении 1937-1938 годов Политбюро ЦК ВКП(б) систематически рассматривало вопросы об отмене смертных приговоров иностранным гражданам, прежде всего Германии. Политбюро, то есть Сталин, в подавляющем большинстве случаев поддерживал точку зрения НКВД, что в свою очередь вызывало недовольство Ежова. Например, начальник УНКВД ДВК Люшков в июле-августе 1937 года неоднократно ставил вопрос о необходимости арестов сотрудников японской концессии на Сахалине. Соответствующие запросы направлялись в НКВД. 3 августа Литвинов в записке Сталину указывал на негативную реакцию японского правительства на осуждение нескольких японцев; он подчеркнул свое отношение к наркомату внутренних дел, выделив среди прочих факторов и тот, что он не может «взять на себя ответственность за санкционирование ареста Сато Дзиро, исходя также из того, что с полным основанием можно подозревать в шпионаже всех японцев в СССР без исключения»¹. 5 августа на заседании Политбюро было принято решение не применять репрессий к японскому подданному.

Отправной точкой для репрессий во внешнеполитическом ведомстве СССР стали аресты двух бывших заместителей наркома иностранных дел Л. М. Карахана и Н. Н. Крестинского. В политической биографии обоих были периоды сотрудничества с Троцким, поддержка его позиций. Карахан состоял в группе «межрайонцев», фракции в социал-демократическом движении, возглавляемой Троцким. Только в августе 1917 года они вошли в большевистскую фракцию РСДРП. На мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске, где советскую делегацию возглавлял Троцкий, Карахан был секретарем советской делегации. Крестинский в дискуссии о профсоюзах в 1920 году поддерживал точку зрения Троцкого о придании им военизированного характера. Неудивительно, что Сталин выступая 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета, назвал Карахана немецким шпионом, действовавшим по заданиям Троцкого. 19 июня на тексте протокола допроса Карахана он поставил пометку «важно» и дал конкретные указания Ежову «взять Ягоду под удар», особенно тщательно отслеживая его связи с Тухачевским.

Сталина заинтересовало сообщение о «встрече» Карахана с германским генералом Мильхом, во время которой те якобы обсуждали вариант возможного нападения Германии на СССР. «Организация германских морских баз в Болгарии, — отмечал генерал, — может быть организована только под видом болгарских морских баз, которые в случае открытой

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 2.

войны Германии против СССР или законспирированной помощи контрреволюционному заговору могли бы быть использованы как базы для германского флота». Сталин расценил это признание как показатель неудовлетворительной работы полпреда в Болгарии и на полях протокола допроса отметил: «отозвать из Болгарии Раскольникова». Правда, Сталину не удалось расправиться с Ф. Ф. Раскольниковым. Тот отказался возвращаться в СССР и выступил с публичным заявлением, в котором осудил политический режим, сформированный в стране Сталиным.

В конце июля 1937 года из резидентуры в Норвегии были получены компрометирующие материалы на полпреда И. С. Якубовича. Ежов в спецсообщении Сталину подчеркивал его тесную связь с Крестинским. В течение 1920 – начале 1930-х годов Якубович работал секретарем полпредства в Берлине, а затем советником Крестинского, возглавлявшего посольство в Германии и был якобы близок с проживавшими в Норвегии троцкистами. Якубович, по мнению НКВД, служил посредником между троцкистской организацией в наркомате иностранных дел и зарубежными организациями Троцкого. Один из арестованных сотрудников НКВД показал, что Якубович отрицательно относился к требованию советского правительства о высылке Троцкого из Норвегии. Развал «Общества друзей СССР в Норвегии» также был приписан Якубовичу. Все это стало причиной его ареста.

В августе 1937 года Сталин ознакомился с показаниями торгпреда в Японии В. Н. Кочетова, по заявлению которого предыдущий посол СССР в Японии К. К. Юренев проводил политику в интересах японских милитаристов. 26 сентября 1937 года Юренев был арестован. Пожалуй, это был единственный случай, когда подследственный, возмущенный абсурдностью обвинений, предпринял попытку застрелить Ежова. Допрос Юренева следователи начали с выяснения обстоятельств применения им давшего осечку оружия. Так же как и Карахан, Юренев являлся членом фракции «межрайонки», где ведущую роль играл Троцкий. Знакомство с Троцким сыграло определяющую роль в решении о его аресте. Вся дипломатическая деятельность Юренева согласно показаниям, подготовленным следователями НКВД, представляла как постоянная забота о создании и поддержке троцкистских групп в странах, где он возглавлял советские посольства. В Чехословакии в 1923 году Юренев встречался с К. Радеком, который был там проездом по пути в Германию. На основании этого от Юренева на допросе потребовали признания, что главной целью этой встречи было обсуждение директив Троцкого о создании троцкистских групп и оказании им материальной помощи¹. Следователи придумали историю о передаче денег Троцкому в период продажи КВЖД. Якобы Юренев договорился о 142 миллионах иен, а советское правительство получило всего 140 млн. Из них 1,5 миллиона якобы было

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23508. Т. 1. Л. 5, 21, 81.

передано японскому посреднику, а 500 тысяч иен получил Троцкий. В протоколе допроса Кочетова Сталин отметил фамилии работников торгпредства, которые «содействовали» японцам в увеличении до 500 человек количества рабочих для заготовки леса, якобы для того, чтобы было легче внедрить среди них японских агентов.

Цепочка арестов дотянулась и до советского посла в Китае Богомолова. Получив протоколы допросов полпреда, Сталин прежде всего попытался подробнее выяснить его связи и возможности. «Нам теперь уже необходимо узнать каких троцкистов и вообще изменников насадил или завербовал Богомолов, — написал Сталин на полях его показаний, — в каких наркомендельских организациях в Китае, кто они такие, и вообще каков политсостав этих органов. Это нужно выяснить сейчас же».

После ареста в советском торгпредстве в Германии Канделаки, где тот долгое время работал, был арестован ряд сотрудников, которых обвинили в участии «в троцкистской террористической группе».

Резидентура Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР в Монголии передала сведения о том, что заместитель торгового представителя Старозум якобы является проводником линии Сокольников во внешней торговле, что привело к товарному голоду в МНР. Вместе с торгпредом СССР в этой стране Биркенгофом Старозум будто бы наметил заниженный план завоза товаров. Одновременно Сталину сообщили, что Старозум привез с собой немецкое издание книги Л. Троцкого «Моя жизнь», имел родственников в Польше, с которыми вел переписку. По итогам сообщения Сталин приказал арестовать Старозума¹.

Массовые операции НКВД в отношении инациональностей отражались на сотрудниках различных ведомств. После ареста бывшего представителя торгпредства СССР в Гамбурге латыша Ф. Х. Предэ круг подозреваемых значительно расширился, в их число попал и полпред в Дании В. Линде. Когда 20 апреля 1938 года Сталин изучил сводку важнейших показаний, он остался недовольным действиями следователя, который сообщал, что идет проверка подозрительных лиц. Сталин дал указание: «Не “проверять”, а арестовать нужно»².

27 августа 1937 года Сталин получил копию сообщения из Парижа, адресованного французскому послу в Москве. В нем высказывалось сожаление по поводу находящегося под следствием бывшего посла СССР во Франции М. И. Розенберга. По мнению французской стороны, он уделял большое внимание заключению француско-советского договора. Положительная оценка деятельности Розенберга только усилила подозрительность Сталина. На сообщении он оставил свою пометку: «Вот как?!»³.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 220.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 408. Л. 150.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 192. Л. 75.

В показаниях дипломатических работников в наибольшей степени нашли отражение надуманные обвинения советских дипломатов в «шпионской» работе и связях с троцкистами. Официальные приемы и встречи с государственными чиновниками, военными рассматривались НКВД как место, где велись переговоры о подготовке планов нападения на СССР, передавалась информация об экономическом и оборонном потенциале страны иностранным разведкам.

Торговые представители СССР якобы заключали сделки и соглашения, ущемляющие интересы своего государства. В планах по искоренению вредительства предусматривалось предотвращение случаев передачи денег троцкистским организациям за рубежом. Это было типичное обвинение в адрес советских торгпредов в европейских странах. Несостоятельность подобных утверждений опровергается заместителем начальника иностранного отдела ГУГБ НКВД С. М. Шпигельглазом. Как никто другой, он знал реальное положение дел в организациях Троцкого за рубежом. Например, когда он слышал о сотнях тысяч рублей, переданных Троцкому, то напоминал, что в Париже его сын Седов часто одалживал по 10–15 франков у М. Збаровского, который являлся агентом органов госбезопасности и информировал руководство НКВД о действиях Седова.

Основанием для ареста в октябре 1937 года советского полпреда в Венгрии Бекзадяна стало его близкое знакомство с Крестинским и Караханом. Вместе с тем, Ежов собрал негативные материалы о деятельности Бекзадяна. В частности, на общем собрании сотрудников посольства в 1935 году при обсуждении итогов работы пленума тот заявил, что «Енукидзе напрасно обидели, он крупнейший революционер Закавказья и его съели на почве личных счетов». Кроме того, Бекзадян неслестно отзывался о Берии. Было также известно, что он высоко оценивал уровень жизни рабочих в Норвегии и считал ее самой демократической страной в мире. Получив от Ежова компромат на полпреда в Венгрии, Сталин дал указание «осторожно вызвать в СССР и арестовать» его ¹.

Полпред в Польше Я. Х. Давтян был сначала обвинен в связях с английской разведкой, по заданиям которой якобы проводил работу по отрыву Армении от СССР, а затем «стал» агентом 2 отдела Генштаба Польши.

Ежов предпринимал также неоднократные попытки получить компрометирующие материалы и на наркома иностранных дел Литвинова, который постоянно критиковал НКВД. На февральско-мартовском пленуме 1937 года он обвинил сотрудников НКВД в раздувании мифа о террористической угрозе для советских представителей во время их поездок за границу. Органы госбезопасности не оставили без внимания его высказывания о том, что сотрудники наркомата внутренних дел в любом ино-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 324. Л. 398.

странце видели шпиона. Ежов надеялся скомпрометировать Литвинова попытавшись, правда, неудачно, организовать арест его бывшей жены.

В ноябре 1937 года Сталин в сводке показаний арестованных выделил целую группу дипломатов, которых он предлагал арестовать. При упоминании «троцкиста» Виноградова, советника полпредства, он давал указание о том, что «нужно немедленно сообщить об этом новому советнику в Варшаве», очевидно для «выявления» связей предшественника¹. В феврале 1938 года генсек получил подготовленные в НКВД «показания» Виноградова². Таким образом, можно утверждать, что Сталин во многом определял ход арестов в НКВД.

Репрессии обрушились и на руководящий состав секций зарубежных компартий, входивших в состав Коммунистического Интернационала. Решения VII Конгресса Коминтерна в 1935 году о создании единого антифашистского фронта явились косвенным подтверждением того, что ставка исключительно на коммунистические партии не оправдала себя. Секретарь, член Президиума ИККИ, М. А. Трилиссер-Москвин признавал, что ни многочисленные аппараты ряда компартий, ни финансирование через ИККИ крупнейших предприятий, не дали желаемых результатов: в целом ряде стран Европы так и не были созданы массовые коммунистические партии, а партии, существовавшие в Англии, Швеции, Дании, Норвегии и многих других государствах, он характеризовал как рахитичные, имеющие «большую голову на тоненьких, как спички, ножках»³.

Репрессии среди коминтерновцев начались с арестов руководителей Коммунистической партии Польши, в частности, Ю. Ленского (Лещинского) и других. Репрессии в отношении этнических поляков, занимавших различные посты в партийном и советском аппаратах, органах НКВД и РУ РККА начались в конце 1936 – начале 1937 года. Арестованные руководители польской секции КПП стали давать показания о руководящих кадрах ИККИ. Одним из первых был арестован Б. Н. Мельников, который руководил всей технической работой по подготовке сотрудников Коминтерна для выполнения различных заданий за рубежом, включая снабжение документами, спецсредствами, организацию радиосвязи, шифровального дела. В его подчинении находился Отдел международных связей (ОМС), а затем Служба связи (СС) Коминтерна. Именно эта служба направляла курьеров в коммунистические партии за рубежом, организовывала пункты связи в различных странах мира. Затем последовали аресты руководителей, отвечавших за нелегальные каналы связи между партиями Коминтерна в различных странах. В отношении И. А. Пятницкого, В. Г. Кнорина, работавших в Коминтерне до 1935 года, и других выдвигались обвинения в том, что они якобы ставили своей целью:

---

¹ См. док. № 17 Приложения.

² АП РФ. Ф. 4. Оп. 24. Д. 404. Л. 2, 179.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-23635. Т. 1. Л. 58.

— дезорганизацию Коминтерна и постепенное овладение аппаратом Исполкома Коминтерна;

— объединение троцкистских и других оппозиционных сил внутри компартий с целью парализации их работы;

— организацию в различных странах мира систематических выступлений против политики и нелегальной деятельности ИККИ и его партий в капиталистических странах;

— ведение антисоветской пропаганды;

— устранение и дискредитацию отдельных руководителей Коминтерна.

— борьбу за руководство в отдельных компартиях, выход этих партий из Коминтерна и вовлечение их в IV Интернационал.

Следователи НКВД выдвинули версию об их связи с сыном Троцкого Седовым, которая якобы осуществлялась через Вилли Мюнценберга, находившегося постоянно в Париже. По версии НКВД, приблизительно 10% всего бюджета, который получал Мюнценберг, он передавал Седову. Таким образом, складывалась картина о передаче Мюнценбергом денег для троцкистских организаций из кассы ИККИ, который также «получал» от ИККИ документы и информацию о положении в международном коммунистическом движении, важнейшие решения исполкома Коминтерна.

Одним из важнейших «вредительских» актов со стороны «контрреволюционной» организации была организация сопротивления новому руководству ИККИ во главе с Г. Димитровым до и во время VII конгресса Коминтерна. Члены организации якобы распространяли в аппарате ИККИ слухи о его неработоспособности, что Димитров оппортунист. Выступление Г. Поллита, секретаря английской компартии в защиту Пятницкого на президиуме VII конгресса было расценено как раскольническое со стороны Бела Куна, А. Л. Абрамова-Мирова и Ф. Меринга.

Если аресты представителей польской компартии были следствием кампании по ликвидации давно не существующей Польской организации войсковой (ПОВ), то внешним фактором, способствовавшим усилению репрессий по отношению к деятелям Коминтерна, стало поражение коммунистов на парламентских выборах в Германии. Одна из самых массовых компартий мира не смогла противостоять приходу к власти фашистов. Как отмечал В. Кнорин «компартия Германии оказалась неспособной для сопротивления фашизму, с одной стороны, а с другой, был сорван организованный уход в подполье, вследствие чего Гитлеру удалось истребить лучшие кадры коммунистов Германии»¹.

Кризис в коммунистическом движении, начавшийся в начале 1920-х годов, углубился в 1933 году. Руководство ИККИ было обвинено в том, что проводило ошибочную линию по отношению к социал-демократическим партиям, прежде всего в вопросе о сотрудничестве для противодействия

---

¹ЦА ФСБ. АСД Р-4000 Т. 1. Л. 58.

фашизму, поддерживало различные фракционные группы в компартиях. Конкретно по Германии Кнорин обращал внимание на «раскольническую» деятельность Г. Неймана, Г. Кишшенбергеря, В. Мюнценберга.

Начало массовых репрессий в Коминтерне было связано с арестами бывших руководителей Отдела международных связей (ОМС) Мельникова, а затем Абрамова-Мирова. На момент ареста **оба ответственных за нелегальную деятельность Коминтерна работали в РУ РККА.** Мельников являлся заместителем начальника Разведывательного управления РККА, а Абрамов-Миров помощником начальника РУ РККА. На Мельникова были получены данные о том, что в 1924 году, являясь генконсулом СССР в Харбине, он одобрял позицию Троцкого. Арестованные к весне 1937 года сотрудники Коминтерна, бывшие члены компартий Венгрии и Польши Л. Г. Мадьяр и Хавкин (Вальтер) дали показания о существовании антикоминтерновской организации. На допросе 16 апреля 1937 года Мадьяр рассказал, что он был единственным источником информации о Коминтерне у Зиновьева. После ознакомления в апреле 1937 года с этими материалами Сталин дал указание: «Т. Ежову. Мельникова и его «окружение» надо арестовать. Ст.»¹ Уже после первых допросов Б. Мельников «сознался» в своей «шпионской» работе на японскую разведку. 21 мая 1937 года Ежов прислал Сталину показания Мельникова, в которых он назвал Абрамова-Мирова в качестве участника «контрреволюционной» организации. С санкции Сталина по предложению Ежова тот был арестован сразу же, 21 мая. Таким образом, два бывших руководителя, организаторы курьерской сети Коминтерна, пунктов связи в различных странах мира, в руках следователей НКВД «раскрыли» гигантский «троцкистский» заговор в аппарате Коминтерна.

ОМС ИККИ перешел на организацию своих пунктов связи с 1927 года, поскольку решением ЦК ВКП(б) Коминтерну было запрещено пользоваться дипломатической почтой. Решение было направлено на то, чтобы скрыть руководящую роль Коминтерна в организации коммунистического движения в мире и фактическое вмешательство СССР во внутренние дела других стран.

Показания Мельникова и Абрамова-Мирова привели к аресту и руководителей пунктов связи в Варшаве (И. А. Рыльский-Люблинецкий), в Париже (Л. Я. Паскаль-Дюби), радиопунктов ИККИ в Стокгольме и Копенгагене (Г. С. Генриховский-Амстердам). К началу июля было арестовано более 20 человек — курьеров и сотрудников пунктов связи отдела международных связей ИККИ. Среди них фигурировали Берта Платтен-Циммерман, Вретлинг — шведка, жена представителя шведской компартии при ИККИ, А. Стюарт, дочь одного из секретарей английской компартии, Л. Кюн, жена члена Политбюро германской компартии В. Ульбрихта.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 302. Л. 158–162.

22 июня 1937 года арестовали заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК ВКП(б) Кнорина, бывшего заведующего Среднеевропейским ландерсекретариатом ИККИ, а затем бывшего секретаря ИККИ И. О. Пятницкого. За этими арестами последовала эскалация арестов в аппарате Коминтерна.

В конце июня по личному указанию Сталина был арестован руководитель Балканского сектора ИККИ Бела Кун. Сталин, узнав из донесения НКВД о том, что Бела Кун проявлял беспокойство в связи с арестами в ИККИ, отметил на полях: «Бела Куна надо арестовать»¹. Немаловажное значение имела и активность Троцкого, создавшего в качестве противовеса Социнтерну и Коминтерну IV Интернационал. Кнорина и Пятницкого обвинили в том, что «правотроцкистская организация в Коминтерне» действовала по указаниям IV Интернационала, являлась якобы его филиалом.

В итоге активной деятельности следователей НКВД в ИККИ была сформирована «контрреволюционная правотроцкистская организация», где ведущую роль играли ряд лидеров Коминтерна.

На роль основного участника организации, контролировавшего все выезды коминтерновцев в зарубежные страны и направлявшего все директивные инструкции и указания ИККИ «назначили» Пятницкого. Абрамов-Миров, согласно версии НКВД, возглавлял всю нелегальную связь и рассылал деньги. Бела Кун направлял деятельность антифашистских антивоенных и других массовых организаций и якобы проводил работу по развалу единого фронта в международном рабочем движении. Кнорин руководил связью между ЦК КПГ и Коммунистическим Интернационалом. Костаньян контролировал профсоюзное движение, он проводил работу в «пользу IV Интернационала». Васильев возглавлял работу по подготовке кадров в разведывательных и военных школах КИ и ничего «положительного не делал», а только «плодил провокаторов»². Все материалы были переданы для ознакомления Сталину.

Репрессии в отношении партийно-советской номенклатуры явились результатом переплетения целого комплекса причин. В значительной мере они были обусловлены трудностями хозяйственного строительства. Срыв планов создания мощного индустриального государства, низкий уровень материального положения большинства населения страны, дефицит самого необходимого вплоть до продовольственных кризисов – ответственность за все это сталинское руководство СССР перекладывало на плечи партийно-советской номенклатуры. Одновременно от участия в управлении страной отстранялась значительная прослойка руководителей различного уровня, имевших опыт партийно-советского, хозяйственного строительства, большие заслуги в создании и становле-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 311. Л. 32.

² ЦА ФСБ. АСД Р-4000. Л. 64.

нии советского государства. Многие из них не рассматривали Сталина в качестве единственно достойного руководителя государства, позволяли себе критические высказывания в его адрес.

В качестве противовеса старой партийной и хозяйственной гвардии Сталин усиливает позиции карательных органов. В период с осени 1937 до весны 1938 года, когда масштаб репрессий, как и роль наркома внутренних дел Ежова, достигают своего пика, наркомы НКВД союзных республик и начальники УНКВД получают неограниченные права. При назначении их на должности нарком внутренних дел давал установки производить аресты невзирая на лица, обещая получать санкции на аресты самых высоких должностных лиц. На заседаниях бюро обкомов он рекомендовал им жестче докладывать о борьбе с врагами народа. Инструктируя вновь назначенных начальников областных управлений, Ежов призывал не ограничиваться борьбой с отдельными «контрреволюционерами», а добиваться раскрытия крупных заговоров.

Таким образом, шел параллельный процесс: директивы Политбюро ЦК ВКП(б) дополнялись и конкретизировались в НКВД СССР. Сложилось как бы два уровня механизма репрессий. Номенклатура ЦК ВКП(б) находилась вне сферы влияния НКВД СССР, республик, краев и областей, и аресты ее представителей производились только с санкции Сталина и наркомов. При твердой позиции, занятой соответствующим наркомом, органы НКВД не могли арестовать конкретного человека. Работники партийного, советского и хозяйственного аппаратов областного и районного звена были менее защищены, так как их можно было арестовывать без согласования с центром, достаточно было санкции партийных руководителей республик, краев и областей.

Репрессии в Красной армии

Дальнейшее разворачивание репрессий в Красной армии было обусловлено различными факторами. Продолжались аресты высшего командного состава по делу о так называемом военно-фашистском заговоре в Красной армии. В первую очередь они коснулись военнослужащих, которые по служебной линии были непосредственно связаны с главными обвиняемыми по делу Тухачевского и других высших командиров РККА. Репрессии затронули прежде всего высшее командование РККА и военных округов, командующие многих из них были арестованы.

Их аресты не могли не отразиться на командирах дивизий и военнослужащих центрального аппарата округа. Так, после ареста и осуждения, например, командующего Киевским военным округом И. Якира, были арестованы начальник артотдела КВО комдив Н. М. Бобров (29 июня), начальник ВВС КВО комдив А. М. Бахрушин (3 июля), заместитель начальника штаба КВО А. Г. Либас (3 июля), заместитель командующего КВО комкор Д. С. Фисенко (18 июля), начальник штаба КВО комбриг

Н. И. Подчуфаров (23 июля), заместитель начальника политуправления КВО М. Л. Хорош (9 августа) и другие.

Уже к 23 июня 1937 года был арестован 981 военнослужащий Красной Армии Арестованных участников так называемого «антисоветского военно-фашистского заговора» в статистической отчетности НКВД распределены по званиям:

- «Маршал 1
- Командармов 1 ранга 2
- Командармов 2 ранга 1
- Комкоров 21
- Комдивов 37
- Комбригов 29
- Полковников 48
- Майоров 32
- Капитанов 44
- Ст. лейтенантов 18
- Лейтенантов 25
- Флагман 2 ранга 1
- Капитан 1 ранга 1
- Капитан 2 ранга 5
- Капитан 3 ранга 1
- Армейский комиссар 3
- Корпусный комиссар 3
- Дивизионный комиссар 7
- Бригадный комиссар 17
- Полковой комиссар 16
- Батальонный комиссар 16
- Ст. политрук 5
- Политрук 13
- Коринтендант 2
- Дивизионный интендант 3
- Бригадный интендант 3
- Военные интенданты 88
- 1, 2 и 3 рангов

- коринженер 1
- дивизионный инженер 1
- бригинженер 6
- военинженер 33
- 1, 2 и 3 рангов
- воентехник – 22
- 1, 2 и 3 рангов
- военврач 14
- военюрист 1

По отраслям:
Командующий войсками военных округов 5
Зам. командующего войсками военных округов 7
Штабные работники 52
Артиллерия 49
Авиация 54
Мотомех 24
Химия 3
ПВО 19
Строительство 76
Складские работники 65
Политработники 73
Академии, ВУЗы
преподаватели 60
слушатели академий 25
моряки 124»¹.

Эти данные нарком внутренних дел Ежов подготовил для делегатов июньского 1937 года Пленума ЦК ВКП(б). К концу июня общее количество арестованных военнослужащих возросло до 1100. На июньском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) Ежов рассказал байки о бонапартистских устремлениях Тухачевского. В ходе визита во Францию в Пантеоне, где был установлен гроб с телом Наполеона, он якобы отрезал кусочек матери и сделал себе ладанку².

В то время для Сталина важное значение имела реакция военнослужащих на совместный приказ НКО и НКВД № 82 от 21 июня о добровольной явке с повинной лиц командного, начальствующего и красноармейского состава, замешанных в деятельности контрреволюционных, фашистских и вредительских организаций или знавших об их существовании, но не сообщивших об этом органам Советской власти. Было принято решение не подвергать их аресту и не возбуждать уголовное преследование. В июне – июле 1937 года Сталин регулярно получал сообщения, подготовленные Политуправлением РККА и НКВД, которые отложились в его личном архиве.

В донесениях начальника ПУ РККА П. А. Смирнова содержалась полученная от НКВД информация о фактах явки с повинной. Однако таких примеров было совсем немного, что свидетельствовало о полном провале курса акции. В записке Сталину от 6 июля 1937 года отмечалось всего десять случаев добровольного раскаяния военнослужащих. Двое заявили об их «вербовке» японской разведкой, остальные сообщали о связях с троцкистами, о готовности отомстить за смерть отца от голода в

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 250–251.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 807. Л. 62.

1933 году и выполнить любое задание во вред Советской власти, рассказывали о сокрытии уголовных преступлений. Один красноармеец признался, что на сборах говорил о плохом питании, что являлось «контрреволюционной» агитацией.

Начальник Главного Политуправления РККА в основном давал политическую оценку настроений военнослужащих, их отношение к этому приказу, подчеркивал что партийные организации не развернули настоящей разъяснительной работы. Он приводил конкретные примеры восприятия военнослужащими приказа как «образца сталинской заботы о людях, как приказ, который возможен только в нашем государстве». Для подтверждения своих слов Смирнов сослался на высказывание командира батальона Михайлова: «Приказ свидетельствует о сталинской заботе о людях, он вытащит из грязи людей».

Начальник ПУ РККА приводил и другие примеры отношения к приказу. Так, красноармеец 270 стрелкового полка Кузнецов заявлял: «Этот приказ выпущен для того, чтобы выловить шпионов и поставить их к стенке». Абсурдность приказа подтверждалась и суждениями вроде такого: «не является ли приказ наркома отменой постановления о наказании за измену родине»¹.

По прошествии месяца после издания приказа итоги кампании выглядели неутешительными. За первую половину июля явилось с повинной пятьдесят шесть военнослужащих РККА, из которых сорок пять признались в том, что скрыли свое социальное или уголовное прошлое. Из остальных одиннадцати шестеро заявили, что знали о «контрреволюционной» деятельности других лиц, а пятеро рассказали о своей «контрреволюционной работе». Например, курсант школы младших авиаспециалистов 3 авиабригады Ермаков заявил, что в 1931–1933 годах по заданию осужденного в январе 1937 года руководящего работника НКПС И. Д. Турок он осуществлял вредительские действия на железной дороге в Нижнем Тагиле. А в период с 1934 по 1936 год на 82 авиазаводе имел встречи с Пятаковым. Абсурдность заявления о встрече с заместителем наркома тяжелой промышленности, который давал простому рабочему установки на вредительство, воспринимались вполне серьезно. Курсанта вызывали на заседание Военного Совета округа².

Спецсообщения с информацией о явке с повинной органы НКВД направляли непосредственно Сталину, минуя руководство наркомата обороны. Однако количество «добровольцев» было незначительным. 15 июля начальник Особого отдела (военная контрразведка) Н. Г. Николаев-Журид представил обобщенные данные, из которых следовало, что в частях ОКДВА в течение месяца после издания приказа было зафиксировано только семь случаев явки военнослужащих, которые

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 313. Л. 123–128.

² Там же. Д. 315. Л. 17.

добровольно сообщили о своей антисоветской деятельности; кроме того, десять человек заявили об уголовных преступлениях, наличии репрессированных родственников, связях с социально-чуждыми элементами.

В связи с этим представляет интерес заявление красноармейца 107-го пулеметного батальона 104-го укрепрайона А. И. Бузомина, который сообщил комиссару части о том, что он принадлежал к антисоветской троцкистской организации в Тобольске, которой руководил бывший управляющий рыбтрестом Угланов. Очевидно, что для того чтобы поднять значимость информации, сотрудники особого отдела УНКВД по ДВК решили связать деятельность рядового красноармейца с одним из видных бывших оппозиционеров Углановым.

Основные положения приказа о добровольной явке носили явно провокационный характер, было ясно, что приказ имеет целью выявление оппозиционных элементов в армии. Об этом свидетельствовали и заключительные абзацы спецсообщения начальника Особого отдела, в которых сообщалось, что «по всем поданным заявлениям и сообщениям ведется следствие»¹.

Некоторые заявления доходили непосредственно до Сталина. Так, 22 июля 1937 года он получил письмо от дивизионного комиссара Г. Н. Маркова, в котором тот признавался, что неправильно указывал год рождения, партийный стаж, имел уголовное прошлое. Обращаясь к наркому обороны Ворошилову, Сталин спрашивал: «Как быть?»². Через полгода, в январе 1938 года Марков был арестован и затем расстрелян. В ходе данной кампании были арестованы также некоторые работники органов прокуратуры, которые советовали военнослужащим не поддаваться на провокацию.

Свидетельством того, что данная кампания имела откровенно кампанейский и провокационный характер и не могла привести к желаемым результатам, стали показания арестованного заместителя начальника Главного политического управления РККА армейского комиссара 2 ранга А. С. Булина. Кроме разного рода обвинений, на него возлагалась также ответственность за то, что объединенный приказ НКО и НКВД не дал ожидаемого эффекта. На допросе он взял вину на себя и признал, что руководство Политуправления стремилось дискредитировать приказ и разъясняя его смысл военнослужащим указывало на его провокационность. Безусловно, такая трактовка объединенного приказа НКО и НКВД явилась свидетельством полного провала попыток инициировать добровольные признания военнослужащих о причастности к заговорам и вредительству.

В своем личном архиве Сталин хранил и спецсообщения, в которых говорилось о реакции военнослужащих на июньский 1937 года судеб-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 99. Л. 150.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 93 об.

ный процесс над маршалом Тухачевским и другими представителями высшего командования РККА. 29 июня 1937 года заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский докладывал Сталину по этому вопросу. По информации Фриновского, командный армейский состав выражал сомнения в правдивости показаний и высказывал мнение, о том, что никому нельзя верить, если такие люди предатели. Он процитировал, в частности, слова комдива В. Ю. Рохи, командира 34 стрелковой дивизии, высказывавшего свои сомнения по поводу процесса. В результате тот был арестован 2 июля 1937 года.

Многие работников политотделов не могли дать уверенные и убедительные ответы на вопросы красноармейцев и часто соглашалась с тем, что верить командному составу нельзя. В качестве примера Фриновский рассказал о заместителе начальника 51 авиабригады Воробьеве, который уничтожил портреты изменников и предателей, а затем намеревался уничтожить и портреты всех руководителей партии¹.

После разоблачения так называемого военно-фашистского заговора в центральном аппарате Красной Армии, арестов представителей высшего командного состава, сотрудники особых отделов НКВД приступили к массовым арестам по всем военным округам и родам войск. На Дальнем Востоке активно действовал назначенный начальником УНКВД, уже хорошо известный Г. С. Люшков. Он продолжил разгром ответвлений военного заговора на Тихоокеанском флоте, Амурской военной флотилии, строительско-квартирном управлении ОКДВА. В июне было положено начало фактически полному разгрому командных кадров Дальневосточной армии. На основании показаний помощника по авиации ОКДВА комкора А. Я. Лапина в июне были арестованы начальник воздушных сил Приморской группы комдив И. Д. Флоровский, начальник штаба этой же группы комдив А. Ф. Балакирев, заместитель командующего ОКДВА М. В. Сангурский, командир 18 стрелкового корпуса комдив К. К. Пашковский, командир 39 стрелковой дивизии комдив Д. С. Фирсов и другие члены армейского руководства. Вопросы о дальнейших арестах Ежов оперативно согласовывал с наркомом обороны и Сталиным. Поскольку многие командиры, служившие в ОКДВА, получили назначение в новые части, то нити так называемого заговора потянулись и в другие военные округа. Обвиненный в участии заговоре бывший комендант укрепрайона в ОКДВА комбриг С. Я. Петрушин, переведенный ранее в Уральский военный округ на должность помощника командующего военным округом, был арестован 11 июля 1937. По его показаниям органы госбезопасности предъявили обвинение недавно назначенному командующему УрВо.

Особые отделы систематически проводили обследование всех аспектов деятельности военного комплекса СССР. Сталин постоянно получал

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 312. Л. 162.

аналитические спецсообщения о состоянии боеготовности частей Красной Армии. Эта работа велась регулярно, согласно утвержденному Ворошиловым плану ликвидации последствий вредительства в НКВД.

Для руководства НКВД этот план служил своеобразным ориентиром в поиске врагов народа. Вместе с тем, многие директивы и циркуляры по линии особых отделов НКВД СССР появлялись в результате конкретных распоряжений Сталина. 8 августа 1937 года он получил спецсообщение начальника особого отдела центра Н. Г. Николаева-Журида о массовых желудочных отравлениях военнослужащих 18 механизированной бригады и 190 полка 64 стрелковой дивизии. 25 июня в 18 мехбригаде от желудочных отравлений пострадало более 900 человек.

Спецсообщение было датировано 5 июля того же года. После ознакомления с данными фактами Сталин дал указание: «Т. Ежову. Надо срочно расследовать и примерно покарать виновных (нужно представить доклад)»¹.

Ровно через три недели, 29 августа во все республиканские, краевые, областные органы НКВД и особые отделы военных округов, флотов, корпусов и бригад был направлен циркуляр ОО ГУГБ НКВД «Об оперативных мероприятиях по борьбе с отравлениями и бактериологической диверсии в частях РККА». В нем отмечались прежде всего объективные причины, приводившие к массовым пищевым отравлениям. В течение июня и до середины августа официально было зафиксировано 29 таких случаев; в результате пострадало несколько тысяч военнослужащих.

Как «диверсионно-вредительские» действия представителей санитарной и ветеринарной служб воинских частей квалифицировалось использование испорченных продуктов, антисанитарное состояние пищевых блоков, в результате чего скоропортящиеся продукты хранились в грязных помещениях при высокой температуре, продукты обрабатывали на грязных столах ящиках, там же готовили пищу, в столовых при проверках обнаруживались «тучи мух и тараканов» и др.

Однако в циркуляре обращалось внимание и на другие аспекты проблемы. В результате расследования причин отравлений в 18 мехбригаде выяснилось, что помощник командира бригады по хозяйственной части майор Томков являлся участником «антисоветского военно-фашистского заговора». Он «создал» диверсионную группу, куда вошли и начальник санитарной службы бригады Модестов, и «троцкист» комвзвода Уваров, и другие командиры. Главным «вредителем» объявили начальника санитарной службы Белорусского военного округа Худницкого, у которого нашли и три пробирки с микробами. Распоряжение Сталина было выполнено почти мгновенно. 25 августа 1937 года названные выше участни-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 91 об.

ки «диверсионной» группы были осуждены Военным трибуналом БВО.

Вопиющие факты антисанитарии в процессе приготовления пищи, приводившие к массовым отравлениям, подменялись обвинениями и участия в «антисоветском военном заговоре». В циркуляре фигурировали начальник Биотехнического института РККА И. М. Великанов, арестованный 5 июля 1937 года, начальник санитарной службы Ленинградского военного округа Ю. В. Звоницкий, арестованный 11 августа. 5 августа арестовали начальника Санитарного управления РККА М. И. Баранова.¹

Безусловно, об указаниях Сталина Ежов проинформировал высший состав НКВД и поставленные задачи выполнял дисциплинированно. В сентябре 1937 года начальник УНКВД ДВК Люшков доложил об аресте начальника санслужбы ОКДВА бригавоенврача В. Г. Короедова. 29 сентября он сообщил в центр об аресте руководства ветеринарной службы 34 дивизии С. Е. Преображенского и начальника ветеринарной службы артполка той же дивизии Н. К. Лукашевича. В общей сложности было арестовано семь офицеров санитарно-ветеринарной службы ОКДВА, которые якобы разрабатывали планы отравлений личного состава, распространения заразных болезней. Аресты военнослужащих санитарной и ветеринарной служб РККА носили и политический характер. Так, сообщая об аресте военврача 1-го ранга М. С. Бендерского, начальника Хабаровского госпиталя, Люшков отмечал, что по заданию Сангурского и Аронштама, тот дважды ставил вопрос о вынесении медицинского заключения о психологической неполноценности Блюхера².

15 августа 1937 года Сталин получил спецсообщение от наркома внутренних дел Украины И. М. Леплевского, который представил обширные сведения о националистической антисоветской организации, раскрытой НКВД. Среди участников организации упоминался и командарм II ранга командующий Харьковским военным округом И. Н. Дубовой, который был арестован с санкции Ворошилова 21 августа того же года. Внимательно изучив протокол допроса И. Н. Дубового от 22 августа, Сталин на полях внес свои замечания, адресованные наркому внутренних дел Ежову. Внимание генсека привлекла информация о том, что на складах Харьковского и Киевского военных округов действовали диверсионные ячейки, которые готовились ослабить мощь Красной Армии в момент начала войны, готовили диверсии на военных складах. Сталин дал указание «выяснить» положение дел³. Уже через несколько дней Леплевский рапортовал о разоблачении диверсионных групп в Украинском военном округе.

Кампания по выявлению «диверсантов» в рядах РККА набирала обороты. Ее продолжением стал разосланный во все управления циркуляр

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 266–273 об.

² Там же. Ф. 3. Оп. Д. 4. Д. 156. Д. 244–251.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 16.

Особого отдела ГУГБ НКВД СССР 21 ноября 1937 года о мероприятиях по борьбе с диверсиями на военных складах. Конечно, в преамбуле циркуляра речь шла о «диверсионной» деятельности, расследуемой в рамках дела об «антисоветском военном заговоре» М. Тухачевского. Главным организатором диверсий объявили участника «заговора» бывшего начальника отдела артиллерийских баз Артиллерийского управления НКО РККА комдива Ф. И. Ольшевского, арестованного 17 июня 1937 года. В циркуляре упоминался только один факт деятельности «диверсантов» — пожар на обозно-вещевом складе в Казани, хотя Особыми отделами ГУГБ НКВД СССР уже были арестованы десятки работников военных складов на Украине, Белоруссии, Татарской АССР и других регионах СССР. Как обычно, пожар был объявлен мстью троцкистской организации за решение суда по делу Тухачевского. В циркуляре особо отмечалось, что «до сих пор не разоблачены и не арестованы проникшие на склады враги и их пособники, особенно враждебные и подозрительные лица из поляков, немцев, японцев, харбинцев, румын, бессарабов, белогвардейцев, кулаков и др.».

Перед НКВД в этом документе были поставлены задачи, ставящие органы госбезопасности в двойственное положение. С одной стороны, они выступали в качестве одной из надзорных инстанций, призванных контролировать деятельность всех служб складов. С другой стороны, им вменялось в обязанность «повседневно наблюдать за состоянием противопожарного инвентаря и оборудования водоемов, внутрискладских дорог и подъездных путей, качества пожарной и караульной сигнализации, исправности электропроводки и проволочных ограждений, освещения подступов к складу, своевременной очистки складских помещений и территории склада от захламленности и особенно от промасленных тряпок и бумаги и другой ветоши, имеющих свойство воспламенения. Иметь в виду, что все это используется врагами в диверсионных целях». То есть помимо контроля над работой всех служб военных складов, на Особые отделы возлагалась задача учета фактического количества и качества имущества. Изначально было ясно, что поставленные таким образом перед военными контрразведчиками задачи невыполнимы, поскольку являются функцией других различных служб, обеспечивающих функционирование военных складов¹.

Как следовало из представленной Ворошиловым программы по ликвидации последствий вредительства в РККА, это направление деятельности органов госбезопасности должно было стать одним из главных. Уже в апреле 1938 года Ежов направил Сталину спецсообщение начальника УНКВД Московской области старшего майора госбезопасности В. Е. Цесарского, который докладывал об итогах проверки артиллерийских складов во вверенном ему военном округе. Представала удручаю-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 402–411.

щая картина: огромное количество боеприпасов хранилось под открытым небом, некоторые станции были просто забиты вагонами с боеприпасами, не были оборудованы подъездные пути для их разгрузки. Сообщалось также, что в течение 1937–1938 годов на складах было арестовано 87 участников военно-фашистского заговора, из которых 78 человек оказались шпионами и диверсантами¹.

Характерно, что многие циркуляры Особого отдела ГУГБ НКВД СССР появлялись на свет как реакция на пристальное внимание, проявленное Сталиным к проблемам Красной Армии. Например, информация об авариях и катастрофах в авиационных частях поступала ему почти ежедневно. Так, в очередной раз, получив сообщение о гибели летчиков 17 мая 1937 года в БВО, он написал на ходатайстве Ворошилова о семьях погибших: «Я, конечно, за обеспечение семей погибших и за пенсии, но нужно также привлечь к ответу т. Уборевича, который не умеет беречь и истребляет кадры летчиков. Это у него не первый случай»².

Спецсообщение начальника Особого отдела от 1 августа о поломке во время шквального ветра на Тихом океане восьми самолетов — морских разведчиков, входивших в авиационную группировку ТОФ, Сталин переадресовал членам секретной комиссии Политбюро ЦК: «Предлагаю обязать НКО расследовать дело и доложить о результатах в ЦК»³.

Помимо Сталина в состав секретной комиссии входили Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов. Хотя формально расследования поручались наркому обороны, НКВД часто сообщал о происшествиях в армии раньше НКО, что вызывало возмущение Сталина, поскольку он справедливо видел в этом стремление военного ведомства скрыть в некоторых случаях факты. 16 августа Сталин вновь получает от НКВД спецсообщение об авариях самолетов; он направляет его Молотову, Ворошилову, Кагановичу и Алкснису с припиской: «Просьба обратить внимание на записку»⁴.

Негативная реакция Сталина на высокую аварийность и катастрофы в авиачастях, но в гораздо более острой форме, нашла свое отражение в директивных документах НКВД. В циркуляре Особого отдела «Об оперативных мероприятиях в связи с катастрофами и авариями в частях ВВС РККА» от 17 сентября 1937 года была подвергнута критике предшествующая деятельность военных контрразведчиков. Их действия в расследовании происшествий квалифицировались как формальные, осуждалась практика подписания актов комиссий об объективных причинах и недочетах. Приводимые в документе факты о том, что «аварийность и катастрофы являются делом рук агентов иностранных разведок, шпионов и диверсантов» не соответствовали действительности. В

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 49. Л. 301.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 90.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 96.

частности, приводился в качестве примера «шпион» Чивель¹. Однако ранее в спецсообщении Сталину докладывалось о том, что командир 34 авиаэскадрильи Киевского военного округа Чивель осуществил перелет в Польшу после того, как командование выразило ему политическое недоверие в связи с арестом отца жены за «контрреволюционное» преступление.

В разгар массовых репрессий произошел поворот в квалификации аварий и катастроф в частях Красной Армии, они стали рассматриваться как результат деятельности участников «военно-фашистского заговора».

После расправы с представителями высшего командного состава Красной Армии начался лавинообразный процесс арестов военнослужащих.

Важно отметить, что Сталин был информирован о самых различных событиях армейской жизни. Так, в июне 1937 года он получил спецсообщение об обнаружении листовок в столовой 13 стрелкового полка 5 стрелковой дивизии Белорусского военного округа, а также в подъезде жилого дома командного состава. В листовках говорилось о том, что Тухачевский и другие осуждены незаслуженно, и официальным сообщениям верить нельзя. Подозрение пало на командира стрелковой дивизии комбрига Ф. А. Толкачева. Основанием для недоверия стали данные о его участии в военно-фашистском заговоре, полученные в ходе следствия от комдива А. П. Мелик-Шахназарова, командира 16 стрелкового корпуса, арестованного 30 мая 1937 года и якобы связанного с командующим БВО Уборевичем. Начальник Особого отдела центра ставил вопрос и об аресте командира этого же полка Подгоняйло, бывшего царского офицера, служившего ранее порученцем у Уборевича².

Продолжались аресты военнослужащих и по показаниям сотрудничавшего со следователями военинженера 1 ранга М. И. Кашеева. В поступившем в июле 1937 года Сталину протоколе допроса военинженера 2 ранга В. Н. Естифеева, бывшего начальника УВСР-79, который учился вместе с Кашеевым в Военно-инженерной Академии в Ленинграде, прежде всего раскрывался его социальный портрет. Отмечалось, что Естифеев — сын полковника царской армии, учась в Академии поддерживал тесные связи с генералом Галенкиным, который руководил учебным заведением до революции, а также дружил с бывшими царскими офицерами.

Под прессом одного из самых изощренных следователей НКВД М. Листенгурта, красочно составлявшего протоколы допросов, Естифеев, как участник «военно-фашистского заговора», изложил основные планы «заговорщиков», целью которых было осуществление кон-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 314. Л. 310–314 об.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 308. Л. 212–213.

трреволюционного переворота в момент начала войны. Руководителем и вдохновителем заговора являлся якобы Тухачевский, прозванный с подачи НКВД «Наполеоном нашего времени». Наряду с десятками фамилий уже арестованных военнослужащих в протокол допроса были вписаны бывший начальник артиллерии БВО полковник С. И. Певнев и бывший начальник штаба 16 стрелкового корпуса комбриг В. В. Любимов — преподаватели военной Академии механизации и моторизации, а также бывший начальник Строительно-квартирного отдела БВО военинженер 1 ранга В. А. Козловский, проходивший службу на Тихоокеанском флоте. В июле-августе 1937 года все трое арестованы. Следователь Листенгурт отличался тем, что при составлении протоколов умело выстраивал цепочку взаимных связей между военнослужащими, использовал образные выражения. Так, как следовало из показаний военного коменданта Владивостока Меркиса — «посредника» в установлении контактов с Японией, тот на допросе якобы заявил, что «Япония — страна восходящего солнца, а нам при советской власти солнца не видать».

За арестами высших партийно-советских руководителей в республиках, краях и областях СССР последовали репрессии и в отношении высшего командного состава военных частей, дислоцированных на этих территориях. Командиры являлись составной частью номенклатуры, многие из них входили в состав руководящих партийных органов. После ареста в начале июля 1937 года секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова по его показаниям были арестованы член Военного совета Забайкальского военного округа корпусной комиссар В. Н. Шестаков и начальник штаба ЗаБВО комдив Я. Г. Рубинов. Арестованный в июне командир XI механизированного корпуса комдив Я. Л. Давидовский также подтвердил участие в «военно-фашистском заговоре» Шестакова и Рубинова. На допросе 13–14 июня 1937 года он назвал участником заговора комкора И. К. Грязнова, бывшего командующего ЗаБВО, на момент ареста в августе — командующего Среднеазиатским военным округом¹.

Бывший заместитель ПУ РККА комиссар 2 ранга А. С. Булин в 1928 году возглавлял Политуправление Московского военного округа. На этом основании он был обвинен в том, что с того времени был членом «заговорщической» организации, возглавляемой бывшим первым секретарем Московского комитета ВКП(б) Н. А. Углановым. Его арестовали 5 ноября 1937 года. На допросах, которые вел Листенгурт, Булин дал показания на 122 военнослужащих Красной армии. В ноябре на основе его показаний были арестованы начальник Управления по комначсоставу ВВС РККА бригадный комиссар Л. Ф. Гайдукевич, член Военного Совета МВО корпусной комиссар Б. У. Троянker, член

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-2755 т. 2. Л. 34.

Военного Совета БВО армейский комиссар 2 ранга А. И. Мезиг, член Военного Совета авиации особого назначения корпусной комиссар И. М. Гринберг. Аресты по показаниям Булини продолжались и в первой половине 1938 года. Заместитель начальника Управления по начальствующему составу комдив И. Я. Хорошилов, арестованный 12 февраля 1938 года, оговорил 120 человек. Так же как и Булин, на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР он отказался от всех прежних показаний. Булин на заседании заявил, что его «участие в заговоре правых и военно-фашистском заговоре является ложным от начала до конца», что все его признания «написаны под диктовку ведущих следствие по моему делу, при моем болезненном состоянии и в результате избиения и пыток»¹. После ареста в начале октября 1937 года первого секретаря Дальневосточного крайкома Варейкиса были получены показания о тесных связях членов «правотроцкистской организации» с участниками «военно-фашистского» заговора. Помимо свидетельств его связей с арестованными заместителем командующего ОКДВА комкора М. В. Сангурским, бывшим начальником ПУ ОКДВА армейским комиссаром 2 ранга Л. Н. Аронштамом, в протокол допроса следователи НКВД включили также «рассказ» о встрече Варейкиса после его назначения секретарем Дальневосточного крайкома с Я. А. Яковлевым в Москве в конце 1936 года. Снятый с должности секретарь ДВКрайкома Л. И. Картвелишвили разругался с командующим ОКДВА Блюхером. В борьбе с Блюхером, который пользовался поддержкой Сталина, Картвелишвили опирался на своего союзника начальника Главного политического управления армейского комиссара 1 ранга Я. Б. Гамарника. Во время встречи с Яковлевым Варейкис якобы получил информацию, исходившую от Гамарника, о руководящих партийно-советских кадрах, в том числе и о бывшем командующем Тихоокеанским флотом флагмане флота 1 ранга М. В. Викторове и члене Военного совета РККА Тихоокеанского флота армейском комиссаре 2 ранга Г. С. Окунева². Предшествующая деятельность Варейкиса в Сталинграде также попала в поле зрения НКВД: были арестованы командир дислоцировавшейся в области 31 стрелковой дивизии комбриг В. В. Хлебников и военком бригадный комиссар М. П. Гусев. Из показаний арестованного председателя Сталинградского облисполкома С. М. Кузнецова следовало, что они являлись членами контрреволюционной организации, созданной Варейкисом. Компрометирующим основанием для ареста председателя облисполкома Кузнецова, который некоторое время занимал пост заместителя наркома финансов СССР, стала его служба в 1930–1935 годах в качестве товарища Председателя правления КВЖД³.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23510. Т. 7. Л. 810.

² Там же. Т. 2. Л. 10.

³ Там же. АСД Р-23498. Т. 1. Л. 38.

Командованию Красной Армии различных уровней — от дивизий до командующих округами — «контрреволюционные правотроцкистские» организации отводили роль силовой составляющей в процессе «подготовки» государственного переворота. Во «Временном центральном Сибирском правительстве», которое будто бы хотели создать в Восточно-Сибирском крае Разумов и арестованная вместе с ним значительная часть партийно-советской номенклатуры, на роль военного министра якобы намечали бывшего командующего ЗабВО И. К. Грязнова. На Дальнем Востоке планировалось создать независимое государство по типу Маньчжоу-Го, правительство которого должно было установить дружеские отношения с Японией для достижения полной независимости от СССР. Члены высшего командования ОКДВА якобы являлись активными проводниками данной политики.

Руководители союзных республик — в соответствии с решениями центра о существовании «военно-фашистского» заговора в Красной армии — сообщали о разоблачении его ответвлений в своих регионах. 9 июля 1937 года Л. Берия направил Сталину спецсообщение о раскрытых в Грузии участниках «заговора». Среди них, как признал на допросе арестованный в апреле заместитель командующего ЗакВО комдив Г. А. Тухарели, находились командир 9 горно-стрелковой дивизии комбриг П. Г. Ковлешвили, начальник артиллерии ЗакВО полковник В. Г. Мгалоблишвили и другие. 16 июля первый секретарь ЦК компартии Азербайджана М. Д. Багиров сообщил о разоблачении «контрреволюционной» организации, в состав которой входили командир азербайджанской горно-стрелковой дивизии комдив Г. М. Везиров и начальник политотдела Д. А. Алиев. Они же были и членами «националистической» организации¹.

24 августа 1937 года командующий ЗакВо Н. В. Куйбышев в совместной с Л. П. Берия телеграмме Сталину ставил вопрос о необходимости арестов среди командования 47 грузинской стрелковой дивизии в количестве 19 человек².

12 октября 1937 года нарком НКВД Армении сообщал об арестах членов командования 76 армянской дивизии, включая комдива С. Асояна, военкома А. Абрамяна, командиров полков Мкртчана и Геворкяна. В общей сложности было арестовано 26 человек. В следственных материалах они представляли в качестве бывших дашнакских офицеров, а командный состав дивизии якобы являлся военным ядром националистической организации, ставившей своей целью создание независимой от СССР буржуазно-демократической Армении. Подобные «заговоры» раскрывались во всех союзных республиках СССР.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 313. Л. 132.

² Там же. Д. 319. Л. 34.

Арестованный начальник штаба 98 стрелковой дивизии УрВО майор Якиманский в ноябре 1937 года «прикинулся» в том, что был членом «контрреволюционной» военной организации, во главе которой стоял бывший командующий округом комкор Гарькавий. По мнению следователей, существовала тесная взаимосвязь и сотрудничество военных «заговорщиков» с «националистами» в Башкирии. Они утверждали, что Гарькавий совместно с председателем ЦИК Башкирии Тагировым и председателем СНК БашАССР Э. Г. Булашевым «разрабатывали» планы создания независимого государства народов Поволжья¹.

Кроме контактов по работе с представителями партийно-советской номенклатуры в регионах, другим поводом для репрессий в отношении значительной части военнослужащих были конкретные обвинения, связанные с их собственной служебной деятельностью.

В начале сентября Сталин получил спецсообщение об учениях, проведенных в 13 авиадесантной бригаде. В результате плохой подготовки мероприятия, игнорирования погодных условий, выброска десанта проходила при шквальном ветре, парашютисты разлетелись в радиусе нескольких километров. Начальник УНКВД Западной области комиссар госбезопасности 3 ранга В. А. Каруцкий докладывал, что в результате один военнослужащий разбился, пятеро получили тяжелые ранения и стали инвалидами, а шестнадцать десантников были ранены. В связи с этим он настаивал на аресте командира тяжелого авиакорпуса комдива Ж. Я. Поги и командира 13 авиабригады полковника А. О. Индзера. Сталин немедленно дал согласие. В ходе допросов их обвинили в участии в «контрреволюционном» заговоре².

Как уже отмечалось, состоянию вооруженных сил Сталин уделял особое внимание. Он постоянно отслеживал проблемы развития ВВС, внимательно изучал протоколы допросов арестованных командующих военных округов, спецсообщения о состоянии авиации.

В июле 1937 года в тексте протоколе допроса начальника ВВС Приморской группы ОКДВА комдива И. Д. Флоровского Сталин подчеркнул все, что касалось негативных моментов в положении дел в военной авиации на Дальнем Востоке. А ситуация там, действительно, складывалась ужасающая. Об этом определенно говорил и первый секретарь Хабаровского крайкома партии Каплан: «Нагнали войск, размещать негде, денег тратит много, а толку нет»³. За упущения были арестованы помощник командующего ОКДВА по ВВС комкор А. Я. Лапин, начальник политотдела 51 авиабригады бригадный комиссар Н. П. Миронов и другие. Их обвиняли в том, что создание мощной военной группировки на Дальнем Востоке не сопровождалось строительством соответствующей

---

¹ АП РФ. Д. 328. Л. 4–5.

² Там же. Д. 321. Л. 64–66.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-23510. Т. 3. Л. 237.

щей инфраструктуры. Новые, быстро построенные аэродромы, не соответствовали эксплуатационным требованиям. После обильных дождей их размывало, появлялись различные препятствия: кочки, ямы. Летчикам не рекомендовалось взлетать в темное время суток. Некоторые аэродромы заливало после дождя до такой степени, что требовалось пять дней, чтобы вода ушла со взлетной полосы. Самолеты находились под открытым небом и в условиях Приморья в течение 3–4 месяцев приходили в негодное состояние. Авиабомбы хранились также на земле без укрытия. Соответствующая ремонтная база отсутствовала и до 50 % самолетов были не годны к вылетам. В итоге Сталин делал правильный вывод о том, что «значит на Дальнем Востоке наша авиация в тяжелом положении»¹.

Начальники ВВС округов на допросах «признавали», что высокая аварийность являлась следствием их «вредительской» деятельности. Так, Лапин «сознался», что 25 % аварий являются результатом «диверсионной деятельности» его организации².

15 июля Сталин получил спецсообщение начальника УНКВД по Западной области В. А. Каруцкого о недочетах в состоянии военно-воздушных сил БВО. Важно отметить, что большинство недостатков, обнаруженных в ВВС Белорусского военного округа, не зависело от его командования. Недокомплект самолетов, дефекты, обнаруженные в ходе их эксплуатации, недостаточное снабжение запасными частями – все это нельзя было вменить в вину командованию авиационных частей, которые должны были действовать с полностью готовыми для боевых действий самолетами. Однако во всех бедах был обвинен заместитель командующего БВО по авиации комдив С. А. Чернобровкин; его арестовали в июле 1937 года. Для того чтобы придать большую убедительность бесосновательным обвинениям, в донесении отмечались факты, которые, по мнению Каруцкого, должны были скомпрометировать комдива.

Он приводил данные о том, что в 1923 году Чернобровкин голосовал за резолюцию Троцкого. В качестве доказательства использовались и полученные в результате избиений показания основных участников «военно-фашистского» заговора. Начальник УНКВД цитировал показания Фельдмана: «Я имел в виду заняться вербовками в Управлении ВВС, но не осуществил этого, но я наблюдал, что и там идет расстановка троцкистов соответственно интересам заговора. Так, например, Чернобровкин – начальник ВВС БВО». Начальник штаба ВВС БВО майор Н. И. Кроленко обвинялся в том, что пользовался «исключительным покровительством» Уборевича, который назначил его на эту должность. Одновременно он отвечал и за якобы вредительское территориальное размещение аэродромов. «Виной» начальника отдела снабжения и воо-

---

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 268.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 306. Л. 87.

ружений штаба ВВС БВО бригадного интенданта Ступина был награждение его орденом Красной звезды по представлению «врага народа» Уборевича. Одновременно на Ступина возлагалась ответственность за недостатки в снабжении запасными частями. Вопрос о судьбе командующего ВВС Сталин отдал на суд наркома обороны: «Т. Ворошилову. Каруцкий требует ареста. 1. Чернобровкина. 2. Кроленко. 3. Ступина»¹. В июле все они были арестованы.

Уделяя первостепенное внимание развитию оборонной промышленности, идеи и предложения «нематериального» свойства Сталин считал менее важными. 14 мая 1938 года Ежов направил Сталину записку, в которой излагалась точка зрения арестованного начальника штаба ВВС РККА комкора В. К. Лаврова. По словам последнего, во время оперативной игры высшего начсостава РККА в начале 1937 года Тухачевский разыграл южный вариант наступления синих (Германия, Польша, Финляндия и лимитрофы²). Действия по оси Львов-Донбасс открывали для германской армии возможность нанесения чувствительных ударов по советской военной экономике. Непременным условием этих действий Тухачевский выдвигал оккупацию Чехословакии (промышленная и военная базы) и Румынии (продовольствие и топливо). Базирование авиации потенциального противника на этих территориях представляло, по мнению Лаврова, серьезную опасность для промышленного юга СССР. Его расчеты и карта, составленная им, показывали катастрофические последствия действий германской авиации. Комкор Лавров предложил конкретные меры по укреплению системы ПВО, по использованию оперативных возможностей советской авиации³. Однако данные разработки, в которых содержались значительные элементы предвидения будущих военных действий, не повлияли на судьбу комкора. В конце июня 1938 года он был приговорен к расстрелу.

Так же как и чиновники партийно-советской номенклатуры, представители высшего командного состава оправдывались перед Сталиным по поводу подозрений в связях с бывшими оппозиционерами. 10 июля Сталин получил от Ворошилова адресованное тому письмо Блюхера. В нем командующий ОКДВА в резкой форме давал отповедь всем, кто обвинял его в организации на высшем уровне встречи Рыкова во время поездки на Дальний Восток летом 1936 года. Блюхер заявлял, что не давал указаний относительно встречи Рыкова и демонстрации ему воинских частей. Все было организовано, по словам Блюхера, бывшим секретарем крайкома Лаврентьевым и председателем крайисполкома

---

¹ АП РФ. Д. 314. Л. 69–75.

² После революции 1917 года и гражданской войны лимитрофами стали называть государства, образовавшиеся на западных окраинах бывшей Российской империи: Латвию, Литву, Польшу, Финляндию, Эстонию. – *Прим. ред.*

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 343. Л. 28–48.

Крутовым; со стороны военных Рыкова сопровождал командир 26 стрелкового корпуса, уже арестованный 20 июня комдив И. И. Василевич. И далее Блюхер обрушился на Варейкиса, который, по его мнению, мог доложить другие факты. Летом 1937 года Сталин еще не подвергал сомнению политическую лояльность командующего ОКДВА, но сохранил его объяснения в личном архиве¹. Аресты руководителей Политического управления РККА в центре и военных округах позволили НКВД развернуть огромное дело о так называемом военно-политическом заговоре. В своих спецсообщениях Сталину Ежов рисовал картину всеохватывающей деятельности армейских партполитработников как составной части «военно-фашистского заговора». Во главе «антисоветской» организации якобы стоял покончивший жизнь самоубийством бывший начальник ПУ РККА армейский комиссар 1 ранга Я. Б. Гамарник. Поскольку среди высших руководителей политорганов в армии главной фигурой оставался бывший заместитель Гамарника Булин, начальник Управления по командному и начальствующему составу, то он и был «назначен» новым руководителем заговора.

Антисоветская деятельность участников «военно-политического» заговора состояла в том, что в РККА слабо проводилась работа по изгнанию из рядов партии и исключению из списков личного состава троцкистов, правых, политически неблагонадежных элементов. Помимо этого, в частности, по заданию Булина начальник отдела командного и начальствующего состава ВВС РККА Л. Ф. Гайдукевич способствовал даже возвращению в армию скомпрометированных военнотружеников.

Следователями было составлено надуманное обоснование «военно-политического» заговора. Оно заключалось в том, что Гамарник и Якир, чтобы противостоять бонапартистским планам Тухачевского якобы решили создать самостоятельную организацию, объединяющую политработников РККА. В Центральный штаб входили Булин и армейские комиссары 2 ранга: бывший заместитель ПУ РККА Г. А. Осепян и начальник ПУ ПриВО Л. Н. Аронштам. Начальник Управления ВВУЗ РККА И. Е. Славин якобы руководил филиалом организации в Ленинградском военном округе, а Б. У. Троянker, корпусной комиссар, член Военного Совета МВО являлся ответственным за ВВС РККА.

Помимо «руководителей» были указаны и другие члены «военно-политического заговора», включая армейских комиссаров 2 ранга М. М. Ланда — главного редактора газеты «Красная Звезда» и начальника ПУ СКВО Г. И. Векличева.

Немаловажное значение имел и тот факт, что Булин, Векличев в разное время являлись начальниками Политуправлений в Московском военном округе и входили в состав бюро Московского комитета партии, который возглавлял Угланов. О возможности объективных показаний о

---

¹ АП РФ. Д. 313. Л. 146–148.

своей невинности в ходе следствия не было и речи. Источником по различным средствам давления на арестованных для получения необходимых доказательств их «враждебной» деятельности. Через неделю после ареста, 14 ноября 1937 года Булин писал Ежову: «Моя семья жена и двое сыновей о моей преступной деятельности ничего не знали, поэтому прошу не репрессировать и предоставить им возможность трудовой деятельности».

На кадровых работников возлагалась задача подготовки представлений по указаниям НКВД на увольнение военнослужащих из РККА. Булин признался, что своевременно не ответил на более чем 300 представлений. Так же задерживались представления на увольнение по указаниям Военных Советов округов. Одновременно на участников «военно-политического заговора» возлагалась ответственность за то, что на освободившиеся должности не выдвигались новые командиры. В условиях тотальной чистки командных кадров «заговорщикам» вменялось в вину резкое сокращение численности будущих командных кадров в военных академиях: количество выпускников военных к осени 1937 года заметно уменьшилось, одновременно сократился набор первокурсников. Репрессии в отношении командного состава РККА самым непосредственным образом влияли на подготовку кадров.

Партполитработников обвиняли также в недостаточном разъяснении военнослужащим совместного приказа НКО и НКВД СССР о добровольной явке, более того, этот приказ якобы преподносился таким образом, что воспринимался как провокация и ловушка для честных командиров.

К участникам «военно-политического заговора» в РККА был числен и армейский комиссар 2 ранга М. И. Ланда. Протокол его допроса был послан Сталину в числе одного из первых. И в этот раз показания подследственного «редактировал» начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Николаев-Журид. В качестве главного редактора газеты «Красная звезда» Ланда подтвердил свое участие в заговоре, а также «признался», что по заданию руководства должен был постоянно поддерживать в главном печатном органе РККА авторитет Тухачевского, Якира и других участников «военно-фашистского заговора». Ланда одновременно подчеркивал, что он стремился не допускать критические статьи в отношении руководства Политуправления Красной Армии. Протокол его допроса Сталин получил в начале декабря 1937 года. К этому времени было арестовано большинство руководителей Политуправления военных округов. Свои соображения о дальнейших судьбах высшего командного состава генсек адресовал новому начальнику Политуправления П. А. Смирнову и заместителю наркома обороны Е. А. Щаденко: «Обратите внимание на показание Ланда. Видимо все отмеченные (названные) в показании лица, за исключением Мерецкова и некоторых других –

являются мерзавцами»¹. В показаниях Ланды упоминались практически все редакторы газеты «Красная звезда», газет военных округов и многие политработники, в том числе корпусные комиссары начальник ПУ ЗабВО А. М. Битте, член Военного совета Военно-морских сил Н. И. Ильин. В общей сложности 51 человек. Фамилии вышеназванных военнослужащих были отмечены Сталиным.

Протоколы допросов из центрального аппарата ГУГБ НКВД рассылались в местные органы. Репрессии в отношении партполитаппарата РККА осуществлялись в военных округах РККА по всей территории СССР.

Следует заметить, что Сталин не всегда безоговорочно доверял следственным материалам. Получив в декабре 1937 года показания начальника штаба ВВС РКА В. К. Лаврова, который перечислял участников «военно-фашистского заговора» в РККА, он резко отреагировал, когда было упомянуто имя командира 40-й авиационной бригады Я. В. Смушкевича. На полях он отметил: «Врет сволочь» и направил протокол для ознакомления Смушкевичу². То же можно сказать и о Ворошилове: Ежов несколько раз посылал ему компромат на корпусного комиссара А. В. Хрулева, но Ворошилов проявил твердость и не дал санкции на арест.

Участники «военно-политического» заговора были «разоблачены» практически во всех военных округах. Каждый начальник управления НКВД, получив из центра соответствующие протоколы допросов, находил заговорщиков в своей области. Арестованные в июне 1937 года политработники Черноморского флота дивизионный комиссар И. А. Муштафин и бригадный комиссар М. М. Субоцкий дали показания на ряд командиров. В июле последовала новая череда репрессий. После ареста 15 июля заведующего ОРПО Черноморского флота полкового комиссара И. А. Орловского в тот же день застрелился армейский комиссар 2 ранга начальник Политуправления Черноморского флота А. С. Гришин. До этого времени он проявлял постоянное беспокойство в связи с арестами руководящих ленинградских работников М. С. Чудова и И. Ф. Кадацкого, поскольку длительное время возглавлял Политуправление Балтийского флота.

2 октября 1937 года Ежов докладывал Сталину об итогах «чистки» на Черноморском флоте, к докладу был приложен протокол допроса члена Военного совета ЧФ армейского комиссара 2 ранга Г. И. Гугина. Так же как и заместитель ПУ РККА Булин он обвинялся в том, что целью приказа о добровольной явке с повинной военнослужащих считал эскалацию репрессий в Красной Армии. Для того чтобы обвинения арестованных политработников в «антисоветской диверсионно-террористической» деятельности сделать более весомыми, применялся прием, ставший стан-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 329. Л. 28.

² Там же. Л. 59.

дартным в ходе предъявления обвинений. Аварии, несчастья и случаи, произошедшие в 1930-е годы, стали приписываться целенаправленной деятельности «заговорщических групп». Конкретно Гугину имелаась вину «диверсионная» акция: взрыв аккумуляторной станции подводной лодки «Гарибальдиец» в 1934 году. Хотя экспертиза, проведенная сразу после аварии, повлекшей гибель восьми членов экипажа, показала, что причиной аварии было низкое качество отечественных аккумуляторов. При этом, эксперты отмечали, что американские аккумуляторы, полученные Россией во время Первой мировой войны, продолжали исправно работать.

В результате физических методов воздействия Гугин назвал в качестве участников «заговора» командующего Черноморским флотом флагмана 2 ранга И. К. Кожанова, по словам которого якобы главным руководителем заговорщиков являлся заместитель наркома обороны, начальник Морских сил РККА флагман 1 ранга В. М. Орлов, арестованный в июле 1937 года.

На полях протокола допроса Гугина, который указывал на конкретных участников «заговора», Сталин поставил свои пометки «арестовать». Это свидетельствовало о том, что генсек не знал, что названные Гугиным военнослужащие были арестованы ранее. То есть Сталин задним числом санкционировал аресты тех, кто уже давал показания в НКВД. Возможно, это был своеобразный прием Ежова, чтобы представить более «убедительные» доказательства для ареста представителей высшего командного состава. Изучив показания Гугина, Сталин распорядился: «Ежову. Кожанова и Орловского надо арестовать»¹. Может быть, это была и своеобразная страховка НКВД на случай, если в ходе следствия не удавалось получить доказательства, необходимые для обвинения в диверсионно-террористической деятельности. Резолюция же Сталина являлась для Ежова бесспорным доказательством вины. Частью «военно-фашистского» заговора был сфабрикованный в органах НКВД заговор, во главе которого стояли инациональные военные кадры. В течение ноября-декабря 1937 года Николаев представил Сталину три списка подлежащих аресту участников «латышской шпионско-фашистской» и «военно-фашистской» организаций. На списках Сталин оставил свои пометки: «Не возражаю», «За арест всех»². Эта операция нашла продолжение практически во всех управлениях НКВД. В декабре 1937 года Ежов направил Сталину спецсообщение об арестах руководящего состава Ленинградского военного округа. Заковский руководствовался установками центра о необходимости разоблачения «латышской контрреволюционной организации», в составе которой оказались руководящие работники ЛВО, латыши по национальности — секретарь штаба

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 323. Л. 28.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 20, 32.

ЛВО батальонный комиссар А. Л. Зелит, начальник отдела агитации и пропаганды корпусной комиссар ПУ ЛВО А. К. Рудзит, член коллегии Военного трибунала К. Петерсон, комбриг командир 7 стрелкового корпуса И. Н. Калован и другие.

Не менее значимым для РККА стал так называемый «военно-эсеровский заговор», который был сфабрикован в соответствии с указаниями Сталина. Накануне ареста, 6 января 1937 года командующий БВО командарм 1 ранга И. П. Белов, на очной ставке с Урицким и Булиным в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова отрицал свое участие в каких-либо заговорах. Однако уже 7 января на допросе он «признал», что является членом эсеровской организации. Якобы еще в период стажировки в Германии он встречался там с Н. Н. Масловым: «Я вчера на очной ставке с Урицким и Булиным, совершил новое тяжкое преступление. В присутствии т. Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова не признал себя виновным». Белов также «сознался», что он был завербован в группу правых в РККА Бухариным; что в 1917-1918 годах состоял в партии эсеров, о чем дал показания на следующий день после очной ставки в присутствии Сталина. Его заявление на имя Ежова, произвело впечатление на Сталина, который специально отметил в показаниях все, что касалось эсеровского прошлого Белова. 17 января Сталин направил Ежову записку: «1. Линия эсеров (левых и правых вместе не размотана... Если бы Белов сам не стал бы разматываться по линии эсеров, НКВД сидел бы в потемках. Белов сказал кое-что, но не все сказал. Паскуцкий, Урицкий, Фельдман должны дополнить Белова. Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне армии сохранилось у нас немало. Есть в НКВД учет эсеров («бывших») в армии. Я хотел бы его получить и побыстрее»¹.

После этой сталинской записки характер допросов Белова резко изменился. Записка была своеобразным социальным заказом разоблачить новое направление, вернее, ответвление «военно-фашистского заговора» — «военно-эсеровский заговор». С полным правом можно утверждать, что данный «заговор» появился в результате сталинских указаний.

Уже 18 января, буквально на следующий день в деле Белова произошел коренной поворот. Главное внимание следователей НКВД было теперь сосредоточено на выяснении его «эсеровского» прошлого и «комплектации» списка участников «военно-эсеровского» заговора. В его состав включили начальника Артиллерийского управления РККА Н. А. Ефимова, командующего САВО Грязнова, командующего ЗаБВО командарма 2 ранга М. Д. Великанова, всего около 30 военнослужащих².

В феврале 1938 года Ежов представил Сталину фамилии выявленных бывших членов эсеровской партии в частях РККА. Из общего количе-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 330. Л. 18.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 343. Л. 16-22, 164.

ства (около 250 человек), Сталин отметил менее десяти фамилий военнослужащих, которые затем были арестованы.

Говоря о беспочвенности и бездоказательности обвинений в «контрреволюционной» деятельности, выдвинутых в отношении командного состава РККА, нельзя не отметить и реальных недостатков и упущений, которые имели место в Красной армии в период ее бурного развития. В годы массовых репрессий все недостатки как объективного, так и субъективного плана, связанные с повышением боеготовности Красной армии, квалифицировались в подавляющем большинстве как результат происков «заговорщиков». Например, летом 1938 года в докладной записке начальника Особого отдела «О состоянии химвооружения РККА», направленной Сталину и Ворошилову, давалась оценка состояния химической службы. Слишком медленное продвижение новых образцов химвооружения в войска (5–6 лет), низкая эффективность работы ведомственного института, сокращение финансирования фундаментальных разработок — все это расценивалось как умышленное вредительство, хотя в записке отчетливо видны явные противоречия в анализе положения дел. С одной стороны, констатировалось, что «химвооружение РККА по многим видам осталось на уровне времен империалистической войны», а с другой утверждалось, что «новейшие образцы химических средств нападения и защиты... передавались иностранным разведкам». После ареста бывшего начальника ХИМУ РККА Я. М. Фишмана был поставлен вопрос об аресте вновь назначенного комкора М. О. Степанова. Чуть ранее Сталин и Молотов были ознакомлены с докладом от 23 апреля 1938 года об уровне и качестве исследований в научном институте, разрабатывавшем новейшие средства химической защиты и нападения. На примере проведенного в январе того же года испытания новых отравляющих веществ и средств защиты раскрывались многочисленные нарушения в программе испытаний: не была проведена предварительная рекогносцировка местности, организовать бомбежку фосгеном не удалось; запланированное испытание отравляющих веществ в условиях низких температур (–35 — –40 градусов) проводились при температуре –8 градусов; целый ряд нужных приборов не взяли на испытание; несколько человек из экспедиции получили поражение отравляющими веществами; не была организована охрана территории, где проходили испытания, в результате чего местные жители — буряты проехали на верблюдах по зараженной местности и многое другое. На основании указанных фактов предлагалось арестовать комкора Степанова и начальника института комбрига Г. И. Брынкова¹.

Наряду с причастностью к «заговорам» начальникам главных управлений НКВД, командующим округами, дивизиями вменялись в вину также конкретные недостатки в их непосредственной служебной деятельности. Так, были последовательно арестованы и приговорены к длительным

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23534 т. Т. 1. С. 103–107.

срокам заключения начальники Военно-химического управления РККА коринженер Я. М. Фишман и комкор М. О. Степанов.

Командующие военными округами: Великанов (ЗабВО), Грязнов (САВО), Куйбышев (ЗакВО) говорили о проблеме подготовки войск, которая характеризовалась серьезными недостатками. Низкое качество производимой техники становилось причиной невыполнения поставленных задач. Так, в январе 1936 года потребовалось срочно перебросить в МНР усиленный танковый батальон из группировки войск в ЗабВО. В связи с возможной угрозой нападения Японии на Монголию советское правительство приняло решение помочь МНР военной техникой. На первом этапе реализации эта операция была провалена. Сложные погодные условия, плохое состояние дорог привело к тому, что указанные сроки были сорваны, около 75 % танков застряли по пути следования колонны.

Однако главным пунктом обвинений командного состава армии были просчеты в боевой и мобилизационной подготовке, разработке оперативных планов, неудовлетворительное обеспечение войск вооружением. Командующий ЗабВО командарм 2 ранга М. Д. Великанов признал, что в бытность его командующим Средне-Азиатским военным округом руководство округа занималось очковтирательством, в частности, во время маневров. Командный состав округа заранее выезжал в район предполагаемых учений и определял будущие действия по выводу войск с мест постоянной дислокации. В Забайкальском округе также накануне учений проводились подготовительные мероприятия по подготовке будущих маневров: укреплялись дороги для прохода тяжелой техники, проводилась рекогносцировка на местности, о начале учений личный состав оповещался заранее. Однако даже несмотря на заранее проведенную подготовку, отсутствие развитой инфраструктуры в районах проведения учений в ЗабВО, САВО, ЗакВО предопределяло нарушение сроков выдвигания войск.

Снабжение войск округов военной техникой значительно опережало сроки строительства ремонтных заводов и мастерских, что приводило к тому, что в каждом округе скапливалось значительное количество неисправных, нуждающихся в ремонте танков, автомобилей, самолетов.

Командующим ставилось в вину и то, что в ходе военных учений слабо отработывалось взаимодействие различных родов войск. Например, при выработке оперативного плана на иранском направлении не был продуман вопрос о взаимодействии сил ЗакВО и Каспийской военной флотилии. Для десантирования войск на Каспии не хватало соответствующего количества судов и других плавсредств. Неприкосновенные запасы боеприпасов, вооружений при отсутствии соответствующих условий хранения приходили в негодность.

Недостатки в проведении мобилизационных мероприятий заключались и в том, что приписной состав не мог выполнять задачи, кото-

рые на него возлагались, поскольку военнослужащие не имели соответствующей квалификации. Качество призыва даже в кавалерийские части было таким низким, что командиры шутили: «Это не конница, а ездящая пехота».

Не менее серьезные испытания выпали на долю командующих округами во время реальной переброски больших групп войск в Забайкальском военном округе в августе 1937 года. Сказались и недостаток горючего для техники, когда выяснилось, что завезли главным образом топливо высшего качества для авиации, и поломки техники на протяжении всего пути, и отсутствие ремонтной базы, и срыв продовольственного обеспечения — все характерные недостатки формирования советской группы войск на территории Монголии¹.

Типичной картиной для частей Красной Армии того времени было использование красноармейцев и призванных на мобилизационные сборы гражданских лиц на хозяйственных работах и строительстве. Особенно часто отвлекались от военной подготовки военнослужащие ЗабВО, которым пришлось буквально на пустом месте создавать необходимую инфраструктуру. Однако это не была вина командующих военными округами; созданию нормальных бытовых условий для командиров Красной Армии, не говоря уже о красноармейцах, вообще не уделялось должного внимания в стране. Например, на жилищное строительство для военнослужащих САВО в 1937 году было выделено 15 миллионов рублей на весь округ. «Вина» командующего заключалась в том, что значительную часть средств он направил на ремонт здания, где размещалось командование округа, ибо сумма, выделенная на улучшение жилищных условий, была смехотворной. Для сравнения: наркома коммунального хозяйства подвергли критике за то, что на строительство Дома советов в Ростове вместо запланированных 10 миллионов рублей, был истрачен 31 миллион.

Имелось значительное отличие в обвинениях, предъявленных командующим военными округами, это зависело от специфики региона. Так, в показаниях командующих ЗакВО и САВО отмечался национальный аспект, их связь с так называемыми националистическими проявлениями в республиках. Командующего ЗакВО Куйбышева обвиняли в том, что он пытался сформировать из азербайджанской дивизии ударную военную силу националистов. В июне 1937 года, принимая командование округом от командарма 2 ранга М. К. Левандовского он узнал, что в ЗакВО из 7 командиров дивизий 5 были арестованы, а из 26 командиров полков осталось 7².

Однако Куйбышев не был исключением в развернувшейся в стране вакханалии арестов. 2 июля, сразу после назначения он и первый секре-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23448. Л. 547.

² Там же. АСД Р-10658.

тарь ЦК КП(б) Азербайджана М. А. Багиров направили шифротелеграмму Сталину с сообщением о «раскрытом» органами НКВД заговоре в азербайджанской дивизии, которая представляла собой центральное звено повстанческого движения. Предлагалось арестовать командный состав этой дивизии. Сталин написал на телеграмме: «За арест». Предложение Куйбышева и Багирова, которое переадресовывалось для исполнения Ежову, поддержал и Ворошилов. Конечно, Куйбышев не мог предполагать, что через несколько месяцев он сам будет выступать в качестве соучастника «заговора», к «раскрытию» которого имел непосредственное отношение.

Аресты и последующие обвинения в адрес командиров корпусного и дивизионного звена были в определенной мере однотипными. Так, командир 26 стрелкового корпуса ОКДВА комдив И. И. Василевич был арестован 20 июня 1937 года на основании материалов, поступивших из НКВД Белоруссии. В начале 1930-х годов он являлся начальником Минского военного училища. Первоначально от него «получили» показания о том, что он входил в так называемую нацдемковскую организацию белорусских националистов, якобы ставившую своей целью отделение Белоруссии от СССР. Эта информация была получена после ареста 2 секретаря ЦК КП (б)Б И. А. Василевича и разгрома руководящего партийно-советского аппарата в республике. Однако в декабре 1937 года появились новые обстоятельства. Во-первых, объективные трудности, связанные с фактором размещения мощной группировки войск на Дальнем Востоке, которые фигурировали в показаниях командования ЗабВО и ОКДВА, присутствовали и в показаниях Василевича. Отвлечение красноармейцев на строительные работы в интерпретации следователей означало целенаправленную деятельность «по срыву боевой подготовки». В январе 1938 года Василевич «признал» участие в заговорщической организации заместителя наркома обороны бывшего командующего Приморской группой командарма 1 ранга И. Ф. Федько. Затем следователи «раскрыли шпионскую» работу Василевича. И здесь упоминались арестованные к декабрю 1937 года начальник РО штаба ОКДВА Валин и военные атташе СССР: в Японии И. А. Ринк, в Китае — Э. Д. Лепин¹.

В феврале 1938 года в показаниях Грязнова, Белова и других командующих округами подозрительно синхронно стала возникать фамилия бывшего инспектора кавалерии РККА, а с 1937 года командующего МВО маршала С. М. Буденного. В конце января 1938 года Ежов переслал Сталину заявление помощника инспектора кавалерии комбрига Б. К. Верховского. Сталин направил его копии руководству наркомата обороны, в том числе и Буденному. Ежов представил очередной «военно-монархический» заговор. Верховский отмечал, что Буденный, будучи инспектором кавалерии, окружил себя группой особо приближенных

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-10658. Л. 44–49.

офицеров, которые всячески восхваляли его как выдающегося командира Первой конной армии, незаслуженно отстраненного от руководства Красной Армией. В этой группе присутствовали и бывшие офицеры царской армии. Среди участников заговора Верховский назвал также ранее арестованных командира казачьего корпуса комкора И. Д. Косогова, помощников инспектора кавалерии РККА полковника Л. З. Федоренко, комбрига А. Г. Голикова¹.

Начальник КРО ГУГБ НКВД Н. Г. Николаев арестованный в октябре 1938 года, показал, что участниками «военно-монархического» заговора был также комкор И. С. Кутяков, заместитель командующего ПриВО, выходец из Первой конной армии. Ему отводилась роль связника с Московским центром «заговора». Связь с правотроцкистской группой в Северо-Кавказском крае и Б. П. Шеболдаевым осуществлял командарм 2 ранга начальник Управления боевой подготовки РККА Н. Д. Каширин². В феврале 1938 года Сталин получил заявление Великанова, в котором тот подробно описывал недовольство Буденного недооценкой своих заслуг перед государством в годы гражданской войны. Подчеркивая свою значимость, Буденный считал незаслуженным прославление в качестве выдающегося полководца Ворошилова, который не мог идти в сравнение с ним как с подлинным героем гражданской войны. Однако, по словам Великанова, всякая критика Ворошилова прекратилась после того, как Буденный в 1935 году получил звание маршала. С этих пор он, наоборот, стал всячески подчеркивать выдающуюся роль Ворошилова³.

13 февраля Ежов направил Сталину заявление арестованного адъютанта Буденного полковника М. М. Аквилянова. Сталин разослал копии Ворошилову, его заместителям и Буденному. В этом документе, подготовленном следователями НКВД, утверждалось, что Буденный питает слабость к лести, любит, когда его хвалят, называют самородком, которому нужен большой размах в работе. Ежов представил совпадающие вплоть до деталей показания Аквилянова, Верховского и Великанова об окружении Буденного – состоящем из «белогвардейцев и офицеров царской армии». Аквилянов описывал нервное состояние Буденного после ареста 22 ноября 1937 года члена Военного совета МВО корпусного комиссара Б. У. Трояниера. На совещании в штабе Московского военного округа Буденный вдруг стал рассказывать о том, что он был на даче, где присутствовали Якир и Уборевич, и думал, что они убьют его⁴.

Таким образом, в феврале 1938 года реально возникала угроза ареста Буденного. Сталин, прочитав показания Аквилянова о том, что он знакомился с секретными документами партии и правительства, которые по-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 331. Л. 46–53.

² ЦА ФСБ. АСД Н-14741. Т. 3. Л. 66.

³ Там же. АСД Р-23534. Т. 2. Л. 1–3.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 323. Л. 9–18.

лучал Буденный, дал указание: «Не посылать больше Буденному секретных материалов»¹. 20 февраля и 14 марта он был на приеме у Сталина в Кремле. Очевидно, заслуги в годы Гражданской войны, заступничество наркома обороны и благосклонность Сталина сохранили жизнь командующему Первой конной армией.

Совершенно иначе сложилась судьба другого маршала Советского Союза бывшего первого заместителя наркома обороны А. И. Егорова. 19 декабря 1937 года Ворошилов направил Сталину заявление от двух высших командиров Красной Армии, в котором те сообщали о высказываниях Егорова в их присутствии на даче у последнего 30 ноября 1937 года. В заявлении говорилось, что, изрядно выпив, Егоров стал выражать недовольство оценкой заслуг Ворошилова в годы Гражданской войны. Возвеличивание роли Сталина и Ворошилова, по мнению Егорова, не соответствовало действительности, поскольку они не руководили операциями, в то время как его роль замалчивается².

Сталин, безусловно, крайне негативно отнесся к высказыванием Егорова. Ворошилов также принял к сведению полученную информацию и позднее дал крайне отрицательную характеристику Егорову, который, как отмечалось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «на посту начальника штаба РККА работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам польской, немецкой и итальянской разведок Левичеву и Меженинову».

Ежов в период с 19 декабря до решения Политбюро 25 января 1937 года по Егорову дал соответствующее поручение начальнику КРО Николаеву и в итоге были получены соответствующие показания от Белова, Орлова о «связях» Егорова с участниками «военно-фашистского» заговора. После такой оценки деятельности Егорова его отстранили от должности ввиду того, что он «не может пользоваться полным политическим доверием ЦК ВКП(б) и СНК СССР». Было решено «в качестве последнего испытания» назначить его командующим одним из второстепенных военных округов³. Ежов воспринял решение Сталина в качестве указания для дальнейшей дискредитации Егорова. В результате допросов были получены самые различные показания о его «контрреволюционной» деятельности. Для компрометации Егорова использовали и тот факт, что его жена Пешковская была полькой по национальности; в НКВД она призналась в шпионской деятельности.

Важно отметить, что Ежов одобрял действия сотрудников НКВД, которые использовали любые возможности для компрометации военачальников. Для этих целей выбирались ближайшие родственники. Так, в отношении жены Левандовского отмечалось, что она неоднократно об-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 404. Л. 95.

² Там же. Д. 329. Л. 89.

³ Там же. Д. 330. Л. 112–113

рашалась в эстонское представительство, а в период пребывания мужа в командировке в Китае, была лично знакома с Чин Кайши. Куйбышеву ставили в вину то, что его жена являлась харбинкой, то есть приехала в СССР после продажи КВЖД и для органов госбезопасности являлась потенциальной японской шпионкой.

На допросе 23 февраля Левандовский признал, что Егоров являлся эсером. К этому времени Ежов ориентировал соответствующим образом Николаева-Журида, и на очной ставке между Грязновым и Беловым 26 февраля 1938 года «выяснилось», что Егоров являлся участником «заговора», а известно это было якобы от Гамарника и Левичева. Кроме того, было известно, что Егоров находился в дружеских отношениях с арестованными Рудзутаком, Гринько, Антиповым.

К концу февраля 1938 года Ежов организовал очную ставку Егорова с арестованными Беловым и бывшим начальником управления ПВО РККА командармом 2 ранга А. И. Седакиным, во время которой они обвинили Егорова в участии в «заговоре»¹.

На очной ставке присутствовал и нарком обороны; он обвинял командующих округами в неискренности, сокрытии правды об участии в «заговоре». По свидетельству Грязнова, Гамарник не очень охотно говорил о Егорове, что являлось косвенной попыткой избежать ложных показаний. Ворошилов по этому поводу съязвил: «Словом, обнаружили заговор против заговора».

Егоров был арестован в апреле 1938 года. Основанием для ареста, безусловно, было его критическое отношение к роли Сталина и Ворошилова в Гражданской войне, остальные обвинения были сфабрикованы Ежовым и его подчиненными.

Арест Председателя Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдемана отразился на руководителях всех структурных подразделений этой организации. Получив 26 июня 1937 года протокол допроса председателя саратовского областного совета Осоавиахима Г. Сараева, Сталин подчеркнул фамилии всех поименованных начальником УНКВД Я. С. Аграновым руководящих работников области — не только по линии Осоавиахима, но и представителей партийно-советского актива². В разработанной НКВД схеме осоавиахимовским организациям отводилась роль вспомогательных формирований «военно-фашистском» заговора в РККА. Поэтому различные мероприятия по обучению военному делу стали трактовать как репетиции будущих действий повстанческих сил. Например, в Сталинграде в 1936 году было организовано представление, воссоздававшее картины обороны города в годы гражданской войны. Выступление «Ворошиловских всадников», подготовленных по линии Осоавиахима, и парад казачьих кавалерийских частей органы госбезопасности назва-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 338. Л. 4.

² Там же. Д. 312. Л. 1–2.

ли смотром «контрреволюционных» формирований. Поскольку в это время реанимировалась идея о враждебном отношении бывших казаков к советской власти, участники парада были объявлены «контрреволюционными» элементами. Председатель областного Совета Осовиахима А. В. Ювенский «признался» на допросе, что Эйдеман остался доволен его деятельностью по подготовке повстанческих кадров и «засорению» организаций Осовиахима антисоветскими кадрами. Многие военнослужащие, уволенные из Красной Армии по причинам политической неблагонадежности, действительно, находили работу в качестве инструкторов, преподавателей в осовиахимовских подразделениях. Самое суровое обвинение состояло в том, что работники Осовиахима якобы «подрывали» оборонную работу, организацию военной подготовки населения.

Важно отметить, что летом 1938 года была начата, однако быстро прекращена, операция по увольнению из армии военнослужащих по признаку национальной принадлежности. Сначала, 11 июня 1938 года замнаркома НКВД М. Фриновский направил шифротелеграмму в органы НКВД, в которой подверг критике действия начальников особых отделов и управлений НКВД за «поверхностное» отношение к получению санкций на увольнение или аресты военнослужащих. Ошибки заключались в том, что оснований для арестов было крайне недостаточно. Часто в качестве аргумента лишь ссылались на то, что такой-то военнослужащий проходит по показаниям арестованного. Никакими конкретными материалами обвинения во вредительстве или диверсионной деятельности в большинстве случаев не подтверждались. В результате, отмечал Фриновский, невозможно было оперативно согласовать вопрос с командованием, посылать дополнительные запросы, что затягивало время получения санкции. Эта телеграмма косвенным образом свидетельствовала о том, что нарком обороны К. Ворошилов использовал указанные выше факты для смягчения репрессий в отношении РККА. А при случае он мог и пожаловаться на работу НКВД И. Сталину. Поэтому от своих подчиненных Фриновский потребовал, чтобы к справкам на арест или увольнение прилагались протоколы допросов, акты обследований и экспертиз, подтверждавшие факты вредительской или диверсионной деятельности, протоколы допросов свидетелей, характеристика служебной деятельности военнослужащего¹.

В конце июня 1938 года нарком обороны разослал директиву военным советам округов армии, начальникам академий РККА, копия направлялась также начальнику 2 Управления НКВД. Ранее по линии НКО было дано указание составить списки немцев, латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, румын, корейцев и других национальностей, которые не относились к народам СССР — служащих командно-начальствующего состава Красной Армии. В директиве указывалось, что представленные

---

¹ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1410. Л. 288-291.

списки оказались неполными, и последовал приказ еще раз «тщательно проверить и выявить этих лиц всех без остатка как среди военнослужащих, так и вольнонаемных». Предлагалось составить два списка: один — на родившихся и проживавших за границей, другой — на лиц, имеющих родственников за границей. Все эти военнослужащие подлежали немедленному увольнению из армии вне зависимости от наличия или отсутствия компрометирующих материалов. В течение недели до 1 июля 1938 года списки на командный политический и начальствующий состав необходимо было выслать в Управление по комначсоставу РККА. На основе директивы наркома обороны аналогичные по содержанию меры предусматривались по линии особых отделов, которые совместно с командованием участвовали в ее реализации.

Но уже 17 июля 1938 года последовали коррективы из НКВД СССР. Ежов осудил кампанейщину в выполнении директивы: некоторые особые отделы «арестовывают почти всех увольняемых, независимо от наличия компрометирующих материалов». Расплывчатый и неопределенный характер документа привел к тому, что из армии стали увольнять не только лиц иностранного происхождения, но и русских, украинцев, евреев и других. В определенной мере указание Ежова стало сдерживающим фактором репрессий в РККА¹.

Однако нарком НКВД исправлял фактически собственные ошибки. В развитии указаний наркома обороны об увольнении из армии военнослужащих инонациональностей он подписал 19 июня меморандум № 1355, в котором обязал особые отделы контролировать выполнение директивы НКО по увольнению военнослужащих. Ежов «конкретизировал» документ, усилил и фактически изменил смысл указаний Ворошилова. Конкретизация наркома НКВД заключалась в том, что особысты должны были «на каждого увольняемого немедленно подобрать компрометирующие данные и при наличии материалов, уличающих или дающих основание подозревать увольняемого в шпионаже, диверсии, вредительской деятельности, изменнических намерениях, в участии в заговоре или иной антисоветской организации, немедленно арестовывать». То есть он придал этой операции характер массовой кампании².

Еще ранее Фриновский потребовал объяснений в связи с тем, что в списки был внесен старший лейтенант Красной Армии. В октябре 1937 года помощник Прокурора СССР Г. Леплевский направил замнаркома НКВД М. Рыжову записку, в которой напомнил, что в соответствии с постановлением от 17 июня 1935 года даже вольнонаемные инженеры, техники, конструкторы и технические руководители предприятий НКО не могут быть арестованы без предварительного согласия наркома обороны. Командный состав Красной Армии после получения из НКО санкции на

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1410. Л. 266–267.

² См. док. № 19 Приложения.

арест подлежал суду Военных Трибуналов или Военной коллегии Верховного суда.

Постепенно в ходе операции по «инонациональностям» все чаще допускались серьезные упрощения даже в этой, далекой от совершенства, процедуре арестов. В начале 1938 года были выработаны директивы по проведению операций в отношении находившихся на территории СССР иранских граждан и афганцев; предприписывалось «при необходимости производства арестов лиц командного и начальствующего состава, имеющих военные и специальные звания, а также специалистов и лиц, входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б), запрашивать санкции НКВД»¹. То есть де факто предполагалось нарушение установленной нормы, предусматривающей получение согласия на арест лиц из числа командного состава РККА от наркома обороны.

Значительный и непоправимый ущерб сталинская репрессивная политика нанесла армейской разведке. Аресты сотрудников Разведывательного управления штаба РККА занимали определенное место в общей цепи арестов. Обвинения высшего командного состава в шпионской деятельности, связях с иностранными разведками можно было «доказать» в отношении тех сотрудников, которые по служебной необходимости регулярно выезжали за рубеж. Аппараты военных атташе были тесно связаны в своей деятельности с политической разведкой ИНО ГУГБ НКВД СССР, дипломатическими и торговыми представительствами страны за рубежом, с деятелями Коммунистического интернационала.

Начальники разведывательных отделов штабов РККА одновременно являлись и частью высшего командования военных округов, так что их аресты находились в едином русле репрессий, развернувшихся в СССР в тот период.

После ареста Г. Ягоды под подозрение попала многочисленная группа бывших сотрудников ИНО ГУГБ НКВД, которую по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в 1934 году направили в военное ведомство для усиления разведывательной работы.

Таким образом, в процессе ликвидации последствий «вредительства» Ягоды были репрессированы не только сотрудники НКВД, направленные в РУ РККА в предшествующий период, но и аппарат разведывательных подразделений РККА.

Поиск участников «военно-фашистского» заговора на Дальнем Востоке и Тихоокеанском флоте начался в апреле 1937 года, что не могло не отразиться на сотрудниках разведотделов соответствующих штабов. Получив в июле протокол допроса командующего ВВС ОКДВА комкора А. Я. Лапина, Сталин, как всегда, активно вмешался в деятельность органов госбезопасности. По его указанию была проведена проверка только

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1528. Л. 474–477.

что назначенного заместителем командующего ОКДВА армейского комиссара II ранга Я. К. Берзина, который с 1924 по 1933 год возглавлял РУ РККА. В то же самое время членом Военного Совета ОКДВА являлся сотрудник РУ РККА В. Х. Таиров. Сталин поставил перед следователями НКВД вопрос: «Состоял ли в заговоре Берзин, который перенял от Таирова развед. органы на Дальнем Востоке?».

Чуть ранее Сталин получил от Ежова сообщение бывшей домработницы Берзина, которая рассказала, что Берзин был «своим» человеком для Троцкого, который обещал ему, тогда начальнику IV Управления штаба РККА, что тот «в любой момент может полагаться на совместную работу с ним, Троцким», если покинет службу в Разведуправлении. В личной библиотеке Берзина, сообщила домработница, имелось много белогвардейских изданий, как на русском, так и иностранных языках, в том числе работы Троцкого, которые Берзин давал читать своим товарищам. В «порядке выяснений троцкистских связей» бдительная домработница доносила также о долголетней тесной дружбе Берзина с Эйдеманом. Сталин принял решение за наркома обороны: «Надо Берзина перевести на строевую службу»¹.

В мае 1937 года упоминавшийся выше заведующий отделом международных связей Коминтерна Мельников как бывший сотрудник РУ РККА в ходе следствия сообщил о сотрудничестве с японской разведкой работника японской резидентуры военной разведки РККА полкового комиссара 1-го секретаря полпредства СССР в Японии А. Б. Аскова.

Из их показаний следовало, что вся агентурная сеть в Маньчжурии, Китае, Италии, Германии, Чехословакии и Америке была выдана ими японской разведке. Начальник Восточного отдела РУ РКК Ф. Я. Карин под давлением следователей назвал ряд ценных агентов, в том числе «Рамзая», которые якобы были выданы им иностранным разведкам.

Сталин дал указание Ежову провести проверку на западных границах СССР и даже наметил направление возможных итогов проверки. «Как обстоит дело с окружной войсковой разведкой на Украине, в Белоруссии, в Ленинграде? – ставил вопрос Сталин – Не связывала ли она троцкистов с Польшей, так же как наша разведка на Дальнем Востоке связывала троцкистов с японцами»².

В конце июня 1937 года Сталин получил шифротелеграмму Г. С. Люшкова с сообщением о массовых арестах среди сотрудников разведывательных органов ОКДВА. Сталин выписал фамилии начальника разведотдела А. Ю. Валина, который работал уже в Москве, и бывшего помощника начальника разведотдела капитана С. К. Винниченко, а также

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 313. Л. 67–69.

² Там же. Д. 316. Л. 86.

распорядился уточнить, кто являлся представителями разведотделов Тихоокеанского флота и в Приморье¹.

В течение второй половины июля разведотдел ОКДВА был фактически разгромлен. Дальнейшая эскалация арестов в значительной мере связана с указаниями Сталина. 27 июля 1937 года ГУГБ НКВД направило на места шифротелеграмму об аресте участников военного заговора, выявленных в разведорганах РККА, в ней фигурировали фамилии привлечших внимание Сталина сотрудников ОКДВА. Первым арестовали начальника 2-го отдела РУ РККА комбрига А. Ю. Валина (Гайлиса), до апреля 1937 года возглавлявшего РО ОКДВА. В начале августа та же участь постигла нового начальника разведки Дальневосточного округа полковника М. К. Покладака, бывшего начальника 2-го отдела РУ РККА, а также десятки других сотрудников.

В августе 1937 года Ежов постоянно информировал Сталина о деятельности управлений по ликвидации последствий вредительства в разведывательных органах военных округов. Волна арестов на Дальнем Востоке ширилась, затронув разведотделы Приморской группы войск и Тихоокеанского флота. Сотрудники УНКВД ДВК и Особого отдела ОКДВА докладывали в центр, что «руководство разведотделов целиком захвачено японским генштабом, вся работа на территории противника провалена, агентурной сети на военное время нет, находящаяся на территории противника агентура перевербована японцами»².

Компрометация высшего руководства военной разведки привела к чехарде в назначениях. Сменивший в 1935 году Я. К. Берзина С. П. Урицкий в июне 1937 года был освобожден от должности на основе показаний арестованных участников «военно-фашистского» заговора. Немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что в 1932 году он возглавлял советскую военную делегацию в Германии. А обвинения «в связях» с германским генеральным штабом являлись одними из самых тяжких. Напрямую его не обвиняли, но было отмечено, что Урицкий «снабжал высший командный состав сигарами, английским табаком, давал информацию об иностранных армиях»³.

В этот период Ежов добился того, что руководство Разведупра представило в глазах Сталина оплотом заговорщиков. Так, 22 июня 1937 года Сталин получил протокол допроса секретаря ЦК КП(б) Украины Н. Н. Попова, который рассказал о тесных связях бывшего начальника Особого отдела КВО старшего майора госбезопасности М. К. Александровского с командующим округом Якиром. Попов вспоминал, что после учений в Киевском военном округе в конце 1936 года на приеме, устроенном для генералитета, Якир провозгласил тост за лучшего начальника военной контрразведки, что якобы свидетельствовало о его причастности к заговору.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 405. Л. 174.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 155. Л. 773.

³ Там же. АСД Р-9000. Л. 76.

С января 1937 года Александровский занимал пост заместителя начальника РУ РККА. Он был арестован на следующий день после ареста 7 июля 1937 года бывшего наркома НКВД Украины В. А. Балицкого.

В показаниях Балицкого от 17 июля 1937 года, которые Ежов направил Сталину, последний среди прочих обвел фамилию Александровского и приписал: «Обсудить с Ежовым». Балицкий прямо назвал своего бывшего подчиненного участником заговора¹.

Аресты руководящих работников в центре и в военных округах, компрометируя верхушку РУ РККА — все это стало причиной дезорганизации деятельности военной разведки. Сталин принял решение передать ее под контроль НКВД. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 1 июля 1937 года было принято решение об освобождении от должности начальника РУ РККА Берзина. Одновременно Сталин усилил позиции Ежова в военном ведомстве, что не способствовало укреплению единства внутри Политбюро, поскольку являлось ущемлением роли Ворошилова. С подачи Сталина Ежову поручалось «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать — по согласованию с наркомом — неотложные оперативные меры, выявить недостатки Разведупра и через 2 недели доложить ЦК свои предложения об улучшении работы Разведупра и укреплении его свежими кадрами»². В этом же решении Политбюро временное исполнение обязанностей начальника военной разведки возлагалось на комдива А. М. Никонова, который с декабря 1934 года являлся официальным заместителем начальника Разведупра. Это был один из старейших сотрудников Управления. Пришедший в военную разведку в 1921 году, Никонов прошел все ступени служебной карьеры — от помощника начальника отделения до заместителя управления. Его связывали тесные дружеские отношения с Берзиным. Поэтому Ежов, продолжая «чистку» Разведупра, предоставил Сталину компрометирующие материалы и на Никонова: якобы Якир через Александровского давал задание присмотреться к заместителю начальника Разведупра. Ежов ознакомил Сталина с показаниями заместителя начальника Генштаба РККА комкора С. А. Меженинова, которые были составлены одним из самых «опытных» сотрудников НКВД Ушаковым.

Меженинов утерял несколько документов и сообщил об этом заместителю начальнику РУ РККА Никонову. Напуганный арестами высшего командного состава, он 10 июня он пытался покончить жизнь самоубийством. Ежов дал указания Николаеву: «Меженинова, как только можно будет, надо перевести в тюремную больницу (из кремлевской) и по всем этим делам крепко допросить»³. Поскольку состояние Меженинова было тяжелым, и он не мог писать, один из сотрудников Особого отдела под-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 316. Л. 8–12.

² Петров Н., Яцен М «Сталинский питомец» Николай Ежов... С. 80–81.

³ ЦА ФСБ. АСД Р-8341. Л. 256.

готовил — якобы после допросов Меженинова — протоколы от 27 июня, 1, 10 июля и 1 августа, где содержалась информация о Никонове.

Ежов подготовил для Сталина справку о том, что заместитель начальника Разведупра передал Тухачевскому материалы о вооруженных силах Польши и Германии, которые тот не вернул. Сам факт ознакомления заместителя наркома обороны с материалами об иностранных армиях не содержал в себе ничего подозрительного. Но в ситуации, когда высший военный состав РККА обвинялся в передаче разведкам иностранных государств различных секретных материалов, такого рода сведения служили благоприятным фоном для усиления шпиономании. Поэтому Сталин поддержал предложение Ежова: «На основе показаний арестованных полагаю, что его в Разведупре держать и одного дня нельзя»¹. 5 августа Никонов был арестован, а Разведывательное управление перешло в полное подчинение НКВД.

Влияние Ежова и его ведомства возросло настолько, что Ворошилов даже не пытался защитить от ареста начальника Разведуправления комкора С. П. Урицкого. В октябре 1937 года он писал Ежову: «Н.И. [Николай Иванович. — авт.] Николаев [начальник ОО ГУГБ НКВД. — авт.] ставит вопрос об аресте Урицкого. Вы хотели его принять, когда сможете это сделать?»².

В сентябре 1937 года Ежов добился у Сталина назначения на должность исполняющего обязанности начальника Разведупра контрразведчика, старшего майора госбезопасности С. Г. Гендина. А в личных беседах с Николаевым заявлял, что будет лично руководить военной разведкой.

В ноябре 1937 года Сталин дал санкцию на аресты бывших начальников разведки Урицкого и Берзина. Поручив их допросы Николаеву, Ежов при помощи сфабрикованных показаний формировал у Сталина убежденность в том, что сотрудники армейской разведки, включая высшее руководство, работало на иностранные разведслужбы. Для того чтобы картина выглядела более убедительно, генсеку докладывали систематизированные данные о руководителях разведывательных органов, сотрудниках зарубежных аппаратов разведки, разведывательных отделов штаба РККА и военных округов.

Например, Берзина обвинили во всех провалах военной разведки. В 1933 году якобы именно он выдал советскую резидентуру в Германии, когда был арестован групповод Ю. Тросин, подготовил копенгагенский провал весной 1935 года. Он «признался» и в том, что после заключения соглашения между СССР и Чехословакией об обмене разведывательными сведениями о Германии, данные материалы передавались германским разведывательным органам. Следователи НКВД «связали» двух бывших начальников военной разведки показаниями о совместной «шпионской»

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 317. Л. 8–10.

² Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.

Калинин М. И., Микоян А. И., Ворошилов К. Е., Молотов В. М.,
Орджоникидзе Г. К., Чубарь В. Я., Ежов Н. И., Сталин И. В.
Во время приема Азербайджанской делегации. Москва, 21 января 1936 г.

Молотов В. М., Каганович Л. М., Сталин И. В., Микоян А. И.,
Калинин М. И., Шкирятов М. Ф., Ежов Н. И., Хрушев Н. С.
На территории Кремля. Москва, 1937 г.

Москва. Чубарь В. Я., Ягода Г. Г., Калинин М. И., Сталин И. В.,
Молотов В. М., Уншлихт И. С., Берия Л. П., Киселев А. С.
В группе награжденных пограничников и сотрудников НКВД.
Москва. 17 марта 1936 г.

Прием в наркомате обороны командиров грузинских воинских частей.
Слева направо: Гамарник, Берия, Ворошилов, Егоров, Буденный. Март 1936 г.
Из фондов РГАКФД

Слева направо: Ягода, Ворошилов, Молотов, Межлаук, Чубарь, Хрушев
во время посещения канала Москва-Волга. 1936 г. Из фондов РГАКФД

Слева направо: Молотов, Димитров, Чубарь, Орджоникидзе, Ягода, Сталин
во время похорон М. Горького. 1936 г. Из фондов РГАКФД

На трибуне мавзолея. Слева направо: Ежов, Межлаук, (лицо на негативе вымарано), Молотов, Ворошилов, Сталин, Хрушев, Калинин. Май 1937 г. Из фондов РГАКФД

В президиуме торжественного собрания, посвященного 21 годовщине Октябрьской революции. Слева направо: Ежов, Каганович, Димитров, Ворошилов, Сталин. Ноябрь 1938 г. Из фондов РГАКФД

Ежов, Калинин, Сталин и др. члены правительства направляются на Красную площадь. Июль 1938 г.

Сталин и Ежов осматривают строительство канала Москва-Волга. Апрель 1937 г.

Сталин и члены правительства в президиуме собрания, посвященного XV годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Последнее появление Ежова (второй слева, лицо вымарано) на публичных собраниях. 21 января 1939 г.

Первая сессия Верховного Совета СССР. В первом ряду слева направо: Жданов, Андреев, Калинин, Молотов, Сталин, Ворошилов, Каганович, Ежов, Микоян. Январь 1938 г.

Алексеев Н. Н.
Нач. УНКВД Западно-Сибирского края

Аустрин Р. И.
Нач. УНКВД Кировской области

Бак Б. А.
Нач. УНКВД Северной области

Домбровский В. Р.
Нач. УНКВД Калининской области

Горбач Г. Ф.
Нач УНКВД Дальневосточного края

Дмитриев Д. М.
Нач. УНКВД Свердловской области

Заковский Л. М.
Зам. наркома внутренних дел СССР

Леплевский И. М.
Нач. Управления транспорта и связи
НКВД СССР

деятельности. Берзин «признал», что Урицкий говорил ему о подготовке операции по провалу резидента Григорьевича в Италии в 1937 году. Безусловно, и «Рамзай» — Рихард Зорге, — если бы он **вернулся в СССР** в конце 1937 года, был бы арестован. Берзин **утверждал, что он являлся германским агентом, а передаваемые им материалы содержали дезинформацию**¹. Следователям удалось обнаружить **«доказательства» шпионской деятельности Берзина во время его спецкомандировки в Испанию в 1936-1937 годах: якобы отдельные неудачи в ходе боевых действий были связаны с вредительством Берзина, который организовал перебой с поставками боеприпасов.**

Аресты двух руководителей военной разведки, о которых стало известно всем начальникам управлений НКВД, привели к эскалации репрессий в отношении других сотрудников РУ РККА.

14 ноября Ежов направил Сталину спецсообщение начальника УНКВД Иркутской области об аресте бывшего начальника разведотдела штаба ЗабВО и УрВО Ю. Г. Рубена, поляка по национальности. Проведение в это время так называемой польской операции повлияло на судьбу Рубена. По данным следствия, он «вступил» в POV в 1921 году, когда был курсантом Московской школы коммунаров, командиром его взвода являлся офицер «польской разведки» Я. Мациевский. А с 1934 года Рубен — «член» «контрреволюционной» организации. По роду службы ему приходилось неоднократно встречаться в Хабаровске с начальником РО штаба ОКВД Валиным, который якобы и завербовал его.

Операции по инациональностям затронули и большую группу латышей, служивших в военной разведке. Берзин был арестован и как член «латышской националистической организации», к руководящему центру которой якобы принадлежали также Рудзутак и Эйдман. В ходе начавшейся в конце ноября специальной операции по латышам органы государственной безопасности активизировали поиски представителей латышской национальности в различных сферах советского общества, в том числе и в Разведупре.

Берзин якобы связывался с английской разведкой через начальника РО штаба ЛВО полковника Ю. И. Гродиса, арестованного в конце сентября 1937 года в связи с арестами руководящего состава Ленинградского военного округа, который короткое время возглавлял Якир. В течение декабря в период развертывания «латышской» операции были арестованы или уволены практически все латыши, работавшие в РУ РККА. В первой декаде декабря 1937 года был арестован бывший заместитель начальника 2 отдела, близкий друг Я. Берзина полковник Р.М. Кирхенштейн и ряд других сотрудников разведки — латышей.

Представители РУ РККА в различных странах становились объектами репрессий после арестов полпредов и торгпредов СССР за рубежом.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-23481. Т. 2. Л. 18.

Так, в конце августа в ходе допросов торгпреда СССР в Японии В. Н. Кочетова была упомянута фамилия военного атташе Ринка. Сталин на протоколе отметил: «Важно. Ринк». В октябре 1937 года тот был арестован. В ходе допросов от него были получены «сведения» не только о захвате японцами Курильских островов, но и об оказании японским правительством помощи «заговорщикам» в захвате власти в СССР¹.

В сентябре 1937 года Ежов направил Сталину спецсообщение, в котором давалась оценка деятельности военного атташе в Чехословакии полковника Л. А. Шнитмана. В качестве компрометирующих сведений отмечалось, что он являлся помощником военного атташе в Германии командарма 2 ранга А. И. Корка. В январе 1937 года во Франции была задержана группа советских летчиков, следовавших в Испанию, что также ставилось в вину Шнитману. На допросе он рассказал следователям и о своих «встречах» в Париже с сыном Троцкого Седовым по заданию Тухачевского, о передаче секретных сведений иностранным разведкам.

Одной из последних жертв массовых репрессий среди высшего командного состава стал командующий ОКДВА маршал Блюхер. В течение 1937 года его фигура в показаниях арестованных представляла лишь в качестве объекта терактов. Сталин отметил все обвинения в его адрес. Начальник ПУ ПРИВО армейский комиссар 2 ранга Л. Н. Аронштам и бывший секретарь Далькрайкома ВКП(б) Лаврентьев неоднократно сообщали наркомку обороны негативную информацию о Блюхере, в частности, о злоупотреблении спиртными напитками. Однако эти факты не отражались на командующем ОКДВА. Предпринимались попытки созвать консилиум врачей для того, чтобы признать Блюхера нездоровым человеком и на этом основании отстранить от должности. Аронштам и Лаврентьев выдвигали также идею о выделении Приморской группы ОКДВА в самостоятельный округ на том основании, что по численности войск она была больше, чем Дальневосточная армия. Командующим Приморской группой являлся будущий первый заместитель наркомки обороны СССР командарм 1 ранга И. Ф. Федько.

В описываемый период произошел серьезный военный конфликт на дальневосточной границе СССР. Плохая организация боевых действий стала основанием для арестов и последующих необъективных обвинений командиров в контрреволюционных преступлениях. В докладе начальника УНКВД ДВК старшего майора Г. Ф. Горбача от 15 сентября 1938 года об итогах боевых действий у озера Хасан, направленном сначала Берии, а затем Сталину и Ворошилову, давалась резко негативная оценка всех действий военного командования. В докладе отмечалось, что операция в районе озера Хасан потребовала большого напряжения сил, что противнику до заключения перемирия удалось сохранить в своих руках северную часть высоты Заозерная и высоту Безымянная. Блюхер обвинялся

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 135.

в невыполнении указаний по повышению боевой готовности войск. Но это, по мнению Горбача, проявилось в слабой военно-технической выучке бойцов, недостаточной эффективности и согласованности действий всех родов войск, в больших потерях личного состава (472 человека были убиты, 2981 ранен, 93 человека пропали без вести)¹. Свое недовольство Блюхером Сталин выразил, не только резко оценив итоги военного конфликта. В октябре 1938 года Блюхер был арестован.

Во время военного столкновения на озере Хасан в конце июля Маленков сообщал Сталину о том, что в Ярославской области в Рыбинском районе в родной деревне Блюхера проживает много его родственников. Настоящая фамилия его деда — Павел Леонтьевич Горячий. Он поставлял уголь на Николаевскую железную дорогу, которую обслуживали немцы, в итоге дед сменил фамилию, взяв фамилию управляющего². Национальность маршала Блюхера, его происхождение стали для Сталина основанием для подозрений.

Таким образом, причины репрессий в отношении военнослужащих во многом совпадали с причинами арестов партийно-советской номенклатуры. Критика высшего партийного и военного руководства считалась проявлением политической нелояльности. Тесные связи с партийным и советским руководством республики, области, края, подвергшимся арестам, являлись основанием для обвинений военного командования в соучастии в различных «контрреволюционных» организациях. Кампании по преследованию советских граждан различных национальностей также затронули армию.

Объективные недостатки форсированного военного строительства, влиявшие на качество производимой военной техники и вооружений, слабое развитие инфраструктуры, недостатки в подготовке кадров — первопричиной всех трудностей провозгласили «вредительскую» деятельность.

НКВД в период массовых репрессий

На июньском пленуме ЦК ВКП(б) Ежов доложил делегатам о раскрытии «заговора» в органах НКВД, главным фигурантом в котором был бывший нарком Г. Ягода. Ежов сообщил об аресте более 140 сотрудников НКВД, непосредственно участвовавших в различных заговорщических организациях. Он имел в виду прежде всего аресты ягодинских кадров. Следует заметить, что нарком внутренних дел докладывал Сталину о разоблачении этого несуществующего заговора в НКВД прежде, чем были раскрыты «заговоры» в Красной армии и других ведомствах.

Делегатам пленума было доложено о подготовке государственного, так называемого «дворцового переворота» и планов по формированию

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 883. Л. 100–103.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 365. Л. 28–29.

нового правительства, в котором якобы уже были распределены все основные посты. Должность председателя СНК СССР отводилась бывшему наркому внутренних дел СССР Ягоде, пост наркома обороны должен был занять Тухачевский, секретаря партии - Бухарин, пост министра внутренних дел предназначался Прокофьеву, а на место лидера обновленных профсоюзов по типу английских тред-юнионов планировали назначить Томского.

Для осуществления задуманного «заговорщики», по словам Ежова, намеревались провести операцию по устранению членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным.

Вырисовывалась следующая картина будущего переворота. Одновременно должны были выступить сотрудники охраны Сталина во главе с начальником отдела К. В. Паукером. Действия последнего были якобы согласованы с начальником военной школы имени ВЦИК Н. Г. Егоровым (был арестован в апреле 1937 года), который на курсах «Выстрел» в 1923 году поддерживал Троцкого, и комендантом московского кремля Р. А. Петерсоном. Планы заговорщиков выглядели утопическими. Так, по первому варианту действий они собирались выключить свет в Кремле и в полной темноте закидать гранатами кинозал, в котором Сталин и члены Политбюро просматривали кинофильмы. Второй предусматривал закладку отравляющих веществ в телефонные трубки аппаратов, которыми пользовались члены Политбюро. В результате вдыхания отравляющих веществ, подготовленных сотрудником Военно-химической академии РККА, руководство страны должно было быть ликвидировано¹. Нарком внутренних дел информировал Сталина и о других направлениях своей деятельности по ликвидации «заговора в НКВД», который распался на несколько взаимосвязанных заговоров внутри наркомата. Все это должно было свидетельствовать о его политической бдительности и заботе о безопасности генсека.

Основными действующими лицами «заговорщической организации», по утверждению Ежова, были сотрудники отдела охраны ГУГБ НКВД СССР. Позднее, когда работала комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по передаче дел Ежова Берии, наибольший ужас вызвал факт, что Ежов не очистил аппарат охраны от доверенных лиц Паукера, начальника охраны Сталина при Ягоде, и, следовательно, подверг жизнь вождя огромной опасности.

Помимо «заговора в отделе охраны» Ежов санкционировал расследование «заговора в ГУПВО». Начало ему было положено на Украине, когда после ареста Балицкого, подверглись репрессиям руководящие работники Управления пограничной и внутренней охраны НКВД УССР. На основании показаний Балицкого по обвинению в участии в загово-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 303-306.

ре были арестованы заместитель начальника Управления пограничной охраны и войск НКВД УССР комбриг П. Семенов и начальник Политотдела УПВО дивизионный комиссар Л. Сорочкий¹.

Сталин и ранее проявлял интерес к вопросам охраны границы. Ему регулярно поступали спецсообщения о конфликтных ситуациях, перебежчиках из Польши и Румынии, большинство которых с весны 1937 года стали квалифицироваться как шпионы².

27 августа 1937 года Сталин получил спецсообщение Ежова о том, что в бюро пропусков на Лубянке задержан агент польской разведки, который сначала заявил о добровольной явке с повинной из-за нежелания работать на разведорганы Польши, но затем, после «тщательного допроса», признался, что явился в НКВД по заданию польской разведки, а после легализации должен был организовать радиосвязь с разведцентром в Польше и вести вербовку советских граждан для шпионской работы. Поскольку Сталина больше всего волновал вопрос уязвимости границ и предотвращения ее нарушений, он дает поручение: «Выяснить, через какой именно пункт нашей границы переброшен Малиновский?»³.

Обнаружение Ежовым отдельного заговора в пограничных и внутренних войсках было убедительным аргументом для подтверждения «шпионской» деятельности как уже арестованных представителей партийно-советской номенклатуры, так и ягодинской гвардии в НКВД. В течение 1937 года шел процесс закрытия оставшихся на границе «окон», через которые проходили курьеры и другие работники Коминтерна. Нелегальные переходы границы находились в пунктах разведывательных переправ пограничных войск. Поэтому после арестов руководящих работников региональных управлений пограничной и внутренней охраны им предъявлялись стандартные обвинения. В чем они состояли, видно из содержания спецсообщений Сталину. Так, 19 сентября 1937 года Люшков докладывал о том, что арестованный 27 августа в качестве сообщника начальника УНКВД ДВК Дерибаса начальник Политотдела УПВО ДВК комбриг Н. Г. Богданов был тесно связан с начальником Посыетского погранотряда полковником С. С. Горкиным. Последний якобы был близок с троцкистами во время обучения в Высшей пограничной школе в Москве. Но Богданов, работавший в должности начальника политотдела дивизии Особого назначения, не допустил разбирательства и тем самым спас Горкина. Теперь же, по версии Люшкова, Горкин собирался открыть один из участков границы, чтобы пропустить несколько тысяч японских и корейских агентов для организации восстания. Сталин немедленно отреагировал на полученную информацию. Он дал указание

---

¹ ЧК-ГПУ-НКВД в Украине: особи факти, документи / Ю. Шаповал, В. Пристайко, В. Золотарев. Киев, 1997. С. 134.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 63.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 92–93.

арестовать многих руководящих работников на ДВК, но первым — пограничника: «Т. Ежову. Надо арестовать: «Горкина (начпогранохраны по Посьете...»¹.

Другим стандартным обвинением в адрес сотрудников погранохраны стали надуманные утверждения, будто они совместно с оперработниками иностранных отделов УГБ УНКВД выступали в качестве организаторов связи для передачи секретных материалов иностранным разведкам. В Дальневосточном крае начальник ИНО УНКВД ДВК Богданов, а затем Шилов совместно с другим «заговорщиком» начальником пограничного разведывательного пункта № 9 капитаном Макаровым якобы организовали переправку секретных данных, полученных от Варейкиса, Аронштама и других участников «заговора», в Хунчунскую японскую военную миссию².

В связи с арестами пограничников в трудное положение попал замнаркома НКВД Фриновский, который до назначения на эту должность возглавлял Главное управление пограничной и внутренней охраны. С одной стороны, он пытался не допустить развертывания репрессий против сотрудников своего бывшего управления, с другой, зная механизм репрессий изнутри, стремился обезопасить себя, поскольку за арестами неизбежно последуют показания и о бывшем начальнике ГУПВО.

В октябре 1937 года Люшков направил в центр запрос о санкции на арест начальника УНКВД Сахалинской области комбрига В. М. Дрекова, с 1931 года занимавшего также пост начальника 52 Сахалинского погранотряда³. Фриновский предпринял решительные действия, чтобы не допустить его ареста. Он дал указание доставить в Москву уже арестованного заместителя Дрекова, передпросил его, после чего тот отказался от своих прежних показаний⁴.

По версии Ежова, заговор «в пограничных и внутренних войсках» был составной частью масштабного «военно-фашистского» заговора. В апреле 1938 года был арестован бывший начальник ГУПВО НКВД СССР комдив Н. К. Кручинкин, возглавлявший на момент ареста пограничные и внутренние войска Украины. Позднее, отчитываясь перед членами комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) Берией и Андреевым, Ежов даже не мог вспомнить, что послужило основанием для ареста, говорил, что кто-то дал на него показания. В действительности, как следует из материалов следствия, для обвинения Кручинкина был использован факт его командировки в Германию в составе группы Егорова, куда входили Белов, Дыбенко и другие уже арестованные военные⁵. Следо-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 203.

² ЦА ФСБ. АСД Р-23510. Т. 3. Л. 291.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 162. Л. 532

⁴ Там же. АСД Н-15301. Т. 11. Л. 73.

⁵ Там же. АСД Р-4882. Т. 1. Л. 42.

ватели сочинили историю о важной части «заговора в НКВД», в котором приняло участие командование дивизии Особого назначения. Из состава этой дивизии выделялся караул для охраны зданий ЦК, правительства и НКВД.

С начала 1938 года Ежов продолжал политику систематических арестов сотрудников Комендатуры Кремля и дивизии Особого назначения. Таким образом он пытался продемонстрировать Сталину заслуги своего ведомства в деле предотвращения возможного государственного переворота при участии войск НКВД. Одновременно с Кручинкиным был арестован командир дивизии особого назначения комбриг С. Г. Кондратов, еще ранее, в январе того же года комендант Московского Кремля комдив П. П. Ткалун, в годы гражданской войны комиссар 25 чапаевской бригады.

Данное направление – забота об охране руководителей партии и правительства представляло собой выгодную позицию для укрепления положения наркома внутренних дел.

Появились и новые аспекты «заговора в ГУЛАГе», организатором которого якобы тоже были сотрудники НКВД в Дальневосточном крае. За подготовку вооруженных отрядов из заключенных Дмитлага в мае 1937 года, и подготовку «государственного переворота» с захватом Кремля были арестованы начальник Дмитлага С. Г. Фирин и его заместитель С. В. Пузицкий. В октябре 1937 года был арестован начальник Дальлага А. Я. Мартинелли.

В данном случае была апробирована схема, которую после ареста Ежова использует Берия для фабрикации очередного «заговора в ГУЛАГе». Люшков сообщал Ежову, а нарком – Сталину о подготовке заключенными Дальлага вооруженного восстания, что повторяло версию о подготовке бунта заключенных в Дмитлаге. Однако в нее было внесено некоторое разнообразие. Как сообщал Люшков, производительность рабского труда заключенных была низкой из-за плохого снабжения лагерей продуктами питания и обмундированием. В плохой организации снабжения он обвинил Мартинелли, который во главе различных отделов Дальлага поставил квалифицированных специалистов из числа осужденных. Все это якобы отражалось на качестве основных работ. В результате увеличивались сроки строительства объектов, железные дороги не выдерживали нагрузок, обычным явлением становились «капканы», когда определенные отрезки дорог разрушались¹.

На протяжении всего периода пребывания Ежова во главе наркомата внутренних дел не прекращались аресты сотрудников, занимавших руководящие должности при Ягоде. Среди начальников ведущих отделов центрального аппарата НКВД до июля 1937 года продержался его бывший заместитель Я. Агранов. Некоторые руководящие работники продолжали

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4791. Л. 16.

службу, но чувствовали себя неуверенно, ожидали ареста и, стремясь проявить себя, безжалостно расправлялись со своими прежними сослуживцами. Агранов был снят с должности в мае 1937 года и назначен сначала начальником Секретно-политического отдела, а через месяц — начальником УНКВД Саратовской области. Службу на новом месте он начал успешно: добился «признаний» от своего предшественника начальника саратовского управления Р. А. Пилляра в том, что тот готовил убийство Ежова. Агранов также «разоблачил» действовавший в Саратове краевой центр троцкистов, якобы организованный агентом польского Генштаба по заданию уже арестованного чекиста-поляка И. И. Сосновского.

Тем не менее то, что Агранов длительное время работал под руководством Ягоды не могло не отразиться на его дальнейшей судьбе. 2 июля 1937 года председатель Комитета по делам высшей школы И. И. Межлаук доложил о том, что во время следствия по делу его заместителя С. Г. Волинского стали известны новые факты об Агранове. Якобы в 1931 году Волинский рассказал ему о связях Бухарина и Рыкова с Г. Ягодой. Сталин, любивший читать доносы, дал указание Ежову: «Волинский, конечно, виновен, но дело не столько в Волинском, сколько в Агранове, который, надо полагать, скрыл от ЦК сообщенное ему Волинским о Ягоде. Нужна проверка этого дела с точки зрения поведения Агранова»¹. 20 июля Агранов был арестован.

Об арестах лиц из числа руководства органов НКВД Сталин в большинстве случаев узнавал из протоколов допросов партийно-советской номенклатуры, руководителей крупных промышленных предприятий и учреждений, высшего военного командования, спецсообщений НКВД, а также из личных встреч с Ежовым. Например, в августе 1937 года, изучая протокол допроса директора сталинградского оборонного завода Д. Ф. Будняка, Сталин напротив фамилии сотрудника НКВД Я. Я. Войтыги пишет: «Где он?». Войтыгу арестовали еще в мае того же года². Точно так же, получив в сентябре 1937 года спецсообщение от начальника УНКВД Западно-Сибирского края о расследовании деятельности «вредителей» на Омской железной дороге, Сталин обратил внимание на фамилии сотрудников НКВД. Он вновь заинтересовался, арестованы ли начальник УНКВД Омской области старший майор госбезопасности Э. П. Сальнь³. А тот уже полтора месяца как был арестован.

Подчиняясь указаниям Ежова, начальники управлений УНКВД активно вели поиски «ягодинцев», «пособников» и «участников» правотроцкистских организаций среди сотрудников.

Наиболее приближенные к новому наркому начальники областных и краевых управлений наркомата старательно искали дополнительные

---

¹ АП РФ. Ф. 3 Оп. 24. Д. 313. Л. 37.

² Там же. Д. 321. Л. 26.

³ АП РФ. Ф. 3 Оп. 24. Д. 322. Л. 47.

сведения для компрометации находящегося под следствием Ягоды. Например, начальник свердловского областного управления НКВД Д. М. Дмитриев 26 июня 1937 года докладывал Ежову, что, согласно показаниям арестованного директора Верхисетского завода, Ягода якобы являлся секретным сотрудником петроградского охранного отделения по кличке «Портной». Этот факт был использован в ходе процесса по делу так называемого правотроцкистского блока.

Наиболее тяжелым уроном для оперативных кадров подразделений Главного управления государственной безопасности были аресты комиссаров госбезопасности первого ранга члена ЦК ВКП(б) В. А. Балицкого и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Т. Д. Дерибаса.

В центре внимания Сталина они оказались в июле-августе 1937 года, когда оба признали себя участниками как военно-фашистского заговора, так и членами правотроцкистской организации. В качестве соучастников Балицкий назвал целый ряд сотрудников наркомата НКВД Украины.

Аресты партийно-советских работников, руководства НКВД на Украине привели к тому, что в органах госбезопасности царил атмосфера нервозности и подозрительности, все опасались новых арестов. Не дожидаясь обвинений, покончил жизнь самоубийством начальник УНКВД Харьковской области комиссар госбезопасности третьего ранга С. С. Мазо. Последовала череда арестов руководящего состава НКВД Украины, в том числе начальника УНКВД Черниговской области майора госбезопасности П. Г. Соколова, Одесской области А. М. Розанова, зам. наркома НКВД Украины В. Т. Иванова и многих других¹.

Для «подкрепления» показаний Балицкого Ежов дал указание Николаеву подготовить новые свидетельства «преступной» деятельности арестованного. Сотрудники НКВД отмечали, что отличительной чертой Николаева являлся его жесткий подход к следственной работе и справке для получения санкции на аресты. Он требовал представить не менее трех показаний от разных людей для последующего ареста. Представляется, что это вполне обоснованные требования для того, чтобы не репрессировать невинных людей. Но выполнить их было можно в условиях нормального и спокойного следствия, основанного на соблюдении норм Уголовно-процессуального кодекса. В данном случае следователи специально вносили в показания подследственных ложные «данные» об участии в заговоре Балицкого и Дерибаса, либо «выбивали» такую информацию всеми возможными способами.

В августе 1937 года бывший командующий ХВО командарм 2 ранга И. Н. Дубовой на допросе назвал Балицкого в качестве одного из ведущих лидеров националистической организации на Украине. Одновременно он

---

¹ Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарев В. ЧК-ГПУ-НКВД на Украине. Люди, факты, документы. Киев. 1997. Л. 157–160.

указал и начальников управлений НКВД УССР Розанова, Мазо¹. Сломленный во время следствия Балицкий, тогда же дал собственноручные показания.

Не менее пристальное внимание Сталин уделял и другому стратегическому региону СССР, откуда исходила потенциальная опасность из-за возможной агрессии Японии. После арестов партийно-советских работников Дальневосточного региона подозрение пало и на Дерibasа, начальника УНКВД ДВК. В июне-августе 1937 года здесь царил настоящая чехарда, связанная с назначениями и увольнениями руководителей УНКВД. Сначала, в мае 1937 года Дерibas был отозван в распоряжение центра. Его обвинили в том, что он не нашел «заговорщиков» в ОКДВА и ТОФ, не проявлял должной активности в разгроме оппозиционных группировок. Первое дело о разоблачении троцкистской группировки на ДВК он направил в центр только 8 апреля 1937 года². В некоторых случаях Дерibas сознательно сдерживал активность своих подчиненных, заявляя, что в столь отдаленном регионе дорог каждый человек. Когда из Архангельска поступили ориентировки о причастности председателя крайисполкома ДВК Г. М. Крутова к троцкистской организации, он ответил, что данные не подтвердились. Когда в 1936 году выяснилось, что оперуполномоченный Балабанов создал «дупное» дело о троцкистской организации в Корякском национальном округе, Дерibas занял принципиальную позицию, Балабанов был арестован и осужден к 3 годам заключения в лагере.

Формулировка постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 мая 1937 года содержала неприкрытое осуждение предшествующей деятельности Дерibasа: «1. Для усиления чекистской работы на Дальнем Востоке, перевести т. Балицкого с должности народного комиссара внутренних дел УССР на должность начальника УНКВД Дальневосточного края. 2. Отозвать т. Дерibasа в распоряжение НКВД СССР. Вопрос о дальнейшей работе т. Дерibasа решить по приезде его в Москву...»³. Это были тревожные симптомы, тем не менее 10 июня, также решением Политбюро, Дерibas был назначен начальником УНКВД Азово-Черноморского края, а его предшественник Люшков отзывался в распоряжение центра.

Сталин тасовал старые чекистские кадры, что создавало достаточно нервную обстановку среди начальников УНКВД, которые входили в высшие руководящие круги, близкие к Ягоде. Далее произошло отмеченное ранее событие с Балицким, который заявил о недоверии к методам следствия, что стало поводом для его ареста. Дерibas вновь возвратился на Дальний Восток. Но в июне-июле 1937 года накопилось достаточное количество показаний, полученных в ходе допросов бывших заместителя

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 11–13.

² ЦА ФСБ. АСД Р-23505. Т. 11. Л. 100.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 33. Л. 72.

командующего ОКДВА Сангурского, начальника ПУ ОКДВА Аршинтама, секретаря Далькрайкома Лаврентьева, председателя крайисполкома Крутова. В августе Ежов получил санкцию от Сталина на арест Дерibasа, поскольку последний являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Пришедший на смену Дерibasу начальником УНКВД ДВК Люшков сделал очень многое для того, чтобы представить Сталину того как «заговорщика». В течение августа-октября он регулярно направлял шифротелеграммы Ежову о раскрытии все новых фактов, подтверждающих «шпионско-вредительскую» деятельности Дерibasа, которые нарком переправлял Сталину. Этим самым он лишний раз демонстрировал вождю свою неустанную деятельность по искоренению и ликвидации «заговора в НКВД».

Сталин, придавая большое значение этому региону, внимательно отслеживал ход борьбы Ежова с ягодинскими кадрами, давал конкретные указания.

Внимание Сталина к Дальневосточному региону проявилось и в том, что накануне назначения Люшкова начальником УНКВД ДВК тот был 31 июля 1937 года принят в Кремле, где состоялось обсуждение важнейших сторон деятельности вновь назначенного руководителя органов госбезопасности. Анализ спецсообщений позволяет сделать вывод, что Сталин предоставил Люшкову самые широкие полномочия по ликвидации всех проявлений «контрреволюции» в данном регионе. Предварительное согласие Сталина на арест значительного количества сотрудников УНКВД позволило Люшкову в августе 1937 года начать масштабные аресты среди руководящего состава как начальников УНКВД областей Дальневосточного края, так и других управлений наркомата внутренних дел. В течение августа 1937 года были арестованы: начальник УНКВД Амурской области майор госбезопасности Г. А. Давыдов; заместитель начальника УНКВД ДВК комиссар госбезопасности 3 ранга С. И. Западный; начальник УНКВД Приморской области Я. С. Визель.

7 сентября 1937 года Люшков сообщил имена сотрудников УНКВД ДВК, близко связанных с Дерibasом. Так, заведующего дачами УНКВД М. Р. Жуча, одно время возглавлявшего резидентуру ИНО в Хайларе, Люшков представил как японского агента. Тот якобы выполнял функции связника Дерibasа с японскими разведывательными органами. Люшков также назвал ряд руководящих работников управления, которые, по его словам, были членами заговорщических организаций. Сталин, прочитав спецсообщение, дал указание арестовать начальников отдела кадров, иностранного отдела и ряд других работников УНКВД ДВК¹. В этом же месяце Люшков просил помочь ему с кадрами, поскольку было арестовано тридцать семь сотрудников различных управлений ДВК.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 321. Л. 11.

В дальнейшем Люшков представлял Сталину обширные списки на аресты сотрудников УНКВД Дальневосточного края. Сталин проявлял заинтересованность и оперативно реагировал на новые факты о предшествующей деятельности руководителей УНКВД. Так, например, Ежов передал Сталину донесение Люшкова о заявлении жены попавшего под поезд сотрудника УНКВД. Это было связано с бывшим начальником УНКВД Дерibasом. Муж заявительницы сопровождал груз контрабандного золота в слитках по 10 фунтов, которые во время шторма были утеряны. Однако жена сотрудника УНКВД в своем заявлении утверждала, что ее муж погиб по вине Дерibasа, который хотел присвоить это золото. Сталин отреагировал на спецсообщение и написал: «Ежову. Важно. Возможно, что Дерibas, кроме всего прочего, серьезный уголовный преступник. Нужно расследовать это дело»¹.

Таким образом, арест Дерibasа привел к тому, что в Дальневосточном крае были репрессированы многие руководящие кадры управлений НКВД. Люшков использовал те полномочия, которые были вручены ему Сталиным для того, чтобы расправиться с ближайшим окружением Дерibasа, который также считался ставленником Ягоды.

Поводом для репрессий в отношении сотрудников органов госбезопасности было разоблачение «заговора в НКВД». Однако эта политика находилась целиком в русле массовых операций, которые проводил оперативный состав органов госбезопасности. Так, продолжались «мероприятия» по инациональностям, серьезно затронувшие этнических поляков, которые составляли значительную прослойку среди кадрового состава НКВД. Протестуя против репрессий, отказался выполнять задания и выступил с разоблачениями сталинского режима резидент ИНО И. Порецкий. Стал невозвращенцем другой выдающийся разведчик В. Кривицкий. В ходе польской и латышской операций было арестовано несколько сотен сотрудников ГУГБ — поляков и латышей, но лишь некоторые уволены. Причем начальники управлений, получая из Центра указания о проведении национальных операций, старались обезопасить себя от возможных обвинений в покровительстве сотрудникам этих национальностей в своих аппаратах.

Сталин не проявлял интерес к арестам рядовых сотрудников органов госбезопасности. Аресты сотрудников из числа среднего и низшего звена были следствием различных факторов: аресты руководящих работников центрального аппарата, республиканских, краевых и областных управлений; проведение различных репрессивных кампаний по инациональностям; принадлежность к оппозиционным группировкам; «неправильное» социальное происхождение и др.

Не подтверждаются документальными материалами предположения о том, что значительное количество сотрудников НКВД выражали свое

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 405. Л. 175.

несогласие с политикой массовых репрессий, из-за чего были уволены, а затем арестованы¹.

Причиной арестов начальников управлений НКВД была прежде всего их предшествующая деятельность, а также наличие связей – по работе или дружеских – с репрессированными партийными руководителями краев и областей. Так, старший майор госбезопасности И. М. Блат был арестован 13 июля 1937 года. На момент ареста он занимал пост начальника УНКВД Челябинской области. Однако в процессе следствия ему предъявлялись обвинения, связанные с его работой в течение двух лет на должности начальника УНКВД Западной области. В протоколе допроса первого секретаря Запобкома ВКП(б) И. П. Румянцева Блат упоминался как активный член правотроцкистской организации. На него якобы возлагалась задача снабжения взрывчатыми веществами диверсионных групп, которые готовились по распоряжению командующего БВО Уборевича. В задачу этих групп входило разрушение основных дорог, по которым предполагалось выдвигать части Красной армии в случае войны². Кроме того, Блату вменялось в вину, что он не информировал центр о неудовлетворительном состоянии войск БВО, что, однако, не соответствовало действительности. В своих показаниях он утверждал, что у него не сложились отношения с Уборевичем именно из-за того, что он, Блат, информировал центр о недостатках, как в авиационных частях, так и в других родах войск³.

В числе первых 26 июня 1937 года был арестован и начальник УНКВД Челябинской области П. Г. Рудь. Как и Блат, он даже не приступил к подготовке лимитов для репрессирования по «антисоветским элементам», которые будут определены в приказе № 00447 от 31 июля 1937 года.

Арест Рудя был также связан с его предшествующей деятельностью на посту начальника УНКВД Азово-Черноморского края, где в конце 1936 – начале 1937 года начались массовые репрессии среди партийно-советской номенклатуры. Был арестован и первый секретарь обкома Шеболдаев. Он не питал особых симпатий к начальнику УНКВД, который хвастался многочисленными арестами, считая это доказательством «успешной» работы⁴. В данном случае совпали интересы НКВД и арестованного партийного руководителя. Ежов подтвердил показания Шеболдаева об участии Рудя – фактически ягодинского выдвиженца – в правотроцкистской организации. Это был период, когда нарком доказывал Сталину, что Ягода являлся активным участником правотроцкист-

---

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939: Документы и материалы в 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / Под ред. В. Данилова и Р. Манинг. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 34.

² ЦА ФСБ. Н-13220 Т. 1. Л. 120.

³ Там же. Л. 54–55.

⁴ Там же. Н-11555. Т. 1. Л. 85.

ского заговора и имел в заговорщических организациях преданные ему кадры. Именно это подтвердил Рудь в своем «добровольном признании» Ежову 6 июля.

Ранее, 22 июня Сталин распорядился разослать протокол допроса Шеболдаева от 21 июня, в котором наряду с партийно-советскими работниками упоминались и бывшие руководители ОГПУ-НКВД в данном регионе. Рудь якобы взял на вооружение стиль работы уже арестованного к этому времени комиссара госбезопасности второго ранга Пилляра¹.

В отличие от начальника УНКВД Кировской области старшего майора госбезопасности Р. И. Аустрина, арестованного 22 июля 1937 года, и некоторых других, упомянутых выше руководителей областных управлений нельзя рассматривать в качестве тех, кто не соглашался или сопротивлялся курсу советского руководства на массовые репрессии. Они даже не реабилитированы, поскольку в период, предшествующий своему аресту, проводили следствие с нарушением уголовно-процессуального законодательства и фальсифицировали дела.

Выявление фактов сопротивления массовым репрессиям со стороны сотрудников НКВД, в результате чего и они могли стать жертвами репрессий внутри карательного аппарата, является важной исследовательской проблемой. Однако анализ многочисленных спецсообщений, поступавших Сталину и Ежову, уголовных дел на сотрудников органов госбезопасности, не дает оснований сделать вывод о наличии такого сопротивления. Можно лишь говорить о кулуарных разговорах между сотрудниками, которые не понимали причины столь резкого изменения курса репрессивной политики.

Начальник УНКВД Житомирской области Украины Г. М. Вяткин позднее вспоминал, что осенью 1937 года он приехал в Новосибирск, чтобы сняться с партийного учета. Секретарь парторганизации Плисков в беседе с ним сказал: «У нас тут происходит что-то непонятное, пересажали весь партийный и советский актив»². Подобные высказывания представляли угрозу. В разгар проведения операции в отношении «антисоветских элементов» в сентябре 1937 года начальник Пензенского отдела НКВД Филиппов, обсуждая ситуацию в стране, отмечал, что «многих исключаем из партии, коммунисты сыплются, как горох, не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов». Об этих высказываниях сразу же стало известно в Москве. Первый секретарь Куйбышевского обкома партии Постышев доложил в центр об исключении Филиппова из партии и запросил санкцию на его арест. Сталин без колебаний согласился: «Т. Постышеву. Согласны на арест Филиппова», «За арест. Ст.»³.

---

¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 310. Л. 44.

² ЦА ФСБ. АСД Н-13706. Л. 55-56.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 112.

Типичное обвинение в адрес сотрудников НКВД состояло в том, что они якобы своевременно не разоблачили «контрреволюционные троцкистские» кадры среди высших слоев партийно-советского аппарата. Но этот факт не может восприниматься как доказательство сопротивления сталинской репрессивной политике. В предшествующие годы руководящий состав НКВД был воспитан и приучен к тому, что даже включение в показания арестованных фамилий членов и кандидатов ЦК ВКП(б) было недопустимо без предварительного согласования вопроса с наркомом внутренних дел. Когда прибывший в июне 1937 года на ДВК Балицкий задержался с оформлением соответствующих протоколов, в которых фигурировали фамилии Крутова и Лаврентьева, следователю-карьеристу Ушакову было указано именно на это обстоятельство.

После появления оперативного приказа о проведении так называемой польской операции начальник управления НКВД по Московской области С. Ф. Реденс не проявил должной активности в арестах, чем вызвал недовольство Ежова. На Реденса наркому писали доносы даже сотрудники управления, они обвиняли начальника в «замазывании» дел на крупных польских «предателях», называя при этом Уншлихта, Муклевича и других¹.

В итоге Ежову удалось представить Реденса перед Сталиным в невыгодном для того свете, в результате начальник столичного управления НКВД был назначен наркомом внутренних дел в Казахстан. Начальник УНКВД Калининской области Домбровский также не торопился выполнять оперативные приказы по «кулацкой» и «польской» операциям. Каждое утро он приходил в свой кабинет, читал газеты, пил кофе и не напоминал личному составу управления о необходимости повышать активность в борьбе с «врагами советской власти». По доносу его заместителя, который и рассказал об этих фактах, Ежов принял решение арестовать Домбровского, учитывая также польское происхождение последнего.

До ноября 1937 года продержался на своем посту нарком внутренних дел Мордовии С. М. Вейзагер, который не проявлял никакой активности в выполнении операции по «антисоветским элементам». Как сообщал сменивший его новый нарком, на большинство арестованных не были оформлены материалы для передачи дел «тройке». Вдобавок Вейзагер распространял среди оперативного состава «вредные идеи» о том, что иностранным шпионам в Мордовии делать нечего.

Немногочисленны примеры, когда сотрудники НКВД сознательно тормозили следствие в отношении определенных лиц. Так, в мае 1938 года начальник УНКВД Ленинградской области Литвин направил спецсообщение Сталину с просьбой разрешить арест командующего Северным флотом флагмана 1 ранга К. И. Душенова. К этому времени на Душенова имелся обширный компромат, поскольку уже были арестованы почти все

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4000. Т. 7. Л. 80.

высшие руководители центрального аппарата Военно-морского флота и командующие флотами. В справке на имя Сталина Литвин приводил компрометирующие Душенова факты, в том числе и показания о нем секретаря Архангельского обкома ВКП(б) Д. А. Канторина, которым ранее не был дан ход. Но самые серьезные «обвинительные» материалы хранились у начальника Особого отдела Северного флота лейтенанта госбезопасности Коновалова. Литвин докладывал Сталину, что на протяжении нескольких месяцев начальник Особого отдела забирал протоколы допросов у оперуполномоченных и вымарывал из показаний арестованных упоминания о Душенове. Причина — хорошие дружеские отношения. Душенов, сообщал Литвин, ходатайствовал перед руководством НКВМФ о награждении Коновалова медалью «20 лет РККА». Затем, характеризуя высокий уровень его работы, он просил руководство УНКВД Ленинградской области отметить его заслуги к 20-й годовщине ВЧК-НКВД. В результате начальнику Особого отдела был вручен именной пистолет. Кроме того, длительное время Коновалов не давал своим подчиненным арестовать командира бригады подводных лодок капитана 1 ранга К. Н. Грибоедова.

В итоге по результатам проверки, проведенной по указанию Литвина, Коновалов был арестован, а Сталин согласился с арестом командующего Северным флотом Душенова.

Можно отметить и другие действия сотрудников НКВД в период массовых репрессий, которые можно характеризовать скорее как стремление приспособиться к сложившейся ситуации, а не как проявление сопротивления или неприятия сталинской политики.

Довольно часто руководители различных уровней апеллировали к вышестоящему руководству с просьбами об освобождении арестованных коллег по предшествующей работе, родственников, друзей, которые могли дать показания на них. Это была скорее защитная реакция в условиях массового террора. Внутри аппарата НКВД, ответственного за проведение массовых репрессий, сохранялась на определенных этапах корпоративная взаимосвязь. Например, когда руководящий состав Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР отмечал Новый 1938 год, один из сотрудников, работавший в областях, где были арестованы руководители партийно-советских органов, что косвенно отражалось на его дальнейшей карьере, произнес тост за начальника отдела и подошел к нему. Николаев-Журид, начальник Контрразведывательного отдела, сказал в ответ на тост в его честь: «Работай, и ни о чем не беспокойся».

Стала привычной практика передопросов арестованных. От них требовали отказа от показаний на сотрудников УГБ. Даже при подготовке процесса по делу так называемого правотроцкистского блока в феврале 1938 года следователь С. Г. Волинский просил, чтобы подследственный не называл фамилии чекистов, иначе они были бы арестованы.

Безусловно, это была трагическая ситуация для исполнителей, которые сами в любой момент могли быть арестованы.

В январе 1938 года пленум ЦК ВКП(б) прежде всего осудил необоснованные исключения из партии, которые во многих случаях вели к дальнейшим арестам. На январском 1938 года совещании Ежов приободрил начальников управлений, нацеливая их на более активное проведение массовых операций. Для этого он избрал верную тактику, отметив постоянное внимание Сталина и других членов Политбюро к деятельности НКВД. «Директивы я получаю и согласовываю с Центральным Комитетом, — отмечал Ежов. — А тов. Сталин нами руководит, знаете вот так, что если бы наши отделы, или нарком ваш сумели так поставить дело как тов. Сталин, тогда бы было действительное конкретное руководство». Далее Ежов подчеркнул, что все шифротелеграммы, которые не относятся к технике работы органов госбезопасности, он направляет в ЦК. В качестве примера нарком зачитал резолюции Сталина на телеграмме Дмитриева о ходе следствия по немецкой операции, на спецсообщениях начальников УНКВД А. И. Успенского и А. Р. Стромина, на заявлении Д. В. Богомолова, посла в Китае (писал о своей непричастности к контрреволюционной организации. Ежов рассказал участникам совещания, что получал от Сталина подробные указания, вплоть до того как вести следствие, а также по конкретным фактам, изложенным в протоколах допросов: «Вот этому сталинскому стилю конкретного руководства нам еще надо учиться и учиться, если мы хотим стать подлинным оперативным чекистским аппаратом»¹.

Тем временем в стране продолжались поиски вредителей. После январского 1938 года пленума ЦК ВКП(б) были арестованы первые секретари ряда областных комитетов партии, которых обвинили в массовых исключениях коммунистов из партии. С начала года были арестованы А. Я. Столяр (Свердловский обком), Э. К. Прамнэк (Донецкий обком), Постышев (Куйбышевский обком) и др. Причем речь шла не только о 1937 годе, но и об исключениях 1935–1936 годов. Фактически в определенной мере часть вины лежала и на Ежове, поскольку именно он был ответственным за проведением проверки и обмена партийных билетов в то время, когда начали в массовом порядке исключать коммунистов из партии.

Весной 1938 года продолжались и аресты наркомов. В апреле за хроническое невыполнение плановых заданий были сняты с должностей, а затем арестованы нарком водного транспорта Н. И. Пахомов и нарком путей сообщения А. В. Бакулин.

Тревожным сигналом для начальников УНКВД стали выступления Фриновского и Ежова на январском совещании 1938 года, в которых указывалось на важность дальнейшего очищения рядов НКВД от «предателей, скользких, малонадежных элементов». Заместитель наркома отмечал, что «у нас есть области, где аппарат УГБ еще совсем не затронут».

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 358 - 359.

В заключении выступления он подчеркнул: «...Мы должны еще раз посмотреть как следует свои аппараты, очиститься от элементов, которым мы не доверяем, элементов не способных, которые на завтра в лучшем случае окажутся грузом, а в худшем случае в любой момент нас продадут»¹.

Ежов же отметил необходимость арестов предателей в чекистской среде, поставил задачу «приглядеться к самому человеку, достоин ли он быть чекистом, не подорвет ли он авторитета этого великого имени чекиста. Нам надо к мелочам приглядываться». Ежов заявил о своем недоверии в отношении сотрудников из «чуждых людей», то есть «бывших» — как своего аппарата, так и в отношении других ведомств. Он рекомендовал «не обращать внимания на их прошлые заслуги»².

Решения январского пленума ЦК ВКП(б), которые, безусловно, не отразились на ходе массовых операций, все же повлияли на ситуацию внутри НКВД. Многочисленные жалобы на беззакония вынудили Ежова арестовать некоторых, наиболее «отличившихся» сотрудников. Однако он завуалировал истинные причины арестов, отмечая прежде всего их причастность к «заговору Ягоды». В апреле 1938 года одновременно с арестами наркомов НКВД и НКПС был арестован И. М. Леплевский, отвечавший за это направление в НКВД, а в июне — бывший начальник УНКВД Свердловской области Д. М. Дмитриев.

Так, в январе 1938 года на оперативном совещании Ежов ставил в пример остальным деятельность начальника УНКВД Орджоникидзевского края П. Ф. Булаха. Однако после январского 1938 года пленума ЦК ВКП(б), когда поток жалоб на беззаконие, творимое в управлениях НКВД. В ЦК ВКП(б) резко усилился, а из Орджоникидзевского края даже была прислана окровавленная рубашка, там было организовано расследование, которое возглавил особоуполномоченный НКВД СССР. В результате все руководство УНКВД во главе с Булахом было снято с должностей, а вскоре и арестовано³.

Один из ближайших соратников Ежова Л. М. Заковский 14 января 1938 года был назначен заместителем наркома, а уже 14 апреля освобожден от должности как не пользующийся «полностью политическим доверием» ЦК ВКП(б). Сталин принял самое непосредственное участие в судьбе Заковского. 19 апреля на Политбюро было принято решение о его снятии с должности.

Одним из серьезных обвинений, предъявленных Заковскому, была фабрикация «дутых дел» в бытность его начальником Ленинградского УНКВД⁴. 29 апреля арестовывают его, а вместе с ним и значительную часть руководства Ленинградского управления. Заковскому поставили

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 280.

² Там же. Л. 375–376.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 24. Л. 128.

⁴ Там же. Д. 254а. Л. 1.

в вину и операцию по разоблачению «агитатора» на судостроительных заводах Ленинграда, из-за которой был сорван план отечественного судостроения. Это была своеобразная оценка влияния репрессий на производственные планы.

В начале апреля 1938 года в Таганской тюрьме начали протест тысячи арестованных: криками, массовыми отказами от показаний. По Москве поползли слухи о волнениях на Таганке. В московское управление срочно приехали нарком и его заместитель. Ежов и Фриновский, безусловно, испугались, что после событий в Орджоникидзевском крае массовые аресты в Москве могут усилить недовольство Сталина и нового слоя партийно-советской номенклатуры. На совещании руководящего состава НКВД Ежов потребовал объяснений о том, что происходит в области. Выступавшие по этому вопросу начальники отделов и отделений рассказали о массовых арестах, о контрольных цифрах арестов, которые устанавливал Заковский. Ежов заметил, что такие же массовые аресты по контрольным цифрам Заковский производил в Ленинграде, и он объявил ему за это выговор, перевел в Москву в надежде, что тот исправится. Но этого не произошло, и он, Ежов, был вынужден дать указание о его аресте. Это объяснение прозвучало не очень убедительно, что свидетельствовало о том, что арест официального заместителя Ежова произошел не по его инициативе.

Интересные свидетельства о взаимоотношениях Сталина и Ежова оставил нарком НКВД Украины А. И. Успенский. Это был один из многих руководителей наркомата, который встречался со Сталиным в годы «большого террора».

В сентябре 1937 года Ежов вызвал начальника Оренбургского УНКВД Успенского, который «отличился» тем, что раскрыл антисоветскую повстанческую казачью организацию в своей области. Ежов сообщил Успенскому, что в ЦК ВКП(б) недовольны его работой. Вызов был не случаен. В феврале 1935 года Успенский являлся заместителем коменданта московского Кремля по внутренней охране, куда был назначен по предложению Ягоды. Однако за интриги против коменданта Кремля, в феврале 1936 года Успенский был снят с должности и отправлен на периферию заместителем начальника УНКВД Западно-Сибирского края. Искусственный в фальсификации дел, Успенский проявил себя при подготовке январского процесса 1937 года по делу о так называемом параллельном троцкистском центре. Двое обвиняемых Шестов и Строилов были «подготовлены» к процессу при самом непосредственном участии Успенского, который затем доставил их в Москву. После этого последовало его новое продвижение на более высокую должность. Ежов оценил его заслуги и назначил начальником УНКВД Оренбургской области. И здесь, на новой должности, Успенский «показал» себя в борьбе с «врагами народа», «антисоветскими элементами».

В это самое время Ежов регулярно докладывал Сталину о «заговоре в НКВД», ответвления которого пронизали различные структуры ведомства. В качестве составной части масштабного заговора Ежов выделил заговоры в пограничных и внутренних войсках, в системе ГУЛАГа. Но наибольшую опасность, по его словам, представлял заговор в отделе охраны, который должен был обеспечивать безопасность членов Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Сталин проявлял интерес к расследованию и потому вызвал из Оренбурга Успенского, назначенного и затем снятого Ягодой с должности заместителя коменданта Кремля.

На приеме в Кремле Сталин задал Успенскому прямой вопрос, честен ли он и не был ли завербован Ягодой. Далее Сталин потребовал ответить, с какой целью он был направлен в Кремль. Ежов, присутствовавший на приеме, сообщил, что Успенский регулярно приходил к нему и докладывал обо всех непорядках в охране Кремля. Встреча Успенского со Сталиным прошла удачно, хотя И.И. Шапиро, начальник секретариата Ежова, после аудиенции сказал, что по указанию Ежова им был заготовлен ордер на арест Успенского. Нарком был доволен встречей и отметил, что Успенский вел себя правильно, хотя сам он не был уверен, чем закончится этот прием у Сталина.

Положительная оценка деятельности Успенского повлияла на его дальнейшую карьеру. В январе 1938 года его назначили наркомом НКВД Украины. Назначение было утверждено решением Политбюро ЦК ВКП(б). Переход на новое место стал для Успенского не только очередной ступенькой в карьере, но поводом и для раздумий. Он понимал, что продвижение и назначение на столь высокий пост связано с его активной деятельностью по разоблачению «врагов народа» на прежней должности. Он пытался отказаться от этой должности, но Ежов настаивал, и Успенский согласился. Он отдавал себя отчет в том, что выполняет «заказ» партии. Это была трагедия исполнителя. Зарекомендовав себя на должности начальника УНКВД Оренбургской области в качестве успешного фальсификатора многочисленных дел, в том числе о вымышленных повстанческих формированиях казачества, Успенский стал фигурой востребованной в условиях массовых репрессий 1937–1938 годов. Поэтому он был не в силах отказаться от назначения на должность наркома внутренних дел Украины, понимая, чего именно ждет от него Ежов.

В январе 1938 года Успенский приехал на сессию Верховного Совета СССР в Москву. «Неожиданно, — вспоминал он, — меня вызвал к себе Ежов. Я пришел к нему в служебный кабинет. Ежов был совершенно пьян. На столе у него стояла бутылка коньяка. Ежов сказал мне: «Ну, поедешь на Украину?... Я понимал, что опыт моей вредительской заговорщической работы по Оренбургской области, который так поощрял Ежов, я должен буду перенести на территорию всей Украины и продол-

жал упорно отказываться. Но Ежов сказал, что этот вопрос уже решенный, и я должен ехать»¹.

После февральской 1938 года поездки на Украину, Ежов добился резкого увеличения лимитов репрессий для этой республики. Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1938 года утвердило цифру в 6 тысяч человек для репрессирования по первой категории, а 17 февраля добавило еще 30 тысяч для Украины.

Успенский четко выполнял установки центра. Среди спецсообщений Сталину весной-летом 1938 года его информации о «заговорах», «контрреволюционных» организациях были самыми многочисленными. Так, за вторую половину июня 1938 года из 204 спецсообщений о борьбе с «контрреволюционными элементами» более 30 были направлены в центр Успенским. Он требовал от начальников управлений «творческого» подхода, разоблачения «заговоров», которые не были бы стандартными, отличались от сообщений, направляемых в центр другими начальниками УНКВД. По изощренности и разнообразию «выявленных» организаций, Успенский, безусловно, лидировал. Он докладывал о ликвидации резидентур итальянской и английской разведок, о шпионско-вредительских организациях в Комитете резервов при СНК УССР, в Наркомсовхозов УССР, Днепропетровском пароходстве, РОВСовской организации в ВУЗ КВО, о правотроцкистской организации в НКлесе Украины, об эсеровской организации на Юго-Западной железной дороге, националистических организациях практически в каждой области Украины². Он вызывал начальников управлений и ругал за шаблонный подход. В частности, он был недоволен тем, что на Полтавщине было «выявлено» антисоветское партизанское подполье, возглавляемое бывшим командиром партизанского отряда Федорченко, который на момент ареста являлся заведующим орготделом Полтавского облисполкома. Подобные сообщения были типичными для областей, где в годы гражданской войны действовали красные партизанские отряды. Но в результате «поисков» Успенский сообщил о раскрытии им националистической организации «Молода генерация» («Молодое поколение»)³. Такое усердие свидетельствовало и о том, что нарком НКВД Украины ликвидировал «молодые ростки контрреволюции».

Поэтому Ежов представлял Успенского перед членами Политбюро в качестве решительного и успешного борца с происками иностранных разведок и антисоветскими элементами.

В ходе встречи Сталин поинтересовался у Ежова, на основании каких материалов арестован П. Ф. Булах, бывший начальник УНКВД Орджоникидзевского края. Его арестовали 25 апреля 1938 года в связи с многочисленными жалобами на незаконные методы следствия и изби-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6. Д. 4. Л. 31-34.

² Там же. Оп. 5. Д. 63.

³ Там же. Д. 65. Л. 280.

нения арестованных. Таким образом, косвенно оказывалась затронутой такая важная проблема как информирование Ежовым членов Политбюро о ходе массовых операций. Он ответил Сталину, что Булах арестован на основании показаний начальника УНКВД Ростовской области Я. А. Дейча, который признал, что Булах является немецким шпионом. Приехав в наркомат внутренних дел, Ежов немедленно вызвал начальника секретариата И. И. Шапиро и дал ему задание допросить Дейча, чтобы добиться от него показаний на Булаха, как на немецкого агента¹. Поручение Ежова было выполнено. На допросе Булах признался, что в состав участников заговора он был завербован Дейчем, который также рассказал ему о связях Ягоды с фашистскими кругами Германии².

Действуя таким образом, Ежов старался не допустить распространения информации о «перегибах» в деятельности оперативного состава. Позднее руководящие работники наркомата давали также показания о том, что получали от Ежова задания просматривать подозрительные письма, адресованные Сталину.

Многочисленные аресты, затем бегство в июне 1938 года начальника УНКВД Дальневосточного края Люшкова в Японию, которого напугали аресты высшего руководящего состава, свидетельствовали о пошатнувшемся авторитете Ежова.

Назначение Берии в августе 1938 года заместителем Ежова без согласования с наркомом вызвало мрачные и обоснованные предчувствия у руководства ГУГБ, которое предполагало возможность обнаружения очередного «заговора в НКВД». Фриновский, назначенный наркомом военно-морского флота СССР, мрачно шутил, что лучше быть начальником отдела в ГУГБ, чем наркомом после того, как Берия стал замнаркома НКВД.

Берия, начавший знакомиться с делами оперативных отделов, привел в шоковое состояние начальника Особого отдела Николаева-Журида. В духе своего предшественника Ежова Берия высказывал в беседах с сотрудниками предположение о том, что среди них могут быть шпионы. В это время еще продолжалось следствие по делам бывших крупных руководителей областных управлений.

Можно полностью согласиться с точкой зрения о том, что расстрел Заковского, Миронова и других сотрудников органов госбезопасности были превентивной мерой со стороны Ежова в ситуации, когда, вопреки его желанию, Сталин назначил Берию заместителем наркома внутренних дел. Ежов понимал, что арестованные могли дать достаточный материал для его компрометации³. Об этом рассказал на допросе Фриновский, подчеркивая при этом роль Евдокимова, который в конце августа предлагал побыстрее

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6, д. 13. Л. 146.

² Там же. АСД Н-13556. Л. 15.

³ Петров Н., Яцен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. С. 164.

расстрелять некоторых людей Ягоды и Зюкоковского. После своего назначения 22 августа 1938 года новый замнарком НКВД выехал в Грузию для передачи дел и участия в работе пленума, где должны были выбрать нового первого секретаря компартии Грузии. «...По приезде Берия следствие по всем этим делам может быть восстановлено, и эти дела повернутся против нас» — совершенно справедливо предполагал Евдокимов¹.

Вернувшись из Грузии в Москву, Берия развернул активную деятельность. О том, что Сталиным ему были даны достаточно широкие полномочия, свидетельствовали документы НКВД, под которыми теперь стояли две подписи: Ежова и Берии, а также аресты по инициативе Берии высокопоставленных сотрудников НКВД, включая бывшего наркома внутренних дел Белоруссии Б. Д. Бермана.

8 октября 1938 года стало поворотным пунктом в деятельности органов госбезопасности, поскольку у Сталина окончательно созрело решение об изменении курса карательной политики. В постановлении Политбюро предлагалось комиссии в составе «Ежова (председатель), Берия, Вышинского, Рычкова и Маленкова разработать в 10-дневный срок проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»². Когда информация о работе комиссии стала известной ряду начальников УНКВД, те поняли, что грядут серьезные изменения.

В период работы комиссии над текстом постановления Ежов официально являлся ее председателем. Но его положение можно сравнить с состоянием человека, оказавшегося в худой лодке далеко от берега.

Комиссия приступила к работе, а Берия искал новые материалы для компрометации наркома внутренних дел. Он добился от арестованных Дмитриева и Бермана показаний, разоблачавших деятельность сотрудников из числа ближайшего окружения Ежова.

Эти протоколы, которые Сталин внимательно прочитывал, подписаны только Берией, что дает основание уверенно утверждать о целенаправленной компрометации наркома НКВД. Одновременно Берия включал в показания информацию, которая послужила бы основанием для изменений в карательной политике. Так, Берман длительное время был сотрудником Иностранного отдела, работал в Германии, где якобы был завербован германской разведкой. Следователями была придумана версия о его встрече с «офицером связи» из Германии, который рассказал Берману о совещании представителей иностранных разведок европейских стран и Японии по вопросам борьбы с СССР.

Сталина ознакомили также с «выводами» этого совещания относительно положения в СССР и «перспективах» дальнейшей работы. В частности, отмечалось, что в СССР произошел разгром различных

---

¹ ЦА ФСБ. АСД. Р-4406.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1002. Л. 37.

оппозиционных группировок, и делать ставку на оставшееся незначительное их количество нецелесообразно. При разгроме больших организаций сохранились, однако, хорошо законспирированные резидентуры иностранных разведок, имеющие в своем распоряжении «всякого рода секретные изобретения, поставленные на службу разведки для террора». В этом месте протокола Сталин поставил вопрос для органов госбезопасности: «Техника (имущество) врагов остались незатронутыми?».

Ответ на этот вопрос содержался в протоколах допроса Бермана: «по его мнению», органы госбезопасности слишком увлеклись следственной работой, в которой были допущены ошибки, в том числе, недооценка агентурной деятельности. В результате удар был нанесен не по врагам.

Берия всячески разжигал подозрительность Сталина. Прочитав в показаниях Бермана о том, что «офицер связи» ничего ему не сказал о сотрудничестве иностранных разведок, Сталин сделал определенный вывод. «Врешь, — отметил он на полях, — ты сам присутствовал на соещании».

Новый заместитель наркома усвоил старые принципы ведения следствия, заключавшиеся в том, чтобы включить в показания арестованного материалы на людей, которых собирались арестовать или уже арестованных. В связи с этим в протоколах оказались упомянутыми Радзивиловский, возглавлявший до ареста отдел НКВД, обслуживавший гражданский воздушный флот, связь и шоссейно-дорожное строительство, а также Дмитриев, который со Свердловского управления был переведен в центр и руководил ГУШОСДОРом. Их представили как «"карьеристов-чекистов", помогавших своими массовыми арестами агентам иностранных разведок оставить нетронутыми злейших врагов и партии, и советского государства».

Сталин вновь дал указание «старых бывших людей в Москве, в Дальвосте, на Украине — изъять» и «почистить гражданский флот»¹.

Следующий удар Берия нанес 23 октября 1938 года, когда ознакомил Сталина с протоколом допроса Дмитриева, сотрудничавшего со следствием и давшего «необходимые» показания. Дмитриев заявил о существовании прямой взаимосвязи между ягодинскими кадрами и действующими сотрудниками наркомата во главе с начальником Контрразведывательного отдела Николаевым. Сталин изучил протокол, указал на необходимость ареста одиннадцати человек. Кроме того, 24 октября он направил отдельную записку: «Т.т. Ежову и Берия. Предлагаю немедленно арестовать 1) начальника контрразв. отдела Николаева, 2) Агаса, 3) Дзивова, 4) Деноткина, 5) Кучинского (следователь), 6) Листенгурта (замнач. КРО). Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин 24.X.1938. 11 часов вечера».

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 367. Л. 12–27.

Берия продолжал активно искать новые доказательства для «разоблачения» деятельности Ежова. И здесь им был использован испытанный прием, который в свое время применял Ежов для компрометации Ягоды.

Исследователями ранее было высказано предположение о том, что записка начальника УНКВД Куйбышевской области В. П. Журавлева Сталину о недостаточно активной борьбе с «врагами народа», укрывательстве в аппарате НКВД подозрительных работников, возможно, была инициативой сверху¹. Это предположение полностью подтвердилось. За два дня до подачи заявления Журавлев встретился с Берией и рассказал ему о тех нарушениях, которые он выявил в аппарате НКВД. 14 ноября Берия сообщил Сталину, что по его предложению Журавлев на основе устного сообщения составил докладную записку, в которой подробно изложил все факты о подозрительных действиях ряда высокопоставленных сотрудников НКВД².

Одновременно — в соответствии с указаниями Берии — Журавлев писал Сталину: «Убедительно прошу Вас уделить 30-40 минут и прочесть прилагаемую при этом записку. С комприветом. 13.XI-38 г. г. Москва. Журавлев». Сталин немедленно адресовал эту записку членам Политбюро: «Просьба ознакомиться с запиской Журавлева. Записку придется обсудить. И. Сталин»³.

Сталин в данном случае выступал в качестве короля, которого играла свита. Берия подготовил данную записку и, безусловно, руководствовался при этом и своими личными интересами. В записке шла речь о Литвине, который мог сыграть роковую роль в судьбе Берии.

Литвин, возглавлявший Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД СССР, не принял показания на Постышева летом 1937 года. Сталин особо отметил, что в центральном аппарате отказы от показаний на Постышева были оформлены сотрудниками Секретно-политического отдела. Это была обычная практика работников НКВД не брать показания на членов и кандидатов ЦК ВКП(б) без санкции наркома НКВД.

Такое внимание к Литвину со стороны Берия было не случайным. В сентябре 1937 года Литвин возглавлял группу сотрудников НКВД, выехавших в Армению для расследования работы начальника НКВД Армении Х. Х. Мугдуси, который не проявлял должной инициативы в борьбе с оппозиционными группировками. После ареста представителей партийно-советского актива и работников НКВД были получены показания и на Берию. Однако в центре эти обвинения признали несостоятельными. Берия, по мнению ЦК ВКП(б), а точнее Сталина, заслуживал полного политического доверия. Подследственные, давшие показания на Берию, были возвращены для дальнейших допросов обратно в Армению,

---

¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы... С. 214.

² Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. С. 348-349.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 2.

где дали новые показания о том, что от них в центре требовали компрометирующие материалы на Берия. Обвинения в адрес Берии остались без последствий. Но Берия не мог забыть этот инцидент. Таким образом, компрометируя Ежова, Берия решал и свои собственные задачи.

Сталин, читая записку Журавлева, отметил некоторые факты, свидетельствующие о подозрительном поведении руководящего состава НКВД. В записке он оставил свои пометки, которые свидетельствовали о том, что Сталин, может быть, начинал открывать для себя некоторые теневые стороны деятельности руководства НКВД. В данном случае Журавлев, арестовавший ряд сотрудников УНКВД по обвинению в принадлежности к правотроцкистскому блоку, не встретил поддержку в Москве.

Работники центрального аппарата утверждали, что Журавлев «липу-ет». В отношении начальника ДТО железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского Каменского он получил сначала в марте 1938 года разрешение на арест, но в апреле ему было сказано, что арест отменен. Берия в своем спецсообщении Сталину о записке Журавлева уже упомянул Каменского, дававшего в октябре 1938 года «нужные» показания на ряд сотрудников УНКВД. Характерно, что Каменский был арестован 17 сентября 1938 года по указанию Берия. «Вот как!» — отметил Сталин раздел записки, где речь шла об отмене прежнего указания об аресте Каменского. Далее он выделил абзац, в котором Журавлев рассказал о приеме его Ежовым, который согласился на арест только двух сотрудников УНКВД и не дал санкцию на арест других.

Обсуждение записки Журавлева состоялось 19 ноября 1938 года. В свете недавно принятых решений о контроле над деятельностью НКВД со стороны партийных органов некоторые высказывания сотрудников НКВД выглядели крамольными. В частности, в письме Журавлев упоминал о своем выступлении в обкоме партии в июне 1938 года, когда он обвинил первого секретаря Ивановского обкома Симочкина в том, что тот «засорил» аппарат УНКВД контрреволюционными элементами. Об этом выступлении, сообщал автор записки, стало известно в центре. Секретарь наркома Шапиро вместе с новым начальником Секретно-политического отдела Цесарским указали тогда Журавлеву, что секретарь обкома не ответственен за аппарат НКВД. В таком развитии дела был заинтересован и переведенный на работу в Москву бывший начальник УНКВД Ивановской области А. П. Радзивилловский, который был в курсе сложившейся практики, когда за арестом первого секретаря обкома или крайкома партии обычно следует арест начальника УНКВД¹.

Для Берии письмо Журавлева явилось не причиной, а удачным поводом для конкретизации обвинений в отношении Ежова и начала кампании по восстановлению «законности» в деятельности НКВД.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 1–30.

В сентябре 1938 года, еще до создания комиссии по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия был сделан важный шаг на пути ограничения полномочий органов НКВД. 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников НКВД, Комитета обороны, НКО, НК ВМФ, НКВД, НКОП, КПК и КСК. Была ликвидирована тем самым практика, стихийно сложившаяся в период массовых репрессий. Материалы, справки о назначаемых на руководящие должности сотрудниках наркомы направляли для согласования в органы госбезопасности, там давали свое заключение.

В отличие от прошлой практики, теперь утверждению в ЦК ВКП(б) подлежал значительно более широкий контингент сотрудников НКВД — вплоть до руководителей районных и городских отделений.

В дальнейшем Сталин продолжил курс на еще большее закрепление главенствующего положения партии во взаимоотношениях с НКВД. 14 ноября в партийные органы была разослана директива об учете и проверке партийными органами ответственных сотрудников НКВД СССР, подписанная Сталиным.

В соответствии с директивой учет, проверка и утверждение ответственных работников НКВД — начиная от назначения на высшие должности до начальников отделений — возлагалась на ЦК ВКП(б). На местах обкомы, крайкомы, ЦК национальных компартий были обязаны взять на учет всех ответственных работников местных органов НКВД, составить персональные списки, завести на каждого сотрудника личное дело. Помимо изучения документов на работников НКВД, требовалось и личное знакомство с ними. Партийные руководители должны были начать проверку, не дожидаясь представления этих работников начальникам УНКВД на утверждение. Вопрос о назначении решало бюро соответствующего партийного органа. Исследователи совершенно справедливо отмечают это решение как преддверие чистки в органах НКВД¹. В директиве прямо указывалась цель проверки, которая заключалась в том, что «органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманном путем, проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия»².

Таким образом, значительно возросло влияние партийных органов на кадровый состав органов госбезопасности — как через заметное увеличение количества штатных сотрудников, утверждаемых в ЦК ВКП(б), так и через контроль над зачислением на службу новых работников. Ранее, на основе циркуляра ГУГБ НКВД СССР от 27 июля 1936 года прием шел, минуя партийные органы. Отныне местные УНКВД, направляя в центр докладные записки о состоянии работы с кадрами, постоянно упоминали о взаимодействии с партийными органами. Так, в июне 1940 года

---

¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов... С. 177.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 606.

начальник УНКВД Саратовской области сообщил, что из 250 человек номенклатуры обкома процедуру утверждения прошли 232 человека.

В директиве от 14 ноября 1938 года Сталин дал указание, чтобы первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий систематически представляли в ОРПО ЦК ВКП(б) докладные записки о ходе работы по учету, проверке и утверждению работников НКВД. Он нацеливал их на выявление недостатков в работе, «засоренности» чуждыми и враждебными элементами¹. Фактически это была установка на проведение массовой чистки среди сотрудников органов госбезопасности, удаление из них тех, кто допускал массовые нарушения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

Эта политика в отношении сотрудников оперативно-чекистских подразделений была закреплена в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Среди исследователей утвердилась точка зрения о том, что Сталин в свойственной ему манере переложил ответственность за собственные ошибки на исполнителей преступных приказов². Главную вину за недостатки и извращения в следственной работе он возложил на «врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД как в центре, так и на местах, которые проводили массовые и необоснованные аресты». Одновременно они якобы спасали «от разгрома своих сообщников, в особенности засевавших в органах НКВД».

Поскольку в качестве «врагов» фигурировало высшее руководящее звено органов госбезопасности, участь наркома была решена. 23 ноября Ежов написал письмо Сталину, в котором каялся, что проглядел врагов, излишне доверял кадрам, назначенным им на важнейшие посты в наркомате.

В период массовых репрессий в ходе разгрома «ягодинских заговорщиков» многие сотрудники НКВД были арестованы и затем расстреляны по показаниям представителей высшей партийной номенклатуры. Нарком НКВД Украины Успенский выразил мысли многих руководителей местных органов, когда сказал, что аресты партийно-советских работников в начале 1938 года были своеобразным возмездием за погибших товарищей. Теперь Сталин предоставил такое право партийной номенклатуре, которая могла отыгаться на руководящих работниках НКВД.

25 ноября 1938 года Ежов был снят с должности наркома внутренних дел. Берия произвел практически полную смену не только начальников отделов НКВД СССР и их заместителей, но и почти всех руководителей республиканских, краевых и областных НКВД-УНКВД. На основании решения ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1938 года в период с 10 декабря

---

¹ Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 605.

² См.: *Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец»* – Николай Ежов...; *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы...

1938 года по 10 января 1939 года проходила передача дел от Ежова новому руководителю НКВД СССР Берия. Одновременно наркомат был подвергнут проверке комиссией, в которую входили секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля А. А. Андреев, заведующий отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков и новый нарком Берия.

Комиссия дала резкую оценку «вредительской» работе как наркома, так и руководящего состава НКВД СССР. «Шпионы, враги, — отмечал Маленков, — сидели буквально на всех участках». «У меня такое впечатление, — вторил ему Андреев, — что Ежов имеет близкое к этому отношение». Проверяя материалы так называемого «спецархива», где Ежов хранил компрометирующие материалы на партийных, советских и военных работников высокого ранга, Берия везде ставил пометки о том, что Ежову было известно о «врагах», но он не давал ходу этим материалам. В «спецархиве» скопились доносы от 1937 года, найденные Берией, например, на В. К. Блюхера, А. В. Косарева и многих других видных деятелей страны, репрессированных к моменту проверки наркомата. О работниках ведущих оперативных отделов ГУГБ, например, секретно-политического, прямо говорилось, что назначенные последовательно в течение 1937–1938 годов Ежовым начальниками отдела В. М. Курский, М. И. Литвин, В. А. Каруцкий, В. Е. Цесарский, А. С. Журбенко оказались «врагами народа».

В ноябре-декабре Сталина захлестнула лавина шифротелеграмм, записок и анонимных сообщений о многочисленных нарушениях, допущенных органами НКВД. О «неожиданно» вскрывшихся фактах сообщали и секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. До принятия решений, осуждавших незаконные действия сотрудников органов госбезопасности, информация такого рода Сталину не поступала.

В своем личном архиве Сталин сохранил документы, на основе которых можно представить размах репрессий, затронувших не только номенклатурные кадры, но и простых людей страны.

Первый секретарь Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко в декабре 1938 года неоднократно сообщал о ходе проверки сотрудников НКВД и выявленных нарушениях в деятельности органов госбезопасности. Сначала он, как бывший работник аппарата ОРПО ЦК ВКП(б), отмечал несвойственные функции, которые выполняли органы НКВД. В качестве доказательства он приводил составленные на основе агентурных данных докладные записки в ЦК ВКП(б) Белоруссии, например, «О недостатках в развитии народного творчества и художественной самодетельности в БССР» и др. Пономаренко обращал внимание на многочисленные факты недостатков и извращений в деятельности НКВД Белоруссии, которые имели место в то время, когда его возглавлял Б. Берман. Он отмечал, что в тюрьмах сидит 2800 арестованных, вина которых не доказана, но их до сих пор держат под арестом, так как со-

трудники органов госбезопасности постоянно избивали арестованных и теперь боятся отпустить, потому что те выйдут на свободу, расскажут об издевательствах, и возникнет в обществе «трещина в авторитете органов». Пономаренко приводил факты высокой смертности в тюрьмах Белоруссии: за период с 1 января по 1 октября 1938 года в Гомельской тюрьме умерло 150 человек, в Витебской – 132, Слуцкой – 46, Бобруйской – 42 человека.

Сталин анализировал сообщения о нарушениях законности и продумывал выход из сложившейся ситуации. Фактически весь оперативный состав чекистских подразделений НКВД принимал участие в массовых репрессиях. Секретари обкомов настаивали на арестах значительной части работников НКВД. Такой подход означал разрушение органов госбезопасности. Однако формулировка о врагах, якобы пробравшихся в НКВД и творивших беззакония, была достаточно удобной и приемлемой.

Прочитав сообщение Пономаренко, Сталин дал указание: «Молотову, Берия лично. Нужно очистить от грязи белорусские органы НКВД, такой грязи немало во всех других республиках и областях». Фактически это была санкция на арест руководящего состава управлений НКВД и наиболее «активных» исполнителей из числа среднего звена сотрудников.

Из сообщений секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий вырисовывались типичные картины различных преступных действий сотрудников НКВД в ходе проведения репрессивных операций. Сталин давал указания об арестах, направлении комиссий в наиболее «отличившиеся» регионы». Например, в Житомирской области были выявлены факты, когда начальник управления Вяткин приводил приговоры в исполнение по решениям особой тройки на основании никем не подписанных протоколов заседаний. Расстрелы оформлялись задним числом, поскольку решением Политбюро ЦК ВКП(б) работа особых троек приостанавливалась с 16 ноября 1938 года. Такие же факты отмечались во многих регионах.

Берия получил фактически полную свободу действий. В итоге только за период с сентября по декабрь 1938 года было арестовано 332 руководящих работника НКВД (140 человек в центральном аппарате и 192 на периферии) среди которых 18 – наркомов внутренних дел союзных и автономных республик. Аресты продолжались и в течение 1939 года.

В процесс выявления нарушений законности включились не только первые секретари партийных органов, но и Прокурор СССР А. Я. Вышинский, члены Политбюро ЦК ВКП(б), которые по команде Сталина обнаружили нарушения в деятельности НКВД.

Однако следует отметить, что Сталин придавал серьезное значение и явно фантастическим письмам. В начале декабря он получил анонимное сообщение от жены сотрудника НКВД. В нем автор утверж-

дал, что аресты в СССР осуществляются по распоряжению Гитлера, Геббельса и Риббентропа. Что из Германии идут ~~сообщения~~, как можно опорочить ценных работников: для этого надо уклонить ~~на их связь~~ с подозрительными элементами, обратить внимание на ~~«подозрительные»~~ фамилии. Сталин написал на полях «кто?», когда ~~прочитал, что~~ таким образом был опорочен прекрасный работник, лично ~~уваленный~~ Лазарем Моисеевичем (имелся в виду Каганович – авт.). Анонимный автор писал, что в лагерях мрут люди, профессура копает землю. Возьмем Россию без войны, якобы утверждают в Германии. Автор умолял Сталина лично расследовать дела арестованных по последним спискам, хотя бы тех, кого еще не успели выслать, Сталин пометил на полях: «Что за список?»¹.

Увидев, что происходят существенные изменения в карательной политике, которые приводят к арестам исполнителей, письма Сталину стали направлять сотрудники оперативных подразделений НКВД. Они пытались доказать, что действовали в соответствии с теми установками, которые получали от своих руководителей. Секретарь парткома УНКВД Орловской области писал в начале декабря 1938 года, что нарком НКВД Ежов был одновременно и секретарем ЦК ВКП(б). Поэтому все его указания являлись для оперативного состава установками партии и, следовательно, высшее руководство знало о репрессиях. И тут же предлагал осудить тех, кто фальсифицировал дела, то есть наиболее рьяных исполнителей: «Но вот я что-то не слышал, чтобы привлекли к ответственности «липачей», сфабриковавших дело». Сталин согласился и на полях оставил пометку: «Привлечь»².

Работники органов НКВД столкнулись с существенной проблемой – как действовать в дальнейшем. Секретарь парткома УНКВД по Орловской области сообщал, что работники прокуратуры начали всячески затягивать дела, возвращали их обратно в управление. Сталин явно не одобрил действия прокурора, поскольку написал его фамилию на первой странице и переадресовал письмо Берии.

7 января 1939 года Сталин отметил в письме начальника Бобруйского горотдела НКВД ту часть, где говорилось об «ослаблении чекистской бдительности». Начальник горотдела прямо писал, что в нарушениях революционной законности виноват почти весь оперативно-чекистский коллектив. На оперативном совещании 27 декабря, когда подводились итоги работы горотдела уже после ликвидации троек, он сетовал, что за это время было арестовано всего 20 лишь человек. В органах, по его словам, сложилась обстановка, когда сотрудники постоянно ждут арестов. Автор письма рассказал, что начальник ДТО ГУГБ НКВД Белорусской железной дороги Морошек получив

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 90.

² Там же. Л. 153–154.

вызов в наркомат, сразу покончил жизнь самоубийством, а начальник УНКВД Полесской области Белоруссии, предчувствуя близкий арест, отправил всю семью к родственникам¹.

10 января Сталин ознакомился с письмом двух сотрудников УНКВД Ленинградской области, которые писали, что совершали незаконные действия, поскольку все это прикрывалось именем партии. Аресты сотрудников в управлении отрицательно действовали на остальных. «Теперь будут отвечать стрелочники, а их тысячи» — писали они Сталину. Они просили Сталина, чтобы он не допустил дальнейших арестов. Сталин обратился к Берии с рекомендацией: «Т-щу Берия. Хорошо бы вызвать Вам к себе авторов этого письма и объясниться с ними. И. Сталин. 13.1.39 г.»².

16 января Берия сообщил, что провел беседу и дал необходимые указания начальнику УНКВД Ленинградской области Гоглидзе, который на совещаниях грозил сотрудникам массовыми арестами³.

Авторы из Ленинградской области не знали, что в тот день, 10 января, когда они отправили свое письмо, Сталин направил шифротелеграмму, в которой говорилось, что физические меры воздействия были официально разрешены ЦК ВКП(б) в виде исключения «в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью, также и в тюрьме». Сталин отметил, что такая политика ЦК ВКП(б) принесла свои результаты, способствовала «ускорению дела разоблачения врагов народа». Такой метод мог быть использован в дальнейшем в борьбе с противниками советской власти.

Партийные органы на местах, объективно изучив положение дел, стали требовать привлечения к уголовной ответственности значительной части оперативного состава. Секретарь Смоленского обкома, например, настаивал на аресте многих работников УНКВД, так как получал многочисленные жалобы от ранее арестованных и затем освобожденных жителей города о применении к ним физических методов воздействия. Своей телеграммой Сталин фактически взял под защиту сотрудников органов госбезопасности, не желая дискредитировать организацию, которая являлась опорой его власти и выполняла указания Политбюро ЦК ВКП(б) в годы «большого террора».

Однако Сталин не инициировал массовые открытые процессы по делам арестованных сотрудников НКВД. На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) всего несколько раз были рассмотрены вопросы об

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 407. Л. 32–33.

² Там же. Д. 408. Л. 72.

³ Там же. Л. 100.

осуждении фактов нарушений законности, проведении судов и наказании конкретных виновных. В частности, когда Сталину поступило сообщение об учителе Садалюке, который был незаконно арестован по фальсифицированному обвинению в работе на румынскую разведку, этот вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро¹. Сотрудникам НКВД понадобился легковой автомобиль, которым был награжден учитель. Автомобиль был конфискован и фигурировал в уголовном деле, где значился как приобретенный на деньги румынской разведки.

2 января 1939 года Вышинский направил Сталину записку о нарушениях законности Ленинск-Кузнецким горотделом УНКВД Новосибирской области и прокуратурой города. Сотрудники горотдела арестовали 17 человек — учителей и учащихся средней школы, в которой процветали воровство, хулиганство. Было создано дело о контрреволюционной организации, а среди арестованных находились и несовершеннолетние школьники. 27 декабря 1938 года бюро Новосибирского обкома приняло решение о привлечении к суду двух сотрудников горотдела УНКВД, поскольку те нарушили постановление правительства от 7 апреля 1935 года о запрете привлекать несовершеннолетних к ответственности за контрреволюционные преступления. Сталин дал указание: «Необходим открытый суд над виновниками»².

Поддержав предложение Сталина об открытом суде Политбюро ЦК ВКП(б) 4 января 1939 года приняло решение: «Удовлетворить просьбу Новосибирского обкома о разрешении обсудить постановление обкома о нарушении законности Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД и горпрокуратурой в первичных парторганизациях районных, городских и областного отдела НКВД и в первичных парторганизациях районных, городских и областной Прокуратуры. Секретарь ЦК». Это был исключительный случай, поскольку в дальнейшем сотрудники осуждались Военными трибуналами военных округов или Военной коллегией Верховного суда. Проведения гласных судебных разбирательств Сталин не планировал.

Несмотря на многочисленные аресты среди сотрудников ГУГБ НКВД СССР, оперативные подразделения не испытывали недостатка в кадрах. На протяжении всего описываемого периода существовали стабильные источники их пополнения. Регулярно проводились партийные и комсомольские наборы в органы госбезопасности. Так, бюро Калининского обкома ВКП(б) в августе 1937 года приняло решение направить 30 человек в УГБ УНКВД. 170 человек пришли в УНКВД Западно-Сибирского края в течение того же года по партийному набору. В мае 1938 года по ли-

¹ Хлевнюк О.В. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 223–225.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 96. Л. 110.

нии ЦК ВЛКСМ в различных городах России было отобрано 750 человек. Самый большой набор был проведен по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1938 года, когда НКВД СССР, ОРПО ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б) отобрали среди политически проверенных и передовых производственников города Москвы 1500 человек.

Систематически выпускали слушателей межкраевые школы. Поэтому неудивительно, что с серьезными проблемами по укомплектованию кадрами оперативных отделов руководство ГУГБ и УГБ УНКВД не сталкивались. Например, за период с 1 октября 1936 года по 1 января 1938 из органов госбезопасности убыли 5229 работников (из них — арестованы 1220 сотрудников), а прибыли 5359 человек.

Помимо арестов в конце 1938 — начале 1939 года среди руководящего состава Главного управления госбезопасности в центре и на местах были проведены аресты оперативных работников среднего звена в территориальных управлениях, дорожно-транспортных и особых отделах. Так, в приказах НКВД СССР № 00118 и № 00119 от 5 февраля 1939 года по итогам проверки Особых отделов Белорусского особого военного округа и Краснознаменного Балтийского флота было объявлено, что за фальсификацию следственных дел и использование методов физического воздействия арестовано 14 человек. Общая же численность оперработников составляла несколько сотен сотрудников, которые в подавляющем большинстве участвовали в массовых репрессиях. Репрессии коснулись главным образом высшего руководства.

В связи с этим имеются значительные расхождения в оценке количества репрессированных сотрудников органов госбезопасности в процессе ликвидации «заговоров в НКВД», организованных прежним руководством — Ягодой и Ежовым. Часто упоминается цифра четырнадцать тысяч чекистов, названная Ежовым. Бывшие руководители КГБ СССР говорили и о двадцати, и о двадцати шести тысячах репрессированных сотрудников органов госбезопасности. В действительности реальная численность потерь значительно меньше. С 1 октября 1936 года по 1 сентября 1938 года из центрального аппарата ГУГБ и его местных управлений убыло 9171 сотрудник, из них было арестовано 2273 человека (269 в центре и 2064 на местах). Количество арестованных за контрреволюционные преступления составляло 82 процента (1862 человека) от общего числа. В отличие от периода 1934—1936 годов резко — с 70 процентов до 18 процентов — сокращаются аресты за уголовные преступления, развал работы и дискредитацию. Так, в Контрразведывательном отделе центра за это время последовательно были арестованы 20 начальников отдела и отделений, 26 их заместителей и помощников. В Иностранном отделе, например, в отделении, руководившем работой резидентур в Германии, были арестованы последовательно четыре начальника, два заместителя, семь помощников. Основная часть сотрудников ГУГБ НКВД

СССР и УГБ местных управлений, включая ДТО и ОО, была уволена вовсе — в запас или переведена в неоперативные подразделения, всего 6700 человек.

До конца 1938 года организованная Берией чистка аппаратов ГУГБ и местных управлений госбезопасности привела к аресту 324 человек. В течение 1939 года было арестовано 1960 человек оперативного состава НКВД, включая пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. Сотрудников аппарата ГУГБ среди арестованных было более 900 человек. Суммарная численность арестованных работников ГУГБ НКВД СССР и его местных управлений за контрреволюционные преступления, то есть репрессированных в процессах ликвидации так называемых заговоров в НКВД, составляла чуть более 3 тысяч человек. Сотни сотрудников из числа расстрелянных впоследствии не были реабилитированы, так как принимали участие в массовых репрессиях. Репрессии в органах госбезопасности привели к массовому увольнению со службы. Большая часть оперсостава, как и в предыдущие годы, была уволена уже новым наркомом Берией. В феврале 1940 года заместитель наркома по кадровой работе С. Н. Круглов докладывал на собрании партийного актива, что в течение 1939 года по различным причинам из органов безопасности уволили 7322 человека. За период с октября 1936 по январь 1940 года произошло обновление на 60 процентов личного состава. За 1939 год было выдвинуто на оперативные должности, получили продвижение по службе 21088 человек.

Таким образом, репрессии среди сотрудников НКВД являлись составной частью карательной политики государства в исследуемый период. Наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники областных и краевых управлений наркомата внутренних дел были составной частью советской номенклатуры, тесно связанной с партийно-советским руководством. Поэтому при изменении направления репрессивного курса в 1937-1938 годах они подвергались арестам точно так же, как и работники всех других ведомств. Однако в сравнении с руководителями других ведомств у наркома внутренних дел имелось больше возможностей сохранить нужные кадры. Характер деятельности сотрудников НКВД и его структур на местах обусловил и своеобразие предъявляемых обвинений. Оно состояло в том, что в начальный период массовых репрессий оперативный состав органов госбезопасности подвергался репрессиям по надуманным обвинениям, за то, что не проявлял активности в поиске и разоблачении несуществующих контрреволюционных организаций, превращаясь таким образом в соучастников контрреволюционеров. Впоследствии многочисленные аресты были связаны с обвинениями в нарушениях законности, которые уже соответствовали действительности, их причиной было выполнение преступных приказов. Палачи сталинского режима стали его жертвами.

Операция против «кулаков и антисоветских элементов»

Выступление наркома внутренних дел Ежова на июньском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года можно рассматривать в качестве теоретического обоснования дальнейшего развертывания репрессий не только в отношении партийно-советской номенклатуры, но и различных категорий советских граждан, что фактически стало сигналом к началу массовых репрессий. В его выступлении подчеркивалось, что органы НКВД раскрыли ряд «фашистских антисоветских» формирований из числа бывших троцкистов, зиновьевцев, правых, эсеров и других. Участники пленума получили материалы НКВД об этих организациях в различных областях с указанием количества арестованных.

Развивая «тезисы» о всеобъемлющем заговоре, Ежов отметил, что главной задачей участники антисоветских формирований ставили свержение советской власти и восстановление капитализма в СССР. Нарком изложил план заговорщиков по свержению советского правительства, который якобы предусматривал организацию «дворцового переворота», осуществленного путем вооруженного восстания при поддержке иностранными интервентами. После поражения страны — в случае войны с фашистскими государствами — заговорщики пойдут на политические и территориальные уступки победителям и придут к власти.

Необходимость развертывания массовых репрессий по всей стране Ежов обосновывал фантастическими планами, разработанными в НКВД: якобы участники антисоветских формирований перевели все свои организации на службу иностранных фашистских разведок, по заданию которых выполняли все шпионские поручения. На случай войны они подготовили кадры диверсантов, которые организовывали диверсии в целях ослабления оборонной мощи Союза на ряде важнейших участков народного хозяйства и на оборонных предприятиях; широко развернули вредительскую работу в народном хозяйстве; готовили и вербовали кадры повстанцев из числа бывших партизан, белого казачества, кулаков, переселенцев, уголовников и других для организации восстания; организовали широкую сеть террористических групп, в задачу которых входил индивидуальный террор против вождей партии и советского правительства¹.

Развертывание репрессий в отношении населения страны Ежов обосновывал утверждением об объединении оппозиционных групп с несуществующими антисоветскими формированиями. Так, в Западной Сибири руководители организации правых якобы объединились с партизанско-повстанческими кадрами среди спецпереселенцев. Антисоветская казачья организация, связанная с РОВСом, была «раскрыта» в Оренбургской области. А правотроцкистская группа в Азово-Черноморском крае

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 187–191.

и Орджоникидзевской области во главе с Шеболдаевым, Пивоваровым, Лариным и другими, по словам Ежова, готовила крупные антисоветские казачьи и партизанско-повстанческие формирования.

Выступление Ежова, в котором он представил участникам пленума фантастическую картину масштабной «контрреволюционной» деятельности, фактически стало установкой для последующих действий партийного руководства и органов государственной безопасности по ликвидации «вражеских формирований» и организаций по всей стране.

Первым шагом на пути создания чрезвычайных органов стало возникновение внесудебной тройки в Западно-Сибирском крае, образованной по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 года в период работы июньского пленума. Ее появление стало закономерным итогом общей оценки ситуации в стране.

На протяжении мая-июня 1937 года Ежов регулярно направлял Сталину сообщения от руководителей республиканских, краевых, областных НКВД-УНКВД о различных повстанческих организациях. На основе этой информации предполагалось внушить Сталину, что в СССР действует «пятая колонна». Нарком НКВД Казахской ССР Залин «раскрыл» повстанческие организации Семиреченского казачества в Алма-Атинской области, руководители которой якобы поддерживали связи с японским полковником-эмигрантом Полторацким, находящимся в Китае¹. В Мурманске и Кировске казачьи антисоветские формирования установили связи с Пражским центром РОВСа². Из Азово-Черноморского края поступали сведения о казачьих формированиях, имевших выходы на зарубежные центры³.

В различных регионах СССР усиливалось преследование командиров и рядовых участников партизанских отрядов в годы Гражданской войны. Основанием для разработки стало выражение ими недовольства политикой советской власти в деревне.

Популярных среди населения бывших командиров Красной Армии органы госбезопасности представляли руководителями заговоров. 19 июня Сталин получил от Ежова сообщение, что директор Кубанского рисового совхоза, в годы Гражданской войны командир 1-го конного корпуса Д. П. Жлоба группировал вокруг себя бывших красных партизан. Ежов сообщал, что он оказывал помощь казакам, пострадавшим от наводнения после неурожайного года, однако, как следовало из показаний председателя Орджоникидзевского крайисполкома, при этом подчеркивал: «Вот Вам советская власть не помогает, а Жлоба помогает».

Вывод был сделан такой: Жлоба организовал «значительную группу преданных ему людей, способных к выполнению любых поручений по

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 326.

² Там же. Л. 97.

³ Там же. Д. 76. Л. 133–134.

террору и повстанчеству». Для Сталина голословных заявлений было достаточно, чтобы дать указание Ежову: «За арест. Ст.»¹.

Тревожные сообщения поступали из НКВД Украины. Нарком внутренних дел Украины 21 июня 1937 года докладывал о возвращении тысяч спецпереселенцев, которые якобы вступали в различные антисоветские организации, что создавало реальную угрозу советской власти².

Поэтому неудивительно появление идеи о возобновлении деятельности специальных внесудебных троек, которые действовали в период коллективизации. Инициатива принадлежала начальнику УНКВД Западно-Сибирского края С. Миронову и секретарю крайкома Р. Эйхе. После окончания февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б) они оба активно проводили аресты среди всех слоев населения края, подчеркивая особую насыщенность края спецпереселенцами³.

Среди поступавших к Сталину накануне июньского пленума спецсообщений наиболее тревожными были донесения из Западно-Сибирского края. В местном УНКВД разрабатывалось дело «Аристократы», по которому проходили высланные представители дворянских родов. Вместе с преподавателями Томского государственного университета и медицинского института они входили в придуманный чекистами «Союз спасения России». Используя в качестве «доказательства» факт заграничных командировок преподавателей, Миронов включил в показания арестованных данные об их встречах с руководителями РОВСа. Все эти материалы он регулярно направлял в ГУГБ НКВД. Ежов заинтересовался его сообщениями и дал указание развить эту линию. 2 июня заместитель наркома Фриновский писал Миронову: «Нарком придает этому делу большое значение. Надо заняться выходами на РОВС»⁴. Миронов начал активно выполнять полученные указания и фабриковать данные о деятельности разветвленной антисоветской организации по образу и подобию придуманной Ежовым в центре.

Уже 14 июня 1937 года Ежов направил Сталину спецсообщение о том, что бывший генерал-майор Н. А. Эскин, счетчик из новосибирского Горпроекта, по указанию зарубежного руководства РОВСа якобы принял на себя с 1935 года общее командование всеми организациями. В состав антисоветских формирований входили «Сибирское бюро партии социалистов-революционеров», которое возглавлял бывший председатель Иркутской земельной управы И. Х. Петелин, работавший преподавателем на курсах командного состава Западно-Сибирского пароходства. На него «возлагалась» задача поддерживать связи с японским консулом в Новосибирске. Эскин «руководил» и боевыми отрядами, сформиро-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 309. Л. 137–138.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 97. Л. 216–218.

³ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 196–197, 204.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 920. Л. 133.

ванными из числа спецпереселенцев Нарима и Кузбасса, возглавляемые бывшими белыми офицерами. Первоначально Миронов отметил 10 боевых отрядов и 2 террористические группы¹.

Демонстрируя высокий уровень своей работы, Миронов не ограничился упоминанием японского консула и «вышел» на межгосударственный уровень связей внутренних врагов с границей. 9 июня он испугал центр сообщением о том, что на территории Монголии вблизи границ СССР созданы японские резидентуры. Для захвата приграничных территорий СССР агенты японских спецслужб провели многочисленные закладки оружия, а в качестве вооруженной силы намеревались использовать монгольских лам. В дальнейшем его информация будет использована Ежовым для того, чтобы способствовать назначению Миронова полпредом в Монголию, где он примет самое активное участие в репрессиях².

Из общего анализа адресованных Сталину спецсообщений, складывалось впечатление об уязвимости положения СССР. Особенно в приграничных областях и республиках, где, по «сведениям» НКВД, возникли и готовы были действовать многочисленные повстанческие формирования. Из спецсообщений следовало, что руководители повстанческих отрядов поддерживали связи с эмигрантскими центрами и имели поддержку со стороны враждебных советскому государству приграничных государств.

22 июня 1937 года Ежов направил только членам комиссии по рассмотрению секретных вопросов Политбюро ЦК ВКП(б) очередное донесение Миронова и просил поддержать его предложение, согласованное с секретарем крайкома Эйхе о создании внесудебной тройки³.

Сразу после окончания июньского пленума ЦК ВКП(б), параллельно с развертыванием репрессий против так называемых правотроцкистских антисоветских формирований, 2 июля 1937 года Политбюро принимает постановление об антисоветских элементах. В телеграмме Политбюро всем секретарям обкомов, крайкомов ЦК нацкомпартий предписывалось: совместно с представителями НКВД взять на учет возвратившихся на родину кулаков и уголовников, высланных в разное время в северные и сибирские районы, а затем вернувшихся и ставших главными зачинщиками антисоветских и диверсионных преступлений в колхозах и совхозах, на транспорте и в некоторых областях промышленности. Наиболее враждебных из них рекомендовалось немедленно арестовать, в административном порядке оформить дела на них и расстрелять решением тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные, должны быть переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б)

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 123.

² Там же. Л. 211.

³ См. док. № 2 Приложения.

предложил в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество лиц, подлежащих как расстрелу, так и высылке. Подготовка операции растянулась до конца июля.

В июле начальники УНКВД совместно с партийным руководством занимались составлением списков тех, кто подлежал преследованию. Некоторые управления, НКВД и партийные органы, например в Чувашии, Якутии и др., исходя из реальной обстановки в областях, представили незначительные цифры репрессированных.

Для того чтобы сориентировать руководство УНКВД в ситуации и подчеркнуть политическую важность установок Политбюро ЦК ВКП(б), Ежов 16 июля 1937 года провел в Москве совещание. Сохранились свидетельства его участников. Так, начальник УНКВД Западно-Сибирского края Миронов показывал, что начальники управлений докладывали о результатах подготовительной оперативно-следственной работы и массовых операций. Он лично уведомил Ежова, что арестованные недостаточно убедительно указывают на причастность к контрреволюционным преступлениям других лиц. Ежов советовал арестовывать всех, а потом уже отсеивать тех, на кого не будет показаний. В отдельных случаях нарком допускал — с разрешения начальника управления НКВД — применение физических мер воздействия. Там же, на совещании, он резко критиковал тех начальников управлений, которые проявляли оперативную инертность, у которых «нет никакого разворота, несмотря на то, что многие областные и краевые управления уже взяли полный разбег по вскрытию контрреволюционных формирований внутри партии и вне ее»¹.

О направленности его доклада свидетельствовала и срочная шифровка, переданная 19 июля в Уфу начальником УНКВД Башкирской АССР, в которой он после совещания увеличил в 2 раза первоначальное количество лиц, подлежащих репрессии. «Необходимо согласие обкома с тем, — подчеркивал начальник УНКВД, — чтобы Быкин (первый секретарь обкома ВКП(б)) телеграфировал эти окончательные цифры ЦК»².

В исключительных случаях, например, в Якутской АССР, тройка не участвовала в проведении операции по приказу № 00447. Начальник республиканского НКВД И. А. Дорофеев уверял центр, что в Якутии нет кулаков, она «не представляет интереса для иностранной разведки, поскольку здесь нет промышленности, армии и других военных объектов»³.

31 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило оперативный приказ НКВД СССР № 00447, в котором ставилась задача «раз и на-

---

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937/ Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. — М.: РОССПЭН. 2004. С. 602–603.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 147. Л. 372.

³ Petrow: N. Tod nach Plansoll: Der operative NKWD-Befehl Nr. 00447. С. 8. Hamburger «Arbeitstgung Stalinistischer Terror. Massenrepressalien, Gulag» 21–22. Februar 1998).

всегда покончить» с антисоветскими элементами. В нем были значительно расширены контингенты, подлежащие репрессии. Наряду с кулаками, в состав репрессируемых включались представители различных политических партий: эсеров, меньшевиков, дашнаков, мусаватов и т. д.; бывшие «белые», «бывшие» люди, каратели, бандиты, переправщики, скрывшиеся от репрессий реэмигранты, «церковники» и сектанты. Расширение контингента во многом стало результатом инициативы, проявленной партийным руководством и управлениями НКВД на местах.

9 июля начальник УНКВД Западной области В. А. Каруцкий, сообщая о том, что материалы, поступившие из районов, требуют тщательной проверки из-за отсутствия учетных данных предложил включить в состав репрессируемых активных сектантов. Начальник УНКВД Северной области Б. А. Бак отметил значительное количество заключенных в тюрьмах, которых можно репрессировать. Миронов, рапортовавший 10 июля о первом заседании тройки в ЗСК, просил расширить права тройки и кроме кулаков рассматривать там дела на всех «бывших» и белогвардейско-эсеровский актив¹.

На протяжении всего периода проведения «кулацкой» операции постоянно появлялись новые категории лиц, подлежащих репрессиям. В проекте директивы, подготовленной по итогам поездки Ежова на Украину в феврале 1938 года, ими являлись: а) офицерский и командный состав и добровольцы белой, петлюровской и гетманской армий; б) атаманы, главари, организаторы банд, повстанческих организаций и антисоветских восстаний; в) реэмигранты; г) представители царской, петлюровской, германской и белой администрации; д) бывшие активные участники украинских националистических организаций; е) лица, связанные с зарубежными украинскими националистическими организациями и деятелями, и при отсутствии их агентурного использования; ж) черное и белое духовенство, проникшее в промышленные предприятия, на транспорт, и духовенство, связанное с закордоном; з) сектантские руководители и проповедники; и) бывший руководящий и кадровый состав антисоветских партий (эсеры, кадеты, меньшевики, сионисты, боротьбисты, анархисты) и члены этих партий, боровшиеся против советской власти во время гражданской войны и позже; к) бывшие контрразведчики, полицейские, вартовые, жандармы и каратели; л) бывшие кулаки; м) бывшие фабриканты и помещики; н) бывшие члены «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и активные черносотенцы; о) все подучетные элементы, на которых имеются конкретные компрометирующие материалы, если они не охватываются перечисленными выше категориями².

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 154. Л. 774, 731, 711.

² Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 4. Л. 2–15.

Наряду с Украиной такая же конкретизация отмечена и в ходе репрессий в Дальневосточном регионе. После бегства Люшкова новый начальник УНКВД ДВК Г. Ф. Горбач сразу после назначения развернул активную деятельность и в начале июля 1938 года дал распоряжение составить списки для арестов в соответствии с приказом № 00447. Очевидно, Ежов дал ему указания активизировать операцию по антисоветским элементам, поскольку уже в конце июля 1938 года ЦК ВКП(б) утвердило дополнительный лимит. В приказе назывались: «бывшие офицеры, бывшие белые офицеры, бывшие белые добровольцы, купцы, помещики, торговцы, кулаки, в особенности бежавшие из ссылки и возвратившиеся из лагерей, бывшие чиновники, бывшие военнопленные германские, австрийские, чехи, ведущие антисоветскую деятельность, эсеры, меньшевики, анархисты, казачьи авторитеты, участники ТКП, сибирские областники, белые эмигранты, сектанты, церковники, контрабандисты, бандиты и бандпособники, переправщики и содержатели явочных квартир»¹.

Приказ № 00447 стал основой для произвола и беспорядочных арестов. В пункте 1 и 2 раздела о контингентах, подлежащих репрессии, речь шла о кулаках. В пункте 3 указывались «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий, или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную деятельность», а в пункте 5 о «наиболее враждебных и активных участниках ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских, повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований».

Участие именно в такого рода организациях и формированиях было главным пунктом надуманных обвинений, которые выдвигались против рабочих, крестьян, служащих и интеллигенции, ставших жертвами массовых репрессий. Таким образом, с одной стороны, из общей массы населения выделялись категории «социально-чуждых» и «социально-опасных» — по терминологии того периода, а, с другой — намечались понятные для сотрудников управлений и отделов государственной безопасности НКВД СССР направления деятельности.

В сравнении с телеграммой Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года об антисоветских элементах в приказе № 00447 ужесточались и меры наказания. Первоначально речь шла о высылке менее активных в различные районы страны по указанию НКВД. Теперь, согласно приказу, кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные. Они подлежали немедленному аресту и после рассмотрения их дел на тройках — расстрелу. К второй категории относились все остальные,

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-15301. Т. 11. Л. 21–22.

менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключенные на те же сроки в тюрьмы по решению тройки.

Был определен и персональный состав республиканских, областных и краевых троек, возглавляемых, как правило, начальником УНКВД, а членами являлись секретарь соответствующего партийного органа и прокурор. Политбюро утвердило и общую цифру репресслируемых – 298950 человек.

Данные, представленные с мест, и цифры лимитов для краев и областей, зафиксированные в приказе, свидетельствовали об определенном расхождении между количественными показателями для репрессирования. В результате произошло определенное сокращение их числа¹.

С разъяснением по этому факту выступил на январском 1938 года совещании руководящего состава НКВД замнаркома Фриновский. Он назвал главное отличие данной массовой операции от предшествующих – ее «политическую целеустремленность». Фриновский отмечал, что впервые перед органами государственной безопасности была поставлена задача в результате массовой операции с «корнем елико возможно вырвать всю разновидность контрреволюции». И без этой операции «разговаривать о том, что мы могли бы справиться с этой контрреволюционной работой, была бы по существу борьба с водяной мельницей».

Далее он напомнил участникам совещания о мизерных цифрах, которые представили ряд начальников УНКВД при подготовке кулацкой операции из-за отсутствия на местах учета кулаков. В итоге количество лиц, подлежащих репрессиям, все равно оказалось достаточно большим, но их численность была «сознательно товарищем Ежовым преуменьшена, чтобы дать возможность аппарату постепенно и глубоко взяться за эту операцию...»².

В процессе следствия по делам арестованных руководителей областных и краевых управлений НКВД многим из них вменялось в вину уничтожение результатов учетных данных по некоторым категориям граждан. Однако ликвидация этих списков была результатом предшествующих мер по смягчению карательной политики. В 1927 году 15 октября ВЦИК, например, принял постановление «Об амнистии». В его развитие – согласно приказу ОГПУ от 23 ноября того же года – освобождались от дальнейшего содержания под стражей все осужденные по приговорам судов или административных органов за контрреволюционную деятельность в годы гражданской войны по первое

---

¹ Юнге М., Биннер К. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения М. 2003. С. 25

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14. Л. 264–265.

января 1923 года. Снимались также с особого учета бывшие офицеры и военные чиновники белых армий.

Таким образом, первоначальное сокращение показателей на основании приказа № 00447 вызывалось скорее желанием руководства НКВД перестраховаться от невыполнения намеченных планов по количеству репрессированных. Это объяснялось стремлением обязательно выполнить политический заказ Сталина и его ближайшего окружения.

Начало этой операции было намечено на 5 августа 1937 года, но в некоторых областях к ней приступили ранее установленного срока, поскольку в телеграмме Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось о немедленном расстреле арестованных «антисоветских элементов». На совещании в Москве, которое проводил Ежов, начало операции планировалось на 28 июля¹.

Несмотря на проведенное наркомом 16 июля 1937 года предварительное совещание с начальниками УНКВД, некоторые руководители не только начали операцию раньше времени, но даже сумели превысить плановые цифры по арестам, поскольку восприняли значение данной операции как решение важнейшей государственной задачи.

31 июля, на момент утверждения оперативного приказа № 00447 в Центр поступила шифротелеграмма наркома НКВД Крымской АССР К. А. Павлова. Он рапортовал о проведенных в ночь с 28 на 29 июля арестах. Лимит для автономной республики был утвержден в количестве 1500 человек. Однако этот лимит был превышен: арестовали 1019 кулаков и 636 уголовников. В связи с завершением операции Павлов просил увеличить намеченные для ареста квоты по обеим категориям. О том, что у руководства не было никакого представления о том, как будет реализовываться операция, свидетельствовала реакция Фриновского, который отвечал за подготовку приказа и в дальнейшем контролировал ход ее проведения. На шифротелеграмме он написал ответ Павлову, что «цифра увеличена не будет»².

Другие руководители УНКВД рапортовали о значительном превышении количества арестованных по сравнению с теми цифрами, которые представили их предшественники. Начальник Омского управления Г. Ф. Горбач 1 августа сообщал Ежову, что «в первоначальных цифрах, представленных т. Салынь, намечалось к изъятию по первой категории 479 человек. Проведенной ударной работой по состоянию на 1.8. с. г. арестовано по первой категории всего 3 008 человек...». В ответной шифротелеграмме Ежов оценил активность начальника УНКВД: «Нарком одобряет действия Горбача»³.

---

¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С. 102–103.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 154. Л. 400.

³ Там же. Л. 363.

Установленные по приказу № 00447 лимиты для репрессирования по первой категории были исчерпаны к началу сентября. Докладывая Сталину о первых итогах операции по антисоветским элементам, П. Ежов сообщал Сталину, что на 1 сентября «операция по арестам наиболее враждебных бывших кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов, отнесенных к первой категории, закончена по большинству областей Союза ССР». Было арестовано 146 225 человек. В спецсообщении Ежов выделил определенные категории групп и организаций. Самыми многочисленными были аресты за участие «в кулацких, вредительских, диверсионных и повстанческих группах и организациях» преимущественно в колхозах и совхозах – 19 523 человека; в белогвардейских и военноказачьих повстанческих организациях и группах – 2 331 человек; групп и организаций, созданных членами антисоветских партий – 1 673 человека; церковно-сектантских, повстанческих и фашистских групп и организаций – 710 человек; диверсионных, шпионских и террористических групп и организаций – 467 человек; националистических групп и организаций – 319 человек; за участие в бандитских формированиях – 140 человек».

В общей массе арестованных выделяется категория так называемых социально-опасных элементов. В Переславском районе Ярославской области за участие в диверсионно-повстанческой организации было арестовано 2 бывших кулака, 7 кулаков, вернувшихся из ссылки, эсеров – 4, бывших участника восстания, отбывшие ссылку и один исключенный из ВКП(б). В Западной области раскрыли крупную повстанческую организацию, по делу которой арестовали 102 человека, в основном «баптистов-антивоенников». В Челябинской области был арестован епископ Вяткин, а во главе организации стоял духовный совет, которым руководил священник, бывший белый офицер Бармотов.

Нарком внутренних дел подтверждал, что учет так называемых контрреволюционных элементов, был далеко не полным, и данные о количестве подлежащих репрессированию, сообщенные начальниками УНКВД, не соответствовали действительности. В краях и областях имелось еще значительное число контрреволюционных элементов, подлежащих учету и аресту. По словам Ежова, «... следствие направляется к исчерпывающему выявлению всех очагов вскрытого в процессе операции широкого контрреволюционного подполья». Фактически это было предложение продолжать операцию.

В спецсообщении описывалась обстановка, в которой протекала операция. Наряду с заявлениями о «большом подъеме политической и производственной активности» нарком отмечал «активизацию контрреволюционных элементов, пытающихся путем агитации и распространения слухов спровоцировать в массах растерянность, панику, недовольства и попытки укрыть подлежащих аресту»¹.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 101–14.

Более наглядно реальное отношение части населения к советской власти проявилось в ходе выборов по новой Конституции в Верховный совет СССР в декабре 1937 года. Из десятков городов шла информация о листовках, в которых критиковалась политика партии. Из Краснодара поступило сообщение о том, что неизвестные авторы распространяли листовки, в которых содержалось обращение к народу с призывом, дискредитирующим выборы: «Не надо голосовать, пусть проходит единогласно». В Свердловске в знак протеста в бюллетени вписали фамилии Бухарина, Рыкова, Томского. В ряде городов были отмечены случаи появления листовок, в которых наряду с критикой антидемократического режима осуждались и репрессии. «Голосуйте против массовых арестов, тюрем, голода, диктатуры Сталина», — призывали неизвестные авторы в листовках, появившихся в центре Владивостока в ночь на 11 декабря¹.

Однако подобные факты являлись скорее исключением, чем правилом, операция в целом протекала без серьезных эксцессов.

Руководство НКВД СССР ставило в пример начальников тех УНКВД, где не только был выполнен установленный Политбюро ЦК ВКП(б) план по расстрелам, но и откуда поступали шифровки с просьбами продлить сроки репрессий и увеличить «лимиты». Инициатива расширения масштаба репрессий исходила и снизу — от секретарей крайкомов и обкомов. Осенью 1937 года в докладной записке на имя секретаря ЦК Жданова секретарь Карельского обкома ВКП(б) Никольский сообщал о вскрытой органами НКВД «контрреволюционной повстанческой» организации, куда входили и секретари райкомов партии, арест которых был санкционирован обкомом. Поскольку «контрреволюционеров» оказалось больше, чем было предусмотрено показателями, утвержденными в ЦК, Карельский обком ВКП(б) просил ЦК ВКП(б) разрешить «тройке» приговорить к расстрелу не 300, а 550 человек, чтобы «все активные контрреволюционные повстанческие элементы, их гнезда были уничтожены». Жданов, переадресуя послание Ежову, просил его «поддержать это дело»².

В июле 1937 года в телеграмме Сталину представитель комиссии партийного контроля Френкель резко критиковал работу начальника УНКВД по Куйбышевской области Попашенко, который не обеспечил нужного уровня борьбы с контрреволюцией. В дальнейшем он вновь писал вождю и высказывал политическое недоверие начальнику УНКВД и в конечном итоге добился того, что Сталин на очередном донесении от 20 сентября 1937 года написал: «Т. Ежову. Попашенко надо отозвать из Куйбышевского края»³. 27 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило его назначение начальником Административно-хозяйственного управления НКВД.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 163. Л. 701.

² Там же. Д. 69. Л. 270, 280.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 98 об.

В октябре 1937 года Френкель «накритично» нарушения, которые допускал бывший начальник УНКВД. Они заключались в том, что тот часто не принимал участия в заседаниях тройки, а только подписывал протоколы, перепоручая эту работу своему оперативному секретарю и заместителю прокурора по спецделам, кандидатуры на должность которых не были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б).

Первоначально вопрос о санкциях на аресты и ~~рамках операции~~ по «кулакам» и уголовным элементам свыше установленных лимитов решался на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). С 12 октября 1937 года Сталин разрешил Ежову самостоятельно определять количество лиц, подлежащих аресту в ходе «кулацкой» операции в рамках установленных по областям лимитов. На шифротелеграмме секретаря Башкирского обкома ВКП(б) с просьбой об увеличении лимита он написал: «Т. Ежову. Надо увеличить по обеим категориям на...». То есть он оставлял на усмотрение наркома внутренних дел определять количество подлежащих репрессированию лиц¹.

Уже 20 октября практически во все местные органы НКВД были направлены подписанные Ежовым шифротелеграммы об увеличении лимитов по «кулацкой» операции. В дальнейшем, в ноябре-декабре 1937 года положительные ответы из центра на просьбы начальников УНКВД об увеличении лимитов в некоторых случаях давались буквально через несколько часов после получения запросов с мест. Но нет официальных подтверждений, что вопрос о выделении лимитов для республик, краев и областей Ежов решал самостоятельно. Наоборот, в декабре 1937 года, когда операция по «антисоветским» элементам официально завершалась, а с мест продолжали поступать запросы на увеличение лимитов, Ежов накапливал просьбы. Например, все запросы начальников управлений от 8 декабря были утверждены только 15 декабря 1937 года, что свидетельствовало о том, что количество лиц, подлежащих репрессированию, согласовывалось в руководящих инстанциях, то есть в ЦК партии. Это не исключало того, что нарком внутренних дел имел определенную самостоятельность в определении количественных показателей лимитов для республик, краев и областей. Однако решающую роль играло Политбюро ЦК ВКП(б), которое утверждало дополнительные лимиты. Так в январе 1938 года были даны дополнительные «лимиты» в республики и области, а сроки проведения операции продлены до 15 марта 1938 года².

Четко прослеживалась тенденция выделения расширенных лимитов республикам, краям и областям, имеющим общие границы с иностранными государствами, что свидетельствовало о задачах «чистки» приграничных регионов. В феврале 1938 года Ежов выезжал на Украину. На совещании он обрушился на оперативный состав органов госбезопасно-

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... С. 386.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 52.

сти с обвинениями в том, что они недостаточно основательно «почистили» республику. Только в январе лимиты для УССР были увеличены на 6 тысяч человек, а после инспекции наркома 17 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило дополнительно арестовать еще 30 тысяч кулацкого и прочего антисоветского элемента.

После бегства за границу начальника УНКВД ДВК Люшкова в июне 1938 года заместитель наркома Фриновский выезжал для расследования причин его измены. 29 июля 1938 года он направил в центр телеграмму, в которой ставил вопрос о выделении дополнительного лимита для репрессий на Дальнем Востоке, мотивируя это тем, что здесь была проведена слабая «чистка». 31 июля 1938 года Политбюро санкционировало дополнительный лимит для ДВК в количестве 15 тысяч человек по первой категории и 5 тысяч по второй¹.

В процессе выполнения приказа № 00447 Сталин неоднократно конкретизировал направления деятельности, акцентировал внимание на приоритетах в репрессивной политике. 13 ноября 1937 года Мехлис переадресовал ему письмо бывшего редактора газеты «Звезда», в котором шла речь о влиянии церкви в Белоруссии, Сталин дал указание: «Т. Ежову. Надо бы поприжать господ церковников»².

По указанию Ежова начальник Секретно-политического отдела ГУГБ 15 ноября направил на места шифротелеграмму, в которой ставилась задача в течение суток представить в центр материалы об итогах работы по арестам церковников и сектантов за период с августа по ноябрь 1937 года³. Не подлежит сомнению, что нарком внутренних дел хотел доложить о проведении органами государственной безопасности под его руководством операции, в ходе которой были произведены многочисленные аресты и осуждены значительное количество епископов, попов, монахов, церковного актива, сектантских проповедников. В конце ноября записка была составлена и направлена Сталину⁴.

В период развертывания массовых репрессий руководители управлений НКВД на местах из-за отсутствия учетных данных испытывали трудности с представлением оснований, достаточных для рассмотрения дел вне суда, на заседании «тройки». В этой связи представляет интерес разъяснение Фриновского, например, относительно арестов церковников и сектантов. «Если церковники и сектанты ведут у вас контрреволюционную деятельность, они в общем порядке подлежат аресту и наказанию в соответствии со степенью тяжести их преступлений, — телеграфировал он в Ижевск. — Если же церковники и сектанты состоят в повстанческих, террористических, фашистских и бандитских формированиях

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 68. Л. 253; АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 189.

² РГАСНИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 421. Л. 6.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2255. Л. 135–136.

⁴ См. док. № 18 Приложения.

(пункт 3 раздела 1 приказа), то они подлежат репрессированию по 1 или 2 категории»¹. По сути, такое разъяснение стало подсказкой для руководителей местных органов НКВД о путях местного репрессирования различных слоев населения.

Сталин лично расширял сферу применения внесудебных репрессий. 10 ноября 1937 года первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) Столяр сообщал генсеку о двух крушениях на железной дороге им. Кагановича. В связи с этим он просил организовать открытые показательные процессы. Свою просьбу Столяр мотивировал тем, что крушения якобы являлись ответом на процесс по делу Тухачевского. Сталин, отметив 11 ноября, что данное предположение является «сомнительным делом», предложил: «Проведите через тройку дела по диверсионным актам на дороге им. Кагановича с применением к виновным расстрела»². Сталин дал указание об упрощении процесса вынесения приговоров по данным делам. Ранее подобные дела о крушениях — по решению Политбюро ЦК ВКП(б) — регулярно рассматривались в судах или на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, военных трибуналов. Расследования дел поручалось НКВД. Например, 23 сентября 1937 года Политбюро приняло постановление: «Предложить НКВД мобилизовать лучшие силы революционного сыска для выявления всех виновников крушения воинского поезда у станции Арзамас»³.

Из допросов сотрудников органов НКВД известно, что первоначально дела о диверсиях представляли значительную трудность, поскольку они рассматривались на Военной коллегии Верховного суда СССР, и необходимо было представить доказательства вины. Но поскольку аварии на железнодорожном транспорте не прекращались, происходило ужесточение законодательства, к расследованию крушений стали привлекать карательные органы. 4 июля 1937 года был принят совместный циркуляр НКВД СССР и Прокурора Союза ССР № 48, на основе которого следствие по делам о крушениях передавалось в органы НКВД в случае, если в ходе предварительного расследования или на основе информации, представленной органами НКВД, устанавливались признаки диверсии. По таким делам устанавливался 10-дневный срок следствия⁴.

С этого времени Военная коллегия Верховного суда СССР автоматически выносила приговоры по обвинительным заключениям, подготовленным в НКВД. Позднее начальник УНКВД Житомирской области Г. М. Вяткин на допросе рассказал, что все арестованные отказались от своих показаний. Но для членов Военной коллегии выделили лучшие номера в гостинице, организовали хороший прием, предоставили в их

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 148. Л. 95.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 154. Л. 101–102.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 11.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 155.

распоряжение машины «ЗИС», и все приговоры были утверждены. Он также признал, что на тройку направлялись дела по немцам, полякам¹.

Сталин облегчил работу сотрудников НКВД, разрешив передавать на тройки дела о крушениях на транспорте и последующих обвинениях во вредительстве и диверсии. В итоге 8 января 1938 года транспортный отдел ГУГБ НКВД направил на места директиву № 56. В связи с резким ухудшением работы железных дорог, когда погрузка-выгрузка не превышала 70-80 процентов плана, рекомендовалось в оставшийся срок рассматривать на тройках в первую очередь дела по кулацко-белогвардейским элементам, устраивающим крушения и аварии на железнодорожном транспорте.

В ходе массовых арестов постоянно допускалось сверхрасширительное толкование подлежащих репрессиям категорий «антисоветских» элементов, данное в приказе № 00447. В списки включали инженеров, технический персонал, учителей, военнослужащих и другие слои населения. Из центра в адрес начальников УНКВД направлялись иногда шифротелеграммы, в которых напоминались о полномочиях «троек». 20 ноября 1937 года Фриновский сообщал начальнику УНКВД Тамбовской области Г. Г. Телешову: «Контингенты, подлежащие репрессированию перечислены в п.п. 1-8 приказа № 00447. Категории, которые вы перечисляете, если они ведут активную контрреволюционную деятельность подлежат репрессированию в обычном порядке»². «Обычный порядок» предусматривал подготовку материалов дела для передачи в спецколлегии судов, в Военные трибуналы, Военную коллегия Верховного суда СССР. Однако во время массовых операций необходимое количество доказательств следствие не могло получить, поскольку задача заключалась не в выявлении реальных противников советской власти, а в репрессировании по признаку социальной, национальной, политической принадлежности. Резкие оклики из центра о передаче дел в судебные органы последовали только после 15 сентября 1938 года, когда деятельность Особых троек была ограничена рассмотрением дел по инациональностям, а остальные подлежали передаче в судебные органы.

Прокуратура СССР была отстранена от вмешательства в деятельность УГБ УНКВД в процессе выполнения оперативных приказов. Когда весной 1938 года хлынул поток жалоб как в НКВД СССР, так и в Прокуратуру СССР, Вышинский направил следующее разъяснение: «В связи с запросами ряда прокуроров о порядке разрешения жалоб по делам, рассмотренным на основании приказов НКВД № 00447, № 00485, № 00596 и др., указываю, что проверку правильности осуждения по этим делам следует производить лишь в исключительных случаях... Надо со-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-13706. Т. 1. Л. 96.

² Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 152. Л. 65.

общать жалобщикам, что дело пересматриваться не будет и что это решение окончательное»¹.

В условиях разжигания борьбы с «контрреволюцией» и «агентами» иностранных разведок от массовых репрессий в наибольшей степени пострадало население страны, простые граждане. Нарком внутренних дел поощрял инициативу начальников УНКВД, которые рапортовали в центр о «раскрытых» крупных контрреволюционных организациях, имевших связь с разведками иностранных государств. По словам заместителя начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР Шпигельглаза, речь могла идти всего лишь о нескольких десятках человек, которые имели какое-то отношение к «Русскому общевойсковому союзу», базировавшемуся в Париже. Однако «бывшие люди» и многие участники белого движения были расстреляны в Новосибирской области, Алтайском крае и других областях как участники заговора, организованного РОВСом. В спецсообщении на имя Сталина и Молотова начальник УНКВД докладывал о том, что на 21 декабря 1937 года по РОВСовскому заговору только по одной Новосибирской области арестовано 18.920 человек². Реакция Сталина на предшествующие сообщения Горбача была однозначной. 16 декабря он ознакомился со справкой Горбача о составе арестованных по делу офицерской организации РОВС и сообщением о ходе операции. По делу были арестованы: 1. Князей – 2. 2. Контрадмиралов – 1. 3. Генералов – 8. 4. Полковников – 42. 5. Капитанов и штабскапитанов – 43. 6. Поручиков, подпоручиков и прапорщиков – 102. 7. Царских чинов – 61. 8. Чинов полиции и жандармерии – 69. 9. Дворян – 27. 10. Фабрикантов и помещиков – 35. 11. Попов – 9. Резолюция Сталина была краткой: «Расстрелять всех». А на сообщении о ходе операции он написал: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять»³.

Первые итоги массовых операций подводились на январском 1938 года совещании руководящего состава НКВД СССР. На нем с отчетами о проделанной работе выступали наркомы союзных республик и начальники УНКВД. Последние рапортовали об успехах в борьбе с контрреволюцией, выражали глубокое признание за то, что аппарат ГУГБ НКВД СССР поручил им столь ответственное задание – проводить чистку страны от врагов. Единственным диссонансом в общем потоке благодарственных речей было выступление начальника УНКВД по Москве и Московской области Реденса, который заявил, что каждое управление действовало само по себе, поскольку из центра не поступало никаких конкретных ориентировок, а давались лишь общие указания и директивы⁴.

---

¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 33. Л. 2.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 163. Л. 198.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 205. Л. 134, 136.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14. Л. 26.

В Ленинграде и области, в НКВД Киргизской ССР и других регионах руководство отдавало приказы об организации социалистического соревнования между оперативными отделами. Сравнивались показатели количества произведенных арестов, завершенных и переданных затем на «тройку» следственных дел. Правда, необходимо отметить, что Фриновский намеревался издать специальный приказ, в котором предполагалось осудить практику социалистического соревнования в репрессивной политике.

На совещании ни один руководитель не выступил с инициативой прекратить работу «троек». Наоборот, все просили продлить внесудебные репрессии на срок от полугода до полутора лет.

По спискам, составленным в сельсоветах еще в период коллективизации, репрессировали так называемых «кулаков», арестовывали церковных активистов. Поскольку в горотделах отсутствовал какой-либо учет, то в отделах кадров фабрик и заводов, учреждений просматривались личные дела и аресты производили на основании анкетных данных.

Постоянное выделение новых и новых лимитов для краев и областей привело к тому, что первоначально установленная цифра по оперативному приказу № 00447 была превышена почти в три раза. К 1 ноября 1938 года по так называемой «кулацкой операции» было осуждено 767397 человек, из них 386.798 человек расстреляно¹.

В ходе выполнения оперативных приказов по массовым операциям во всех республиках и областях происходили систематические нарушения законности. Постоянные утверждения в центре дополнительных лимитов, формализм в деятельности Военной коллегии Верховного Суда, заседания которой в центре часто проводились в Лефортовской тюрьме, отсутствие какого-либо контроля, поощрения за количество «раскрытых» заговоров порождало в стране обстановку полного произвола и абсолютной незащитности рядовых советских граждан.

Общее отношение к людям, сформировавшееся у оперсостава, выразил назначенный в ноябре 1937 года начальником УНКВД по Вологодской области Жупахин, который на первом оперативном совещании заявил всем сотрудникам, что они отстают в борьбе с врагами советской власти, «а ведь контрреволюция в Вологде плавает поверху, ее можно лопать черпаком».

Следователи НКВД практиковали и провокационные методы. Обвиняемым предлагали сознаться в предъявленных обвинениях для того, чтобы уличить затем иностранные государства в шпионской деятельности. Оперработники уверяли арестованных в возможности опровергнуть на суде показания, данные ими на предварительном следствии, обещали небольшие сроки в лагерях и быструю встречу с семьей, хотя дела по массовым операциям рассматривались «тройками» УНКВД и «двойкой» в

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6. Д. 11. Л. 42.

центре во внесудебном порядке. Применение физического насилия, избивания стали нормой. Из более чем ста сотрудников УГБ УНКВД по Вологодской области только три человека отказались принимать участие в избиваниях подследственных, двое из них, работавшие в органах госбезопасности до начала массовых операций, были переведены из УГБ в неоперативные подразделения. А из 45 выпускников Ленинградской межкраевой школы НКВД СССР, которые были направлены в область в конце 1937 года, только один комсомолец Фарафонтьев отказался избивать арестованных. За это он был исключен из комсомола и уволен из органов госбезопасности¹. Основная же масса оперсостава послушно выполняла указания руководства.

С началом массовых операций Сталин использует и такую их форму, как проведение открытых показательных процессов по борьбе с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях². Очевидно боязнь повторения катастрофических последствий неурожая 1936–1937 годов, кризис в обеспечении населения продуктами питания – все это заставило советское руководство прибегнуть к испытанным репрессивным методам.

В ходе инспекционной поездки по Саратовской области секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, как отмечалось выше, предложил репрессировать среднее звено руководителей. Сталин в очередной раз обратился к проверенному приему поиска виноватых и выдвижения обвинений за провалы и недостатки в сельском хозяйстве. 3 августа он рекомендовал провести в каждой области по 2-3 открытых показательных процесса «над врагами народа», которыми на этот раз были объявлены работники МТС и районных земельных отделов, председатели районных исполнительных комитетов, секретари райкомов и т. д.³. Цель этих процессов отчетливо видна из спецсообщения начальника УНКВД Орджоникидзевского края Булаха: «В соответствии с решением ЦК ВКП(б) нами 18–19 августа был поставлен открытый показательный процесс над вредительской организацией правых Аполлонской МТС, с вскрытием причин прорывов в сельском хозяйстве».

Из Свердловска 22 августа поступило сообщение о подготовке трех открытых процессов «в связи с решением инстанции о проведении открытых судебных процессов в каждой области сельского хозяйства». На процессах в Ирбите, Кудымкаре ставилась задача объяснить населению

---

¹ Архив УФСБ РФ по Ленинградской области и г. Санкт-Петербургу. Ф. 8. Оп. 21. Д. 9. Л. 215; ЦА ФСБ. АСД Н-15028 в 9-ти томах. Т. 5. С. 81.

² *Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford. 1994; ee же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.: Маннинг P.T. Массовые операции против кулаков и преступных элементов, апогей великой чистки на Смоленщине// Сталинизм в российской провинции. Смоленск 1999.*

³ *Naumov O., Getti A. The Road to Terror... P. 457–458.*

причины сокращения поголовья скота, нехватки кормов, развала некоторых колхозов. Этими причинами являлись якобы действия вредителей¹.

10 сентября Сталин и Молотов направили руководителям партийных, советских органов и НКВД директиву об организации еще 2–3 показательных процессов над «вредителями» по делу о хранения зерна². Формальное соблюдение норм судебного процесса не может ввести в заблуждение, поскольку заранее было определены количество процессов по областям и республикам и обязательное вынесение приговоров о высшей мере наказания.

Сталин усиливал кампанию по ликвидации «вредительства». Результатом неурожая 1936 года стал массовый падеж скота и резкое сокращение его поголовья. 2 октября 1937 года за подписью Сталина и Молотова партийным, советским, прокурорским работникам республик, краев и областей была вновь направлена директива об организации от 3 до 6 открытых показательных процессов по «вредителям» в животноводстве. Итоги показательных процессов на 10 декабря 1937 года подводил Вышинский, доложивший Сталину и Молотову о привлечении к уголовной ответственности 5612 человек и приговоренных к высшей мере наказания 1955 человек³.

Открытые показательные процессы в республиках и областях СССР готовились, правда, в меньших масштабах, и в других отраслях народного хозяйства. Так, партийное руководство и НКВД Архангельской области предложило организовать открытый процесс в связи с невыполнением планов лесозаготовок и получили 14 ноября 1937 года согласие Политбюро ЦК ВКП(б) на его проведение⁴.

Наряду с обоснованием причин невыполнения плановых заданий ставилась задача заставить население активно участвовать в разоблачении «врагов народа». Однако эта цель не была достигнута. Попытка создать добровольные отряды содействия органам госбезопасности, идея которых родилась в аппарате НКВД, не получила никакой поддержки⁵. Напротив, в ответ на разосланные в УНКВД краев и областей указания наркома с требованием сообщить о заговорах, которые были вскрыты с помощью рабочих и колхозников, приходили сообщения об отсутствии подобных фактов. Типичной являлась шифровка начальника УНКВД по Омской области от 12 декабря 1937 года: «Случаев разоблачения по инициативе колхозников и рабочих шпионско-диверсионных троцкистско-бухаринских и иных организаций не было»⁶.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 155. Л. 836, 838.

² Трагедия советской деревни... Т. 5. С. 452.

³ Там же. С. 512.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 57.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 59. Л ???.

⁶ Там же. Д. 163. Л. 733.

Ежов постоянно учитывал последние решения партийных органов и не допускал инициативы местных руководителей, которые шли вразрез с принятым курсом. По окончании работы январского 1938 года Пленума ЦК ВКП(б) на собрании актива НКВД УССР в Киве Ежов указывал на то, что исключение из партии не является основанием для преследований. При анализе дальнейших направлений деятельности управлений НКВД Украины Ежов подверг критике намерение наркома Успенского репрессировать исключенных из ВКП(б), которых по учетам прошло более 10 тысяч человек. Одновременно он потребовал более серьезно относиться к людям, находившимся в плену в годы первой мировой войны. Ежов запретил рассматривать эту категорию советских граждан как потенциальную опасность для общества. Не являлся основанием для репрессий, по мнению наркома, и факт пребывания в австро-германском плену и на оккупированной территории во время Первой мировой войны. При этом он подчеркивал, что в общей сложности по учетам НКВД СССР таких лиц насчитывалось в стране около 2,5 млн. человек¹.

Иногда он не предполагал, что некоторые его разъяснения могут и не совпадать с указаниями Сталина. Так, на спецсообщении начальника УНКВД из Горького в марте 1938 года о раскрытии им заговора с участием бывших военнопленных царской армии Сталин отмечал: «Т. Ежову. Бывших военнопленных-русских надо бы взять под учет»².

В некоторых случаях Ежов старался не доводить до Сталина негативную информацию о деятельности НКВД. Когда стали подводиться итоги по массовым операциям, в показаниях арестованных в дальнейшем наркома НКВД Украины Успенского, начальника секретариата, а затем 1 спецотдела НКВД СССР Шапиро содержались признания о том, что они давали указания корректировать статистические данные о категориях репрессируемых с целью уменьшения количества рабочих, колхозников. Эта фальсификация отчетности создает трудности для объективного анализа социально-классового состава репрессированных.

В процессе массовых операций были реанимированы установки об «очистке» оборонных предприятий и запрете приема на работу определенных категорий работников, количество которых было значительно расширено. В результате в подразделениях НКВД, занимавшихся экономикой, было подготовлено новое распоряжение, которым должны были руководствоваться заместители директоров по кадрам. К таким категориям относились:

1. Бывшие белые.
2. Перебежчики и политэмигранты.
3. Резмигранты.
4. Харбинцы.
5. Бывшие кулаки.
6. Бывшие помещики и жандармы.
7. Бывшие чины царской администрации.
8. Участники белых банд.
9. Служители культа, сектанты.
10. Дезертиры из РККА.
11. Недопущенные в ряды

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 43–46.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 105.

РККА и демобилизованные досрочно как не подходящие для службы в РККА. 12. Уличенные в зломном хулиганстве. 13. Граждане СССР инонациональностей (немцы, поляки, японцы, китайцы, корейцы, латыши, эстонцы, финны, литовцы, греки, румыны, болгары и др., на каждую инонациональность составляется отдельный список). 14. Родившиеся за границей. 15. Бывшие за границей по разным причинам. 16. Бывшие военнопленные. 17. Родившиеся в пограничной полосе. 18. Имеющие за границей родственников-белоземigrants. 19. Имеющие за границей вообще родственников или имеющие связь с заграницей. 20. Родственники, которые состоят на службе в правительственных учреждениях и армиях иностранных государств. 21. Подвергавшиеся административной высылке. 22. Исключенные из ВКП(б). 23. Имевшие связь с врагами народа, троцкистами, правыми и др. антисоветскими элементами. 24. Судимые за антисоветскую деятельность и другие преступления. 25. Родственники которых репрессированы. 26. Антисоветски настроенные. 27. Бывшие члены антисоветских партий (эсеров, анархистов, меньшевиков и др. На каждую категорию составляется отдельный список). 28. Подозреваемые во вредительстве и диверсии. 29. Подозреваемые в расхищении социалистической собственности. 30. Бывшие купцы, торговцы, промышленники, помещики. 31. Бывшие офицеры царской армии. 32. Бывшие штрейкбрехеры. 33. Дети: кулаков, чиновников, жандармов, бывших белых, бывших офицеров, купцов, торговцев, помещиков, промышленников, репрессированных за антисоветскую деятельность, служителей культа, перебежчиков. 34. Лица, давшие о себе при поступлении на завод не соответствующие действительности биографические данные¹.

В период проведения массовых операций Сталин ежедневно получал по несколько спецсообщений о ходе реализации прежде всего оперативных решений, принятых на Политбюро ЦК ВКП(б). Важно отметить, что так называемый кулацкий приказ № 00447 от 31 июля 1937 года не содержал в себе ничего нового для НКВД. Репрессии в отношении тех категорий населения, которые были выделены в приказе, на протяжении предшествующих без малого двадцати лет находились в центре внимания органов государственной безопасности. Однако отсутствие учетов по так называемым кулакам, поощрение просьб о предоставлении дополнительных лимитов привело к тому, что начальники управлений НКВД фальсифицировали «громкие» дела в борьбе с «антисоветскими формированиями». Вскрытие различных «контрреволюционных, террористических, диверсионных» организаций сопровождалось подчеркиванием социальной принадлежности участников этих формирований.

Например, 16 сентября 1937 года начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю Горбач направил Сталину спецсообщение о разработке по делу «Знатные», в ходе которой он раскрыл широко разветвлен-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1691. Л. 6-11.

ную «шпионско-диверсионную» организацию, созданную японской и немецкими разведками на Дальнем Востоке, Восточно-Сибирской области, Красноярском крае, Западной Сибири, Казахстане и в ряде городов европейской части России. Руководитель организации в прошлом был служащим немецкой фирмы в Приморье. Один из членов организации проживал некоторое время в Харбине. Эти «факты» стали основанием для ареста¹.

С августа по ноябрь 1937 года Сталин внимательно и пристально отслеживал ход массовых операций. В это время он даже контролировал деятельность начальников управлений НКВД, требовал от них более детальных сведений об арестах. На сообщении наркома НКВД Белоруссии от 17 сентября 1937 года он отметил: «Т. Ежову. Путаное сообщение. Все ли названные лица арестованы, нужно ли их арестовать — не видно»².

В отличие от детального изучения материалов НКВД о высших номенклатурных работниках, такие массовые операции как «кулацкая» и по «инонациональностям» были доверены партийным руководителям, органам НКВД на местах. Сталин не вникал в их ход детально и тщательно, ограничиваясь общими указаниями об увеличении лимитов, поощряя усердие НКВД. Прочитав 16 августа 1937 года сообщение о «повстанческой» организации на Урале он советовал: «Надо немедленно арестовать всех (и малых и больших) участников “повстанческих групп” на Урале». 11 сентября на спецсообщении начальника УНКВД Свердловской области он дал рекомендации в борьбе с «националистическо-повстанческими» организациями: «Нужно пройтись по Удмуртской, Марийской, Чувашской, Мордовской республикам, пройтись метлой». Это очень похоже на опричную политику Ивана Грозного³.

Все это позволило Ежову в докладе на январском совещании 1938 года с полным основанием заявить, что Сталин внимательно следит за ходом операций, контролирует их и постоянно дает указания.

Из-за огромного потока протоколов допросов арестованных органами государственной безопасности, спецсообщений, хлынувших в Москву с мест, в ноябре 1937 года, в период проведения так называемой кулацкой операции и по инонациональностям Ежов направлял Сталину до 10 спецсообщений в день⁴.

Спустя почти год после ареста бывший нарком НКВД Белоруссии Б. Д. Берман дал на допросе правдивую критическую оценку размаху репрессий, характеризуя выступления ряда руководителей на январском 1938 года совещании НКВД.

Как следовало из речи начальника УНКВД Горбача, в Новосибирске была «ликвидирована» колчаковская армия, Успенский в Оренбурге

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 190–192.

² Там же. Л. 190–192.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 318. Л. 97; Оп. 58. Д. 254. Л. 165.

⁴ См док. №№ 8–16 Приложения.

«спас» Красную Армию после ареста членов повстанческой организации, которая собиралась разоружить мотомеханизированные части, дислоцированные в Оренбургской области. Ульяновск оказался центром международного шпионажа¹.

Массовую операцию по антисоветским элементам Сталин использовал и для окончательной расправы с бывшими членами демократических партий. 17 января 1938 года он дал указание резко усилить борьбу с представителями ликвидированной партии социалистов-революционеров, видные деятели которой находились в тюрьмах и ссылке. Сталин определил даже регионы, где, на его взгляд, имела свои организации эсеровская партия. «Сообщаю для ориентировки, — писал Сталин, — что в свое время эсеры были очень сильны в Саратове, в Тамбове, на Украине, в армии (комсостав), в Ташкенте и вообще в Средней Азии, на Бакинских электростанциях, где они и теперь сидят и вредят в нефтепромышленности»².

Столь пристальное внимание к этой партии, безусловно, связано с тем, что эсеры имели гигантскую поддержку со стороны крестьян, в период октябрьской революции и проявляли недовольство политикой советской власти в деревне во время и после коллективизации. Поэтому Сталин потребовал от наркома внутренних дел точных данных о количестве бывших эсеров — как в гражданских учреждениях, так и в Красной Армии. Он боялся проникновения в армейскую среду протестных настроений крестьянства.

В полном соответствии со сталинскими указаниями на следующий день, 18 января Фриновский направил шифротелеграмму всем НКВД-УНКВД, в которой потребовал в двухдневный срок представить материалы на эсеров, находящихся на военной службе. Местные органы наркомата внутренних дел должны были также незамедлительно выслать справки на военнослужащих, на которых имелись компрометирующие материалы, в целях их ареста³.

В тот же день, 18 января 1938 года Фриновский направил шифротелеграмму № 17089 первоначально именно в те местные органы, на которые указал Сталин. Но затем она была адресована всем НКВД-УНКВД. В ней констатировалось, что эсеры продолжают активную повстанческую, диверсионную и террористическую деятельность. Все местные органы были сориентированы на обновление оперативного учета и ликвидацию эсеровского подполья. Особое внимание предлагалось уделить эсерам, вступившим в ВКП(б).

Для того, чтобы представить перед Сталиным ход репрессий в требуемом ракурсе, в шифровке ставилась задача раскрыть контакты эсеров-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-13790 Т. 1. С. 210–215.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... С. 463.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1523. Л. 142.

ских формирований с зарубежными эсеровскими центрами, организационные связи с правыми, троцкистами и иностранными разведками¹.

Программные установки и задачи, поставленные Сталиным перед Ежовым, обусловили резкую активизацию поиска эсеров всеми управлениями НКВД СССР. 9 февраля 1938 года нарком внутренних дел представил Сталину материалы «о разгроме эсеровского подполья». В первую очередь он подчеркнул, что в течение 1937 года в областях, краях и республиках СССР за принадлежность к эсеровской партии было арестовано 25212 человек. При этом Ежов явно обманывал генсека, сильно преувеличив количество арестованных эсеров. При подведении итогов карательной деятельности органов государственной безопасности НКВД СССР в статотчетности за 1937 год значилось 11367 эсеров и за 1938 год 16370, то есть всего было арестовано 27737 человек.

В соответствии со своими пристрастиями к «созданию» различных центров Ежов сообщил, что Всесоюзный объединенный эсеровский центр, возглавляемый бывшими членами ЦК эсеровской партии, создал огромную сеть подпольных организаций. Правда, вызывали огромное сомнение утверждения наркома о том, что центром руководили члены эсеровской партии, которые в это время находились в тюрьмах и политизоляторах. Он упоминал лидеров эсеровской партии: Гоца, Тимофеева, Спиридонову. Были арестованы руководящие партийные, советские, военные работники, которых также объявили участниками эсеровского заговора.

Чувствуя слабость аргументации, Ежов признал и ошибки органов госбезопасности в борьбе с эсерами. Работа по эсерам велась только среди осужденных, ссыльных и взятых на учет. В его записке Сталин подчеркнул абзац, в котором нарком каялся, что была запущена работа среди членов ВКП(б), в Красной Армии и в ЧК. Также Ежов признал, что органы госбезопасности слабо разрабатывали связь эсеров с заграницей. И далее отметил, что на оперативном учете состоит 5388 эсеров, из них более тысячи членов ВКП(б), 244 – военнослужащих.

В то же время Ежов рапортовал и об успехах. Так, из более 5 тысяч человек, состоящих на оперативном учете в органах НКВД, на 9 февраля было арестовано более 2 тысяч человек. Органы раскрыли ответвление военно-фашистского заговора – военно-эсеровский, во главе с Беловым, Фишманом, Великановым, Эйдеманом. Учитывая повышенное внимание Сталина к разгрому не существовавшей уже партии эсеров, Ежов, скорее всего, рассказал своему близкому другу Заковскому о том, что Сталин проявляет интерес к эсеровскому подполью. 10 февраля Сталин получил спецсообщение от начальника УНКВД Московской области Заковского о разоблачении мощной эсеровской организации в столице и области. Был арестован брат и племянник видного деятеля эсеровской партии

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1523. Л.137–138.

В. М. Чернова. Так называемые эсеровские ячейки были выявлены в наркомате земледелия, в артели бывшего общества политкаторжан. Заковский рапортовал об аресте 156 человек. Сталин отреагировал незамедлительно. На спецсообщении Заковского он нанес резолюцию, адресованную Ежову: «Т. Заковский не т. Реденс. Видно, что т. Заковский напал на жилу, как говорят золотопромышленники. Реденс как чекист не стоит левой ноги Заковского. Желаю успеха т. Заковскому. Нужно продолжать корчевать эсеров. Эсеры – большая опасность. И. Сталин»¹.

Реакция органов госбезопасности на указания Сталина проявилась и в путанице «показаний» подследственных. Например, арестованный 7 января 1938 года командующий БВО командарм 1 ранга И. П. Белов сначала заявил о своей причастности к военно-фашистскому заговору, однако Сталин уже был знаком с показаниями ранее арестованных, где о Белове говорилось как о члене эсеровской партии. Поэтому Ежов 18 января направил Сталину признания арестованного командарма в участии в военно-эсеровской организации. В течение февраля-марта 1938 года резко возросло количество донесений из управлений НКВД с мест о раскрытых органами госбезопасности эсеровских организациях.

Эти спецсообщения изобиловали различными фактами. Так, Литвин в Ленинграде арестовал пенсионера, бывшего члена ЦК ПСР В. И. Сухомлинова и бывшую жену видного деятеля эсеровской партии Чернова профессора А. Н. Слетову-Чернову. Сын Сухомлинова находился в Праге, и это дало следователям основание утверждать, что группа имела связи с границей, поддерживала переписку с А. Ф. Керенским. На промышленных предприятиях Ленинграда сотрудники НКВД «раскрыли» 9 диверсионных групп, а в общей сложности на 28 февраля 1938 года было арестовано 300 человек. Люшков на Дальнем Востоке арестовал среди многих старого народовольца Тимофеева – отца члена ЦК ПСР Тимофеева. От арестованных членов «организации», учитывая близость границы с Китаем, Люшков сумел получить показания о связях эсеров с японской разведкой. В тех областях, где отсутствовали возможности для представления впечатляющих фактов о «контрреволюционной» деятельности эсеров, использовались другие примеры. Так, Попов из Алтайского края информировал Сталина о диверсионной работе эсеров, которые якобы выходили ночью на железную дорогу и разбирали рельсы для организации крушений².

Малочисленность учтенных в управлениях НКВД бывших членов эсеровской партии с одной стороны, и с другой – требования центра выявлять эсеровские организации привели к массовой фальсификации дел. Нарком НКВД Украины Успенский разъяснял своим подчиненным, что

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 332. Л. 134–148.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 154–161; 244–248, 261–265.

если есть хоть один бывший эсер, то всю группу арестованных можно считать «контрреволюционной эсеровской организацией». Причем такая фальсификация носила массовый характер. В Вологодской области от арестованных добивались показаний, что они в прошлом являлись эсерами¹.

Таким образом, указание Сталина об активизации поиска эсеров привело к лавинообразному росту числа арестов.

Ежов, выступая на январском 1938 года совещании руководящего состава НКВД, рассказывал о том, как часто во время встреч со Сталиным он выслушивал мнение вождя о направлениях борьбы с иностранным шпионажем. Нарком отмечал, как Сталин «просвещал мозги» и объяснял ему коварные методы деятельности буржуазных разведок.

При царском строе, учил его вождь, в России существовали различные революционные партии, в том числе меньшевики, эсеры, сионисты, которые не могли существовать легально, и поэтому часть представителей этих партий находилась в эмиграции. Каждое капиталистическое государство имело свои определенные расчеты во взаимоотношениях с другими странами и в этой связи пыталось вербовать агентуру. «И самой благоприятной средой, — пересказывал Ежов слова Сталина, — для вербовки агентуры является среда эмиграции». На почве общности интересов борьбы против царизма, за установление демократического строя представители этих партий вступали в контакты с иностранными разведками, давали им информацию о России, а те, в свою очередь, оказывали им материальную помощь и вовлекали в свою агентурную сеть. После победы революции они продолжали сотрудничество с буржуазными разведками и стали их агентами в советской России. Таким образом Ежов учил начальников управлений — в свете сталинских указаний, — на каких основаниях строить обвинения в шпионской деятельности в отношении представителей политических партий, не исключая и большевистскую². Сам факт пребывания в дореволюционный период в эмиграции становился одним из доводов для обвинений в шпионской деятельности.

В соответствии с приказом № 00447 операция была рассчитана на 4 месяца, но фактически «лимиты» выделялись Политбюро до сентября 1938 года. В февральском 1938 года выступлении Ежова на совещании сотрудников НКВД Украины впервые прозвучала определенная критика в адрес оперсостава по итогам проведения «кулацкой» операции. Она нашла свое отражение в проекте директивы для оперативных подразделений НКВД СССР. Нарком отмечал, что в управлениях процветала погоня за количественными показателями, и, по его мнению, не был нанесен удар по руководящим «националистическим, белогвардейским и шпионским» кадрам. Операция слабо проводилась в пограничных райо-

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-15028. Т. 6. С. 24.

² Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 29.

нах, областных центрах и городах, в промышленности, на транспорте. Он отчитывал оперативный состав за крайне низкий процент давших признательные показания, что приводило к репрессированию не сознавшихся. Это было характерно для всех регионов СССР. Так, в Мордовской АССР 96 % прошедших через тройку советских граждан, не признались в своей «вредительской» деятельности¹.

Проявляя значительный интерес к высшему и среднему слоям партийно-советской номенклатуры, в судьбы простых советских граждан Сталин не вникал. Он руководствовался своими понятиями о социально-враждебных элементах в структуре общества, которые, по его мнению, представляли угрозу для СССР. Указания Сталина носили самый общий характер и были направлены на активизацию деятельности сотрудников НКВД в процессе проведения массовых репрессий. В ходе выполнения оперативных приказов по антисоветским элементам руководство наркомата внутренних дел в Центре и на местах в наибольшей степени проявляло самостоятельность.

Репрессии в отношении представителей инонациональностей

Параллельно с подготовкой «кулацкой» операции Сталин санкционировал начало репрессий по инонациональностям», которые в наибольшей степени отражали его опасения возможной войны. Здесь наиболее четко прослеживалась линия на проведение превентивных мер в случае агрессии, ликвидацию потенциальной базы иностранных разведок².

Первой стала так называемая «немецкая операция». Ее начало связано с запиской Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 года: «Всех немцев на наших военных, полувосенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать»³. Данная записка была положена в основу решения Политбюро ЦК ВКП(б), которое было написано Сталиным: «Предложить т. Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные и т.п.), к высылке части арестованных за границу. Копию приказа прислать в ЦК. О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК. За. И. Сталин»⁴.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 43. Л. 113.

² Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 196–198.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 82.

⁴ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 35.

25 июля 1937 года Политбюро утвердило оперативный приказ НКВД СССР № 00439, касающийся германских подданных и советских граждан — немцев по национальности, работавших на оборонных предприятиях. Первоначально речь шла главным образом о германских подданных.

Определяющая роль Сталина проявилась в том, что основные приказы по проведению массовых операций по инациональностям утверждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). В течение июля-сентября 1937 года были утверждены оперативные приказы № 00439 от 25 июля по немцам, № 00485 от 9 августа по полякам, № 00593 от 19 сентября по харбинцам, советским гражданам, обслуживавшим КВЖД, которые после возвращения в СССР стали рассматриваться как потенциальные агенты японских спецслужб.

Первая операция началась в полном соответствии с инструкциями о порядке ареста иностранных подданных. Типичной для данного времени являлась шифротелеграмма от 29 июля, направленная из центра в Ярославль: «Германского подданного Либек Макса 1899 года рождения арестуйте. Арест согласован в НКВД с Потемкиным, в Прокуратуре с Леплевским»¹.

Необходимо отметить, что на протяжении всего периода массовых репрессий советское руководство вело достаточно осторожную политику в отношении германских подданных. На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) регулярно рассматривались вопросы о замене приговоров о высшей мере наказания, вынесенных германским подданным, на тюремное заключение. В разгар операций по инациональностям 7 января 1938 года германскому подданному Э. Рейнгардту высшая мера наказания была заменена на 20 лет заключения. В мае того же года подданной Германии А. К. Либман тюремное заключение было заменено высылкой из СССР².

Но постепенно, по мере развертывания операции по инациональностям аресты германских подданных, которых было сравнительно немного, переросли в операцию против советских граждан немецкой национальности. Сталин постоянно подчеркивал опасность для СССР германского шпионажа, но в некоторых случаях его отношение к немцам свидетельствовало и о чрезвычайной подозрительности и жестокости. Прочитав спецсообщение от 2 сентября 1938 года о «террористической» организации, в котором упоминался сотрудник германского посольства, он оставил на полях запись: «NB Вальтер (немец.) NB (избить Вальтера)»³.

Ежов ориентировал начальников УНКВД на поиски немецких агентов. В протоколах допросов арестованных, многочисленных спецсооб-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2240. Л. 224.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 247; Д. 23. Л. 24.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 366. Л. 1.

щениях, которые поступали Сталину, как и в предшествующие годы, постоянно фигурировали имена сотрудников германского посольства и консульств, которые якобы являлись резидентами разведывательных органов, получавшими секретные материалы и передававшими деньги представителям различных советских организаций.

Образец спецсообщения о «работе германской разведки» представил 29 августа 1937 года начальник УНКВД Дмитриев из Свердловска. Приезжавшие в период военного сотрудничества СССР и Германии в конце 1920-х – начале 1930-х годов на оборонные заводы немецкие специалисты, офицеры германского рейхсвера якобы «создали» огромное количество резидентур, в состав которых входили не только германские подданные, но и советские граждане. Это давало повод для арестов по немецкой операции не только на основании национальной принадлежности. Дмитриев нашел объяснение поломке станков, выпуску бракованной продукции, авариям, пожарам. Все это «делали» члены диверсионных организаций. Они же подготовили диверсантов на случай войны. Германскими агентами стали директора различных оборонных заводов, фамилии которых Сталин выделил в спецсообщении. Все они в дальнейшем были арестованы. Дмитриев использовал и факт пребывания в Германии директора «Уралмаша» Владимирова, который якобы был там завербован и затем поддерживал связи с представителями германского посольства. Сталина воспринял это сообщение всерьез и интересовался конкретными итогами: «Т. Ежову. Кто же из названных лиц арестован, кто не арестован – из сообщения Дмитриева невозможно понять. Владимирова надо арестовать»¹.

Самым тщательным образом был разработан в НКВД и затем утвержден в Политбюро оперативный приказ № 00485 по полякам. Для Сталина этот приказ был понятен и конкретен. На протяжении только июня-июля 1937 года он получил десятки протоколов допросов арестованных, обвиненных в шпионаже в пользу Польши. Создавалось впечатление, что польская разведка захватила все сферы жизни советского общества, а несуществующая «Польская организация войсковая» имела свои организации в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Оперативный приказ № 00485 в отношении поляков лег в основу всех остальных приказов, меморандумов и почтовых телеграмм о репрессировании иностранных подданных и советских граждан иностранного происхождения. Аресту подлежали: а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по подготовленному в НКВД списку; б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии; в) перебежчики из Польши, независимо от

---

¹ Лубянка. Сталин и Главное государственное управление госбезопасности... С. 331–332.

времени перехода их в СССР; г) политэмигранты и политобмененные из Польши; д) бывшие члены ИПС и других польских антисоветских политических партий; е) наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов.

В первую очередь подлежали аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах.

Во вторую очередь подлежали аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.¹

В закрытом письме, которое рассылалось на места, был представлен для ориентировки широкий круг возможных обвинений: это и квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР, и диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных непольских элементов. В письме подчеркивалось наличие связей и объединение диверсионно-шпионских и иных активных антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения Советской власти и расчленения СССР.

Отмечалось и соглашение польских агентов с «руководителем военно-фашистского заговора предателем» Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.

Польская разведка якобы осуществила глубокое внедрение участников организации в компартию Польши, полностью захватила руководящие органы партии и польской секции ИККИ, использовала партийные каналы для внедрения шпионов и диверсантов, а также «парализовала всю нашу разведывательную работу против Польши и систематически использовала для проникновения членов организации в ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы».

Проведение операции было рассчитано на три месяца. По итогам следствия составлялись так называемые «альбомные» дела, то есть списки арестованных с кратким указанием обвинения. За подписью начальника УНКВД и прокурора эти материалы направлялись в НКВД СССР. В «аль-

---

¹ Бутовский полигон 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 353–354.

бомах» — как и по «кулацкому» оперативному приказу № 00447 — арестованные разделялись на две категории. В центре эти материалы утверждались так называемой «высшей двойкой» — наркомом НКВД и Прокурором СССР. В отличие от «кулацкой операции» никаких первоначально утвержденных лимитов не предусматривалось¹.

Фактически через несколько дней после утверждения на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) польской операции Сталин санкционировал начало новой операции, теперь уже по румынам.

15 августа 1937 года он получил показания арестованного сотрудника РУ РККА начальника штаба 3-го радиоразведывательного дивизиона Бондаря. От него следователи добились признания в работе на румынскую разведку. Сталин прочитал сорокастраничный протокол допроса и на первой странице написал указание Ежову: «Очень важно. Размотайте это дело. Надо арестовать названных лиц»².

17 августа Ежов был на приеме у Сталина, и, очевидно, перед ним была поставлена задача начать новую операцию по инациональностям. В этот же день в НКВД Украины, главным образом для активизации репрессий в Молдавской АССР, где сконцентрировалась основная часть выходцев из Бессарабии и других регионов Румынии, была направлена шифротелеграмма о распространении действия оперативного приказа № 00485 (польская операция) для операции по репрессированию румын³.

Зная о внимании Сталина к этой операции, руководство НКВД осуществляло нажим на управления местных НКВД в целях активизации арестов. 6 сентября исполняющий обязанности начальника Контрразведывательного отдела А. М. Минаев в шифротелеграмме отчитывал наркома внутренних дел Молдавии за совершенно неудовлетворительный разворот румынских дел. «Следствие не направлено на вскрытие шпионско-диверсионных резидентур, — отмечал он, — протоколов заслуживающих внимания не получаем». И далее он требовал мобилизации аппарата на поиски шпионов⁴. Связано это было, очевидно с тем, что Ежов готовился представить Сталину доклад о выполнении его указаний по румынской операции, и поэтому был явно недоволен сравнительно небольшим числом арестованных, что особенно проигрышно смотрелось на фоне польской операции.

На следующий день, 7 сентября Ежов доложил Сталину о первых итогах операции: «В соответствии с Вашими указаниями разгромить румынских шпионов и диверсантов представляю справку о ходе этой операции и, в частности, об аресте румынских шпионов, проходящих по показани-

---

¹ Петров Н. В. Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–38.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 108.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 148. Л. 152.

⁴ Там же. Д. 2246. Л. 190.

ям Бонтаря». На начало сентября было арестовано 1112 человек, в том числе 619 человек в Молдавии и 316 в Одессе. Среди членов «шпионских организаций румынской разведки» оказался руководящий состав Молдавской автономной республики, включая Председателя СНК, председателя Госплана Молдавии, сотрудников РУ РККА и разведпунктов пограничной охраны и др. Репрессии обрушились на политэмигрантов и перебежчиков из Румынии, жителей приграничной полосы. Поскольку операция принимала общесоюзный характер, приводились данные об арестованных «агентах румынских резидентур» в Казахстане.

В сентябре 1937 года в НКВД был подготовлен проект оперативного приказа по румынской операции. В нем особо выделялись основные цели румынской разведки, которые во многом совпадали с отмеченными ранее в базовом эталонном приказе по репрессированию представителей польской национальности. В отличие от других приказов и директив, в проекте приказа по «румынской» операции был более четко представлен механизм разгрома кадров разведывательных органов и агентурных сетей Разведывательного управления и НКВД. Осевших на территории СССР около 500 сотрудников, прибывших по каналам Разведотдела штаба КВО, обвинили в том, что они являются агентами румынской разведки и приговорили к расстрелу¹.

В 1937–1938 годах по данным статотчетности НКВД было арестовано 7 тысяч 810 «румынских шпионов», среди которых количество реальных агентов «сигуранцы» могло исчисляться единицами, максимум десятками. Для сравнения отметим, что после спада волны шпиономании в 1939 году по не всегда обоснованному обвинению в шпионаже в пользу Румынии аресту подверглись 59 человек, то есть почти в 150 раз меньше.

Одновременно Сталин внимательно отслеживал ход польской операции. 14 сентября Ежов представил вождю обобщенный материал о ходе польской операции. Он сообщил, что «в результате ликвидации кадров польской разведки на 10 сентября с. г. из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных, консульских связей и других контингентов, подозрительных по польскому шпионажу, арестовано по СССР 23216 человек». Далее он описал напряженную работу органов НКВД, которые «раскрыли» десятки польских резидентур, диверсионные группы на военных заводах Ленинграда — Ижорском, Кировском и судостроительном им. Марти. Сталин был доволен. Он отметил необходимость усиления операции по полякам: «Т. Ежову. Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР!». В условиях «генеральной чистки» советского общества судьбы простых граждан не волновали Сталина.

Ежов, вдохновленный такой «высокой» оценкой, немедленно, в тот же день направил шифровку всем начальникам УНКВД, в которой под-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. 96–107.

стеживал подчиненных, требуя большей активности в проведении операции. «Несмотря на истечение уже трехнедельного срока формального момента начала операции поляков представление материалов для осуждения идет недопустимо медленно». И далее нарком конкретизировал: «Белоруссия, Московская, Западная, Киевская, Одесская области при большом количестве арестованных представляют на рассмотрение ничтожное количество дел. Свердловская, Челябинская вообще ни одного дела не представили... Приказываю ускорить окончание дел, обеспечить надлежащее оформление, отмечать в каждой сводке количество сознавшихся, также оконченных дел»¹.

О ходе операции нарком НКВД регулярно докладывал Сталину. Можно с полным основанием сказать, что Сталин регулировал размах карательных мер. Помимо известных фактов визирования им списков для Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, он регулярно внимательно изучал шифротелеграммы начальников УНКВД с мест и вносил свои коррективы. Например, получив в сентябре 1937 года очередные данные о польской операции, Сталин наложил резолюцию на спецсообщении: «Тов. Ежову! Горбач всякий раз грозитя сообщить точные данные почтой или особо, но я еще не видел таких сообщений». На другом сообщении Горбача от 17 сентября он также требовал конкретизации: «Т. Ежову. Не все ясно (см. в тексте), Что за резидентуры? Имена, фамилии. Ст.»².

По мере развертывания операции по инациональностям происходило расширение ее масштабов, появлялись новые направления. Начальник УНКВД по Западной области А. А. Наседкин и ранее проявлял заметное рвение. Так называемая «латышская» операция стала результатом его инициативы. В ноябре 1937 года он приехал в Москву, чтобы доложить наркому о ходе операций. В беседе Наседкин рассказал Ежову о латышском националистическом центре. Эти сведения якобы были получены на допросах арестованных латышей. Латышский центр представлялся как разветвленная организация, имевшая своих членов и в латсекции Коминтерна, обществе «Прометей» и других объединениях. Ежов оживился и заинтересовался, сколько человек можно арестовать. Исходя из того, что на оперативном учете состояло 5000 человек, из которых взрослые члены семей составляли не менее половины, Наседкин назвал цифру 500 человек. По словам Наседкина, Ежов сказал: «Чепуха, я согласую с ЦК ВКП(б), арестуйте не менее 1500 человек». И пока приказ не поступил, предложил арестовать всех латышей, работающих в НКВД БССР, в латвийском клубе, латышском национальном театре, актив латышских культурных организаций, всех членов секции латышских стрелков Осовиахима и латышей — сотрудников других организаций.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 149. Л. 54.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 175, 200.

23 ноября 1937 года Наседкин отиравился в Большой театр, где его разыскали и сообщили, что он приглашен на прием к Сталину. На приеме он рассказал о «латышской контрреволюционной» организации¹. В связи с тем, что он получил высокую оценку в глазах Сталина, в аппарате НКВД не вызвало удивления, одобренное Сталиным его скорое назначение наркомом внутренних дел Белоруссии.

В тот же день, 23 ноября Ежов направил шифротелеграмму в НКВД-УНКВД республик, краев и областей. В течение 48 часов с момента получения телеграммы местные руководители должны были прислать точные данные о латышских организациях различного типа, землячествах, о местах концентрации латышей как в городе, так и деревне, на транспорте, оборонных и других важнейших предприятиях, точные данные о количестве руководителей, членов правления и актива. Вдохновленный встречей со Сталиным и его указаниями, Ежов ориентировал руководителей НКВД республик, УНКВД краев и областей на проведение операции в течение одного дня, которая в дальнейшем должна развиваться по типу польской².

30 ноября 1937 года в управления НКВД была направлена шифротелеграмма № 49990. В ней предлагалось с 3 декабря начать аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсиях, антисоветской националистической деятельности. Было выделено 8 категорий латышей, подлежащих аресту: 1) находившиеся на учете и разрабатываемые; 2) политэмигранты из Латвии, прибывшие в СССР после 1920 года; 3) перебежчики; 4) руководители, члены правлений и сотрудники местных филиалов общества «Прометей» и латышских клубов; 5) руководители и члены бюро местных отделений общества латышских стрелков при Осовиахиме; 6) бывшие руководители и члены правлений бывших акционерных обществ «Продукт» и «Лесопродукт»; 7) латвийские подданные, за исключением сотрудников диппредставительств; 8) латыши, прибывшие в СССР в качестве туристов и осевшие в СССР. Как и в приказах по репрессированию поляков и харбинцев, особое внимание рекомендовалось обратить на «тщательную очистку» от латышей предприятий оборонного значения, транспорта, спецсекторов, ведающих в различных учреждениях оборонной, мобилизационной, шифровальной работой, зон особого режима и запретных зон. Оформление дел предусматривалось в порядке пункта 6 приказа № 00485³.

Деятельность органов государственной безопасности на местах строилась в соответствии с указаниями, поступавшими из центра. В работе по инациональностям начальники УНКВД руководствовались установками, определенными в приказе № 00485 по полякам, применяя его

---

¹ На приеме у Сталина. С. 225.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2256. Л. 363–364.

³ Там же. Оп. 6. Д. 588. Л. 394–396.

к местным условиям. Так, в марте 1938 года нарком НКВД Украины А. И. Успенский докладывал в центр об аресте 1088 болгар. Из спецсообщения следовало, что балканский клуб в Харькове являлся центром шпионско-диверсионной деятельности. Фонды Международной организации помощи рабочим (МОПР) использовались якобы для шпионских целей¹.

Партийные органы на местах являлись составной частью репрессивного аппарата. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 10 апреля 1938 года при обсуждении работы Тульского обкома партии было принято решение: «Обязать Оргбюро ЦК ВКП(б) по Тульской области в кратчайшие сроки очистить военные заводы от немцев, корейцев, латышей, эстонцев, меньшевиков, эсеров, бывших военнопленных»².

Выполняя установки Политбюро ЦК ВКП(б), некоторые начальники УНКВД в служебном рвении старались перевыполнить плановые показатели. В частности, из Свердловска от Дмитриева в центр пришла шифровка о том, что операция в отношении немцев и поляков закончена и начинается в отношении русских³.

Так, операции против инонациональностей фактически были сведены к репрессиям против граждан коренной национальности. На Украине и в Белоруссии в ходе проведения операции против поляков репрессировались также украинцы и белорусы. О ходе проведения операций по инонациональностям дает представление шифротелеграмма от 21 марта 1938 года заместителя наркома внутренних дел М. И. Фриновского начальнику УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриеву. Следует, однако, отметить, что действия последнего даже в центральном аппарате вызвали негативную реакцию, Фриновский отмечал: «Вами представлены альбомы на 10024 арестованных по польской, немецкой, латышской и другим операциям. По данным этих альбомов:

1. По немецкой операции Вами арестовано 4142 человека. Из них немцев только 390. В числе арестованных до 20 летнего возраста 215 человек. Почти все арестованные (3968 человек) значатся бывшими кулаками и их детьми и в то же время рабочими (3647 человек). Перебежчиков немцев арестовано только 8.

2. По польской операции репрессировано 4218 человек. Из них поляков только 390. В числе арестованных 3798 бывших кулаков и их детей, причем, из этого числа 3552 рабочих. Среди них до 20 летнего возраста 161 человек. Перебежчиков поляков арестовано 34.

3. По харбинцам арестовано 1249 человек. Из них харбинцев всего 42 человека. Бывших кулаков и их детей, являющихся рабочими, арестовано 1003 человека. Перебежчиков арестовано 21 человек.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 41. Л. 151.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 255. Л. 21.

³ Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец». С. 152.

4. По латвийской операции арестовано 237 человек. Из них латышей всего 12 человек. Все арестованные также значатся рабочими, бывшими кулаками и их детьми. Перебежчиков арестовано 28 чел.

5. По румынской операции арестован всего один румын и одновременно с ним 96 русских. Все они, как и по другим операциям, рабочие и бывшие кулаки и их дети. Перебежчиков арестовано 4 чел.

6. По финской операции ни одного финна вообще не арестовано, но зато значатся 5 русских, 8 евреев и 2 прочих»¹.

26 мая Политбюро ЦК ВКП(б) вновь санкционирует и продлевает до 1 августа упрощенный порядок рассмотрения дел при репрессировании инациональностей. В этом постановлении отражен наиболее полный перечень представителей различных национальностей, на которых обрушились аресты. К ним относились лица польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцы². За период с декабря 1937 года до июня 1938 года НКВД республик, краевые и областные управления получали постановления Политбюро (шифротелеграммы № 232 от 1 февраля и № 1160 от 28 мая 1938 года), в которых отражалось основное содержание принятых постановлений и конкретизировались задачи органов госбезопасности. 28 мая Ежов потребовал «при проведении операции добиться исчерпывающей очистки от перечисленных к-р элементов предприятий оборонной промышленности, оборонных цехов, транспорта, территорий укрепленных районов и пограничной полосы. Учесть, что, несмотря на уже проведенные аресты... все еще существуют к-р формирования иноагентуры, проводящие шпионско-диверсионную работу»³.

Ряд операций, например, по афганцам и иранцам, можно рассматривать как средство политического давления в целях усиления влияния СССР в сопредельных государствах.

Первоначально аресты происходили в русле общей борьбы по «выкорчевыванию шпионской агентуры». В конце июля 1937 года органами НКВД в Туркмении одновременно с арестами руководителей партийных и советских органов была раскрыта «шпионско-националистическая организация», представители которой якобы имели в Афганистане связи с повстанческими кадрами из бывших басмачей, с эмигрантскими кругами. Секретарь ЦК КП(б) Туркмении Анна-Мухаммедов сообщал Сталину, что крупную роль в насаждении «шпионско-диверсионной» агентуры и организации повстанческого движения играло афганское консульство в Мерве. В качестве необходимых мер он просил разрешения арестовать всех афганцев, уличенных в «шпионской» деятельности, включая консу-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Л. 32–33.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 34.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1546. Л. 98.

ла и его секретаря в Мерве. Сталин согласился: «ЦК ВКП(б) разрешает арест всех уличенных афганских подданных. Вопрос об афганском консуле будет решен в дипломатическом порядке».

В конце 1937 – начале 1938 года у СССР были достаточно сложные отношения с иранским и афганским правительствами из-за расширения их контактов с Германией. Советское правительство пошло на беспрецедентные меры, арестовав сотрудников афганского консульства в Ашхабаде. 3 января на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о закрытии 4-х иранских консульств в СССР и советских в Иране¹.

Сталин лично предложил органам НКВД усилить репрессии в отношении иранцев. 17 января 1938 года он поставил перед Ежовым вопрос: «Что сделано по выявлению и аресту всех иранцев в Баку и Азербайджане?»². 18 января за подписью Ежова в НКВД Азербайджана была направлена шифротелеграмма, в которой ставилась задача немедленно арестовать «всех иранцев – иранских подданных и иранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов». В первую очередь предлагалось арестовать тех, кто подозревался в шпионской, диверсионной, террористической, вредительской деятельности на транспорте, промыслах в городах Баку и Кировобаде.

В отношении иранцев, проживавших в приграничных с Ираном районах Азербайджана, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение предложить в течение десяти дней принять советское гражданство тем, кто его не получил. Однако даже имевшие советское гражданство иранцы выселялись в Казахстан³.

29 января 1938 года была принята директива № 202 о репрессиях против иранских граждан. Как отмечалось в этом документе, английская, германская и японская разведки в своей работе против СССР широко использовали иранские разведывательные органы, усиленно развивающие в последнее время антисоветскую националистическую диверсионно-повстанческую и шпионскую работу против СССР. Основными базами и кадрами этой враждебной деятельности являлись якобы иранские национальные диаспоры, религиозные секты, группы реэмигрантов, осевших в республиках Средней Азии и Закавказья, эмигрантские сообщества туркмен, узбеков, казахов, тесно связанные между собой, и др.

В целях пресечения деятельности иранской разведки на территории СССР в директиве предлагалось с 5 февраля 1938 года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех иранцев и иранских армян (иностранцев подданных и советских граждан), подозреваемых в шпионской, вредительской, диверсионной, повстанческой, националистической и другой антисоветской деятельности.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 97.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 330. Л. 18.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 89.

В число подозреваемых входили:

а) находящиеся на оперативном учете и разрабатываемые; б) перебежчики и политэмигранты из Ирана; в) контрабандисты; г) вожди различных иранских племен, перешедшие в СССР из Ирана; д) руководители реэмигрантских откочетов; е) главари басмаческих банд и активные бывшие бандиты; ж) руководители религиозных сект; з) наиболее видные бывшие служащие существовавших ранее фирм со смешанным англо-иранским капиталом; и) старосты иранских колоний и бывшие подрядчики на караванных путях.

В документе подчеркивалось, что при проведении операции особое внимание необходимо обратить на тщательную очистку от перечисленных категорий пограничных районов, промышленных предприятий, особенно оборонного значения, транспорта, морских портов, армии, флота, войск НКВД и органов НКВД.

Оформление дел и их рассмотрение предлагалось производить в порядке пункта шестого оперативного приказа № 00485, то есть разделять арестованных на две категории и представлять дела в альбомном формате.

После того как в январе 1938 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) иранцы были включены в состав инациональностей, подлежащих репрессированию, сотрудники НКВД начали их аресты на всей территории СССР. В этой связи заместитель наркома НКВД Киргизии М. Б. Окунев отмечал, что до апреля проходили дифференцированные аресты иранцев и китайцев — в основном перебежчиков, затем началась массовая операция¹.

Получив одобрение политического руководства страны и широкие полномочия, в НКВД самостоятельно конкретизировали и разрабатывали отдельные линии карательной политики в рамках, определенных решениями Политбюро ЦК ВКП(б). Так, оперативный секретарь ГУГБ НКВД СССР В. А. Ульмер отмечал, что в наркомате внутренних дел были разработаны директивы о репрессировании афганцев. Когда он предложил Фриновскому направить их в ЦК ВКП(б) для формального ознакомления и утверждения, последний напомнил, что Ежов является секретарем ЦК, и ничего никуда посылать не надо².

В период массовых репрессий советское руководство одной из острых считало проблему перебежчиков из приграничных государств. Известно, что иностранные разведки под видом перебежчиков часто забрасывали в СССР своих агентов. Ранее подавляющую часть перебежчиков, которые искали в нашей стране политического убежища или лучших материальных условий жизни, составляли дезертиры — прежде всего из польской и румынской армий; перебежчики на южных грани-

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-15024. Т. 3. Л. 67.

² Там же. АСД Р-3266 Т. 1. Л. 32.

цах откочевывали на нашу территорию из Афганистана и Ирана. Обычно после фильтрации их направляли в глубинные районы страны для свободного проживания.

Репрессии в отношении данной категории начались с арестов польских перебежчиков. На основании многочисленных спецсообщений из органов НКВД Сталин пришел к выводу, что польские перебежчики представляют серьезную опасность. 5 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «По делам об антисоветской деятельности бывших польских перебежчиков, бывших членов ППС и т. п. разрешить Особому совещанию при Наркоме Внутренних дел Союза ССР назначать тюремное заключение на срок до десяти лет включительно»¹.

НКВД резко активизировало деятельность на местах. Весьма типичным является донесение начальника УНКВД Омской области К. Н. Валухина от 23 октября 1937 года. Он сообщал, что по состоянию дел на 20 октября в области по польской операции было арестовано 577 человек, из них польских перебежчиков — 379, военнопленных — 35, политэмигрантов и политобменных — 12, членов ППС — 9, за принадлежность к польской националистической контрреволюции — 142 человека. «Сознались» в шпионской деятельности 57 человек. Сталин, прочитав сообщение, дал указание Ежову арестовать еще одного польского «шпиона»².

С 23 октября 1937 года УНКВД в своей деятельности руководствовались оперативным приказом № 00693 по перебежчикам. В нем указывалось на слабую работу оперативников по выявлению агентов иноразведок среди перебежчиков. В приказе была дана негативная оценка деятельности оперативных подразделений, которые из 6 тысяч перебежчиков, задержанных за год пограничной охраной, лишь 224 человека (менее четырех процентов) разоблачили как агентов иностранных разведок³. Хотя и эта цифра была явно завышенной.

В соответствии с приказом все перебежчики подлежали аресту, разоблаченные агенты предавались суду Военной коллегии Верховного Суда, остальные подлежали заключению в тюрьмы и лагеря после рассмотрения их дел Особым совещанием.

В этой связи представляет интерес ход обсуждения проблемы перебежчиков на январском 1938 года совещании, где подводились итоги репрессий. Как только нарком НКВД Белоруссии Б. Д. Берман сообщил что с 1921 по 1936 годы в Белоруссию из Польши перешло около 58 тыс. поляков, состоялся следующий диалог:

«Ежов. Перебежчик перешел нашу границу, что Вы с ним делаете?»

Берман. Если мы его ловили, мы его сажаем. Наиболее серьезных агентов мы берем себе в КРО в Минск.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 156.

² Там же. Д. 254а. Л. 6.

³ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 391. Л. 55.

Ежов. А вот маленький шпик перешел границу, что Вы с ним делаете дальше?

Берман. Проводим следствие и посылаем справку по его делу и ждем Вашего решения.

Ежов. Я думаю об упрощении этого дела: как перешел, тут же расстреливать.

Берман. Нет, Николай Иванович, это будет неправильно, этого нельзя делать, этим на границе мы приучим наших бойцов, что они начнут бить направо и налево...

Ежов. А вот на той территории он не может бить?

Берман. С Вашего разрешения может.

Ежов. Боя винтовки хватит?

Берман. Боя винтовки хватит, но возникает конфликт – убит на чужой территории»¹.

Постоянное упоминание об арестах значительного количества «шпионов» среди перебежчиков, способствовало ужесточению репрессий в отношении этих лиц. 1 февраля 1938 года после утверждения на Политбюро ЦК ВКП(б) решения о перебежчиках на его основе был принят меморандум НКВД СССР № 234. Рекомендовалось всех перебежчиков, в отношении которых было прямо или косвенно установлено, что они являются шпионами, предавать суду военного трибунала, в качестве меры наказания предусматривался расстрел. Дела на остальных перебежчиков передавать на рассмотрение Особого совещания и приговаривать к десяти годам тюремного заключения. Раньше эта мера наказания особым совещанием распространялась только на польских перебежчиков².

Одной из их форм репрессий в этот период стало выселение представителей различных национальностей, которые проживали по обе стороны границы. Национальные анклав в пограничной полосе рассматривались советским руководством как потенциальная база для вербовок агентуры иноразведками. Не исключалась и возможность восстаний в момент вооруженных столкновений. Поэтому в течение июля-октября 1937 года в Политбюро ЦК ВКП(б) принимаются решения об очистке приграничной полосы в Армении, Азербайджане, республиках Средней Азии и Дальневосточном крае. Курды, иранцы, афганцы, китайцы и корейцы насильственно переселялись в глубинные области СССР. Наиболее массовой операцией было выселение в сентябре корейцев из районов, граничивших с Маньчжоу-Го, Монголией и Китаем. Продолжались и операции по депортации населения, в основном из приграничных районов Закавказья, Средней Азии и из Восточных областей.

---

¹ Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). М., 1997. С. 223; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14. Л. 43–44.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 156.

Одновременно принимались решения, которые свидетельствовали не только о том, что шла этническая чистка приграничных районов, но и удаление оттуда «неблагонадежных» элементов. 5 июля 1937 года в связи с установлением более жесткого режима в приграничных районах Армении Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выселении в течение 3-5 месяцев 500 хозяйств в Казахстан¹.

В решении Политбюро от 14 июля 1937 года «О пограничном положении в восточных районах» было увеличено число подлежащих чистке регионов, конкретизирован состав переселяемых. На НКВД возлагалась задача выселения неблагонадежных элементов из запретной пограничной зоны Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР².

Наиболее быстро на решение Политбюро ЦК ВКП(б) отреагировал первый секретарь ЦК КП(б) Армении А. Амадуни, который ранее уже определил категории выселяемых. В записке Сталину он отмечал репрессированных в прошлом за контрреволюционные преступления контрабандистов, участников антисоветских выступлений и членов их семей³. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1937 года по Армении к неблагонадежным элементам были причислены и курдские семьи⁴.

После интервенции Японии в Китай в июле 1937 года советское руководство было вынуждено принять превентивные меры, чтобы обезопасить Дальневосточный регион страны.

В отношении лиц корейской национальности эта «мера», по сути, стала депортацией целого народа. Их выселили преимущественно в Казахстан, всего около 180 тыс. человек⁵. Исполнение акции было возложено на УНКВД ДВК. 20 августа 1937 года начальник краевого управления сообщил наркому НКВД: «Крайкомом ВКП(б) извещен о предстоящем переселении корейского населения из погранполосы. Крайком намерен возложить эту работу на НКВД. Прошу указаний»⁶. Еще до принятия постановления СНК СССР № 1527-349сс от 5 сентября 1937 года о переселении корейцев начальник УНКВД был ознакомлен в крайкоме, возглавляемом Варейкисом, с основными положениями решения ЦК ВКП(б). В нем на органы госбезопасности возлагалась задача не только провести выселение, но и не допустить эксцессов и беспорядков. А они начинались, как только корейское население узнавало о подготовке массовых выселений. На партийном

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 91.

² Там же. Л. 101.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254 а. Л. 92.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 16.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 155. Л. 864.

собрании руководства колхоза была единогласно принята резолюция о грубейшем нарушении национальной политики в СССР. В результате партийный актив был немедленно арестован. Начальник УНКВД получил разрешение из центра арестовать всех сопротивлявшихся переселению, рассмотреть их дела на «тройке» и приговорить к 10 годам лагерей.

Соотечественники за рубежом не остались безучастными к судьбам советских корейцев. Когда было дано указание начать их выселение, у морских берегов Посъетского района ДВК появилось несколько сот корейских и японских катеров и шаланд. Хотя 55 из них были задержаны пограничниками, остальные продолжали стоять недалеко от территориальных вод СССР. В связи с этим начальник УНКВД запрашивал центр о возможности привлечения к операции воинских частей второго эшелона ОКДВА во главе с Блюхером, а также боевых кораблей Тихоокеанского флота, чтобы разогнать скопившиеся у советских берегов иностранные суда, которые могли попытаться вывезти своих компартиотов¹.

О ходе депортации корейцев из Дальневосточного края Ежов ежедневно докладывал Сталину. Обстановка была достаточно напряженной. В процессе переселения происходили сбои, неизбежные при столь массовой депортации. Узнав из спецсообщения УНКВД Дальневосточного края о несвоевременной подаче эшелонов по вине заместителя председателя крайисполкома Вольского и начальника железной дороги Друскиса, Сталин разразился гневной телеграммой. «Людей, саботирующих дело, кто бы они ни были арестовывать немедленно и наказывать примерно. Арестуйте не только Вольского, но десятки Вольских. Передайте Друскису, что над ним будет учинена примерная расправа, если он не проявит должной исполнительности и дисциплинированности». Телеграмму Сталин адресовал И. Варейкису, В. Блюхеру и Г. Люшкову².

О дальнейшей развитии событий рассказал заместитель начальника Особого отдела ОКДВА Л. М. Хорошилкин. Во второй декаде сентября 1937 года его вызвал Люшков и приказал допросить Вольского, который являлся якобы японским шпионом и вместе с Друскисом по заданию японцев срывал операцию по вывозу корейцев из ДВК. На следующий день после допроса Вольский написал короткое заявление о том, что после встречи с японским консулом в Хабаровске он выполнял его директиву о срыве мероприятий по выселению корейцев. Больше ничего в заявлении не было. Начальник УНКВД ДВК Люшков лично исправил показания Вольского: добавил фамилию Друскиса, более подробно описал связи с японцами. Позднее, когда Хорошилкин увидел окончательный протокол, подготовленный другим следователем, он не узнал

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 155. Л. 221–229.

² Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности... С. 352.

его. «Я увидел, что там записаны как заговорщики и шпионы сотни людей мне совершенно незнакомых. Там проходили группы людей по рыбной и угольной промышленности, по сельскому хозяйству, по крайкому, крайисполкому и другим отраслям хозяйства и промышленности и советским организациям»¹. Несомненно, такой «размах» деятельности Люшкова был вызван вниманием Сталина к операции и его установкой на аресты. Опытный мастер фабрикаций, Люшков представил Сталину показания на многих руководящих лиц партийных, советских и хозяйственных органов.

Операция по выселению корейцев, а затем и китайцев из приграничной зоны на Дальнем Востоке переросла к началу 1938 года в «чистку» в целях усиления охраны госграницы. Политбюро утвердило план «по выселению антисоветского и неблагонадежного элемента из запретной пограничной зоны Дальневосточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР». Одновременно было принято решение о расстреле 12 тыс. человек, содержащихся в лагерях НКВД, расположенных вблизи госграницы².

Напряженность во взаимоотношениях с Японией самым негативным образом отразилась на населении этого региона, где массовые операции продолжались до осени 1938 года.

Свои особенности имелись в проведении операции по представителям китайской национальности. 22 декабря 1937 года Ежов направил ряд распоряжений начальнику УНКВД Дальневосточного края Люшкову: «Всех китайцев, независимо от подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовывайте». Однако на следующий день он конкретизировал свои указания, отметив необходимость ликвидации китайских притонов. Ежов предложил применять дифференцированный подход: дела на советских граждан, уличенных в антисоветской, шпионской и контрабандистской деятельности должны были передаваться на рассмотрение тройки. Дела на иноподданных в соответствии с установленными правилами передавались в суд, решение которого предусматривало высылку за пределы СССР³.

Однако постепенно на китайское население стали распространяться все методы арестов, используемые при проведении операций по инациональностям. Упоминание китайцев в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года о продлении срока репрессий по национальному признаку до 15 апреля в целях «разгрома шпионско-диверсионных контингентов» стало основанием для того, что они стали рассматриваться в

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-15011. Л. 71.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 92.

³ Сталинские депортации. 1928–1953. Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005. С. 101–102.

качестве объекта репрессий, как и другие национальности¹. Начальники УНКВД стали в полной мере применять репрессии в отношении этнических китайцев. В начале марта 1938 года Люшков сообщил в центр об аресте в ДВК 5551 китайца, отмечая выявленных среди них «шпионов» и контрабандистов. Одновременно он ставил вопрос об увольнении всех китайцев с оборонных предприятий и воинских частей². В середине марта 1938 года начался учет китайского населения на территории Дальневосточного края, поскольку 4 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переселении китайского населения в Синь Цзян и Казахстан.

В начале июня того же года Ежов подготовил проект мероприятий по переселению китайских подданных из ДВК в Синь Цзян и Казахстан, включая выделение Совнаркомом денег для переселенцев³.

Однако 10 июня 1938 года Политбюро ЦК приняло решение прекратить переселение — за исключением тех, кто дал на это добровольное согласие. Предлагалось расселить китайцев, высланных из запретных пограничных зон и укрепрайонов, в пределах Дальневосточного края. Арестованные китайцы, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, диверсии и терроре, освобождались из-под стражи⁴.

11 июня Ежов направил шифротелеграмму в Дальневосточный край, в которой дал разъяснения по поводу сложившейся ситуации: вопрос о прекращении переселения поставил перед правительством СССР поверенный в делах Китая. Нарком объяснял Люшкову: «Правительство СССР, исходя из дружественных отношений с Китаем и учитывая, что производилось не принудительное выселение китайцев, а добровольный их выезд в Синь Цзян, пошло навстречу пожеланиям, проживающих в ДВК китайских граждан». Далее Ежов изложил основные положения решения Политбюро ЦК ВКП(б) и прежде всего главное: «массовые аресты китайцев прекратить»⁵.

Поскольку основные события, связанные с репрессиями в отношении китайского населения, разворачивались на Дальнем Востоке, столь резкое изменение курса карательной политики могло повлиять на ее главного исполнителя — начальника УНКВД ДВК Люшкова. Он понимал, что его могли сделать ответственным за предшествующую активность, как это произошло с арестованными Булахом, Заковским, Леплевским, проявившими в свое время заметное служебное рвение. Возможно, данное обстоятельство предопределило решение Люшкова бежать за границу.

Всего при проведении так называемых «национальных операций» за 1937–1938 годы было арестовано более 300 тыс. человек. Таким образом,

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. д. 22. Л. 113.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 48

³ Там же. Д. 3. Л. 81–83.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 80.

⁵ Сталинские депортации. 1928–1953. С. 103–104.

из общего количества арестованных органами госбезопасности за эти два года более 66 процентов стали жертвами так называемого «кулацкого» приказа № 00447 и операций по инациональностям.

Окончание массовых репрессий

Прекращение массовых репрессий представляет собой достаточно сложное явление, которое обуславливалось целым рядом факторов как внешнеполитических, так и развитием событий внутри страны.

В течение 1938 года происходили изменения на мировой арене, которые осложнили положение СССР.

Советский Союз постепенно свертывал свою помощь Испании, а Германия усиливала свое участие на стороне вооруженных сил генерала Франко.

В марте 1938 года Австрия попала в сферу влияния Германии. Таким образом, в Европе Гитлер начал пересмотр версальских соглашений, которые способствовали укреплению германского государства. СССР вынужден был смириться с изменившейся ситуацией.

В марте того же года Сталина проинформировали о том, что сотрудники австрийской миссии в полном составе принесли присягу на верность Гитлеру и германскому государству. 27 марта на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о ликвидации в связи с «уничтожением Австрии как самостоятельного государства» советского полпредства в этой стране. Интересы торговли с Германией потребовали признания свершившегося факта, и советское торгпредство в Германии стало представлять интересы СССР в торговых взаимоотношениях с Австрией. Советским представителям рекомендовалось вступить в переговоры с германским правительством по вопросу о распространении на торговые связи СССР и Австрии условий советско-германского соглашения на 1938 год¹.

В дипломатических отношениях Сталин не допускал резких выпадов против Германии. Но на протяжении всего 1938 года между двумя государствами присутствовала напряженность.

В исследуемый период СССР в большей степени был обеспокоен положением на дальневосточной границе. Например, нарком иностранных дел СССР М. Литвинов на вопрос американского корреспондента о поставке большого количества самолетов в Испанию, ответил, что они больше пригодятся СССР в Китае, чем в Испании².

Еще весной 1938 года Сталин получал от органов государственной безопасности сообщения о тревожной ситуации в Судетской области Чехословакии. Речь шла о проведении там плебисцита с целью последующего присоединения этой территории к Германии.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д; 22. Л.159.

² Урок дает история. М., 1989. С. 273.

В конце сентября 1938 года международное положение СССР катастрофически резко ухудшилось. В результате мюнхенских соглашений в сентябре 1938 года между Германией, Италией, Англией и Францией об отторжении от Чехословакии Судетской области в пользу Германии СССР оказался в международной изоляции. Несмотря на имеющиеся договоры с Францией и Чехословакией, Советский Союз не был приглашен к участию в европейских делах. Отвергнув план англо-франко-советского сотрудничества по противодействию фашистской Германии, не защитив Чехословакию, Англия и Франция продемонстрировали в определенной мере недопонимание последствий своей позиции. Это подтвердилось в марте 1939 года, когда Германия оккупировала всю Чехословакию. По меткому замечанию современных английских историков Рида и Фишера, «оккупированная немцами Чехословакия превратилась в меч, направленный на восток»¹.

Оценивая сложившееся положение, нарком иностранных дел М. М. Литвинов подчеркивал, что «революция находится в опасности». Предвидя дальнейшее развитие ситуации, он говорил в октябре 1938 года: «Дело идет к нашей изоляции и нападению на нас... Война будет. Одна маленькая надежда – авось Германия одумается. Может быть, кто-нибудь убедит Гитлера»².

На протяжении второй половины 1937 – первой половины 1938 годов европейские государства продолжали политику изоляционизма в отношении СССР. 15 ноября 1937 года началось закрытие германских консульств, 1 декабря было закрыто консульство Польши. В январе 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение закрыть все консульства Ирана и Афганистана, из всех турецких консульств работу продолжало только одно, остальные тоже были закрыты. Готовились покинуть СССР консульства Англии, Латвии, Эстонии, Швеции, Норвегии и Дании в Ленинграде.

С сентября 1938 года Сталин начинает склоняться к варианту обеспечения внешнеполитической безопасности за счет сближения с фашистской Германией. Победоносное шествие Гитлера по Европе, бескровно захватившего Австрию, Судетскую область Чехословакии – благодаря уступчивой политике Англии и Франции – предопределило и постепенное изменение внешнеполитической ориентации СССР. В этих условиях продолжение операции по немцам, как и по другим инациональностям, выглядело недалеким и нелепым.

Постоянные приграничные конфликты, сопровождавшиеся жертвами, вторжения в территориальные воды СССР с последующими задержаниями японских рыбаков стали обыденным явлением. Напряженные отношения между СССР и Японией в июле-августе 1938 года разрази-

---

¹ Историки спорят. 13 бесед. М. 1988.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 81. Л. 140.

лись военным столкновением у озера Хасан. Фактически это была проба сил между двумя государствами. Сообщения о ходе военной операции, которые Сталин получал от органов государственной безопасности, свидетельствовали о недостаточной подготовленности Красной Армии к отражению возможной агрессии.

По данным военной разведки, Япония после военного конфликта сосредоточила на Дальнем Востоке, непосредственно у границ СССР почти полумиллионную группировку, готовую к нападению на СССР. Так что в случае начала военных действий никаких мобилизационных мероприятий со стороны Японии проводить бы не требовалось.

Вооруженные столкновения на дальневосточной границе продолжались и после событий у озера Хасан. Дело дошло до того, что в январе 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) обязало НКВД заявить японскому послу, что «в случаях японских провокационных действий в советских водах конфликт не будет носить локальный характер»¹.

Летом 1938 года наметилась другая тенденция, свидетельствующая о стремлении советского руководства смягчить отношения с рядом государств. С Ираном и Афганистаном удалось договориться об ограничении сотрудничества этих государств с германскими фирмами, которые в иранском городе Пехлеви участвовали в строительстве дока в порту, а в Афганистане советские специалисты вели разведку полезных ископаемых. 4 июня 1938 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос об Иране, было принято решение об освобождении бывших сотрудников иранского консульства в Ашхабаде и высылке их на родину². Позднее Ежова обвинят в незаконных репрессиях в отношении иностранцев, из-за чего в адрес советского правительства были направлены ноты протеста от ряда государств, в том числе и Ирана.

Изменения в Европе, связанные с усилением Германии, привели к некоторому улучшению отношений с Польшей. Тревожная ситуация в Европе заставила Сталина несколько пересмотреть свою политику в отношении этого государства уже весной 1938 года. После того как Ежов 22 марта представил убедительные данные о захваченных на территории СССР агентах польской разведки, имевших подложные документы и оружие, и предложил организовать открытый процесс в Минске, Сталин отверг эту идею, отметив на полях спецсообщения: «Не стоит»³. В августе 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание НКВД «немедленно вернуть польскому правительству снизившиеся на советской территории три польских планера вместе с пилотами», а латвийскому правительству – севший на территории СССР самолет с летчиком⁴.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 150.

² Там же. Л. 76.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 195.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 145.

Рассматривая развитие советско-польских отношений, итоги беседы наркома иностранных дел СССР М. Литвинова с послом Польши В. Гжибовским, Политбюро на заседании 16 ноября 1938 года одобрило продление до 1945 года советско-польского договора о ненападении от 1932 года. Там же было решено изучить возможности расширения торговых отношений с Польшей. Причем, особо подчеркивалось изменение расстановки сил в Европе¹.

В отношении государств, которые советское руководство рассматривало в качестве союзников потенциальных противников СССР, продолжалась политика давления. 27 сентября 1938 года Политбюро рекомендовало установить в порядке репрессий соответствующий внешний режим для консульств Маньчжоу Го в Благовещенске и Чите, то есть создать условия, при которых была бы невозможна нормальная деятельность дипломатов².

Принимая во внимание активную роль в испанских событиях Италии, которая считалась союзником фашистской Германии, Политбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1938 года дало указание «придраться к случаю нападения на советское консульство в Милане, ликвидировать последнее и предложить итальянскому правительству закрыть итальянское консульство в Одессе»³.

Развитие событий в мире заставляло советское руководство переосмысливать общую стратегию внешней политики. По мнению наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в течение 1937 – первой половины 1938 годов во внешней политике СССР преобладал подход, основанный на переоценке собственных возможностей и недооценке уровня развития приграничных и европейских государств⁴. Подобная тактика конфронтации находила ранее свое отражение в конкретных решениях Сталина. Когда Литвинов предложил, например, наладить добрососедские отношения с Эстонией и увеличить товарооборот между государствами, Сталин резко протестовал против подобного решения и рекомендовал: «Надо уменьшить (а не увеличивать) импорт по Эстонии. Это и будет «давление». И. Ст.»⁵.

После периода преувеличения роли и влияния СССР на ход международных событий, политического и экономического давления на ряд иностранных государств для отстаивания своих интересов советское руководство осознало необходимость более взвешенного подхода во внешней политике.

Преследования иностранцев и советских граждан инонациональностей имели свои пределы. Потребности укрепления экономического и

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 48.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 65.

⁴ ЦА ФСБ. АСД Н-13614 Л. 188–189.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 90 об.

оборонного потенциала СССР во многом зависели от импорта стратегического сырья и образцов новейших научно-технических достижений ведущих европейских стран и США. Так, в 1937 году СССР выпускал чуть более 40 тысяч тонн алюминия, в то время как потенциальный противник Германия производила в год около 100 тысяч тонн. Поэтому советское руководство было заинтересовано в закупке иностранного оборудования для обеспечения обороноспособности государства. После того, как стало ясно, что Уральский алюминиевый завод, который должен был дать первую продукцию в 1933 году, но был не в состоянии производить металл и в 1937 году, было принято решение о закупке за рубежом на 5 миллионов долларов оборудования для производства алюминия¹. В условиях конфронтационной политики такие соглашения были бы невозможны, их заключение предполагало нормальные межгосударственные отношения.

В условиях обострения внешнеполитического положения и будучи заинтересованным в развитии торгово-экономических отношений с Западом советское руководство сочло неразумным продолжать преследование представителей инациональностей.

Сталину приходилось учитывать и негативные последствия репрессий, которые сказывались на взаимоотношениях с зарубежными странами. Он получал сообщения о выездах иноспециалистов из СССР, их нежелании возвращаться обратно из-за боязни арестов. Вскоре после принятия оперативного приказа по «харбинцам» 26 сентября 1937 года на Политбюро ЦК ВКП(б) уже обсуждался вопрос о японских концессиях на Сахалине. В принятом постановлении отмечалось, что свертывание японской стороной работ наносит серьезный ущерб советской экономике. Специально для НКВД СССР оговаривалось требование производить аресты служащих японских концессий только с разрешения Прокуратуры СССР, согласовывая с Наркоматом тяжелой промышленности. На Прокуратуру СССР была возложена задача пересмотреть все дела в отношении служащих японских концессий и внести в ЦК ВКП(б) предложения о смягчении приговоров².

Сталин не удовлетворил и ходатайство Прокурора СССР о расстреле японского подданного на Сахалине, предложив заменить расстрел высылкой «из пределов территории СССР, с запрещением въезда в пределы СССР». Когда в апреле 1938 года начальник УНКВД по ДВК Люшков напомнил об осужденном японском подданном Суговара, прося разрешения отказать консулу во встрече с ним, Сталин ответил: «Что касается самого Суговара, то можно смягчить приговор, ограничившись наложением штрафа (небольшого), и выслать из пределов СССР»³.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 790. Л. 102, 122.

² Там же. Оп. 58. Д. 254а. Л. 1.

³ Там же. Д. 255. Л. 22, 41а–41б.

В ходе переговоров в январе 1938 года о возвращении рыбаков потерпевшего аварию советского судна, японская сторона сделала «неслыханное предложение»: обменять рыбаков на содержащихся в заключении в СССР японских граждан¹.

В зарубежной печати подвергалась открытой критике карательная политика, проводимая советским руководством внутри страны, хотя само оно этому не придавало особого значения, игнорируя протесты международной общественности.

Не менее важную роль в отказе от политики «большого террора» сыграли и внутренние факторы.

Уровень массовых репрессий снижался постепенно. К весне 1938 года почти в три раза были превышены лимиты массовой операции по приказу № 00447. Первым сигналом, свидетельствующим о постепенном прекращении арестов по так называемой «кулацкой» операции, стало утверждение дифференцированного подхода в решении вопросов об увеличении лимитов. Дополнительный лимит, утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1938 года, был предоставлен не всем регионам, а только 22 республикам, краям и областям СССР. Операцию предлагалось закончить к 15 марта, для Дальневосточного края срок был установлен не позднее 1 апреля². Предоставление новых лимитов продолжалось, но их получали прежде всего приграничные республики и области. Это коснулось Украины, Дальневосточного края, Читинской области и других, что свидетельствовало о превентивной подготовке к войне путем «зачистки» данных регионов от тех слоев населения, которые рассматривались советским руководством в качестве потенциальных предателей и изменников.

Результатом протеста против репрессий стали аресты исполнителей из числа руководящих работников НКВД весной 1938 года. П. Булах стал первым крупным руководителем УНКВД, которого арестовали с санкции ЦК ВКП(б). После назначения наркомом НКВД Л. Берии в ходе допросов оперативного секретаря ГУГБ НКВД СССР В. А. Ульмера, следователи получили показания о том, что целью Ежова и Фриновского якобы было возбуждение в стране массового недовольства политикой партии и правительства, мол поэтому они допускали полный произвол в карательной политике. Понятно, что показания являлись результатом установок, полученных следователями от нового руководства НКВД, которое должно было выявить виновных. В выводах комиссии Жданова, Андреева, Берии, созданной для передачи дел Ежовым новому наркому, подчеркивалось, что нарком внутренних дел проводил репрессивную политику, дискредитировавшую советское правительство. Якобы именно поэтому Ежов, получая

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 19.

² Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. С.467–468.

многочисленные сигналы о нарушениях законности, якобы не принимал никаких мер¹.

В этом проявлялось фарисейство Сталина, который был в курсе развернувшейся в стране вакханалии арестов. Еще летом и осенью 1937 года он получал неоднократные сообщения от члена Комиссии партийного контроля А. Френкеля о методах работы начальника УНКВД по Куйбышевской области И. П. Попашенко. Последний только подписывал протоколы заседаний тройки, в заседаниях которой участвовал его оперативный секретарь. Арестованные выбрасывались во время допросов из окон. Колхозники жаловались на массовое убийство, которое произошло недалеко от деревни. Оказалось, что восемь человек были расстреляны по решению тройки и брошены в лесу. Сталин порекомендовал Ежову «отозвать Попашенко из Куйбышевского края»². Выполняя решение Политбюро, Ежов был вынужден отстранить начальника УНКВД от должности, но сразу же назначил его начальником Административно-хозяйственного управления НКВД СССР.

3 марта 1938 года Сталин получил записку от члена Комиссии партийного контроля Е. Ярославского с приложением письма группы рабочих и инженерно-технических работников из Татарской АССР. В нем говорилось, что бывший начальник УНКВД, назначенный первым секретарем Татарского обкома ВКП(б), А. М. Алемасов истребляет татарские кадры. Арестованы тысячи студентов, учащихся, председателей сельсоветов, колхозов и других категорий населения, разгромлена татарская писательская организация, население республики терроризировано, жизнь в городе и деревне разваливается. Ознакомившись с письмом, Сталин дал задание секретарям ЦК Андрееву и Маленкову: «Просьба проверить и наметить меры урегулирования»³. Однако в отношении Алемасова никаких мер принято не было, он сохранил свой пост.

Аресты высокопоставленных сотрудников НКВД вселяли надежду, что постепенно прекратятся необоснованные массовые репрессии. Каждый арест крупного руководителя органов государственной безопасности свидетельствовал о серьезных нарушениях, которые в определенной мере влияли на положение наркома НКВД и косвенно отражали отношение Сталина к результатам деятельности карательного органа. Следующей крупной фигурой из числа репрессированных руководителей НКВД стал заместитель наркома внутренних дел Заковский. Его арест спровоцировал крупные эксцессы, поскольку он возглавлял одновременно и УНКВД Московской области. Они опасались не напрасно, поскольку знали, что методы получения признательных показаний —

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6, Д. 8. Л. 13.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 98 об.

³ Там же. Д. 421. Л. 15 об.

избиения и шантаж — были совершенно одинаковыми во всех управлениях наркомата внутренних дел.

Ежов и Фриновский и ранее старались не пропускать любые сообщения в центр о нарушениях законности и действиях своих подчиненных. Так, Ежов давал указания проверять все казавшиеся подозрительными письма на имя Сталина, а оперативный секретарь Фриновского Ульмер рассказал позднее, что получал указания задерживать письма с жалобами на деятельность НКВД.

Присутствовавшие на совещании в московском управлении сотрудники, выслушав Ежова, поняли, что никаких изменений в ходе массовых операций не предстоит, и репрессии будут продолжаться. Но им были непонятны невнятные объяснения наркома о причинах снятия Заковского. По словам Ежова, Заковский допускал необоснованные аресты в Ленинграде, был переведен на должность начальника управления в Москву и одновременно назначен заместителем наркома. Но затем он начал проводить ту же линию в Москве и пришлось его отстранить, а затем арестовать. В путаном рассказе Ежова о перипетиях назначения и дальнейшего снятия Заковского сотрудники почувствовали определенную растерянность¹.

Действительно, Сталин с весны 1938 года начал активно вмешиваться в деятельность наркомата внутренних дел, вносил элементы дезорганизации и нервозности в работу аппарата. Назначение Ежова в апреле наркомом водного транспорта СССР означало усиление его позиций в структуре исполнительной власти, но оставляло меньше времени для руководства НКВД. Арест Заковского, человека которого активно продвигал Ежов и даже сделал своим заместителем, свидетельствовал о падении влияния наркома в решении кадровых вопросов в своем ведомстве.

Аресты сотрудников столь высокого ранга отразились на всей деятельности органов НКВД. Литвин в Ленинграде уже в июне стал требовать от подчиненных более тщательного подхода к арестам номенклатурных работников. В постановлении на арест требовалось обязательно указывать наличие соответствующих санкций из прокуратуры и партийных органов — в случае ареста члена партии². Когда нарком НКВД Украины Успенский весной 1938 года узнал, что в ходе следствия были получены компрометирующие материалы на одного из номенклатурных работников он категорически запретил дальнейшую его разработку, мотивируя тем, что этот человек является ставленником Хрущева.

В отношении партийно-советской номенклатуры к весне 1938 года волна арестов пошла на спад. Видные лидеры большевистской партии, проявлявшие малейшие колебания и допускавшие критику линии партии были арестованы. Произошло значительное обновление

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4000. Т. 7 Л. 83–86.

² Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. Санкт-Петербург. 1997. С. 222.

региональной номенклатуры. Задачи по искоренению любых проявлений инакомыслия были выполнены. Однако в функционировании советской системы возникали проблемы, которые подрывали ее устойчивость.

Сталин, доверив органам государственной безопасности выполнять роль «чистильщиков», столкнул две силы, определявшие общий вектор развития политической жизни страны, то есть партийные органы и НКВД.

На местном уровне ряд руководителей НКВД выказывал пренебрежительное отношение к партийным работникам. Так, 21 апреля 1938 года Ежов получил письмо от первого секретаря ЦК компартии Казахстана Л. И. Мирзояна, который сообщал о ненормальной обстановке, сложившейся в Северо-Казахстанской области. Вновь назначенный секретарь обкома партии Н. Кузнецов был приглашен 7 ноября 1937 года на ужин, организованный начальником УНКВД. Это была первая неофициальная встреча, на которой присутствовали руководители основных отделов управления. Секретарь обкома произнес тост, в котором отметил необходимость тесного сотрудничества партийных органов и представителей НКВД. В ответном слове начальник управления под одобрительные возгласы присутствующих заявил, что знает, к чему приводит близкая дружба между первыми секретарями и начальниками УНКВД. Обиженный секретарь обкома в письме на имя Мирзояна отмечал также, что на заседаниях бюро обкома начальник Северо-Казахстанского УНКВД П. С. Панов голосует за назначение работника на должность, а вскоре ставит вопрос о его аресте. Сотрудникам управления НКВД Панов запретил являться на вызовы в горком партии. В отношении помощника прокурора области по спецделам Гомировского, посмеявшегося написать Вышинскому о беспорядках в работе управления, он принял вопиющие меры. У помощника прокурора отобрали пропуск для прохода в здание управления, а затем велели убираться из области¹.

В органах государственной безопасности на местах работники НКВД чувствовали себя главным органом советской власти, поскольку были ведущими исполнителями репрессивной политики. Во время допроса один из начальников отделений местного УНКВД доказывал арестованному, что имеется директива центра об уничтожении всех партийно-советских работников из числа тех, кто был на руководящих должностях в годы первой пятилетки.

Широкие полномочия сотрудников органов НКВД в период массовых репрессий вызывали законное недовольство руководителей партийных органов.

После январского 1938 года Пленума ЦК ВКП(б) репрессии в отношении членов партии ослабли. Но некоторым первым секретарям обкомов стали предъявлять обвинения в совершении грубейших ошибок.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 996. Л. 113–118.

На примере дела Постышена, произошедшего массовые исключения из партии, предшествующая работа секретарей крайкомов и обкомов партии по проверке и обмену партийных документов была представлена как один из видов «враждебной» деятельности. Стандартное обвинение заключалось в том, что якобы многие правые и троцкисты, разоблаченные и исключенные из партии в 1937 году, успешно прошли проверку в 1935–1936 годах, в то время как честные партийцы подверглись гонениям. Отсутствие политической бдительности у секретаря Ярославского обкома ВКП(б) Зимина, Горьковского, а затем Донецкого обкома Прамнэка, Свердловского обкома Столяра, за которое ранее они подвергались критике, после их арестов в процессе следствия стало квалифицироваться как сознательное укрывательство врагов партии. В то же самое время их показания являлись для Сталина свидетельством неудовлетворительной работы Ежова. Поскольку именно на него как заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) и председателя Комиссии партийного контроля была возложена задача организации проверки и обмена партийных документов. Поворот в политике партии в отношении коммунистов не мог быть проигнорирован управлениями государственной безопасности НКВД СССР. А реализация указаний партии ставила в сложное положение наркома НКВД, что могло вызвать и недовольство Сталина.

Сталину также поступали спецсообщения о реакции на местах в связи с назначением на должность новых руководителей. Так, в апреле 1938 года Ежов сообщал Сталину о поведении секретаря Челябинского обкома партии, который был полностью деморализован. Он вернулся из Москвы и докладывал членам бюро обкома об итогах поездки. В Москве ему была устроена очная ставка с арестованными бывшими секретарями обкомов Прамнэком и Столяром. Сталин в присутствии членов Политбюро задавал ему вопросы о возможной причастности к организации правых. На следующий день, во время другой встречи Сталин предупредил его об ответственности, но выразил политическое доверие и предложил отправиться работать в Челябинск. После такого выражения «политического доверия» секретарь, уже на заседании бюро обкома рассказывая о встречах со Сталиным, «сильно нервничал, истерично плакал, был рассеян».

В отношении среднего звена партийных руководителей полномочия НКВД были огромны. Например, в августе 1937 года был арестован, но вскоре освобожден из-за отсутствия улик член бюро райкома, председатель Салмонского сельсовета Вологодской области Федосов. Секретарь райкома партии поставил вопрос о привлечении к ответственности сотрудников УНКВД, арестовавших члена бюро РК ВКП(б). В аппарате областного управления НКВД был составлен фиктивный протокол об участии Федосова в контрреволюционной организации, и «тройка» рассмотрела его дело по первой категории, то есть приговорила члена бюро

райкома партии к расстрелу¹. Основная же масса рядовых советских граждан практически никак не была защищена от произвола и беззакония.

Мнение определенной части общества отражали суждения первого секретаря Энгельсского горкома партии республики немцев Поволжья, который в октябре 1938 года возмущался ненормальным режимом работы, когда «пересажали третий состав райкомов и обкомов»². Тогда же Сталин ознакомился с содержанием разговоров между наркомом иностранных дел Литвиновым со своим заместителем Стомоняковым, которые открыто выражали недовольство репрессиями в Красной Армии, ослабившими военную мощь СССР. Многие чиновники самого высокого ранга, причем не только находившиеся в заключении, критиковали политику Сталина, которая привела к тому, что десятки тысяч опытных специалистов были расстреляны, а страна понесла в мирное время колоссальные человеческие потери. Эти суждения также были известны вождю.

Немаловажное значение для трансформации позиции Сталина имели результаты ненормальной практики назначения на руководящие должности, которая сложилась в различных наркоматах и была ему известна из многочисленных спецсообщений. Так, в наркомате обороны, как и в других ведомствах, повсеместно вводилось правило предварительного согласования с НКВД кандидатур для назначения на руководящие посты. Тем самым в случае ареста аппаратных работников ответственность перекладывалась с наркоматов на сотрудников органов госбезопасности, что влекло за собой длительный период согласований при новом назначении на должность. Фактически оперативный состав НКВД занимался тотальной проверкой кадров, вызывая законное недовольство как у руководителей наркоматов, так и у собственных сотрудников. В определенной мере произошло перераспределение полномочий в кадровой политике: наравне с партийными органами вопросы назначения на различные руководящие должности решали и сотрудники НКВД. При анализе состояния работы в Особом отделе НКВД СССР (военная контрразведка) комиссия по передаче дел от Ежова к Берии выявила факты, свидетельствовавшие о многочисленных перекосах в кадровой политике. В Управлении по начсоставу НКО хранилось более 19 тысяч карточек с компрометирующими материалами на командные кадры. Для того чтобы обезопасить себя на случай ареста командного состава, руководство НКО ввело практику получения предварительных справок из НКВД о выдвигаемых кандидатах перед представлением их в ЦК ВКП(б).³ Только в конце октября 1938 года эта картотека была уничтожена.

О кадровых проблемах свидетельствовало и январское 1938 года решение Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении в должностях командно-

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Н-15028. Т. 5. С. 57.

² Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Л. 361.

³ Там же. Ф. 3 ос. Оп. 6. Д. 9. Л. 243.

политических работников железных дорог, назначенных вместо арестованных сотрудников. НКПС было разрешено по представлению начальников дорог и политотделов утвердить 615 начальников служб, отделов движений и 102 начальника политотделов. Утверждение их и ЦК ВКП(б) решили перенести на апрель-май 1938 года, поскольку вызовы их в Москву, отрыв от работы могли ухудшить положение на железнодорожном транспорте.

Массовые аресты специалистов в различных отраслях народного хозяйства являлись не только показателем «кадровой чистки», «сменой номенклатуры», которая приводила к выдвижению новых молодых кадров, которым еще предстояло проявить себя в качестве руководителей. Для Сталина кадровые замещения были попыткой преодолеть хроническое невыполнение планов наркоматами. У Сталина, как и у других членов высшего руководства, сформировалась глубокая убежденность в наличии взаимосвязи между невыполнением планов и вредительской деятельностью директоров промышленных предприятий, специалистов в различных сферах народного хозяйства. Лучшим способом борьбы с «вредителями» и были, по мнению Сталина, массовые репрессии. В августе 1937 года, выступая на пленуме Татарского обкома, Маленков прямо заявил: «План не выполняется огромным большинством, в том числе рядом промышленных предприятий, а мы сейчас убедились, что там, где не выполняется задание партии и правительства, ищите врагов»¹.

В период массовых репрессий руководители наркоматов послушно выполняли указания Сталина о поиске вредителей и заговорщиков в своих ведомствах. Не по одному разу сменились начальники железных дорог. Инициаторами часто выступали наркомат и органы НКВД. Нарком НКПС А. В. Бакулин в октябре 1937 года предложил арестовать начальника Ашхабадской железной дороги В. П. Еремеева, который не мог исправить положение на своем участке. Наркому было даже выгодно показать, что в НКВД установили связь Еремеева с участником показательного процесса Лившицем и объяснить провалы в работе его «вредительством». В октябре того же года Берия просил дать санкцию на арест начальника Закавказской железной дороги В. Павермана — якобы члена контрреволюционной организации. С аналогичной просьбой обращался и секретарь Дальневосточного крайкома. Сталин переадресовывал шифротелеграммы Ежову и Бакулину, требуя от последнего представления новых кандидатур².

Серьезным фактором, способствовавшим постепенному свертыванию жесткой репрессивной политики, стал полный провал попыток с ее помощью повысить эффективность работы во всех сферах народного хозяйства.

---

¹ Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 586.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 20. Л. 171, 177.

Например, огромное внимание в предвоенные годы уделялось бесперебойной работе транспорта. Хронические невыполнения на железных дорогах планов грузоперевозок, аварии являлись постоянной проблемой. В январе 1938 года, на пике репрессий, нарком НКВД направил на места директиву, в которой констатировал что в «последнее время ряд железных дорог резко ухудшили свою работу, а погрузка-выгрузка не превышает 70–80 процентов плана». В связи с этим он приказывал шире использовать массовые операции для улучшения работы транспорта. Однако коренных изменений в работе железных дорог так и не произошло. Невыполнение планов становилось нормой для советской экономики. В некоторых случаях происходил даже рост числа аварий. 17 марта 1938 года из Транспортного отдела НКВД СССР за подписью его начальника Леплевского в Дорожно-транспортные отделы ГУГБ различных железных дорог были направлены одинаковые по содержанию шифротелеграммы. В них сравнивалось количество крушений за два месяца 1938 года и 1937 год. Например, на железной дороге им. Кагановича в 1937 году было 211 крушений, а за два месяца 1938 года — произошло 41 крушение, на Ашхабадской за 1937 год — 49 крушений, а два месяца 1938 года — 11. С учетом возросшего объема грузоперевозок и относительные и абсолютные показатели свидетельствовали о возрастании количества крушений. ДТО ГУГБ рекомендовалось «выполнить приказ наркома об очистке дороги от шпионских, вредительских, белогвардейских элементов, пересмотреть все следственные и агентурные материалы по правотроцкистскому заговору»¹. Но репрессивные меры не улучшили состояние дел на железных дорогах.

Постоянные обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) вопросов о крушениях на железных дорогах также не приносили желаемых результатов, хотя Сталин санкционировал вынесение смертных приговоров. Крушения с человеческими жертвами он однозначно расценивал как диверсии. После получения 1 декабря 1937 года сообщения наркома путей сообщения Бакулина об очередном крушении воинского эшелона на Восточно-Сибирской железной дороге, в результате которого погибли 18 человек, он направил его послание в НКВД: «Т. Фриновскому. Это, конечно, диверсия. Ст.»²

Сталин еженедельно получал итоговые данные о ведении погрузочно-разгрузочных работ, состоянии подвижного состава и в целом о работе железнодорожного транспорта, который обеспечивал развитие всех отраслей народного хозяйства.

Объективная причина хронического невыполнения планов заключалась в том, что железнодорожный транспорт не справлялся с возрастающими объемами перевозок. Начиная с января 1938 дорожно-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1584.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 154. Л. 104.

транспортные отделы НКВД направляли Сталину декадные сводки о состоянии грузоперевозок, в которых содержалась объективная картина работы транспорта. Так, в сводке от 21 марта 1938 года отмечалось, что «на 20 марта количество брошенных на полевых станциях поездов составляло 446». На ряде дорог скапливалось огромное количество груженых вагонов, которые простаивали по несколько суток. На одной станции Чулымская Томской дороги скопилось более 15 тысяч вагонов. С учетом того, что ежедневно в стране подавались под погрузку чуть более 90 тысяч вагонов, то огромное количество грузов не поставлялось своевременно промышленным предприятиям. Парк вагонов и паровозов, находившихся в нерабочем состоянии, увеличивался и составил в 1938 году 64 тысячи вагонов, на 10 тысяч больше чем в 1937 году. В итоге из-за недопоставок сырья тормозилась работа многих промышленных предприятий. В апреле 1938 года на Политбюро ЦК было принято решение о вывозе грузов 1 категории, которые залежались из-за нехватки вагонов. Долг НКПС составил 554 тысячи вагонов, из которых более 120 тысяч требовались для завоза угля и руды предприятиям тяжелой промышленности¹.

Сталин получал спецсообщения НКВД СССР и убеждался, что репрессии не давали результата. Показателен пример воронежских авиационных заводов № 16 и № 18. В течение 1936–1938 годов по обвинению во вредительстве были один за другим арестованы три директора завода № 18 и десятки специалистов. В августе 1938 года начальник 1-го отдела Первого Управления НКВД СССР Рейхман докладывал наркому авиационной промышленности об огромных объемах незавершенного строительства (42 процента на 1 января 1938 года), о выполнении плана первого полугодия на 52 процента. Хозяйственные трудности приводили к тому, что стоимость одного самолета ТБ-3 вместо предусмотренных 170 тыс. рублей составляла 1 млн. 450 тыс. рублей².

Частые смены директоров промышленных предприятий не приносили желаемых результатов. С хроническим отставанием по количеству и качеству выдаваемого металла Макеевским металлургическим заводом не помогало бороться и назначение новых руководителей. В мае 1937 года после жесткой критики со стороны первого секретаря Донецкого обкома ВКП(б)У С. Саркисова и НКВД был арестован директор завода Г. В. Гвахария, вместо которого решением Политбюро ЦК ВКП(б) назначили Б. С. Трахтера. Однако положение не улучшилось, и 20 мая 1938 года на завод пришел новый директор, назначенец Политбюро Г. И. Ивановский³. Аналогичные ситуации были характерны для всех отраслей экономики СССР.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 116. Л. 160–161.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 638. Л. 414.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 835. Л. 91, 137.

Кадровая чехарда не приводила к улучшению производства. Шквал арестов в системе Главугля не привел к повышению добычи топлива. 4 декабря 1937 года В. М. Молотов сообщал в записке Сталину о том, что сверхплановые убытки в угольной промышленности за 9 месяцев 1937 года составили 123 миллиона рублей. В результате возникла задолженность перед заводами, поставщиками оборудования, энергетиками. В тот же день Политбюро приняло решение о выделении указанной суммы¹.

В Наркомводе также не выполнялись плановые задания. В течение сентября-декабря 1937 года нарком Пахомов регулярно направлял в Политбюро записки о необходимости снятия с должностей начальников главков, пароходств, портов и получал согласие Сталина. Однако в январе 1938 года заместитель заведующего транспортным отделом ЦК ВКП(б) сообщал Сталину, что на 1 декабря 1937 года план перевозок выполнен Наркомводом на 79,7 %, что было ниже 1936 года (91,6 %). Убытки выросли с 240 миллионов в 1936 году до 360 миллионов в 1937 году. Если ущерб от аварий на водном транспорте в 1937 году составил 34 млн 417 тыс. рублей, то в 1938 году он достиг 55 млн. 344 тыс. рублей. Таким образом, репрессии не способствовали улучшению работы в различных отраслях народного хозяйства.

Пахомов сообщал и о катастрофическом положении с кадрами. Из 18 Главных управлений НКВода только в 9 имелись начальники, из 48 пароходств в 32 не было руководителей. Из 17 портов только в 7 должности были замещены. Отдавая дань проводимой политике, не желая быть обвиненным в сгущении красок, аппаратчик ЦК отмечал, что руководство слабо боролось с врагами в системе Наркомата, поэтому, например, в Балтийском пароходстве продолжало работать около 500 немцев, поляков, латышей, финнов². Нарком водного транспорта Пахомов в апреле 1938 года был снят с должности и арестован.

Выполнение плановых показателей было несовместимо с постоянными арестами руководителей различного уровня. Такое положение не могло не отразиться на поведении представителей высшей партийно-советской номенклатуры. Так, нарком путей сообщения и одновременно тяжелой промышленности Каганович, который наряду со Сталиным являлся одним из основных организаторов и исполнителей репрессивной политики в стране, отвечал за развитие отраслей народного хозяйства, определявших экономическое и оборонное могущество страны. Понимая всю ответственность за выполнение планов в своих ведомствах, он был заинтересован в сохранении кадров, способных обеспечить выполнение производственных заданий.

Складывалась ситуация, когда один из главных проводников карательной политики чувствовал себя уязвимым в случае невыполнения

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 622. Л. 58–59.

² Там же. Оп. 48. Д. 199. Л. 18–25.

установленных показателей. Поэтому бывший ранее безжалостным исполнителем курса партии на искоренение «вредительства» тот же Каганович предпринял все зависящие от него меры для обеспечения спокойного и устойчивого развития отраслей производства, за которые на него возлагалась персональная ответственность. В течение трех месяцев — с марта по май 1938 года — он не реагировал на указания из НКВД о необходимости арестов руководящих работников наркомата тяжелой промышленности. Очевидно, такая позиция Кагановича объяснялась изменением положения Ежова. В июне, после неоднократных напоминаний он дал санкцию на арест 319 человек. Ситуация с затягиванием санкций повторилась с июня по сентябрь 1938 года. Назначенный заместителем наркома внутренних дел Берия 23 сентября направил на имя Кагановича сообщение о том, что с июня 1938 года на имя наркома были направлены компрометирующие материалы на 178 человек руководящих работников наркомата тяжелой промышленности, но ответа в НКВД не последовало. То есть с 16 июня по 26 сентября Каганович игнорировал требования НКВД. Зная, что Берия по указанию Сталина, фактически шел на замену Ежова, Каганович 29 сентября дал согласие на арест 105 человек. Последняя санкция по запросу НКВД была подписана наркомом 24 декабря 1938 года¹.

Фактически в течение 8 месяцев, начиная с марта 1938 года Каганович пытался саботировать запросы на аресты, поступающие из наркомата внутренних дел. Но это не исключало и проявления им собственной инициативы, когда он предлагал арестовать некоторых работников своего ведомства.

2 марта 1938 года нарком железнодорожного транспорта Бакулин выразил свое отрицательное отношение к присланной из НКВД информации о руководящих работниках НКПС, окончивших Военно-транспортную академию и подозревавшихся в контрреволюционной деятельности. В личной записке Сталину он утверждал, что в НКПС работает 31 выпускник академии, и нет никаких оснований считать их вредителями и контрреволюционерами. Бакулин требовал перепроверки показаний и согласился на возможное снятие с работы только в отношении трех человек².

Возможно, Сталин начинал понимать, что репрессивные меры не способствуют улучшению работы транспорта, тем не менее, в апреле Бакулин был снят с поста наркома и арестован. Постепенно Сталин стал меньше внимания уделять материалам, направляемым ему Ежовым. Он физически не мог прочесть огромный поток протоколов допросов, спецсообщений.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1717.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 21. Л. 1–5.

30 ноября стала действовать новая форма отчетности НКВД перед Сталиным. Ежов стал направлять ему резюме протоколов допросов по наиболее значимым делам. В течение ноября-декабря это были ежедневные сводки. В период до 28 апреля 1938 года Сталин отложил в своем личном архиве 49 сводок о показаниях арестованных руководителей различных уровней во всех сферах советского управленческого аппарата¹. Первые сводки были прочитаны им достаточно внимательно, он давал конкретные указания о направлениях следствия². Несколько сводок по его указанию были посвящены итогам расследования положения с выпуском истребителей на авиационном заводе в городе Горьком. Вместе с тем, не отменялись и ежедневные спецсообщения о ходе репрессивных операций, продолжали поступать и протоколы допросов.

В конце апреля 1938 года число арестов номенклатурных работников резко сократилось, былой интерес Сталина к чтению огромного массива протоколов допросов спадает. С этого времени Ежов прекратил направлять Сталину сводки наиболее важных показаний.

К весне 1938 года ухудшились отношения Ежова со многими высшими чиновниками различных ведомств. Главный исполнитель карательной политики обладал значительными возможностями для формирования у Сталина определенного отношения к положению дел в различных наркоматах и учреждениях. Ежов мог повлиять на судьбу конкретных руководителей, выставляя их в негативном свете. Компрометирующие сведения на руководство всех рангов и уровней поступали наркому внутренних дел регулярно. Наркомы союзных и автономных республик, начальники УНКВД краев и областей, зная о влиятельности своего наркома, его огромные полномочия и указания, не ограничивали оперативный состав в получении компромата на представителей всех слоев партийно-советской номенклатуры. Однако дальнейший ход этих материалов зависел от Ежова. Например, заместитель наркома НКВД Бурят-Монгольской АССР Н. Д. Полканов, направляя в Москву в августе 1938 года протокол допроса бывшего наркома коммунального хозяйства автономной республики, отмечал: «Прошу указаний, какую линию занимать в следствии по делу Ваганова-Процко в отношении Булганина или целесообразно этапировать его в Москву». Ежов направил спецсообщение в Политбюро ЦК ВКП(б), но окончательное решение оставалось за Сталиным, который не принял во внимание сведения, компрометировавшие председателя СНК РСФСР³.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 404–408.

² См. док. №17 Приложения.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 365. Л. 147.

В наркомате обороны, как отмечал бывший нарком Военно-морского флота Смирнов, к весне 1938 года откровенно не верили огромным, на сотнях страниц, показаниям арестованных военнослужащих. Ежов встречал постоянное сопротивление со стороны Ворошилова, который три раза не давал Ежову санкцию на арест корпусного комиссара начальника Военно-строительного управления НКО А. В. Хрулева, назначенного начальником строительства Киевского военного округа. 15 июня 1938 года нарком внутренних дел направил Сталину компрометирующие материалы на Хрулева, однако в спецсообщении Ежов вычеркнул слова о том, что предварительные запросы на имя Ворошилова для получения санкции на арест игнорировались наркомом обороны¹. Безусловно, Сталин советовался с Ворошиловым о Хрулеве и принял его возражения, поскольку не дал санкцию на арест.

Огромный материал для компрометации Буденного, представленный Ежовым, также не был принят во внимание, и дело завершилось тем, что Сталин оставил в покое командующего Московским военным округом РККА.

Начальник отдела охраны Дагин вспоминал, что Ежов нервничал, когда узнал, что члены Политбюро собирались забрать у него заместителей. Действительно, Вельский был переведен заместителем наркома путей сообщения к Кагановичу, а Фриновского просил к себе Ворошилов. Комментарии Ежова по этому поводу заключались в том, что два члена Политбюро недовольны тем, что он «подрезает» их кандидатуры и потому требовали к себе проверенных заместителей наркома НКВД.

Ежов, продолжая выполнять роль «генерального чистильщика» советского общества, пытался оказывать давление на некоторых наркомов, требуя арестов их сотрудников, а в случае несогласия косвенным образом пытался скомпрометировать даже членов Политбюро. Так, Ворошилов в некоторых случаях не соглашался давать санкции на арест. Ежов не забыл неудачную попытку ареста командира артиллерийской бригады ПВО Закавказского военного округа майора Осипова. В октябре 1937 года тот был исключен из партии за «правые колебания» и подлежал увольнению из армии; уже были подготовлены материалы для его ареста. Однако Осипов добился приема у наркома и при личной встрече доказал свою непричастность к правым. Ворошилов дал указание командующему округом Куйбышеву сделать все, чтобы сохранить Осипова для армии.

После ареста бывшего командующего ЗаВО Куйбышева следовательно заставили его «признать», что майор Осипов действительно являлся сторонником правой оппозиции². Тем самым было подвергнуто сомнению решение Ворошилова.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 343. Л. 84.

² Там же. АСД Р-23448. Л. 555.

Ежов не останавливался и, продолжая поиски оппозиционеров, постепенно подобрался к членам Политбюро ЦК ВКП(б). После ареста в мае 1938 года бывшего секретаря Донецкого обкома Прамнэка следователи получили от него показания на М. И. Калинина, секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Андреева и А. А. Жданова. У Калинина отмечались правые колебания, но подчеркивалось, что он слишком стар и, скорее всего, не примкнет к оппозиционерам. В отношении Андреева было сказано о его прошлых ошибках и возможных колебаниях. Жданову припомнили его прежнюю дружбу с Углановым и то, что, возглавляя партийную организацию в городе Горьком, он недостаточно остро реагировал на проявления оппозиционных взглядов представителей партийно-советской номенклатуры города и области, к весне 1938 года арестованных практически в полном составе¹.

Ежов представлял Сталину и компрометирующие материалы на его ближайшее окружение. Есть определенная логика в рассуждениях заместителя наркома обороны Федыко, который в начале июля 1938 года писал Сталину о губительности повальных арестов, о которых «троцкистские враги говорят, что скоро останутся один т. Сталин и т. Ворошилов»².

Немаловажным фактором, способствовавшим отказу от массовых репрессий, был недостаток тюрем, исправительно-трудовых лагерей, которые не были рассчитаны на столь масштабные аресты. На пределе своих возможностей работал и железнодорожный транспорт³. В течение 1938 года по железной дороге отконвоировали более одного миллиона человек⁴.

К весне 1938 года в стране были переполнены все тюрьмы. Только в управлении НКВД по Московской области в апреле-мае содержалось в заключении более 14 тысяч человек, арестованных в основном по национальным операциям. Они в массовом порядке отказывались признать себя участниками каких-либо контрреволюционных организаций, в результате фактически приостановился поток представления альбомных дел на тройки⁵. Наступал предел в проведении массовых репрессий. Весной того же года первый секретарь ЦК КП(б) Карелии Н. И. Иванов, который был членом тройки, сообщал, что из-за переполненности тюрем в республике можно арестовать не более тысячи человек. Начальник УНКВД по Новосибирской области И. А. Мальцев отменил запланированную операцию по аресту около сотни священнослужителей, поскольку не осталось места в тюрьмах⁶.

---

¹ ЦА ФСБ. АСД Р-4879. Т. 3. Л. 155–156.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 365. Л. 4.

³ См. док. № 6 Приложения.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6. Д. 11 Л. 384.

⁵ Там же. АСД Р-4000, Т. 7. Л. 82.

⁶ *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов, С. 229; *Папков С. А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск. 1997. С. 230–231.

Огромный поток присланных с мест так называемых альбомов для репрессирования по национальным операциям подолгу не рассматривался. Командированные с мест представители управлений НКВД пытались передать свои материалы на Особое совещание, но недели, а то и месяцы ждали решений. При проверке наркомата были выявлены случаи, когда командированные дожидались передачи своих дел около года.

По признанию начальника секретариата НКВД СССР И. И. Шапиро рассмотрение альбомов и утверждение мер наказания вместо Ежова и Вышинского проводили сотрудники наркомата внутренних дел — от начальников оперативных отделов до начальников отделений. Даже заместитель наркома Фриновский, выехавший в июле 1938 года на Дальний Восток, взял с собой в поездку альбомы, поступившие из тех областей, через которые он должен был проезжать его поезд. Об атмосфере, в которой проходило их утверждение, вспоминал один из сотрудников. В комфортабельном вагоне Фриновский и его команда всю дорогу пьянствовали, включали патефон, слушали песни и под музыку принимали решения по альбому, которые затем на вокзалах или при посещении управлений НКВД передавали соответствующим начальникам.

В итоге к лету 1938 года не были рассмотрены дела на более чем 100 тысяч человек. В Центр поступали жалобы на медлительность в вынесении решений, на перегруженность тюрем, дороговизну содержания фактически приговоренных к расстрелу заключенных¹.

15 сентября 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, которое свидетельствовало о завершении операций по «инонациональностям». Представление в Центр новых альбомных дел отменялось. Все дела на арестованных после 1 августа 1938 года должны были передаваться в судебные органы, а также на Особое совещание. Специальные Особые тройки должны были в течение двух месяцев завершить рассмотрение альбомных дел, скопившихся в Центре и отправленных затем в местные органы НКВД. По областям Особые тройки создавались на Украине, в Казахстане и Дальневосточном крае. То есть просматривалась идея ликвидации потенциальной «пятой колонны» в приграничных областях СССР. В сентябре завершился и массовый характер представления Ежовым в Политбюро ЦК ВКП(б) списков арестованных для рассмотрения дел на заседаниях Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В отличие от предшествующих решений, ровно через два месяца, как и предусматривалось постановлением Политбюро, деятельность Особых троек была завершена. 15 ноября 1938 года Сталин и Молотов

---

¹ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. В кн. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 30.

подписали директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б), на основании которой с 16 ноября приостанавливалось рассмотрение дел, направленных на тройки и в судебные органы в порядке особых приказов или в ином упрощенном порядке. На следующий день, 17 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором органам НКВД запрещалось проведение массовых арестов и ликвидировались внесудебные тройки.

Партийное руководство полагало, что достигло своих целей по ликвидации оппозиционно настроенных лиц в различных слоях советского общества, варварскими методами осуществляя репрессивную политику в отношении потенциальных, на их взгляд, врагов народа, возможных предателей и изменников в будущей войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резкий поворот в карательной политике советского государства, переход к массовым репрессиям явился определенным этапом развития для страны, оказавшейся в неблагоприятной внешнеполитической обстановке и испытывавшей колоссальные трудности в экономике. Задача построения в кратчайшие сроки социалистического общества в стране, которая в цепи европейских государств была слабым звеном по уровню социально-экономического развития, реализовывалась с огромными трудностями. На протяжении двадцати послереволюционных лет советское руководство предпринимало огромные усилия, чтобы создать мощное индустриальное государство в стране с преобладающим крестьянским населением. В стране, не имевшей опыта демократического развития, сложился авторитарно-бюрократический режим, при котором основные преобразования осуществлялись не на основе учета интересов основных масс населения, а исходя из установок небольшой группы руководителей правящей коммунистической партии во главе со Сталиным.

Период массовых репрессий не являлся чем-то необычным на фоне предшествующего развития советского государства. После окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству в стране не установились отношения сотрудничества между всеми слоями населения. Определенная часть общества рассматривалась советским руководством в качестве силы, враждебной новому государству, советская пропаганда навязывала обществу представление о существовании в стране целой армии «врагов», мешающих созидательному строительству. Наряду с перманентным использованием принудительных мер в отношении основной массы населения проводилась явно и тайно политика преследований и изоляции в отношении слоев, которые занимали определенное социальное и экономическое положение при старом царском режиме, представителей оппозиционных партий и групп, подавления инакомыслия. Идея гражданского мира не стала определяющей в мировоззрении Сталина и его ближайшего окружения.

После окончания гражданской войны Сталин продолжил преследование всех представителей оппозиционных партий и групп внутри РКП(б)-ВКП(б). В процессе форсированной индустриализации Сталин в борьбе с оппонентами внутри правящей партии выбрал курс на использование репрессивных методов. Можно полностью согласиться с точкой зрения Троцкого, который писал, что «каждое сближение недовольных, критика и рассуждения о том, что сделать, как приостановить пагубную

политику правительства, есть с точки зрения Сталина заговор <...> и при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является элементом заговора»¹.

Отсутствие публичной политики приводило к тому, что способы решения внешнеполитических вопросов и внутренних проблем определялись узкой группой членов Политбюро правящей коммунистической партии. Все это усиливало роль личного фактора, повышало уровень субъективности при принятии решений в условиях идеологического противостояния СССР и развитых стран Европы.

Накануне «большого террора» не существовало угрозы непосредственного военного нападения на СССР. В исследуемые годы спецслужбы иностранных государств не проводили акций по непосредственному подрыву экономического и оборонного потенциала СССР, а их разведывательная деятельность носила ограниченный характер. Не существовало в этот период и реальной угрозы государственной безопасности страны, связанной с попытками иностранных государств дестабилизировать положение советского государства, спровоцировать внутренние конфликты, вмешаться во внутренние дела СССР.

Была создана достаточно надежная система мер по пресечению попыток сбора информации со стороны разведывательных органов стран потенциальных противников СССР. Жесткий контроль над въездом и выездом из СССР, над действиями внутри страны дипломатических и иных представителей иностранных государств, режимные мероприятия органов государственной безопасности, направленные на защиту сведений, составлявших государственную, военную и ведомственную тайны, создавали огромные трудности для спецслужб стран, имевших представительства в Советском Союзе. Развитая система пограничной охраны, отсутствие до второй половины 1939 года общей границы с Германией ограничивали возможности потенциальных агрессоров активизировать разведывательную деятельность с нелегальных позиций. Не имела никаких объективных оснований политика превентивного удара по «потенциальной базе» иноразведок, начатая советским руководством в годы «большого террора».

В стране отсутствовали и предпосылки к формированию организованной оппозиции, которую Сталин рассматривал в качестве угрозы своей единоличной власти. Стихийные и немногочисленные проявления протеста и инакомыслия подавлялись.

Тем не менее, со второй половины 1936 года Сталин инициировал массовые репрессии, достигшие своего апогея во второй половине 1937 года и продолжавшиеся до ноября 1938 года. Сталин являлся вершиной в пирамиде органов государственной власти, проводивших карательные операции. В большинстве исторических исследований утверди-

---

¹ Троцкий Л. Сталин. М. 1991. Т. 2. С. 277.

лась точка зрения об управляемом характере репрессий. Действительно, важнейшим доказательством целенаправленного воздействия со стороны высшего руководства страны на ход массовых операций являлся тот факт, что их начало и завершение предопределялось соответствующими постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства.

В условиях очередного обострения международного положения СССР, связанного с образованием германо-японского антикоминтерновского блока, агрессии Японии в Китае, почти одновременно с этими событиями на мировой арене Сталин инициировал «чистку» страны, как характерное проявление своих методов управления государством.

Кампания по искоренению «вредительства» преследовала цель найти конкретных виновных за провалы и срывы в выполнении планов.

Для решения этих задач ужесточалось законодательство. Первоначальная реформа органов государственной безопасности, в процессе которой с образованием НКВД СССР предусматривалась полная ликвидация внесудебных полномочий, не была проведена в жизнь и обернулась реанимацией чрезвычайных мер времен гражданской войны.

Сталин внимательно изучал материалы, связанные с деятельностью высших слоев партийно-советской номенклатуры, наркомов, руководителей управлений и главков различных наркоматов, директоров заводов и промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, прежде всего оборонного комплекса, высшего командного состава Красной Армии, НКВД, РУ РККА. Эти люди могли быть арестованы только с санкции Сталина. Именно на нем лежит в определяющей степени персональная ответственность за уничтожение этих слоев советского общества.

В меньшей степени Сталина интересовали репрессии в отношении среднего звена руководителей. Созданная им система круговой поруки основывалась на том, что члены правительства — наркомы СССР, союзных республик, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий являлись также в полной мере ответственными за аресты и последующее уничтожение десятков тысяч партийных, советских, хозяйственных руководителей, инженерно-технических работников, представителей различных слоев интеллигенции. В период массовых репрессий продолжало действовать положение о порядке согласования арестов от июня 1935 года.

После санкционированных Сталиным арестов первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, руководителей советских органов инициатива массовых арестов перешла к секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, А. А. Жданову и другим членам Политбюро и наркомам, выезжавшим на места как для проведения внеочередных пленумов, так и инспектирования положения дел. Подавляющая часть вновь назначенных партийных секретарей активно включалась в репрессивную деятельность.

В отличие от дел по высшим номенклатурным работникам, материалы которых Сталин детально изучал, массовые операции, такие как «кулацкая» и по «инонациональностям», были доверены партийным руководителям, органам НКВД на местах. Сталин не вникал в их ход, ограничиваясь общими указаниями об увеличении лимитов, поощряя усердие НКВД.

Глубоко ошибочным является утверждение, что инициаторами террора в стране являлись органы государственной безопасности. Сложилось тесное единство в действиях партийных и карательных органов. В механизме репрессий партийные органы являлись организаторами массовых арестов. Центральным штабом являлось Политбюро ЦК ВКП(б), на заседаниях которого принимались решения о направлениях и масштабах действий органов государственной безопасности, осуществлялись все кадровые перестановки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОК. № 1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ О ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ТРОЦКИСТСКИХ ГРУПП

4 февраля 1937 г.
№ 55610

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ

Направляю, согласованный с т.т. ВЫШИНСКИМ и УЛЬРИХОМ, проект постановления ЦК ВКП(б) о порядке судебного рассмотрения дел троцкистских антисоветских групп.

Выездные сессии мы наметили только в те края и области, где имеется значительное количество арестованных. По остальным краям, где количество арестованных не превышает 10-15 человек (в отношении которых будет применяться высшая мера наказания), мы предполагаем судить в Москве.

Маршрут поездки в Азово-Черноморский край и Закавказье тов. ВЫШИНСКИЙ выдвинул сам лично, так, как ему надо быть в этих краях и по делам прокуратуры.

Списки о мерах наказания для троцкистов сейчас рассматриваем. По Украине и Свердловской области рассмотрение закончено, так, что сессии могут выезжать хоть завтра.

Списки представляем в ЦК.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

(ЕЖОВ)

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

О ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ НА ЧЛЕНОВ
ИЗМЕННИЧЕСКИХ, ДИВЕРСИОННО-ВРЕДИТЕЛЬСКИХ, ШПИ-
ОНСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ТРОЦКИСТСКИХ ГРУПП.

1. Всех участников изменнических, диверсионно-вредительских, шпионских и террористических групп в центре и на местах судить по закону от 1-го декабря 1934 г.

2. Для рассмотрения дел троцкистских групп организовать Выездные сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Организовать выездные сессии Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР:

а) для рассмотрения дел по Украине под председательством тов. УЛЬРИХА;

б) для рассмотрения дел по Азово-Черноморскому краю, Азербайджану, Армении и Грузии под председательством тов. МАТУЛЕВИЧА И. О.;

в) для рассмотрения дел по Свердловской области, Западно-Сибирскому и Красноярскому краям под председательством тов. РАЧКОВА Н. М.;

г) для рассмотрения дел по Саратовской, Сталинградской и Горьковской областям под председательством тов. ДМИТРИЕВА.

Остальные 2 члена организованных выездных сессий Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР подбираются на местах из числа членов Военного Трибунала соответствующего округа.

Обязать председателей выездных сессий тов. УЛЬРИХА, МАТУЛЕВИЧА, РАЧКОВА и ДМИТРИЕВА согласовывать кандидатуры членов выездных сессий, участвующих в рассмотрении троцкистских дел, с соответствующими секретарями Крайкомов, Обкомов и ЦК нацкомпартий, Нарком-внуделом СССР и Прокуратурой СССР.

3. Дела участников троцкистских групп в Москве и Ленинграде рассмотреть по возвращении тов. УЛЬРИХА и ВЫШИНСКОГО.

Ввиду незначительного количества выявленных участников троцкистских групп в Ивановской, Курской, Воронежской, Калининской и Ярославской областях, обязать Наркомвнудел собрать их для суда в Москве к этому же сроку.

4. Для осуществления судебного надзора и участия в распорядительных заседаниях выездных сессий военной коллегии Верховного суда Союза ССР командировать от Прокуратуры Союза:

а) в УССР – Пом. Прокурора Союза ССР т. ОСТРОГОРСКОГО;

б) в Азово-Черноморский край, Азербайджан, Армению и Грузию – Прокурора Союза ССР – тов. ВЫШИНСКОГО А. Я.;

в) в Свердловскую область, Западно-Сибирский край и Красноярский край – Пом. Прокурора Союза ССР – тов. РОГИНСКОГО;

г) в Саратовскую, Сталинградскую и Горьковскую области – Пом. Прокурора Союза ССР – тов. РОЗОВСКОГО Н. С.

5. Обязать НКВД СССР тов. ЕЖОВА, Прокурора СССР тов. ВЫШИНСКОГО и выездные Сессии Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР всю работу по рассмотрению троцкистских дел закончить в полуторамесячный срок.

Все оставшиеся, не оконченные следствием дела на троцкистов, после этого срока должны рассматриваться в обычном порядке, путем передачи соответствующим военным трибуналам или Особому Совещанию НКВД СССР.

6. Установить следующие меры наказания участникам троцкистских, диверсионных, вредительских, шпионских и террористических групп, которые будут судиться выездными сессиями Военной Коллегии Верховного суда союза ССР:

а) высшая мера наказания — расстрел.

б) Вторая категория — 10 лет строгой тюремной изоляции и 10 лет последующей ссылки;

в) 3-я категория — 8 лет строгого тюремного заключения и 5 лет последующей ссылки.

Предложить т.т. ЕЖОВУ, ВЫШИНСКОМУ и УЛЬРИХУ рассмотреть списки троцкистов передаваемых суду выездных сессий Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР и наметить предварительные меры наказания.

Свое заключение о мерах наказания представить на утверждение в ЦК ВКП(б).

Срок рассмотрения списков 5 дней.

7. Предоставить выездным сессиям Военной Коллегии Верховного Суда СССР право в соответствии с вновь устанавливаемыми на суде обстоятельствами, вносить в первоначально намеченные меры наказания, изменения.

Все изменения, в мерах наказания согласовываются с первыми секретарями соответствующих Обкомов, Крайкомов и ЦК нацкомпартий, Наркомвнуделом СССР т. ЕЖОВЫМ и Прокурором СССР тов. ВЫШИНСКИМ.

8. Обязать первых секретарей Обкомов, Крайкомов и ЦК нацкомпартий по окончании судебных процессов по троцкистским делам, созвать партийный актив, на котором доложить результаты этих процессов.

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1464. Л. 163–167.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ТРОЙКИ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ

22 июня 1937 г.

№ 58010

Совершенно секретно

Товарищу Сталину

Направляю докладную записку начальника УНКВД Западно-Сибирского края т. Миронова. Считаю необходимым разрешить образование в ЗСК тройки по внесудебному рассмотрению дел по ликвидированным антисоветским повстанческим организациям.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Комиссар государственной безопасности

Ежов

Народному комиссару внутренних дел СССР

Комиссару государственной безопасности т. Ежову

Направляю справку по обобщенным делам 3 и 4 отделов УГБ по эсеровскому и РОВСовскому подполью.

3-й отдел, развертывая следствие, по ликвидированному агентурному делу «Аристократия» от кадетско-монархической организации РОВСа, охватывающей группу ссыльных князей, дворян и б. офицерства, сомкнулся с эсеровскими и повстанческими группами.

В свою очередь 4 отдел, развивая дело Сиббюро эсеров, после вскрытия боевой эсеровской организации во главе с генералом Эскиным, сомкнулся с РОВСовским повстанческим движением.

Оба дела повели на кулацкую ссылку как основную базу, где видимо и РОВС и Сиббюро эсеров под руководством японской агентуры создали большую повстанческую организацию.

По объединенным делам уже арестовано 382 человека и дополнительно выявлено связанных с ними участников повстанческих групп 1317 человек.

Как я уже писал вам ранее, как РОВСовская линия, так и эсеры, сомкнулись со шпионско-диверсионной и повстанческой периферией, правых и троцкистов.

В справке я обобщил только эсеровско-ровсовскую линию, руководимую преимущественно харбинским филиалом РОВСа.

По этому вопросу, учитывая, что развертывание дела будет происходить по Нарымской и Кузбасской кулацкой ссылке, и вероятно значительно превысит уже выявленное нами количество участников, требуется Ваше специальное указание.

Медлить с ликвидацией этого дела нельзя, так как в моем распоряжении имеется всего лишь 3 месяца, когда по Оби возможна связь с Нарымом.

Учитывая, что на данный момент находится под следствием 2200 человек и тюрьмы УГБ переполнены, то всех оперированных по этому делу придется содержать в Нарыме, где нет приспособленных мест заключения и частично в Томске, загрузив переселенческую тюрьму. Переброска их в Томск также представляет трудности, так как придется отправлять специальными пароходами.

Мои предложения сводятся к следующему:

1) Операцию разбить на два этапа. В первую очередь выбрасывать специальные группы в спецпереселенческие комендатуры Кузбасса и затем перебросить дивизион наших войск в Нарым с большой оперативной группой.

2) Желательно чтобы, с одной стороны, ускорить присылку ко мне выездной сессии военного трибунала для рассмотрения дел по японо-немецким, троцкистским, шпионским и другим делам, в предусмотренном ранее порядке. На 500 человек в ближайшие дни дела будут оформлены и, с другой стороны, либо предоставить нам право на месте в упрощенном порядке через спецколлегию краевого суда или спецтройку, вынесение ВМН по эсеровско-ровским делам, где преимущественно проходят кулаки, бывшие люди, или ссыльное бывшее белое офицерство, с выездом этой спецколлегии или тройки на место в Нарым.

Тов. Эйхе, которому я дал один экземпляр этой справки, собирается в директивных инстанциях просить согласия на создание тройки.

Прошу указаний.

Начальник УНКВД по ЗСК – комиссар государственной безопасности
3 ранга

МИРОНОВ

17 июня 1937 г.

№ 22761 г. Новосибирск

СПРАВКА ПО ДЕЛУ ЭСЕРО-МОНАРХИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

УГБ НКВД на территории Западно-Сибирского края вскрыты кадетско-монархическая и эсеровская организации, которые по заданиям японской разведки и «Русского общевоинского союза» готовили вооруженный переворот и захват власти.

Кадетско-монархическая организация, именовавшая себя «Союз спасения России», была создана бывшими князьями – Волконским и Долгоруковым, бывшими белыми генералами Михайловым, Эскиным, Шереметьевым и Ефановым, по заданиям активных деятелей РОВСа за рубежом – Оболенского, Голицына и Авралова.

Контрреволюционная организация создала крупные филиалы в городах: Новосибирске, Томске, Бийске и Нарыме, куда вошли белое офицерство и кадетско-монархические элементы из числа бывших людей и реакционной части профессуры и научных работников.

Контрреволюционная организация руководствовалась указаниями Харбинского и Пражского филиалов РОВСа и официальных японских представителей в СССР.

Связь с зарубежными контрреволюционными организациями осуществлялась путем нелегальных переходов границы.

Эсеровская организация возглавлялась так называемым «Сиббюро ПСР», в составе Петелина, Осипова, Занозина, Евстигнеева и Горох.

По заданиям «Центрального бюро ПСР» и японской разведки, организация широко развернула вербовочную работу и создала целый ряд террористических и шпионско-диверсионных формирований в Новосибирске, Томске, Барнауле, Тогучинском, Ояшимском и других районах.

Эсеровская организация, так же как и организация «Союз спасения России», готовила повстанческие кадры для вооруженной борьбы с Советской властью.

На этой основе в 1935 году между «Сиббюро ПСР» и штабом «Союза спасения России» был заключен договор. Руководство всей бандитской и повстанческой работой эсеров, по договоренности с Петелиным, взял на себя Эскин.

Базой для формирования повстанческих кадров штаба «Союза спасения России» и «Сиббюро ПСР» являлись кулаки-спецпереселенцы, размещенные в Нарышском округе и городах Кузбасса.

Командные кадры для руководства повстанческими формированиями вербовались из числа бывшего офицерства.

Если учесть, что на территории Нарышского округа и Кузбасса расселено 208 400 человек высланного кулачества и находящихся в административной ссылке 5 350 человек бывшего белого офицерства, активных бандитов и карателей, станет ясным, на какой широкой базе была построена повстанческая работа.

Повстанческие формирования создавались по принципу войсковых подразделений (дивизии, полки, батальоны).

Показаниями Эскина, Долгорукого и бывшего штаб-капитана Пирогого уже вскрыто 26 таких войсковых подразделений, сформированных ими в районах Нарышского округа и Кузбассе.

Штабом был разработан план восстания, приуроченного к началу войны, и на все эти повстанческие формирования был назначен командный состав из числа участников организации бывших белых офицеров.

Вооружение повстанческих формирований штаб намечал производить путем захвата артскладов СибВО.

Обвиняемый по настоящему делу бывший начальник отдела военных сообщений штаба СибВО, старый японский агент, участник организации Берзин, показал о принятых им мероприятиях и плане захвата артскладов СибВО.

По делу «Союза спасения России» и «Сиббюро ПСР» арестовано 382 человека. Выявлено агентурно-следственным путем 1 317 человек участников организации.

Начальник УНКВД по ЭСК – комиссар государственной безопасности
3 ранга МИРОНОВ

17 июня 1937 г.

ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 4. Д. 920. Л. 108-114.

ДОК. № 3

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Т. Р. РЫСКУЛОВА

5 июля 1937 г.

№ 58300

Совершенно секретно

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю Вам протокол допроса Рыскулова Т. Р., руководителя пантюркистской контрреволюционной организации от 3 июля 1937 года.*

Народный комиссар внутренних дел СССР

Комиссар государственной безопасности

Ежов

---

* На первом листе имеется резолюция Сталина: « В архив. Важно. Проверить».

В протоколе допроса имеются пометы Сталина: *-* – фамилии обведены в кружок; **-** – абзац подчеркнут.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Р Ы С К У Л О В А Турара Рыскуловича

от 3-го июля 1937 года

Рыскулов Т. Р., 1894 года рождения, казах Алма-Атинской области, Казахской ССР, бывший член ВКП(б) с 1917 года, до ареста – работал заместителем председателя СНК РСФСР.

Вопрос: Вы привлекаетесь к ответственности как один из руководителей пантюркистской контрреволюционной организации, действовавшей в блоке с центром правых против советской власти.

Намерены ли Вы дать откровенные показания обо всей проводившейся вами нелегальной контрреволюционной деятельности?

Ответ: Да, не намереваясь скрывать преступления, совершенные лично мною и другими своими соучастниками по контрреволюционной националистической пантюркистской организации, действовавшей в блоке с центром правых, я хочу дать показания обо всем объеме деятельности нашей организации, составе нашего центра, филиалах организации, созданных в Средне-Азиатских республиках Союза ССР, руководителях местных организаций. Я хочу дать также откровенные показания о блоке, заключенном между центром пантюркистской организации и правыми. Я расскажу также о террористической диверсионно-повстанческой деятельности пантюркистов, которую мы развили по прямым директивам центра правых, персонально РЫКОВА А. И.

Сознавая всю тяжесть совершенного мною преступления, я, тем не менее, должен заявить, что пришел к выводу, что я должен разоружиться до конца и разоружить всю право-пантюркистскую организацию.

Почему я пришел к такому выводу?

Мы, руководители пантюркистской организации, считали, что наша пантюркистская организация явится началом широкой тюркской народной партии. На самом деле, как это для меня сейчас совершенно ясно, она никогда не отражала интересов народа и тюркско-татарские массы своей партии ее не признавали и признавать не будут.

Наша организация, добиваясь капиталистической реставрации, готовила, тюркско-татарским народам, закабаление, нищету и кровавую расправу.

Я должен признать, что советская власть, против которой мы боролись, дала тюркско-татарским народам свободную и счастливую жизнь, на которую мы покушались.

Мы формулировали идеи нашей нелегальной организации, как стремление к созданию независимого тюркско-татарского государства. Фактически дело обстоит иначе, свободно живущие тюркско-татарские народы на территории СССР, мы хотели отдать во власть японо-германского фашизма.

Да, я должен признать себя виновным в том, что, являясь изменником родины, я на протяжении ряда лет вел контрреволюционную работу.

Вопрос: Переходите к существу. Расскажите подробно, когда и при каких обстоятельствах Вы примкнули к пантюркистскому движению?

Ответ: Мое сближение с пантюркистами относится к начальному периоду моего пребывания в центре Средней Азии Ташкенте – к концу 1918 года.

В 1919–20 г.г. у меня сложились близкие отношения с известным *узбекским националистом МУНАВАР Кары*, впоследствии вовлек-

шим меня в созданную им пантюркистскую организацию «Иттихад-Ва-Таракки» и в числе других я введен был в состав ЦК этой организации. В состав ЦК «Иттихад-Ва-Таракки» входил также *Файзулла Ходжаев.*

Еще активнее я был вовлечен в деятельность пантюркистов в конце 1920–21 г.г., т. е. вскоре после моего ухода с поста председателя Туркестанского ЦИКа и перехода на работу в Москву в Народный Комиссариат Национальностей.

Прибыв из Москвы в Ташкент за семьей, я встретился с *МУНАВАР-КАРЫ, НИЗАМЕТДИН ХОДЖАЕВЫМ и ТУРСУН ХОДЖАЕВЫМ Сагдуллаем.* Последние меня пригласили в дом ТУРСУН ХОДЖАЕВА на нелегальное совещание, и там, в процессе обмена мнений, мы выработали форму связи между собой.

Дело в том, что МУНАВАР-КАРЫ, НИЗАМЕТДИН ХОДЖАЕВ и ТУРСУН ХОДЖАЕВ в то время уже состояли членами ВКП(б) и занимали руководящие посты в Туркестанской республике. Одновременно они являлись основателями нелегальной организации «Иттихад-Ва-Таракки». Поэтому нам следовало договориться о новых формах связи и новых формах нашей тактики.

Содержание разговоров всех нас тогда в квартире ТУРСУН ХОДЖАЕВА сводилось к тому, что мы не верили в победу большевизма, что возможную победу большевизма мы рассматривали как наступление колониальной кабалы над тюркско-татарскими народами. Мы считали, что тюркско-татарские народы обретут свободу только в независимой, созданной по буржуазному национальному принципу республике.

Очередные задачи организации «Иттихад-Ва-Таракки» мы вели к необходимости добиться во что бы то ни стало единства действий тюркско-татарских народов, создания мощной вооруженной силы в лице басмаческого движения для организации свержения советской власти и установления буржуазного порядка, во главе с антисоветским правительством.

На этом же совещании я был информирован, что комитеты организации «Иттихад-Ва-Таракки» созданы почти во всех областях туркестанского края, что установлена связь с басмаческим движением.

К тому времени, мои личные настроения стали еще более резко антисоветскими. Тогдашняя политическая ситуация в стране в моем представлении не предвещала успехов для советской власти.

Когда я лично анализировал положение внутри страны, фронттовую обстановку, соотношение сил, с которыми советская власть боролась, то приходил к выводу, что свержение советской власти абсолютно неизбежно. Отсюда, считая положение советской власти прочным и безысходным, я сам начал искать другие силы, которые могли бы заменить советы другой властью.

В данном случае, я считал вполне приемлемым то, что мне было предложено на совещании у ТУРСУН ХОДЖАЕВА. Признавая организацию «Иттихад-Ва-Таракки» вполне жизненной, я изъявил желание участвовать в ее деятельности, направленной на свержение советской власти в Туркестанском крае.

Здесь же на совещании у ТУРСУН ХОДЖАЕВА я был информирован, что членом ЦК «Иттихад-Ва-Таракки» является известный башкирский националист ЗАКИ ВАЛИДОВ. ТУРСУН ХОДЖАЕВ мне сказал, что ВАЛИДОВ придает большое значение моему участию в данной организации и хотел бы лично со мной переговорить и что для этого мне следовало бы поехать к нему в Бухару, где он в то время формировал басмаческие кадры.

Будучи ограничен временем, я не мог поехать в Бухару для встречи с ВАЛИДОВЫМ.

ТУРСУН ХОДЖАЕВУ я велел снести с ВАЛИДОВЫМ и передать о моем согласии активно продолжать участвовать в деятельности «Иттихад-Ва-Таракки».

Вопрос: Расскажите коротко, в чем заключалась контрреволюционная деятельность «Иттихад-Ва-Таракки» на этом этапе?

Ответ: К участию в нелегальной деятельности «Иттихад-Ва-Таракки» привлечена была нами значительная часть национальных работников туркестанской советской республики.

Антисоветская деятельность организации заключалась в следующем:

Во всех областях туркестанской республики, как я уже показывал, созданы были комитеты нелегальной организации. Была установлена связь с главарями басмаческих шаек, укреплялось басмаческое движение за счет специально организованного нами ухода к басмачам ряда видных членов нашей организации. В целях поднятия морального и политического авторитета басмачества усиленно пропагандировались на территории Средней Азии идеи пантуркизма. Мы развернули активную работу по укреплению авторитета и экономических позиций узбекской торговой буржуазии, баев, полуфеодалов и манапов. **Мы командировали людей в южную и западную провинции «Синь-Цзяна» для установления связи с английской миссией и японской агентурой. Мы наладили связи с немецкими офицерами из военнопленных, с турецкими офицерами энверовской ориентации и сторонниками Кемаль-Паши**.

«Иттихад-Ва-Таракки», ставя своей задачей создание единого тюрко-татарского независимого от соввласти государства, связывались с видными националистами Башкирии и Татарии, тюркским населением Кавказа, с представителями Ирана и Афганистана, имея в виду создать единый фронт всех восточных национально-буржуазных сил против Соввласти.

Создавая предпосылки для ликвидации советской власти в Туркестанском крае, «Иттихад-Ва-Таракки» ставил этот вопрос в зависимость от общего поражения советской власти на центральных фронтах.

Уже к этому времени, несмотря на наличие большого английского влияния в Средней Азии, сильно развиты были японофильские настроения среди узбекских националистов.

Среди членов ЦК «Иттихад-Ва-Таракки» были разговоры, что тюркско-татарское государство будет создано под протекторатом Японии. В тот период был также решен и осуществлен нами вопрос об уходе ЭНВЕР-ПАШИ и ЗАКИ ВАЛИДОВА к басмачам. По этому поводу состоялось специальное решение ЦК «Иттихад-Ва-Таракки».

Наряду с этим ЦК «Иттихад-Ва-Таракки» предложил мне выдвинуть в Москве идею создания мусульманской компартии. Я эту установку в Москве горячо отстаивал. Если бы не удалось осуществить немедленное свержение соввласти, то мусульманская «компартия» должна была нам помочь освободиться иными методами от руководства ЦК ВКП(б).

Однако, успех советской власти на центральных фронтах, укрепление туркестанского фронта регулярными частями РККА, присланными из центра, разгром эмирата и басмаческого движения, нанесли тогда удар пантюркистской организации и планы о свержении советской власти рухнули.

Этим в общих чертах исчерпывается деятельность нелегальной организации: «Иттихад-Ва-Таракки» в период 1919–1923 г.г.

Вопрос: Ваши показания о том, что вы якобы отказались от конспиративной встречи с ВАЛИДОВЫМ, являются сомнительными.

Ответ: Подтверждаю, что действительно моя встреча с ЗАКИ ВАЛИДОВЫМ, непосредственным руководителем басмаческого движения против советской власти состоялась в 1922 году в Ташкенте, когда он находился на нелегальном положении. Я в то время вернулся из Москвы на работу в Ташкент, где был избран председателем Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики.

Вопрос: Мы еще вернемся к выяснению вашей антисоветской деятельности в период 1919–1923 г.г., а теперь дайте показания о вашей контрреволюционной подпольной деятельности после разгрома басмаческого движения.

Ответ: Переходя к этим своим показаниям, я должен сказать, что хотя ставка на свержение советской власти в туркестанском крае, на общее поражение советов, как известно, была бита, но состав нашей организации почти полностью был сохранен. Остались нетронутыми все лидеры нашей организации, находившиеся вне рядов ВКП(б).

В равной степени уцелели те из руководителей организации, которые состояли в рядах ВКП(б) и занимали большие руководящие советские

посты. Мы сумели сохранить свой авторитет и доверие у партии, и существование организации вскрыто не было до последнего времени.

Укрепление органов советской власти в Туркестанской республике побуждало нас к тому, чтобы перестроить работу пантюкистской организации применительно к новой обстановке, отказавшись от методов открытой вооруженной борьбы. Наступила необходимость в свертывании басмаческого движения.

Для того чтобы поднять авторитет членов нашей контрреволюционной организации перед компартией и обезопасить себя от возможного разоблачения в участии в басмаческом движении, я, ТУРСУН ХОДЖАЕВ и другие члены пантюкистской организации, как, например, СЕРГАЗИЕВ, ЯРМУХАМЕДОВ, включились в подавление басмаческого движения.

Я должен указать, что если раньше вся работа нашей подпольной организации в основном концентрировалась в Туркестанском крае и здесь был основной плацдарм действий ввиду благоприятствования обстановки для басмаческого движения, то в новой обстановке деятельность нашей подпольной организации широко перенесена была в республики: Башкирию, Татарию, Крым и т. д.

В Ташкенте подпольная организация «Иттихад-Ва-Таракки» была переименована. Ее называли «Милли-Иттихад». В Казахстане под руководством БАЙТУРСУНОВА Ахмета, ДУЛАТОВА Мирякуба и других существовало широко разветвленное алашордынское подполье. В Крыму действовало подполье «Милли-Фирка», аналогичные пантюкистские организации существовали в Татарии и Башкирии.

Перестроившиеся пантюкистские организации в последующий период своей деятельности с 1923 года, ставили перед собой следующие задачи:

- захватить влияние в советском аппарате националистическими байскими элементами;
- способствовать группированию населения по родовому принципу и подчиненности родовым и буржуазным авторитетам;
- укреплять авторитет баев, полуфеодалов, представителей торговой буржуазии, сохранив за ними возможность влиять на ход перевыборных компаний;
- сохранять авторитет мусульманского духовенства и поддерживать религиозный дух в населении;
- захватить культурный фронт членами пантюкистского подполья, воспитывать молодежь в духе вражды и ненависти к советской власти, использовать печать для пропаганды идей буржуазного национализма;

насадить членов организации, главным образом, в наркоматах юстиции, земледелия, народного просвещения, т. е. в тех учреждениях, которые в основном являются проводниками классовой политики ВКП(б) и советской власти;

способствовать проникновению в ВКП(б) и комсомол людей, враждебно настроенных к советской власти;

одновременно нами предприняты были меры к подготовке за границей квалифицированных кадров для борьбы с советской властью, путем командировки членов нашей организации за границу, в частности в Германию.

Поскольку идея посылки молодежи восточных национальностей республик на учебу за границу принадлежала нам, мы специально подбирали членов пантюркистской организации из молодежи и туда их направляли. Они же осуществляли нашу связь с националистической пантюркистской эмиграцией.

Эти «студенты» и служили первоначальным источником связи пантюркистской организации внутри СССР с центром восточной эмиграции, находящимися за границей.

Вопрос: Кто из участников Вашей организации командирован был за границу, в частности, в Германию, для связи с пантюркистской эмиграцией?

Ответ: В числе командированных для связи с закордонными членами восточной эмиграции были узбекские, бухарские и казахские националисты. Среди командированных из Казахстана для так называемой учебы был некто БРИМЖАНОВ Газимбек, выходец из семьи полуфеодала, активный участник алашарды и карательных действий, проведенных Алашардой против большевиков на территории Тургайского уезда.

БРИМЖАНОВ один из убийц бывшего военного комиссара Тургайского уезда коммуниста Аммангельды ИМАНОВА. От Аллаш-Орды БРИМЖАНОВ выезжал в качестве представителя к Колчаку в Омск.

Он являлся также одним из активнейших участников басмаческого движения и сторонников вооруженного переворота в Туркестанском крае. И вот, когда встал вопрос о командировании на учебу в Германию националов, якобы, для выращивания квалифицированных научно-технических национальных кадров, пантюркистская подпольная организация подсунула кандидатуру БРИМЖАНОВА Газимбека.

Националистическое пантюркистское подполье потерпело значительный урон в годы 1928–29 г.г. в связи с усиленным наступлением на капиталистические элементы города и деревни.

В 1930 году снова всплыл перед нами вопрос о перестройке организации и создания уже единого центра.

Мы начинаем собирание остатков разгромленных старых пантюркистских националистических формирований, обновляем и значительно укрепляем их.

Вопрос: За счет кого Вы их обновляли и укрепляли?

Ответ: За счет привлечения в организации более активного антисоветского элемента, главным образом, из состоящих членами коммунистической партии.

Если до 1930 года пантюркистская организация, главным образом, ориентировалась на старые националистические кадры, участников алаш-ордынского и других буржуазных националистических образований, привлекая советскую молодежь с большой осторожностью, то преобразованная с 1930 года пантюркистская организация, главным образом, держала ставку на привлечение в свой состав молодых кадров из двурушников членов ВКП(б).

Подготовкой этих кадров-двурушников-членов ВКП(б) мы занимались на протяжении ряда лет. Руководящие члены нашей организации, занимая одновременно руководящее положение в компартии, всячески засоряли ряды ВКП(б), способствуя проникновению в партию националистам, баям и преступникам. Учитывая это, мы имели достаточно оснований ориентироваться на двурушников.

После частичного разгрома националистического пантюркистского подполья в период с 1929–1930 г.г. («Алаш-Орды» в Казахстане, «Иттихад-Таракки» в Узбекистане, так называемая «Султан-Галиевщина» в Татарии и т.д.), возникла необходимость создания на обновленной основе более новой пантюркистской антисоветской националистической организации.

Начало оформления этой новой пантюркистской организации, как сказано мною, относится к 1930 году.

Вопрос: Кому принадлежит инициатива создания новой пантюркистской организации?

Ответ: Инициатива создания новой пантюркистской организации принадлежит мне – РЫСКУЛОВУ, ФАЙЗУЛЕ ХОДЖАЕВУ, *АТА-БАЕВУ* из Туркмении, ХАДЖИБАЕВУ, ГАБИДУЛЛИНУ из Татарии, *БУЛАШЕВУ* из Башкирии, *АБДРАХМАНОВУ* Юсуфу из Киргизии.

Вопрос: Расскажите каким образом реализована была инициатива создания этой новой пантюркистской организации?

Ответ: В течение 1929 и 1930 г.г. я с указанными лицами неоднократно встречался и разговаривал по вопросам оживления деятельности пантюркистской организации. При этом обнаруживалось очень много трудностей. Многие низовые руководящие члены нашей организации

оказались арестованными и были осуждены. Все мы, оставаясь на точке зрения необходимости продолжения борьбы с советской властью за независимую буржуазную республику, считали, однако, необходимым перестроить организацию, создать объединенный центр пантюркистской националистической организации.

Я должен сказать по вопросу о создании единого объединенного центра пантюркистской организации, что все разделяли ту же точку зрения, что и я. Однако, по конспиративным соображениям мы были против созыва совещания руководителей местных групп. Совпадала единая у всех нас точка зрения, что достаточно будет переговорить с каждым в отдельности для принципиального и практического разрешения этого вопроса.

В 1930 году в один из приездов Файзулы ХОДЖАЕВА на сессию ЦИК СССР я его проинформировал о результатах моих переговоров с членами организации по вопросу о создании единого центра. Так как расхождений между мной, Файзулой и другими никаких не было, решено было считать объединенный центр созданным и поручить каждому из членов центра вести работу в той республике, где он находится.

Вопрос: На какой политической основе произошло это объединение и создание единого пантюркистского контрреволюционного центра в СССР?

Ответ: Основной конечной целью пантюркистского контрреволюционного центра было отторжение от СССР национальных советских республик, свержение в них советской власти и установление власти национальной буржуазии под протекторатом японо-германского фашизма.

Для достижения этой цели пантюркистская организация должна была сперва захватить полностью влияние и руководство советским и партийным аппаратом в этих республиках, захватить влияние и руководство в национальных красноармейских соединениях и в милицейских частях; захватить руководство важнейшими отраслями промышленности и сельского хозяйства, мы ставили своей задачей расширить подготовку национальных кадров, главным образом, по линии военной, а кандидатов на учебу в военные учебные заведения подбирать из членов пантюркистской организации.

Мы ставили перед собой задачу открыто сейчас не высказываться против советской власти, однако, всячески развивать националистический дух среди членов партии, молодежи, вовлеченных в пантюркистскую организацию и среди масс рабочих и крестьян.

Вся наша работа проводилась так, чтобы быть готовыми к моменту приближающейся войны, выступить с первого дня войны открыто уже за отторжение от СССР национальных республик.

В целях свержения советской власти пантюркистская националистическая организация должна была войти в связь с фашистской Германией, империалистической Японией, реакционными кругами Турции и Англии. Мы имели в виду начать переговоры с агентами этих стран и заручиться материальной и вооруженной помощью последних.

Связи с агентами этих иностранных держав должны были устанавливаться, как внутри Советского Союза, так и посредством посылки людей в Западный Китай, Афганистан, Иран, Турцию для переговоров с интересовавшими нас кругами этих государств.

Вопрос: Кто вошел в состав объединенного пантюркистского антисоветского центра?

Ответ: В состав объединенного центра вошли: я – РЫСКУЛОВ, *НУРМАКОВ, ХОДЖАНОВ*, Файзула ХОДЖАЕВ, *АБДРАХМАНОВ, ХАЛИКОВ*.

Роли между членами объединенного пантюркистского центра распределены были следующим образом:

Во-первых, члены объединенного центра в своих республиках являлись руководителями пантюркистских групп в каждой из своих республик. Они должны были на месте строить практическую контрреволюционную работу сообразно с условиями каждой из этих республик.

Во-вторых, решено было установить связь с рыковско-бухаринским и троцкистскими антисоветскими центрами.

Вопрос: На кого была возложена задача по установлению связи с центром правых и троцкистов в Москве?

Ответ: На меня – РЫСКУЛОВА.

Вопрос: Почему именно Вы взяли на себя задачу установления связи пантюркистского антисоветского центра с правотроцкистскими руководителями в Москве?

Ответ: У меня были старые связи среди правых с ТОМСКИМ, РУДЗУТАКОМ. Я также хорошо знал троцкистов СОКОЛЬНИКОВА и САФАРОВА по совместной работе в Средней Азии. Все это должно было облегчить установление мне идейной и организационной связи с ними.

Кроме того, я близко был связан с РЫКОВЫМ по совместной прошлой работе в аппарате СНК. Поэтому я считал для себя вполне возможным вступить в переговоры с центрами правых и троцкистов. Кроме того, мое положение заместителя председателя Совнаркома РСФСР этому способствовало.

Не исключались также переговоры с лидерами правых и троцкистов других еще членов нашего объединенного центра. Так, например, Файзула ХОДЖАЕВ, РАХИМБАЕВ, *ШАТИМОР*, КАБУЛОВ и другие имели широкое знакомство в кругах правых и троцкистов. Они были так-

же ориентированы на то, чтобы искать спонсоров правыми и троцкистскими элементами.

Вопрос: Скажите, кто кроме названных вами членов пантюркистского центра входил в состав пантюркистской организации ~~и в местах?~~

Ответ: Из активных участников пантюркистской организации на местах, я должен указать на следующих лиц:

КУЛУМБЕТОВ, ныне председатель ЦИК ~~Казахстана~~ Казахстана, АСФЕНДИАРОВ Санджар, работает в Казахском филиале Академии Наук, ДЖАНДОСОВ Урас – председатель Алма-Атинского областногокома, ЕСКАРАЕВ Сулейман – заместитель председателя СНК Казахстана, ДИВЕЕВ ШАКИР, бывший Наркомвнуторг Казахстана, САРЫМУЛДАЕВ Кабулбек, заместитель Наркомпищепрома, ЖУРГЕНЕВ Темирбек – наркомпрос, ЖАНСУГУРОВ – казахский писатель, ТОЛЖАНОВ Габас – председатель комитета искусств Казахстана, КАБУЛОВ Ильяс, заведует отделом в ЦК КП(б) Казахстана, РУСТЕМОВ Нарзулла, МОЛДАЖАНОВ – Наркомфин Казахстана, ОРУМБАЕВ – руководящий работник в Западном Казахстане, КУЛСАРТОВ – бывший Наркомздрав Казахстана, ЮСУПОВ – председатель Восточно-Казахстанского Облисполкома, ЛИКЕРОВ – работает по линии Истпарта.

По Киргизии привлечены были к деятельности организации, завербованные АБДРАХМАНОВЫМ – бывшим председателем СНК Киргизии, председатель ЦИК УРАЗБЕКОВ, ИСАКЕЕВ, САДЫКОВ Абдул-Кирим, ХУДЛИКУЛОВ, ТОКПАЕВ, АЙДАЙБЕКОВ и другие, фамилии которых сейчас не помню.

Через Файзулу ХОДЖАЕВА завербованы были КАРИМОВ, ГАДЖИЕВ и ХАМУТХАНОВ.

По Таджикистану через ХАДЖИБАЕВА завербованы председатель ЦИКа Таджикистана ШАТИМОР.

По Туркмении АТАБАЕВ – председатель Совнаркома Туркмении и председатель ЦИК Туркмении АЙТАКОВ. Ими завербованы также в организацию АВОЗОВ, бывший председатель ЦИКа Кара-Калпакии, ИТАМБЕРДИЕВ, Наркомсобес Кара-Калпакии и ДОСНАЗАРОВ, впоследствии разоблаченный и осуждений.

По Татарии завербован в организацию через ГАБИДУЛЛИНА АБРАМОВ, председатель Совнаркома ТАССР, БАЙЧУРИН – председатель ЦИКа Татарии, ХАКИМОВ, бывший полпред в Геджасе, Аравия, ГУБАЙДУЛЛИН Газиз, АБДУЖЛИН Бари и крымский националист ЧОБАН-ЗАДЕ.

Через ХАЛИКОВА в организацию были завербованы башкиры ДАУТОВ, БУЛАШЕВ и военный работник МУРТАЗИН.

Вопрос: Откуда Вам стало известно, что вышеуказанные лица входят в состав пантюркистской организации?

Ответ: О вовлечении вышеперечисленных лиц в пантюркистскую организацию мне стало известно, как одному из руководителей этой организации от членов объединенного пантюркистского центра, через которых вовлекались эти лица в организацию. В дальнейшем на следствии я подробно укажу с кем из этих лиц как с участниками организации, когда и где я лично связывался.

Вопрос: Вернемся к вопросу о вашей связи с центром правых, к какому времени относится установление связи Вами с центром правых?

Ответ: Начиная с 1930 года мы начали искать организационную связь с известными нам правыми. Тогда мы о них знали как о контрреволюционном течении в стране. Однако, из ряда бесед с РЫКОВЫМ мне стало совершенно ясно, что правые стоят на необходимости свержения существующего строя.

Аналогичную информацию я получил от Файзулы ХОДЖАЕВА, также вступившего в переговоры с РЫКОВЫМ.

В течение 1929–1930 г.г. мои встречи с РЫКОВЫМ происходили в Кремле, позже в 1931–1932 г.г. мы встречались в Наркомате Связи.

В 1932 году, при одном из моих посещений РЫКОВА, я достаточно убедившись в том, что правые составили антисоветскую организацию, добивающуюся свержения советской власти и реставрации капитализма в СССР, и что РЫКОВ является одним из лидеров этой организации, я прямо вступил с ним в переговоры о заключении блока между нашим пантюркистским центром и центром правых.

По-существу, этот блок, конечно, ничего общего не имел с каким-то равным паритетом. Произошло просто полное поглощение нас правыми.

РЫКОВА я информировал о том, что в восточных республиках СССР существует пантюркистская националистическая организация, борющаяся с советской властью, ставящая своей задачей свержение советской власти в республиках, населенных восточными народностями и установление буржуазного строя.

Я информировал РЫКОВА, что объединенный центр националистической организации считает возможным и необходимым установление связи с правыми и троцкистами в интересах достижения намеченной цели, что без консолидации всех антисоветских сил с нашей точки зрения, да и с точки зрения правых, свержение советской власти представляется совершенно невозможным.

Помню РЫКОВ мне ответил, что о существовании организации пантюркистов ему в общих чертах известно, что создание пантюркистского центра он одобряет и считает вполне своевременным установление с ним связи в интересах совместной борьбы против партии.

Вопрос: Излагал ли РЫКОВ вам при этом какую-либо программу действий, или он только принял к сведению создание пантюркистского центра?

Ответ: Нет, РЫКОВ не только принял к сведению, но и дал мне ряд указаний.

После обмена мнений РЫКОВ мне изложил устные принципы правых, которые в общем свелись к тому, что существующий строй в стране он считает нежизненным и не отражающим интересы народа СССР, что политика, проводимая партией и государством, не верна и направлена против роста страны и благосостояния населения.

РЫКОВ, развивая программу правых, сказал, что они ставят своей задачей всячески препятствовать индустриализации страны и проведению коллективизации крестьянских хозяйств.

При этом РЫКОВ призывал меня к конспирации. Он говорил, что основным методом в работе нашей нелегальной организации, должно быть двурушничество. Надо, — говорил он, — притупить бдительность советских и партийных органов.

Вопрос: Как Вы объясняли себе такие прямые и откровенные разговоры РЫКОВА с Вами о контрреволюционной деятельности?

Почему РЫКОВ считал возможным вам довериться и вести с вами переговоры от имени антисоветского центра правых?

Ответ: Потому, что как я уже указал, БУХАРИН и РЫКОВ были до этого осведомлены о деятельности пантюркистской организации в Средней Азии и Казахстане.

Как мне стало известно, в одной из бесед с РЫКОВЫМ, его и БУХАРИНА о деятельности пантюркистской организации в Средней Азии и Казахстане подробно информировал ТОМСКИЙ, СОКОЛЬНИКОВ и РУДЗУТАК, работавшие в свое время в Средней Азии.

Кроме того, РЫКОВ и БУХАРИН, как бывшие члены Политбюро могли знать о пантюркистских организациях и моем прошлом участии в них по материалам ОГПУ.

Вопрос: Директивы, которые Вы получили от РЫКОВА, Вы начали осуществлять?

Ответ: Да, во-первых, в целях срыва коллективизации крестьянских хозяйств и сеяния недовольства среди масс населения против советской власти, я, от имени РЫКОВА, предлагал организовать через кулацко-байские элементы ряд перегибов, особенно в отношении бедняцких и середняцких хозяйств. Я так же предлагал организовать массовый убой скота, порчу семян, сельскохозяйственного инвентаря. Я должен признать, что эти предложенные РЫКОВЫМ мероприятия в этой части проводились нами уже с конца 1929 года.

Наша подрывная работа в сельском хозяйстве продолжала развиваться по тем линиям, которые указаны были РЫКОВЫМ.

Очень большие перегибы организованы были нами в Казахстане и Киргизии. В Киргизии перегибы продолжались до 1934 года и проводились непосредственно через членов нашей пантюркистской организации при содействии кулацко-байских элементов.

**Проводником перегибов в Киргизии, так же как и всей вредительско-подрывной деятельности являлся член организации, бывший председатель Совнаркома Киргизской АССР – АБДРАХМАНОВ.

В результате этой нашей вредительской работы, имели место массовые убои скота в Казахстане и Киргизии и значительная откочевка населения из пределов Казахстана и Киргизии в соседние края и республики и в Западный Китай, Афганистан и Иран.

Затем РЫКОВ предложил мне от имени центра правых принять все меры к тому, чтобы завладеть партийным и советским аппаратом, продвинуть в этот аппарат своих людей и, наоборот, дискредитировать и убирать из аппарата людей, враждебных пантюркистской организации.

По линии взаимоотношений с русской частью населения в Казахстане и Киргизии, РЫКОВ предлагал всячески обеспечить тесную смычку между байским и русско-кулацким элементом, связавшись с местными правотроцкистскими группами из националистов.

В интересах конспирации в наши отношения с центром правых внесена была определенная система.

Вопрос: Какая именно?

Ответ: У меня сложился определенный порядок связи с РЫКОВЫМ. Периодически, аккуратно, я давал ему информацию о ходе работы на местах.

По Казахско-Киргизской части нашей организации эта связь была главным образом через меня, а по узбекско-таджикской части через Файзулу ХОДЖАЕВА и ХАДЖИБАЕВА до снятия последнего с работы, по Туркмении – через АТАБАЕВА. Помню, в конце 1932 года состоялась одна из моих встреч с РЫКОВЫМ в его кабинете в Наркомате Связи, когда я информировал его о ходе дел в Киргизии и Казахстане.

Осенью того же года приезжали для проведения контрольных цифр в Москву члены объединенного пантюркистского центра. От Киргизии – АБДРАХМАНОВ, от Узбекистана – Файзула ХОДЖАЕВ.

Беседуя с РЫКОВЫМ о контрольных цифрах по линии связи, они информировали его о ходе пантюркистской организации и получали непосредственно директивы от РЫКОВА.

Точно такие же встречи у меня с РЫКОВЫМ во время съездов советов и сессии ЦИК происходили в 1928 г., 1934–35 г.г.

Более серьезные, по своему значению, встречи с РЫКОВЫМ у меня начались с 1933 года. Встречался я с ним и его служебном кабинете в Наркомате Связи и в гостинице (27-й Дом советов).

В 1934 году, осенью к моменту рассмотрения контрольных цифр на 1935г. в правительстве, примерно, в ноябре месяце, я имел, помню, встречу с РЫКОВЫМ, в процессе которой он дал ряд очень важных установок.

Мой разговор с РЫКОВЫМ был подробным и весьма серьезным. РЫКОВ на этот раз выступал уже передо мной с совершенно ясно очерченной программой действий. Он уже со мной был более откровенен, так как прошел достаточный срок для испытания твердости нашей пантюристской организации. Цели и задачи правого центра совершенно ясно были обрисованы передо мной.

Вопрос: Что именно Вам РЫКОВ говорил?

Ответ: РЫКОВ прямо заявил, что обстановка внутри страны сильно изменилась, людская база правых и троцкистов вследствие ряда репрессий расшатывается, что нам всем придется искать опору из-за границы, из лагеря капиталистического мира, в частности, из лагеря фашистских стран, наиболее заинтересованных в свержении советской власти.

РЫКОВ сказал мне, что фашистские страны в свою очередь ищут поддержку сейчас внутри страны, внутри СССР, среди нас, правых и троцкистов, что линии действия троцкистов и правых сейчас совпали и что деятельность правых, совместно с троцкистами надо сейчас особенно активно контактировать.

Не раскрывая всех подробностей деятельности правого центра, РЫКОВ, однако, довольно подробно обрисовал передо мной принципиальную программу и методов действий правых, остановившись, главным образом, на задачах правых и пантюристской организации в национальных республиках.

РЫКОВ решительно и категорически заявил, что конечной целью правых и троцкистов является насильственное устранение нынешнего руководства партии и советской власти и восстановление капитализма в СССР. РЫКОВ заявил, что одним из решающих способов ослабления соввласти является отторжение Средней Азии и Казахстана с передачей их под протекторат Японии, что отторжение Средней Азии и Казахстана от Советского Союза ускорит падение советской власти на всей территории СССР.

Для достижения этой цели РЫКОВ считал необходимым установить тесную связь с Германией и Японией.

РЫКОВ говорил, что Япония и Германия окажут пантюристской организации и правым реальное содействие в деле отторжения этих национальных республик от советской власти.

РЫКОВ подчеркнул, что Япония давно уже систематически и упорно работает в сопредельных со Средней Азией и Казахстаном странах, в частности, в Афганистане, Иране, в Западном Китае, внедряя свое влияние и пуская свои разветвленные щупальца в Среднюю Азию и Казахстан. РЫКОВ намекнул мне также, что следует связаться с Англией, которая заинтересована в создании в лице республик Средней Азии задела от проникновения большевизма в соседние восточные страны, особенно в Индию.

РЫКОВ одобрял также нашу ориентацию на кемалистскую Турцию, говоря, что Турция особенно заинтересована в распространении идей пантюркизма, считая себя родоначальником тюркских народов.

При этом я ему, РЫКОВУ, изложил свои также соображения относительно того, что англичане и турки давно стремятся сюда к нам.

Я ему, РЫКОВУ, напомнил, что во время гражданской войны в 1918–1921 г.г. Англия имела довольно разветвленную шпионскую сеть в Средней Азии и резиденты ее находились в Ташкенте, Бухаре, Кашгаре (южная провинция Синь-Цзянь) и других пунктах. В 1919 году приехала в Ташкент специальная английская миссия из агентов контрразведки во главе с капитаном БЕЙЛИ и английским консулом в Кашгаре Джоржом МАКАРИЕЙ. Эта миссия организовала осиповское белогвардейское восстание в 1919 году при прямом участии левых эсеров.

Германия организовала сеть шпионажа тогда через офицеров немцев и австрийцев, находившихся в Средней Азии, как военнопленные. Особенно активно и в контакте с немцами работали тогда турки. В 1918–19 гг. турецкие военнопленные офицеры РАСУЛ-ЗАДЕ, ГАЙДАРХАН, МУХАМЕД-АМИН, ЭФЕНДИ-ЗАДЕ, прибывшие в Ташкент установили тесную связь с нашей пантюркистской организацией «Иттихад-Ва-Таракки» и совместно с ней проводили антисоветскую работу.

Между прочим, я напомнил РЫКОВУ, что один из известных мне шпионов, завербованный в то время турецкими офицерами, дашнак СААКОВ, где-то до последнего времени работал по линии Наркомата обороны. Я просил у РЫКОВА содействия в отыскании его в целях установления с ним связи.

Анализируя со мной все эти моменты и стремясь облегчить наши связи с разведывательными органами фашистских государств, РЫКОВ велел мне также иметь в виду старые линии связей наших националистов с Японией.

Вопрос: Из Ваших показаний, таким образом, выходит, что Вы получили от РЫКОВА прямые директивы на установление связи с разведывательными органами фашистских государств? Так?

Ответ: Да, я должен это подтвердить. Больше того, я должен сказать, что РЫКОВ, кроме того, мне сообщил, что правый центр в Москве имеет прямые связи через московские посольства с германо-японской агентурой. Мне он предложил в свою очередь организовать непосредственную связь с иностранными посольствами в Москве, в Средней Азии и Казахстане.

В результате этих заданий РЫКОВА я имел беседы с ТЮРЯКУЛОВЫМ Назыром и ХАКИМОВЫМ, длительное время посменно работавшим полпредом СССР в Геджасе-Аравии.

ТЮРЯКУЛОВ и ХАКИМОВ, являясь членами пантюркистской организации, мне открылись, что они уже давно связаны с разведывательными органами Германии, Японии и Турции.

Кроме того, я лично давал задания членам нашей организации КАБУЛОВУ, ТОГЖАНОВУ, КУЛУМБЕТОВУ и МОЛДАЖАНОВУ, связаться с немецким посольством в западной Сибири.

ХОДЖАНОВ по договоренности со мной должен был наладить связи с японскими резидентами в Западном Китае и для этой цели использовать ***МАСАНЧИНА и РУЗА-БАКИЕВА***.

В отношении МАСАНЧИНА и РУЗА-БАКИЕВА мне давно было известно, что у них имеются большие родственные связи в Западном Китае, которые можно использовать. Мне также известно, что они старые националисты и боролись в свое время за Дунганскую и Уйгурскую автономию с тем, чтобы облегчить соединение этих автономных областей с Западным Китаем.

В свое время это проводилось ими по заданию японской разведки. Эти обстоятельства дали мне основание ориентироваться на МАСАНЧИНА и РУЗА-БАКИЕВА, как на людей, через которых можно установить связь с японцами в Западном Китае.

Я лично искал возможностей для установления связи с англичанами в Москве. Для этого я рассчитывал использовать САРЫМУЛДАЕВА, ДИВЕЕВА.

С турецкими агентами по моему заданию должен был связаться ЖУРГЕНОВ.

Вопрос: Вы информировали РЫКОВА о всех лицах, которых вы выделили для связи с иноразведками?

Ответ: Я его подробно об этом информировал в 1935 году. Помню при одной из встреч с РЫКОВЫМ в 1935 г. он меня заверил твердо, что у центра правых имеются уже определенные договорные отношения с фашистскими державами, обязывающиеся оказать вооруженную помощь также и нашей пантюркистской организации для поднятия нами восстания в тылу в момент начала войны.

При этом РЫКОВ дал мне директиву принять решительные меры к подготовке повстанческих кадров внутри национальных республик.

РЫКОВ мне сказал, что японцы и немцы, обуславливают свою помощь в деле отделения тюркских и др. окраин восточных республик тем, что мы уже сейчас должны иметь наготове организованные повстанческие кадры, готовые выступить в любую минуту внутри этих республик.

В последней встрече со мной РЫКОВ также указал на то, что необходимо нам создать диверсионные группы на промышленных предприятиях в Средней Азии и Казахстане для подрывной деятельности.

Мы поставили себе задачей всячески тормозить индустриализацию республик Средней Азии и Казахстана, срывая намеченные планы строительства, особенно по линии транспорта цветной металлургии (РИДДЕР, КАРСАКПАЙ, ЗЫРЯНОВСК) и топлива (Карагандинский угольный бассейн и нефтяная промышленность ГУРЬЕВА). Для этого члены нашей организации срывали производство местных строительных материалов и не давали на стройку рабочую силу.

Мы приступили к широкой организации аварий на предприятиях цветной металлургии, углю, текстильным изделиям и по хлопкоочистительным предприятиям.

Я должен назвать ряд диверсионных групп нашей пантюркистской организации, которые мы насадили на промпредприятиях Казахстана.

На Казжелдорстрое руководил диверсионной группой член пантюркистской организации *ТАВАШЕВ*, проводивший подрывную работу совместно с троцкистом МРАЧКОВСКИМ.

2. В угольной промышленности Казахстана (в Караганде) велась подрывная работа под руководством члена нашей организации *СУЛТАНБЕКОВА*.

3. На Чимкентском свинцово-плавильном заводе и на рудниках Ачисая велась подрывная работа шпионом БЕКАРЫСОВЫМ, деятельностью которого руководил член объединенного пантюркистского центра ХОДЖАНОВ.

В области сельского хозяйства мы всячески тормозили расширение хлопководства, срывали ирригационное строительство, портили ирригационные сооружения, срывали меры, направленные к увеличению урожайности хлебных и технических культур, к механизации обработки и уборки хлеба и технических культур, убирали стимул у хлопкоробов к разведению хлопка, срывали снабжение хлопкоробов промтоварами и продовольственными товарами.

В области животноводства мы срывали работу животноводческих совхозов, срывали снабжение колхозников коровами, особенно племенным скотом и молодняком, агитировали за ограниченное развитие

животноводства, доказывая, что советские органы все равно отберут этот скот.

Вопрос: Я Вас прерву. Надо вернуться и уточнить вопрос с повстанческим движением. Скажите, до установления Вами связи с РЫКОВЫМ, пантюркистская организация имела связи с повстанческо-басмаческим элементом?

Ответ: Да, имела целый ряд связей.

Вопрос: Но активизация этих ваших повстанческих басмаческих элементов началась с момента установления вами связи с РЫКОВЫМ? Так Вас понимать надо?

Ответ: Было бы совершенно неправильно, отправной вехой в активизации наших повстанческо-басмаческих связей считать мою встречу с РЫКОВЫМ.

Мы, до установления связи с центром правых, вели на различных этапах, весьма значительную, активную повстанческую деятельность, направленную против соввласти и политики компартии.

Однако, до установления связи с РЫКОВЫМ-БУХАРИНЫМ наша повстанческо-басмаческая борьба с соввластью носила стихийный неорганизованный характер, но целеустремленный характер и, с этой точки зрения, целеустремленная активизация нашей повстанческой деятельности действительно начинается с момента установления связи между мной и РЫКОВЫМ.

Вопрос: Ввиду того, что более полное освещение Вашей повстанческо-басмаческой деятельности имеет значение для следствия, прошу дать подробные показания о последних этапах вашей повстанческой борьбы против соввласти?

Ответ: После разгрома басмаческого движения в Средней Азии и разгрома бандитских групп в восточных республиках нашей пантюркистской организацией нами взят был курс на создание законспирированных банд-повстанческих кадров.

Я имею в виду период после 1923 года, когда наши активные выступления пресечены были органами власти и мы должны были остатки басмачества свернуть за нецелесообразностью их дальнейшей деятельности на данном этапе.

Правда, и в этот период времени отдельные банды группы мы сохраняли из числа тех повстанцев, которые в силу своей широкой известности не могли быть легализованы и вернуться к себе на родину. К таким банд. группам, действовавшим в период и после 1923 года, относится в Казахстане банда АДИЛЕВА Динь-Мухамеда, находившаяся в степях Казахстана до 1928–29 гг., т.е. до поимки АДИЛЕВА и актива банды.

Снова мы начали активизацию повстанческого движения в период 1929–30г.г.

Члены пантюристской организации, в частности я, считали, что сам факт коллективизации является большим ударом для нашей нелегальной организации, что коллективизация еще больше усилит классовую борьбу в аулах, кишлаках и деревнях, поднимет классовое сознание бедняцких и середняцких масс и подрубит сук, на котором мы держимся, т.е. приведет к выкорчевыванию байских элементов.

Поэтому в связи с коллективизацией мы считали необходимым поднять повсеместные восстания и в соответствии с этим по своим связям передали указания в республики нашим членам организации.

В данном случае мы широко использовали байско-муллские элементы.

Выше я показывал, что наша организация тесным образом была связана с мусульманским духовенством. Мусульманское духовенство нами широко было использовано для восстания, почти в каждом отдельном случае муллы и ишаны играли роль не только поджигателей восстания, но и сами выступали в качестве организаторов и руководителей его.

Уже с середины 1928 года, когда введен был в действие декрет правительства о конфискации имущества баев-полуфеодалов и выселения последних, мы начали давать установку на открытое выступление против соввласти, мы призывали, главным образом, к открытому выступлению с оружием в руках.

В результате, нам удалось поднять ряд восстаний в Татарии, Башкирии, на Кавказе, были открыты выступления в Крыму, широко развернулось басмаческое движение в Средней Азии, в частности, в Ферганской долине. Охвачены были повстанчеством Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Кара-Калпакия и Казахстан.

Я признаю себя виновным в том, что я лично являлся одним из организаторов вот этого широко распространившегося повстанческого движения.

Вопрос: Каким образом практически, тогда, Вы связывались с участниками пантюристской организации на периферии, каким образом у Вас выработывалась общая тактическая линия, если единого центра, как Вы показываете, у Вас еще в период 1928–29г.г. не было.

Ответ: К тому времени, т.е. к 1929 году у нас действительно еще не было строго оформившегося центра нелегальной организации, но друг друга мы хорошо знали. Я, например, знал руководителей националистического движения, руководящих работников на местах, настроенных антисоветски, почти во всех восточных республиках. Среди последних у меня имеются обширные связи. С той же стороны, с какой я знаю этих

людей, они знают меня, как одного из идеологов пантюркизма, враждебно настроенного к советской власти.

С указанными лицами я очень часто встречался в Москве, встречался во время отдыха, во время пребывания в командировке. При встречах мы обменивались мнениями по отдельным вопросам политики ВКП(б) и советской власти. В каждом отдельном случае устанавливалась общность взглядов: не стесняясь мы друг другу высказывали враждебное отношение к советской власти, злобу и ненависть к руководству ВКП(б) и правительству.

В период обострения классовой борьбы, в начале коллективизации, при встречах с националистами, высказывая друг другу обычное недовольство, мы говорили, что необходимо что-то предпринять в виде активного выступления. Для каждого ясно было, что речь идет о восстании. Таким образом, вопрос о восстании разрешен был между руководителями националистического движения в порядке отдельных, но совершенно ясных директивных указаний, которые я давал им.

Повстанческую низовку мы уведомили о необходимости поднять восстание через свои связи. У каждого из нас сохранились сотни связей с аулом, районом, областью, где им мы в свое время работали и откуда мы происходили. В этих районах у нас есть свои люди, преданные нам, которые, если так можно выразиться, никогда нас не предадут. Этих людей обычно знают наши сторонники, через них мы посылаем письма, передаем устные поручения и поддерживаем постоянную живую связь с интересующими нас кругами.

Вот таким путем мы и передавали свои установки низовке, дав ей директивы на необходимость открытого протеста против действий советского правительства с оружием в руках.

Теперь я, гражданин следовательно, постараюсь ответить на вторую часть вашего вопроса.

Встав на путь организации восстаний, мы наверняка почти знали, что все наше выступление будет разгромлено, тем не менее мы все же рассчитывали на возможный, и даже неизбежный в результате наших и других еще выступлений, поворот политики партии в сторону правых.

Уже тогда мы идейно чувствовали себя в блоке с антисоветской организацией правых (РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО, УГЛАНОВА), поскольку знали, что они против коллективизации, против ликвидации кулака, как класса. Мы считали, что повстанческие выступления в республиках, населенных тюрко-татарскими народами, координированные с выступлениями в других республиках СССР, дадут аргументацию РЫКОВУ и БУХАРИНУ для дальнейшего отстаивания правыми своей платформы, уступок капиталистическим элементам города и деревни.

Для нашей пантюркистской организации, с другой стороны, выгодно было поднять восстание с той еще целью, чтобы проверить наши способности на подъем масс. Узнать, удастся ли нам поднять весь народ против советской власти, какие именно слои населения будут подняты и насколько они тверды будут в отстаивании наших целей.

Я должен признать, что рассчитывая на поддержку масс, мы глубоко ошиблись, массы нас не поддерживали. С оружием в руках против советской власти выступали отпетые уголовники, конокрады, байские бандиты-профессионалы, воры и грабители, полуфеодалы, но народ мы не подняли.

Организацией восстаний мы рассчитывали также и на то, чтобы всколыхнуть общественное мнение за границей, активизировать деятельность наших центров восточной эмиграции, усилить деятельность закордонных банд и добиться их совместных действий против соввласти с повстанцами внутри. В данном случае мы имели в виду оживить деятельность банд-групп на границах Ирана, Афганистана, Китая, Турции и на Дальнем Востоке.

Так, к примеру, на территории нынешней Актюбинской области работу по организации восстания вел КУЛУМБЕТОВ Узакпай. Он связался с одним из активных членов организации, лично ему преданным, бывшим уполномоченным Наркомата Внешней торговли по Казахстану НАРЕНОВЫМ и другими и передал им наше мнение о необходимости открытого выступления против коллективизации. КУЛУМБЕТОВ и НАРЕНОВ через свои связи среди байско-мульских элементов, враждебно настроенных к советской власти и спровоцировали восстание в ряде районов Актюбинской области. Это восстание приняло большие размеры, оттуда связывались с повстанцами Туркменистана и добивались установления связей с Ираном.

Аналогичным путем организованы были восстания южных районов Казахстана. В этих восстаниях видную роль должен был играть и играл ЖУРГЕНЕВ Темирбек, работавший тогда в Наркомпросе Узбекистана.

ЖУРГЕНЕВ происходил из очень авторитетного байского рода, из семьи крупных баев, в степях Каракума и Кызыл-Кума. Все это было использовано для поднятия восстания. Отец и братья ЖУРГЕНЕВА сами возглавили восстание.

Почти таким же способом поднято было восстание в Ферганской долине через бывшего министра Кокандского правительства Насыркан-Тюре.

Аналогичными путями восстания организовывались нами в Башкирии, Татарии и т.д.

Признавая повстанчество одним из наиболее острых методов борьбы с советской властью на том этапе, мы на последующем позднейшем этапе считали целесообразным идти по пути создания законспирированных повстанческих кадров, главным образом, **кадров руководителей** банд повстанческого движения, которых до поры, до **времени** надо держать в резервированном состоянии.

Наряду с этим, мы ряд новых руководителей **повстанческих** групп вербовали на местах из числа националистов, имеющих **для этого** соответствующие связи.

В задачу выделенных нами руководителей **повстанческих** групп входило: в определенном районе наметить себе людей, **обрабатывать** их в антисоветском направлении, воспитывать в них вражду к советской власти и готовить их к активным действиям, к открытому **выступлению** против совласти.

В отличие от периода 1929–30г.г. мы в последний период времени шли на организацию открытых выступлений повстанцев уже на случай войны. Перед нами в соответствии с директивами центра правых была уже ясна цель – наши повстанцы должны были действовать, главным образом, в тылу СССР и помочь неприятельской фашистской армии нанести поражение советской власти на фронте.

Вопрос: Вы заявили сегодня, что целиком согласны были не только с пораженческими, но и с террористическими позициями центра правых. Когда именно вы с **РЫКОВЫМ** о терроре говорили?

Ответ: Впервые мне стало известно в 1933 году при одной из встреч с **РЫКОВЫМ**, что организация правых стоит на позициях индивидуального террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

РЫКОВ мне сказал, что правые, а также и троцкистско-зиновьевский центр считают, что руководство партии и правительства нужно устранить силой и лишь после этого можно будет изменить политику внутри страны.

РЫКОВ, указывая на совершенно твердые позиции центра правых встать на путь организации террора против руководителей партии и правительства. Говорили мне, что убить в первую очередь надо членов Политбюро **СТАЛИНА, МОЛОТОВА, ВОРОШИЛОВА, КАГАНОВИЧА.**

Я целиком согласился с ним. Помню, **РЫКОВ** мне рекомендовал высказать отношение к организации террора против руководителей ВКП(б) и советской власти **всех** других членов пантюкистского центра и добиться того, чтобы пантюкистская организация стала на путь создания целого ряда террористических групп, которые в одной своей части смог-

ли бы быть переброшены в Москву в распоряжение центра правых, а в другой своей части будут в состоянии подготовить и провести теракты над руководителями компартии, в случае их приезда на периферию. Эти указания РЫКОВА я принял к исполнению.

Установки на террор также были одобрены Файзулой ХОДЖАЕВЫМ, ХОДЖАНОВЫМ, НУРМАКОВЫМ, ЖУРГЕНЕВЫМ и др., с которыми я об этом говорил.

Вопрос: Перейдем к вашим связям с разведывательными органами иностранных государств.

Рекомендую дать прямые и честные показания по этому вопросу.

Ответ: Непосредственные связи с разведывательными органами иностранных держав у меня вначале не было, хотя я знал, что националистические круги в Средней Азии и др. руководители пантюркистской организации связаны были с английской разведкой, добивались связей с японской и германской разведками, но я лично в тот период 1919–23 гг. связан не был.

Мои связи с иноразведкой начинаются с 1923 года.

С чего это началось? В бытность мою председателем Совнаркома Туркестанской республики, мне поручено было поехать в Германию и проверить бытовое положение студентов, посланных на учебу в Берлин из Средней Азии и Казахстана.

В начале своих показаний я уже говорил, с какой целью командировали студентов на учебу в Берлин и из какой среды комплектовались эти студенты.

Моя поездка в Берлин под видом проверки их бытового положения вызвана была тем, что я хотел узнать, удалось ли им наладить связь с центрами восточной эмиграции.

Пробыл там я в Берлине около месяца. Выяснилось, что большинство студентов уже общаются с белой эмиграцией.

Через указанных студентов мне сравнительно быстро удалось организовать беседы с агентами соответствующих органов Германии на предмет установления связи нашей пантюркистской организации с Германией в ее борьбе против соввласти.

Сравнительно быстро я достиг договоренности в том отношении, что Германия обещала помощь нашей пантюркистской организации в ее контрреволюционной работе и в осуществлении наших конечных целей – отторжения Средней Азии и Казахстана от СССР. Практически, германские агенты указали мне, что связь пантюркистской организации следует установить непосредственно на месте с дипломатическими правительствами и агентами Германии в СССР и что по этому поводу даны будут соответствующие директивы немецким представительствам в СССР.

Для поддержания связей с соответствующими агентами в Германии и пантюристской организацией намечен был БРИМЖАНОВ, который должен был держать живую связь между мной и немцами в Берлине. Кроме того, для связи был также намечен ТУЛЕПОВ, который от Казгосторга ездил в Германию и который также являлся членом пантюристской организации. БРИМКАНОВ потом с определенным поручением от Германии возвратился ко мне в 1924 году в Москву.

Однако, эта связь оставалась эпизодической, не постоянной на протяжении ряда лет до прихода в Германии к власти Гитлера.

Постепенно наша пантюристская организация стала в полном смысле слова разведывательной агентурой германского фашизма внутри СССР.

От членов нашей пантюристской организации агенты Германии получали сведения о состоянии обороны внутри страны, новом строительстве, настроениях населения и о ходе развертывания работы самой пантюристской организации.

Связи лично со мной и германским посольством в Москве осуществляли ТЮРЯКУЛОВ и ХАКИМОВ – участники нашей организации, выделенные мной специально для этой цели.

Вопрос: Подождите, надо подробнее рассказать о том, каким образом Вы впервые установили связь с германской разведкой. Расскажите, как это было, где, подробно, кто с Вами разговаривал.

Ответ: Я расскажу в последовательном порядке каким путем я связался с агентом тайной германской полиции. Как я уже выше показывал, я приехал в Германию – остановился в Берлине, в немецком пансионе для приезжающих. Хотя у меня паспорт был не дипломатический, а студенческий, немцы через туркестанских студентов наших пантюристов, узнали, что я – председатель Совнаркома Туркеспублики.

О намерении германских агентов встретиться со мной мне в Берлине сообщил студент-пантюрист БРИМЖАНОВ. Он мне сказал, что он, лично и другие пантюристы уже установили связь с германскими агентами и что в Берлине в тайной полиции уже достаточно хорошо осведомлены о положении дел в нашей организации, но что немцы хотят лично со мной, как с одним из руководителей пантюристской организации поговорить.

Действительно, вскоре через БРИМЖАНОВА ко мне явились два агента, под видом представителей германского министерства иностранных дел и, называя меня «президентом» Туркестанской республики, начали, сперва издали, разговор о возможности получения концессии германскими промышленниками в Средней Азии. А затем, постепенно разговорившись, прямо начали разговор на антисоветскую тему, осведомляясь, какие антисоветские контрреволюционные

националистические организации работают в Средней Азии и насколько они влиятельны. Германские агенты указали, что они смело на эту тему говорят со мной, потому что осведомлены через БРИМ-ЖАНОВА о работе этой организации и, в частности, о моей роли в этой организации.

Тогда я уже ничего не скрывая, обрисовал им положение в Средней Азии и указал, что имеется довольно влиятельная пантюркистская организация, которая имеет все шансы на успешную борьбу с советским режимом.

Германские агенты мне заявили, что им поручено от соответствующих официальных германских органов, договориться со мной об установлении в дальнейшем тесного контакта между пантюркистской организацией в Средней Азии и Казахстане с Германией.

Агенты, насколько помню фамилии их фон ШУЛЬЦ и РУБИН-ГЕР, встретившись со мной второй раз, заявили, что Германия будет поддерживать отторжение Средней Азии и Казахстана от СССР, но с условием перехода этих республик под протекторат Германии. Взамен этой поддержки Германия требует, чтобы пантюркистская организация выполняла все поручения германской контрразведки и давала бы сведения о состоянии обороны в СССР, сведения о планах народного хозяйства, особенно по линии военной промышленности. Пантюркистская организация должна строить свою нелегальную деятельность таким образом, чтобы быть готовой к выступлению за свержение советской власти, когда для этого сложится соответствующая политическая ситуация.

На этой основе, как я уже сказал, состоялась договоренность моя с указанными германскими агентами.

Я прошу на этом сегодня допрос закончить и вызвать меня для продолжения моих показаний завтра.

Вопрос: Хорошо, сегодня допрос на этом прервем.

Протокол допроса записан с моих слов верно. Мною прочитан.

РЫСКУЛОВ

ДОПРОСИЛИ:

НАЧ. 6 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ – КАПИТАН
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

–

ГЛЕБОВ

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕН. 7 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ –
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ –

НЕЙМАН

АП РФ. Ф. 3 Оп. 24. Д. 313. Л. 74-112.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСКИ И. М. ЛЕПЛЕВСКОГО ОБ «АНТИСОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ» ОРГАНИЗАЦИИ НА УКРАИНЕ

15 августа 1937 г.

№ 59182

Совершенно секретно

Т. Сталину

Направляю докладную записку Народного комиссара внутренних дел УССР тов. ЛЕПЛЕВСКОГО от 2 августа с.г. о вскрытии антисоветской националистической организации на Украине и протоколы допросов арестованных НКВД УССР участников антисоветской националистической организации КРУПКО С.Н. от 28–29 июля с.г., ГОНЧАРЕНКО Н.П. от 30 июля с.г., ЛИСОВИКА А.Г. от 27 июля с.г. и ВОРОБЬЕВА К.А. от 29 июля с.г.

Указанные в докладной записке участники антисоветской националистической организации КРУПКО, КОНОТОП, КУЛИК и ВАСИЛЕНКО – арестованы.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР*

Н. ЕЖОВ

---

*На первом листе имеется рукописная помета: «За арест Хвыли, Парайко, Тарана, Василенко, Зиненко. И. Сталин, В. Молотов».

НАЧАЛЬНИКУ IV ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР –
СТ. МАЙОРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. ЛИТВИНУ

Развернувшимся в аппарате НКВД УССР и в ряде областей Украины следствием вскрывается крупная антисоветская националистическая организация, которая на протяжении ряда лет проводит подрывную работу и подготовку к свержению Советской власти.

Имеющиеся материалы с достаточной полнотой вскрывают то, что деятельность антисоветской националистической организации на Украине шла по линии создания и расстановки в широком масштабе националистических кадров, особенно в системе земельных органов – Наркомсовхоза, Сахаротреста и учреждениях Наркомпроса, осуществления диверсии и вредительства в различных областях народного хозяйства,

особенно в сельском хозяйстве, создания террористических групп для совершения терактов против руководителей партии и правительства.

Особую активность антисоветская националистическая организация проявляет за последние годы.

Данными следствия устанавливается существование блока между националистической организацией и организацией правых, а с конца 1935 года и с военными заговорщиками.

Арестованные ТРИЛИССКИЙ – бывш. председатель Винницкого Облсполкома, ЛИСОВИК – бывш. Зам. Наркомпищепрома УССР, ВОЙЦЕХОВСКИЙ – бывш. секретарь ВУЦИКа, ВОРОБЬЕВ – секретарь Винницкого Обкома КП(б)У, МОИСЕЕНКО – бывш. Наркомзема УССР, БАРАНОВСКИЙ – бывш. Зам. Наркома совхозов, ШПИЛЕВОЙ – бывш. зам. Уполномоченного Комитета заготовок СНК СССР на Украине, ВАРФОЛОМЕЕВ – бывш. вице-президент сельскохозяйственной Академии наук, ГОНЧАРЕНКО – бывш. нач. зернового управления Наркомзема, ГОЛУБ – бывш. секретарь Одесского Обкома КП(б)У, а также арестованный 1 августа и сознавшийся ГОЛУБЯТНИКОВ – бывш. Нарком коммунального хозяйства и другие – показывают о наличии широкого националистического подполья, как в Киеве, так и во всех областях Украины, называют большое количество участников и состав руководства организации.

Считаю необходимым сообщить, что арестованные в свое время троцкисты ЛОГИНОВ и КОЦЮБИНСКИЙ показывали, что они по директиве ПЯТАКОВА установили связь с руководителями националистического подполья ЛЮБЧЕНКО П.П., ПОРАЙКО и ХВЫЛЕЙ, с которыми договорились о координировании действий.

Из ряда показаний, перечисленных выше арестованных, устанавливается, что руководство организации состоит из: ЛЮБЧЕНКО П. П., ПОРАЙКО В.И., ХВЫЛЯ А.А., ТАРАНА Ф.П. (редактор газеты «В ст»), ТРИЛИССКОГО А.А. и ВОЙЦЕХОВСКОГО Ю.А.

Как активные участники, проводившие большую организационную и подрывную работу проходят:

1/ ЛЮБЧЕНКО Андрей Петрович – ректор Киевского ветинститута, бывший видный боротьбист.

2/ КРИХ Варфоломей Михайлович – Наркомсовхозов УССР.

3/ ВАСИЛЕНКО Марк Сергеевич – Пред. Киевского Облсполкома.

4/ ЗИНЕНКО Николай Григорьевич – секретарь ЦИКа УССР.

5/ КУЛИК Иван – бывший председатель украинского радиокомитета, в последнее время зав. партиздатом.

6/ ДЕМЧЕНКО Николай Нестерович – Наркомсовхозов СССР.

7/ ДУБОВОЙ Иван Наумович – командующий Харьковского Военного Округа.

8/ КОСЯЧНЫЙ Петр Максимович – зам. пред. Черниговского Облесполкома.

9/ КОНОТОП Виктор Яковлевич – зам. пред. Донецкого Облесполкома, бывш. боротьбист.

10/ КРУПКО Семен Никифорович – зав. Днепропетровского Обл. наробраза, а прошлом видный боротьбист.

11/ МАРКИТАН – Секретарь Черниговского Обкома КП(б)У.

12/ КУЗЬМЕНКО – Наркомлес УССР.

13/ СТЕПАНСКИЙ – Уполномоченный Комитета заготовок СНК СССР по УССР и ряд других.

Привожу ряд выдержек из показаний арестованных:

Арестованный ГОЛУБ показал, что в 1935 году он получил задание от руководителя троцкистской организации в Одессе ВЕГЕРА (секретарь Одесского Обкома КП(б)У) установить связь с националистами.

«...Выполняя поручение ВЕГЕРА, я вскоре связался с ХВЫЛЕЙ. Мы проинформировали друг друга о состоянии наших организаций. ХВЫЛЯ мне назвал ТАРАНА и ТРИЛИССКОГО, как людей, играющих активную роль в организации. ХВЫЛЯ порекомендовал мне связаться с ТАРАНЕНКО – Зам. пред. Одесского Облесполкома, представляющего их организацию на Одессине...

В одной из последующих встреч я узнал от ХВЫЛИ, что в националистической организации состоит и ПОРАЙКО».

Арестованный МОИСЕЕНКО говорит:

«... После того, как я от ИЛЬИНА узнал о блоке нашей организации с националистической организацией, осуществляемом, в частности Н.Н.ПОПОВЫМ с Иваном КУЛИКОМ – бывш. пред. Украинского радиокомитета, я в 1936 году непосредственно связался с последним.

КУЛИК проинформировал меня о составе руководства националистической организации, назвал ЛЮБЧЕНКО, ПОРАЙКО, ХВЫЛЮ и ЗАТОНСКОГО. Мне КУЛИК также подтвердил, что блок в центре осуществляется через представителя троцкистской организации ПОПОВА».

И дальше МОИСЕЕНКО показывает:

«... КУЛИК сообщил мне, что основной задачей является подготовка к активным действиям на военное время, путем создания разветвленных повстанческих отрядов на Украине, действия которых в тылу Красной армии могут предрешить поражение СССР в предстоящей войне.

Поэтому сейчас основное внимание направлено на насаждение повстанческих кадров и в первую очередь в пограничные районы Винничны и Киевщины...

КУЛИК просил моей помощи в этой работе, поскольку я в то время был секретарем Каменец-Подольского Округкома».

Арестованный ВОРОБЬЕВ, показав о своей принадлежности к к/р организации правых, говорит об установлении связи с националистической организацией: «... Я был связан с ХВЫЛЕЙ, как одним из руководителей националистического подполья. Уже в 1937 году ХВЫЛЯ сообщил мне, что руководящая роль в их организации принадлежит ПОРАЙКО, ЗАТОНСКОМУ и ему – ХВЫЛЕ...».

ТРИЛИССКИЙ показал:

«... В 1936 году оформился политический и организационный контакт нашей организации и военно-троцкистской организации, возглавлявшейся на Украине ЯКИРОМ и занимавшейся подготовкой вооруженно-го свержения Советской власти.

В начале 1936 года я стал получать от ЛЮБЧЕНКО частные указания на необходимость установления тесной связи с командным составом частей РККА, расположенных на территории области... При этом каждый раз ЛЮБЧЕНКО указывал на то, что военные – это решающая сила.

Выполняя указания ЛЮБЧЕНКО, я сблизился с комкором в Проскурове ДЕМИЧЕВЫМ и комкором в Шепетовке – ГРИГОРЬЕВЫМ.

В конце 1936 года со мной в Виннице связался комкор 17 ГЕРМОНИУС, с которым я имел несколько бесед. Позже ГЕРМОНИУС сообщил мне о том, что среди военных существует организация, которая возглавляется ЯКИРОМ и, что организация намерена изменить руководство в стране. Тут же ГЕРМОНИУС предложил мне принять участие в работе этой организации, сказав, что я должен буду подбирать в советском аппарате такие кадры, которые бесприкословно и не рассуждая могли бы выполнять любые распоряжения сверху.

Вообще же я считал, что ГЕРМОНИУС был ориентирован ЯКИРОМ о возможности подобного разговора со мной. Тем более, если учесть имевшие место беседы ЛЮБЧЕНКО со мной и связь ЛЮБЧЕНКО с ЯКИРОМ.

В соответствии с установками ЛЮБЧЕНКО и прямыми предложениями ГЕРМОНИУСА, я в 1936–37 гг. завербовал: пред. Бердичевского Горсовета ТОРЧИНСКОГО, пред. Шепетовского Окрисполкома КОПЫЛА, пред. Проскуровского Окрисполкома ЯЦЕВСКОГО, пред. Могилев-Подольского Окрисполкома КОЗИСА и зам. пред. Винницкого Облесполкома СМОЛЯНСКОГО...».

Арестованный ВОЙЦЕХОВСКИЙ говорит: «... Блок с военными заговорщиками установлен в 1936 году непосредственно руководителем нашей организации ЛЮБЧЕНКО П.П., установившим непосредственный контакт с ЯКИРОМ.

Об этом меня информировал ЛЮБЧЕНКО Андрей по поручению ЛЮБЧЕНКО П. П.

Незадолго до этого я имел беседу с ДУБОВЫМ и АМЕЛИНЫМ. Из разговоров с ними я узнал, что среди военных существует недовольство положением в стране и что они сами предполагают взяться за исправление «ошибок» партии и правительства Украины.

Об этом спустя несколько дней я проинформировал ЛЮБЧЕНКО П. П., на что ЛЮБЧЕНКО мне ответил, что ему это известно лично от ЯКИРА и ДУБОВОГО».

Дальше в своих показаниях ВОЙЦЕХОВСКИЙ указывает на связь антисоветской националистической организации с закордоном: «... При моей поездке в Карлсбад, в 1933 году я имел прямое поручение от ЛЮБЧЕНКО Панаса договориться с КОНОВАЛЬЦЕМ и БАЧИНСКИМ Юлианом через ПОЛОЦКОГО – советника полпредства в Праге, члена нашей организации о заключении соглашения с польскими правительственными кругами об оказании вооруженной помощи для свержения советской власти на Украине, за определенные территориальные уступки.

Такое соглашение с ПОЛОЦКИМ было достигнуто путем переговоров с зав. восточным отделом министерства иностранных дел Польши ...

При вторичной моей поездке в 1934 году ЛЮБЧЕНКО вновь поручили мне осведомиться в министерстве иностранных дел, через ПОДОЛЬСКУЮ – жену советника полпредства в Варшаве, намерено ли польское правительство выполнить свои обязательства по отношению к организации ...

При поездке этой явка к ПОДОЛЬСКОЙ была получена от руководителя троцкистско-террористической организации на Украине КОЦЮБИНСКОГО Юрия ...».

И дальше:

«... В 1934 году руководство нашей организации пришло к выводу, что помимо связи с Польшей, нужно заключить соглашение с Германией, которая после фашистского переворота может быть наиболее полезна в вопросе свержения советской власти...

При моей поездке за кордон ЛЮБЧЕНКО предложил мне остановиться в Берлине на несколько дней, выяснить тамошние ситуации с тем, чтобы можно было начать вести переговоры с Германией о вооруженной помощи...

Несколько позже ЛЮБЧЕНКО был послан в Берлин один из участников организации с аналогичной целью...

Практическое соглашение с немецкими фашистскими кругами было однако достигнуто лишь в 1936 году ГРИНЬКО, который специально посылал туда для этой цели одного человека ...» (показания ВОЙЦЕХОВСКОГО).

Арестованный ЛИСОВИК показывает: «... ХВЫЛЯ говорил мне, что цели наши – освободить Украину от Московского гнета, что в борьбе за создание самостоятельного украинского государства нам поможет Польша, что лучше быть в союзе с Польшей, чем существовать под пятой Москвы».

В следующих показаниях ЛИСОВИК говорит об установках, полученных им от Андрея ЛЮБЧЕНКО.

«...Отделение Украины от СССР остается программой действий для нас. При объединении УССР с Западной Европой, мы многое бы выиграли. Мы были бы тем государством, с которым бы считались. Конечно, организация такого государства будет кое-что стоить, конечно, полякам надо будет дать немного за помощь, но все это будет значительно меньше того, что вывозят из Украины в Россию».

Таким образом, на основе приведенных материалов и ряда показаний еще других обвиняемых КРУПКО, КУЛИКА, КОНОТОПА, ДИТЮКА – видно наличие крупной националистической организации, требующей немедленных оперативных мероприятий по дальнейшему вскрытию и разгрому.

Прошу санкционировать арест:

1. ХВЫЛИ Андрея Анатольевича – нач. управления по делам искусств при СНК УССР. Как участник руководства националистической организации изобличается показаниями арестованных ТРИЛИССКОГО, ВОЙЦЕХОВСКОГО, ВОРОБЬЕВА, ЛИСОВИКА, ГОЛУБА, БАРАНОВСКОГО, ИЛЬИНА, ВАРФОЛОМЕЕВА, ГОНЧАРЕНКО, КРУПКО, МОИСЕЕНКО, КОЦЮБИНСКОГО и ЛОГИНОВА.

2. ПОРАЙКО Василия Ивановича – зам. пред. Совнаркома УССР.

Как участник руководства националистической организации изобличается показаниями арестованных ВАРФОЛОМЕЕВА, ВОРОБЬЕВА, МОИСЕЕНКО, ВОЙЦЕХОВСКОГО, ЛИСОВИКА, ИЛЬИНА, КРУПКО, ПЕВЗНЕРА, а также осужденными ЛОГИНОВЫМ и ГОЛУБЕНКО.

3. ТАРАНА Феодосия Прохоровича – редактор газеты «В ст » ЦИКа УССР. Как участник руководства националистической организации изобличается ТРИЛИССКИМ, ЛИСОВИКОМ, ВАРФОЛОМЕЕВЫМ, ВОРОБЬЕВЫМ, МОИСЕЕНКО, ГОЛУБОМ, ГОНЧАРЕНКО (братом ТАРАНА) и ЛОГИНОВЫМ, МУСУЛЬБАСОМ, МИХАЙЛИКОМ.

4. ВАСИЛЕНКО Марк Сергеевич – председатель Киевского Облсеполкома. Как активный участник националистической организации изобличается показаниями арестованных МОИСЕЕНКО, ЛИСОВИКА, ИЛЬИНА, ПЕВЗНЕРА и ШПИЛЕВСКОГО.

5. **ЗИНЕНКО** Николай Григорьевич — секретарь ЦКК УССР, изобличается показаниями ГОЛУБЯГНИКОВА, МОИСЬЕВИЧКО, ЛИСОВИКА, ПЕВЗНЕРА.

Также прошу Вашего распоряжения о направлении в Киев ДЕМЧЕНКО Н.Н., так как кроме его организационных связей с правыми и троцкистами на Украине, был тесно связан с националистической организацией.

Прилагаю протоколы допросов ЛИСОВИКА, ВОРОБЬЕВА, ГОНЧАРЕНКО и КРУПКО*.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР —
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА**

(ЛЕПЛЕВСКИЙ)

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 317. Л. 68–75.

* — публикуется без протоколов.

ДОК. № 5

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА К. В. УХАНОВА

24 августа 1937 г.

№ 59357

Сов. секретно

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю Вам протокол допроса Уханова К.В., члена антисоветской правотроцкистской организации. Все названные в показании арестованы.

НАРКОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ЕЖОВ

*На первом листе имеется пометка Сталина: «Важно. 1. Сибирь. 2. Урал. 3. Сев. Кавказ 4. Украина. 5. Средняя Азия (а кто именно из Средней Азии?»

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

У Х А Н О В А Константина Васильевича

от 17 августа 1937 г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы пытались доказать, что Ваша роль в организации правых была второстепенной и что ваша осведом-

ленность о заговорщических планах центра правых ограничивается тем, что сообщил Вам ЯГОДА. Между тем арестованный АНТИПОВ Н.К. утверждает, что вы были одним из активнейших участников организации и наряду с ним входили в состав резервного центра правых. Об этом же показывает и другой член резервного центра СУЛИМОВ.

Рекомендуем вам честно рассказать о вашей действительной роли в организации правых, раскрыть перед следствием всю преступную деятельность этой организации.

Ответ: Я обещаю больше ничего не скрывать. Верно, что с первых дней борьбы правых против партии я был одним из активных участников этой борьбы. Больше того: я принадлежу к той группе людей, кто создал подпольную, глубоко законспирированную организацию правых.

Верно также и то, что наряду с АНТИПОВЫМ и СУЛИМОВЫМ я входил в состав резервного центра правых. Укажу тут же, что в этот центр кроме названных лиц входили также ХАЛАТОВ и СЫРЦОВ.

Вопрос: Остановитесь на истории возникновения резервного центра.

Ответ: Я хочу начать с того, что открытым выступлением лидеров правых против партии в 1928 году предшествовала длительная работа по созданию подпольной организации с соблюдением всех правил конспирации.

Что касается резервных кадров организации, то целесообразность создания таковых была предусмотрена еще на сравнительно ранней стадии нашей нелегальной деятельности.

В этой связи я вспоминаю нелегальное совещание, состоявшееся в конце 1927 года или начале 1928 года на даче у ТОМСКОГО. На этом совещании помимо меня и ТОМСКОГО участвовали РЫКОВ, БУХАРИН, УГЛАНОВ, СМИРНОВ (Фома), АНТИПОВ и Василий ШМИДТ.

Как РЫКОВ аргументировал необходимость, целесообразность создания т.н. резервных кадров организации.

Он говорил о том, что предпринимаемые лидерами правых открытые выступления против партии уже указывают на ничтожность наших шансов на успех. В этих условиях, — продолжал РЫКОВ, — в условиях неизбежного разгрома нашего было бы просто преступно «ввести в бой» все наши кадры и, таким образом, поставить под удар все наши силы. А обстановка внутри страны и во вне может измениться в нашу пользу. Тут следовал подробный анализ внутренней и международной обстановки, из которого вытекало, что время, мол, работает на нас. Эту неизбежно наступающую благоприятную для нас ситуацию мы должны встретить, что называется, во всеоружии.

«Беречь наши кадры! Не дать партии повода для устранения наших людей с руководящих постов!» — таков должен быть лозунг дня.

В таких примерно выражениях РЫКОВ отстаивал «идею» резервов, попросту заключающуюся в том, что ряд участников организации не только не должны выступать в защиту платформы правых, а, наоборот, выступать как сторонники линии партии. Такая позиция была тогда рекомендована, в частности, АНТИПОВУ.

Что касается тех участников организации, вроде меня, которые уже проявили себя как колеблющиеся в сторону правых, то в отношении их было условлено, что они всем своим дальнейшим поведением должны дело изобразить таким образом, что у них, дескать, в течение короткого времени был «правый провал», но что с правыми они окончательно порвали.

Вот из этой категории скрытых правых с течением времени стала выкристаллизовываться руководящая верхушка, которая в составе АНТИПОВА, СМИРНОВА и меня уже к 1929 году представляла собою своего рода центр резервных, законспирированных кадров правых.

Вопрос: Но выше вы назвали резервный центр в несколько ином составе?

Ответ: Дальнейший ход борьбы внес свой корректив в наши первоначальные планы.

СМИРНОВ, например, в 1932 году был разоблачен как правый и на долгое время выслан из Москвы.

В связи с этим в состав резервного центра был введен другой активный и скрытый правый СУЛИМОВ, к которому в значительной степени перешли связи СМИРНОВА.

ХАЛАТОВ и СЫРЦОВ вошли в резервный центр в связи с обозначившимся в 1932 году необычайным приливом активности организации правых в целом. И ХАЛАТОВ, и СЫРЦОВ располагали более или менее широкими связями, которые в связи с общей обстановкой в стране, которую мы расценивали как «канун решающих событий» могут и должны быть всемерно активизированы.

Вопрос: Таким образом, вашими показаниями устанавливается, что еще в 1929 году рядом с центром организации правых, сложился резервный центр, в состав которого вошли вы и АНТИПОВ?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Говоря о мотивах введения в состав резервного центра СУЛИМОВА, ХАЛАТОВА и СЫРЦОВА вы объяснили это тем, что каждый из них располагал, как вы выразились, более или менее широкими связями, что это за связи? Очевидно, этот ваш резервный центр опирался на какую-то свою «периферию». Кто эти люди? Назовите их?

Ответ: Прежде чем ответить на ваш вопрос, я хочу сделать небольшое отступление.

В 1929 году стало совершенно очевидно, что методами открытых выступлений, методами дискуссий мы ничего не добились. Бросить поэтому в бой все силы организации было бессмысленно, ибо вслед за этим неизбежно последовал бы полный разгром организации, о чем достаточно красноречиво предупреждал опыт борьбы троцкистско-зиновьевского блока периода 1925–1927 гг.

Перед ноябрьским пленумом ЦК 1929 года этот вопрос был предметом обсуждения в центре правых. В обсуждении этих вопросов помимо РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО и УГЛАНОВА, участвовал я, АНТИПОВ и СМИРНОВ.

Вот на этом совещании, в частности, и шла речь о скрытых кадрах организации, деятельность которых будем направлять т.н. резервный центр.

Перечисляя персональный состав этих скрытых кадров правых, которые отныне по соображениям конспирации будут связаны с резервным центром, РЫКОВ назвал: Ленинградскую группу в составе: КОМАРОВА, ЛОБОВА, ЖУКОВА, ЧУДОВА, СТРУППЕ, КАДАЦКОГО и др. Московскую группу в составе: ЯГОДА, ПОЛОНСКОГО, ГИБЕРА, БАУМАНА, КУБЯКА, ХАЛАТОВА, КАМИНСКОГО, ЗЕЛЕНСКОГО и др. и целый ряд других периферийных участников нашей организации, сохранившихся до сих пор на руководящей работе в ряде краев и областей.

Вопрос: Кого именно?

Ответ: Из скрытых участников организации, работавших на периферии, я могу назвать: РАЗУМОВА, КАБАКОВА, КРУТОВА, РУМЯНЦЕВА, ПИВОВАРОВА, КОЛОТИЛОВА, ГОЛОДЕДА, ЧЕРВЯКОВА. Остальных я постараюсь вспомнить и скажу о них в связи с тем или иным конкретным эпизодом из деятельности организации.

Основная задача, поставленная перед этими людьми, состояла в том, чтобы превратить то участие партийной и советской работы*, где каждый из нас работает в пункте сосредоточения правых. При этом РЫКОВ развил целую «программу действий», направленную к тому, как лучше обеспечить сохранение в руках наших людей этих позиций. Помню, в частности, что по этому пункту РЫКОВ сформулировал ряд положений, которые впоследствии были распространены в директивном порядке и легли в основу подрывной деятельности наших людей в партийном и советском аппарате. «Наша задача, — говорил РЫКОВ, — заключается в том, чтобы, прежде всего, вырвать у СТАЛИНА партийный аппарат. Но задача эта не из простых. Чтобы ее выполнить мало простой маскировки: успокаиваться на одних «заклинаниях» нельзя, ими можно обмануть

---

* Так в тексте. — Прим. ред.

только поверхностного наблюдателя. Нужно будет предвидеть сопротивление партийной массы, которая может почувствовать подоплеку нашей «ортодоксальности». Нужно поэтому в самом начале создать из своих людей такие группы, которые бы, имитируя бдительность, могли поглотить и заглушить голоса тех, кто будет видеть больше, чем ему полагается». Далее РЫКОВ говорил о мерах, которые должны предотвратить провал наших людей и о создании такой системы, при которой снятие нашего человека с того или иного руководящего поста максимально быстро компенсировалось бы выдвижением на этот пост нашего же человека.

Эта тактика, сформулированная РЫКОВЫМ, во многом себя оправдала и действительно привела к тому положению, когда в целом ряде случаев снятие участников нашей организации с тех или иных постов быстро возмещалось: например, в Ленинграде на место АНТИПОВА удалось продвинуть ЧУДОВА, в Иваново на место снятого предисполкома МАКСИМОВА – КУБЯКА, а затем АГЕЕВА. На место ЭЙСМОНТА в Наркомснабе – меня.

Я лично, как и все перечисленные мною участники организации, вел работу по консолидации вокруг себя антипартийно настроенных людей. Я забыл указать, что установки центра предусматривали привлечение и консолидацию вокруг каждого из скрытых участников организации всех без исключения антипартийных и антисоветских элементов, в том числе троцкистов, зиновьевцев, децистов, участников т.н. «Рабочей оппозиции», меньшевиков, эсеров и прочих врагов советской власти.

Это впоследствии послужило основой для создания единой антисоветской организации, возглавляемой единым центром. Об этом я буду говорить ниже.

Вопрос: Вернемся к вопросу о периферийных группах, связанных с резервным центром. Все ли группы вы называли? Нас в частности интересуют те группы, с которыми вы лично связаны.

Ответ: Должен сказать, что я, как член резервного центра правых, был связан с нелегальной группой правых, действовавшей в Калининской области и, в частности, с руководителем этой группы ИВАНОВЫМ Вячеславом, которого в организацию правых вовлек я лично.

Из состава Калининской группы правых мне известны помимо ИВАНОВА – КАЛЫГИНА, ГОЛЯКОВ и ДЕВЯТКИН.

Они возглавляли всю контрразведывательную работу в Калининске и, как меня информировал ИВАНОВ, развернули довольно интенсивную работу по созданию террористических групп.

Кроме того, я знал от РЫКОВА, что такая же глубоко законспирированная группа правых подвизается в Иваново. Возглавляет эту группу АГЕЕВ – председатель облисполкома. В практическую сторону деятельности этой группы я не был посвящен, так как

ею руководил кто-то другой из членов резервного центра. Кто именно сейчас не вспомню.

Однако, основная линия моей к-р работы лежала в другой плоскости. На протяжении продолжительного времени я связывал РЫКОВА, т.е. центр правых с заговорщической группой в НКВД, возглавляемой ЯГОДОЙ. Связь через меня осуществлялась с одной стороны потому, что особо конспиративное положение этой группы не позволяло ей поддерживать прямую связь с центром правых, а РЫКОВ, БУХАРИН и ТОМСКИЙ естественно были заинтересованы в том, чтобы постоянно быть в курсе всех дел в ГПУ – НКВД. С другой стороны, эта связь была возложена на меня потому, что в течение многих лет я был одним из наиболее интимных друзей ЯГОДЫ. Как сказано, группу НКВД возглавлял ЯГОДА. Из состава этой группы я знаю: ПАУКЕРА, БУЛАНОВА, ШАНИНА, МОЛЧАНОВА, ГАЯ, РУДЬ, РАППОПОРТА и ПИЛЯРА.

В этой связи я ясно вспоминаю свою беседу с ЯГОДОЙ, состоявшуюся в 1931 году, в которой я излагал ему взгляд РЫКОВА на то, как следует ему – ЯГОДЕ, распределить своих людей по областям и в центре, с тем, чтобы предотвратить неприятные неожиданности со стороны, как говорил РЫКОВ, «ретивых жандармов». Речь шла о практическом выполнении ЯГОДОЙ, возложенных на него центром функции по предотвращению провала правых. Мы перебрали целый ряд более или менее видных работников Наркомвнудела и в каждом отдельном случае решали, как поступать. Если мы имели дело с таким человеком, который не был «нашим» или надежд на его привлечение было мало, мы намечали ему заместителя, или разрабатывали план его снятия под тем или иным благовидным предложением.

Под этим углом зрения наше внимание более всего привлекали те области и края, где организации правых развивали наиболее интенсивную деятельность и где следовательно, в соответствии с установкой РЫКОВА, особенно важно было иметь во главе аппарата ГПУ своего человека. Это в частности относилось к Белоруссии, Северному Кавказу, Нижней Волге, Сибири.

Не помню точно, в этой ли моей беседе с ЯГОДОЙ или в другой (разговор вращался все вокруг той же темы) разговор зашел о Белоруссии. Коснулись РАППОПОРТА, возглавлявшего в то время аппарат ГПУ в Белоруссии. ЯГОДА неодобрительно стал отзываться о нем, о его личных качествах. Из высказываний ЯГОДЫ о РАППОПОРТЕ я понял, что он (ЯГОДА) склоняется к тому, чтобы снять РАППОПОРТА из Белоруссии. Я решительно против этого возразил. Я перед ЯГОДОЙ настоял на том, чтобы РАППОПОРТ остался в Белоруссии.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что знал от РЫКОВА и ТОМСКОГО об особой роли, которую играет РАППОПОРТ в делах Белорусской организации правых. Об этом я прямо и заявил ЯГОДЕ.

Вопрос: В чем заключалась эта «особая роль» РАППОПОРТА? Почему центр правых был так заинтересован в его оставлении в Белоруссии?

Ответ: Чтобы ответить на этот вопрос я должен несколько отступить от прямого ответа с тем, чтобы сказать, что представляла собою организация правых в Белоруссии.

Филиал организации правых в Белоруссии состоял преимущественно из бывших белорусских нацдемов, ярых националистов, злобных врагов советской власти, с течением времени пролезших на руководящие советские и партийные посты в Белоруссии. Это была по существу национал-фашистская партия, которая начала складываться еще в 1924 годах. Эта «партия», возглавляемая ГОЛОДЕДОМ, ЧЕРВЯКОВЫМ,* имела стародавние связи с польскими правительственными кругами и росла на дрожжах польского Генштаба.

Вопрос: Не можете ли вы конкретно сказать о практической деятельности белорусских нацдемов?

Ответ: В этой области я осведомлен в общих чертах. Впервые мне об этом, как я уже сказал, говорил РЫКОВ. О белорусских нацдемах, об их связи с центром, об их связи с поляками мне рассказал РЫКОВ то, что я только что воспроизвел. Но позднее эта же тема была предметом разговора между мною и ТОМСКИМ.

Вопрос: В чем заключалось практическое назначение Вашего разговора с ТОМСКИМ о белорусских делах?

Ответ: О белорусском филиале нашей организации ТОМСКИЙ разговаривал со мной в 1936 году незадолго до его смерти у меня на квартире, когда передавал мне связи по Белоруссии, как члену резервного центра правых в виду угрозы ареста ТОМСКОГО.

То обстоятельство, что белорусская организация, как я уже сказал, росла на дрожжах польского Генштаба, ставило ее естественно в зависимость от поляков. Польский генштаб это использовал для переброски не только своих шпионов и диверсантов на всю территории. СССР через белорусскую границу, но шпионов и диверсантов Германии. Технически это делалось главным образом через РАППОПОРТА.

Именно в силу этих обстоятельств я от имени центра настоял перед ЯГОДОЙ на оставлении РАППОПОРТА в Белоруссии.

Вопрос: Вернемся немного назад. Вы показали выше, что связь правых с троцкистами, меньшевиками и другими антисоветскими элементами

---

* на полях поставлено Сталиным: «Х Х»

ми predeterminedила создание единой антисоветской организации, руководимой объединенным центром.

В каких условиях и на какой основе был создан этот центр? Кто входил в его состав? В чем состояли его функции?

Ответ: Основа, на которой был создан объединенный антисоветский центр, имеет свою историю. Эта история тесно связана с тем, как возникали наши надежды на приход к власти и какие изменения они претерпевали.

В начальный период нашей борьбы с партией была надежда на то, что мы придем к власти путем постепенного завоевания партийного и советского аппарата своими силами, т.е. силами правых. Однако ход борьбы показал, что эти надежды провалились.

В связи с этим, для умножения наших сил в центре правых возник и был положительно решен вопрос о блоке с троцкистами и зиновьевцами.

В 1930–1931 г.г. центр правых выработал и приступил к реализации плана т. н. «дворцового переворота», предусматривавший арест и убийство СТАЛИНА и его ближайших соратников.

Одновременно с этим по директиве центра участники нашей организации на местах, в частности на Северном Кавказе и в Сибири развернули работу по возглавлению и разжиганию кулацких восстаний.

В этой связи я вспоминаю характерный разговор, состоявшийся между мною и ЯГОДОЙ в 1931 или 1932 году.

Высказывая свои опасения насчет того, что ему все трудней и трудней становится «прятать концы в воду» — ЯГОДА, как бы жалуясь, заметил: «А на Северном Кавказе, Алексей Иванович и Фома (СМИРНОВ А. П.) развернули работу по созданию казачьей повстанческой организации. «Ты понимаешь, — продолжал ЯГОДА, — что скрыть такую штуку становится делом нелегким».

Этот разговор с ЯГОДОЙ я передал РЫКОВУ и последний поручил ТОМСКОМУ и СМIRНОВУ специально переговорить с ЯГОДОЙ с тем, чтобы внести полную ясность насчет того, какой линии поведения должен придерживаться ЯГОДА в наших Северо-Кавказских «делах». Я знаю, что такая встреча состоялась на даче у ТОМСКОГО с участием СМIRНОВА и ЯГОДЫ, где они договорились по всем пунктам. Подробности, однако, сейчас вспоминать не могу.

В 1931 году троцкисты и зиновьевцы выдвинули в качестве основного метода борьбы индивидуальный террор. Понятно, что мы сторонники кулацких восстаний, «дворцового переворота» ухватились и за это средство борьбы, которое (террор) в сочетании с остальными, должно было, по нашим расчетам, дать наибольший эффект.

На этой основе в 1931–1932 году центром правых велась переговоры с ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ и ПЯТАКОВЫМ, фактически приведшие к слиянию троцкистско-зиновьевской организации с организацией правых.

К этому периоду, т.е. к периоду установления блока с троцкистско-зиновьевской организацией (1932 г.) относится выработка объединенной платформы, получившая впоследствии известность под названием «рютинской платформы». Эта платформа, обоснованная целесообразность применения террора и других наиболее острых средств борьбы, собственно говоря, явилась тем документом, той базой, на которой состоялось объединение правых со всеми другими антипартийными, антисоветскими силами.

В конце 1932 года или в начале 1933 года окончательно сложился и объединенный антисоветский центр. В состав этого центра (я это знаю от РЫКОВА и ЯГОДЫ) вошли: РЫКОВ, ТОМСКИЙ, КАМЕНЕВ(затем СОКОЛЬНИКОВ), ПЯТАКОВ, ЕНУКИДЗЕ. ЕНУКИДЗЕ представлял в этом центре группу военных и заговорщическую группу ЯГОДА. РЫКОВ мне говорил, что одно время стоял вопрос о введении в состав этого центра и меня, как человека непосредственно связанного с ЯГОДОЙ, но затем это было признано нецелесообразным.

1933–1934 гг. показали, что наши заговорщические планы в значительной степени, связанные со ставкой на силы внутри страны, потерпели крах. Я говорю в «значительной степени» потому, что связи с «внешними силами» у нас были и ранее.

Я уже говорил выше о том, что в состав нашей организации входила Белорусская нацдемовская группа, являвшаяся по существу агентурой польского генштаба.

По мере дальнейшей активизации нашей деятельности, скатываясь со ступеньки на ступеньку, мы вошли в связь с разведывательными органами и других государств.

Вопрос: Каких именно?

Ответ: Из информации РЫКОВА я знаю, что центр правых был связан с так называемой пантюркистской националистической организацией, действовавшей в Средней Азии и, что лица возглавлявшие эту организацию являлись прямыми агентами английской и японской разведки.

Этой связи с иностранными разведками мы в последние годы придавали особое значение, ибо перспектива войны против СССР вселяла в нас надежду на возможность прихода к власти через поражение Советского Союза в войне с Германией и Японией.

Должен сказать, что на эти темы я имел также разговор с ТОМСКИМ.

Вопрос: Когда? В какой связи?

Ответ: В 1936 году в ту самую встречу с ТОМСКИМ, когда он мне передавал связи центра правых на случай своего провала и ареста. Это было после первого процесса троцкистско-зиновьевского блока. Вообще в эту встречу ТОМСКИЙ старался информировать меня как члена резервного центра о всех делах организации с целью установления преемственности в руководстве.

В эту беседу с ТОМСКИМ, которая была последней, он пытался развернуть предо мной оптимистическую картину наших дальнейших перспектив.

Он, помню, подчеркивал то положение, что по договоренности объединенного а/с центра с рядом империалистических государств – в первую очередь с Германией и Польшей к началу военных действий против СССР наша организация должна будет на Северном Кавказе, Украине, Урале, Сибири и в Средней Азии поднять восстание и что в этом направлении наши силы на местах действуют. В частности, в момент возникновения войны наши люди должны будут внести дезорганизацию в снабжение армии, в передвижение частей, подготовить и осуществить целый ряд одновременных крупных диверсий.

Этим же планом было предусмотрено совершение в момент возникновения войны ряда террористических актов против руководителей партии и правительства.

Такой формой активных действий, – заявил ТОМСКИЙ, – мы с другой стороны полностью обеспечиваем себе поддержку со стороны Германии и Польши в обстановке начала войны.

В заключение ТОМСКИЙ перешел к практическим вопросам.

Вопрос: То есть?

Ответ: К вопросу о составе резервного центра и основных линий его деятельности в процессе дальнейшей беседы ТОМСКИЙ набросал мне примерно следующее «разделение труда» между членами резервного центра, который уже сейчас должен сосредоточить в своих руках все нити организации.

АНТИПОВ – он должен возглавить всю работу центра. Руководить деятельностью наших людей в советском аппарате. Сосредоточить в своих руках все Средне-Азиатские и Украинские связи.

ХАЛАТОВ – о нем ТОМСКИЙ говорил, как о человеке ценном своими связями среди интеллигенции.

... – преимущественно осуществляет связь с вредительскими группами в промышленности и на транспорте.

СУЛИМОВ – он должен придать центру особый вес в сношениях с иностранными государствами, т.к., по словам ТОМСКОГО, его ценят за

то, что в нашей организации состоит человек, являющийся председателем Совнаркома самой крупной республики в Союзе.

На мою долю падало, главным образом, замещение ЕНУКИДЗЕ, т. е. связь с группой ЯГОДЫ (кстати, мои связи с ЯГОДОЙ не порывались все время) и группой ТУХАЧЕВСКОГО. Я должен был координировать деятельность этих групп и держать их в курсе общего состояния организации.

Кроме того, белорусская организация в лице ГОЛОДЕДА и ЧЕРВЯКОВА, — как мне сказал ТОМСКИЙ, — предупреждена, что в случае необходимости я свяжусь с ней. Для более детального согласования всей работы резервного центра ТОМСКИЙ посоветовал мне встретиться с АНТИПОВЫМ и обо всем поговорить с ним.

Вопрос: Вы встретились с АНТИПОВЫМ?

Ответ: АНТИПОВ сам позвонил мне и пригласил заехать к нему в КСК. Это было в половине марта 1937 года.

В этом разговоре АНТИПОВ мне подтвердил состав центра, сообщенный мне ТОМСКИМ, и предложил держать связь с ним и СУЛИМОВЫМ. Разговор был короткий. По существу все, что мне сказал АНТИПОВ, свелось к тому, что положение более чем напряженное, что произошел ряд совершенно неожиданных арестов и что вследствие этого нужно некоторое время выждать.

Вопрос: С СУЛИМОВЫМ вы встречались?

Ответ: С СУЛИМОВЫМ я был связан ранее. При встрече же с ним в 1937 году (это было во время процесса РАДЕКА — ПЯТАКОВА) мы успели обменяться с ним только несколькими фразами, из которых я понял, что СУЛИМОВ знает как о моей, так и о предназначенной ему роли в резервном центре правых.

Допрос прерывается.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

УХАНОВ
ДОПРОСИЛИ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ —
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

(ЛУЛОВ)

(ЦЕРПЕНТО)

ОПЕР. УПОЛ. 1У ОТДЕЛА ГУГБ
АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 37–51.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ПАРКА ТЮРЕМНЫХ ВАГОНОВ

25 августа 1937 г.

№ 59402

Тов. СТАЛИНУ

Состоящий в распоряжении НКВД СССР парк тюремных вагонов в составе 438 единиц не обеспечивает перевозки заключенных по железным дорогам.

В тюремных вагонах конвоируются:

- 1) особо опасные преступники,
- 2) следственные заключенные по вызовам судебных органов,
- 3) заключенные, пересылаемые в тюрьмы и
- 4) арестованные, направленные в тюрьмы из камер предварительного задержания рабоче-крестьянской милиции.

Конвоирование производится по 160 установленным НКВД и согласованным с НКПС маршрутами, по точно определенным дням.

По каждому конвойному маршруту ежемесячно совершается от 3 до 12 поездов; однако при этом ограниченном количестве поездов не обеспечивается ни вывоз арестованных из камер предварительного содержания, ни перевозка особо опасных и следственных заключенных. Дело осложняется еще тем, что при перевозке особо опасных преступников нагрузка вагона резко сокращается, а это, в свою очередь влияет на перевозку следственных и других заключенных.

По железнодорожным регулярно действующим конвойным маршрутам ежемесячно совершается 960 поездов, для полного обеспечения всех перевозок необходимо иметь 1486 поездов, в среднем – 10 по каждому маршруту. Такое увеличение количества поездов возможно лишь при условии доведения численности парка тюремных вагонов до 772 единиц.

Кроме этого, из имеющихся 438 вагонов только 218 вагонов оборудованы по камерной системе, остальные 220 вагонов – проходные, для конвоирования особо опасных преступников и большинства следственных заключенных не пригодны.

65 вагонов на деревянных швеллерных брусках, согласно новых правил технической эксплуатации, к курсированию в составах пассажирских поездов не допускаются и подлежат исключению из инвентаря.

101 двухосный вагон правилами технической эксплуатации допускаются к курсированию лишь в составах поездов пригородного сообщения, благодаря чему транспортные возможности в конвойной службе частей сокращены.

Помимо малочисленности парка вагонов и указанных конструктивных недостатков, все вагоны построены в период с 1863 по 1914 гг., изнашивались, обветшали и не гарантируют безопасности перевозок, часто выходят из строя в пути следования и подолгу простаивают в ремонте.

Недостаток тюремных вагонов и их состояние настойчиво требуют принятия немедленных мер к исполнению тюремного вагонного парка новыми вагонами и переоборудованию существующих.

Прошу поручить:

1. Народному Комиссариату Тяжелой промышленности построить 334 четырехосных камерных тюремных вагонов. Из них 200 вагонов в 1938 году и 134 в 1939 году.

2. Народному Комиссариату Путей Сообщения переоборудовать в 1938 году 220 тюремных вагонов по камерной системе, заменив 101 двухосный вагон на четырехосные и 65 вагонов с деревянными швеллерными брусками на вагоны с железными брусками.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР –
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

(ЕЖОВ)

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 103. Л. 192–194

ДОК. № 7

ЗАЯВЛЕНИЕ АРЕСТОВАННОГО ЛЮБИМОВА Н. И. ЕЖОВУ
3 октября 1937 г.

**СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Н. И. Е Ж О В У

Заявление

24 сентября с.г. я арестован и посажен в тюрьму, как враг народа. До настоящего времени я не давал никаких показаний по предъявленному мне обвинению, что считаю своей ошибкой.

Сегодня я твердо решил разоружиться перед партией, встать на путь искреннего чистосердечного признания моих антипартийных и антигосударственных преступлений.

До дня ареста я являлся участником антисоветской организации правых.

На путь этих преступлений меня привели – неопределенность политической позиции и политическое двурушничество. Вначале я при-

миренчески относился к борьбе правых против Центрального Комитета партии. Впоследствии в 1928-29 гг. встречаясь на даче в Серебряном Бору с А.П.СМИРНОВЫМ, я не давал отпора его антипартийным высказываниям, не сообщал об этом Центральному Комитету, так как был со СМІРНОВЫМ согласен. С этого времени среди правых я стал своим человеком и если можно так выразиться, завербован в их ряды.

Здесь на даче СМІРНОВА формировались кадры для активной борьбы против партии, против сталинского руководства. Уже тогда на нелегальных совещаниях СМІРНОВ от имени центра правых (РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО) прямо ставил вопрос о том, что в борьбе против партии мы должны иметь резервы.

Имелось в виду эти резервы создать из людей открыто к правым не примыкавшим, в расчете на то, что в случае провала одной части организации, выступающей открыто против партии, другая резервная, особо законспирированная часть ее, могла бы продолжать нелегальную борьбу.

Иначе говоря, еще в 1928–29 гг. по указаниям РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО были подобраны кадры людей способных заменить их в организации, войти в руководство организации для продолжения борьбы.

В этот резерв входили: АНТИПОВ, СУЛИМОВ, ЛОБОВ, ЖУКОВ, КОМАРОВ, ЧУДОВ, БАУМАН, БУБНОВ и я – ЛЮБИМОВ.

Впоследствии из этого нелегального актива правых были созданы две особо законспирированные руководящие тройки. Одна в составе: СУЛИМОВА, АНТИПОВА, ЖУКОВА и вторая в составе – БУБНОВА, БАУМАНА и меня – ЛЮБИМОВА.

Организацией этих двух «троек», или иначе говоря, запасных центров преследовались опять таки цели: не оставить организацию без руководства в случае провала.

Куда мы шли и на что мы шли, это теперь известно не только всей стране, но и за ее пределами.

Идя на борьбу против партии и ее руководства, мы не гнушались никакими методами и средствами. Мне очень тяжело говорить об этих методах, но я должен это сделать и заявляю, что дело дошло до установления контакта с руководителями контрреволюционных националистических организаций среднеазиатских республик – Файзулой ХОДЖАЕВЫМ, ИКРАМОВЫМ, РАХИМБАЕВЫМ и АТАБАЕВЫМ, с которыми я от имени правых вел переговоры о совместных контрреволюционных действиях.

Я понимаю, что Вы отнесетесь с недоверием к моему заявлению, я заслужил это недоверие, но еще раз заверяю, что искренне решил покончить со своим преступным прошлым и чтобы меня не ожидало, я расскажу на следствии всю правду.

Я расскажу, как я, человек, пользующийся доверием партии и правительства, поставленный во главе Наркомата легкой промышленности, используя это доверие, вел контрреволюционную вредительскую работу, направленную на развал легкой промышленности, на ущемление интересов трудящихся.

Для проведения вредительской работы я привлек таких людей, как: ЕРЕМИН и МЫШКОВ, являющихся участниками организации правых.

Обо всем этом на допросах я расскажу подробно.

И. ЛЮБИМОВ

3/Х – 1937 года.

ЦА ФСБ. АСД Р-4365. Л. 14–17.

ДОК. № 8

**СООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ТЕЛЕГРАММЫ ПОПОВА**

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.**

№ 62165

ТОВ. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 977 начальника Управления НКВД по Алтайскому краю тов. Попова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

ЕЖОВ

ШИФРТЕЛЕГРАММА вх. № 45018

Наркому т. Ежову

В 3 часа утра 18 ноября с.г. в здании Барнаульского горсовета возник пожар, последний принятыми мерами городской пожарной охраной был быстро ликвидирован без особого ущерба для здания.

Нами по подозрению в поджоге был арестован истопник горсовета Минаев Андрей Парамонович. Минаев показал, что до 1931 года проживал в деревне Мордовской Муромка бывшей Пензенской губернии, где имел зажиточное хозяйство, которое в 1930 году за саботаж хлебопоставки местной властью было распродано. Опасаясь дальнейших репрессий за противоклассовую агитацию, Минаев совместно со своим родственником скрывшимся от выселения кулаком Андреевым выехал в апреле 1931 года на рыбные промыслы острова Сахалин. На Сахалине Андреев был завербован японской разведкой для

шпионско-диверсионной деятельности и в свою очередь привлек Минаева к проводимой им диверсионной работе. Минаев показал, что Андреев в 1933 году по заданию японской разведки выехал на материк, где был пойман и как скрывавшийся кулак осужден в концлагерь и сослан в Архангельск. В конце 1933 года Минаев, опасаясь ареста за совершенный им диверсионный акт поджога рыбный промысел, так же выехал на материк, проживал в разных городах Сибири. Минаев часто менял место жительства, так как всюду его за к.р. деятельность быстро разоблачали, с производства увольняли. В июле с.г. Минаев прибыл в Барнаул, где устроился на Барнаульском Меланжевом комбинате и стал проводить вредительскую деятельность, но был сразу разоблачен и уволен, после чего Минаев пытался устроиться на работу на другие предприятия в Барнауле, но везде получал отказ в приеме. В ноябре с.г. Минаев устроился истопником Барнаульского горсовета, где на четвертый день работы совершил поджог отапливаемого им здания горсовета.

Устанавливаю всех лиц, связанных с Минаевым по диверсионной работе. Протокол допроса высылаю.

20.11.37 г.

Попов

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 161. Л. 62–64.

ДОК. № 9

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ПОПОВА

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62166

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 1440 начальника УНКВД по Алтайскому краю тов. Попова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ***

Ежов

---

*на первом листе имеется рукописная помета Сталина: «Т. Маленкову. Стоит прочесть».

Шифртелеграмма № 45640

Наркому внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный участник антисоветской правотроцкистской организации в Бийске райвоенком, троцкист, бывший колчаковец интендант 2-го ранга Зыкин показал, что в правотроцкистскую организацию его завер-

бовал в июне 1935 года японский шпион Третьяк Иван Яковлевич. По заданию Третьяка Зыкин вел активную подготовку к восстанию с целью свержения соввласти, для этого во время призывов засорял армию чуждыми элементами, сохранял командный состав запаса из числа бывших колчаковцев, вредительно разработал мобплан нереальными расчетами, нарядами в целях дезорганизации срыва мобилизации в момент начала войны. Для выполнения этой подрывной работы Зыкин завербовал исключенного из ВКП(б) кулака, бывшего колчаковского добровольца, нач. мобчасти Бийского райвоенкомата Шахматова. Зыкин показывает, что он организационно был связан с участниками правотроцкистской организации: полковником Самойловым – бывшим командиром 213 стрелкового полка, в данное время находится в частях Московского Военного Округа (не арестован); старшим политруком Хоревым – комиссаром 213 полка (не арестован), Кучмасовым – Барнаульский райвоенком – сын кулака (не арестован), бывшим командиром партизанского полка Вязниковым – бывшим зам. нач. управления шоссейных дорог Бийск-Кошагач, Малышевым бывшим секретарем Бийского райкома, в данное время второй секретарь Томского горкома ВКП(б) (не арестован), Степановым – бывшим вторым секретарем Бийского райкома, в данное время секретарь Беловского райкома (не арестован), Пилюшенко бывшим прокурором Бийского района, в данное время горпрокурор в Томске (не арестован) и другими в числе 13 человек. Кроме того, Зыкин показал, что в 1935 году на курорте Белокуриха через Третьяка в квартире зав. медчастью курорта бывшего анненковского карателя Большакова, он установил связь с сотрудником японского консульства в Новосибирске Танака, сообщил ему содержание мобпланов Бийского райвоенкомата и дал согласие сотрудничать в пользу Японии.

Арестованный по этому же делу командир роты Бийского стрелкового полка лейтенант Костенко Петр Иванович показал, что его завербовал в к.р. повстанческую организацию в марте с.г. бывший механик Чуйского военизированного тракта Солотов Федор (арестован), который вскоре связал Костенко с японским разведчиком Аристовым Константином – бывшим нач. планового отдела Чуйского тракта. Костенко передавал Аристову сведения состава, вооружении и комплектованности Бийского полка. Кроме того, Костенко показал, что Солотов ведет работу по созданию повстанческой организации в Бийском полку и дал ему задание подбирать в организацию недовольных существующим строем командиров.

По показанию Костенко участником к.р. организации является еще Серебренников – работник политотдела Чуйского военизированного тракта. Допрос Зыкина, Костенко продолжаем, выявляем практическую к.р. работу троцкистов в армии.

Протоколы Зыкина и Костенко высланы.

Справки на арест Самойлова и других военных имеющих звания вы-
сылаем.

20.11.37 г.

Попов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 327. Л. 65–68.

ДОК. № 10

**СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕ-
НИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА**

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62167

Направляю копию телеграммы № 1580 начальника УНКВД по Челя-
бинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

ЕЖОВ

Меморандум № 45455

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный помощник главного инженера шахты 4/6 Челябингля
Солодилов Федор Георгиевич признался, что являлся участником к.р.
организации правотроцкистского блока, действовавшей на Челябинском
угольном бассейне, завербован в конце 1934 года главным инженером
шахты 4/6 осужденным вредителем Жадниковым.

По заданию организации осуществил диверсионный акт – обруше-
ние кровли, в результате которого рабочие Ваганов и Порохов получи-
ли тяжелые увечья. С целью вызова подземных пожаров умышленно
нарушал технические правила горных работ, в результате чего создал
в шахте 3 подземных пожара. Применял вредительские методы выем-
ки угля мелкими заходками, оставлял шахту без новой подготовки, со-
кращал базу работ в шахте, в результате снижал добычу угля. Создавал
массовые аварии механизмов. Назвал участников организации – техни-
ческого директора треста Челябинголь Казанцева, бывшего помощника
технического директора Плотникова. Оба арестованы. Протокол до-
проса высылаем.

19 ноября 1937 г.

№ 1580

Чистов

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 161. Л. 75–77.

ДОК. № 11

**СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕ-
НИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА**

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62168

Направляю копию телеграммы № 1577, начальника УНКВД по Челябинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

ЕЖОВ

Меморандум № 45459

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный бывший главный инженер Ашинского лесохимкомбината Львов сознался в участии в троцкистской организации. Завербован в 1936 году бывшим директором Ашинского комбината Жарликовым.

Львов назвал ряд участников троцкистской организации из числа работников Ашинского лесохимкомбината. По делу арестовано 4 человека, сознались в участии 3.

На Ашинском комбинате троцкистской организацией проведена большая диверсионная вредительская работа. В 1937 году произведено два поджога основного химического цеха, в частности был организован пожар 19 сентября, нанесены убытки в 200.000 рублей. Производили отравления рабочих.

19 ноября 1937 г.

№ 1577

Чистов

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 161. Л. 79–81

ДОК. № 12

**СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕ-
НИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА**

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62169

Направляю копию телеграммы № 1581 начальника УНКВД по Челябинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

ЕЖОВ

Меморандум № 45454

Народному комиссару внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный главный механик Ашинского лесохимкомбината Багрянский признался в участии в к.р. троцкистской организации. Багрянский в троцкистскую организацию завербован бывшим главным инженером лесохимкомбината Львовым — нами арестованным. Багрянский назвал ряд участников троцкистской организации из числа работников лесохимкомбината. По делу арестовано 5 человек.

Троцкистской организацией на Ашинском лесохимкомбинате проведена большая диверсионная вредительская работа. В 1937 году произведено два поджога химического цеха, пожаром уничтожено эфироокислотное отделение. Нанесен убыток государству свыше 200 тысяч рублей.

Непосредственное участие в поджоге Багрянский признал.

Протокол допроса высылаю.

19 ноября 1937 г.

№ 1581

Чистов

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 161. Л. 83–85.

ДОК. № 13

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62170

Направляю копию телеграммы № 1676 начальника УНКВД по Челябинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

ЕЖОВ

Меморандум № 45456

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный бывший конструктор Челябинской ГРЭС Клейн признался в участии в шпионско-диверсионной организации. Завербован в 1934 году германским разведчиком Вильнер, осужденным Особым совещанием НКВД в январе с.г. на 5 лет. Клейн назвал ряд участников организации в Свердловске. В Челябинске создал диверсионную группу,

в которую вовлек 5 человек. По делу арестовано 4 человека, созналось в участии в организации 2 человека. Подготавливал взрыв железнодорожного моста и плотины ЧГРЭС.

19 ноября 1937 г.

№ 1676

Чистов

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 161. Л. 89–90.

ДОК. № 14

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62171

Направляю копию телеграммы № 1582 начальника УНКВД по Челябинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ***

ЕЖОВ

---

*На первом листе имеется рукописная помета: «Т. Молотову. Для сведения. И. Сталин».

Меморандум № 45453

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный зав. горными работами Миассзолото Прибылев признан в участии в к.р. троцкистской организации. В троцкистскую организацию Прибылев завербован бывшим главным инженером Силиным в 1935 году. Прибылев назвал ряд участников троцкистской организации из числа работавших на Миассзолото – бывшего управляющего Чухрита, начальника геологоразведочных работ Смирнова и других в количестве 11 человек.

По делу арестовано 7 человек, все признались. Аресты остальных продолжаю.

По показаниям Прибылева троцкистская организация проводила большую диверсионную работу на Миассзолото. Прибылев умышленно законсервировал богатые месторождения, срывал горноподготовительные работы и этим вызывал простой на фабрике. В 1935 году организовал обвал шахты Непоряхинского прииска с человеческими жертвами.

Протокол допроса высылаю.

19 ноября 1937 г.

№ 1582

Чистов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 327. Л. 69.

ДОК. № 15

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ЧИСТОВА

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62172

Направляю копии телеграмм №№ 1886 и 1887 начальника УНКВД по Челябинской области тов. Чистова.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ***

ЕЖОВ

Меморандум № 45544, 45545

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Арестованный по делу правых Овчинников А.В., бывший председатель Сталинского райсовета в Челябинске признался, что по заданию Рындина вошел в троцкистскую организацию действуя как агент правых среди троцкистов. Овчинников показал о существовании широкой троцкистской организации в Челябинской области, возглавлявшейся Хитаровым. По показаниям Овчинникова Хитаров в начале 1937 года сблизился с активным троцкистом Сыркиным – бывшим редактором «Челябинский рабочий», возглавлявшим активную троцкистскую группу в Челябинске. Овчинников в своих показаниях вскрывает механику взаимоотношений правых с троцкистской организацией в борьбе проводившейся за захват областного руководства.

По показаниям Овчинникова Рындин в начале 1935 года вел переговоры с Хитаровым о блоке, которые не привели к положительным результатам. Рындин настаивал на полном подчинении троцкистов правым, Хитаров же настаивал на заключении блока на равных началах и полном сохранении организационной самостоятельности троцкистов. Овчинников в показаниях указывает на ряд нелегальных совещаний троцкистской организации, на которых обсуждался вопрос о взаимоотношениях с правыми по борьбе за захват руководства. На совещании в феврале с.г.

---

*На первом листе имеется рукописная помета Сталина: «Т. Маленкову. Для ознакомления».

участник троцкистской организации Усанов по вопросу о блоке с правыми заявил: «Теперь о блоке с Рындиным нечего говорить, надо провалить его на конференциях и заставить уехать из области».

Во главе областного руководства поставить Хитарова, тогда легко будет договариваться о блоке с правыми, среди них положительной фигурой является Апасов, если удастся провалить Рындина, войти в блок с правыми – можно будет Апасова поставить вторым секретарем. В апреле с.г. на квартире троцкиста Стасевича состоялось нелегальное собрание, на которое по инициативе троцкистов был приглашен член центра правых Сокольников для переговоров о совместном выступлении против Рындина с целью провала его на городской и областной конференциях. С вовлечением Апасова троцкисты стремились втянуть часть правых в борьбу против Рындина. На это Апасов прямого согласия по блоку троцкистов не дал, но к постановке вопроса о провале Рындина и выдвижении Хитаровым его – Апасова на руководящую работу в области отнесся одобрительно.

Эти обстоятельства дали толчок к активизации троцкистской деятельности за захват руководства в области. Троцкист Усанов накануне Челябинской городской партконференции выступил в «Правде» со статьей направленной против Рындина. Следствием установлено, что статья была написана в связи с деятельностью троцкистской организации, направленной к провалу правых и захвату руководства области в свои руки.

Показания Овчинникова высылаю почтой.

20 ноября 1937 г.

№ 1886, 1887

Чистов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 327. Л. 72–74.

ДОК. № 16

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ МЕДВЕДЕВА

Совершенно секретно

21 ноября 1937 г.

№ 62173

Направляю копию телеграммы № 2408 народного комиссара Внутренних дел Башкирской АССР тов. Медведева.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ* ЕЖОВ**

*на первом листе имеется рукописная помета: «Т. Маленкову. И. Сталин».

Народному комиссару Внутренних дел СССР тов. Ежову

Проходящий по делу вскрытой в Башкирии троцкистско-бухаринской организации бывший секретарь Уфимского горкома ВКП(б) Гришкан Михаил Семенович признал себя участником центра этой организации, он подтвердил вхождение в центр Быкина, Дубенского, Зеликмана и других известных вам по материалам следствия и дает показания о преступной деятельности организации.

Гришкан сознался, что по возвращении из Латвии в качестве политэмигранта в 1921 году обманом проник в ВКП(б) скрыв выход в 1920 году из партии, самовольный отъезд в Латвию и дачу латвийской секции КИ ложных сведений о своем участии и подпольной работе в Латвии.

Признал Гришкан создание им в 1930–1931 г.г. в Белорецком районе троцкистской группы. Говоря о своей связи с Быкиным с 1927 года Гришкан уличает его как бухаринца, с которым неоднократно обсуждал вопросы борьбы против ВКП(б). В 1930 году Гришкан через Быкина установил связь с Погребинским, который ему сообщил о принадлежности к организации правых, о своей связи с Ягодой, Котовым и активной борьбе против партии. В марте сего года Гришкан имел встречу в Горьком с Погребинским, который ему высказывал террористические намерения против руководства ВКП(б) в Москве со снятием Ягоды. Подтверждая наличие блока между троцкистско-бухаринским центром и центром буржуазно-националистической организации, Гришкан называет участников Валидовского центра Тагирова, Исанчурина и других и вскрывает большую подрывную вредительскую деятельность со стороны этих организаций в промышленности и сельском хозяйстве. В Москве Гришкан по к.р. деятельности был тесно связан с Мировым-Абрамовым, находившимся в тесной связи с Ягодой. Гришкан подтвердил показания Дубенского о «новой оппозиции» и о связи Быкина с Хагаевичем, Румянцевым и Ягодой.

Материалы следствия дают основания считать, что Гришкан является шпионом латвийской разведки и в этом плане ведем следствие. Протокол допроса высылаю почтой.

19.11.37 г.

№ 2408

Медведев

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 327. Л. 87–89.

30 ноября 1937 г.

№ 62378

Т. СТАЛИНУ

Направляю сводку важнейших показаний арестованных по ГУГБ
НКВД за 27 ноября 1937 г.

СВОДКА

важнейших показаний арестованных ГУГБ НКВД

Союза ССР

По 3-му ОТДЕЛУ*

1. ДАВТЯН Я. Х. – бывший полпред СССР в Польше. Допрашивал:
Рубинштейн**.

Дал показания о своей связи с антисоветским центром правых в
лице БУХАРИНА, а также о том, что на протяжении ряда лет он яв-
ляется агентом 2 отдела Польского Главного штаба. Для шпионской
работы в пользу Польши им был привлечен советник полпредства
СССР троцкист *ВИНОГРАДОВ*, которого он – ДАВТЯН, в связи
с отъездом в СССР, непосредственно связал со 2-м отделом Поль-
главштаба.

Для антисоветской работы ДАВТЯН привлек сотрудников Полпред-
ства СССР **ВЕРШИНИНА**, **АЛЕКСАНДРОВСКОГО** и
СУХАНОВСКОГО, при чем последний по заданиям 2-го Отдела
Польглавштаба был направлен ДАВТЯНОМ в СССР для диверсион-
ной работы. (СУХАНОВСКИЙ арестованный ране, дал аналогичные
показания.

ДАВТЯН показывает, что по шпионской работе в СССР он был свя-
зан с ЛОГАНОВСКИМ (подтвердил) и ПЕСТКОВСКИМ. Показания
ДАВТЯНА являются первичными.

---

*в правом верхнем углу имеется помета Сталина: «Важно погов[орить] с Ежовым
или Фриновским».

** слева на полях имеется помета Сталина: «круг с крестом – арестовать, круг без
креста – взять на учет.

. фамилия обведена в кружок и имеется помета Сталина: «нужно сообщить об
этом новому советнику в Варшаве».

**-*.* фамилии обведены в кружок с крестом.

2. КУРЦ В. А. – бывший председатель Акционерного Общества «Интурист». Допрашивал: Найдман.

Дал первичные показания о том, что является одним из руководителей правонационалистической организации, существовавшей в Республике Немцев Поволжья, в состав которых входили ряд ответственных работников республиканского партийного и советского аппарата ФУКС, ВЕЛЬШ и др.

КУРЦ показывает, что организация проводила активную контрреволюционную работу в республике Немцев Поволжья и была непосредственно связана до фашистского переворота с белоэмигрантскими немецкими националистическими организациями в Германии и в США. После переезда КУРЦА и ряда других руководящих участников организации в Москву, КУРЦ продолжал поддерживать тесную связь с организацией в Республике Немцев Поволжья и в Москве руководил антисоветской работой среди немецкого студенчества. В 1933 году при поездке в Германию КУРЦ связался непосредственно с министром пропаганды ГЕБЕЛЬСОМ, который был осведомлен о деятельности правонационалистической организации в Республике Немцев Поволжья и о руководящей роли в ней КУРЦА и дал КУРЦУ ряд новых указаний о фашизации правонационалистической организации и об активизации ее работы. В соответствии с этой установкой КУРЦ, по возвращении в СССР, проводил активную фашистскую деятельность и, главным образом, готовил повстанческие кадры, которые должны были быть использованы во время войны между Германией и СССР.

3. КНОРИН В. Е. Допрашивали: Полячек, Ланфанг.

Дал дополнительные показания о своем сотрудничестве с латвийской разведкой с 1931 года. КНОРИН показывает, что в 1930 году он имел встречу с бывшим видным социал-демократом, в настоящее время фашистом, бывшим министром латвийского правительства *СКУЕНЕК*, который и привлек его к работе в интересах латвийской разведки. Согласно договоренности с СКУЕНЕК, КНОРИН проездом из Берлина в Москву остановился в Риге, где имел встречу с генералом латвийской армии *БЕРКАС*, который дал КНОРИНУ указания о дальнейшем развертывании националистической и диверсионно-повстанческой работы на территории СССР. КНОРИН показывает, что националистическую и диверсионно-повстанческую работу он проводил совместно с ЭЙДЕМАНОМ, УЛЬЯНОВЫМ, **БЕРНОВСКИМ**, **КРОНБЕРГОМ** и другими руководителями латвийской националистической организации. По показаниям КНОРИНА диверсионные группы организации, состоявшие из бывших латышских стрелков, ***совершали диверсионные акты на металлургиче-

ском заводе имени Петровского в Днепродзержинске, на Харьковском заводе***, бывший ВЭК, где имелось большое количество рабочих латышей. КНОРИН дает также показания о ряде других националистических латвийских групп в разных районах. Показания КНОРИНА являются первичными.

- фамилии обведены в кружок.

**-* фамилии обведены в кружок с крестом.

*** на полях фраза отчеркнута двумя вертикальными линиями и сделана помета: «Важно».

4. ТУПОЛЕВ А. Н. Зам нач. 1-го Главного Управления НКОП. Допрашивали: Груздев, Белгородский.

Дал дополнительные показания о своей шпионской работе в пользу Франции, сознался, что с 1924 года он был связан с агентом французской разведывательной службы русским эмигрантом МАРГУЛИСОМ, которому систематически передавал сведения о советском воздушном флоте.

Дополнительно показал о ряде вредительских актов, проведенных им и другими участниками антисоветской организации в авиационной промышленности. Дал показания о срыве им перелета ЛЕВАНЕВСКОГО через Северный полюс в Америку в 1935–1937 гг.; показал, что им и участником антисоветской организации ОЗЕРОВЫМ был сорван полет ГРОМОВА в 1933 году на установление мирового рекорда дальности.

*фамилия обведена в кружок с крестом и имеется помета: «Ар[естовать]?»

5. КОРОЛЕВ Г. М. Бывший директор завода № 26. Допрашивал: Кузнецов.

Дал показания о своем участии в антисоветской организации в авиационной промышленности, в которую он был вовлечен РУХИМОВИЧЕМ в 1935 году.

КОРОЛЕВ назвал ряд активных членов организации на заводах №№ 1, 26 и 39. Основная группа организации, известная КОРОЛЕВУ, существовала на заводе № 26, где проводилась значительная вредительская работа.

Показания КОРОЛЕВА являются первичными.

6. СТОЛЯР. Бывший второй секретарь полпредства СССР в Лондоне. Допрашивали: Григорьев и Мальцев.

Дал показания о том, что является троцкистом и был организационно связан с арестованным троцкистом МАЙОРСКИМ. В 1936 году при посредстве МАЙОРСКОГО, в Лондоне, СТОЛЯР был завербован для разведывательной работы в пользу Японии секретарем японского по-

сольства в Лондоне ХИРОСИМО и передавал ряд секретных документов и шпионских сведений.

7. САНДЛЕР Л. И. Бывший работник Госбанка. Допрашивал: Кабанцев.

Показал, что является участником антисоветской троцкистской организации, существующей в Госбанке с 1931 года и сознался в том, что является с 1929 года резидентом японской разведки. САНДЛЕР назвал 7 японских агентов, находившихся у него на связи, которые устанавливаются для ареста.

Показания САНДЛЕРА являются первичными.

8. МЕРИНГ Р. А. Бывший представитель КП Эстонии в ИККИ. Допрашивали: Полячек, Шварцман.

Дал дополнительные показания о том, что он в действительности был завербован Эстонским Генеральным штабом не в 1923, а в 1921 году и стремился скрыть свою провокаторскую деятельность в течение 2-х лет, так как являлся в этот период виновником убийства секретаря Ревельского комитета компартии Эстонии КРУКСА.

МЕРИНГ дал дополнительно подробные показания о глубокой провокаторской работе, проведенной им по заданию Эстонского Генерального штаба, результатом которой были неоднократные провалы и захват руководства компартии Эстонии охранкой.

МЕРИНГ показывает также о ряде лиц, ведущих провокаторскую и разведывательную работу в СССР, которые нами устанавливаются и проверяются.

Обращают на себя внимание показания МЕРИНГА о том, что начиная с 1924 года эстонская полиция проводила массовые вербовки арестованных членов партии и комсомола, выпуская их на свободу и перебрасывая впоследствии на территорию СССР.

9. РОЗИН А. Г. Бывший управляющий Всесоюзным трестом «Сульфаттрест» Наркомлеса СССР. Допрашивали: Когенман и Панков.

Дал показания о том, что являлся активным участником антисоветской организации правых, существовавшей в лесной промышленности. Показаниями РОЗИНА вскрывается значительная вредительская и диверсионная работа, проводившаяся в имеющей оборонное значение лесохимической промышленности СССР. РОЗИН показал также о том, что участниками организации подготавливались террористические акты против т.т. МОЛОТОВА, МИКОЯНА и ЕЖОВА в Москве 6-го сентября 1937 г. и 7 ноября 1937 г. и против т. ВОРОШИЛОВА в 1936 г. во время его пребывания в Бобруйске и Минске на маневрах Белорусского военного округа. По антисоветской деятельности РОЗИН был непосредственно связан с руководителем организации ЛОБОВЫМ.

РОЗИН назвал ряд участников организации и непосредственных участников диверсионных групп организации, созданных на Бобруйском заводе Сульфаттреста, ленинградском гидролизном заводе и на строительстве Дальне-Восточного завода.

До 1935 года, работая в Белоруссии, РОЗИН входил в состав антисоветской организации, действовавшей под руководством ГОЛОДЕДА, БЕНЕКА, бывшего наркома земледелия БССР и др.

10. АБРАМОВИЧ В. И. Бывший зам. управляющего Всесоюзным Сульфаттрестом НКЛ СССР. Допрашивал: Тимонин.

Дал показания о своей принадлежности к антисоветской организации правых в системе лесной промышленности и о подрывной террористической работе этой организации.

Показания АБРАМОВИЧА целиком подтверждают показания РОЗИНА о крупных вредительских и диверсионных актах, проведенных в лесохимической промышленности СССР. АБРАМОВИЧ также показывает о подготовке организацией поджога Ленинградского гидролизного завода и лесопильного завода «Пионер».

По 4-му ОТДЕЛУ

1. РЫКОВ А. И. Бывший Нарком связи. Допрашивал: Церпенто.

Дополнительно показал, что в 1932-1933 г.г. центр правых (РЫКОВ, БУХАРИН, ТОМСКИЙ) обсуждал национальную политику правых, на случай прихода их к власти.

Было решено: во всех национальных республиках, входящих в СССР, провести «всенародный» плебисцит по вопросу о том, желает ли та или иная республика оставаться в Советском Союзе или напротив, выйти из него.

Проведение этого плебисцита предполагалось возложить на буржуазные националистические контрреволюционные организации, с которыми к этому времени был заключен блок для совместной борьбы с партией.

Этим решением, показывает РЫКОВ, центр правых преследовал цель, создать почву для переговоров о вооруженной помощи правым в вопросе захвата власти в России при помощи капиталистических стран.

2. АНТИПОВ Н. К. Бывший Председатель К.С.К. Допрашивал: Родос.

Уточняя ранее данные им показания, показал, что:

1. В 1932 году, в соответствии с указаниями РЫКОВА, БУХАРИНА и ТОМСКОГО, был создан резервный центр правых, в который вошли: АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ.

Позднее – в середине 1933 года, в целях усиления борьбы против партии и Советской власти этот резервный центр правых стал действовать параллельно основному центру, возглавлявшемуся РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и ТОМСКИМ.

2. Перед параллельным центром была поставлена основная задача привлечения в организацию правых – ранее неизвестных по антипартийной работе людей, в частности, из числа руководящих партийных и советских работников.

3. Параллельный центр правых до последнего времени вел активную диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность через периферийные организации.

4. В практической антисоветской работе параллельный центр правых и лично АНТИПОВ был связан с центром антисоветского заговора на Украине (ПОПОВ, ЗАТОНСКИЙ, ЛЮБЧЕНКО), с центром антисоветской организации правых в Белоруссии (ШАРАНГОВИЧ, ГИКАЛО, ГОЛОДЕД и ЧЕРВЯКОВ), с антисоветскими формированиями в Узбекистане (ИКРАМОВ), а также с военным заговором – (ТУХАЧЕВСКИЙ).

3. **ИКРАМОВ Акмаль** – бывший Секретарь ЦК Узбекистана. Допрашивал: Курф, Михеев.

Уточняя ранее данные им показания, показал, что:

1. Он являлся одним из организаторов и руководил контрразведывательной националистической организацией в Узбекистане «Милли-Истиклял».

2. Контрреволюционная организация «Милли-Истиклял» была создана им – ИКРАМОВЫМ в 1928 году при ближайшем участии узбекских буржуазных националистов МАННОН-РАМЗИ, БАТУ и др.

3. Контрреволюционная организация «Милли-Истиклял» ставила своей конечной целью отторжение от СССР части Средне-Азиатской территории и образование «независимого» буржуазно-демократического государства.

4. ИКРАМОВЫМ были намечены следующие географические контуры этого буржуазно-демократического Узбекского государства: весь Узбекистан, Кара-Калпакия, несколько южных районов Казахстана, Туркменистан и Таджикистан, и южная часть Киргизии (вся Ферганская долина).

5. В борьбе за осуществление указанной цели контрреволюционная организация рассчитывала на помощь со стороны японо-германского фашизма.

6. Контрреволюционная организация на протяжении ряда лет, до 1937 года, до момента ареста ее руководителей, вела подрывную вредни-

тельную деятельность по всем отраслям народного хозяйства Узбекистана и Таджикистана с тем, чтобы восстановить **грудящееся** население против советской власти и тем самым **подготовить почву для** антисоветского восстания.

7. В 1934 г. по предложению **АНТИПОВА, он - ИКРАМОВ**, установил антисоветскую связь с руководителями **контрреволюционного** центра правых, и в последующем вся практическая **контрреволюционная** работа «Милли-Истиклял» координировалась на местах с **правыми**.

8. В 1936 г. **ИКРАМОВ**, через **РАХИМБАЕВА**, установил антисоветскую связь с контрреволюционной националистической организацией Таджикистана и в дальнейшем контрреволюционная деятельность Таджикской контрреволюционной националистической организации протекала под руководством **ИКРАМОВА**.

4. **БРОН С. Г.** – бывший зав. ОГИЗом. Допрашивал: Колосков.

Показал о наличии в ОГИЗе антисоветской организации правых и проводимой ею вредительской работе.

Дополнительно показал, что:

1. Будучи в Америке, на посту председателя Амторга, вел подрывную антисоветскую работу, заключая невыгодные для Советского Союза договора с американскими фирмами, что принесло стране до 10 миллионов долларов убытка.

Аналогичную подрывную работу проводил в Англии, где он работал в качестве Торгпреда.

2. В 1930 г. был завербован руководителем Мондовского концерна **МАК-ГАДЕНОМ** для ведения шпионской работы в пользу Англии, которому систематически передавал секретные данные о промышленности, сельском хозяйстве, финансах, импортном и экспортном планах Союза.

5. **МЕСЯЦЕВ П. А.** – бывший начальник отдела сельского хозяйства Госплана СССР. Допрашивал: Егоров.

Сознался в том, что:

1) он является участником антисоветской организации правых, существовавшей в Госплане и Наркомземе СССР, в которую был завербован бывшим зам. председателя Госплана **ГАЙСТЕРОМ** и поддерживал организационную связь с ***ВЕРМЕНИЧЕВЫМ***;

2) по указаниям **ГАЙСТЕРА** и **ВЕРМЕНИЧЕВА** он – **МЕСЯЦЕВ**, проводил вредительскую деятельность в области планирования на срыв введения правильных севооборотов, сужения кормовой базы, запутывания дела семеноводства зерновых культур, затягивания строительства ирригационных сооружений в хлопковых районах и т.д.;

3) наряду с вредительской деятельностью вел вербовочную работу, был в курсе террористических методов борьбы антисоветской организации правых;

4) назвал известных ему участников антисоветской организации правых по Госплану: СМИРНОВ, КВИРИНГ, ЭММ, ТРОИЦКИЙ – нач. отдела финансового планирования, *БОРИЛИН* – нач. отдела сводно-го планирования, ЛАУЭР – нач. отдела металлургии и по Наркомзему: ГАЙСТЕРА, МУРАЛОВА, ЦЫЛЬКО, БУРНАШЕВА – нач. планово-финансового отдела и *ГАЛЕВИУСА* – заместителя БУРНАШЕВА.

6. КРАСКИН А. С. – бывший заместитель начальника Главного управления транспортного машиностроения Наркомтяжпрома. Допрашивал: Сергеенко.

В заявлении на имя Наркома сознался в том, что:

1) является участником антисоветской троцкистской организации, в которую был завербован в 1935 году бывшим начальником Главвагонпрома ФУШМАНОМ А.М.;

2) через ФУШМАНА связался с участником троцкистской организации бывшим начальником Уралвагонстроя МАРЬЯСИНЫМ, с которым поддерживал организационную связь;

3) проводил подрывную вредительскую работу в транспортном машиностроении, в частности на Уралвагонстрое.

7. ЧЕРКАССКИЙ И. Я. – бывший студент Вечернего литературного института. Допрашивал: Петровский.

Сознался в том, что:

1) он, будучи антисоветски настроенным вел работу по созданию контрреволюционной террористической организации для борьбы против партии и советского правительства путем террора;

2) с этой целью он создал террористическую группу в составе студентов этого же института ФИРЕРА, ПРОЦВЕТАЛОВА и КАЛАШНИКОВА;

3) группа ставила своей задачей совершение террористических актов против партии и правительства, в первую очередь против тов. СТАЛИНА. Теракты приурочивалось совершить в дни празднования 20-й годовщины Октябрьской социалистической революции, или в период выборов в Верховный совет;

4) с целью осуществления террористических актов ЧЕРКАССКИЙ вел слежку за машинами членов правительства на Красной площади и около других выездов из Кремля, изыскивал средства для совершения теракта, намериваясь осуществить его при помощи метательного снаряда, или же револьвера.

По 5-му ОТДЕЛУ

1. ХАЛЕПСКИЙ – бывший Наркомсвязи СССР. Допрашивал: Ушаков. Показывает о своих функциях в военно-фашистском заговоре:

- фамилии обведены в кружок с крестом.

- 1) вредительство по формированию мотомехвойск;
- 2) вредительство в подготовке кадров комсостава в академии мотомех войск и в школах;
- 3) вредительство в боевой подготовке;
- 4) вредительство в оборонной промышленности;
- 5) вредительство в материальном обеспечении мотомехвойск;
- 6) диверсионная работа и шпионаж;
- 7) связь с правыми.

Во вредительской работе ХАЛЕПСКОГО по формированию мотомеханизированных войск принимал участие ЛЕВИЧЕВ, который давал преувеличенные требования количества соединений. Благодаря этому, *из пятитанкового взвода сделали трехтанковый*, увеличив за этот счет количество соединений. Первые были обескровлены, а вторые – некомплекты.

В академиях и школах не учили на живой технике, задерживалось обеспечение ВУЗов новыми образцами оружия, вследствие чего кончавшие ВУЗы молодые командиры не умели в армии справляться со своими задачами.

В области боевой подготовки части, как правило, не отрабатывали низшего соединения взвод-рота, не сколачивали батальона, вследствие чего бригады ходили не боевыми порядками, а табунами.

Наставления по оперативному использованию мехвойск были рассчитаны на выматывание людей и материальной части. Наставления по огневой подготовке были надуманные и отвечали больше требованиям стрельбы на полигоне, а не в боевой обстановке. Подготовка войск велась без учета особенностей вероятных театров.

ТУХАЧЕВСКИЙ, СЕДЯКИН, ОЛЬШАНСКИЙ, СТЕПНОЙ-СПИЖАРНЫЙ и ХАЛЕПСКИЙ вредительски преподали «теорию» глубокого прорыва укрепленной полосы танками без достаточной артиллерии и два года ломали матчасть, иногда калечили людей. Все учения и маневры до 1936 года проводились с нереальными тылами обеспечения.

Вредительство в материально-техническом обеспечении заключалось в том, чтобы вести хищнический ремонт, неправильно планировать производство запасных частей, создавать дефицитность тары для горючих и смазочных веществ; из года в год ухудшалась конструкция машин, создавалась многотипность танков и т.д. Гаражи для танков строились по системе Каменева, таким образом, чтобы было легко поджигать их.

Связь с правыми ХАЛЕПСКИЙ поддерживал через ЖУКОВА, ЛОБОВА и КАДАЦКОГО. ХАЛЕПСКИЙ информировал их о положении в армии, подрывной работе, пораженческих планах и т.п.

- фраза выделена крестом на полях

2. ДОЗИТ – бывший начальник учебного отдела Военно-транспортного училища. Допрашивали: Листенгурт, Бренер, Степанцев.

На первом допросе сознался в том, что является агентом латвийской разведки, в которую был завербован в 1931 году работником Разведупра РККА, бригадным комиссаром ЦИНИСОМ.

Показал, что на территории СССР существует крупная латышская националистическая шпионская организация, центр которой находится в Москве.

В состав центра организации входили: РУДЗУТАК Ян, ЭЙДЕМАН, ЛАЦИС.

В связи с арестом некоторых членов организации, центр был пополнен комкором СТУЦКА, ВАЦЕТИСОМ и другими.

Центр организации имеет непосредственную связь с латвийским посольством в Москве.

Для руководства военной частью организации действовал военный штаб, возглавлявшийся ЭЙДЕМАНОМ, АЛКСНИСОМ, АППОГА, ВАЦЕТИСОМ, БОКИСОМ, СТУЦКА.

ДОЗИТ назвал свыше 30-ти участников организации по Москве, которые проводят широкую националистическую и шпионскую работу.

Вся антисоветская работа осуществляется организацией через латышский клуб и издательство «Прометей» в Москве. *Большая повстанческая работа проведена в латышской колонии имени Дашевского под Москвой*.

Показаниями ДОЗИТА устанавливается, что большинство участников организации являются агентами латвийской разведки. В Ленинграде, Смоленске, Белоруссии и Омске имеются филиалы этой организации. ДОЗИТ назвал руководителей: в Ленинграде – **МИЛАЙС**, работник обкома ВКП(б) и комкор ***СТУЦКА***; в Смоленске – **РАТНИК**, **ДЗЕНИС** и **ИЗАК**; в Белоруссии – **МАРТИНСОН** и в Омске – пом. прокурора **КРАУЗЕ**.

- фраза выделена тремя крестами на полях.

- фамилии обведены в кружок.

. фамилия обведена в кружок с крестом.

3. МЕЗИС – бывший член Военного Совета БВО. Допрашивали: Николаев, Листенгурт, Малышев.

В дополнение к поданному заявлению о своем участии в антисоветском военном заговоре показал о том, что будучи ранее начальником ПУОКРа ПРИВО завербовал в заговор следующих лиц:

1. *ВАРГЕРА* – заместителя начальника ПУОКРа ПРИВО, дивизионного комиссара;

2. *СУБОТИНА* – бывшего комиссара Оренбургской авиашколы, уволенного из РККА;

3. *КЛАВАЦКОГО* – начальника культпросветотдела ПУОКРа ПРИВО, полкового комиссара;

МЕЗИСУ известно, что ВАРГЕР в свою очередь завербовал *ПАВЛОВА* – ныне заместителя начальника ПУОКРа ПРИВО, полкового комиссара и *КОНОВАЛОВА* – секретаря окружной партийной комиссии, полкового комиссара.

Вовлеченный в заговор МЕЗИСОМ СУБОТИН в свою очередь завербовал комиссара авиабригады ПРИВО *ФИЛИППОВА*.

БУЛИН информировал МЕЗИСА о том, что участником заговора является также заместитель начальника политотдела Саратовского военного училища *ТОЛМАЧЕВ*.

В мае 1937 года при приеме дел от БУЛИНА, последний поставил МЕЗИСА в известность, что БВО участниками заговора являются:

1. *ПИСЬМАННИК* – зам. начальника ПУОКРа БВО, дивизионный комиссар;

2. *КРАСНОВ* – быв. комиссар штаба БВО, ныне заместитель начальника Управления по начсоставу РККА, дивизионный комиссар, которого БУЛИН, в интересах заговора, перетащил из БВО в Москву;

3. *ЛОСЕВ* – комиссар тяжелой авиабригады БВО, бригадный комиссар;

4. *ФЕЛЬД* – и.о. комиссара 27 кав. дивизии, полковой комиссар.

С этими лицами БУЛИН предложил МЕЗИСУ связаться и продолжать вредительскую и вербовочную работу.

МЕЗИС связался с ПИСЬМАННИКОМ, от которого узнал, что в заговоре также участвуют:

1) *НОВИКОВ* – бывш. нач. отдела ПУОКРа БВО, полковой комиссар;

2) *ТУТУНКИН* – бывш. редактор окружной газеты, ныне работник ПУ РККА, полковой комиссар;

3) *ГРЕБЕННИК* – ныне начальник ПУОКРа Забайкальского военного округа, дивизионный комиссар.

. фамилии обведены в кружок с крестом.

4. **АЛКСНИС** – бывш. зам НКО и бывш. нач. ВВС РККА. Допрашивали: Рогачев, Ивкер.

Сознался в том, что является агентом латвийской разведки. Завербован в 1936 году начальником генштаба латвийской армии ГАРТМАНИСОМ.

До связи с ГАРТМАНИСОМ АЛКСНИС установил связь с работником латвийской разведки КИРВЕЙЛЕМ, с которым встречался при поездках в Ригу. КИРВЕЙЛ в 1922 году служил вместе с АЛКСНИСОМ в Орле, где был комендантом города, а впоследствии нелегально эмигрировал в Латвию.

5. ГРИНБЕРГ – бывш. член Военного Совета Армии Особого назначения. Допрашивали: Лукин, Кривошеев.

Дал показания о вербовки им в антисоветский заговор по Ленинграду: зам. нач. ПУОКРа ЛВО – *НЕМЕРЗЕЛИ*, нач. политотдела бригады *СВИСТУНОВА*, бывш. нач. политотдела 2-ой артбригады *КОГАНА*, нач. авиационного сектора ПУОКРа ЛВО – *ЕФРЕМОВА* и по Москве: начальника ОРПО ПУАРМ АОН – *КОРИЦКОГО*, врид комиссара Воронежской бригады ПЕЧЕРСКОГО и бывшего комиссара Воронежской бригады *КРАУЗЕ*. Вместе с этим ГРИНБЕРГ установил связь с *ЗЫКУНОВЫМ*, ранее завербованным *СЛАВИНЫМ*.

ГРИНБЕРГ дал показания о подрывной работе, проводимой лично и другими участниками заговора в АОН.

В вопросе о кадрах проводилась линия на сохранение в армии антисоветских элементов и негодных людей. В области борьбы с авариями и катастрофами проводилось прямое попустительство, которое приводило к росту аварий и катастроф.

После самоубийства ГАМАРНИКА, руководство заговором по линии ПУ РККА перешло к БУЛИНУ. В этот период была дана установка на сохранение кадров заговорщиков.

6. БОКИС – бывший начальник АБТУ РККА. Допрашивали: Листенгурт, Якунин.

В развитие поданного ранее заявления показал о том, что является участником антисоветского заговора и агентом латвийской и германской разведок.

В заговор БОКИС был завербован в 1935 году ХАЛЕПСКИМ, по заданию которого проводил вредительскую работу по линии вооружения, организации и боевой подготовки автобронетанковых войск РККА.

Через участников заговора УРИЦКОГО, *ЛЕВОНЮКА* и МЕЖЕНИНОВА, БОКИС передавал для германской разведки шпионские сведения о состоянии и вооружении автобронетанковых войск.

Как агент латвийской разведки БОКИС был завербован в 1935 году ДОЗИТОМ, бывшим сотрудником Отдела Внешних Заказов НКО.

- фамилии обведены в кружок с крестом.

По шпионской работе в пользу Латвии был связан с ДСОИТГОМ и ШТРАУСОМ – бывшим редактором «Истории латышских стрелков». Передавал шпионские материалы о дислокации, вооружении и боевой подготовке частей.

- фамилия обведена в кружок с крестом.

7. РИНК – бывший военный атташе в Японии. Допрашивали: Ямницкий, Казакевич.

Дополнительно показал, что был связан с преподавателем военной академии – английским шпионом *СОКОЛЬСКИМ*, от которого знал, что агент РУ РККА в Афганистане, белоэмигрант *ТОЛМАЧЕВ* является двойником, будучи перевербован английской разведкой через сотрудника полпредства СССР в Афганистане РИКСА.

РИКС и ТОЛМАЧЕВ – бывшие полковники разведки царской армии, пользовались своим влиянием в отношении полпреда СССР в Афганистане СТАРКА, направляя его политику в интересах Англии.

РИНК был связан по шпионской работе с участниками заговора резидентами РУ РККА в Дайрене *МАМАЕВЫМ* и в Сеуле – *ПОВЕРЕННОВЫМ*, с которыми контактировал свою работу по дезинформации командования РККА и правительства СССР.

В Токио РИНК завербовал в заговор и привлек к шпионской работе в пользу Японии помощника военного атташе СССР в Японии *ФЕДОРОВА*.

От японского шпиона бывшего резидента РУ РККА по Японии АСКОВА, РИНКУ известно о том, что один из резидентов Разведупра *ЛАКС* является фашистом и сотрудником германской разведки.

- фамилии обведены в кружок с крестом.

ПО 6-му ОТДЕЛУ

1. ХЛОПЛЯНКИН – бывш. зав. «Трансторгпитом» НКПС, в прошлом зам. пред. Московского облисполкома, зам. пред. Центросоюза. Допрашивал: Наседкин.

Начал давать показания, которыми вскрывается новая самостоятельная линия правотроцкистской организации на транспорте в системе дорожных трестов «Трансторгпита».

Показал, что в антисоветскую организацию был завербован в 1934 г. ЗЕЛЕНСКИМ – бывшим председателем Центросоюза. По заданиям ЗЕЛЕНСКОГО и БОЛОТИНА (бывший зам. Наркомвнуторг) создал

на транспорте диверсионно-вредительскую организацию, проводившую подрывную работу в области рабочего снабжения и общественного питания транспортных рабочих.

Лично завербовал в состав этой организации 11 человек, в том числе своих двух заместителей – *КОЗЛОВА* и *ШУВАЕВА*, начальника сектора торговли «Трансторгпита» – *РЕДКИНА* и **начальников трестов «Трансторгпита» на дорогах: Оренбургской, Закавказской, Горьковской, Туркестано-Сибирской, Дзержинской, Белорусской, Московско-Киевской и Юго-Западной**.

- фамилии обведены в кружок с крестом.

**-* на полях напротив фразы имеется помета: «Кто они? Где они? Что с ними?»

2. РЕДКИН – бывший начальник сектора торговли «Трансторгпита». Допрашивал: Наседкин.

Показал, что был завербован ХЛОПЛЯНКИНЫМ; по его заданиям вел большую подрывную работу в системе «Трансторгпита». Назвал 20 участников антисоветской организации в центре и на дорогах, проводивших диверсионную вредительскую работу в области снабжения и питания рабочих.

Показаниями РЕДКИНА установлено, что помимо дорог, названных ХЛОПЛЯНКИНЫМ, антисоветской организацией по линии «Трансторгпита» были также охвачены: Юго-Восточная, Куйбышевская, Томская, Южно-Уральская и дорога им. Молотова. Ячейки этой организации выявлены также в тресте «Казахстройпуть».

3. АЙРАПЕТЯНЦ – инж., пом. нач. «Трансжелдориздата», ранее работал на КВ ж.д. пом. нач. службы пути. Допрашивал: Бененсон.

Начал давать показания о диверсионной и шпионской работе по заданиям японской разведки.

Показал, что в 1934 году был завербован японской жандармерией в Харбине, которая связала его с РУДЫМ. По заданиям РУДОГО вел работу по подбору из харбинцев диверсионных кадров. В 1935 году перед выездом в СССР получил от РУДОГО задание организовать диверсионную работу по линии путевого хозяйства на дорогах Союза. В этих целях РУДЫЙ передал ему свыше 20 японских агентов из харбинцев, работавших по линии службы пути на КВ ж.д. и переброшенных после продажи дороги в СССР. В задачи диверсионной агентуры, возглавлявшейся АЙРАПЕТЯНЦЕМ, входило: систематическое разрушение путевого хозяйства на ряде важнейших дорог, имеющих оборонно-стратегическое значение, устройство крушений поездов и подготовка ряда крупных диверсионных актов на военное время.

Эта диверсионная агентура АЙРАПЕТЯНЦЕМ была расставлена на дорогах: Оренбургской, Москва-Донбасской, Юго-Восточной, Куйбышевской, Рязано-Уральской, Сталинградской, Туркестано-Сибирской, Ташкентской.

4. ТОЛСТОВ – бывший помощник управляющего КВ ж.д., последнее время – председатель научно-технического совещания при центральном управлении службы пути НКПС. Допрашивал: Бененсон.

Начал давать показания о диверсионно-шпионской работе по заданиям японской разведки. Сознался, что в 1934 году был завербован РУДЫМ, по заданиям которого вел на дороге подрывную работу. Искусственно создавал дефицитный баланс дороги с целью доказать убыточность эксплуатации КВ ж.д. и побудить Советское правительство уступить свои права на дорогу японцам. РУДЫЙ ознакомил ТОЛСТОГО с заданиями японской разведки по развороту диверсионной работы на дорогах СССР в военное время. Вместе с УСТРУГОВЫМ он должен был взорвать Борисовский железнодорожный мост (на Белорусской дороге), имеющий большое военно-стратегическое значение. Передал японской разведке ряд шпионских материалов о состоянии путевого хозяйства и железнодорожных сооружениях на дорогах Сибири и ДВК.

5. ВИНОКУРОВ – бывш. начальник центрального вагонного управления НКПС, ранее начальник Ярославской дороги. Допрашивал: Поташев.

Начал давать показания о диверсионной и вредительской работе в вагонном хозяйстве.

Показал, что в антисоветскую организацию был завербован *ВДОВИНЫМ* – бывшим секретарем Азово-Черноморского окружка ВКП(б). Вербовка была проведена по специальному заданию СУЛИМОВА, который был лично связан с ВИНОКУРОВЫМ.

По заданиям БИЛИКА и ПОСТНИКОВА – ВИНОКУРОВ проводил большую диверсионную работу по линии вагонного хозяйства на Забайкальской, Северной и Ярославской дорогах, а после перехода в НКПС в Центральном вагонном управлении.

Показал, что был полностью посвящен в планы практической деятельности право-троцкистского центра в НКПС.

6. БОРИСОВ – бывший начальник отдела центрального грузового управления НКПС. Допрашивал: Воробин.

Показал, что является участником право-троцкистской организации в НКПС. Был завербован ГАЙСТЕРОМ в феврале 1937 года. В июне 1937 года получил задание ГАЙСТЕРА на совершение террористического акта и дал свое согласие. По заданиям ГАЙСТЕРА вел подрывную работу, направленную на срыв перевозок топлива и металла в промышленных районах СССР.

- фамилия обведена в кружок с крестом.

ПО XI ОТДЕЛУ

1. БЕРГАВИНОВ С. А. – бывший начальник Политуправления Главсевморпути, бывший член ВКП(б). Допрашивали: Петров, Счастливцев.

Признался в том, что:

1) в 1933 году был вовлечен в антисоветский заговор бывш. зав. Секретариатом СНК СССР **МОГИЛЬНЫМ**;

2) принял установку **МОГИЛЬНОГО** на террор и, исходя из нее создал в течение 1935-1936 г.г. в Главсевморпути боевую террористическую группу из 4-х активных членов и 3-х «резервистов».

В активное ядро террористической группы **БЕРГАВИНОВЫМ** были вовлечены сотрудники Главсевморпути **ЭРМАН Г.А.**, **ЧИКОВАНИ А.В.**, **ЖИГАЛЕВ Н.А.**, **ЛЕВИН**. «Резерв» состоял из сотрудников Главсевморпути **ПОЧЕРНЕВА**, **КРЫЛОВА** и **ЖДАНОВОЙ**;

3) зимой 1935-1936 года установил антисоветскую связь с **ГАМАРНИКОМ**, от которого получил задание – подготовить и совершить террористический акт над т. **СТАЛИНЫМ**;

4) в течение зимы 1936 года и в 1937 г. вел практическую подготовку по организации покушения на тов. **СТАЛИНА**.

В целях проверки готовности к террористической деятельности и приобретения необходимых для нее навыков, **БЕРГАВИНОВ** поручил участникам террористической группы **ЭРМАНУ**, **ЧИКОВАНИ**, **ЖИГАЛЕВУ** и **ЛЕВИНУ** изучение маршрутов движения машин **ХРУЩЕВА**, **БУЛГАНИНА**, **КОСАРЕВА**.

Передав зимой 1936 года террористу **ЭРМАНУ** задание **ГАМАРНИКА** о совершении террористического акта над тов. **СТАЛИНЫМ**, поручил **ЭРМАНУ** изучить маршруты движения машины т. **СТАЛИНА** в районе Можайского шоссе и наметить места для покушения. Одновременно поручил **ЭРМАНУ** изучить маршрут движения машины **Л.М.КАГАНОВИЧА**. В помощь **ЭРМАНУ** для совершения террористического акта наметил **ЧИКОВАНИ** и **ЖИГАЛЕВА**, о чем сообщил **ЭРМАНУ**, не ставя в известность **ЧИКОВАНИ** и **ЖИГАЛЕВА**;

5) для совершения террористического акта намечалось использовать личное оружие участников группы и гранаты, которыми обязался снабдить группу **ГАМАРНИК**.

2. ЭРМАН Г. А. – бывший управделами Главсевморпути, бывш. член ВКП(б). Допрашивали: Петров, Счастливцев.

Признался в том, что:

1) весной 1936 года был завербован **БЕРГАВИНОВЫМ** в террористическую группу;

2) зимой 1936-1937 года принял от **БЕРГАВИНОВА** задание **ГАМАРНИКА**: подготовить и совершить покушение на тов. **СТАЛИНА**;

3) в осуществление этого задания зимой и весной 1936-1937 года дважды выезжал в район Можайского шоссе, где наметил 2 места для соверше-

ния террористического акта, о чем информировал БЕРГАВИНОВА, который лично осмотрел намеченные ЭРМАНОМ места для покушения;

4) приняв поручение БЕРГАВИНОВА о слежке за машиной Л.М.КАГАНОВИЧА, лично на собственной машине выезжал к НКПС для изучения маршрута движения машины Л.М.КАГАНОВИЧА.

3. ЧИКОВАНИ А. Б. – бывший начальник Планово-экономического отдела Главсевморпути, бывший кандидат в члены ВКП(б). Допрашивал: Ефимов.

Сознался в том, что:

1) был вовлечен БЕРГАВИНОВЫМ в террористическую группу в Главсевморпути;

2) приняв поручение БЕРГАВИНОВА об изучении маршрута движения машины ХРУЩЕВА и БУЛГАНИНА, осуществлял слежку за указанными машинами.

4. ЖИГАЛЕВ Н. А. – бывший зам. нач. Управления Полярной авиации Главсевморпути, бывший член ВКП(б). Допрашивал: Клейменов.

Признался в том, что:

1) был завербован БЕРГАВИНОВЫМ в террористическую группу;

2) принял задание БЕРГАВИНОВА о вербовке двух надежных человек в качестве исполнителей террористических актов против руководителей партии и правительства*.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА НКВД СССР

СТ. МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ШАПИРО

---

* на листе имеются пометы: «Исполнено 16.XII.37 г.»; «т. Ежову. Смотрите в тексте мои замечания. И. Сталин».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 404. Л. 1–35.

ДОК. № 18

ИЗ СПЕЦСООБЩЕНИЯ Н. И. ЕЖОВА И. В. СТАЛИНУ О ЦЕРКОВНИКАХ И СЕКТАНТАХ

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. С Т А Л И Н У

В связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар.

Всего в августе-ноябре месяцах 1937 года арестовано 31.359 церковников и сектантов; из них:

Митрополитов и епископов	166
попов	9.116
монахов	2.173
церковно-сектантского кулацкого актива	19.904

Из этого количества осуждено к ВМН 13.671

В том числе:

епископов 81

попов 4.629

монахов 934

церковно-сектантского кулацкого актива 7.004

Оперативный удар нанесен исключительно по организующему и руководящему антисоветскому активу церковников и сектантов.

В результате наших оперативных мероприятий, почти полностью, ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь.

Остались одиночки епископы, при том условии, что мы пресекаем всякие попытки к выращиванию каких — бы то ни было новых епископов и митрополитов.

Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать дальнейшему разложению церкви и сектантов.

Однако, не все НКВД республики и УНКВД краев и областей, в должной мере развернули оперативные мероприятия по пресечению контрреволюционной активности церковников и сектантов.

К числу их относятся УНКВД: Калининской, Орловской, Курской, Ленинградской, Ивановской, Московской и других, всего 17-ти областей, на территории которых осталось до сего времени много попов, сектантских проповедников и сравнительно большое количество действующих церквей.

В данное время по Союзу, по неполным данным учтено всего 6.990 легальных церквей, 9.570 попов и свыше 2.000 сектантских проповедников.

Арестованные епископы, попы, монахи, проповедники и кулацкий актив церковников и сектантов составляли крупные антисоветские организации и группы, вскрытые и ликвидированные нашими органами в большинстве республик, краев и областей.

Анализ агентурных и следственных материалов по этим делам свидетельствует, что церковно-сектантский контрреволюционный актив всех религиозных течений и оттенков ставит своей задачей создание единого антисоветского фронта.

Церковники — тихоновцы, обновленцы и григорьевцы (основные течения православной церкви), в целях воссоздания единства церкви, создают блоки, привлекая часто к участию в них сектантский руководящий актив.

В связи с этим установлено, что существовавшие ранее грани между этими различными толками церковников и сектантов фактически более не существует и поддерживаются руководящими церковниками и сектантами лишь формально, по тактическим соображениям.

4-м Отделом ГУГБ НКВД и УНКВД Западно-Сибирской области ликвидирована антисоветская фашистская организация толстовцев, суботников и др. сектантов. Руководители организации, видные толстов-

ские деятели, ХОРОШ и БУЛЫГИН, стали перед собой, как они показали на допросе, главной задачей создать «Лигу верующих» — единый антисоветский фронт из верующих всех религиозных объединений.

Организация толстовцев развернула активную работу по пропаганде пораженческих настроений, вербовала молодежь и провоцировала ее на групповой отказ от службы в РККА.

Подобного типа антисоветская организация ликвидирована также УИВД Куйбышевской области, руководители которой епископы различных церковных течений и сектантские проповедники разных толков, спорились между собой по поводу организованной антисоветской работы.

Как установлено следствием — эта организация, возглавляемая Куйбышевским обновленческим митрополитом ВИНОГРАДОВЫМ и сибирским тихоновским митрополитом БЛИНОВЫМ, агентами японской разведки, имела свои организационные ответвления в Куйбышеве, Иркутске, Пскове, Ярославле, Пензе, Ульяновске, Сызрани и др. городах. Со стороны сектантов руководящее участие в организации принимал видный сектантский проповедник, неоднократно судившийся за контрреволюционную деятельность ЛЕВИНДАНТО.

Материалы по тем же ликвидированным делам говорят, что рост контрреволюционной активности церковников и сектантов происходит на базе создания повстанческих, диверсионно-шпионских и террористических организаций. Важно при этом отметить, что большинство ликвидированных организаций имели резко выраженный фашистский характер.

НКВД Башкирии в октябре месяце с.г. ликвидирована повстанческая организация церковников, возглавляемая епископом КОЗЛОВЫМ. На почве создания повстанческой, фашистской организации, епископ КОЗЛОВ, будучи тихоновцем, вошел в блок с церковниками обновленцами и сектантами.

По заданию КОЗЛОВА, связанные с ним попы ДЕГТЯРЕВ, ВЕЗЕРСКИЙ, БОГОЛЮБОВ и др. создали белогвардейские повстанческие отряды и группы, в количестве свыше 500 человек.

Всего арестовано по этому делу 341 человек. Обысками у участников организации обнаружено: 152 винтовки и 16 револьверов.

УНКВД Оренбургской области ликвидирована военно-казачья повстанческая организация церковников и сектантов, по которой арестовано 213 человек, в том числе: 4 епископа, 38 б. военных попов, 4 бывших офицера.

Во время обыска изъята винтовка, револьвер, 2 килограмма взрывчатых веществ и большое количество монархической литературы.

Руководитель этой организации СЫЧЕВ на допросе показал, что он создал повстанческую организацию, по заданию японской разведки, в связи с которой он состоял с 1910 года. По показаниям СЫЧЕВА и других участников организации вскрыта большая сеть повстанческих групп среди церковников на Дальнем Востоке, западной Сибири и на Поволжье.

НКВД Украины в сентябре месяце с. г. ликвидирована фашистская организация церковников тихоновцев, руководимая т.н. украинским экзархом митрополитом ДЬЯКОВЫМ – агентом германской и польской разведок. По заданию ДЬЯКОВА участники организации – попы ЛИНЧЕВСКИЙ и ДЕЛИЕВ – создали на Украине ряд фашистских ячеек при церковных приходах, которые должны были к началу войны создать повстанческие отряды и вести разлагающую работу среди призывников.

НКВД Узбекистана в октябре месяце с. г. вскрыта и ликвидирована шпионская церковно-монашеская организация, созданная в июле месяце 1936 года, по указанию резидента английской разведки церковника ПОТАТУЕВА, являвшегося сотрудником иранского консульства в Ашхабаде.

Организаторами и руководителями организации являлись завербованные ПОТАТУЕВЫМ в англоразведку тихоновский епископ ШИПУЛИН и поп БАГРЯНСКИЙ.

Организация вела шпионскую работу, насаждала диверсионные группы на крупных промышленных предприятиях и создавала при церквях контрреволюционные группы.

УНКВД Западно-Сибирской области ликвидирована фашистская, шпионская и диверсионная организация – блок сектантов, евангелистов и баптистов.

Руководитель организации сектантский проповедник КУХМАН создал в Сибири 19 диверсионных террористических и повстанческих групп в промышленности Кузбасса.

КУХМАН и другие сектантские проповедники подготовили к моменту нападения Германии на Советский Союз одновременный взрыв всех шахт в Кузбассе и основных агрегатов на металлургических и химических заводах в г.г. Сталинске и Кемерово. По делу этой организации арестовано 337 активных участников.

УНКВД Курской области ликвидирована церковная, фашистско-террористическая организация, по делу которой арестовано 297 человек: епископы, попы, монахи, б. помещики и прочие.

Возглавляли организацию епископы: б. князь ЖЕВАГОВ, НИКИФОРОВ и ЕВСТРАТОВ.

Филиалы организации были созданы в 17 районах Курской области, которые имели низовые ячейки при церковных приходах.

Наиболее активные действия организации выразились в создании боевых террористических групп из церковников на ст. ст. Мценск, Орел, Белгород, с целью совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства.

4-м Отделом ГУГБ НКВД, совместно с УНКВД Свердловской области, ликвидирована широко разветвленная шпионская, террористи-

ческая фашистская организация церковников, г.п. григорьевцев. Арестовано по делу этой организации свыше 400 активных участников.

Ее руководитель митрополит ЗОРИН, шен Гестапо, на допросе показал, что организация, им возглавляемая, ставила своей задачей пропаганду террористических настроений среди верующих с тем, чтобы толкнуть участников на осуществление террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства.

Весьма активную антисоветскую деятельность церковники и сектанты развернули в связи с новой Конституцией и предстоящими выборами в Верховный Совет, с целью использования легальных возможностей для укрепления позиций церкви и сектантства.

Многие арестованные нами митрополиты и епископы разрабатывали специальные обращения к верующим, в которых призывали к борьбе за политические права церкви.

Вскрыт и ликвидирован ряд подпольных формирований церковников и сектантов, актив которых проводил среди верующих антисоветскую деятельность, пытаясь тем или иным способом выдвинуть свои кандидатуры на выборах.

Поповский и проповеднический актив одновременно пытается вести антисоветскую работу по компрометации кандидатов, выставленных для баллотирования и подготавливает антисоветские вылазки на время выборов.

УНКВД Воронежской области ликвидирована в августе с.г. в Липецком районе церковно-монархическая организация.

Руководитель организации епископ ТОРОПОВ, перед участниками организации, поставил вопрос о необходимости «готовить платформу» церковников к предстоящим выборам в Верховный Совет, что и пытался выполнить активный участник организации поп ЩЕГОЛЕВ.

Участники ликвидированной УНКВД Куйбышевской области церковно-сектантской организации, по заданиям епископа ВИНЮГРАДОВА, устроили специальное нелегальное совещание, на котором решили распространять провокационные слухи о кандидатах, выдвигаемых к баллотированию и добиваться выдвижения своих кандидатов.

В последнее время организация развернула среди верующих агитацию, призывая бойкотировать выборы. Одновременно обсуждался участниками организации вопрос об осуществлении террористического акта над тов. СТАЛИНЫМ во время избирательной кампании.

НКВД Украины, в гор. Кирово, ликвидирована в октябре мес. с.г. антисоветская организация церковников-обновленцев, во главе с епископом КВАШЕНКО и митрополитом ЧЕКАНОВСКИМ.

Участники организации развернули большую подготовительную работу к предстоящим выборам в Советы, пытались выдвинуть своих кандидатов и всячески популяризовали их среди верующего населения.

Руководитель антисоветской организации церковников, ликвидированной в ленинградской области (арестовано по делу 205 человек) – епископ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, на допросе показал, что, по заданию связанного с ним митрополита СТРАГОРОДСКОГО, участники организации пытались использовать предстоящие выборы в Советы депутатов трудящихся с тем, чтобы проташить своих кандидатов из церковников.

Ликвидированная в Тамбовской области организация церковников, во главе с епископом АЛЕНТОВЫМ, ставила своей задачей «завоевать политические свободы для церкви, получить право созыва съездов, издания церковной литературы, открытия специальных духовных учебных заведений и проч.».

По агентурным данным 4-ого Отдела ГУГБ известно, что ряд активных церковников пытается вести агитацию среди верующих, призывая их к движению, в связи с выборами в Верховный Совет кандидатур митрополитов Сергия и ВВЕДЕНСКОГО, возглавляющих тихоновскую и обновленческие церкви.

Известно также, что митрополит Сергей, в беседах с церковниками, поощряет эту антисоветскую деятельность и толкает их на антисоветские вылазки во время выборов. В частности, митрополит Сергей предлагает церковникам опускать в урны бюллетени с антисоветскими карикатурами.

Те же материалы говорят, что попы, сектантские проповедники, используя легально действующие церкви и т.н. церковные «двадцатки» для формирования антисоветских кадров, одновременно усиливают работу по созданию всякого рода подпольных «катакомбных» церквей, посредством которых они особенно активно обрабатывают верующих в антисоветском направлении.

УНКВД Смоленской области в сентябре мес. с.г. закрыт и ликвидирован нелегальный монастырь в гор. Смоленске.

Следствием по этому делу установлено, что попы гор. Смоленска, в целях групповой обработки верующих в антисоветском духе, создали подпольный монастырь, в который, в качестве своих агентов, посадили монахов и монашек. В результате распространения провокационных слухов – попам удалось вызвать большое паломничество со стороны верующих в этот монастырь – церковники, постоянно посещавшие монастырь, привлекали туда колхозников из окружающих районов и, под видом богослужений, склоняли их к выходу из колхоза.

В данном случае мы имеем дело с определенным и притом серьезным процессом церковной и сектантской контрреволюции, когда наиболее

непримиримые церковники и известная часть верующих, спровоцированная этими церковниками, а также многие сектанты уходят в подполье, формируя, таким образом, новые антисоветские кадры из фанатиков и отправляя, в условиях подполья, религиозную обрядность.

Иностранные разведки, особенно итальянские и нелегальная агентура Ватикана, ориентируясь на этот процесс, разжигая его искусственно, пытаются среди фанатиков православной церкви создать движение в пользу блока с католической церковью.

На этой основе папская агентура стремится создавать группы тайного монашества, во многом схожие с католическими орденами иезуитов и доминиканцев.

УНКВД Ивановской области ликвидирована антисоветская организация тайного монашества, существовавшая под названием «Всероссийское иноческое братство».

Руководитель этой организации, крупный церковный деятель архиепископ ПОЗДЕЕВСКИЙ, будучи сторонником католицизма, прививал фанатикам католические принципы.

На этой почве ПОЗДЕЕВСКИЙ был связан с архиепископом православной церкви РЕМОВЫМ.

Ранее арестованный РЕМОВ на допросе показал, что он вошел в блок с папой римским и по заданию его нелегального нунция в Москве, французского епископа НЕВЕ, создавал иезуитские группы среди православных церковников, прививая им террористические настроения.

По агентурным материалам 4-го Отдела ГУГБ известно, что проживающий в Москве Французский ксендз БРОУНО, являясь нелегальным представителем Ватикана, наряду с разведывательной работой, усиленно занимался насаждением иезуитских групп, главным образом, среди верующей части старой интеллигенции.

Многие НКВД и УНКВД доносят, что на местах вовсе не ведется антирелигиозная работа и приводят при этом многочисленные факты, свидетельствующие о том, что большинство организации Союза Воинствующих Безбожников фактически не существует и массово-воспитательная антирелигиозная работа находится в загоне и представлена самотеку.

В связи с этим в последнее время почти приостановилась работа по закрытию церквей.

По Союзу нами учтено 7.123 бездействующих формально не закрытых церквей, т.е. более половины всех существующих церквей.

К числу наиболее неблагополучных областей в этом смысле относятся:

Ивановская область, где имеется 509 бездействующих формально не закрытых церквей; Ленинградская область – 360 церквей; Воронежская

область – 325 церквей; Куйбышевская область – 389 церквей; Ярославская область – 322 церкви; Тамбовская область – 379 церквей; Горьковская область – 237 церкви; Челябинская область – 205 церквей.

Местные, партийные и советские органы, а также организации Союза Воинствующих Безбожников не используют имеющиеся возможности для безболезненного и форсированного закрытия такого большого количества бездействующих церквей и не учитывают, видимо, что каждая из таких церквей является зором в глазах верующих и поводом для церковного контрреволюционного актива к инспирированию всякого рода антисоветских проявлений.

Попы, монахи и церковные старосты всячески провоцируют верующих в местах наличия бездействующих, формально не закрытых церквей на антисоветские выступления.

Факты, спровоцированных на этой почве выступлений имели место, в последнее время, в Мордовской и Чувашской АССР.

Крайне неблагоприятно обстоит также дело с использованием под культурно-общественные цели церквей, закрытых по постановлениям местных, краевых и областных советов. По неточным данным до сего времени не использовано и не снесено около 10.000 б. церковных зданий.

Бездействие и развал антирелигиозной работы, как это теперь нами установлено, были обусловлены вредительством троцкистов и иных врагов советского народа, пробравшихся в организации Союза Воинствующих безбожников, в том числе в его центральный совет.

Арестованный 4-м Отделом ГУГБ зам. председателя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников ЛУКАЧЕВСКИЙ, – дал на допросе показания о том, что созданная им в совете Союза Безбожников троцкистская организация, по заданию Гестапо, развалила антирелигиозную работу. Чтобы создать видимость того, что они как-то работают, троцкисты занимались антирелигиозной работой исключительно среди атеистов и в их расчеты, отнюдь, не входило разоблачать в глазах верующих контрреволюционную работу церковников и сектантов.

В целях пресечения контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами даны специальные указания управлениям НКВД 17-ти областей, имеющим недостаточные результаты в оперативной работе, о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований.

ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 4. Д. 244. Л. 64–78.

Справка

О ходе изъятия из РККА и РККФ лиц, принадлежащих к национальностям, не входящим в состав Советского Союза, и лиц, являющихся выходцами из-за рубежа, или связанных с границей

	Всего выявлено	Всего уволено	Арестовано:				
			Всего	По шпионажу	Как участники заговора	За разную а/с деятельность	По прочим преступлениям
Лиц командного и нач. состава, принадлежащих к национальностям, не входящим в состав Советского Союза	5779	2268	1573	972	307	255	39
В том числе:							
Немцев	767	291	174	122	19	17	16
Поляков	2344	812	532	363	124	32	13
Латышей	512	270	156	117	24	11	11
Эстонцев	278	194	128	89	25	10	4
Финнов	113	670	50	40	2	1	7
Лиц командного и нач. состава, принадлежащих к национальностям, входящим в состав Советского Союза (русские, евреи, украинцы, белорусы), являющихся выходцами из-за рубежа или связанных с границей, в отношении которых имеются компрометирующие материалы	3476	1149	594	378	82	58	31

Лиц младшего начсостава и рядового состава, примкнувших к национальностям, не входящим в состав Советского Союза	6025	1101	295	157	37	101	
В том числе:							
Немцев	2006	209	69	25	17	27	-
Поляков	2540	302	116	65	-	51	-
Латышей	243	66	31	29	-	2	-
Эстонцев	218	40	32	26	-	0	-
Финнов	168	13	6	2	-	4	-
Водьнонаемных работников РККА, принадлежащих к националистам, не входящим в состав Советского Союза	1125	641	178	166	5	7	-
В том числе:							
Немцев	197	98	13	4	-	9	-
Поляков	534	344	101	67	1	33	-
Латышей	87	70	23	12	1	10	-
Эстонцев	38	2	4	3	-	1	-
Финнов	15	2	-	-	-	-	-
Всего:	16405	5159	3595	2673	431	421	70

Примечание: В справку не включены данные по ЗАБВО, КОВО, КДВФ и ТОФ ввиду неполучения.

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5 Д. 996. Л. 185-186.

**СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ
ОБ АНТИСОВЕТСКИХ ЛИСТОВКАХ, ЗАБРАСЫВАЕМЫХ
ШАРАМИ-ПИЛОТАМИ**

18 ноября 1938 г.

109503

ЦК ВКП(б)

товарищу С Т А Л И Н У

Сообщаю, что за последнее время, в особенности в ноябрьские предпраздничные и праздничные дни усилилась заброска со стороны японцев на нашу территорию шарами-пилотами разных антисоветских воззваний и листовок.

При этом направляю Вам текст характерного «Манифеста», обнаруженного в числе заброшенных листовок.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР**

(Б Е Р И Я)

«Манифест. Президиума Верховного Совета СССР и Центрального Комитета ВКП(б) в ознаменование 21 годовщины Великой Социалистической Октябрьской революции.

Партия и советская власть, выполняя заветы великих учителей Маркса, Энгельса и Ленина добились огромных успехов в деле социалистического строительства. На одной шестой части земли закончено построение социализма. Это вызывает бешеную злобу и ненависть со стороны фашистов агрессоров всего мира, готовых с пеной у рта броситься на цитадель коммунизма и потопить в крови единственную страну в мире, где нет эксплуатации человека человеком, где все равны, где нет безработицы, где есть всем работа по способностям и оплата по труду. Наступает последняя мировая война, предсказанная нашим великим учителем Лениным. В целях еще большего сплочения широких народных масс СССР вокруг ВКП(б) для защиты нашей великой социалистической родины и в ознаменование празднования 21 годовщины Социалистической Октябрьской революции – президиум Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1) Для еще большего поднятия благосостояния колхозников провести с 7 ноября 1938 года прирезку приусадебных участков земли всем колхозникам, в количестве один гектар на каждого члена семьи.

2) Освободить от обязательной работы в колхозе колхозниц, имеющих грудных детей, нетрудоспособных членов семей и работающих на приусадебных участках земли.

3) Разрешить спецпереселенцам, раскулаченным в порядке ликвидации кулачества, как класса, возвращение на место постоянного жительства, с наделением их земель, без права выдвигания на руководящую работу в колхозе сроком на 3 года.

4) Освободить от дальнейшего отбывания срока наказания заключенных и ссыльных осужденных во внесудебном порядке с поражением их в избирательных правах, до окончания неотбытого срока.

5) Освободить от дальнейшего отбывания срока наказания заключенных осужденных судами, военными трибуналами и спецколлегиями на сроки до пяти лет или отбывших половину срока, кроме осужденных по статьям 58-2, 58-1, 58-6, 58-8.

6) Повысить заработную плату рабочим 2, 3 и 4 разрядам на 58 процентов, а остальным категориям на 25 процентов.

7) Снизить стоимость проезда по железной дороге на 20%.

8) Сократить срок службы в рядах РККА лицам, окончившим неполную, полную и высшую школу до одного года.

9) Ликвидируя вредительство в РККА и отменяя постановление о введении чинов и званий в РККА – повысить оклады содержания среднему комсоставу на 50% , старшему на 25%.

10) Настоящий манифест прочитать на всех собраниях и митингах, посвященных 21 годовщине Великой Социалистической Октябрьской революции.

Председатель Президиума Верховного Совета

М. КАЛИНИН

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)

И. СТАЛИН*

ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Л. 347-350.

Указатель имен

- Абдрахманов Ю. А. — 149, 342, 344, 345, 348
Абрамов К. А. — 158, 345
Абрамов Ф. Ф. — 35, 158, 345
Абрамов-Миров А. Л. — 186–188, 390
Абрамович В. И. — 395
Авозов — 345
Авралов — 333
Агеев С. П. — 371
Агранов Я. С. — 57, 59, 66, 67, 78, 90, 91, 126, 217, 231, 232
Адилев Д. М. — 353
Айрапетянц — 404, 405
Айтаков — 155, 345
Аквильянов М. М. — 215
Акулов И. А. — 42
Алафузо М. И. — 113
Александровский — 121, 223
Александровский М. К. — 121
Алемасов А. М. — 310
Алентов — 412
Алкнис Я. И. — 167, 198, 400, 402
Аматуни А. — 300
Амелин М. П. — 365
Андреев А. А. — 102, 141, 151, 152, 172, 230, 253, 277, 309, 310, 322, 327, 381, 382
Антипов Н. К. — 132, 135, 136, 178, 217, 368, 369, 370, 371, 376, 377, 380, 395–397
Апасов — 389
Аппога Э. Ф. — 400
Аристов К. — 383
Аронштам Л. Н. — 169, 196, 201, 206, 220, 230, 235
Ароцкер Л. И. — 104, 105
Артузов (Фраучи) А. Х. — 27, 119, 120, 125, 126
Асано — 35
Асилов К. К. — 96
Асков А. Б. — 221, 403
Астров В. Н. — 100
Асфендиаров С. — 345
Атабаев К. С. — 149, 150, 342, 345, 348, 380
Аустрин Р. И. — 238
Ашуров У. — 150
Багрянский — 386, 410
Бажанов Б. Г. — 5, 138, 167
Бажанов Н. Н. — 138, 166, 167
Базенков Б. И. — 166, 167
Байтурсунов А. — 340
Байчурун Г. Г. — 345
Бак Б. А. — 265
Бакулин А. В. — 241, 315, 316, 319
Балакирев А. Ф. — 194
Балицкий В. А. — 44, 60, 109, 115, 118, 122, 127, 131, 132, 157, 223, 228, 233, 234, 239
Баранов М. И. — 196
Барановский — 123, 362, 366
Барбович И. Г. — 35
Бардуци — 47
Баринов М. — 164
Барту Ж. Л. — 25, 28
Батис Э. И. — 110, 111, 155
Бату — 396
Бауман К. Я. — 132, 134, 141, 143, 370, 380
Бахрушин А. М. — 189
Бачинский Ю. — 365
Бейли — 350
Бек Ю. — 88
Бекарысов — 352
Бекзадян — 184
Белгородский — 393
Белобородов А. Г. — 94, 100
Белов И. П. — 210, 214, 216, 217, 230, 283, 284
Бельский Л. Н. (Левин Абрам Михайлович) — 321
Бендерский Л. М. — 196
Бенек К. З. — 147, 159, 395
Бененсон — 404, 405
Бердник И. Н. — 112
Бергавинов С. А. — 406, 407
Бережной Н. С. — 112
Березин А. И. — 104, 105
Берзин — 221–225, 335
Берзин Я. К. (Кюзис П. Я.) — 221–225, 335
Берия Л. П. — 20, 58, 68, 95, 99, 113, 134, 139, 143, 153, 184, 202, 226, 228, 230, 231, 246–250, 252–256, 259, 309, 314, 315, 319, 418
Берман Б. Д. — 89, 147, 173, 174, 247, 248, 253, 281, 298, 299
Берман Л. — 162
Бжозовский И. Ф. — 129
Билик П. Б. — 164, 405
Биркенгоф — 183
Битте А. М. — 208
Блат И. М. — 237
Блинов — 409
Блюхер В. К. — 117, 196, 201, 205, 206, 226, 227, 253, 301
Бобров Н. М. — 189
Боголюбов — 410

- Богомолов Д. В. — 183, 241
 Богуславский М. С. — 47
 Богуцкий М. А. — 103
 Бокис Г. Г. — 400, 402, 403
 Болотин — 404
 Большаков — 383
 Бонтарь — 290, 291
 Борилин — 398
 Борисов — 406
 Бородицкий Я. — 109
 Брамбило Р. Ф. — 47
 Бредман — 109
 Броуно — 414
 Бубнов А. С. — 132, 144, 380
 Буда Н. М. — 125
 Буда С. М. — 125
 Буденный С. М. — 117, 118, 134, 214–216, 321
 Будняк Д. Ф. — 232
 Бузолин А. И. — 193
 Буланов П. П. — 126, 372
 Булатов С. И. — 157
 Булашев З. Г. — 149, 203, 342, 345
 Булах П. Ф. — 242, 245–247, 303, 309
 Булганин Н. А. — 320, 406, 407
 Булин А. С. — 193, 200, 201, 206–208, 210, 400, 402
 Булыгин — 408
 Бурнашев — 398
 Бухарин Н. И. — 78, 93, 97, 99, 100–103, 116, 131, 135, 140, 143, 172–174, 177, 210, 218, 232, 270, 247, 353, 355, 368, 370, 372, 380, 391, 395, 396
 Быкин Я. Б. — 264, 390

 Вакулич П. И. — 112
 Ваганов — 384
 Ваганов-Процко — 320
 Валидов Заки-Ахмед 338, 339
 Вардания С. Х. — 95, 96, 124
 Варгер — 401
 Варейкис И. М. — 135, 136, 141–143, 151, 153, 154, 160, 169, 178, 179, 201, 206, 230, 300, 301
 Варфоломеев — 362, 366
 Василевич И. А. — 151, 206, 214
 Василенко М. И. — 110, 156, 361
 Василенко М. О. — 156, 361
 Василенко М. С. — 362, 366
 Васильев Б. А. — 131, 188
 Васильев — 138, 188
 Васильев И. А. — 131, 169, 188
 Вацетис И. И. — 400
 Введенский — 412
 Вдовин — 405

 Вегер Е. И. — 363
 Везерский — 410
 Вейзагер С. М. — 239
 Вейцер И. Я. — 74
 Векличев Г. И. — 206
 Вележев Н. И. — 110
 Великанов И. М. — 196, 210, 212, 215, 283
 Верменичев И. Д. — 397
 Вершинин — 391
 Визель Я. С. — 235
 Викторов М. В. — 201
 Вильнер — 386
 Виноградов — 185, 391, 409
 Винокуров — 405
 Витковский Ю. В. — 37, 42
 Витчинкин М. Л. — 152
 Войтыга Я. Я. — 232
 Войцеховский Ю. Л. — 156, 362, 364–366
 Волконский — 333
 Волович З. И. — 114, 126
 Волынский С. Г. — 232, 240
 Воробин — 406
 Воробьев — 194, 362, 364, 366, 367
 Воробьев К. А. — 194, 361, 362, 364, 366, 367
 Ворошилов К. Е. — 16, 75, 90, 100, 105, 106, 109, 111–114, 116, 118, 120, 121, 145, 156, 193, 196–198, 205, 208, 210, 211, 214–219, 223, 224, 226, 321, 322, 357, 394
 Вретлинг — 187
 Высочанский Н. Г. — 73
 Вышинский А. Я. — 45, 69, 93, 172, 247, 254, 257, 274, 312, 323, 329–331
 Вязников — 383
 Вяткин — 254, 371
 Вяткин Г. М. — 238, 254, 273, 371

 Габидулин Х.З. — 148, 149, 342, 345
 Гаврюшенко Г. Ф. — 110
 Гай (Бжишкян) Г. Д — 54, 56, 107, 114, 126
 Гай (Штоклянд) М. И. — 54, 56, 107, 114, 126
 Гайдархан — 350
 Гайдукевич Л. Ф. — 200, 206
 Гайстер А. И. — 397, 398, 406
 Галевиус — 398
 Галицкий — 42
 Гамарник Я. Б. — 106, 108, 109, 132, 201, 206, 217, 402, 406, 407
 Гартманис — 402
 Гарькавый И. И. — 110, 203
 Гвахария Г. М. — 102, 103, 317

- Геббельс Й. — 255
 Геворкян — 202
 Геманов А. П. — 112
 Гендин С. Г. — 89, 224
 Генриховский-Амстердам Г. С. — 187
 Гермониус В. Э. — 364
 Гжибовский В. — 29, 307
 Гибер Б. Г. — 370
 Гикало Н. Ф. — 53, 115, 396
 Гитлер (Шикльгрубер) А. — 17, 26,
 31, 32, 43, 44, 46, 118, 186, 255, 304,
 305, 359
 Глебов А. — 360
 Глебов-Авилов Н. П. — 95
 Гогоберидзе Л. Д. — 95, 96, 124
 Голицын — 333
 Голодец Н. М. — 130, 147, 370, 373, 377,
 395, 396
 Голуб Ф. Я. — 362, 363, 366
 Голубятников М. Д. — 362, 367
 Голяков — 371
 Гомировский — 312
 Гончаренко С. Н. — 361, 362, 366, 367
 Горбач Г. Ф. — 226, 227, 366, 268, 275,
 280, 281, 292
 Горбачев Б. С. — 7, 116
 Гордон Н. И. — 94
 Горин-Лундин А. С. — 82
 Горох — 238, 334
 Гоц А. Р. — 283
 Грабе М. Н. — 37
 Граше И. И. — 46
 Гребенник Н. Н. — 401
 Григорьев — 225, 362, 364, 367, 393
 Григорьев П. П. — 225, 364, 393
 Гринберг И. М. — 201, 202
 Гриневич — 169
 Гринько Г. Ф. — 132, 145, 217, 365
 Гришкан М. С. — 390
 Гродис И. И. — 170, 225
 Громов М. М. — 393
 Гросскопф — 44
 Груздев — 393
 Грядинский Ф. П. — 136
 Гусев А. А. — 108
 Гусев М. П. — 201
 Гучков А. И. — 29

 Давидовский Я. Л. — 200
 Давыдов Н. М. — 235
 Давтян Я. Х. — 184, 391
 Дагин И. Я. — 116, 321
 Даутов И. М. — 345
 Десяткин — 371
 Дегтярев — 410
 Дейч Я. А. — 246

 Делиев — 410
 Демичев М. А. — 364
 Демченко Н. Н. — 362, 367
 Деникин А. И. — 37
 Дерibas Т. Д. — 92, 104, 229, 233–236
 Джандосов У. — 345
 Джонсон А. — 39
 Дзенис — 156, 400
 Дзержинский Ф. Э. — 49, 116, 123, 134,
 404
 Дивеев Ш. — 345, 351
 Димитров Г. М. — 186
 Дитюк — 366
 Дмитриев (Плоткин) Д. М.
 89, 97, 98, 103, 104, 110, 161, 174,
 233, 241, 242, 247, 248, 288, 294, 330
 Дмитриев — 89, 97, 98, 103, 104, 110,
 161, 174, 233, 241, 242, 247, 248,
 288, 294, 330
 Добровольский С. Ц. — 35
 Дозит — 400, 403
 Долгоруков — 333
 Домбаль Т. Ф. — 43
 Домбровский В. Р. — 239
 Дрейцер Е. А. — 90, 107
 Дробнис Я. Н. — 97
 Досназаров Л. К. — 345
 Дьяков — 147, 410
 Дубовой И. Н. — 156, 196, 233, 363, 365
 Дулатов М. — 340

 Евдокимов Г. Е. — 104, 111, 122, 171,
 246, 247
 Евдокимов Е. Г. — 61, 96, 104, 111, 122,
 158, 171, 246, 247
 Евстигнеев — 334
 Евстратов — 411
 Егоров А. И. — 137, 216, 217, 228, 230,
 397
 Ежов Н. И. — 22, 23, 43, 45, 47, 78,
 53–57, 59–61, 67, 69, 72, 76, 78,
 79, 84–88, 90, 91, 93–95, 97, 99,
 100, 102–104, 109–111, 114–118,
 120, 121, 123–137, 139–141, 147,
 150, 154, 157, 161, 164–169, 171–
 173, 175, 176, 178–182, 184, 185,
 187, 189, 191, 194–198, 205–210,
 214–217, 219, 221–233, 235–239,
 241–253, 255, 258, 260–272,
 275, 279, 281, 283–288, 290–293,
 295–299, 301–303, 306, 309–315,
 319–323, 329–332, 335, 361, 367,
 378, 379, 381, 382, 384–391, 394,
 407, 408
 Енукидзе А. С. — 87, 88, 97, 116, 130,
 131, 375, 377

- Ербанов М. П. — 148, 168
 Еремеев В. П. — 315
 Еремин — 381
 Ермаков — 192
 Ескараев С. — 345
 Естифеев В. Н. — 199
 Ефанов — 333
 Ефимов — 407
 Ефимов Н. А. — 116, 210, 407
 Ефремов — 402
- Жадников — 384**
 Жансугуров И. — 345
 Жарликов — 385
 Жевагов — 411
 Жигалев — 406, 407
 Жургуев Т. — 345, 351, 356, 358
 Жданов А. А. — 51, 67, 141, 151, 155,
 169, 270, 309, 322, 327,
 Жданов И. М. — 51, 406
 Жданова — 406
 Жлоба Д. П. — 261
 Жолондковский В. Е. — 37
 Жуков И. П. — 20, 68, 135, 143, 370,
 380, 400
 Журавлев В. П. — 172, 249, 250
 Журавлев С. Г. — 164
 Журбенко А. С. — 253
 Жуч М. Р. — 235
- Завенягин А. П. — 161, 162**
 Заковский Л. М. (Штубис Г. Э.) — 51,
 63, 64, 111, 209, 242, 243, 247, 283,
 284, 303, 310, 311
 Закупнев З. А. — 112
 Занозин — 334
 Западный С. И. — 235
 Затонский В. П. — 363, 364, 396
 Звоницкий Ю. В. — 196
 Зеленский И. А. — 74, 134, 135, 404
 Зимин Н. Н. — 170, 172, 313
 Зиненко Н. Г. — 156, 361, 362, 367
 Зиновьев Г. Е. — 81, 84, 87, 88, 90, 91,
 107, 110, 111, 140, 142, 187, 375
 Зорин — 411
 Зубарев П. Т. — 104
 Зыкин — 382–384
 Зюк М. О. — 107, 108
- Иванов Н. И. — 14, 15, 104, 107, 233,**
 311, 322, 371
 Иванченко Я. П. — 160, 161
 Ивкер — 402
 Игнат И. С. — 168
 Иден Э. — 28, 31
 Изак — 400
- Илинич (Ильнич) В. А. — 149, 150,**
 155, 380, 396, 397
 Ильин Н. И. — 208, 363, 366
 Ильин С. Г. — 363, 366
 Иманов А. — 341
 Индзер А. О. — 203
 Исакеев Б. Д. — 345
 Итамбердиев — 345
- Кабаков И. Д. — 104, 105, 128, 139, 161,**
 370
 Кабанцев — 394
 Кабулов И. — 344, 345
 Кадацкий И. Ф. — 136, 208, 400
 Каган М. А. — 91
 Каганович Л. М. — 70, 72, 74, 93, 100,
 104, 107, 113, 114, 116, 121, 141,
 142, 151, 156, 161, 166, 168, 169,
 171, 198, 255, 273, 316, 318, 318,
 321, 357, 406, 407
 Каганович М. М. — 70, 72, 74, 93, 100,
 104, 107, 113, 116, 121, 142, 151,
 156, 161, 166–169, 171, 198, 273,
 316, 318, 319, 321, 357
 Казакевич — 403
 Казанцев — 384
 Калинин М. И. — 322, 419
 Калован И. Н. — 210
 Калыгина А. С. — 371
 Каменев А. Л. — 81, 87, 88, 91, 110, 113,
 131, 143, 375, 393
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. — 81, 84,
 87, 88, 91, 110, 113, 131, 143, 375,
 399
 Каминский Г. Н. — 73, 133–135, 143,
 159, 370
 Канарис Ф. В. — 32, 33
 Кангелари В. А. — 133
 Кандаки Д. В. — 139, 183
 Каннер Г. В. — 161
 Карахан Л. М. — 116, 181, 182
 Карин Ф. Я. — 119, 121, 221
 Карпов А. — 95
 Каучуковский Г. Д. — 142
 Каширин П. Д. — 131, 215
 Кашеев М. И. — 111, 199
 Квашенко — 412
 Квиринг Э. И. — 398
 Керенский А. Ф. — 284
 Киллерог М. М. — 152
 Кинг Д. — 30
 Кирвейл — 402
 Киров (Костриков) С. М. — 58, 63, 80, 81,
 84, 85, 87, 88, 90, 91, 95, 128, 132, 134
 Киплинг Р. — 175
 Киселев — 85

- Клавацкий — 401
 Клейменов — 401
 Клейн — 386
 Клейн Э. — 38, 386
 Кнорин В. Г. — 147, 185–188, 392, 393
 Коган А. И. — 402
 Когенман — 394
 Козис — 364
 Козлов — 404, 410
 Колосков — 397
 Колесников Б. — 94, 95
 Колодилин Н. Н. — 96, 370
 Комаров Н. П. (Собинов Ф. Е.) — 73,
 132, 135, 136, 1159, 370, 380
 Коновалец Е. А. — 365
 Коновалов — 240, 401
 Конотоп В. Я. — 361, 363, 366
 Конторин Д. А. — 240
 Копыла — 364
 Корицкий — 402
 Корт А. И. — 114–117, 226
 Короедов В. Г. — 196
 Королев — 393
 Косарев А. В. — 84, 253, 406
 Косиор С. В. — 50, 156–158
 Костенко П. И. — 383, 384
 Косячный П. М. — 363
 Коцюбинский Ю. М. — 108, 362, 365,
 366
 Кочетов В. Н. — 182, 183
 Краскин А. С. — 398
 Краснов Е. В. — 401
 Краузе — 400, 402
 Кривицкий В. Г. — 17–19, 27, 30, 236
 Кривошеев — 402
 Крих В. М. — 362
 Кроленко Н. И. — 204, 205
 Кронберг — 392
 Крупко С. Н. — 361, 363, 366, 367
 Крутов Г. М. — 131, 169, 179, 205, 234,
 235, 239, 370
 Крылов — 406
 Кубяк Н. А. — 370, 371
 Кудрявцев М. М. — 98
 Кузнецов Н. — 312
 Кузнецов С. М. — 160, 201
 Кузьменко В. Д. — 363
 Кузьмичев Б. И. — 108
 Куйбышев В. В. — 163, 212–214, 217, 321
 Куйбышев Н. В. — 163, 202, 212–214,
 217, 321
 Кулик И. — 361–364, 366
 Кулсартов — 345
 Кулумбетов У. — 149, 345, 351, 356
 Кун Б. — 186, 188, 201
 Курджиев К. — 103
 Курков П. П. — 110, 111
 Курский В. М. — 97, 253
 Курф — 396
 Курц В. А. — 392
 Кутателадзе Г. Н. — 113
 Куусинен О. В. — 53
 Кухман — 411
 Кучмасов — 383

 Лаваль П. — 31
 Левин — 168, 406
 Лаврентьев — 152, 153, 169, 170, 205,
 226, 235, 239
 Лаврентьев (Картвелишвили) Л. И. —
 149, 152, 153, 169, 170, 179, 201
 Лавров В. К. — 205
 Лавров В. С. — 112, 208, (205)
 Лакс — 403
 Лангемак Г. Э. — 71
 Лангфанг — 392
 Ланда М. М. — 206–208
 Лапин (Лапиныш) А. Я. — 194, 203,
 204, 220
 Лауэр — 398
 Лебедь Д. З. — 135
 Леваневский С. А. — 393
 Левензон Ф. Я. — 112
 Левин К. П. — 168, 406
 Левинданто — 409
 Левитин А. С. — 153
 Левичев В. Н. — 216, 217, 399
 Левонюк — 402
 Лейкин С. А. — 153
 Лепа А. К. — 136, 142, 145, 149, 158
 Леплевский Г. И. — 110, 115, 117, 156,
 175, 196, 219, 287, 303, 316, 361,
 367
 Леплевский Г. М. — 175
 Леплевский И. И. — 110, 115, 117, 156,
 175, 196, 287, 303, 316, 361
 Леплевский И. М. — 196, 242, 367
 Либман А. К. — 287
 Лившиц Я. А. — 47, 75, 114, 315
 Ликеров — 345
 Лисовик А. Г. — 361, 362, 366, 367
 Листенгурт М. А. — 199, 200, 248, 400,
 402
 Литвин М. И. — 173, 174, 176, 239, 240,
 249, 253, 284, 311, 361
 Литвинов М. М. — 40, 45, 46, 172, 180,
 181, 184, 185, 304, 307, 314
 Лобай — 36
 Лобов С. С. — 132, 134, 135, 144, 159,
 370, 380, 394, 400
 Логановский М. А. — 128, 130, 191
 Логинов В. Ф. — 362, 366

- Лосев – 401
 Ломинадзе В. В. – 89, 92, 95, 152, 162
 Лукачевский – 415
 Лукашевич Н. К. – 196
 Лукин – 105, 402
 Лупекин (Новиков) Г. А. – 401
 Львов – 385, 386
 Любимов В. В. – 74, 200, 379–381
 Любченко А. П. – 362, 363, 396
 Любченко П. П. – 134, 156, 157, 364, 365, 366
 Люшков Г. С. – 94, 95, 97, 169, 179, 181, 194, 196, 221, 229–231, 234–236, 246, 266, 272, 284, 301–303, 308
 Мадонов С. Г. – 153
 Мазепус М. Л. – 128
 Майорский Н. Н. – 393
 Макарий Д. – 350
 Маклин Д. Д. – 30
 Маковский Ю. И. – 123
 Максимов Н. А. – 111, 112, 371
 Максимовский Р. – 41
 Матенков Г. М. – 20, 68, 86, 108, 112, 143, 241, 253, 310, 315, 362, 368, 389
 Малинов М. М. – 105, 135, 136
 Малышев – 383, 400
 Мальцев И. А. – 322, 393
 Мамаев – 403
 Мак-Гаден – 397
 Мануильский Д. З. – 54, 55
 Маргулис – 393
 Маркитан П. Ф. – 363
 Марков Г. Н. – 193
 Мартинсон – 400
 Мархлевский – 49
 Марьясин Л. Е. – 110, 398
 Матулевич И. О. – 330
 Мдивани Б. – 113
 Медведев М. Е. – 9, 10, 389, 390
 Медведев А. А. – 9, 10, 389, 390
 Меженинов С. А. – 216, 223, 224, 403
 Межлаук В. И. – 102, 160–162
 Межлаук И. И. – 232
 Мезис А. И. – 201, 400, 401
 Мейеровиц – 47
 Мелик-Шахназаров А. П. – 199
 Менжинский В. Р. – 122
 Меринг Р. А. – 186, 394
 Меркис – 200
 Мессинг С. А. – 122
 Месяцев П. А. – 397
 Мехлис Л. З. – 153
 Мешик П. Я. – 165
 Мирзоян Л. И. – 312
 Микоян А. И. – 74, 99, 134, 151, 171, 394
 Милайс – 400
 Миллер Е. К. – 29, 37
 Миняев А. П. – 164, 290, 381, 382
 Миронов (Каган) Л. Г. – 76, 78, 79, 99, 126, 246
 Миронов С. Н. – 127, 146, 262–265, 332, 333, 335
 Миронов Н. П. – 203
 Мирошников Е. И. – 166, 167, 176
 Мирошников И. И. – 167, 176
 Мирошников П. И. – 166, 167, 176
 Михайлик – 366
 Михайлов – 40, 139, 192, 333
 Михайлов (Шофман) – 39, 40, 139, 192, 333
 Михайлов В. С. – 73, 40, 139, 192, 333
 Михеев – 396
 Мкртчян – 202
 Могильный А. М. – 406
 Модестов – 195
 Моисеенко – 362, 363, 366, 367
 Молотов В. М. – 20, 52, 68, 72, 91, 99, 102, 104, 109, 113, 116, 121, 141–144, 156, 161, 171, 175, 178, 198, 210, 211, 275, 278, 318, 323, 357, 361, 387, 394, 404
 Молчанов Г. А. – 125, 126, 372
 Молчанов Н. М. – 109, 125, 126, 372
 Морошек – 256
 Мрачковский С. В. – 110, 352
 Муклевич Р. А. – 128, 239
 Муралов А. И. – 52, 98, 114, 398
 Муралов Н. И. – 46, 94
 Мурашев – 152
 Муртазин М. Л. – 345
 Мусаниф Ф. А. – 155
 Мустакаев А. Х. – 155
 Муссолини Б. – 154
 Мустафин И. А. – 155
 Мусульбас И. А. – 366
 Мухаммед-Амин – 350
 Мухин П. В. – 111, 112
 Мышков – 381
 Мюнценберг В. – 186, 187
 Найдман – 392
 Наренов – 356
 Наседкин А. А. – 292, 293
 Наседкин – 403, 404
 Насыркан-тюре – 356
 Неве – 414

- Невельский Б. С. — 59, 60
 Немерзелли И. Ф. — 402
 Нефедов Н. М. — 165
 Никифоров — 411
 Николаев-Журид Н. Г. — 117, 192, 207,
 217, 240, 246
 Никонов А. М. — 121, 223,
 Новиков (Норкин Б. О.) — 47, 401
 Нурмаков Н. Н. — 150, 344, 358

 Оберталлер — 18
 Оболенский — 333
 Овчинников А. В. — 169, 388, 389
 Окунев М. — 201, 297
 Ольский (Куликовский) Я. К. — 122
 Ольховый Б. С. — 153, 154
 Ольшанский М. М. — 399
 Ольшевский Ф. И. — 197
 Опарин В. А. — 110
 Орахелашвили И. — 99
 Орджоникидзе Г. К. — 75, 93, 98, 99,
 134, 162, 242
 Орлов Н. О. — 17, 18, 119, 209, 216
 Орумбаев — 345
 Осепян Г. А. — 206
 Осипов — 321, 334
 Островский И. М. — 126
 Острогорский — 330
 Осхима — 32

 Паверман В. — 315
 Павлов — 268, 401
 Павлов К. А. — 154, 268
 Павлуновский И. П. — 134, 136
 Панков — 394
 Панов П. С. — 312
 Паррот — 39, 40
 Патрикеев — 169
 Паукер К. В. — 126, 228, 372
 Пахомов Н. И. — 75, 241, 318
 Пашковский К. К. — 194
 Певзнер — 366, 367
 Певнев С. И. — 200
 Петелин И. Х. — 262, 334
 Петерсон К. — 210, 228
 Петров — 7, 15, 22, 23, 121, 169, 176,
 223, 246, 249, 251, 252, 268, 290,
 294, 322, 323, 406, 407
 Петровский — 398
 Петрушин С. Я. — 194
 Печерский — 402
 Пивоваров П. М. — 130, 261, 370
 Пикель Р. В. — 90, 107
 Пиккенброк Г. — 34
 Пилсудский Ю. — 28
 Пилляр Р. А. — 128, 232, 238

 Пидюшенко — 383
 Пингаль С. Ф. — 128
 Широкий 334
 Письманник 401
 Плисков 238
 Плотников 33, 108, 384
 Поврешинов — 403
 Погребинский М. С. — 126, 390
 Подгоняйло — 199
 Подольская Е. Б. — 365
 Подчуфаров Н. И. — 190
 Поздеевский — 413
 Покровский — 174
 Поллит Г. — 186
 Полонский В. И. — 370
 Полоцкий — 365
 Пономаренко П. К. — 253, 254
 Попашенко И. П. — 270, 310
 Попов — 115, 174, 222, 284, 363, 381,
 382, 384, 396
 Попов Н. Н. — 115, 156, 222, 363
 Порецкий И. С. — 236
 Порайко В. И. — 156, 362–364, 366
 Порохов — 384
 Поскребышев А. Н. — 168
 Постников А. М. — 170, 405
 Постышев П. П. — 53, 156, 158, 170–
 172, 238, 241, 249, 313
 Потатуев — 410
 Поташев — 405
 Потемкин В. П. — 180, 287
 Почернев — 406
 Прамнэк Э. К. — 69, 151, 156, 241, 313, 322
 Преображенский С. Е. — 196
 Прибылев — 387
 Примаков В. М. — 107, 108, 115, 117
 Прокофьев Г. Е. — 71, 91, 114, 115, 126,
 228
 Процветалов — 398
 Пузицкий С. В. — 69, 231
 Путь В. К. — 107, 108, 110, 115, 117
 Пятаков Ю. (Георгий) Л. — 71, 75, 78,
 93, 94, 97, 99–101, 113, 131, 192,
 363, 375, 377
 Пятницкий И. А. — 185, 186, 188

 Радек (Собельсон) К. Б. — 86, 93, 99,
 108, 182
 Радзивиловский А. П. — 125, 248, 250
 Разумов М. О. — 131, 133, 168, 200,
 202, 370
 Ранзо Э. — 70
 Раппопорт Г. Я. — 372, 373
 Раскольников Ф. Ф. — 5, 37, 182
 Расул-заде — 350
 Ратайчак С. А. — 46, 47, 165

- Ратник — 400
 Рахимбаев А. Р. — 344, 380, 397
 Рачков Н. М. — 330
 Реденс С. Ф. — 81, 239, 275, 284
 Редкин — 404
 Рейнгард Э. — 287
 Рейнгольд И. И. — 90
 Рейхман Л. И. — 317
 Ремов — 413
 Решетов И. Ф. — 128
 Риббентроп И. — 255
 Рыдз-Смиглы Э. — 29
 Рикс Э. М. — 403
 Ринк И. А. — 214, 226, 403
 Рогачев Б. В. — 402
 Рогинский Г. К. — 7, 15, 22, 48, 69, 286,
 290, 323, 330
 Родос Б. В. — 395
 Рождественский — 412
 Розанов А. Б. — 233, 234
 Розенберг М. И. — 183
 Розенгольц А. П. — 73, 74, 137–139
 Розин А. Г. — 394, 395
 Розит Д. П. — 103
 Розовский Н. С. — 330
 Романовский К. И. — 128
 Россов А. С. — 170
 Рохи В. Ю. — 194
 Рубинштейн — 391
 Рудзит А. К. — 210
 Рудзутак Я. Э. — 177, 178, 217, 225,
 344, 347, 400
 Рудь П. Г. — 237, 238, 372
 Рудый — 136, 404, 405
 Румянцев И. П. — 131, 133, 237, 370,
 390
 Рухимович М. Л. — 74, 164, 165, 177,
 393
 Рыков А. И. — 78, 93, 99, 101, 102, 131,
 132, 141, 143, 145, 169, 172, 177, 205,
 206, 232, 270, 336, 344, 346–353,
 355, 357, 358, 368–375, 380, 395, 396
 Рындин К. В. — 388, 389
 Рыскулов Т. Р. — 135, 143, 148–150,
 335, 342, 344, 360
 Рычков Н. М. — 247
 Рютин М. Н. — 921

 Сальнь Э. П. — 232, 268
 Самарин П. И. — 81
 Самойлов — 383, 384
 Сангурский М. В. — 194, 196, 201, 235
 Сандлер Л. И. — 394
 Саркисов С. А. — 102, 317
 Саров Д. И. — 70
 Сарымулдаев К. — 345, 351

 Сафаров Г. И. — 344
 Саханицкий К. М. — 164
 Свистунов И. З. — 402
 Седякин А. И. — 217, 399
 Селиверстов — 81
 Семенов Б. С. — 140, 153–155, 229
 Семушкин А. Д. — 98
 Сергазиев Ф. — 340
 Сергей — 412, 413
 Серебренников — 383
 Серебрянский А. Н. — 121
 Симочкин В. Я. — 250
 Скарбек-Шацкий Б. В. — 42, 43
 Славин И. Е. — 206, 402
 Слепков А. Н. — 100
 Слетова-Чернова А. Н. — 284
 Слуцкий А. А. — 121
 Смирнов — 133, 134, 161, 162, 192,
 321, 368, 369, 370, 374, 380, 387,
 398
 Смирнов Г. И. — 161
 Смирнов А. П. — 132, 134, 135, 374,
 380
 Смирнов П. А. — 191, 207
 Смушкевич Я. В. — 208
 Снегов А. В. — 153
 Соколов — 104, 105, 233
 Соколовская Е. — 139
 Сокольников Г. Я. — 93, 108, 114, 131,
 183, 344, 347, 375, 389
 Сокольский — 403
 Солодилов Ф. Г. — 384
 Солотов Ф. — 383
 Сороцкий Л. — 229
 Сосновский — 99, 128
 Сосновский (Добржин-
 ский) И. И. — 121, 123, 126, 232
 Спире Т. М. — 112
 Спиридонова М. А. — 283
 Стасевич — 389
 Степанов — 25, 211, 212
 Степанский И. С. — 363
 Степанцев — 400
 Степной-Спижарный К. И. — 399
 Столяр — 241, 273, 313, 393
 Столяр А. Я. — 241, 273, 313, 393
 Стомоняков Б. С. — 314
 Страгородский — 412
 Стриж Л. Т. — 165
 Строилов М. С. — 47, 97, 243
 Стромин А. Р. — 241
 Струппе П. И. — 370
 Ступин — 205
 Стуцка К. А. — 400
 Суботин — 401
 Субоцкий М. М. — 208

- Сулимов Д. Е. — 135, 144, 148, 368,
369, 377, 380, 395, 405
- Султанбеков — 352
- Султан-Галиев М. Х. — 150, 342
- Сухановский — 391
- Сухомлинов В. А. — 284
- Счастливец — 406, 407
- Сыркин — 388
- Сырцов С. И. — 152, 368, 369, 395
- Сычев — 410
- Тавашев — 352
- Таль М. — 86
- Танака — 383
- Татаринский В. С. — 165
- Татункин — 401
- Тверитинов А. А. — 96
- Тимонин — 395
- Тимофеев Е. М. — 283, 284
- Толжанов Г. — 345
- Толмачев В. Н. — 135
- Толмачев — 401, 403
- Толкачев Ф. А. — 199
- Толстов — 405
- Токоев С. — 103
- Томашкин Д. Д. — 59
- Томков. — 195
- Томский М. П. — 100, 131, 228, 270,
344, 247, 255, 268, 370, 372–377,
380, 395, 396
- Торчинский — 364
- Трахтер Б. С. — 317
- Третьяк И. Т. — 383
- Трилиссер (Москвин) М. А. — 185
- Триллиский А. А. — 156, 362–364, 366
- Троицкий — 398
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д. — 5,
10–12, 14, 46, 85, 86, 90, 91, 94, 98,
99, 107, 108, 11, 116, 117, 142, 155,
174, 175, 181–184, 186–188, 204,
221, 226, 228, 325, 326
- Тулупов — 359
- Туполев А. Н. — 71, 393
- Туровский С. А. — 107, 115
- Турок И. Д. — 47, 192
- Тухарели Г. А. — 113, 202
- Тухачевский М. Н. — 10, 12, 17, 114,
116–118, 130, 163, 181, 189, 191,
194, 197, 199, 200, 205–207, 224,
226, 228, 273, 289, 3773 396, 399
- Тыльман М. А. — 154
- Тюрябеков Д. — 150
- Тюрякулов Н. Т. — 351, 359
- Уборевич И. П. — 114, 116, 117, 198,
199, 204, 205, 215, 237
- Уваров 195
- Удланов Н. А. — 100, 110, 103, 103, 200,
206, 322, 355, 368, 370
- Ульмер В. А. — 297, 300, 311
- Ульрих В. В. — 118, 329, 331
- Уразбеков А. — 345
- Урицкий С. П. — 110, 119–121, 210,
222, 224, 225, 402
- Усанов — 389
- Успенский А. И. — 87, 97, 137, 174,
241, 243–245, 252, 279, 281, 284,
294, 311
- Ушаков-Ушмировский З. М. — 223,
239, 399
- Файмоввильль — 39, 40
- Федорченко — 215
- Федосов — 313
- Фельд — 401
- Федоров А. Ф. — 403
- Федько И. Ф. — 214, 226, 322
- Фельдман Б. М. — 115–118, 204, 210
- Фисенко — 189
- Филиппов — 238, 401
- Фирер — 398
- Фирин (Пупко) С. Г. — 69, 120, 231
- Фирсов Д. С. — 22, 194
- Фишман — 211, 212, 283
- Флоровский И. Д. — 194, 203
- Фомин Ф. А. — 153
- Формайстер — 133
- Фосс К. А. — 36
- Франко Ф. — 27, 46, 304
- Френкель А. — 270, 271, 310
- Фриновский М. П. — 50, 69, 129, 171,
194, 218, 219, 230, 241, 243, 246,
262, 267, 268, 272, 274, 282, 294,
297, 309, 311, 316, 321, 323, 391
- Фушман А. М. — 398
- Хавкин (Вальтер) — 187
- Хаджибаев — 342, 345, 348
- Хакимов — 345, 351, 359
- Халатов А. Б. — 135, 368–370, 376, 395
- Халепский И. А. — 399, 400, 402
- Халиков М. Д. — 344, 345
- Харитоненко Н. С. — 165
- Харнак А. — 30
- Хвыля А. А. — 156, 361–364, 366
- Хиросимо — 394
- Хитаров Р. М. — 388, 389
- Хлопянкин М. И. — 403, 404
- Ходжаев Н. — 337
- Ходжаев Т. — 337, 338
- Ходжаев Ф. Г. — 150, 337, 342–346,
348, 380, 358

- Ходжаев Ф. У. — 149
 Ходжаев — 149, 155, 175
 Ходжанов С. Х. — 150, 344, 351, 352, 358
 Хорев — 383
 Хорош — 409
 Хорош М. Л. — 190
 Хорошилкин Л. М. — 301
 Хронин В. Н. — 103
 Хрулев А. В. — 208, 321
 Хрушев Н. С. — 5, 9, 17, 68, 138, 311, 406, 407
 Худницкий — 195

Цветков С. П. — 109
 Церпенто — 172, 377, 395
 Цесарский В. Е. — 125, 198, 250, 253
 Цинис — 400

Чагар Б. А. — 155
 Чекановский — 412
 Чепель — 169
 Червяков А. Г. — 130, 147, 370, 373, 377, 396
 Чернов В. М. — 173, 284
 Чернобровкин — 204, 205
 Черкасский — 398
 Черток И. И. — 126
 Чивель — 199
 Чиковани А. В. — 406, 407
 Чобан-заде Б. В. — 345
 Чистов П. В. — 384–389
 Чубарь В. Я. — 51, 52, 86, 177, 178
 Чудов М. С. — 136, 208, 370, 371, 380
 Чухрит — 387

Шанин А. М. — 126
 Шапиро И. И. — 114, 168, 244, 246, 250, 279, 323, 407
 Шаповалов — 124
 Шапошников Б. М. — 117
 Шарангович В. Ф. — 147, 396
 Шатимор — 344, 345
 Шахматов — 383
 Шацкин Л. А. — 89
 Шварцман — 394
 Шейболдаев Б. П. — 96, 104, 130, 215, 237, 238, 261
 Шереметьев — 333

 Шестов А. А. — 97, 243
 Шипулин — 410
 Шкирятов М. Ф. — 104
 Шмидт В. В. — 368
 Шмидт Д. А. — 107, 108, 109, 115
 Шпигельглаз С. М. — 30, 37, 184
 Шпилевой — 362
 Шпилевский — 366
 Штейнбрюк — 119, 121
 Штиклинг — 47, 97
 Штраус — 403
 Шуваев — 404

 Эйдеман Р. П. — 114, 116, 117, 217, 218, 221, 225, 283, 392, 400
 Эйсмонт Н. Б. — 135, 371
 Эйсмонт-Толмачев — 92
 Эйхе Р. И. — 127, 146, 176–178, 262, 263, 333
 Элиава Ш. Э. — 99
 Эмм — 398
 Энвер-паша — 339
 Эпштейн — 152
 Эренбург И. Г. — 174
 Эрман Г. А. — 406, 407
 Эскин Н. А. — 262, 332–334
 Эфенди-заде — 350

Юсупов — 345
 Юрнев К. К. — 182

Ягода Г. Г. — 38, 39, 42, 43, 48, 51, 52, 57–59, 64, 69, 84, 87–91, 95, 105, 106, 114, 116, 119–130, 181, 220, 227–229, 231–234, 236, 237, 242–244, 246–249, 252, 258, 368, 370, 372–375, 377, 390
 Ярмухамедов — 340
 Ярославский Е. М. — 310
 Якиманский — 203
 Якир И. Э. — 114–117, 119, 127, 157, 189, 206, 207, 215, 222, 223, 225, 364, 365
 Яковенко В. Г. — 125
 Яковлев — 6, 33, 99, 108, 137, 139, 143, 145, 146, 201
 Якунин — 402
 Ямницкий М. С. — 403
 Яцевский — 364

Список сокращений

АБТВ – автобронетанковые войска
АБТУ – Автобронетанковое управление РККА
АН – Академия наук СССР
АОН – авиация особого назначения
АССР – автономная советская социалистическая республика
АХУ – административно-хозяйственное управление
АЧК – Азово-Черноморский край
БВО – Белорусский военный округ
БССР – Белорусская советская социалистическая республика
ВВС – военно-воздушные силы
ВВУЗ – высшие военные учебные заведения
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВПАТ – Военно-политическая академия имени Толмачева
ВАСХНИЛ – Всесоюзная сельскохозяйственная академия им. Ленина
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
Главалюминий – Главное управление алюминиевой промышленности
Главнефть – Главное управление нефтяной промышленности
Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути
Главуголь – Главное управление угольной промышленности
Главхимпром – Главное управление химической промышленности
Госплан – государственный плановый комитет
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности НКВД СССР
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГЭУ – Главное экономическое управление
ДТО – дорожно-транспортный отдел
ЗабВО – Забайкальский военный округ
ЗакВО – Закавказский военный округ
ИККИ – Исполнительный комитет коммунистического интернационала
ИНО – иностранный отдел
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КВЖД – Китайско-восточная железная дорога
КВО – Киевский военный округ
КП(б)Б – Коммунистическая партия большевиков Белоруссии
КП(б)У – Коммунистическая партия большевиков Украины
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПК – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)
КПП – Коммунистическая партия Польши
КРО – Контрразведывательный отдел ГУГБ НКВД СССР
КСК – Комиссия советского контроля
КУКС – Курсы усовершенствования командного состава
ЛВО – Ленинградский военный округ
МВО – Московский военный округ
МГБ – Министерство государственной безопасности
МТС – Машинно-тракторная станция
НИИ – Научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВод – Народный комиссариат водного транспорта
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли, внутренней торговли

НКЗ – Народный комиссариат земледелия
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НКОП – Наркомат оборонной промышленности
НКПС – Наркомат путей сообщения
НКлес – Народный комиссариат лесной промышленности
НКТП – Народный комиссариат тяжелой промышленности
НКОП – Народный комиссариат оборонной промышленности
НКФ – Народный комиссариат финансов
НТС – Научно-технический совет
Обком – областной комитет
Облсполком – областной исполнительный комитет
ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОКДВА – отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия
ОМС – отдел международных связей ИККИ
ОО – особый отдел ГУГБ НКВД СССР
Осовиахим – Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству в СССР.
ОРПО – отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б)
ПО – политический отдел
ПВО – противовоздушная оборона
ПОВ – Польская организация войсковая
ПриВО – Приволжский военный округ
ПУ – политическое управление
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабочее-крестьянская Красная армия
РОВС – Русский общевоинский союз
РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика
РУ, разведупр – разведывательное управление
САВО – Среднеазиатский военный округ
СибВО – Сибирский военный округ
СКВО – Северо-кавказский военный округ
СКО – строительно-квартирный отдел
СКУ – строительно-квартирное управление
СНК – Совет народных комиссаров
СС – служба связи ИККИ
СССР – Союз советских социалистических республик
СТО – Совет труда и обороны
ТКП – Трудовая крестьянская партия
ТО – транспортный отдел ГУГБ НКВД СССР
ТОФ – Тихоокеанский флот
УВСР – управление военно-строительных работ
УГБ – управление государственной безопасности
УНКВД – управление народного комиссариата внутренних дел
УПВО – управление пограничной и внутренней охраны
УрВО – Уральский военный округ
УССР – Украинская советская социалистическая республика
УШОСДОР – управление шоссейно-дорожного строительства НКВД
СССР
ХИМУ – военно-химическое управление РККА
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия

Содержание

Предисловие	5
Историография проблем	8
Глава 1. От репрессивной политики к массовому террору	26
Глава 2. Основные направления массовых репрессий	130
Приложение	329
Указатель имен	419
Список сокращений	429

Научное издание
История сталинизма

Хаустов Владимир, Самуэльсон Леннарт
Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.

Редактор *В. Т. Веденева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Компьютерная верстка *С. А. Хромцев*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Корректор *Р. И. Кочнева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.11.2009.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1914.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

СТАЛИН, НКВД И РЕПРЕССИИ 1936–1938 гг.

Владимир Хаустов —

(родился в 1948 г.) — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры истории Академии ФСБ России.

Занимается проблемами истории органов безопасности в предвоенные годы.

Автор монографического исследования «Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР 1934–1941 гг.» (1997).

В течение 2003–2007 гг. в соавторстве подготовил 4-х томный сборник документов «Лубянка. Сталин и органы государственной безопасности», охватывающий период с 1922 по 1953 гг.

Является автором раздела в соавторской монографии «Государственная безопасность России: история и современность» (2004).

Ленарт Самуэльсон —

(родился в 1948 г.) — доктор исторических наук,

преподаёт в Стокгольмской Высшей школе экономики (Швеция).

С начала 1990-х годов проводит исследования в российских архивах по истории индустриализации и оборонно-промышленного комплекса.

Среди его публикаций следует выделить «Красный колосс. Сталинизм советского военно-промышленного комплекса: 1925–1941» (1996);

«ГУЛАГ и «шарашки». Сталинские концентрационные лагеря

и СпецКБ для заключенных» (2005); «Тверьград. История закрытого города России, 1917–1953» (2007) и др.

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

